

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Аронов Ефим Ильич

Семейная хроника

Каждый человек задает себе вопрос - с какого времени он помнит себя. Детство - понятие емкое и охватывает не один год. Восприятие и воспоминания этого периода индивидуальны. Образы, события детства остаются на всю жизнь и нередко в критические моменты образы эти столь ярко всплывают в памяти, заслоняя многое, что происходило совсем недавно.

Помню себя ребенком примерно четырехлетнего возраста. Это было осмысливание, пусть весьма примитивное, но я уже понимал по-своему окружающий мир, родителей, братьев, сестер.

Часто многие из нас уверены или убеждают себя, что помнят все с трех- и даже двухлетнего возраста и рассказывают действительные случаи, эпизоды, факты. В этом можно усомниться. Происходит это вследствие услышанного позже от взрослых и ассоциированного мышления.

Помню себя, стоящего перед столом, пытаюсь что-то стянуть, опрокидываю какой-то предмет на себя, треск разбитой чашки. На лицо выплескивается горячий чай, я ору и вдобавок получаю солидный шлепок в положенное место. Небольшой стресс, связанный с болью и собственным ревом, не мог не запомниться и с этого случая, считаю, что стал запоминать свое раннее детство.

Я родился 29 августа 1921 года в семье служащих. Отец работал в речном порту, мать - акушерка. Шел к исходу 1921 год, тревожное время, хотя закончилась гражданская война, но было беспокойно. Со слов матери, я родился крепким ребенком с большим весом и все время орал, требуя есть. Время голодное и грудью меня вскармливала мать всего 3 месяца. Никто не верит, что уже в том возрасте меня прикармливали картофелем, тертой свеклой, фасолью, хлебным мякишем, благо молока нехватало и оно стоило дорого. Сохранилась фотография в возрасте 1 года, где я сижу, привязанный к креслу, и мои кривые ноги (рогачиком), соединяясь стопами, образуют колесо. Тяжелый рахит. Аппетит у меня был отменный, и я все время был голоден, хотел есть. Я родился вторым ребенком в семье. Моя старшая сестра Сима, на два года старше меня, родилась хилым, ослабленным ребенком: и часто хворала. Младший брат Борис родился в 1925 году и здоровьем не блистал. Когда все подросли, самым крепким и здоровым оказался я.

У меня были еще сводные братья и сестры. Отец до женитьбы на моей матери был дважды женат. От первой жены имел 3-х сыновей и две дочери, после смерти жены от второго брака родились сын и дочь: Лева и Лиза, Это были мои единокровные братья и сестры. Сима, я и Борис - единокровные и единокровные.

Брак моей матери с отцом для нее был вторым, первого ее мужа убили во время погрома в Екатеринославле в 1905 г. После его смерти в 1906 г. родился ее первенец, наш единокровный брат Иосиф, которого мы очень любили и было за что. О нем расскажу позже.

Старших сыновей мы не знали. Со слов отца, они погибли на фронтах первой империалистической войны, так как были призваны в царскую армию. Сестер Фаину и Сарру знали и любили, так как в дальнейшем они сыграли большую роль в нашей жизни. Особенно мы были привязаны к Лизе и Лева. Считаю их влияние на нашу жизнь, учебу, развиту и воспитание очень важным.

Мы жили довольно бедно, но дружно, друг другу помогали, поддерживали, делились всем, редко ссорились, не жадничали. Старшие помогали младшим, младшие - маленьким. Мы знали цену хлебу, как он достается, каждой паре башмаков, скромной одежке, которая за выростом передавалась от старших младшим.

Помню, никто сам не съедал гостинца, обязательно делился. В доме царил дух единства, любви и уважения к родителям и людям старшего возраста. Особенно сильно и пылко мы любили мать, женщину очень добрую, мягкую, веселого и неунывающего характера, обладавшую хорошим юмором и остроумную. Никак не могу понять, как она решилась пойти за вдовца с детьми, что ее заставило с 13-летним сыном уехать из Екатеринославля в Гомель, в смутное тревожное время.

В 1919 году, когда мать была беременна, в городе было неспокойно: бандитизм, грабежи, на поверхность всплыли все остатки разгромленных банд, ушла в подполье контрреволюция. Среди бела дня, когда отец с матерью шли по улице, к ним подошел неизвестный мужчина и попросил у них хлеба. Весьма странная просьба - на улице. Отец ответил - с собой его нет, а если уж он так голоден, пусть пойдет с ними, они ему вынесут из дома. Неизвестный выхватил наган и выстрелил в отца, но промахнулся, между ними завязалась борьба и прежде, чем отец вышиб из рук бандита револьвер, тот успел выстрелить в отца. Мать подняла крик, стала звать на помощь, бандит убежал, оставив на тротуаре револьвер. Отец упал, пуля попала и застряла в левом легком. Сбежались люда, отца отвезли в больницу. Так с этой пулей он прожил до самой смерти.

Отец был верующим, человеком религиозным, но не фанатиком и ханжой. Имея небольшое образование - 2 или 3 класса реального училища, был человеком образованным, много читал, обладал абсолютным слухом и мог подбирать мелодии на многих инструментах. Это был самоучка и до многого доходил своим умом. Ему пришлось прослужить в царской армии несколько лет и по жребью был уволен в запас. Как рассказывал отец, в те времена, это были семидесятые года, существовал обычай жеребьевки. На роту, примерно 150-200 солдат, разыгрывался увольнительный билет и счастливчик досрочно отпускался домой. Отец много и занятно рассказывал и своей службе - системе строгой муштры ж палочной дисциплины, системе "дядек" - наставников новобранцев, о грозных унтерах и особенно о фельдфебеле роты - грозе всех служивых. Отец был очень интересным рассказчиком, знал много всяких историй, из собственной жизни и большого количества прочитанных книг. Помню сказку о Бове Королевиче, тайны пещеры Эдельвейс, об Иванушке дурачке и его братьях и, как мне кажется, много сам импровизировал. Мы, дети, слушали, разинув рты, и мысленно улетали в далекие края, за тридевять земель, моря, леса и горы. Слушать отца было для нас большой радостью, но и было это нечасто.

Физически отец был крепыш, хорошо плавал, был сильным и, как считали знавшие его, человеком мужественным. С матерью они жили в дружбе и согласии. Мы не слышали, чтобы они когда-нибудь при нас, детях, спорили или ругались. Достаток в семье был весьма скромным. Мое детство совпало с началом НЭП'а и уже в 1924-1925 гг. частная торговля была в расцвете, в лавчонках и магазинах было все, что угодно. Денежный курс червонца был обеспечен золотом. Смутно помню слова матери после прихода с базара, произносившую часто слово "дороговизна", которое я никак не мог понять и осмыслить его значение. Она говорила: "Подумайте, фунт говядины стоит 11 копеек". Тогда не было еще меры веса, как грамм, килограмм и др. Фунт рыбы - 6 коп., крупный мороженный лещ - 16-20 коп., мерка картофеля - 50

коп. (мерка - 40 фунтов - 1 пуд), фунт хлеба черного - 3-4 коп, белого - 6-8. Последний ели очень редко. Семья тратила на питание в день не больше 1 рубля.

Из памяти детства мне особенно запомнился наш стол, большой, длинный, дубовый, из красного дерева, большой медный самовар со многими медалями. Он всегда сверкал, а по утрам приятно шипел, создавая какой-то особый уют. По семейной традиции за стол должны были садиться завтракать или обедать все вместе, одновременно. Во главе стола восседал отец и никто без него не начинал есть. Разговаривать во время еды не разрешалось, чмокать, сопеть, ковыряться в зубах пресекалось. Я частенько получал подзатыльники, так как был непоседа и любил болтать. Правила поведения нам прививали с детства и воспитывались мы на примерах и поведении родителей, старших сестер и братьев.

Пишу свои воспоминания детства и в памяти всплывают давно забытые образы людей, которых уже давно нет в живых, события, традиции, канувшие в лету.

В те времена на дом приходили и приносили всякую снедь, торговки бубликами, горячими блинами из гречневой муки, в бидонах очень вкусное молоко. Разве можно забыть румяные, свежие, хрустящие бублики, а гречневые блины со шкварками? Правда, все стоило довольно дорого, но изредка и нас баловали.

Деньги в моем представлении имели магическую силу, и я представлял их значение не в номинале, а количестве монет. Горсть монет в моем представлении имела преимущество перед бумажным червонцем, а серебряный рубль или полтинник своим изображением рабочего, бьющего молотом по наковальне, - пределом красоты и изящества. Деньги в руках дети не держали и в доме о них при детях особенно много не говорили, но объясняли, что за ними большой труд и их зарабатывают, как говорили, потом и кровью, что я тоже не понимал и рисовал в своем воображении путанные и страшные картины. Помню полкопейки или грош, как его называли.

Отец зарабатывал мало, в смутное и тревожное время, рождаемость была очень низкой и мама, закончившая в свое время школу повивальных бабок (акушеров), как частно практикующая акушерка, не имела работы. Это было время всеобщей безработицы, страна только-только выходила из разрухи и многие не имели работы.

Мать рассказывала одно интересное событие в своей частнопрактикующей работе. Оно мне врезалось в память как детектив.

Был 1923 год, мне было около двух лет. Это был особенно трудный год, жили впроголодь, работы не было, продавали на барахолке всякие домашние вещи, одежду и т.п.

Однажды ночью к нам постучали в окно и попросили выйти акушерку Полину Наумовну. Мать и отец оба вышли во двор. Около крыльца стояли двое мужчин, прилично одетых и в шлемах, низко надвинутых на лоб, подробно разглядеть лица было нельзя. Они просили мать взять все необходимое и поехать оказать помощь роженице.

Мать быстро собралась и вышла с неизвестными на улицу, где стоял извозчик (фаэтон) с поднятым верхом. Отец хотел спросить, далеко ли ехать, но извозчик тронулся, а один из мужчин сказал отцу: "Не беспокойтесь, если ваша жена задержится". С тем и уехали. На следующий день мать не вернулась, но так бывало иногда, когда приходилось принимать роды в домашних условиях, тем более у первородящих. Но мать не вернулась и через два дня. Отец очень беспокоился и был в тревоге.

Вернулась мать только на седьмой день и рассказала следующее:

Проехали через весь город, где-то остановились и к матери обратился один из мужчин, вероятно, старший, со следующими словами: "Сейчас мы завяжем вам глаза и поедem к роженице. Не пугайтесь. Ничего дурного мы вам не сделаем. Нам необходимо сохранить инкогнито нашего местопребывания". Сказано - сделано. Ехали еще минут 15-20 и» наконец, приехали.

Под руку мать провели в дом, сняли повязку и мать увидела, что находится в большой, просторной комнате, где много дорогих, богатых вещей, ковров, антикварных предметов, часов, скульптурных фигур. Из спальни были слышны крик и стоны роженицы. Осмотрев женщину, мать убедилась, что роды тяжелые, сложное предложение. Необходим врач, о чем она заявила мужчинам. В доме оказались еще люди, в том числе две средних лет женщины.

Высокий, красивый молодой человек, по всей вероятности, муж роженицы заявил маме: "Почтеннейшая, о враче не может быть и речи, справьтесь сами. Отвечаете головой за жизнь моей жены. Если она умрет, вы тоже отсюда не уйдете. Все будет хорошо - озолотим",

Мать была женщиной не робкого десятка и не даром слыла в городе опытной акушеркой. Авторитет ее был очень высок. Ведь не зря "неизвестные" выбрали ее, хотя в городе было не меньше других опытных акушеров.

Роды были очень тяжелы и только на вторые сутки женщина разродилась, хорошо, нормальным мальчиком. Все было сделано по всем правилам, хотя порой приходилось весьма трудно.

Шел третий день ее пребывания в этой малине (притоне, воровском гнезде), и она хотела уехать, но ее не пустили и прямо приказали "не рыпаться". Маме отвели небольшую комнатенку, хотя она большую часть времени находилась около родильницы, внешне очень милой и красивой женщины. Все было окутано туманом, тайной этого загадочного дома. Кормили вкусно, обильно и хорошо, но, как мать рассказывала, кусок застревал в горле при мысли, что дома волнуются, нервничают и ее разыскивают. На седьмой день мать отпустили. В полночь ее тем же способом, как и привезли на извозчике, долго петляя по улицам, высадили недалеко от дома, поблагодарили, сказали, что деньги вложили в акушерскую сумку, предупредили держать язык за зубами я уехали.

Где-то в первом часу мать пришла домой и расплакалась. Никто из детей и отец не спали, В саквояже лежало 10 червонцев -100 рублей золотом, неслыханное для того времени богатство. Обычно за роды платили 5-10 рублей. С бедняков мама частенько платы не брала, слыла добрым, бескорыстным человеком.

На заработанные ценой страха деньги решили купить корову. Держать буренку в городе, пусть даже провинциальном, непросто. У нас был деревянный сарай, куда ее поместили, и мы, дети, бегали в хлев, чтобы ее погладить, дать кусок хлеба, посыпанного солью, и это было для нас большой радостью. Возникло немало сложностей с кормом, сеном, дойкой и пр. и, в конце концов, из-за недостатка кормов она стала худеть и ее продали. Много позже было разговоров о несостоявшихся хозяевах скотины. Родители, да и соседи посмеивались, шутили, а мы, малыши, плакали, когда "Маньку", как мы ее окрестили, вводили со двора.

Мама была энергичной, деятельной женщиной. В самые трудные дни, когда было голодно и холодно, она всегда находила какой-то выход: выполняла какие-то надомные работы, шила, кроила и перекраивала. Вовлекала нас, детей, в трудовое

участие, пусть даже самое маленькое, развивала между нами дух соревнования, кто лучше, быстрее и больше сделает.

Могу с уверенностью сказать - наше воспитание прошло через опосредование трудом, все, что мы получали, мы понимали - главное: во всем лежит труд, работа, обязательно личное участие.

Мы снимали половину деревянного дома и платили хозяину ежемесячно квартплату. Квартира состояла из четырех комнат. Столовая, спальня и две небольшие комнаты. Кухня с большой русской печью, на которой могли поместиться все дети. Дом стоял в глубине двора, был фруктовый сад, принадлежавший хозяину. На ночь окна закрывались ставнями с железными прогонами, а, изнутри фиксировались специальными металлическими затворками.

Родители распределили между нами обязанности по уборке и содержанию квартиры. Сестра подметала и мыла полы, я закрывал и открывал ставни. Дом отапливался печью и голландками, контрмарками (грубами) - чисто местное название. В мою обязанность входило в холодное время года приносить из сарая дрова. Таскал по 2-3 поленца, пока полностью не обеспечивал необходимое количество. Носил из колонки воду, для чего для меня приобрели 2 небольших ведерка.

Во дворе был небольшой огород - 3 метра в ширину и 10 - в длину. Отец разбил его на 3 грядки, закрепил за каждым, вскапывал, разгребал, делал межи, мы вместе сажали, поливали, пололи, каждый старался, чтобы его грядка была лучше, красивее ухожена. Это было первое наше приобщение к земле, общение, как говорится, с природой,

Выращивали всякую мелочь: лук, редиску, морковь, укроп и обязательно по краям кукурузу и подсолнухи. Урожай собирали мизерный, но с какой гордостью. Мы воспринимали - это наш труд, это мы вырастили.

Нас приучали к аккуратности, опрятности, чистоте. Много навыков прививалось с трудом. Мы были дети, как дети, порой с ленцой, порой с нежеланием. Но велика сила привычки, умелый подход, убеждение - формируют характер.

Нашим воспитанием больше занималась мать. Мы ее не только сильно любили, мы ее боготворили. Мама была высокого роста, блондинка, волосы в крупных кудрях - в общем типичная русская женщина. Через много лет, когда ее уже не было в живых, я стал интересоваться генеалогической родословной своих предков, узнал много интересного. Мать родилась в Екатеринославле, в многодетной еврейской семье. Отец, мой дед, работал на мельнице, слыл специалистом своего дела. Мать, бабушка - домашняя хозяйка. Как мне рассказала перед смертью моя тетка, умершая в возрасте 82 лет, давно, где-то в начале XIX века прадед - дед моей матери, красивый, высокий юноша познакомился с русской девушкой, дочерью генерала русской армии. Молодые люди пылко полюбили друг друга, что было неслыханным преступлением по религиозным, национальным и социальным канонам того времени.

Девушку прокляли и изгнали из семьи, она ушла от родителей в чем была и с любимым уехали далеко-далеко. В доме родителей прадеда были в ужасе и дали согласие на брак с условием, что невеста примет иудейскую (еврейскую) веру. Так она и поступила.

Много говорят о чистоте крови, чисто русской, еврейской или какой-либо другой национальности. Все это вздор и чистейшей воды расовые амбиции. Не бывает чистых линий. Человечество, общаясь, не могло замкнуться в узких рамках своей, какой-то национальности. Смешивались браки, пусть даже редко, но какой-то ген,

пусть даже в отдаленном колене, - проявлял себя какими-то наследственными признаками.

А 300 лет татаро-монгольского ига разве не оставили своих следов? Говорили, что моя бабушка со стороны матери, была красавицей, прожила 96 лет. Моя мать по облику была типичной русской женщиной, хотя считала себя еврейкой.

Я очень похож на мать. Служил я в казачьей части, был неплохим кавалеристом и, когда я говорил, что я еврей, надо мной настоящие казаки смеялись, считали шуткой. Я был выше среднего роста, огромный белобрысый чуб выбивался из-под кубанки, неплохо владел конем, единственный из медиков полка и даже дивизии участвовал во всех конноспортивных состязаниях, конкуриппике, "цыганской свадьбе" - это такая конноспортивная игра, одним словом, не отставал от своих однополчан. Добиться этого мне стоило немалых усилий, пота и, в буквальном смысле, крови, когда попал в кавалерию и овладевал конной подготовкой. Я никогда не садился на повозку или сани, все рейды по тылам противника и похода провел в седле. Это была хорошая и крепкая закалка.

Мама умерла в возрасте 87 лет. Много воды утекло с тех пор, а для меня она до сих пор живая. Не проходит дня, чтобы я не вспоминал мать, ее шутки, поговорки, сравнения и мудрость человека, прожившего большую, трудную жизнь. Умерла 27 октября 1967 года.

Старые люди как-то особо чувствуют приближение смерти. Это внутреннее чувство не поддается какому-то контролю, осмысливанию, оно подспудно, интуитивно. В старое время верующие стремились исповедоваться, спешили, боялись не успеть. Мне кажется, морально это действовало угнетающе и ускоряло кончину.

В 1932 году отец тяжело заболел, рак пищевода. Ездил в Москву, где его смотрел известный хирург, поставивший точный диагноз. В течение двух лет медленно и неуклонно угасала его жизнь. Человеком, он был мужественным и до последних дней был на ногах. Он слабел, худел и под конец превратился в скелет, обтянутый кожей, но голова оставалась светлой, ясной. Фактически это была смерть от голода.

26 августа 1934 г. он уже не в силах был подняться, все время лежал. В ночь с 28 на 29, когда мы с мамой дежурили у его постели, в 6-м часу утра, он подозвал меня к себе и сказал следующее: "Сынок, я умираю, ты остаешься в семье, как старший, сегодня тебе исполнилось 13 лет, а это по нашим законам совершеннолетие. Завещаю тебе беречь мать, помогать ей во всем. Сима девочка слабенькая, хотя и старше тебя. Борис еще совсем малыш. Будь во всем мужчиной. Будь в жизни во всем честен, учись, ты способен, дружите и помогайте друг другу". Я заплакал, слезы душили, я не мог говорить, в горле застрял комок, который я не мог проглотить.

- Пойди к соседу Борису Боброву и попроси его зайти ко мне, позови мать.

Я разбудил маму, она подошла к нему, склонилась над ним, и он стал ей что-то говорить очень тихим, почтя шепотом, голосом. Я побелел за соседом. Бобров был каким-то служкой в синагоге и исповедовал отца.

Когда он ушел, отец попросил переодеть его во все чистое, свежее белье, что я легко выполнил, так как мне не стоило больших трудов легко его поднять и поверачивать.

В это время приехал муж его сестры, но отец уже отходил: вытянулся, по телу прошла судорога, из глаз покатила одна единственная слеза и наступил конец.

Мать рыдала, я плакал и старался ее успокоить.

Шурин закрыл ему глаза.

Так ушел из жизни мой отец, настрадавшись мук и голода в течение двух долгих лет.

Пишу воспоминания, когда я уже старше его лет, когда он умер и, хотя прошло много лет - больше полвека, не могу забыть того трагического дня.

Вернусь к дням моего раннего детства. Оно ассоциируется с образом моих братьев Иосифа, Левы ж сестры Лизы, так как их влияние на мое мировоззрение, если его можно так назвать, было очень велико.

Иосиф, мы его ласково называли Ёж, мой единоутробный брат, как я уже писал, родился в 1906 г. В 1905 году в Екатеринославле был погром, инспирированный царской властью. Отец Иосифа был каретным мастером и женился на матери в том зловещем году. Когда начался погром, а мать была беременна, отец попросил знакомого священника спрятать мать и ее сестер, а сам ушел в отряд самообороны. Благодаря благородству священника мать и ее сестры были спасены, а муж погиб, в неравной схватке был зверски убит.

Иосиф родился будучи сиротой, не зная отца. Тяжелая была жизнь у матери, вдовы с ребенком на руках, без профессии и необходимой материальной поддержки. Когда сыну исполнился год, мать поступила на курсы повивальных бабок (акушерок) при какой-то церковной общине, которую возглавлял профессор Гербильский. Два года учебы и она аттестованная дипломированная акушерка с патентом, правом заниматься при отсутствии постоянной работы частной практикой. Несколько лет работала в родильном доме, прирабатывала частной практикой, в то время в основном рожали на дому, растила и воспитывала сына.

Иосиф рос смышленным мальчиком, хорошо учился в подготовительном классе и первых классах гимназии. Когда началась первая мировая война, мама много работала в госпиталях, ухаживала за ранеными, часто отсутствовала и сын оставался с тетками. Мальчик рос без отца, тяжело переживал его отсутствие, зная из рассказов близких, как он погиб, и это наложило определенный отпечаток на его характер. Он рос не по годам серьезным мальчишкой. С детских лет его отличало трудолюбие, обязательность, серьезное отношение ко всему, что приходилось выполнять. От матери он унаследовал доброту, стремление чем-то помочь, когда его просили. Был трудолюбив и усидчив, упрям и легко раним, если чувствовал ложь, фальшь, лицемерие.

В 1918 году мать сосватала за моего отца с двумя детьми 11 и 8 лет и старшей дочерью от первого брака, которая вскоре уехала в Москву к своей старшей сестре. Не пойму, что толкнуло мать на брак со вдовцом да еще с двумя детьми.

Итак, в 1918 году мать с Иосифом, которому было неполных 13 лет, переехала из Екатеринославля в Гомель. Шла гражданская война и молодая советская республика, разгромив внешних врагов, в трудных условиях, в борьбе с внутренней контрреволюцией делала свои первые шаги по мирному восстановлению страны. Первейшей заботой была забота о детях. Города были наводнены сиротами и беспризорниками, детьми тяжелой судьбы, причиной которой были война, разруха, голод со всеми ее последствиями.

Организовывались детские дома, приюты, коммуны и т.п. учреждения. В Гомеле была организована трудовая коммуна для детей, оставшихся без родителей, или таких, которые уходили от отцов и матерей с желанием жить по-новому, порвать с мещанскими предрассудками прошлого, учиться, стать строителями новой жизни. Жизнь коммуны строилась на трудовом воспитании в сочетании с учебой по новой

школьной программе. Царил дух труда, товарищества и взаимопомощи. Коммуны имели земельные участки, на которых выращивались овощи, мастерские и другие формы труда. В коммуны вступали энтузиасты. Принимали не всех. Прием новичка обсуждался всей коммуной.

Возглавлял коммуны замечательный русский педагог Иосиф Хрисанфович Боборыкин и такие прекрасные педагоги, как Вера Васильевна Валабушевич, Петр Михайлович Кияновский, Афанасьева, Запольская Нина Лазаревна...

Иосиф, не желая быть в тягость матери, ушел в коммуны. Это было в канун 1918 года. Сколько энтузиазма, трудолюбия, инициативы проявляли члены коммуны. Уважение к педагогам и высокая трудовая дисциплина, умение преодолевать трудности, оптимизм, вера в светлое будущее исключали какие-либо аморальные проявления, хотя и были случаи исключения из коммуны. Это было время, когда царил дух коммунистического сознания. Ребята умели трудиться и отдыхать. Знали и пели много революционных песен, а вечерами распевали "... ты, картошка, друг наш верный..." и много других.

Брат особенно любил возиться на огородах, любил крепко, что и стало его будущей профессией. После окончания сельскохозяйственного техникума в г. Новозыбкове он стал опытным агрономом и через всю свою долгую жизнь пронес любовь к этой профессии, равно как и любовь к природе и всему живому на земле.

В 1928 году служил действительную службу в Красной Армии, демобилизован в звании ком. взвода артиллерийской батареи. Работал в Жаворонках Московской области на сельскохозяйственной опытной селекционной станции, закончил Петровскую Академию (сельскохозяйственная академия им. Тимирязева). Работал в Народном комиссариате сельского хозяйства РСФСР, Министерстве сельского хозяйства.

В 1941 г. за месяц до начала Великой отечественной войны был призван на переподготовку и в 1941 г. с самого начала до конца войны, как говорится, от звонка до звонка, воевал на разных фронтах, пройдя путь от командира взвода, командира батареи, дивизиона, комполка, нач. оперативного отдела и начштаба зенитно-артиллерийской дивизии. Итак, от Сталинграда до Берлина через горнила Великой отечественной войны. Ратный труд его отмечен многими боевыми наградами и большим уважением солдат, офицеров и генералов однополчан. Умер 76 лет в Москве в 1982 г.

Он был всегда для меня идеалом человека, гражданина, коммуниста, был моей совестью, по которой я соизмерял свое жизненное кредо.

Он любил землю, ценил труд людей и самым любимым для него был хлеб. Он был скромным и неприхотливым в еде и всегда повторял: "Больше всего люблю хлеб".

Старшая сестра от первого брака отца - Сарра не соглашалась с отцовским домостроением и уехала к Фаине - старшей сестре в Москву. Работала и училась, стала инженером-экономистом, в 1936-1938 гг., когда я учился в Ленинграде, помогала мне на первых порах, поддерживала морально. В 1949 году умерла.

От второго брака у отца было двое детей - Лиза и Лева. Елизавета была маленького роста, хорошо сложена и отличалась очень острым умом, сообразительностью и не по годам развитым чувством доброты. Единственным недостатком было ее слабое здоровье. Мама ее называла цыпленком.

Лиза была нашей второй матерью и доля ее в нашем воспитании очень велика. Когда мама пришла в дом к отцу, взору ее предстали двое маленьких сирот, молчаливых, скромных, угнетенных после смерти матери, не ухоженных и боявшихся отца.

Мне рассказывали родственники, что мама относилась к ним очень внимательно, душевно, далее лучше, чем к своим детям. Когда появились на свет мы, я и Сима, она всем объясняла: "Мои имеют отца и мать, а они сироты". Позже, когда мы стали понимать окружающий нас семейный мир, мы не знали различия в родстве, были все равны и никогда не делили, кто есть кто в смысле родственных барьеров. Все были единой, дружной семьей. Мы только вначале не понимали, почему они называли маму тётей?! Несмотря на то, что отец настаивал называть ее мамой, они продолжали называть тётей.

Как я позже узнал, сама мама, женщина очень чуткая и тактичная, понимая, что они хорошо помнили свою мать и умерла она, когда дети все понимали, объяснила им, что мать бывает в жизни одна, единственная и они никогда не должны ее забывать и как бы они ее ни называли, они ей так же дороги, как собственные дети. Маму они боготворили, искренне любили, намного больше, чем родного отца, и любовь эту пронесли через всю жизнь!

Лиза часто болела, и мама сильно переживала за ее здоровье. В 1928 году, это я хорошо помню, у Лизы был обнаружен туберкулез почки и жизнь ее оказалась, в опасности. Старшая сестра Фаина забрала ее в Москву, где профессор Франштейн - светило того времени - удалил ей пораженную почку, и так она прожила всю жизнь с одной почкой.

В жизни ей не везло, В 1954 году она впервые в возрасте 45 лет вышла замуж, очень любила детей, но, к сожалению, их не имела. Всю свою любовь она дарила нам, нашим детям, племянникам и их детям.

В жизни перенесла насколько операций, при одной почке и целом букете заболеваний не падала духом, была оптимистом, для каждого находила теплое слово в трудную минуту жизни.

Слабенькая физически, неизменно проявляла большое мужество и выдержку, никогда не хныкала, не жаловалась и тихо, незаметно 31 мая 1984 года умерла.

Она была хранительницей нашей семейной хроники, как бы историком, летописцем, знала много случаев, смешных, веселых, печальных и радостных событий. Хранила фотографии, письма, в том числе несколько моих фронтовых треугольников, которые берегла и передала мне. Она была воплощением доброты, и мама ее прозвала ангелом добродетели.

Лева рос серьезным замкнутым мальчиком, много читал и с раннего возраста любил рисовать. Он был талантлив, и в дальнейшем это призвание стало его профессией.

Тридцатые годы были временем психологической ломки молодого поколения. Революция совершила переворот в сознании молодежи, которая стремилась к учебе, к новой жизни, работе, стремилась строить новую жизнь и вырваться из мещанского плена, деревенского и местечкового идиотизма.

В религиозных семьях назревали конфликты между родителями и детьми. С одной стороны, церковь стремилась удержать молодежь, с другой, - комсомол, пионеры - звали к новой жизни.

Молодая советская республика делала все возможное для молодого поколения, видя в нем главную и основную силу будущего социалистического общества.

Лева уходил из дому на берег реки или в лес, рисовал главным образом пейзажи, природу и его рисунками заинтересовались школьные педагоги, советуя учиться, поступить в художественную школу и развивать свой талант.

У отца были свои взгляды на жизнь, мерки и критерии, он считал, что художник - это не профессия, надо заняться чем-то более серьезным и существенным. Старший брат Иосиф, который очень любил Леву и дружил с ним, общался, когда приезжал домой, горячо поддерживал его стремление к учебе,

В этот период они были "идеалистами", какое-то время были толстовцами, исповедывали "голубую жизнь", непотворение злу, стали вегетарианцами. Правда, вскоре они отошли от всего этого. Это было время становления и многие прошли через подобные увлечения. Надо было найти себя, утвердиться в своем положении, как личность.

Лева поделился, что, вопреки желанию отца, он хочет уехать в Ленинград и поступить в Художественное училище. Мама горячо поддерживала стремление к учебе, и на этой почве у нее с отцом были разногласия. Уехал Лева в 1925 году, так и не получив согласия отца.

В Ленинграде он прошел по конкурсу в Ленинградский художественно-промышленный техникум (бывшее Училище поощрения художеств), который успешно окончил в 1930 году. Вместе с ним учились - Балашова, Вучетич.

О годах учебы он рассказывал очень скупно. Известно, что жил впроголодь, очень нуждался, много занимался, хорошо успевал, за что получал небольшую стипендию. Очень скромно, по мере своих сил, помогала сестра Сарра. Чтобы как-то прожить и иметь возможность закончить училище, он давал уроки, выполнял поденные подработки. В своих работах он умел средствами живописи просто и непретенциозно раскрыть богатство человеческих чувств, волнений, переживаний.

Работы его вызывают отклик в сердце и обогащают зрителя возвышенным чувством общения с искусством. Он никогда не гнался за поверхностным изображением, внешней красотью, по-настоящему понимая законы подлинной живописи.

Человек по своей природе мягкий, скромный, деликатный, он был тверд в отстаивании своих принципов и убеждении. Весь его творческий путь - это борьба за высокую правду искусства, неприятие всякой фальши, в какие бы одежды она нерядилась.

Так писал о нем в Каталоге к посмертной выставке в ноябре 1973 года в выставочном зале на ул. Горького в Москве критик М. Киселев.

За свою творческую жизнь Лев Ильич написал много картин, особенно пейзажей. Он очень любил русскую природу, и вообще не было такого жанра в живописи, к которому он бы не обращался. Это были и тематические картины, натюрморты, портреты, пейзажи, но не только в живописи раскрылось его своеобразное дарование.

Сравнительно поздно он увлекся такими видами графики, как линогравюра, монотипия и литография. И здесь сказал он свое слово, сказал ярко, интересно.

Мне он говорил, что считает своими учителями таких мастеров, как Бакшеев, Сварог, Борисов-Мусатов. В графике - академик Фаворский.

Он участвовал в многочисленных выставках, его картины находятся во многих музеях и коллекциях, не только в Советском Союзе, но и во многих зарубежных музеях.

Он жил скромно, собрал большую библиотеку художественной литературы и по изобразительному искусству.

Последние годы много путешествовал, был во многих странах: Италии, Голландии, Бельгии, Германии, Англии, Австрии, Японии, Тунисе и многих, многих других. Посещение всемирно известных галерей и коллекций обогащало его как мастера. Его не интересовали вещи, он был чужд накопительству.

Его считали знатоком иконописи, памятников старины - церквей, соборов, часовен, он был членом комитета по охране памятников и имел свою точку зрения на их сохранение (реставрацию или сохранение в том виде, как они есть).

В конце 1968 года он был организатором выставки памятников и других видов искусства старины: картин, моделей, фрагментов, фресок и т.п. в Крутицком подворье (монастыре). Из своих работ он выставил только две: "Таруса" и могила художника Борисова-Мусатова. Выставка имела большой успех, было много посетителей из числа иностранцев и ее почему-то вскоре прикрыли, якобы из соображений противопожарной безопасности...

Он прожил большую трудовую жизнь, много работал и совсем мало отдыхал. Только последние годы жизни он смог выбраться из постоянной нужды.

В 1931-1932 году он познакомился с Валентиной Ивановной Александровой - старшей дочерью академика Ивана Гавриловича Александра, известного ученого.

Она стала его женой, с ней он прожил лет в согласии и глубоком взаимном уважении.

В 1933 году родился первенец - сын Вадим, в 1938 году - дочь Валерия.

Вспоминаю их коммунальную квартиру на 1-м Казачьем переулке. Одна большая комната в деревянном двухэтажном доме с тремя или четырьмя соседями и общей закопченной, грязной кухней. Их комната около 30 м была одновременно и столовой, и спальней, и мастерской. Тесно, скученно, мрачно из-за недостаточного дневного освещения.

Трудности с заказами, оплатой за сдаваемые работы, и он один из состава семьи в 5 человек работающий. С ними жила мать Валентины Ивановны Евгения Николаевна, скромная, тихая, высоко интеллигентная женщина, много помогавшая в воспитании ребят и по хозяйству.

Там, на Казачьем, братом было написано много интересных работ, отмеченных как лучшие. Ему позировали жена, дети, соседи. Мастерской не было, и все же трудности не отразились на его таланте. Наоборот, они его закаляли.

Впервые он получил мастерскую вместе с художником Добросердовым - его товарищем - на Лиственной аллее, около стадиона "Динамо", а в 60-х годах - прекрасную мастерскую на ул. Вавилова.

В пятидесятых годах переехал с семьей в трехкомнатную кооперативную квартиру на ул. академика Павлова, около Рублевского шоссе.

Он был признанным мастером. Ни одна выставка в Москве не проходила, чтобы две-три работы его не выставлялись, пройдя через все отборочные комиссии. Членом МОСХа он был один из старейших - с 30-х годов - времени его основания. Он скончался скоропостижно в июле 1972 г., в трудное, очень сухое и жаркое лето, когда горели подмосковные леса, горел торф, в воздухе стояли гарь, дым, духота.

Я узнал о его смерти будучи в отпуску, на пути из Одессы в Москву, и тяжело ее пережил. Он жив в моей памяти и память эта мне бесконечно дорога, как человека, брата, художника. Я живу в окружении его картин. Они развешаны в моей квартире,

и работы его, в которые он вложил свой труд, талант, часть своей души, - утверждают мою мысль, что он не умер, жив в своих картинах, гравюрах, которые он оставил после себя людям.

Это далеко не лучшие его работы, но есть и довольно хорошие. Посмертная выставка открылась в ноябре 1973 г. на ул. Горького, как он завещал, указав этот зал, с просьбой выставить немного работ, не больше 100-120.

Выставку посетили около трех тысяч человек. Она вызвала большой интерес. Около 10 лучших работ были куплены МОСХом. В 1981 г. в день его 70-летия со дня рождения в выставочном зале на Кузнецком мосту была проведена повторная выставка части его работ и состоялось собрание, посвященное его памяти. Был доклад о его жизненном и творческом пути, а также фортепианный концерт пианиста Антона Гинзбурга, его друга. Были исполнены любимые произведения Левы - композиторов Бетховена, Шопена, Моцарта, Бородина, Чайковского. Этот день был данью памяти человеку, художнику, гражданину.

В 1982 г. выпущен буклет с 13 открытками его лучших работ.

В 1971 г. в день моего 50-летия Лева подарил мне альбом с репродукциями Государственной Третьяковской галереи. Я прочитал надпись: "Е.И. Аронову 29 августа 1971 г. гор. Москва". Прошло больше 10 лет и, просматривая альбом, я обнаружил целое посвящение брата, о котором по своей невнимательности не заметил. Оно меня потрясло. Привожу его текст.

"Дорогой брат!

В день твоего пятидесятилетия я мысленно переносюсь в наше детство. Ты был очаровательным, светловолосым ребенком, стал подрастать и был живым, здоровым мальчишкой. В 20 лет ты на фронте. После войны - Военно-медицинская Академия, которую ты успешно закончил, и затем трудная и благородная деятельность врача. Неизменно чуткий и любящий людей, ты никогда никому не отказывал в участии и в активной помощи. Для родных ты любимый брат, заражающий своей энергией, бодростью и любовью к жизни. Пусть этот краткий перечень пройденного пути твоей благородной деятельности в день твоего пятидесятилетия будет залогом еще многих добрых проявлений твоей хорошей души.

С неизменной любовью к тебе, твой брат

Лев".

Бессмертны люди, оставляющие после себя детей, в них продолжается жизнь родителей. Это беспредельны! процесс жизни и смерти, постоянного обновления. Старший - сын Вадим - талантливый, одаренный ученый, доктор технических наук, работающий в закрытом институте. За большие заслуги в работе за последние несколько лет награжден орденами Ленина и Трудового Красного знамени. Это интеллигентный, высоко культурный и эрудированный руководитель научного коллектива. В то же время очень скромный, честный и обаятельный человек.

Я горжусь своим племянником и очень его люблю.

Дочь - Валерия закончила училище декоративно-прикладного искусства, но по этой профессии не пошла, а работает в библиотеке, где нашла свое призвание, и работу эту любит.

Меня порой упрекают, что моя квартира подобна музею, где все стены увешаны картинами. Да, не возражаю. Я теперь не представляю своей жизни без этих картин.

Они стали частицей моего бытия, и в них душа моего любимого брата, которая мне бесконечно дорога.

Около двух десятков картин я подарил своим, друзьям, которые ценят, понимают их содержание, и, несмотря на то, что они представляют определенную материальную ценность, я нисколько не жалею, ибо наивысшая ценность в моем представлении - это духовная, эстетическая, приносящая людям радость и наслаждение искусством.

Чтобы разбираться в искусстве, надо быть образованным человеком и, если во мне есть небольшая частица этого качества, то во многом я обязан брату. Наши беседы, посещение выставок, Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств им. Пушкина, дискуссии об изобразительном искусстве, споры с выражением своих взглядов и оценок - дали мне очень много полезного.

X X
X

Мой родной город Гомель довольно древнего происхождения и упоминается в летописях века. До сих пор не знаю происхождения названия города. Слышал, что от слова "Гомола", а как оно расшифровывается - не знаю. Город расположен на крутом, высоком берегу реки Сож, притоке Днепра. Река с живописными берегами, на которых растет густой старый сосновый и смешанный лес. Правый берег - крутой, высокий, местами обрывистый, левый берег - значительно ниже - это пойма реки. На правом берегу много пионерских лагерей, дачных поселков, деревень, домов отдыха: Ченки, Кленки,

Это зона отдыха.

Город соединен большим железнодорожным и пешеходным мостом с населенным пунктом Ново-Белицы - дачное место с огромным лесным массивом, преимущественно сосново-хвойными деревьями. В детстве мне часто приходилось там бывать в гостях у наших родственников -Рохленко. Средством сообщения в 20-х и 30-х годах была конка. Помню длинные дроги - метров 6 с сидениями по бокам и империалом - вторым этажом, где нам, детям всегда хотелось занимать места, благо сверху был прекрасный обзор. Конку тянули несколько пар лошадей, на переднем возвышении сидел возница, кучер, управляющий длинными кожаными вожжами, и рядом с ним было еще одно свободное место, не помню только для кондуктора или еще для кого. Стоимость проезда от конной станции до Ново-Белиц стоил довольно дорого, 10 копеек. Перед въездом на мост справа находилась спичечная фабрика с громким названием "Везувий". Ниже окраина города, которая почему-то называлась "монастырек", хотя поблизости никаких монастырей или церковных зданий не было. Это было "темное" место в смысле обитания сомнительных личностей, воров, жуликов, нищих. Порядочные люди туда старались никогда не заходить, боялись. Невдалеке находилась улица, расположенная во рву, так и называлась "ров". Слово это было нарицательным в смысле понятия, что живущие там - это люди самой низкой социальной ступени. Это 20-е годы, а в наше время - большой красивый благоустроенный район города, застроенный красивыми многоэтажными домами, асфальтированными улицами, обсаженными деревьями.

Достопримечательностью города был большой парк, переходящий в лес, сохраненный в черте города. В этом парке в XVIII веке возвел дворец граф (князь) Паскевич, бывший в свое время генералом царской армии на Кавказе. Рядом с дворцом на высокой площадке стоял величественный памятник генералу Панятов-

скому на коне, а по бокам пушки, участницы боев при завоевании Кавказа, их специально привез Паскевич с Кавказа. Где-то в 1924 или 1925 году, за точность даты не ручаюсь, памятник увезли в Польшу, не то продали, не то подарили и площадка опустела. В 30-х годах во дворце создали краеведческий музей, в котором сохранились обстановка жилых покоев, картины, скульптуры, гобелены и много других произведений искусства. Будучи детьми мы посещали музей и восхищались его экспонатами, мебелью, интерьером. В парке сохранилась до сих пор небольшая церковка, отреставрированная после Великой Отечественной войны. Прекрасно смотрится, увенчанная позолоченным куполом с крестом. Недалеко большое, высокое здание, не знаю его назначения, но там был сооружен маятник Фуко и создан антирелигиозный музей. Парк, его центральная часть, расположенная перед фасадом, дворца, представлял хорошо спланированный комплекс клумб, дорожек, лужаек, площадок, фонтанов, искусственных гротов, небольших эстрад для музыкантов. Все вписывалось и сочеталось с огромными вековыми дубами, кленами, липами и другими породами деревьев. Парку в 30-х годах присвоили имя Луначарского.

Парк переходил в лес и соединялся с ним перекидным мостом на большой высоте, т.к. разделили их небольшая речушка, впадающая в Сож. Я никак не мог сообщить, откуда начинается истоки этой речки, пока мне не объяснили, что начинается она с глубокого родника. На реке оборудованы домики для белых и черных лебедей.

Прекрасен был лес, ни одно дерево не трогали, а дорожки и взгорки, небольшие лужайки притягивали к себе, чтобы посидеть или полежать на зеленой травке.

На отвесном берегу стояла высокая башня, увенчанная смотровой круговой площадкой. Высота башни примерно около 60 метров. Много раз будучи детьми мы поднимались на самый верх, считая каждую ступеньку, по красоте панорама открывалась перед нами: учитывая постройку башни на высоком крутом берегу и ее высоту обзор был огромный. При хорошей погоде видны были города Речица, Чичерск... Внизу широкой лентой бежит Сож, устремляясь к Днепру, идут пароходы, баржи, катера, а лодчонки кажутся игрушечными.

Парк был любимым местом отдыха горожан. Приезжие и гости восхищались его красотой. В период оккупации фашистские варвары вырубили большую часть парка и леса и нанесли большой урон, который после войны очень трудно было восполнить. Время лечит, заживают раны, но рубцы остаются, напоминая болью прошлых пережитых времен. Я посетил парк после войны дважды: в 1965 и 1982 гг. Первое посещение напоминало живо и образно, что было до и стало после. Мне не стыдно сказать, что я плакал, как по другу и дорогому человеку, посетив его могилу. Да, все это было уже не то. Или впечатления детства наиболее яркие и мы все видим сквозь розовые очки? Нет, убежден неповторимостью первоначального вида парка и изуродованность после всего, что пережил оккупированный город, его жители и вместе с ним наш любимый, прекрасный парк. Оригинальна была и решетка, ограда парка.

Перед парком находилась площадь, на ней городская пожарная с каланчей, смотровой круговой площадкой, медным колоколом и дежурным в медной каске. В двадцатых годах при пожаре раздавался тревожный звон, распахивались ворота, выезжали на быстрых вороных конях пожарные дроги со шлангами, лестницами, баграми и другими атрибутами тушения пожара. Кони неслись на полном галопе к месту пожара. По бокам сидели пожарные в брезентовых робах, подпоясанных широкими кожаными поясами, на которых в чехлах висели топоры. На стойке крепился медный колокол с веревкой, давая сигнал - дорогу, дорогу! На первой линейке

стоял брандмейстер - высокий, красивый, с большими усами и командирской медной каской. Мне особенно запомнился брандмейстер, овеянный в моем воображении ореолом богатыря, герой, готовый первым броситься в огонь. И кони, все на подбор с развевающимися гривами и дико сверкающими глазами. Если мне не изменяет память, начальником пожарной команды города был невысокого роста полный мужчина по фамилии Школьников. Говорили о нем, как очень смелом человеке.

В конце 30-х годов появились первые пожарные машины с усовершенствованными средствами тушения пожаров. Город был преимущественно деревянным, и пожары случались нередко, особенно в сухие жаркие летние дни.

От парка лучами отходили улицы: налево и параллельно лесу - Пролетарская, прямо от парка - Замковая, позже переименованная в Комсомольскую, кончалась (упиралась) в железнодорожный вокзал. Правее - Румянцевская, переименованная в Советскую, центральная и самая длинная улица города. От Парковой площади и начала Советской улицы начинался Кручевский спуск, ведущий к пристани, лодочной станции, купальням, парому. Отсюда (от этого места) горожане переправлялись на Мельников луг и речку Дедок - излюбленное место отдыха гомельчан. Это действительно божественные, изумительные по природным, условиям места: огромный пляж с золотистым песком, за которым начинался лес. В солнечные летние дни, когда в городе было жарко, луг заполнялся тысячами отдыхающих. Катера сновали беспрерывно туда и обратно, привозя и увозя народ. С этими местами связаны самые светлые и радостные дни моего детства.

Мне было 5 лет, когда впервые с ребятами нашей улицы пошли на реку. Стоял жаркий июньский день, и я в одних трусиках с оравой таких же пацанов, старшему было 7 лет, убежали купаться. На берегу стояли три деревянные купальни для взрослых - мужская и женская и отдельно детская.

Плавать я не умел и видя (наблюдая), как плавают ребята, решил, что это дело немудреное. Мои братья Иосиф и Лева рассказывали, что когда мне было 3 года, меня взяли на реку. Братья не хотели, но я стал орать, плакал, хныкал, побежал за ними вслед и они вынуждены были меня взять. Все сели в лодку и меня посадили на руки. Они были хорошими пловцами и решили учить меня плавать по своей методике - меня бросили в реку, Лева плавал рядом. И представьте себе, я стал барахтаться и поплыл, но вскоре нахлебался воды и меня втащили в лодку. Об этом мне рассказали, когда я был уже школьником и плавал, как рыба в воде. Родители об этом не узнали, ни братья, ни я их в это обучение не посвящали.

Когда мы гурьбой подошли к детской купальне, плавать из нас никто не мог, старший из нашей ватаги спросил: "Ну, кто умеет плавать?" Все стояли молча. Я набрался смелости и заявил: "Я умею плавать!". "Тогда прыгай и плыви". И я, не думая, сиганул в воду. Как ни странно, но я поплыл стилем по-собачьи. Купальня была размером 10x5 м – 50 м² и глубиной 1 метр. Если встать на ноги, вода окажется не выше шеи или подбородка. Следуя моему примеру, ребята спустились по лесенке, стали на ноги и пытались плавать, но неизменно опускались и становились на ноги. Проплыв в длину купальни, я встал на ноги, постоял и снова поплыл, но не тут-то было. Я погружался в воду и мог проплыть 2-3 метра, меня тянуло вниз и я оказывался на ногах, плавал, отталкиваясь от деревянного дна. Очень хорошо помню начало моего приобщения к умению плавать. Только, когда мы стали ходить на реку и учиться плавать, нас никто не учил, через 2-3 недели понемногу и постепенно стал плавать с каждым разом все лучше и лучше. Итак, мне шел шестой год, и я уже пе-

репывал Дедок (его ширина 25-30 метров), речушка довольно широкая по моему детскому представлению. Вода в ней была чистая, холодная и очень прозрачная. Я ходил во второй класс, мне шел восьмой год, и я считался заправским пловцом. Однажды я отплыл от берега не больше 30 метров с намерением доплыть до баржи, стоявшей на погрузке. По мосткам грузчики таскали какие-то тюки, и мостки прогибались под их тяжестью. Я не заметил, как оказался у баржи и меня потянуло ко дну. Я погрузился в воду и стал тонуть, всплывал, пускал пузыри. Одним словом, сознавал, что тону. Не помню, то ли при очередном всплытии, то ли из-под воды меня извлекла мощная рука, отбуксировала к берегу, поставила на ноги и я получил отличный шлепок пониже спины и, пролетев несколько метров, упал на прибрежную гальку. Меня мутило, стало рвать, я попытался встать, но больше, чем на четвереньки, подняться не мог. Подошли люди, что-то говорили, и я запомнил слова: "Ничего, отойдет, впредь не будет лезть в воду, не зная броду". Я отлежался, но голова была тяжелой, словно не моя, как свинцом налита. Через несколько часов я был дома, но никому не сказал ни слова. К вечеру, когда пришел отец, он заметил мою бледность и спросил, не болен ли я, на что получил мой отрицательный ответ. Вскоре я забыл этот эпизод и как ни в чем не бывало ходил на реку, плавал, нырял, хулиганил на воде.

Однако наука не пошла мне впрок. Мне было лет 9, я ходил в третий класс. Летом должна была приехать мама из деревни на побывку, и отец послал меня к знакомым с каким-то поручением. Жили они недалеко от реки. Прежде чем выполнить поручение, я решил искупаться. День был жаркий, метрах в 50 от берега стояли плоты. Я решил доплыть до них, подняться, нырнуть и поплыть к берегу. Течение в этом месте очень сильное, и я быстро доплыл до плотов, поднялся, нырнул головой и поплыл к берегу. Плыву и чувствую, что почти не продвигаюсь вперед, наоборот, меня тянет к плотам. Я прилагаю все усилия, но течение преодолеть не могу. Стал выбиваться из сил, чувствую - сейчас потеряю остатки сил и утону. Кругом ни души. Вот в это время и почувствовал, как хочется жить! Больше всего огорчала мысль, что утону, приедет мать, произойдет страшная трагедия. Я повернулся на спину, увидел чистое голубое небо и яркое-яркое солнце. Я заорал: "Спасите!". Меня несло к злополучным плотам. Я снова повернулся и из последних сил саженками поплыл к берегу, голова затуманилась, я перестал соображать и в этот роковой момент почувствовал, что кто-то плывет рядом и толкает меня вперед, приговаривая: "Не хватай меня руками" и продолжая подталкивать. Мы плыли рядом, и я вскоре почувствовал, что миновал полосу очень сильного течения и плыть стало легко. На берег меня вытолкнул паренек, лет ему было 12 или 13, не больше белобрысый, в веснушках, со вздернутым носиком, который весь облупился от солнечного загара. Я как упал на песок около своих вещичек, так и пролежал несколько часов, пока не пришел в себя.

Выполнив поручение, пришел домой, как ничего не бывало. Вечером приехала из Тереховки мама - это было для нас большой радостью. Я себе представил, что было бы, если ее встретила бы весть, что я утонул?! Я содрогнулся от ужаса, мысленно представляя драматизм развивающихся событий.

Пора детства! Незабываемые, яркие, безоблачные дни нашей жизни. Все интересно, необыкновенно, кажется, вся жизнь будет такой. Ничего, что питание скудное, одежка куда больше чем скромная, летом короткие штанишки и ситцевая рубашонка, все лето босиком, зато вся прекрасная природа, окружающая тебя, - твое богатство: река, пляж, лес, городской парк, белорусская деревня с ее красивым при-

родным ландшафтом, верные друзья детства, между которыми хорошая, искренняя, настоящая ребячья дружба, не счастье ли это?

Как я уже писал, все лето проводил на природе и по существу с 6 лет был предоставлен самому себе. Как и все ребята, озорничал в пределах озорства того времени. Наше озорство не было проявлением грубости или неуважения к старшим, нечестности, обмана, так как у нас были свои "законы" чести, не допускающие аморальных поступков или хулиганства. Лазанье по чужим садам не считалось воровством, а поступком смелости, геройства, своеобразной охоты. Лазание по крышам, взбираться на высокие деревья запуск змея - бумажного или с фанерными планками, кто запустит дальше, походы в лес за вениками, грибами, рыбалка и ловля раков, выпас лошадей в ночное, разные детские игры: лапта, пятнашки, казаки-разбойники, третий лишний, чижик, стенка на стенку, борьба, кто сильнее, перетягивание веревки, далекие заплывы, прыжки-ныряние, кто больше пройдет под водой, задержав дыхание и др. Были и такие, как улица на улицу, которые заканчивались большой дракой. Не раз приходил домой с синяками и ссадинами. Должен сказать, что в возрасте 6-8-9 лет никто из ребят не курил.

Детство - пора беспечности, жизнь еще не научила делать выводы, она еще была слишком короткой.

Дважды я тонул и меня спасали, однако это было быстро забыто. Тонул я и в третий раз, но сам, как говорится, спаялся. Как сказали Ильф и Петров, "спасение утопающих - дело рук самих утопающих".

В 30-х годах климат был легче и стабильнее. Каждое время года соответствовало природе - зима снежная, мягкая $10-12^{\circ}$ средняя t° , лето теплое, не меньше половины солнечных дней со средней t° $20-22^{\circ}$, соответственно весна и осень. Весна вступала в свои права где-то в середине или конце марта, а в начале, середине апреля вскрывались реки, и к середине апреля река освобождалась и плавно катила свои воды к Днепру, начиналась навигация. Пароходы... Помню название парохода "Вера Слуцкая" с двумя боковыми бортовыми колесами, трехпалубный пароход, по нашим представлениям, красавец. При движении давал большие волны, на которых мы любили плавать, подныривая под них.

Не помню точно, в каком году это было, но должно быть в 1930 или 1931. Апрель, только-только река очистилась ото льда, вода холодная, хотя весна выдалась жаркая, градусов 14-16 не больше, и мы на спор (на слабо) решили переплыть на противоположный берег. Около парка ширина небольшая, метров - 500. Поплыли. Вода обожгла тело и в первые мгновения сковала движения, но постепенно плыть стало легче. Проплыли меньше половины, всего нас было пятеро ребят, я почувствовал, как сильная судорога охватила левую ногу и невыносимая боль мешала плыть. Меня охватил страх, сердце сжалось, глянул - до берега, к которому плыву, далеко, от стартового - не менее 150 м., ребята меня обогнали и в это время услышал шум мотора - прямо на меня, во всяком случае так мне показалось, мчался глиссер. Я решил нырнуть, чтобы он не наехал на меня, и захлебнулся, вынырнул и увидел, что глиссер прошел в значительном расстоянии от меня, судорога прошла, но я нахлебался воды, воздуха не хватает, страх усилился, и я чувствую, что тону. В глазах помутилось и большим усилием воли в боковом положении, отплевываясь от воды, поплыл назад к берегу, от которого отплыл. Выбрался на песок, меня трясло от холода, мутило и тошнило, началась рвота и после всего, примерно через час, я более или менее пришел в себя. Только один из пятерых достиг противоположного

берега, остальные не выдержали и вернулись. Все были синие, дрожали и бегали по берегу, чтобы согреться. Вечером я заболел, поднялась температура, кашель, глаза слезились. Я пролежал около недели и выздоровел. Врач сказал, что обошлось без воспаления легких. Дома так и не узнали причину болезни. Я об этом заплыве никому ни слова не сказал. Не заболел только Мишка, который переплыл на тот берег и обратно вернулся на пароме, который курсировал в нескольких километрах от места заплыва. Это расстояние он преодолел бегом, согрелся, а паромщик дал ему согреться полушубок. Так закончилось мое третье происшествие на воде.

Когда мне было лет 11-12 мы с группой ребят моего возраста совершили одно рискованное, прямо говоря очень опасное озорство. Незаметно пробирались на пароход, который курсировал между Гомелем и Киевом, притаились в трюме - вернее угольном бункере, вымазались угольной пылью от головы до ног и обязательно лицо, и, когда пароход отходил от пристани 2-3 км перед мостом, соединяющим город с Ново-Белицами, с гиком и возгласами на манер индейцев, бежали на верхнюю палубу, где отдыхали пассажиры, приводили их в смятение и страх и прыгали в воду, а высота немалая - не меньше 4-5 метров. На палубе шум, паника, а мы поплыли к берегу, благо там лес и никого нет. Больше нам не удавалось повторить подобное. Матросы, команда зорко следили, чтобы никто не пробрался на судно.

Моей страстью, увлечением было чтение. Я много, захлеб читал все, что попадало под руку. Домашняя библиотека была небольшая и все, что можно, я перечитал, многого не понимая. Широко был распространен обмен книгами с товарищами при обязательном возвращении. Книг было мало, и мы их берегли, оборачивали обложки бумагой. В городе, на углу Комсомольской и Крестьянской улиц, была Детская библиотека с хорошим целевым подбором детской литературы. К 13 годам я почти все перечитал и был премирован книгами Свирского "Рыжик" и "Джек Осьмеркин - американец" Смирнова. Как и все ребята, увлекался Жюль Верном, Майн Ридом, Беляевым, Марком Твенем, Конан Дойлем и другими писателями. "Из пушки на Луну", "80 тысяч лье под водой", "Дети капитана Гранта", "15-летний капитан", "Путешествие капитана Гаттераса", "Джангада", "Южная Звезда", "Всадник без головы", "Капитан Сорви-голова" Луи Буссенара; "Белый раб" Шильдкрета, "Дочь Монтесумы" и многие другие. Особенно понравилась "На краю Ойкумены" Ефремова. Все эти книги прочитал до 10-11 лет. Позже стал читать более серьезную литературу, хотя своим кругозором по тем детским годам многое не мог понять и воспринималось прочитанное в меру своих жизненных познаний и опыта.

До 1929 или 1930 г. в доме электричества не было, пользовались керосиновыми лампами, стоящими на столе или подвешенными к стене или под потолком. Сила света обозначалась дополнением "линейная".

Керосин старались экономить, а читать хотелось особенно в вечернее и даже ночное время, когда лампа гасилась. Была дурная привычка читать лежа в постели, за что родители ругали, и тем не менее много книг читано перечитано на чердаке при освещении свечи и свечных огарков и в дневное время, так как даже днем на чердаке темно. Читались там книги, неположенные для моего возраста.

Сколько радости было, когда в квартире зажглась лампочка Ильича!

Большим увлечением была филателия. Я стал страстным коллекционером, собирал марки зарубежных стран и советские, старые русские (царские) и разных периодов. Систематизировал, подбирал их в хронологическом порядке. Менял двойные дубли, покупал на гроши, которые удавалось сбересть от завтраков, выменивал

на нехитрые детские вещички, игрушки, нередко отдавал свой завтрак или лакомства. Я буквально заболел сбором марок, даже запустил учебу, стал отставать. В то же время много читал о странах тех марок, которые мне попадали, интересовался их географией, историей, политическим строем. Каждую марку подклеивал в альбом и часами мог смотреть и любоваться своим "богатством". В магазинах в то время марки не продавались, их надо было собирать, менять, просить у людей, которые переписывались с зарубежными странами.

В целом это хобби (тогда этого слова не было и в помине) дало хорошее развитие в смысле знаний географии, истории и такого качества, как ценить красивое, изящное, ведь каждая марка - это миниатюрное художественное произведение, мини-, микрокартина. Я собрал огромную коллекцию, около двух тысяч марок, почти всех стран мира, дубли не в счет. Были в коллекции и редкие, особо ценные марки, как, например, "Остров святого Маврикия" и др. Когда я уезжал в Ленинград, это было в 1935 году, много марок распродал и это значительно поддержало семью в материальном отношении, часть раздарил ребятам, друзьям-товарищам, остальные передал младшему брату Борису, который вначале тоже "загорелся", но потом очень скоро потерял к ним интерес. Даже сейчас, по прошествии больше полувека, люблю разглядывать марки, которые навевают теплые и приятные увлечения детства.

Город Гомель в те годы был небольшим провинциальным городком с населением в 120 тыс. человек. Промышленность была развита слабо. Помню завод "Красный пролетарий", до революции это была фактически большая мастерская, которой владел фабрикант Фрумин. Не помню, что она производила. Из рассказов старших слышал, что владелец Фрумин был тупым и твердолобым человеком, малограмотным, но беспощадным эксплуататором, выжимавшим из рабочих последние соки. Завод "Рухавик (двигатель) революции", Щетинная фабрика, швейная фабрика им. Коминтерна, Железнодорожные ремонтные мастерские им. Ланцуцкого, где ремонтировались паровозы, комбинат "Спартак" - конфеты, кондитерские изделия и множество других мелких предприятий. Когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, рабочие и революционные солдаты захватили власть в свои руки, был создан Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, организованы красногвардейские отряды. Город - в основном деревянные домишки, кроме отдельных кирпичных зданий - в центре города преимущественно. Замокская и Румянцевская улицы были вымощены клинкером - булыжником, остальные улицы утрामбованные, а по сторонам - деревянные тротуары. Район, который находился за железнодорожной линией, назывался заливным и начинался за Моховым переездом. К нему прилегал улица Жарковского, около которой была большая площадь. Это был конный базар. Слева располагались торговые ряды - длинные столы, правее - летом телеги, зимой сани. Крестьяне распрягали лошадей, поднимали вверх оглобли, привязывали коней и шла бойкая продажа съестными припасами и всякой живностью: куры, утки, гуси, поросята, телеги, коровы и прочая скотина. Все выглядело очень живописно, красиво, прямо настоящая сельская экзотика. Мы, мальчишки, любили бродить и шататься по рынку, смотреть, подмечая много интересного. Особенно нам нравилось наблюдать за цыганами, которые торговали лошадьми. Шел жаркий спор между покупателями и цыганами, "били" по рукам, рядились, сходились в ценах, затем расходились, каждый соблюдал свой интерес, одни подороже продать, другие подешевле купить. Порой доходило до того, что хватали друг друга за грудки, но кончалось миром, состоялась купля-продажа и шли пить магарыч.

Белоруссия славится яблоками, особенно сортом "Антоновка". На возах, высыпаемые из мешков красочно смотрелись огромные зелено-желтые яблоки, золотистый отлив ласкал взор. Помню и другие сорта: аппорт, путинка, шлопак, из груш - крымка, медовка, лимонка, паны, бергамоты, дули. Это было так давно, что многое забыл или неправильно назвал.

Все съестное располагалось рядами: мясной, рыбный, овощной, молочный, зеленой и др. Картофель продавался на мерку - это примерно полпуда. Где бы я ни был, но вкуснее белорусской картошки не едал. Наша белорусская земля - супесок, и картофель вырастает рассыпчатый, необычайно вкусный. Урожаи были довольно высоки и на кг. картофель тогда не продавался.

Особенно хороши были ярмарки. Чего только не привозили для продажи! Устраивались различные увлекательные мероприятия, продавались для детей длинные в разноцветных обертках конфеты, пряники в виде лошадок, рыбок, птиц и др, животных. Зимой на палочках, прикрепленных к одной большой лесине красовались яблоки, облитые сахаром (глазурью). Каждый купец предлагал и хвалил свой товар с шутками, прибаутками, частушками и приказками (белорусское слово). Выступали фокусники, шарманщики с попугаями, морскими свинками, за несколько копеек вытаскивали записку, предсказывающую судьбу...

Были и жулики, шарлатаны, мелкие воришки и карманные воры.

Мне припоминается своеобразная лотерея. За 20 копеек можно было выиграть часы, в те времена они были редкостью, не то, что в нынешнее время. В газетную обертку на глазах у зрителей заворачивались карманные часы с цепочкой и укладывались среди многочисленных других пакетов. Заплатив деньги, надо было наугад тянуть любой пакет и, естественно, хотелось тот, который кажется хорошо заметил - с часами. Я хорошо запомнил по обертке бумаги (это была газета), где часы, и, заплатив, вытянул его, но, увы, часов там не было (не оказалось). Все тянули и все впустую. То ли это было жульничеством, то ли иллюзией. Часы так никто и не выиграл. Правда, одному мужчине повезло. Он вытянул часы?! Теперь я понимаю - это была подсадная утка. Бродить по базару, наблюдать, примечать интересные сценки, типы разных людей, их разговор, шутки, прибаутки, порой ссоры, а изредка драки - это было очень интересно, хотя в кармане не было ни гроша.

Недалеко от конного базара жили мои школьные товарищи Коля и Гриша Фиркины - близнецы. С ними я дружил и с ними бродил по рынку. Потом я узнал, что они погибли в первые дни войны. В 1946 г. я навестил их родителей. Дом их сгорел и жили они на окраине, на улице Энгельса. Когда я зашел в их убогий домишко они меня сразу не узнали. Высокого роста офицер в звании старшего лейтенанта, грудь в орденах и медалях и, вероятно, они подумали, не товарищ ли их сыновей по войне и, возможно, сообщит или прольет свет об их без вести пропавших мальчиках. Но, когда узнали, заплакали навзрыд, бросились меня обнимать, целовать, ведь я так живо напомнил им сыновей, которых они уже больше никогда не увидят. Я сам не смог сдержаться, слезы душили меня, к горлу подкатил предательский комок, Мы сели и долго слезы не высыхали на глазах. Роем нахлынули образы нашего детства, когда мы с Гришей и Колей дружили, шалили, делали вместе уроки (и прошло-то немало времени - 16-17 лет). Ведь я не знал об их гибели на фронте и первое, о чем я спросил, где ребята? С этого момента они меня узнали. Печальной была наша встреча. У них осталась дочь Люба. Она меня разыскала в Ленинграде в 1947-1948 году, точно не помню, когда я учился в Военно-медицинской Академии. Рассказала,

как ребята, им было по 20 лет, в первые же дни ушли в армию, на фронт, и откуда-то прислали всего одно единственное письмо, где проходили подготовку, и больше ничего, ни слуха, ни духа. Они числились как пропавшие без вести. Мы жили на ул. Каляева, в прошлом она называлась Кладбищенская, так как строилась на месте старого кладбища. Улица, как улица провинциального города, дома деревянные, во дворах сады фруктовые, деревянные тротуары, дорога грунтовая покрыта летом пылью, а после дождя месиво грязи. Начиналась от Комсомольской улицы, как мы говорили, от глазной лечебницы (больницы) профессора Брука. Это был выдающийся врач, человек бескорыстии построивший на свои средства больницу. Слава о нем шла по всей Белоруссии, и отовсюду приезжали больные, многие получали бесплатную помощь. Многие его качества, как человека, врача и гражданина, были такие же, как известного на всю страну харьковского профессора окулиста Гирпмана.

Улица заканчивалась перпендикуляром у улицы Технической. Были на ней и два каменных дома: рядом с нашим - одноэтажный небольшой дом, где жили три семьи, одну семью помню - Цыбульники, других не помню; и в конце улицы дом богатей Шеретинских. В 1934-1935 гг. после их экспроприации дом превратили в школу с 1 по 4 класс им. Дзержинского. Там до четвертого класса учился мой младший брат Борис. Во время моей учебы в Академии я встретил одного из отпрысков Шеретинских, внука хозяина. В Ленинграде он находился на курсах по усовершенствованию врачей.

В нашем дворе стояли два дома: хозяина - выходил окнами на улицу, наш - в глубине двора. Владелец дома Иосиф Гершгорин, бывший рэбе, обучавший еврейских детей в хедере. После революции переквалифицировался и стал педагогом в советской еврейской школе. У него было хобби - игра на скрипке. Мы, дети, всегда его боялись, он внушал нам страх своим видом: среднего роста, густая шапка черных с проседью кудрей, широкие брови, крупный нос и на нем золотое пенсне. Он говорил мало, но уставится своими глазами и как бы гипнотизировал нас, детей, как удав кролика. Мы не выдерживали его взгляда, казалось, он видит нас насквозь и глубже, особенно после того, когда чего-нибудь нашалили. Жена его - полная, дородная Фрума была женщиной добродушной, любила поговорить, посудачить и, как мне казалось, весь день занималась по хозяйству, так как всегда я ее видел а фартуке. У них были два сына: Саул и Симон. Саул жил, кажется, в Москве, а Симон был старше нас, дворовых ребят, лет на 8-9, был высоким, стройным, красивым парнем, спортивного сложения и в наших глазах был воплощением силы, ловкости и совершенства. Одной рукой за пояс поднимал любого из нас выше головы, никого не боялся, и мы, мальчишки, старались во многом ему подражать. Удавалось это не во многом, получалось в походке, манере произносить некоторые слова и не больше.

Это было время конца тридцатого года, нэп постепенно свертывалась. Вместо частных лавчонок открывались государственные магазины. Они назывались ЦРК или церабкопы - центральные рабочие кооперативы. Колбасная частника Палтина закрылась, лавчонка Еела также. Не продавались полюбившиеся нам колбасные обрезаки, не так по вкусу, как доступные по цене - 10 коп. фунт. Оставались из частных часовая мастерская Палея, парикмахерская Захара, киоск по продаже сельтерской воды и другие мелкие торговые точки. Особо запомнилось из детства мороженое. Ничего вкуснее его для нас не существовало на свете, разве только пирожные. Мороженое - оно ассоциируется с мороженщиком и его двухколесной тачкой с широким с крышкой ящиком. Крышка поднималась, подпиралась стояком и взору откры-

вались две высокие банки с мороженым в окружении льда, посыпанного сверху крупной солью. Справа в ящике лежали круглые вафельки диаметром в 5 и 10 см., и ложка, блестящая жестяная вафельница, мороженица с двойной трубкой, внутренняя выдвигалась и выталкивала между двух вафель порцию мороженого. Меньшая порция стоила 3 коп., большая - 5 коп. Мороженщик, высокий мужчина в белом фартуке и чехлами на рукавах. Он был галантен, говорил "дас, нетс, пожалуйста" и др. слова. Около его тележки всегда толпилась детвора. Мороженое держали двумя пальцами и лизали. Продавалось оно только летом. Как я мечтал, когда вырасту большой - буду есть сколько захочу мороженое... Да, розовые очки детства! Редко приходилось лакомиться, не позволяли средства.

х х
х

Дом, в котором жил хозяин, частично сдавался квартирантам. Он сам занимал 3 комнаты, 2 комнаты занимала семья сапожника Юдашкина, еще 3 комнаты сдавались также одиночкам (Майлаховы). Мы занимали полдома, стоящего во дворе. Вторую половину снимали вначале Золотаревы (Гися, Залмон, Моисей, Сарра), позже Городецкие. Через деревянный забор нашими соседями были: Бобровы, Кадины, Коркины, Штильманы, Андрейко. Через двор: Зерницкие, Великины, Зиневичи (Дмитрий Зиневич в 18 лет женился на женщине вдвое старше). С Левкой Зиневичем я дружил. Я дружил также с Гилькой Коркиным, после случая с переломом кости голени (лазали ночью в сад к хозяину) они переехали куда-то в другое место и связь была утеряна.

х х
х

Воспоминания самого раннего детства:

Иду по тротуару впереди родителей, в длинном пальтишке, важно вышагиваю, стараюсь сделать шаги подлиннее и слышу слова мамы: "Не споткнись, сынок". Мы совершаем прогулку. Отец пообещал показать кино, о котором я не имел представления. Был летний вечер, мы пришли на какую-то площадь, где было много народа. Все смотрели в направлении натянутого на два столба большого белого полотна. Смеркалось, позади послышалось стрекотание, похожее на звук швейной машинки, отец поднял меня на руки и посадил на плечо. На полотне появились фигуры людей, все быстро двигались, жестикулировали, потом показались запряженные в коляску лошади, они мчались и куда-то исчезали. Весь фильм длился не больше 15-20 минут, и мы пошли домой. Это был первый в моей жизни кинофильм.

Как я уже упоминал, семья была дружной, в какой-то мере патриархальной. Глава семьи - отец, все его уважали и слушались. Он был строг, но справедлив. Мне нередко доставалось, так как становясь старше шалил, проказничал. Рука у отца была тяжелая и частенько после его прикосновения по определенному месту сидеть было больно. Когда меня наказывали и, если я начинал плакать, экзекуция прекращалась. Если терпел, не ревел, шлепки продолжались. Я решил терпеть и как-то раз во время наказания произнес "все равно не больно", и отец вlepил такую увесистую шлепку, что мне показалось, как огнем обдало, но я все равно не заплакал и рука отца замолчала. Я решил проявить упрямство, но, убежав на двор, забрался на чердак и дал волю слезам. Будучи наказан в присутствии матери, услышал, как она назвала

отца "жандармом" и ругала его. Я не знал значения этого слова и просил у матери пояснения. Она сказала - так назывались милиционеры в старое время.

Мама была очень мягким и чрезвычайно добрым и отзывчивым человеком. Отца мы боялись и уважали, а мать любили до самозабвения. Она никогда нас не наказывала и ее главным средством было убеждение, просьба, и мы её слушались. Она знала много забавных историй, сказок, старинных песен. Для нас не было большего счастья, как посидеть у нее на руках или собраться всем около нее и - просить спеть или что-нибудь рассказать.

30-е годы были экономически очень трудными для страны. 1926-1927-1928 годы была безработица, и мама ходила на биржу труда отмечаться. В городе уже были родильные дома, где женщины рожали бесплатно и все было забито средним медперсоналом. Мама хотела получить работу в каком-либо лечебном учреждении, но мест не было. В эти годы мы испытывали большие материальные трудности. Отец часто болел, постоянных заработков не было, и выручала мать, как она называла - частной практикой. Она была хорошей массажисткой, знала все медицинские манипуляции, и ее, пусть даже эпизодические, заработки здорово нас выручали. Она говорила: "Все это свежая, трудовая копейка".

Врачебная элита Гомеля (врачи Вольский, Желдаков, Зандберг, Канторов, Литошенко, Лабковский) уважали маму, как человека, и ценили, как опытную медицинскую сестру, акушерку, и всегда рекомендовали своим пациентам обращаться к ней за различными процедурами: банки, массаж, инъекции, что нас очень выручало.

Прекрасно жили нэпманы. Их было несколько на нашей улице. В их домах (особняках) всегда ярко светились окна, слышалась музыка, граммофон или фортепиано, а вечерами с пятницы на субботу исходили дурманящие запахи различных яств, которые нам были недоступны. Питались мы скромно: в обычные дни утром чай с хлебом с сахаром, иногда масло, очень редко баранки. Их хрустящий звук и вкус помню до сих пор. Обед - постный суп, на второе каша. Перед обедом обязательно селедка. Это были сорта, которые сейчас исчезли с прилавков: залом, керченская, голландская, иваси, рваные шейки, жирная хамса. Стоили они недорого и с отварным картофелем были частыми блюдами нашего рациона.

Ритуал, традиция - пятница вечером и суббота обеденная. Так уж водилось даже в самых бедных еврейских семьях. На неделе, как придется, зато эти два дня стол ломился от многих вкуснейших блюд: фаршированная рыба, куриный бульон, куры, печеночный паштет, редька со шкварками, тертые яйца с гусиным жиром, гречневая каша с тушеной фасолью, чудесный свежий белый хлеб (плетенка - хала), компот. Самая настоящая обжираловка. Но никогда не было никакого спиртного. Вечером в пятницу во главе стола садился отец, вокруг располагались домочадцы. Справа и слева у переднего края стола зажигались свечи в больших серебряных подсвечниках. Отец произносил молитву и начиналась трапеза. Для меня было загадкой, откуда брались деньги на пятницу и субботу? Ведь в будние дни еда была скудной. Позже понял - если бы средства распределялись равномерно по дням, можно было бы питаться вполне прилично. Но традиция, религиозное убеждение, де сам бог велел, а это свято. Все придерживалось на эти дни.

О, суббота!

Обязательно выполнялся обычай - приглашать на субботу нищего, бездомного и оказывать ему особые знаки внимания, отдавать лучшие куски. Верующие люди были убеждены, что за доброе деяние богом воздастся сторицей. Лично я не любил

этих нищих, мне казалось от них дурно пахнет. Где их отец выискивал? Вероятно, они толпились около синагоги.

Дома существовал определенный уклад, правила поведения и приличия. Если приходили взрослые - дети без напоминания должны уйти, не мешать общению и беседе взрослых. За столом запрещалось болтать, грызть кости, начинать есть до того, как отец первым начнет. Осуждалось чавканье, без разрешения вставать из-за стола. Было много и других неписаных традиций и правил.

Помню рождение младшего брата Бориса. Мама родила в спальне, и принимала роды ее сестра Саша - Александра Наумовна - опытнейшая акушерка. Мы с Симой слышали крики и стоны матери и сидели в оцепенении. Сима подошла к двери и стала подсматривать в дверную щель, за что получила от отца по попе. Через некоторое время вышла тетя Саша и сообщила: "Илья Борисович! Поздравляю с рождением сына, хотя и не богатырь, но мальчонка подвижный, как все новорожденные кричит".

Борис рос слабеньким, тихим мальчиком, но с упрямым характером, порой назойливым, и вредным. Всегда увязывался за мной, но я от него убегал. Став постарше, несмотря на свою хилость, слыл драчуном. Во втором классе в драке разбил товарищу голову - был исключен на неделю из класса.

Какие помнятся мне события того раннего детства.

На обряде обрезания собрались гости, ритуал выдерживался по всем канонам. После обряда гости пили водку и закусывали медовой коврижкой (лэках). Нам дали по ломтику и отправили в свою комнату. Когда гости стали расходиться, я прошмыгнул к столу и решил попробовать, что в рюмочках. На донышке оставались капли водки. Слил все остатки в одну рюмку и хлебнул. Перехватило дыхание, на глазах навернулись слезы, закружилось в голове и я шатающейся походкой пошел, чтобы лечь на свою кровать, и в это время меня увидела мама. Помню только ее слова: "Боже мой, ребенок пьян. Как это могло случиться?". Меня раздели, уложили в кровать, меня тошнило, началась рвота и, когда я пришел в себя, то это было уже на следующий день. Утро, около меня сидит мама. Положила свою мягкую, теплую ладонь мне на лоб, и я ощутил ни с чем не сравнимое блаженство. Это я хорошо запомнил. Это был первый шаг, первый опыт познания алкоголя, к которому я остался равнодушен на всю жизнь.

Будучи 4-5-летним малышом у меня была страсть строить баррикады, это такое своеобразное детское хобби. Прodelывал я это следующим образом: детский стул с высокой спинкой я клал на пол и на него нагромождалось все, что я в силах был поднять: табуретки, ящики, стулья и прочее, просовывалась самоварная труба сверху, изображающая пушку и, став сзади, я все это двигал. Мать удивлялась, откуда у меня берутся силенки. Во дворе, позади огородика, в саду стояла фанерная "фабрика" - это, вернее, была большая мастерская. Там изготовляли фанерную тару, плели корзины и прочие прутьяные изделия. В одну из летних ночей там вспыхнул пожар и вся фабрика сгорела в течение нескольких часов. Наш дом находился от фабрики примерно в 60-80 метрах. Кое-как одевшись, мы выбежали на крыльцо и глазели, как пожарные тушили огонь. Я взобрался на чердак, оттуда на крышу и созерцал пожар, пока меня не хватились и приказали слезть и вернуться в дом. Пожарники истоптали весь наш небольшой огородик, сгорело много деревьев. На следующий день мы бродили по пепелищу и собирали всякие железки, задвижки, угольнички и т.п.

Улица называлась Кладбищенская и в советское время была переименована в Каляева. В XVII в. на этом месте находилось большое кладбище и нередко мы находили ордена, знаки различия, пуговицы с орлом, и прочие вещи. Однажды нашли красную ленту и, когда попытались ее вытянуть из земли, она рассыпалась и превратилась в пепел. Мы одно время заразились кладоискательством.

Мать рассказала одну небольшую историю (вернее случай). Мне шел четвертый год. Мы с мамой стояли у ворот, вернее сидели на скамейке. В провинции всегда на улице стояли лавочки, на которых можно было посидеть, поглазеть на прохожих, посудачить. В это время по улице проходил пионерский отряд, впереди вышагивал барабанщик, ловко и громко отбивая такт "Старый барабанщик..." Я заорал: "Хочу барабан, пусть мне дадут барабан". Вожатый остановился и сказал барабанщику; "Дай мальчику палочки, пусть побарабанит". К удивлению всех я четко отбил, как мама уверяла всех, полный такт. Вожатый сказал: "У вашего сынишки хороший слух, учите его, он будет делать успехи". К великому сожалению, он ошибся. Ни голоса хорошего, ни слуха у меня не было и нет, хотя в молодости любил для себя петь, но так, чтобы никто не слышал. У мамы был абсолютный слух и у отца тоже, он мог подбирать мелодию на многих инструментах, кроме скрипки и гармошки. Хороший слух и голос был у Симы. Его не развивали, ее не учили, и он заглох.

В 1931 году мамина сестра Александра Наумовна, жившая с дочерьми Павой и Ривой - студентками консерватории по классу фортепиано, предложила маме привезти в Москву Симу, обещая учить ее пению и при наличии данных определить в музыкальную школу по классу вокала. Симе было лет 11-12, и она уехала в Москву. Старшая дочь тети Саши Пава уже имела дочь Сусанну, девочку 7-8 лет, очень способную, умную и развитую, которая требовала много внимания и забот. К этому времени Пава разошлась со своим мужем С.С. Богатыревым и вышла замуж за дипломата А.И. Туртыгина. В семье складывалась сложная обстановка, им было не до Симы, которая фактически была заброшена, к тому же часто болела и в конце концов все кончилось ее возвращением в отчий дом. А какой у нее был дивный голос. Бывало запоет и заслушаешься, все забыв. Она исполняла песни на еврейском языке и все больше печальные, о несостоявшейся любви, о трудной жизни ремесленников, голодных детях и т.п. У меня всегда навертывались на глаза слезы. ("Я выхожу на крылечко...", "...Милые подружки", о затерявшейся в лесу девочке). Русские и белорусские песни были большей частью веселые и задорные. Она часто болела и было не до песен.

20-30-е годы. Культурная жизнь шла рука об руку с условиями того времени, ее социально-экономическими, материальными и национальными особенностями. Помню исполнителей, еврейских актеров, певцов, рассказчиков. Клара Юнг, Сарра Фисбих, Анна Гузик, Яша Рабинович, Эпельбаум. Слышал о великих актерах Михоэлсе, Зускине и др. Когда известные эстрадные актеры приезжали в Гомель, не всякий имел возможность пойти их послушать. Слишком дорого стоили билеты.

В местном театре, а чаще в Доме культуры железнодорожников или местном здании цирка и в кинотеатрах гастролировали приезжие труппы из Шнека, Витебска, Москвы, Киева, Ленинграда и других городов. В 30-х годах мне, мальчишке, чаще всего пробиравшемуся "зайцем"; удалось посмотреть немало спектаклей. Из еврейских "Степеню", "200 тысяч", Гершеле Острополер", "Тевье молочник", "Колдунья" ("Махасейфе") и др. Нередко нас, зайцев, ловили и выпроваживали, не давая досмотреть спектакль до конца. Помню со спектакля "Похождения бравого солдата

Швейка..." на русском языке и "Теория каленбрук" на белорусском, мне здорово наподдали за безбилетный прорыв. Из эстрадных исполнителей помню имя Сергея Вронского, Зою Кавецкую.

Очень сильное впечатление на меня произвели спектакли "Отелло" с участием Ваграма Папазяна и "Первая конная" Бабеля. Эти вещи я смотрел как законный зритель, правда не в первых рядах партера.

Очень любил цирк. Его гастроли в Гомеле (1926-1928 гг.). Он был полностью деревянный, но по всем параметрам и требованиям, предъявляемым к циркам. Только несколько месяцев в году не приезжали на гастроли цирковые труппы и тогда его использовали, как театр, а один раз в нем разместился приезжий "зверинец". До сих пор у меня на указательном пальце правой руки метка от укуса павиана, которого я вздумал кормить орешками, а потом стал дразнить. Палец долго болел и сейчас толще левого. Так я поплатился за свое озорство.

Гастролировали цирковые труппы из разных городов. Нашими любимцами были клоуны, и мы часто подражали их шуткам и репризам. Помнится мне приезд группы воздушных акробатов под куполом цирка, выступавших под громким названием "6 Донато-6". Работали без фиксации над растянутой сеткой. Номер был захватывающий и в кульминационный момент оркестр смолкал, гас свет, публика замирала и после удачного завершения трюка - ослепительный свет, веселый марш и гром аплодисментов.

Во время одного из представлений произошла трагедия. Один из шести участников сорвался и в силу инерции, вызванной центробежной силой, с огромной скоростью вылетел за пределы сетки и разбился насмерть... Я был на этом, представлении и мне надолго запомнился вопль сотен голосов, истерик, рыданий.

В цирке выступали борцы, и для нас, мальчишек, французская классическая борьба была верхом мечты - овладеть приемами. Мы боролись, пытались применить приемы и нередко, не выдержав нарушений правил, считая своего противника неправым, заканчивали поединок дракой. У нас были свои кумиры. Некоторые фамилии я запомнил: Куценко, Мортан, Цыган, Слуцкий. Запомнилась демонстрация великана Тимоти Бакулина и карлика-лилипутки.

Проходили гастроли, и мы постепенно остывали и, как все мальчишки, переключались на другие злободневные увлечения.

В те годы нами мало занимались и только в середине 30-х годов (1935-1936) была построена Детская спортивная школа, которую я некоторое время посещал. В 6-7 классах в школе был физкультурный зал и многие ребята довольно хорошо выполняли упражнения на брусьях, перекладине, кольцах.

Непреходящим увлечением было кино. Мы не мыслили без него свою жизнь, оно было главным после чтения увлечением. Первый кинофильм я увидел в возрасте 4-5 лет на площади, сидя на плечах отца. Содержания, естественно, не помню, в памяти остались мелькающие образы и картины людей, все куда-то бежали, спешили, корчили рожицы, публика смеялась, и я никак не мог понять, куда все исчезает с натянутого полотна. В те годы еще не было звукового кино и все фильмы были немые, сопровождалась звуками фортепиано в исполнении тапера, а содержание, мелодия подбирались специально соответственно фильму. Не было большего блаженства и счастья сидеть в кинотеатре и смотреть фильм.

Двадцатые годы были насыщены в большом количестве зарубежными фильмами, но немало было и советских отечественных. Из них я хорошо помню "Медве-

жью свадьбу", "За монастырской стеной", "Зеленый переулок", "Леон Кутюрье", "Ночной извозчик", "Коллежский регистратор", "Поэт и царь", "Петербургская ночь".

Из зарубежных фильмов в те годы особенно немало было комедийных, голливудских, немецких. Мы любили бегать на фильмы с участием Пата и Паташона - этих прекрасных комедийных немецких актеров. Не могу перечислить всех, так как многие забыты, но помню: "Загадка мельницы", "Пат и Паташон в открытом море".

Нашими кумирами и любимцами были американские комедийные звезды: Макс Линдер, Бестер Китон, Манти Бенкс, Гарольд Ллойд. Запомнились и другие актеры Голливуда, как Мэри Пикфорд, Гарри Пиль.

Хорошо запомнил два фильма с участием Гарольда Ллойда - это "На седьмом небе" и "Бабушкин внучек". Это было так давно и многие названия забыты. Мы очень любили фильмы с участием Игоря Ильинского. "Закройщик из Торжка", "Два друга модель и подруга", "Продавщица из Моссельпрома". Позже "Процесс о трех миллионах", "Кукла с миллионами", "Праздник святого Иоргена" и многие другие. Из исторических немых фильмов помню: "Багдадский вор", "Индийская гробница", "Спартак" и "Сказание о нибелунгах". Зигфрид, Брумгильда (Гагинтрон) восхищали нас, мальчишек, своей смелостью, мужеством. Очень интересным был фильм "Стенлей в недрах Африки", где можно было видеть экзотических зверей - львов, тигров, слонов, носорогов, крокодилов, обезьян и прочих представителей животного мира.

Звуковое кино в нашем городе появилось в начале 30-х годов. Мы о нем слышали и раньше и никак не могли представить, как это могут герои фильма говорить, как живые люди. Но вот настал день демонстрации первого звукового фильма. Кажется, это были "Золотые горы". Затем "Встречный" и "Путевка в жизнь". Боже праведный, что творилось! Какой был ажиотаж! С каким нетерпением мы жаждали наконец услышать и увидеть говорящее, звуковое кино. Прошло с тех пор много лет, и как все это стало повседневным и обыденным, но тогда, когда мы были мальчишками с жадностью и стремлением к познанию, когда горели азартом все узнать, все посмотреть, осмыслить своим детским умом не только форму, красоту, но и суть, содержание увиденного.

В городе были два основных кинотеатра - им. Воровского на Советской улице и им. Калинина на площади Коммуны. Был также клуб железнодорожников и др. клубы. Они нам казались огромными, красивыми, бесподобными, и как бы они выглядели сейчас в сравнении с современными кинотеатрами? И все же в нашей памяти они остались, как самые, самые лучшие, так как они частица нашего детства, неповторимой прекрасной поры.

X X
X

Мне ярко запомнились несколько детских снов, которые в будущем действительно оказались вещими и вошли в мою жизнь, как повседневные, и обыденные явления.

Первый самолет я увидел в 1925 г. в возрасте 4-5 лет. Это был, по всей вероятности, двукрылый (биплан) типа По-2, У-2, а возможно и др. марки (модели). Четко помню на крыльях буквы СССР.

Во сне я летел в большом просторном самолете с круглыми окнами (иллюминаторами). Внизу под самолетом и над ним густые облака, через которые пробивались лучи солнца. Я блаженствовал и ощущал необыкновенную легкость, слышал гул мотора и сердце мое замирало, когда я вдруг летел вместе с самолетом куда-то

вниз, затем снова вверх...

Через много лет, когда мне приходилось часто летать на авиалайнерах, сидя у иллюминатора и глядя на облака или простирающиеся под самолетом дороги, реки, леса, строения и населенные пункты, неизменно вспоминаю сон моего детства.

Другой сон связан с ощущением, как будто в какой-то карете или телеге, точно не помню, врезаюсь в землю, попадаю в тоннель и медленно еду вниз. О метро в то время даже смутного представления не имел, а вот, поди ты, - наш прекрасный метрополитен.

Сны детства, грезы нашей юной души, полеты, ощущение невесомости, стремительные падения куда-то в пропасти и, о чудо! - ведь это сон и возвращение к реальной жизни от просыпания. Хоть переживаем страх, зато радость бытия (жизни), что это только сон.

Красный флаг. Он был символом, олицетворением чего-то героического, возвышенного, и наши детские представления рождали самые яркие и фантастические картины. Когда строился в городе цирк и строительство было закончено, мать мне сказала: "Сегодня мы пойдем и я тебе покажу на куполе цирка красный флаг". Это было для меня событием. Помню наш старый цирк. Я о нем, уже писал. Он был полностью деревянный и купол его венчал большой красный флаг, полотнище которого развевалось на ветру.

С чего начинается Родина? Крылатая фраза из песни к "17 мгновениям весны". Об этом должен и может спросить себя каждый. Возможно, мы, дети, в ту пору не задумывались, но тем. не менее подсудно, интуитивно думали об этом. Для меня эта мысль начиналась со слов песни "Во поле березонька стояла..." Я представлял себе., большое, без конца и края поле, а посередине маленькая нежная березка, которую мне было почему-то жаль, как беззащитную и одинокую которую надо щипать, что это означало, я не понимал, но чувствовал что ее надо защитить, оградить от недругов, злых людей.

Когда я слышал старинную русскую песню "Это милая сторонка, это родина моя", я все допытывался и спрашивал, что такое родина, ассоциируя это, понятие с рождением и думая, что родина - это наш дом, в котором я родился. Вообще я слышал много всяких песен, чаще всего не понимая их настоящего смыслового значения, особенно отдельных слов. В начале 20-х годов помню такие песни: "Смотрите, граждане, я женщина несчастная", "Понапрасну мальчик ходишь, понапрасну ножки бьешь", "Купите бублики, гоните рублики", "В лесу говорят, в бору говорят", "Кирпичики", "Он был шахтер, простой рабочий, работал в шахте номер 3", "Замучен в тяжелой неволе", "Варшавянка". Особенно мне нравилась "Ты, картошка, друг наш верный". Позже "Наш паровоз, лети вперед", "Взвейтесь орлами...", "Смело мы в бой пойдем". Особенно мне нравился "Интернационал". Я думал, что это имя человека и много позже узнал величие слов, но вначале покоряла мелодия. Каждая песня - это какой-то свой, неповторимый кусочек жизни. Заслышав знакомую мелодию, в памяти сразу же возникают какой-то отрезок жизни, событие, то ли веселое, смешное, радостное, или же печальное, грустное.

У нас в доме любили песню, и я слышал песни, которые пели на разные мелодии при одинаковых словах, это были вариации или, возможно, пародии.

Мне очень нравились революционные песни и не так текст, суть и содержание песни, как ее напев, мелодия. Помню "Марсельезу в разных вариантах и припевках на русском и еврейском языках. В памяти сохранилась песенка про восстание, и там

были слова: "... в тихом домике на окраине комитет бунтарей заседал". Что же такое комитет и бунтари? Сколько я ни допытывался, мне объясняли по-разному, а в итоге в голове настоящая каша. Много позже, когда подрос и стал много читать, сам разобрался, а вот фантазии и домыслы детства вспоминаю, улыбаясь, и с большим удовольствием.

В памяти детства шарманка. Ее в Белоруссии почему-то называли "Катаринка". Шарманщик, чаще всего это был пожилой человек или старик-инвалид, ходил по дворам со своей "свитой" - это попугай, сидящий на плече, или обезьянка, или морская свинка, которые за несколько копеек вытягивали (вытаскивали) заветный билетик, предсказывающий судьбу, чаще счастливую и благополучную. В "свите" была девочка или мальчик, певшие печальные и жалостливые песни. Шарманщик заходил во двор, останавливался посреди двора так, чтобы все видели и слышали из всех окон, выходящих во двор, и начинал играть. Дети сбегались и окружали шарманку. Взрослые смотрели и слушали из окон. Мелодии были всегда печальные и нагоняли тоску, а когда начиналась песня, все переживали и бросали в шапку монетки. Помню "Разлука ты разлука...", "Позабыт, позаброшен с молодых ранних лет, а я мальчик на чужбине", "На старой Варшавской дороге стояли три сосны..." и др. банальные песни, название которых позабыл. Мы ребятами спорили порой до драки, кто бросит монетку шарманщику. Родители, старшие братья и сестры воспитывали в нас доброту, отзывчивость, стремление быть сердобольными к людям, не жадничать, поделиться тем, что имели. Они сами были примером для нас в этих морально-нравственных категориях. Неизменно, когда мать жарила блинчики, оладьи, блины, пирожки, она накладывала полную тарелку и просила нас отнести соседям, чаще - Юдашкиным. И здесь мы спорили, кто отнесет, тогда мать посылала нас обоих. Нам было очень приятно исполнять такие поручения.

Это, несомненно, воспитывало в нас чувства, потребность сделать что-то приятное другому, а в итоге поступок один, другой, третий воспитывал характер. Моя старшая сестра Сима - удивительный человек по своей доброте к окружающим, пример редкого человеколюбия. Не знаю случая, чтобы она когда-либо солгала, сказала неправду. Хрупкая и слабая здоровьем, она очень сильна духом, неспособна на сговор со своей совестью, честность необыкновенная, порой до смешного. Почему в личной жизни таким, людям чаще не везет? Не потому ли, что злые люди, алчные, жадные, нечестные пользуются этими качествами добрых людей. Это своеобразное воровство, которое похуже воровства материального. Нередко мы задаем себе банальный вопрос - почему нередко зло побеждает добро? Вероятно, "добро" должно тоже быть разумным, знать предел. Ведь бывает и так, что излишнее "добро", неразумно примененное к людям или человеку, не заслуживающим, его, порождает зло для неизмеримо многих и многих людей.

У нас в семье дети вовсе не идеальные, таких не бывает, но доброта и положительные человеческие качества превалируют.

Припоминается такой случай. Я был свидетелем спора между отцом и братомевой. Как понял, отец ругал его за то, что он снял с себя рубаху и отдал какому-то полуголому подростку, который озяб, дрожал, плакал. Лева сказал: "Я знаю, что своя рубашка ближе к телу, но мне стало, теплее на душе, когда мальчишка одел рубаху, заулыбался и сквозь слезы благодарил меня. У меня есть еще другая, хоть и старенькая, а у него нет ни одной".

Когда проходит много лет, мы взрослеем, оглядываясь на прожитые годы,

начинаем многое понимать, сопоставляя факты и события и то, что было раньше непонятным и мы осуждали, начинает приобретать в нашем представлении другое звучание и смысл. Характер человека, его черты, особенности проявляются в его профессии, работе, особенно у художников, писателей, поэтов. Зная очень хорошо характер своего брата, художника Льва Ильича Аронова, я все больше и больше убеждаюсь, просматривая его работы, сколько в них теплоты к людям или природе, которые он пишет, честность и отсутствие фальши всегда вкладываются мазком, кисти в черты - будь это человек, животное, птица или другие сюжеты.

Все больше убеждаюсь, проработав в медицине около 50 лет, как важно для врача, любого медика быть прежде всего Человеком, любить людей, особенно больных, уметь сопереживать их страдания и боль, быть внимательным к его чувствам, которые он переживает и даже порой преувеличивает. Без этого нет настоящего врача. К сожалению, есть еще немало врачей, которые лишены этих качеств. Их не зря называют случайными людьми в медицине. Это все уже было осознано через много, много лет.

А пока продолжается детство. Несмотря на то, что мы жили довольно бедно, скудно, у нас всегда была, если можно так назвать домработница. Обычно это были молодые девушки из окружающих деревень, стремившиеся в город на заработки, другие с желанием учиться или поступить на какую угодно работу. С работой было туго, а с жильем еще труднее. Они устраивались у местных жителей и готовы были выполнять любую работу. Помню Дуняшу, Феклушу. Имена других забыл. Дело в том, что они долго не задерживались, 2-3 года, не больше, постепенно устраивались на работу, выходили замуж и покидали наш дом. Они помогали маме убирать, мыть, стирать и подрабатывали на стороне у соседней или где-то в других местах. Маму они буквально боготворили, становились как бы членами нашей семьи. Питались с нами и их не отделяли от семьи. Мы, дети, очень к ним привязывались и, когда они уезжали, мы плакали. Каждый раз, приехав в город с маленькой котомкой, уезжали с подушками, одеялами и с неплохим приданым. Мама находила им женихов и была своеобразной сватьей. Позже они нас навещали, приходили к маме поделиться своими радостями и печалью.

Особенно мне запомнилась Фекла. Это была довольно симпатичная девушка с красивым лицом и большой длинной косой. Помню, она всегда почему-то краснела. Неплохо пела белорусские песни. Помню, от нее мы услышали белорусскую песню "Хлопец девицу кохае, ой, ой ой...". В Гомеле был в 30-х годах расквартирован кавалерийский полк (не помню, не то в 1931, не то в 1933) Чонгорской кавдивизии. Одному красноармейцу приглянулась наша Феклуша, и он стал к ней похаживать. Это был высокий, статный молодой человек, прекрасно сложенный, затянутый ремнями с шашкой на левом боку. Встречались они у нас в саду. Под яблонями стоял круглый столик и вокруг него скамейки. Весной и летом, мы пили на нем чай из самовара. Особенно приятно было весной, когда цвели яблони и лепестки падали на стол и даже в чай. Там проходили их свидания. Я не мог оторвать глаз от шашки и как-то раз он, видя мое любопытство, вынул шашку из ножен и показал ее мне. Однажды он заехал к нам во двор на красивом вороном коне. Он олицетворял в моем представлении сказочного богатыря. Верхом блаженства была минута, когда он посадил меня в седло, приказал держаться руками за переднюю луку и под уздцы провел коня по двору на зависть всем мальчишкам. Всю жизнь я буду помнить этот счастливый день. Думал ли я, что через много лет всю войну проведу на коне в кавалерий-

ском казачьем полку!

Феклу мы, дети, иногда, когда она нас донимала воспитанием, дразнили ее свеклой, но тем не менее очень ее любили за доброту, приятный голос и замечательные белорусские песни. Однажды приехал из деревни ее отец, эдакий неказистый мужичонка в длинном до пят кожухе и забрал ее в деревню, правда временно - болела их мать, лежала в больнице, а малых деток было не счесть, не то 7, не то 8, а она старшая. Уезжала со слезами, но через полгода вернулась к нам. Рассказала маме, что ее сватают за парня из богатой крестьянской семьи. Как я понимал своим детским чутьем, она любила моего кумира - кавалериста, младшего командира (он носил на петлицах, точно не помню, 2 или 3 треугольника). Мама советовала ей учиться, считая ее способной девушкой, и обещала помочь, предлагала жить у нас бесплатно, помогая маме в свободное время. Вскоре и она уехала, вышла замуж. Вот за кого - не помню.

X X
X

1927 год. В стране безработица. Отец часто болеет, кашляет. Сказываются ранение и застрявшая в легких пуля. Мать безработная, периодически ходит на биржу труда отмечаться. Помню ее печальные глаза, когда она приходила в очередной раз все с тем же: "Ничего нет, отметилась". Пробивалась случайными заработками: массаж, банки, инъекции, а если родовспоможение - это уже большая удача.

Не было ни гроша, да вдруг алтын. Мама пришла с биржи труда веселая, радостная. Наконец-то ей дали работу, но не в городе, а на селе, в деревне Тереховке, в 30-40 км от города. Акушеркой, медсестрой в районной больнице. Отец был не очень доволен. Я понимал, он любил мать, она была намного моложе его и в 1925 году родила в возрасте 43-45 лет третьего ребенка, брата Бориса и, как я потом позже понял, опасалась продолжения в том же духе, так как считала, что всему должен быть разумный предел...

Итак, мать дала согласие, и мы остались одни. Отец, старшая сестра Лиза, Сима, Борис и я. Отъезд матери в деревню сыграл в нашей жизни, особенно в моей, дальнейшей судьбе, большую роль. Мать уехала и в доме стало так пустынно, тоскливо, холодно. Мы первые дни слонялись по дому. Отец как-то ушел в себя и единственным светом в окошке была наша старшая сестра - Лизочка. Слабая здоровьем, она была сильна духом, заражала своим оптимизмом.

Она заставляла нас быть активными, каждого загружала работой, читать, соблюдать режим, который был при маме. Постепенно мы свыклись с новым положением, и жизнь вошла в свою обычную колею. Один раз в месяц мать приезжала домой, и это было для нас настоящим праздником. В то трудное для нас время, особенно в материальном отношении, она привозила масло, творог, сало, мясо, кур и прочее, что давала деревня. В Тереховку ежедневно ходили рабочие поезда, и мы стали ездить к маме в зимнее время на каникулы, а потом на все лето.

Было это через год после маминого отъезда в деревню. Весна. Пасхальные праздники. Вечер. Все готово к вечерней трапезе: стол уставлен всевозможными яствами. Все хорошо, но мы празднуем без мамы. Лизочка говорит: "Эх, как было бы здорово, если бы вдруг приехала мама..." И представьте себе, открывается дверь и на пороге мама... Что тут началось: возгласы радости, все кинулись обнимать и целовать маму, у Лизы и Симы слезы радости. Это был самый радостный праздник нашего детства.

Какое это было чудесное, незабываемое время. Пожалуй, для нас, детей, и для меня особенно. Больница состояла из 3-4 деревянных павильонов, нескольких квартир для врачей, среднего медицинского персонала, также в деревянных одноэтажных домах. Все они располагались среди большого количества деревьев, не то сад, не то роща. Дубы, клены, березы, лиственница, шелковица и другие породы. Каждой семье нарезался земельный участок до 10 соток. За огородами начинался луг, речка небольшая мелкая, примерно 10-15 м. шириной. Прекрасная белорусская природа с мягкой снежной зимой и теплым, летом. Далее в зимнее время, не говоря о весне, я ездил к маме в деревню. Четверть билета стоила 15 копеек в одну сторону. В субботу я уезжал, в понедельник утром возвращался. Я привозил продукты, мы стали лучше питаться, окрепли, стали быстро расти и развиваться. Мне шел 7-й год, но я был деловой и самостоятелен, не боялся ездить один и всегда справлялся в поездке.

Тереховка - районный центр. Типичная большая деревня. Был РИК и все прочие государственные учреждения. Расположенная на железной дороге и фактически недалеко от города, Тереховка давала возможность крестьянам летом растить хлеб, а зимой уходить на отхожие промыслы. Постепенно часть сельского населения переходила в рабочий класс, не порывая с землей, где оставались родители. Тем не менее, деревни были полнокровными, так как парни после армии возвращались домой, игрались свадьбы, вечерами молодежь собиралась в излюбленных местах, слышались песни, гармонь. На завалинках вели беседы старики. Белорусская деревня тех годов пробуждалась от многолетней спячки, темноты, нищеты и убогости. Были на деревне и кулаки, и середняки, и беднота. Шел период начала всеобщей коллективизации.

Белорусская деревня конца 20-х годов. Всеобщая коллективизация активизировала классовое расслоение и борьбу между беднотой и богатеями деревни. После введения продналога вместо продразверстки создалась некоторая стабилизация материальных условий жизни сельского населения. Были и ТОЗы и коммуны, но их, было очень мало. Хорошо помню бурные события, которые особенно проявились с началом раскулачивания. Нередки стали пожары, поджоги, нападения на милиционеров и ответственных партийных работников. В больницу привозили пострадавших, раненых. Лично видел в приемном покое избитого по полусмерти партийного работника - работа подкулачников и кулаков.

Помню высокого крестьянина с большой окладистой бородой в длинном тулупе. Он привез жену в больницу и жаловался маме: "В колхоз загоняют прямо под пулеметом - хочешь, не хочешь, а вступать придется". Я себе представил пулеметную тачанку с пулеметом, направленную на толпу крестьян. Мое детское воображение понимало все в буквальном смысле.

Да, это было беспокойное время, тревожные годы. Были у нас знакомые, хорошая трудовая семья, середняки. Все здоровые, высоки работающие. Сам хозяин огромного роста мужик, большой физической силы, подстать ему жена и дети, - двое сыновей и три дочери. Их хозяйство - дом-пятистенки, крытый соломой, подворье - хлев, амбар, курятник. Из живности лошадь и двухлетка, корова, телка, свиньи, овцы, приусадебный участок. Сколько у них было земли - не знаю. Мы были страшно удивлены, когда узнали, что эту семью раскулачили, отца арестовали и куда-то отправили в город. Как я понял, он не торопился вступать в колхоз, а возможно нелестно отзывался о методах коллективизации, которые назвал своими словами. Они

были середняками.

Смутное время. Почему-то арестовали местного священника, отца большого семейства, очень симпатичного человека - доброго и отзывчивого по характеру, которого селяне уважали. Церковь прикрыли. Несколько пасхальных праздников в прилегающем к церкви саду, в котором стоял дом попа, мы праздновали, приглашенные в гости. Очень яркие детские впечатления: помню большой длинный стол со скамейками по бокам, льняная скатерть, расшитая белорусским национальным орнаментом, а на столе чего только не было: окорок ветчины, домашняя колбаса "гадючкой", горы крашеных яиц, куличи, пасха, каравай белого пшеничного хлеба и прочей снеди. В четвертных бутылках самогон. Кроме нас, меня и мамы, были акушерка, фельдшер Кейрас, его сын Мечислав, местный почтарь, ветеринарный фельдшер - всего человек 15. Нас, детей, кормили, и мы убегали играть в сад. Все это вспомнилось особенно ярко, когда отца Василия арестовали. Никак не мог взять в толк, почему арестовывают попов, ведь они никого не убивали, не воровали, а вот поди - оказываются "преступниками". Обращался к матери, просил разъяснить, рассказать и в ответ слышал: "Не твоего ума дело, вырастешь - все поймешь".

Конец 20~х годов, начало тридцатых - самое счастливое время моего детства. Зимние каникулы - к маме в деревню, летом - от окончания учебы до последнего дня летних каникул и начала учебы все время в общении с природой: лес, река, дружба с деревенскими ребятами, выпас лошадей в ночное, бдение у костра с печеной картошкой, рассказы, сказки, небывалые истории, кто на что горазд, когда теряется грань между вымыслом, детской фантазией и реальной жизнью. Деревенские ребята, мало читавшие, многие педагогически отставшие, очень любили меня слушать, тянулись ко мне, так как сами мало читали, жадно слушали пересказы того, что я читал, смотрел в кино, да и попросту врал, выдумывая разные небылицы. Особенно им нравились страшные истории и неважно о чем, лишь бы было занятно, интересно. Ночная темень, контрастирующая с отблеском костра, мы - 5-6 ребят, сидящие или лежащие на траве и в тишине плавно текущая речь - сказка ли, история или что-то в этом роде. Как ярко вспоминается это, хотя прошло больше полвека.

Светает, сморенные бессонной ночью, засыпаем, и только утренняя прохлада и восход солнца, конское ржание и мы просыпаемся. Пора вести лошадей на водопой и гнать на подворья. Начинается трудовой день крестьянина-хлебороба. Мы верхом в деревню, а из деревни пастух гонит коров пастись, звук рожка и хлесткий, как выстрел, звук длинного пастушьего кнута.

Прихожу домой и увлеченно рассказываю матери, сестренке и младшему братишке о ночном, чем вызываю их зависть.

Свежий воздух, здоровая пища сказались на моем развитии. Я рос здоровым, крупным и физически развитым мальчишкой. Все закаляло - и купанье, и походы в лес за вениками, ягодами, орехами и прочими дарами природы. Лазанье по деревьям, драки с мальчишками, особенно с разорителями птичьих гнезд - все это были кирпичиками фундамента, который формировал характер и в моей будущей жизни сыграл не последнюю роль. Одних трудности сламывают, других - делают более сильными, закаляют.

Не могу не вспомнить коллектив больницы, тогда слово "коллектив" не было в ходу. Это сотрудники, врачи, фельдшера, медицинские сестры, санитарки, кучера, дворники и другой обслуживающий персонал. Главный врач Фридкин Давид Осипович, высокий стройный мужчина лет 30, его жена, также врач - Зайчик Вера Яковлев-

на и маленький сынишка Боря 1,5-2 годика. Вторым врачом Цымбаревич Викентий Осипович, его жена Анна Васильевна и их теща - Агафья Петровна. Фельдшер Кейрос, его сын Мечик, фельдшер Грицев, его сынишка Ленка. Особенным авторитетом пользовался заведующий райздравотделом Афанасий Васильевич Карбут. Это были культурные и высокообразованные люди. Должен сказать, что общение с ними, хотя и был ребенком, мальчишкой 9-11 лет, влияло на мое развитие и мой детский кругозор. Я был любознателен, все время обращался с вопросами, порой даже был надоедлив, но они многое терпеливо разъясняли, объясняли. Особенно я тянулся к Давиду Осиповичу. У них была небольшая, но хорошая библиотека и мне давали читать некоторые книги. Я их бережно содержал и аккуратно возвращал. При возвращении книги он меня обязательно расспрашивал, понравилась ли мне книга, заставлял кратко, но рассказать, что я понял. Многие из них уже давно нет в живых, слишком много воды утекло с тех пор, мне уже 66-й год, скоро и 70, а они уже в те 30-е годы были в возрасте. Возможно, живы и здравствуют их дети Борис Давидович Фридкин, Леонид Грицевич.

Мама дружила с Екатериной Захаровной Вигдорчик, женой районного судьи, дружила с Корбутом В.А. Это был хороший организатор здравоохранения, коммунист. Он и его семья часто останавливались у нас в городе. Очень дружила с провизором местной аптеки, старым холостяком Семеном Ильичей Гинзбургом. Председателем РИКа был Муха, мы дружили с его детьми - Володей и Людой. С Вовкой мы часто дрались, он был задирой и хулиганом.

Были среди обслуживающего персонала больницы два человека - кучер Прокоп и его сменщица Марфа. Они же и выполняли обязанности дворников, садовников и сторожей. Прокоп был интересным человеком, чем-то напомиавшим деда Щукаря. Садясь на козлы выездной брички, сажал меня рядышком и давал вожжи, я управлял конем и был на седьмом небе от счастья. Любовь к лошадям пошла у меня с детских лет. В больнице были три лошади, и я не пропускал ни одного дня, чтобы не зайти на конюшню, полакомить их сахаром, или краюшкой хлеба, посыпанной крупной солью. Мне доверяли водить коней на водопой. Около хозяйственного колодца, их было два - один недалеко от кухонного блока, другой с противоположной стороны, была длинная выдолбленная колода, в нее наливалась вода, и лошади пили вдоволь, вода была чистой, прозрачной и очень вкусной. На чердаке конюшни находился сеновал. До сих пор помню и ощущаю запах душистого сена. Иногда мама разрешала спать на сеновале, и до чего был приятен сон!

Среди врачей был один оригинальный доктор по фамилии Торглин. Сын священника, и все мы были убеждены, что он тоже поп. Обличьем во всем походил на попа, и даже разговаривал нараспев и голос был у него какой-то особенный. Слушать его было приятно. За больницей находились наши приусадебные участки, огороды. Наш был рядом с Торглиновским. Как-то мы находились на огороде, я, мама и наша санитарка Домна, у нее была небольшая грядка, мы, кажется, выбирали спелые кочаны капусты. День был пасмурным, надвигалась гроза, стало темнеть, раздались раскаты грома, сверкали молнии и внезапно так бабахнул гром, что мы все попадали, такой силы я, пожалуй, больше в жизни не слышал. Жена Торглина, маленькая хрупкая женщина, работала недалеко от нас и, когда мы поднялись, чтобы бежать домой - начался сильный дождь, увидели, что она лежит недвижима. Мы бросились к ней, она была без сознания, по-видимому, в глубоком обмороке. Мы стали ее поднимать, подбежал муж и первое, что он сделал, - стал ее крестить и мо-

литься. Мы ее подняли и понесли в дом, оказавшись там впервые, и нас удивило обилие икон и большой иконостас. Мама стала давать ей нюхать нашатырный спирт и вскоре она пришла в себя. Нам было очень интересно рассуждать, каким образом Торглин стал врачом, почему пошел в медицинский институт и чему отдает предпочтение - религии или науке или тому и другому. Это я слышал рассуждения взрослых. Помню реплику главврача: "Богу - богово, кесарю - кесарево, чего я никак не мог уразуметь. Мама считала Торглина честным и порядочным человеком, но с какими-то странностями.

Моя старшая сестра Сима была слабенькой и болезненной девочкой, часто хворала и Торглин нам посоветовал поить ее козьим молоком. К сожалению, коз в деревне не держали, и отец купил в городе козу, которую в специальной большой клетке на поезде в товарном вагоне привезли в Тереховку. Я должен был ее пасти на веревке, так как она была весьма строптивого нрава. Из-за нее я был связан по времени и не мог вдоволь убегать из дому. Я ее возненавидел, дразнил, лупил, и она мне платила еще большей неприязнью. Однажды во время дойки, доила ее мама, а я стал рядом и после дойки я ее щелкнул по носу, Она рванулась и поддела меня рогами под зад, я полетел и упал на разбитую раковину, порезал до крови довольно глубоко правую стопу, шрам до сих пор хорошо виден. Вскоре обстоятельства сложились так, что козу пришлось продать, но, действительно, те несколько месяцев, что она у нас была, оказали хорошее целебное действие на сестренку.

В 1932-1933 годах отец заболел. Ездил в Москву, где его старшая дочь от первой жены Фаина показала известному профессору. Вернулся отец из Москвы печальный, притихший. Время было голодное - 1933 год, по карточкам выдавали хлеб по норме: рабочему 600 граммов (полтора фунта), служащему фунт, иждивенцам, в том числе детям 200 граммов (полфунта).

Сильный голод поразил Украину и Белоруссию. В то время основной житницей России была Украина, но из-за игнорирования коллективизации, нежелания идти в колхоз, раскулачивания, срыва посевной кампании, да и неурожая начала 30-х годов начался голод. По всей стране была введена карточная система. Мы тоже сильно ощущали голод, так как и белорусская деревня оказалась в том же положении, что и Украина, хотя в несколько меньшей степени. Жители Украины со всякой рухлядью (вещами) наводнили деревни и города Белоруссии, главным образом южные области, примывавшие к северным областям Украины, с целью выменять вещи на продукты. В цене поднялся картофель, основная еда белоруссов. Я видел много худых, изможденных людей, в буквальном смысле опухших, как говорится, с голода.

Процветая Торгсин - это были магазины, где полки буквально ломились от промышленных и продовольственных товаров. Но продавалось там все на золото, серебро и иностранную валюту. Слово "торгсин" означало торговля на иностранную валюту. У кого было припрятано золотишко - тот не голодал. Нас на какое-то время выручили серебряные предметы обихода: подсвечники, ложки, вилки, которые мы сдавали в обмен на ржаную муку.

Болезнь отца легла тяжелым камнем на всю семью.

С весны 1934 года мама уехала из Тереховки, перевелась в деревню Носовичи, поближе к городу. Носовичи - типичная белорусская деревня, местечко "черты оседлости" - смешанное население, где проживали русские, белорусы, евреи. Мама работала в местной небольшой больнице на 20 коек. Главврачом был врач-хирург по фамилии Шишов (имени и отчества не помню). Незаурядный сельский хирург, пря-

мой и часто грубый, но добросовестный. Любил выпить и, как рассказывала мама, она часто ему ассистировала как операционная сестра, не начинал операции, пока не выпьет стакан водки или спирта. Любимым его словом было "нечистая сила".

До последних дней отец ходил. Еда не проходила, даже вода застревала в пищеводе из-за сужения раковой опухоли - грозный диагноз - рак пищевода. В июле и августе я чаще бывал в городе около отца и по 2-3 дня в Носовичах. Где-то в конце июля к нам из Москвы приехала на побывку, погостить Валентина Ивановна с сыном Вадиком - жена брата-художника Левы. Вадику было около полутора лет. Мы их увезли в Носовичи отдохнуть на природе. Места там были прекрасные - лес, небольшая речка и квартира при больнице была удобной и просторной. Я возился с Вадиком. Мальчишка был капризным, все время ревел. Я всячески старался его ублажать и единственным, чем его можно было успокоить, - щенки, я раздобыл и он с ними играл. Они погостили не более двух недель и уехали в Гомель, где за ними должен был приехать Лева и отвезти в Москву. В канун июля все собрались в городе. Отец старался держаться, ходил, садился с нами за стол, но не ел. Левушка с тоской и болью душевной смотрел на отца и попросил его позировать, он хотел написать его портрет. Помню слова отца: "Ох, сынок, вряд ли мы с тобой уже увидимся, рисуй, рисуй, пусть останется память". В течение нескольких дней небольшими урывками брат писал карандашный портрет отца. Вскоре он с женой и сыном уехал в Москву. Печальным было прощание отца с сыном. В глазах отца уже не было жизни, но они впечатляли своей отрешенностью, отсутствием и потерей интереса к своей судьбе и полным безразличием.

29 августа 1934 года отец скончался у меня на руках в полном сознании. Уходил из жизни с завидным в его положении мужеством. Через много лет, когда в 1972 году умер Лева, его дочь Валерия, разбирая в мастерской отца его работы, обнаружила небольшой портрет размером 30x20 см, холст, масло. Это оказался портрет отца. С карандашного наброска, как я потом узнал, в течение длительного времени Лева писал портрет отца. Все, кто видел портрет, мои друзья, художники и люди, понимающие в живописи, считают эту работу как одну из лучших, шедевром, музейной работой. С портрета лицо старого человека, его глаза с первого взгляда ничего не выражают, полное отсутствие жизни, но вглядываясь, видите полную отрешенность, он еще жив, но оттенки так ярко подчеркивают в целом выражение человека, стоящего на пороге смерти. Портрет висит у меня дома, и он мне безмерно дорог, как память о тех, кого я любил, и кого уже нет. После похорон жизнь постепенно входила в свою колею. Мать - вдова с тремя детьми. Надо было думать, как быть дальше, как жить, поднимать детей. Никакого, даже маленького богатства отец нам не оставил и надеяться не на кого было. Я перешел в 7 класс, Сима поступила в медтехникум, Боря перешел в 3-й класс.

Мама рассчиталась с селом и поступила в Гомеле на мебельную фабрику зав. медпунктом. Её скромной зарплаты едва хватало свести концы с концами и ей приходилось заниматься патронажной практикой: банки, уколы, массажи и др. процедуры. Мне было её очень жаль. Я решил чем-то помочь. Впервые, когда мне пошел четырнадцатый год, пошел на фабрику на поденную работу. Меня оформили с большой натяжкой (использование детского труда), временно, как подсобного рабочего. Я складывал в штабеля дранку, сортировал пиломатериалы, вывозил стружки и опилки, одним словом, был, как говорится, на подхвате. Вот, когда я почувствовал,

как зарабатываются честным трудом деньги. Только тогда в полной мере оценишь копейку - когда опосредуешь ее получение собственным трудом.

Трудно было первое время. Надо было и в школу ходить и изыскивать несколько часов для работы. Но я не сетую и не жалею, труд формирует человека, приучает ценить основу основ - что главное в жизни - честно трудиться.

Школа - это целая страница и наиболее яркая в жизни каждого из нас. В формировании характера ей принадлежит львиная доля воздействия на наш детский ум. Первое звено - это семья, второе - школа в лице педагогов и товарищей и промежуточное - двор, улица. Первый коллектив, куда мы приходим, - это класс и товарищи по парте и класс в целом. Здесь закладываются многие кирпичики нашего понятия дружбы, уважения к педагогам, преданности, товарищеской выручки, взаимопомощи, симпатий и антипатий, первые ростки детских увлечений, которые мы пытаемся скрыть, но порой весьма неудачно, выдавая себя, по причине детской наивности. Много лет прошло, а впечатления первого прихода в класс осталось на вею жизнь.

1928 год. Я ученик нулевого класса. Привела меня в школу мать. Рассадили нас по партам, девочек было больше, чем нас - мальчишек, и нас разместили по двое: мальчик и девочка. Самых маленьких ростом посадили на первые парты, кто подлиннее - к середине и на последние. Я был рослым мальчишкой и попал на предпоследнюю парту с девочкой по фамилии Отман, звали ее Цыпа?! Странное имя.

Первая учительница! Как много в этих двух словах! Сколько раз мы повторяли эти слова, сколько сложено поэтических стихов, песен, как дань уважения, признательности и любви, к тем, кто первый повел нас по дороге сознательной жизни. В классе на стене была прикреплена большая вешалка - доска с крючками. Всех мам, отцов и бабушек оставили за дверью, нам предложили раздеться, повесить одежду и головные уборы, запомнить свое место. У большинства были холщевые сумки, сшитые матерями, кто побогаче - ранцы, но таких было очень мало.

Первое знакомство. Нам представилась учительница - молодая девушка лет 20-23, сообщила свою фамилию - Канторова, назвала имя и отчество - Раиса Яковлевна.

- Я ваша учительница и буду заниматься с вами весь учебный год. Я вас поздравляю с первым уроком в вашей школьной учебе. Этот первый урок - наше знакомство и сегодня у нас будет только два урока. По порядку, на кого я укажу, должен будет встать и сказать свою фамилию, имя, сколько лет и где живет. По другим вопросам мы поговорим позже.

Многие чувствовали себя очень скованно, стеснялись, говорили, вполголоса, одна девочка даже заплакала. Сравниваю, насколько отличаются современные ребята того же возраста с теми, двадцатых годов. Какой огромный скачок! Насколько выше развитие и интеллект!

Нам рассказали о школе, каков будет распорядок, правила поведения. Всем понравилось поднимать руку в случае вопроса или желания что-то сказать. Правда, вначале активность была небольшой. Был заведен классный журнал, выбран староста. Учебный день состоял из 3-х уроков. За большинством ребят приходили родители или кто-то из семьи. Я и в том числе многие мальчишки уходили самостоятельно. В 6-7 лет мы ватагой бегали на реку и бродили по улицам города и в сопровождении не нуждались.

Нулевой или подготовительный класс - не все воспоминания конкретны и

сквозь толщу времени многие образы расплывчаты. Как везде, начинали с палочек, кружочков и других начальных знаков с постепенным переходом к буквам. По игровым кубикам с рисунками и буквами я умел по слогам читать.

Придя в первый класс, все мы умели читать, кто лучше, кто хуже. Большинство уроков были устными с пересказами, разъяснениями. Учительница водила нас всем классом по памятным местам города. Домой приходил и забывал про школу, убежал во двор, на улицу, а вечером делал уроки. Дневников не было. Имел всего 2 тетради - одну в косую, другую - в клетку. Берег каждый листок. Была чернильница невыливайка в чехольчике и ручка деревянная с пером "Пионер" или "Рондо", пенал с набором карандашей, ластик, листки промокашек и букварь. Занятия были только в утреннюю смену.

Очень смутно помню своих соучеников по нулевому классу. Нашими маленькими умами владели другие мысли. Все мальчишки, не признаваясь друг другу, были тайно влюблены в нашу учительницу, в том числе и я. Становясь старше это постепенно проходило и на смену чувству влюбленности приходило уважение.

За год учебы Раиса Яковлевна побывала дома у каждого своего воспитанника и будучи очень добросовестным педагогом интересовалась буквально всем. Для нас ее приход был как, праздник и в то же время, лично меня, очень смущал, Я был краснощеким мальчишкой и сильно краснел, становился красный, как рак. Долго меня не покидало это состояние.

1928 год. Нэп. Лавчонки полны всяких продуктов, красиво оформленные небольшие витрины с выставленными колбасами, ветчиной и прочими копченостями, кондитерские изделия, конфеты, шоколад в прочее и прочее. Мы ходили, глазели на все эти деликатесы и слюнки текли, и нам оставалось только мечтать, что когда-нибудь и нам будет это доступно. Уходя в школу, нам давали с собой завтрак. Чаще, всего это был бутерброд - хлеб с маслом или повидлом, яблоко. О колбасе, сыре можно было только мечтать.

Учеба в начальных классах до 4-го - прекрасное и беззаботное время. Помнится хорошо классный руководитель - и учителя: Зак, Конторова, Зарецкая, Сапир, Каёшка, Берман, Липстер, Азарова. Директором школы до 1932-1933г. был Нудель. Он всем нам внушал страх одним своим видом. Выше среднего роста, смуглый, с пышными черными усами и большими карими глазами под кустистыми черными бровями. Его пронзительный, строгий взгляд гипнотизировал нас, как удав кролика: он мало говорил, но и без слов нас бросало в пот, а я лично начинал заикаться. Его жена Липстер преподавала, нам ботанику и зоологию, наоборот была женщиной мягкой и добродушной. Директор умер, кажется, внезапно, и ему были устроены пышные похороны, на которые пришло много его коллег и представителей от всех школ.

Мы были обыкновенными школьниками, мальчишками и девчонками учились по-всякому, успевали каждый по-разному, были отличники, средние ученики и отстающие, не вылезавшие из 2 и 3. Дружили, увлекались, спорили, дрались, но, всегда соблюдали наши мальчишеские законы чести: не ябедничать (фискалов били), не лгать, выручать друг друга. Большинство много читали, обменивались книгами, но главным увлечением было кино.

В кинозал мы пробирались "зайцем", реже нам давали деньги на кино, но мы стремились их экономить. Нас ловили, выдворяли, драли за уши, но тем не менее мы упорно продолжали любыми путями пробираться в кино. Так же и в цирк и другие подобные заведения. Все, что удалось посмотреть, обсуждали, рассказывали друг

другу. Слово "хобби" в то время не существовало, но каждый чем-то увлекался, коллекционировал фантики, открытки, коробки от папирос, марки. Я был заядлым филателистом и собрал довольно внушительную коллекцию марок. Это увлечение было очень полезным, так как способствовало развитию общего уровня, знанию истории, географии, исторических событий, биографий выдающихся исторических личностей. Каждая марка - это миниатюрное произведение искусства, повествующее о людях, национальных героях, выдающихся государственных деятелях, военачальниках, ландшафте страны, ее флоре и фауне, геральдике и много, много другого.

Моими любимыми предметами в школе были: история, география, литература - одним словом, гуманитарные науки. Я здорово знал историю и помимо того, что преподавали в школе, много читал разной литературы по истории и беллетристики. Я состоял в детской библиотеке им. Горького (или Чернышевского) и к 13 годам прочитал всю детскую литературу, за что был премирован двумя книгами: "Рыжик" Свицкого и "Джек Осьмеркин-американец". Кажется об этом уже писал?

В те годы между классами практиковались политбои - не знаю, почему они так назывались. Состояли они в следующем: два класса, наш, 4а, и 4б состязались в знании какой-то определенной темы: истории, географии, литературы и т.п. За столом жюри из педагогов и учеников старших классов (9-10). В классе или конференц-зале (спортзале) располагались слева и справа соревнующиеся. Жюри посылало "стрелу" - так обозначался вопрос обеим сторонам. Давалось время - 2-3 минуты и старшие групп поочередно отвечали. Желающие добавляли, уточняли, возражали. Жюри оценивало ответы и по количеству набранных очков определяло победителей. Проходили эти "бои" очень увлекательно, интересно и давали возможность участвующим проявить свои знания, эрудицию, начитанность, умение мыслить и излагать свои мысли. Учитывалось все: речь, произношение, краткость по принципу, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно и широко.

В нашем классе ребят было меньше, чем девчонок. Классы были большие, просторные и в них занималось около 35-40 учеников. В школе был большой конференц-зал, он же использовался, как спортивный, В нем проходили сборы, общие собрания, митинги выступления художественной самодеятельности. Стоял большой рояль.

Помню митинг протеста и требование освобождения Георгия Димитрова и его товарищей Танева и Попова. Лейпцигский процесс, поджог рейхстага, поведение провокатора Ван дер Любе. Какие страстные речи произносились учениками, педагогами, комсомольцами! Школа, класс - это педагоги и, главным образом, товарищи, однокашники. Очень, трудно всех вспомнить, ведь прошло почти 60 лет, как я стал записывать свои воспоминания. Сколько событий, переживаний, встреч, человеческих трагедий и особенно Великая отечественная война!

Неисповедимы пути господни. Никогда не обрываются окончательно связи с друзьями, соучениками, знакомыми, родными, близкими, где-то и когда-то пересекутся пути, происходят короткие встречи, случайные или запланированные, молва, сообщения через многих лиц о тех, кого знал, с кем дружил, кого любил.

Пытаюсь вспомнить своих педагогов, которые вели нас до 7-го выпускного класса, оставивших наиболее яркий след в памяти и влияние на всю последующую жизнь.

Литературу и русский язык вела Софья Григорьевна Залеская-

Скорман. Она заложила любовь к литературе и русскому языку. Это был прекрасный педагог и замечательный человек. Детей у нее не было и всю любовь свою она перенесла на нас. А мы были сорванцами и многого тогда не понимали, сколько она вкладывала душ, здоровья, нервов, чтобы до нас доходило ее стремление приобщить, заинтересовать нас в таком предмете, как родной язык и литература. Не знаю ее судьбы, ведь была война, оккупация города фашистами, а я уехал из родного города после окончания семилетки в 1935 году. В 1938 году, когда вернулся в Гомель, ничего о ней не мог узнать. А в июне 1939 года я уже ушел служить в Красную Армию.

Учитель математики - Илья Ильич Фрайнштат. Среднего роста мужчина, шевелюра седых волос, золотое пенсне, мягкий, ласковый голос, добрейшей души человек, но очень нервный, вспыльчивый и столь же отходчивый. Его добрым отношением мы нередко злоупотребляли. Когда его что-то волновало, раздражало, а это бывало нередко и виновниками были не кто иные, как мы - он взрывался, ругал и стыдил нас, взывал к прямоте, честности, трудолюбию, приводил много примеров, говорил, а время шло и материал программы урока не выполнялся. Мне запомнился один случай. Был у нас ученик по фамилии Кадин, кажется, Яша звали его. Илью Ильича мы уважали и даже любили. Тем не менее некоторые из ребят на его уроках проказничали. И вот однажды Яшка, сидевший недалеко от доски, решил, когда учитель писал на доске задачи и объяснял нам, не поворачиваясь лицом к классу, повторять за его спиной его же движения. Получилось довольно смешно, его гримасничанье вызывало у многих улыбки и смех. Яша был очень проворным и в считанные секунды успевал сесть на место. Но в какой-то момент Илья Ильич почувствовал за своей спиной какую-то возню и резко обернулся. Яшка не успел сесть на место и был застигнут в позе, ловко подражающей учителю... Илья Ильич оцепенел, казалось, лишился дара речи, это продолжалось несколько секунд при мертвой тишине и как взорвался, но вдруг как-то обмяк, схватился за сердце, ему стало дурно и мы бросились к нему, чтобы поддержать, но он нас отстранил и вышел из класса. Все молчали, необходима была разрядка, класс загалдел, некоторые девчонки заплакали, староста класса побежала в учительскую. Мы тогда здорово отлупили Яшу, выгнали из класса, и он, не дожидаясь звонка, удрал домой. Пришел директор, долго выговаривал и срамил нас. На пионерском совете Яшу разбирали, на педсовете его исключили из школы на неделю, тогда бытовала такая форма наказания.

Наиболее запомнившиеся школьные годы - это 5-6-7 классы, соответственно 33-35 гг. Подростковый возраст, когда надо было решать, как строить свою дальнейшую жизнь. Семилетка - первая ступень завершения учебы (сейчас 8 классов). Большинство ребят, имея более или менее обеспеченных родителей, продолжали учебу до 10 класса, а наиболее способные поступали в вузы.

Невозможно все запомнить, Не зря говорят: "Основное свойство памяти - забывать"?! Но так уж устроен наш мозг, что где-то далеко, далеко остается след, он молчит до поры до времени и при определенных условиях, напряжении памяти, ассоциациях возникают забытые образы, они как бы оживают из глубин памяти и мы вспоминаем давно забытое.

Хорошая память - это не та, что всё помнит, это явление редкое, но та, которая умеет вспоминать. Мои товарищи и друзья на протяжении моей сознательной жизни считали, что у меня феноменальная память, некоторые говорили – энциклопедическая. Хотя лично я этого не считаю. Тем не менее пытаюсь вспомнить своих соуче-

ников и учителей.

Учитель белорусского языка Каёшка, Добросовестно обучал нас белорусскому языку и литературе. Владел этим языком на высоком уровне, был в него влюблен сам и пытался привить эту любовь нам, но мы учили его, как язык, а родным оставался русский.

Впоследствии это имело и отрицательные штрихи. Жителя Белоруссии всегда можно узнать по акценту, выговору отдельных слов, главным образом гласных, вместо я - а, г - в мягком произношении, ч - в твердом и т.п. Например, парадок.

Когда я приехал в Ленинград после семилетки и, хотя неплохо владел русской речью, нет-нет да и проскользнет привычное произношение, что нередко вызывало смех,

Цейтлина Эсфирь Михайловна - "немка", невысокого роста, средних лет, близорукая, всегда носила очки. Строгая и очень уважаемая. На ее уроках был всегда порядок и тишина. Не прощала никому лжи, неприготовленных уроков, не признавала никаких отговорок. По характеру очень добрая, но принципиальная и настойчивая. Немецкий язык я не любил и учил под нажимом, за что часто получал 2-3, и очень редко - 4. Экзамен сдал на 4. Во время войны я часто вспоминал светлой памяти Эсфирь Михайловну. Это благодаря ей я был единственным человеком в казачьем полку, знавшим немного немецкий язык, и меня использовал командир полка как переводчика при допросе пленных. Правда, я немного поднаторел в немецком языке, когда до начала войны служил в Литве в городе Каунасе. Имея специальный вопросник для допроса пленных плюс мои знания бытового языка, справлялся неплохо.

Пленных и главным образом "языков", которых приводили наши полковые разведчики, переправляли в штаб дивизии, где был штатный переводчик - офицер, знавший язык в совершенстве, но командир полка всегда хотел иметь данные и до отправки их в штаб дивизии - допрашивал я. В 1946 году, когда я поступил в Академию, я сдал иностранный (немецкий), на который отпускалось полгода, за один месяц и высвободил время для занятий латынью, которая вначале давалась трудно.

Ничего не пропадает. Все, что человек постигает и узнает, рано ли, позже ли обязательно пригодится, а то и может сыграть веху, событие в жизни не только своей, но и других людей.

Фамилии некоторых учителей я забыл, многих помню, подробно о всех писать не буду. Не все оставили после себя одинаковую память, восхищение, как те, которых мы особенно любили. Тем не менее всех я вспоминаю с благодарностью.

Учитель пения - Веселый (это фамилия), Берман (горбун) - маленького роста, вел природоведение и водил нас на экскурсии, очень любил природу и нам прививал любовь ко всему живому, особенно к флоре. Зарецкий, Лихтеров, Сапир.

Особо хочу остановиться на директоре школы. Он пришел после смерти Нуделя в 1932 году. Арван Михаил. Высокий мужчина, смуглый с огромной шевелюрой черных кудрей, выразительными глазами, спокойный, уравновешенный, член партии. Пользовался уважением среди педагогов. Часто заходил в классы во время уроков, посидит, послушает и тихо выходит. После окончания семилетки, на выпускном вечере в своем выступлении напутствовал тех учеников, которые покидали школу, поступали в техникумы, ФЗО и другие учебные заведения, шли работать начиная с учеников. У меня он опросил, куда я собираюсь поступать и я ему ничего

конкретного ответить не мог. Он знал, что у меня умер отец и матери трудно одной с тремя детьми. И действительно, мне трудно передать чувство, охватившее меня после окончания школы. Если его выразить словами, это состояние душевной пустоты, грусти, отсутствия какой-либо перспективы, как жить дальше?

Пока учился в школе, не думал, а что после? Ребятам, которые остались до 10 класса, не приходилось задумываться, впереди целых 3 года учебы, а потом вуз. Я ходил, как опущенный в воду, как неприкаянный. Мне казалось, что я никому не нужен и ни на что не годен. Это мое душевное смятение первой почувяла своим материнским сердцем мать... "Сынок, почему ты такой грустный?" И я с ней поделился. Да, мать есть мать! Она меня здорово поддержала в то время. Сказала: "Не горюй, сынок, все уладится, главное - не теряй надежды, подумай, куда бы ты хотел пойти учиться после школы? Пока не торопись, подумаем вместе". У нее были какие-то свои планы, о чем я в дальнейшем убедился и не ошибся. Подробно об этом позже.

Нет, пожалуй, радостней встречи с однокашником, соучеником младших классов, и особенно 6-7 класса, когда нам было по 12-13 лет! Каждый из нас, если можно выразиться, был уже личностью, со своими индивидуальными особенностями, характером, точкой зрения на дружбу, отношением к девчонкам, мечтами и смутными, но уже наметившимися планами на будущую жизнь. Фамилии многих своих товарищей помню, некоторых забыл. Неисповедимы пути господни, и с отдельными школьными товарищами были встречи, реже случайные, которые были волнующими, и встречи спланированные через переписку и разыскивание.

6-7 классы. Ребят было меньше, но запомнились они больше, чем девочки, с которыми и дружбу, водили реже. У них были свои интересы, свои тайны: увлечения, заботы. Из девочек помню Школьникову, Кокину (она заикалась и косноязычила), Фридман, Кадину, Зарецкую (отец ее преподавал). Из других классов - Король, Кофман. У Король была старшая сестра - очень красивая девушка, и с ней я встретился случайно в августе 1939 года в Смоленске. Я уже был призван в Красную Армию, красноармеец, только-только начавший службу. Нас повели строем в театр на спектакль "Илья Муромец". Мы не виделись около четырех лет, и она меня вначале не узнала. Встреча была очень приятной и напомнила родной город, школу.

Многие девушки мне нравились, но я никогда и виду не показывал. Особое уважение у меня вызывали умные девчонки, с которыми можно было поговорить о книгах, кино, спорте.

У меня вызывали восхищение ребята старших классов - спортсмены, футболисты, волейболисты. Титенский, Жлобинский, Цыркин, Шуб, Гриншун. С последним я встретился в 1950 году, когда заканчивал ВМА в Ленинграде. Затем я уехал на Дальний Восток и забыл о нем. Через 36 лет, прочитав в "Правде" очерк "Солдатский доктор", он написал мне, правда, вначале сомневался, я ли тот, о котором очерк. Я ответил, и теперь мы переписываемся довольно часто.

Мои школьные товарищи, с которыми был в разных классах, -Целемчук - приехал с Украины, одаренный и способный мальчик, ему было очень трудно переключиться с украинского на белорусский. В диктанте он делал по 50-60 грамматических ошибок.

Шац, Василевский, Шехтман Лазарь, Ревзин, Гамбург, Бак, Воробьев, Слободовский, Соркин, Стыскин, Вольфсон Нухим (отличный футболист) играл с Авласевичем (с другой школы), Янкелевич, Боровой, Лапин - с двумя последними встретился в Гомеле после войны в 195... г.

В 6 классе приехал из другого города Блинцовский, высокий сухощавый паренек, правая рука у него была атрофирована, высохшая и находилась прижатой к туловищу и животу (торсу).

В параллельном классе учились. Михаил Невельский и Боря Лифшиц, спортивные ребята. С ними встретился в Ленинграде, во дворце спорта, куда они приехали на всесоюзные соревнования по гимнастике. Как я узнал впоследствии, Невельский служил в армии, стал офицером, воевал и в 60-х годах в звании полковника умер в Киеве.

Недалеко от школы жил, забыл, как его звали, мальчик по фамилии Баскин. В каком классе он учился, не помню. Он был всегда бледен, сгорблен, страшный зануда со скверным отвратительным характером, вредный, нечестный. Кто были его родители - не знаю. У него всегда водились деньги. Ребята его побаивались. Считали, что он туберкулезник. Кажется, потом выяснилось, что у него какая-то особая форма малярии. Я его презирал и держался от него подальше.

Пинский Хаца. С ним я дружил. Отец его был конторским служащим, мать домохозяйка. Младший братишка Давид был способным и одаренным мальчишкой, увлекался стихами, писал и его считали будущим поэтом. Хаца был первым учеником, круглым отличником, эрудированным и начитанным юношей, особенно преуспевал в математике. Казалось, нет ни одной области, в которой он бы не был осведомлен. Прекрасно работал на брусьях, перекладине (турнике), кольцах. Единственным недостатком была сильная близорукость. Все время он что-то читал, записывал. С ним было интересно. 1935 год. Я уехал, он учился до 10 класса, затем поступил в педагогический институт на физмат. Наша встреча произошла уже после войны - в 1946 г.

В одном классе до выпуска со мной учился Юзик Кремеров, единственный сын у матери, вдовы. Нежный, красивый мальчик, больше похожий на девочку, тихий, спокойный. Мать в нем души не чаяла. Учился он средне, во всяком случае был не из последних учеников. У него были редкой красоты и выразительности глаза - голубого с синим оттенками удивленно смотревшими. Кто его не знал, думали, что он чего-то недопонимает и хочет не то уточнить, не то спросить, что от него хотят. Он был всегда очень ухожен, чисто, красиво и аккуратно одет. Никто его никогда не обижал, в драках он не участвовал, не сквернословил. Мне особенно запомнились его глаза. В 1946 году, будучи в Гомеле, при встрече с уцелевшими товарищами узнал, что он погиб на фронте в первые дни войны. Мне рассказывали, что творилось с его матерью, нельзя было спокойно слушать. Вскоре она умерла от горя, вернувшись из эвакуации.

Эх, матери, наши дорогие и любимые мамы! Сколько горя и слез выпало на вашу долю? Для того ли вы растили сыновей, чтобы получать похоронки? Низкий поклон вам за все, что вы сделали возможное и невозможное.

Встречаясь с матерями моих одноклассников, потерявших сыновей, я это особенно прочувствовал и всегда испытывал ужасное чувство вины перед ними - я живу, их уже нет. Почему? Разве оставшиеся и выжившие, пройдя через ад войны, виновны, что уцелели?

Могло быть и наоборот. Судьба и сотни других случаев и обстоятельств выпали на каждого участника войны. Разве это не превратности судьбы, когда некоторые, пройдя через всю войну, гибли 8-9 мая 45 г.? Можно было привести немало примеров. Возможно, позже в своих воспоминаниях напишу об этом.

В другой школе, не помню в какой, учились два брата - близнецы, похожие друг на друга, как две капли вода. У обоих головы были тыковкой, хвостиком кверху. Фамилия их была Эскины. В 1948 году в Ленинграде я их встретил в театре, не помню, что давали. Они были оба ст. лейтенантами, пехотинцами и все обращали на них внимание своей схожестью.

Больше всех я дружил с Лешкой, Алексеем Воруевым, Он был сыном железнодорожника, солидного мужчины с пышными усами. Не помню, кем он работал, кажется, помощником машиниста или путевым обходчиком. Жили они в городе за линейным районом на Одесской улице, 45, у них был большой деревянный дом. Мать - типичная белорусская крестьянка, добрая, спокойная и гостеприимная. Было у них трое сыновей: Иван, Андрей и Алексей, и одна единственная сестра - Вера. Мы были ровесники, возможно, он на 1-2 года старше. Семья их не порывала с деревней, где у них жили родственники и престарелые родители. Мы все свободные дни проводили с Лешкой на природе: ходили в лес по грибы, вязали веники для бани, на реку или просто бродили по городу. Он мне много дал и научил. В 1939 г. в июне он пришел попрощаться. Ему шел 20 год, мне - восемнадцатый. Я уже после Ленинграда закончил фельдшерскую школу, работал в больнице, он - рабочим на заводе. "Иду служить в Красную Армию, в авиационные части, т.к. учился в аэроклубе", - сказал он. Прощание было почему-то грустным, возможно где-то далеко, подспудно что-то тревожило. Больше мы никогда не встречались. В 1946 году я приехал в родной город и сразу же пошел на Одесскую улицу. Залинейный район, расположенный за Моховым переездом, был целиком деревянный, но, как ни странно, в основном уцелел. Тот же дом с садом. Встретился с матерью и сестрой Верой. Они искренно обрадовались, потом заплакали. Я понял, что Алексея нет. Постепенно, исподволь расспрашивая, узнал, что он пропал без вести. Горько и больно отозвалась в душе эта встреча. Я высказал предположение, возможно, он жив, как многие тысячи, попавшие в число пленных и перемещенных лиц, на что мать возразила: "Нет, я знаю Лесика (ласковое от Алексея), он никогда в плен не сдастся". Я посидел в саду, где мы провели много памятных и приятных дней. У них была огромная собака по кличке Кудлик - русская овчарка, и она околела. Все напоминало прошлое, безвозвратно ушедшее детство, неповторимое, дорогое и светлое.

Меня интересовали школьные друзья и педагоги.

Узнал историю с директором школы Михаилом Арваном. Как мне рассказали, он не успел эвакуироваться и был задержан немцами, использовался как переводчик, пытался бежать в лес к партизанам, был схвачен и расстрелян. Такова версия, о которой я узнал в пятидесятых годах. Надеюсь, со временем узнать подробности. Хочу верить, что он до конца оставался преданным своей родине патриотом, гражданином, человеком и коммунистом.

Война! Сколько она искалечила человеческих жизней!

Мой родной город особенно сильно пострадал. Много жителей, не успевшие эвакуироваться, погибли в том числе. Несомненно, многие мои соученики, их родители, близкие и родственники. Фашисты никого не щадили. Уверен - мои сверстники по учебе в школе не посрамили чести и храбро сражались с врагом на разных фронтах.

В 1946 г, когда я в течение нескольких дней бродил по городу, вернее его развалинам, пытаюсь найти хотя бы место, где стоял мой отчий дом, где я родился и откуда в июле 1939 г. ушел служить в Армию, мои поиски не увенчались успехом. Так,

примерно, приблизительно определил по некоторым ориентирам, т.к. было уже много индивидуальных деревянных застроек. И все же по остаткам фундамента одноэтажного каменного дома Цыбулькиных и спиленным двум вербам кое-как сориентировавшись, нашел, хотя на 100% не уверен.

Пошел на Крестьянскую улицу, где стояла моя школа... огромная коробка без окон и дверей, одни проемы и внутри кучи щебня, битого кирпича и погнутой арматуры. На стенах много надписей: "Учился в этой школе с... по..." и подпись - рядовой, гв. лейтенант, фамилия, имя, четко и разборчиво. Горжусь участием в освобождении родного города от немецко-фашистских захватчиков. Искал знакомые имена, фамилии, но, увы!

Итак, закончена семилетка, выпускной вечер, большинство ребят беззаботны, каждый знает свое дальнейшее стремление, во всяком случае те, которые будут заниматься до 10 класса, кто в техникумы, кто учеником в рабочие. А я, вот, не знал. Буквально на следующий день, проснувшись, я глубоко задумался. Мне 14 лет, в августе пойдет 15, а что дальше? Мне стало так грустно и опустошенно на душе. Я почувствовал себя никчемным я ненужным никому человеком. Мне было просто тошно. Возможно, кто-то и испытывал подобное чувство? Решил взять себя в руки, встряхнуться, подумать. Поделиться мне было не с кем. Да вряд ли мои сверстники правильно поняли бы меня.

Я уже упоминал о матери, которая обратила внимание на мое состояние. И вдруг!

Письмо из Ленинграда от маминой сестры Фаины. Она жила в Ленинграде, в семье своей дочери Жени. Федосья Наумовна Аптекман была средней по возрасту сестрой. Старшая сестра Александра Наумовна или, как мы ее называли, тетя Саша жила в Москве со своими двумя дочерьми Павой и Ривой, Самой младшей была моя мать. Федосья Наумовна задолго до первой русской революции 1905 г. вышла замуж за профессионального революционера Николая Аптекмана. Жили они на Кавказе не то в Георгиевске, не то в Теберде. Николай Георгиевич работал ревизором-бухгалтером, Федосья - домашней хозяйкой. Было у них 5 детей. Старший Георгий (Жора) и 4 дочери. Назову их по годам: Елена, Ольга, Евгения и Мария. Ко времени, которое я описываю - 30-е годы, все были уже в возрасте, обзавелись семьями.

Тетка Фаня не работала, была персональной пенсионеркой за определенные заслуги не то мужа, который погиб во время революции, не то за свои личные в года Гражданской войны. Старшая ее дочь Елена Николаевна, по мужу Дейкина, была замужем за Николаем Дмитриевичем Дейкиным, жила в Ленинграде. Николай работал фотографом. Был у них единственный сын Дима. О нем пойдет речь ниже. Две дочери Ольга и Мария были замужем за двумя родными братьями Рождественскими. Оля за Германом, Мария за Вадимом. Жили они в Твери (Калинин). Отец братьев - Рождественский был известным врачом в городе и относился к когорте земских врачей. Младшая дочь Женя (Евгения Николаевна) жила в Ленинграде, была замужем за Дрибинским Семеном Вениаминовичем - студентом технического вуза. С ней-то и жила моя тетка Федосья. Они занимали большую трехкомнатную квартиру на Староневском (Невском) проспекте (дом 146, кв. 101). Большой серый дом между улицами Харьковской и Полтавской. Первый этаж - большой хозяйственный магазин. Тетя занимала одну комнату, но жили они одной семьей. Женя не работала, воспитывала дочь Люсю, которой было 8-9 месяцев. Жили они очень скромно, на теткинскую пенсию, которая по тем временам была довольно большой (104 руб.) и стипендию

Семена, который еще немного подрабатывал черчением.

Тетка была большим оригиналом, с очень добрым, до безрассудства, характером, могла кому-то из жалости отдать необходимые ей самой или детям вещи, деньги и т.п. Никогда не унывала, была остроумна, обладала большим юмором. Могла с кем угодно заговорить на улице, поделиться мыслями, начать рассказывать аналогичные истории, случаи, стечение обстоятельств, причем ее поведение было не навязчивым, к ней тянулись люди, ее любили за доброту и отзывчивость. Казалось, а так это и было, - цель ее жизни было - творить добро.

Сестра написала маме письмо и предложила прислать меня в Ленинград, где я мог бы продолжать учебу или начать работать. Она писала: "Паша, я знаю, как тебе трудно одной с тремя детьми. Кто тебе поможет, если не я? Сама понимаешь, что больших возможностей у меня нет, но как-нибудь перебьемся. Жить он будет у меня, места хватит. Комната большая - 18 м². Все же это Ленинград, где возможности большие и перспективы".

Мне трудно описать восторг и радость, охватившие меня! Неужели я поеду в Ленинград, город, о котором мог только мечтать и живущий в моем юношеском представлении, как легенда. Я много читал, смотрел кинофильмы и зримо представлял особо известные места, памятники: "Зимний", "Смольный", "Исаакий", "Медный всадник", Невский проспект и многие, многие другие достопримечательные места. Ночь после письма, а я читал его по нескольку раз, я плохо спал, видел во сне какие-то причудливые здания, замки, отрывки из просмотренных фильмов, одним словом, все смешалось в какой-то фантастической круговерти. Мне не верилось, что поеду. Охватывал страх от одной мысли, что вдруг тетка раздумает или возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства. Торопил мать. Это был июль месяц 1935 года. Начались сборы. Мои товарищи все дни перед отъездом толпились дома у нас и во дворе. Провинциальные мальчишки, редко кто из нас выезжал за пределы родного города, а тут Ленинград... Многие завидовали мне, каждый по-своему, кто светлой, кто и черной завистью.

Меня собирали в дорогу налегке. У матери были сомнения, устроюсь ли я, возможно, вернусь ни с чем, а как мать переживала по-своему, отрывая от себя сына, боясь всяких неожиданностей, а вдруг что-нибудь?.. Не исключаю и такой мысли с ее стороны, что боялась меня отпускать, ведь мальчишка может и свихнуться, попасть в дурную компанию и бог знает, какие мысли ее обуревали, как всякую мать, тем более мне было 14 лет, возраст весьма "опасный".

Но вопрос решен. Я не думал о том, что меня ждет, как все сложится - возраст не для размышлений. Ленинград - вот что главное.

Не думал тогда, что мой отъезд из дома определит в моей жизненной судьбе всю мою дальнейшую жизнь и главное в ней - профессию. Молодость - беззаботна, она не способна заглянуть далеко вперед, жизнь кажется лучезарной и впереди все только хорошее.

Город меня ошеломил своей красотой, блеском улиц, шумом трамваев, автомобилями, которых я никогда раньше не видел: линкольны, бьюики, паккарды, шевроле, форды и т.д. Огромные витрины магазинов, красиво оформленные, товары, горы сладостей, кондитерских изделий, гастрономии, зелени, фруктов и т.д. и т.п. Я был оглушен шумом, массой движущихся и спешащих во всех направлениях людей. Я как-то вначале оробел, почувствовал себя каким-то маленьким, беспомощным и никому не нужным человечком. Меня никто не встречал. На руках у меня был не-

большой чемоданчик и адрес тетки. Немного адаптировавшись, расспросив адрес, поехал на Невский, 146. Ехал на трамвае, впервые в жизни. Все было интересно, незнакомо и любопытно.

Дом пятиэтажный, огромная серая громада. Подымаюсь на 3-й этаж, звоню в дверь. За дверью кто-то долго возится, пытаюсь открыть. Наконец дверь открывается, на пороге молодая женщина с ребенком на руках, мне показалось, что ребенок спит, но смущала поза его, какая-то безжизненная, обмякшая, со свисающими ручонками, а головка на плече у матери. Я поздоровался. Женщина - моя кузина Женя, видел ее впервые, хотя слышал, что есть такая. Она была бледна, взволнована, в состоянии какой-то прострации, глаза заплаканы. Интуитивно я почувствовал какую-то беду.

Женя меня назвала по имени безучастно, автоматически пригласила пройти в квартиру. Я шел за ней, ничего не понимая. Но, когда она положила ребенка на кровать, увидел, что это девочка, примерно 8-10 месяцев, бледная, исхудавшая, без сознания, периодически стонавшая. Я спросил: "Тетя Жена! Что с девочкой?" Она заплакала и сказала, что она очень больная, вторые сутки не ест, не пьет, беспрерывно рвет и поносит, сильно ослабела и уже больше ни на что не реагирует. Сеня в отъезде, тетя на даче и сама она в полной растерянности.

Я, мальчишка, почувствовал, что ребенок умирает, а мать растеряна, теряет драгоценное время и ребенок может вот-вот умереть. С детских лет я обладал одним качеством - решительностью и в экстремальных случаях действовал. Я закричал: "Тетя Женя, что же вы ждете, надо скорее нести Люсю в больницу, она ведь умирает! Пойдемте, я не знаю, куда, скорее, побежим". Стал дергать ее за руку, тормошить, торопить. Она завернула девочку в легкое одеяльце, т.к. стояла сильная жара, и мы буквально бегом пошли, как Женя сказала, на 2-ю Советскую в детскую больницу им. Раухфуса. В приемном отделении врач и сестра накричали на Женю, когда увидели безжизненное тельце ребенка: "Как вы, мать, могли запустить до такой степени ребенка?" Люсю унесли, а мы остались в приемном отделении в тягостном ожидании. Несколько дней ребенок был между жизнью и смертью и выжил буквально чудом. У нее оказалась токсическая диспепсия. Теперь-то я, как врач, прекрасно понимаю, что сие значит для грудных детей. Говорят о раке, о судьбе. Не хочу оказаться нескромным, но не появился я в тот роковой час, возможно, Люся не выжила бы и умерла. Я об этом никогда и никому не высказывал этой мысли, но об этом всегда говорила Женя и другие родственники, знавшие о стечении обстоятельств того дня. Вот так обозначился мой первый день приезда в Ленинград, город моей судьбы.

Через несколько дней приехала тетя Фаня, вернулся из командировки Сеня - муж Жени, Люся стала поправляться и через полмесяца ее выписали из больницы. Не скажу, чтобы Женя ж Сеня обрадовались моему приезду. Мне ничего не говорили, но часто интуитивно я чувствовал себя незванным гостем. Как потом выяснилось, тетка с ними не посоветовалось, пригласив меня к себе. Сеня студент, учится в институте, подрабатывает, Женя занимается на курсах по дошкольному воспитанию, материально нуждаются и главная опора - персональная пенсия тетки, И так трудно, а тут еще приехал я, лишний рот, не устроен, без денег. Я был смущен, внутренне очень переживал и с первых же дней тяготился своим положением бедного родственника у бедных родственников. Через несколько дней у меня появилась мысль, а не уехать ли домой, но тут же мне представлялась мысленно мать, мои товарищи,

педагоги, все, кто мне завидовал. Да, мальчишеская гордость, мечты, надежды, планы о своем будущем и внутренняя борьба, что делать? Как быть? Я решил бороться, добиваться исполнения своей мечты - учиться, работать и вернуться домой, только чего-то достигнув, как любили выражаться, стать человеком.

Не унывала одна только тетка. Она заявила, что все уладится, к трудностям надо привыкать и своего любимого племянника, то бишь меня, никуда не отпустит.

Я сдавал экзамены в педагогический техникум и не прошел, В диктанте сделал несколько грамматических ошибок, главным образом из-за белорусского языка, путал с русским и не прошел. Время шло, и я решил с согласия моих родственников устроиться на работу. Паспорта у меня еще не было, были метрики. Я считался не, только несовершеннолетним, совершеннолетие начинается с полных 18 лет, а просто подростком - в августе мне должно было исполниться 15 и пойдет шестнадцатый, а в 16 выдают паспорт. Меня могли принять на работу, согласно законам по охране труда детей, на неполный рабочий день, не более как на 4 часа.

Внешне я выглядел на все 18 лет: высокий, здоровый, как говорили кровь с молоком. Аппетит у меня был всегда отменный, занимался спортом и уже к 15 годам рост был 170 и вес 80 кг, ботинки носил 43-й номер. Мы, т.е. я с Сеней, ходили и искали работу. Мы обходили немало предприятий и в первую очередь приходили в отдел кадров. С первого взгляда с нами начинали говорить по-деловому, срабатывал мой внешний вид, но, когда узнавали, что мне 15, всякий интерес пропадал и ответ был однозначный - отказ. Часто говорили - учиться надо, идите в ФЗУ, вас нигде не возьмут, вам даже нет и 16 лет.

В одном месте было место ученика наладчика швейных машин в пошивочной мастерской, и я уже было обрадовался, что меня возьмут на 4 часа работы вначале учеником с оплатой 30 руб. в месяц, но, когда узнали, что я не прописан, кстати я даже не понимал, что это означает, мне отказали.

Заканчивался август, ежедневно продолжалось хождение в поисках работы, ходил я уже сам, но, увы, все безуспешно. Прошло больше месяца, как я жил в Ленинграде у тетки. Жили мы более чем скромно, питались скудно, я чувствовал, что в тягость, меня охватывало отчаяние, но я не сдавался. Стараясь как-то оправдать свое иждивенчество, я стремился помогать по дому, ходил в магазины за покупками, помогал готовить, убирал в квартире, каждый день гулял с Люсей во дворе и в скверике. Наш завтрак состоял из чая с ситным, обед - перловый суп и тушеный картофель на постном масле с луком. Прошло много лет, а перловый суп с мясом до сих пор мое любимое первое блюдо. Ежедневно покупали полкило или кило мяса, коренья, картофель и варили суп. Но такого вкусного и душистого я уже больше не едал. Молодость, здоровье, волчий аппетит, а главное то, что большая нужда не баловала. Надо было довольствоваться тем, что есть.

В те годы в магазинах было обилие продуктов и что душе угодно. В витринах, красочно оформленных» выставлены горы всевозможных гастрономических изделий, фрукты, овощи, сладости. На углу Невского и ул. Рубинштейна находился большой рыбный магазин "Главконсерв". Все дары моря и рек можно было купить: севрюга, осетрина, стерлядь» икра черная зернистая, паюсная, китовая, миноги, угри, различная сельдь - залом, керченская, иваси, рваная шейка, соснинская и жупановская селедочка, копченые лещи, вяленая вобла, вязига и в аквариуме живая рыба — какую хочешь, ту тебе и вылавливали. Всегда останавливался перед витринами и смотрел. Знал все цены наперечет, глотал слюнки и уходил. Должен заме-

титель, что продукция ленинградских пищевых комбинатов была очень высоких вкусовых качеств, ее отличало от других городов, в том числе и Москвы, какой-то особый вкус и пикантность. Прочитав немало литературы о старом Петербурге и всяких подробностях, я находил немало общего в оценке обилия и высокого качества продуктов настоящего с прошлым. По всей вероятности, еще сохранились старые мастера, знатоки и еще живы были традиции. Везде шла бойкая торговля, в магазинах былолюдно, но без очередей.

В те годы коренных ленинградцев отличала высокая культура, интеллигентность, выделялись старые питерские рабочие, их можно было, всегда узнать по манере поведения, внешности и гордому виду, осанке. Ленинградцы приезжих, особенно из Псковской, Вологодской и других областей, расположенных вокруг Ленинграда, обзывали "скобарями". Неопрятно одетых, сомнительного вида - "гопниками", молодых ребят - "огольцами". Ленинградская речь считалась эталоном русского разговорного языка. Я старался изжить свою весьма грубую речь, состоящую из смеси русского и белорусского языков и особых произношением окончаний, мягко произносимого г и особенно ударений. Надо мной нередко посмеивались, иногда передразнивали, Я сердился, обижался, но это побуждало избавляться от ошибок и акцента. Со временем я стал говорить чисто и приучил себя следить за своей разговорной речью.

Немного отвлекся. Воспоминания, ассоциации, как цепочка, тянут одна за другой в далекое прошлое.

Потеряв всякую надежду устроиться на работу и чувствуя себя на птичьих правах, я решил пойти в Ф.З.У. Экзамены сдал успешно, благо больших знаний не требовалось. Я пошел на завод ВТУЗ им. Сталина на Выборгской стороне, по-старому улица называлась Кронверкский проспект. Надеялся, что мне дадут общежитие, благо обещали через 2-3 недели. Но, увы, отказали. Сказали - живешь у родственников и хорошо, есть такие, у которых вообще никого нет, приехавшие, из деревень области и других городов. Хотел забрать документы, но один старый питерский мастер - настоящая рабочая косточка - к сожалению, забыл его фамилию, помню звали Иван Егорович, сказал: "Слушай, паренек, иди в ученики токаря, у тебя 7 классов, грамотешка достаточная, обучишься, да на учебе будешь получать 20-25 целковых".

Я послушался, меня оформили, и я стал учеником. Первое время меня прикрепили к опытному рабочему. Я таскал болванки, получал резцы, ветошь, масленку, чертежи, чистил и следил за станком, смотрел, как работает мастерски и красиво мой наставник Иван Фомич. Станок токарный, на котором меня стали обучать, назывался ДИП, что означало догнать и перегнать, но вот кого - я не знал, вероятно, Америку. Не могу сказать, чтобы я был способным учеником, практические навыки токарного дела давались с трудом. Было много брака при вытачивании различных мелких деталей, наставник ругал меня и все поговаривал, что это не для меня работа.

Несколько раз приходил Иван Егорович, подбадривал, о чем-то говорил с Иваном Фомичем. Постепенно дела пошли лучше, хотя и не блестяще. Шел второй месяц обучения, наступила осень, пошли ленинградские осенние дожди, я порядком обносился, ботинки порвались, осеннее пальтишко порвалось, зимнего не было. К несчастью, заболела тетка и ее положили в больницу. Сеня, Женя и другие родственники все настойчивее рекомендовали уехать обратно домой. Раз я не поступил учиться, то учеником можно устроиться и дома. Я болезненно переживал свое поло-

жение, ведь жил я у них, питался с ними, а они сами жили в нужде. И опять же надо мной довлело мальчишеское самолюбие: уехать, ничего не добившись. Какими глазами буду смотреть в глаза родных, друзей, товарищей.

В конце концов, это было не больше, как самолюбие, довольно обостренное, по сути, у мальчишки-провинциала. Передо мной была целая галерея образов людей, сильных, волевых, преодолевающих трудности и, в конце концов, добивающихся исполнения своих целей и замыслов.

В Ленинграде у меня были еще родственники. Кузина Елена Николаевна (Леночка) - дочь тетки. Замужем она была, за Николаем Дмитриевичем Дейкиным. Познакомились они на Северном Кавказе, не то в Георгиевке, не то в Тиберде. Леночке было 17 лет, когда он влюбился и буквально не давал прохода, как рассказывала тетька. Они поженились, вскоре у них родился сын Дима, Дмитрий Николаевич. Елена была красавицей. Я уже о ней писал. Николай тоже был статным, симпатичным мужчиной, высокого роста, подтянутый, казак, настоящий джигит. Дима, их отпрыск, оказался под стать родителям, унаследовал от них лучшие качества не только внешние, но черты характера: доброту, отзывчивость, смелость и такую, как драчливость. Я его очень любил и гордился им. Мы были одногодки. Познакомились в середине тридцатых годов, когда они в 1925-1926 гг. приехали в Гомель и поселились на Почтовой улице. Нам было по 5-6 лет. Дима ходил в красиво сшитой, хорошо подогнанной черкеске, в бешмете, папахе и башлыке. На груди горели газыри, на наборном кавказском ремешке висел маленький кинжал. Местные мальчишки сбегались, глазели на него, как на чудо; все просили показать кинжал, вынуть из ножен, но Дима изрекал: "Без нужды не извлекай, без славы не вкладывай" и был непреклонен. Мне он тоже не показывал. Потом я узнал, что это красиво имитированный, не извлекающийся из ножен декоративный детский кинжальчик. Димка был задира, драчлив и умел драться. Его отец - Николай Дмитриевич был страшно ревнив и частенько поколачивал свою супругу. Лена терпела. По характеру и по своим нравственным качествам была честной, преданной и верной женой. Зная себе цену и то, что хороша, красива и постоянно привлекает взгляды мужчин, безобидно принимала знаки внимания, ей это, как и всякой женщине, нравилось. Николай не злоупотреблял вином, но, когда выпьет, становился агрессивным. Вероятно, Димка унаследовал драчливость от своего папаши. В конце 30-х годов они переехали в Ленинград. Жили Дейкины на ул. Рубинштейна в известном доме Толстова, недалеко от 5 углов в коммунальной квартире, у них была комната 18 м². Николай работал в институте связи им. Бонч-Бруевича, Лена кассиршей в гастрономе. Профессии у нее не было, образование 8 классов гимназии. Ни учиться, ни работать муж из чувства ревности не разрешал. Дима в 15 лет был высоким, атлетически сложенным юношей, красив, как Аполлон. Учился хорошо, занимался спортом, преуспевал в боксе и играл в школьном духовом оркестре, кажется, на альте, впрочем, точно не помню. И Николай Дмитриевич, и Лена тоже уговаривали меня уехать домой. Один Дима поддерживал меня морально и твердил: "Не слушай их, добивайся общежития, все обойдется". Я очень любил его и вовсе не из родственных чувств, а по духу, как товарища и единомышленника. Возможно, я опережу события и немного отойду от хронологической последовательности своих воспоминаний, но допишу до конца трагическую судьбу этой семьи. Все события узнал позже, в 1946 году, когда приехал в Ленинград и поступил в В.М.А.

В 1939 г. Диму призвали в Красную Армию. Как хорошего музыканта и спортс-

мена его взяли в В.М.А., где он служил в военном оркестре, руководил спортивной работой, отстаивал спортивную честь академии. Когда началась Великая отечественная война, Академию эвакуировали в Самарканд и с нею весь обслуживающий персонал. Дима должен был эвакуироваться, но не тут-то было. Он подает рапорт командованию откомандировать его в действующую часть, так как не считает возможным находиться в тылу. Его отговаривали товарищи по оркестру, но Дима был непреклонен и его отправили в действующую армию. Отец и мать эвакуируются на восток. Николай заболевает туберкулезом и в армию его не берут. Диме в сентябре присваивают звание сержанта (командир отделения). Враг все ближе и ближе подходит к городу Ленина, город окружен, идут кровопролитные бои, фашисты рвутся захватить город - колыбель революции, на защиту любимого города поднимается весь народ. Идут жестокие бои под Лигово. Дима командует отделением, затем взводом. В одной из атак он тяжело ранен, перебита нога, голень и бедро. Его эвакуируют в госпиталь, он лежит в одном из корпусов Академии, оборудованном под стационар для раненых. Как рассказывали его товарищи, после операции и наложения гипсовой повязки он переносил сильную боль и все просил снять гипс, так как все горело, он впадает в бред, состояние прогрессивно ухудшается и на 7-й день он умирает. Как предполагают от заражения крови. Похоронили его на Пескаревском кладбище, где мать и отец, вернувшись из эвакуации, поставили оригинальный памятник на его могиле.

После сооружения Пескаревского мемориала, где покоятся тела сотен тысяч мужественных ленинградцев и воинов нашей армии и флота, в героической и беспримерной в истории человечества блокаде отстоявших город Ленина, есть и индивидуальное скромное надгробие, где покоится прах, незабвенной памяти, моего любимого брата и друга Димы. На надгробном камне высечены слова:

Сержант Дмитрий Николаевич Дейкин
1921 - 1941 гг. (45 воинская площадка)

Всегда, когда я приезжаю в Ленинград, еду на Пескаревское кладбище, чтобы возложить цветы, поклониться дорогому мне человеку и всем, кто сложил свои головы в боях, выдержал кошмар и ад блокады, но отстоял Ленинград от фашистской чумы. Это дань памяти лучшим сынам и дочерям Родины и, пока мы их помним, они бессмертны. Мертвые остаются в сердцах и памяти живых.

Тяжело пережили Дейкины смерть единственного сына, которого не могли забыть. Это их сильно подкосило, особенно отца. Болезнь прогрессировала и перешла в открытую форму. Он сильно сдал, постарел, поседел. Лена делала все возможное. Ленинградский климат с высокой влажностью, частыми дождями был вреден для его здоровья, и они решили переехать в Москву путем обмена своей комнаты на равноценную московскую. Пока я учился в Ленинграде, я к ним часто заходил и, чем мог, помогал. Они меня любили и всегда были рады моему приходу. Я понимал, что напоминал Диму. Мы были одноклассники, дружили, нас видели всегда вместе и все это была частица прошлого, столь дорогого и милого сердцу. В 1951 г. я уехал на Дальний Восток, и мы изредка переписывались. Где-то в 60-х годах они переехали в Москву. Вскоре Николай Дмитриевич скончался от чахотки. Узнал я об этом, когда служил в Погранвойсках на Дальнем Востоке. Единственно, чем мог помочь - это материально.

В 1960 году я обосновался в Москве и часто бывал у Лены. Она жила одиноко на свою небольшую пенсию в Сокольниках, рядом со станцией метро. Стала часто

болеть. Беспокоил диабет, В свои 60 лет она сохранила благородную осанку и бы- лую красоту, когда за глубиной прожитых лет остаются очень характерные и яркие черты неповторимой красоты молодости. Все ее сестры и многочисленные племян- ники остались в Ленинграде. В Москве были я, Пава и ее дочь - Сусанна Иванова. Леночка была чрезвычайно добрым человеком. В своей долгой и порой трагически складывающейся жизни - не ожесточилась ее сердце. Это был человек, смысл жиз- ни, которой было - творить добро. Кому только она не помогала и обязательно бес- корыстно: навещала больных, дежурила у постели безнадежных, умирающих одно- ких, ходила за продуктами, доставала лекарства, которые были особенно дефицит- ны, приходила к каким-то старушкам, помогала приготовить, а кулинарка она была отменная, хлопотала в получении жилплощади, писала ходатайства и прошения от имени тех, кто это сам красиво и толково сделать не мог. Ее приглашали ухаживать за престарелыми людьми, в прошлом крупными учеными. Несколько лет она была экономкой у известного ученого М. Она была человеком, наделенным многими каче- ствами: природным умом, эрудицией, много читала и знала наизусть выдающихся русских поэтов, с ней можно было поговорить о музыке, живописи, биографии писа- телей, поэтов, композиторов и музыкантов» Ее прекрасно поставленный голос дей- ствовал как-то особенно успокаивающе на людей, особенно больных. Встречаются люди по своему облику, складу характера, ласковым, успокаивающим голосом, кото- рые проникают в глубину души другого человека. Она была обаятельна, и качество это не складывалось из суммы каких-то особых приемов понравится. От нее исходи- ло какое-то естественное излучение доверия, доброты. В ее отношении к человеку было искреннее чувство сопереживания, причем не навязчивого. Высокая интелли- гентность дополняла все перечисленные качества. Люди к ней тянулись. Если она несколько дней ухаживала за больным или немощным человеком, с ней не хотели расставаться и буквально умоляли не покидать их. Я был свидетелем, когда по ее просьбе консультировал опекаемого ею старого профессора, который заявил мне - если Елена Николаевна откажется его присматривать, он на второй день умрет!! - "Это не человек, а ангел во плоти и только благодаря ее уходу он до сих пор живет, она для него свет в окошке". В то же время, отдавая время, здоровье, внимание дру- гим, она была бескорытна. Она познакомила меня с Лидией Андреевной Рус- лановой. В течение какого-то времени я периодически ее консультировал. Лидия Андреевна страдала ишемической болезнью сердца и в тяжелой форме диабетом. Леночка была ее компаньонкой, и она очень лестно отзывалась о ее человеческих качествах.

Последние годы она часто болела. Ей дали хорошую комнату в новом, совре- менном доме. В 1975 г. я ее несколько раз клал в больницу. В конце 1975 года ухуд- шение прогрессировало. Я почти через день ходил навещать ее. 26 января 1976 г., не приходя в сознание, она скончалась. Похоронена в Москве на "Немецком" клад- бище, рядом с могилой мужа. Прошло больше 10 лет и еще пройдет много времени - живущие, кто знал ее не забудут и всегда помянут добрым словом, как дань ее большой трудной жизни, отданной людям.

Из других родственников расскажу о семье Аптекманов, У тети было четыре дочери - Елена, Ольга, Мария, Евгения и один сын Жора - Георгий, Все они роди- лись на северном Кавказе, Георгий Николаевич, участник гражданской войны был комиссаром, одно время был заместителем легендарного комкора Фабрициуса, ко- гда тот командовал военным училищем. Об этом мне рассказывал Жора и пишу с

его слов. В начале 30-х годов работал и учился, получил финансово-экономическое образование, был способным и знающим финансистом. В Невеле женился на местной девушке Анне Григорьевне, мещанке. Жили они в Ленинграде, Жора работал главбухом Александрийского театра. Было у них двое детей, Юрий и Бела. Они приходились мне внучатыми племянниками, кажется так считается по генеалогическому дереву.

Жили они на 6-й Советской улице, в большой коммунальной квартире. Жили богато. Жора много зарабатывал. Помню их квартиру - большая комната метров 40 и спальня. Большой старинный рояль фирмы "Беккер". Детей обучали музыке. Очень способным оказался Юра, менее способной - Бела. Юра, подвижный, энергичный юноша, не лишенный юмора, Бела - спокойная, флегматичная, весьма упитанная девочка, любившая больше сидеть на диване.

В 1935 г., когда началась стройка Комсомольска-на-Амуре, Георгий Николаевич был командирован на высокую должность. Шел 1937 год. Начались аресты "врагов народа", смутное настало время. Юра учился в десятилетке, был комсомольцем, общественником. Я у них часто бывал, но почувствовал, что меня принимают, как бедного родственника, старался быть пореже. Жил я впроголодь, хотелось есть. Их дом был полной чашей, но Анна Григорьевна особой щедростью и гостеприимством не отличалась. Общих интересов у меня с Юрой не было, и он смотрел на меня свысока. Белочка была доброй и отзывчивой девочкой, но очень инертной, далека от каких-бы то ни было житейских проблем. У них жила домработница Тася. Редко встретишь такого преданного семье человека. Она любила ребят и беспрекословно подчинялась хозяйке - Анне Григорьевне. К тем годам Аня сильно располнела, она никогда и нигде не работала. Денег было много, муж все время в командировках, наезжал изредка и привозил всякого добра и денег. Аня днями лежала на подоконнике и глазела на прохожих. Сестры Жоры очень ее не любили и вообще не общались. Они были бедны, но горды и презирали эту семью, а Жору корили за бесхребетность, забвение своих родных сестер, нежелание помочь в трудную минуту. Георгий Николаевич в целом был добрым и отзывчивым человеком, но у него жизнь сложилась не весьма удачно и счастливо. Он любил ребят, души в них не чаял, но, как я понял, не любил жену. Думаю, у него было на стороне много интересных женщин.

И вот пришла беда. Жору арестовали, обвинив в попытке бежать в Китай, прихватив большую сумму денег?!! И так, Георгий Николаевич объявлен врагом народа. Никогда я этому не верил, хотя высказать в то время эти крамольные мысли было очень опасно. До глубины души возмутил меня поступок Юры. Он публично в школе отказался от родного отца, выразив ему свое презрение, как врагу народа. Насколько растлили души детей, подрастающее поколение, если дети (таких примеров было много) так легко отказывались от своих родителей, вплоть до того, что даже проклинали. С тех пор я потерял к нему самое элементарное уважение. Ничего бесследно не проходит, и будущее осудило тех, кто готов был продать друзей, товарищей, родителей. Когда началась Великая отечественная война, Юра был призван в Армию, воевал, был танкистом, был награжден. В блокадные годы умерла Анна Григорьевна, Белочка была призвана и служила в какой-то части в блокадном Ленинграде, голодала, много пережила. Жора отбывал наказание в лагерях. Печальной и трагичной оказалась судьба Таси, От Аптекманых она ушла, и работала официанткой в столовой. По старой памяти по крохам собирала еду и носила Аптекманам. Ночью ее выследили и убили, захватив скудную еду, которую она несла.

В Ленинграде жила моя сестра Сарра, родная по отцу. По Гомелю я ее не помню. В 1923 или 1924 г. она, вопреки воле отца, уехала в Ленинград к старшей сестре Фане, работала, училась, закончила институт, получила комнату, работала инженером-экономистом. О ней речь пойдет дальше.

Были у меня товарищи по работе, такие же ученики, но у них дела шли более удачно, они оказались способными ребятами. Для учеников два раза в неделю проводились занятия по теории: черчение, чтение чертежей, устройство станков, обработка металла (холодная) и др. Помню Осокина, Леппо, Муратикова. Это были славные ребята, особенно мне нравился Осокин. У всех у них были нормальные условия жизни, отец, мать, братья, сестры. Несколько раз я был дома у Осокина и завидовал ему. Он был на 2 года старше меня и по характеру очень серьезный, молчаливый, но настойчивый и упрямый.

Этот период - осень 1935 г, запомнился мне. Чувством голода, все время хотелось есть, и оно отвлекало меня от всего, чем я занимался. Сосет под ложечкой, слюна заполняет рот, а потом и поташнивает.

В это время я познакомился с одним пареньком, моим одноклассником, - Федей. Встретились на заводском дворе, он брал расчет, хотел перейти на другое место. Разговорились. Он получил расчет и деньги. Пригласил зайти в забегаловку, поесть. Предложил взять по кружке пива и сардельки. Я сказал, что у меня нет денег, но он махнул рукой, улыбнулся: "Я угощаю", - заявил небрежно. Это, пожалуй, первая кружка пива в моей жизни, и вскоре у меня закружилась голова, стало приятно, весело, хорошо. Он пригласил меня к себе домой. Жили они на Выборгской стороне. Обыкновенная, ничем не примечательная комната в большой коммунальной квартире, неубранная, неопрятная, смятая постель, диван, небольшой стол и старый шифоньер. У Федей отца нет, мать работает, сестренка младше его, ходит в 3 класс. Я ни о чем не расспрашивал, он больше интересовался мной. Кратко рассказал о себе. Я не курил, он предложил закурить, я отказался. У нас завязалась дружба, вернее знакомство. Дела мои на заводе шли не ахти, я переживал, старался, но успехов особых не достиг. В сердце закралась неуверенность, грызли сомнения. Дома стыдно было признаться в своей бесталанности, неспособности.

Дома я старался находиться как можно меньше: завод, слонялся по городу, глазел на богатые витрины магазинов, иногда заходил к родственникам, чаще к Дейкиным, где мог поделиться с Димкой, реже - к Аптекманам, навещал тетку в больнице. Каждый раз она старалась меня покормить. Сердцем она понимала, что мне не сладко, и подбадривала: "Не горюй, скоро выйду из больницы и все будет хорошо". Женя относилась ко мне хорошо, Сеня внешне не проявлял своего недовольства, но интуитивно я чувствовал, был бы рад, если бы уехал домой.

В конце октября я понял, что токарь из меня не получится. Надо было что-то решать. В один из таких дней пришел Федя. Что-то изменилось в его облике, он был одет в приличном осеннем пальто, кепочке и новых полуботинках. Пригласил меня с ним пойти в столовую пообедать. На улице его ждали друзья - двое ребят постарше него и девчонка лет 14-15. Мы познакомились и отправились обедать. Обед был обильный, ребята пили водку, мне тоже налили лафетник, я хорошо и много ел, но вскоре опьянел. Мы поехали к одному из ребят. Это был деревянный дом, каких было много на окраинах в те годы. Это было жилье Шуры - девчонки из этой компании. Ребята о чем-то шушукались, вполголоса спорили, затем двое куда-то ушли. Быстро смеркалось, где-то около восьми вечера вернулись с пакетами еды, водки, вина, пи-

ва. Стали ужинать, обильно прикладываясь к спиртному. Мне предложили остаться ночевать. Но я, несмотря что охмелел, ушел. Меня мутило, стало рвать, все, что я съел и выпил, вырвал. Тошнило, болела и кружилась голова. Пришел домой поздно, все уже спали. Сеня ничего не сказал, но посмотрел на меня презрительно осуждающе. К приходу домой я протрезвел и дал себе слово - никогда не пить. Ведь до этого я практически не пил не только водки, но даже пива. В своих новых "друзьях" я еще толком не разобрался, но подспудно чувствовал, что за их образом жизни и поведением кроется что-то загадочное.

Через два-три дня снова пришел Федя и пригласил в компанию.

Сказал: "У Шуры день рождения". Предложил: "Зайди домой и предупреди, что не будешь ночевать дома, скажи - иду к товарищу по работе на день рождения", что я и сделал.

Меня смущало отсутствие денег. Надо было купить какой-нибудь, пусть дешевый, но подарок девушке. Федя дал мне взаймы 5 руб., предлагал больше, но я отказался. Зашли в магазин, купили красивую шкатулочку за 7 руб., Федя дал еще 5 руб. Я заметил, что у него, по моим представлениям, много денег. Действительно, все было приготовлено, накрыт стол, виновница торжества красиво одета, ребята были уже навеселе. Меня приветливо встретили, я вручил Шуре презент и цветы.

Поздравили. Первый тост произнес Костя, как я понял, он был старший в этой компании, его все слушались. Мне предложили с Шурой выпить на брудершафт. Об этой традиции знакомства и переходе "на ты" я знал, читал, но у меня это было впервые. Выпили, поцеловались, я сильно покраснел. После нескольких тостов я опьянел, но было почему-то тревожно на душе. Компания стала петь блатные и неприличные песни, многие из которых я слышал впервые. Нецензурные слова, блатной жаргон так и рвался наружу. Двое ребят о чем-то стали спорить, назревала драка, но вмешался Костя, цыкнул, одному смазал по роже и стало тихо. Я хотел уйти, но меня не пустили, заставили еще выпить за милую Шурочку, но я все больше пьянел, прилег на кушетку и не помню, как уснул. Проснулся среди ночи, было темно, все спали на полу вповалку на ковре, Шура в обнимку с Костей. Хотелось пить, мутило, я выпил полстакана лимонада, лег и снова уснул. Утром проснулся от холода, меня знобило, ребята уже встали и опохмелились. Я не стал пить, отказался. Был воскресный день. Ребята предложили поехать и прошвырнуться в город по Бродвею, так назывался Невский проспект (в то время проспект 25 Октября).

Приехали на площадь Восстания, пошли по проспекту. Я глазел по сторонам и у меня было желание оторваться от компании, попросту смыться, но ребята меня не упустили из виду. Я сказал, что хочу посмотреть пугало, так окрестили памятник императору Александру III. Мы все подошли к памятнику. На гранитном пьедестале на огромном коне восседал царь, император Всероссийский. Огромный постамент, под стать ему конь, отнюдь не верховой, а скорее легко - артиллерийский, да и сам царь в форме донского казака: мундир, кубанка, шашка, сапожища со шпорами производили впечатление чего-то непостижимо огромного, но не величественного, грубого и неотесанного. Говорят, что памятник олицетворял Россию огромную, мощную и в то же время малокультурную и отсталую. Меня заинтересовала надпись на постаменте, Я прочитал: "...Мой сын и мой отец при жизни казнены, а я пожал удел посмертного бессловья, торчу здесь пугалом чугуном для страны, навеки сбросившей ярмо самодержавия". Под эпитафией - император Всероссийский, царь Польский и т.д. и т.п. Я никак не мог понять каким образом на памятнике при его открытии, естествен-

но в старое время, до революций могли учинить такую надпись??! Значительно позже я узнал, что после свержения царизма, когда власть перешла к рабочим и крестьянам, решался вопрос, как быть с этим памятником, снять, отвезти на задворки или переплавить? Демьян Бедный предложил, после решения Правительства оставить памятник, эту эпитафию, которую выбили над подписью титулов...

Осмотрев памятник, пошли по Бродвею. Нас было шестеро, шли переговаривались, заходили в магазины, Я заметил, что ребята по команде Кости, смешавшись с посетителями магазина, пристраиваются позади какого-нибудь человека, то ли мужчины, то ли, женщины, стараясь стоять почти вплитирку, забираются в карман двумя пальцами, причем прикрывает карманщика один, стоящий впереди жертвы, другой сбоку, справа или слева в зависимости, в какой карман лезет рука. Я ужаснулся, да ведь они карманные воришки! Ничего себе компашка. Я вышел из магазина и хотел убежать, но рядом оказался Федя.

- Ты куда? Ты что думал, мы тебя кормили и поили задаром? Не забудь, за тобой должок - десятка. Или сейчас отдавай, или мы тебе разукрасим физиономию, родная мама не узнаёт. Ничего, не горюй, и тебя обучим.

В это время из магазина вышли остальные ребята и пошли быстрым шагом в разные стороны. Мы с Федей поехали туда, где я заночевал, Я был в полном смятении. Слишком поздно понял, как ловко меня завлекли в воровскую компанию и чем все это может кончиться. Какой позор! Неужели могу стать вором? Непостижимо и не укладывается в голове, обуревают самые дикие и страшные мысли. Трусом я не был, но хорошо знал повадки блатных и воров. Надо было что-то придумать, как вырваться из этой беды. Прежде всего решил не горячиться, все обдумать, взвесить и действовать. Моего адреса Федя не знал, я ему не говорил, знал только, где и кем работаю.

Когда все ребята, в том числе и Шура, собрались, не стесняясь меня, стали подсчитывать деньга - наворовали больше 100 рублей. 50 рублей на выпивку и закуску, остальные поделили и мне дали 10 рублей, сказали "твоя доля". Денег я не взял, заявил, что в деле не участвовал. Мне приказали: "Главное - держать язык за зубами, если я не хочу получить перышка, и через два дня прийти в малину", как они называли этот дом,.

Я ушел. Дома расспрашивали, где был, у кого ночевал. Пришлось соврать. Весь день и ночь, которую почти не спал, а если и засыпал накоротке, просыпался от страшных сновидений, так как продумывал разные варианты. Самым правильным было бы уехать домой, причем, чем быстрее, тем было бы лучше для меня. Но снова это "но", а что я скажу матери? Тетя в больнице, я уже, как писал домой, устроился учеником-токарем и вдруг срочный отъезд. Снова сыграло мальчишеское самолюбие. А что я отвечу товарищам? После 4-5 месяцев возвратиться ни с чем, ничего не добившись.

Решил, надо уходить с завода, найти другое место и как можно подальше от Выборгской стороны. На следующий день подал заявление на увольнение в связи с отъездом домой, на родину, в Гомель, так как заболела мать и мне необходимо быть дома. Меня быстро, через день, рассчитали, я получил расчет и 8 руб. 50 коп.

Больше я на заводе не появлялся, ребята, мои соученики знали, что я уехал домой. Уверен, что Федя приходил и они ему, если он дотошно разыскивал меня и спрашивал их, сказали.

Что же делать дальше? Заканчивался октябрь, стало холодно, зарядили ленин-

градские осенние дожди, впереди ноябрь, люди готовились к октябрьским праздникам, а я слонялся по городу почти бесцельно. Проходя по одной из улиц, увидел обрывок большого печатного объявления о приеме в какое-то училище. Какое - уже разобрать было трудно, так как остались отдельные буквы афиши. Удалось прочесть слова - "Иногородним предоставляется общежитие" и адрес училища: ул. Ивашенцева. Наугад пошел по этому адресу. Это оказалось в конце Невского проспекта, недалеко от дома моей тетки. Выяснил, что это медицинское училище при больнице Боткина. Инфекционная больница, называвшаяся раньше Боткинские бараки. Действительно, территория больницы довольно обширная и огороженная забором, на ней бараки деревянные и новые, кирпичные павильоны. Расспросил, узнал, что медицинское училище готовит фельдшеров. Приемные экзамены были в августе, занятия идут около двух месяцев, конкурса не было, был даже недобор. Никогда не думал, что у меня может даже возникнуть мысль стать медиком, В этот день многое разузнал и разведал. Директор училища Николай Иванович Забелин, заместителя по учебной части фамилии не помню...

На следующий день пошел в училище. Перед кабинетом директора сидела секретарша. На мою просьбу, как пройти на прием к директору, спросила: "А по какому вопросу?" Я был смущен, не знал, что ответить, немного растерялся, но все же ответил - по сугубо личному. Она вошла в директорский кабинет, попросила меня подождать. Директор меня принял. Я зашел и "язык прилип к небу? Стою, молчу, не знаю, с чего начать. Он спросил: "Молодой человек, я вас слушаю, почему молчите?" Я сильно волновался и первое, что сказал, было мое желание, чтобы меня приняли в училище. Директор посмотрел на меня, лицо его выражало удивление и любопытство. Успокоившись немного, я более уверенно начал говорить. Сказал, знаю, что прием давно закончился и скоро закончится первый семестр, но прошу сделать для меня исключение. Он меня внимательно слушал. Я искренне рассказал о своем приезде в Ленинград, своих мытарствах, о родственниках, болезни тети, не обо всем о своей судьбе на заводе, а главное ударение сделал, что я из семьи медиков и мечтаю пойти по стопам своей матери.

Здесь я покривил душой. Зная о его возможном возражении, я сам предложил принять меня условно, дать две недели, в течение которых я готов сдать прошедший материал и, если я сдам по требуемым дисциплинам, зачислить меня. Сделал упор, что мне фактически негде жить и я бы очень хотел, если меня зачислят, - дать место в общежитие. Николай Иванович Забелин - директор училища - седой, красивый человек, высокого роста, элегантный и по всем манерам типичный ленинградский интеллигент, как-то располагал к себе, одним своим видом. В эти минуты решалась моя судьба. На всю жизнь, о чем я понял и осознал спустя годы.

Николай Иванович сказал, что ему следует обдумать мою просьбу и посоветоваться с завучем, просил прийти на следующий день. До следующего утра я, естественно, пребывал в большом волнении и решил, если не примут, - уеду домой. Следующее посещение у директора началось с собеседования, присутствовала завуч - женщина и еще какой-то мужчина, фамилии не помню. Мне задавали самые различные вопросы: чем я интересуюсь, что читал, знаю ли я историю, географию, чем увлекался, называли фамилии ученых, деятелей медицины и др., и что я о них знаю, кто они и чем примечательны. Здесь сыграла моя эрудиция и огромное количество книг художественной литературы, которое прочитал. Я был любознательным юношей и мои ответы, по-видимому, их удовлетворили.

Николай Иванович объявил свое решение: меня зачислят условно, могу приступить к занятиям, учить текущий материал и готовиться к зачету за пройденный. Написал заявление, показал метрики и меня на этих условиях допустили к занятиям. Правда, директор предупредил, что общежитие мне предоставить не могут. Возможно, в дальнейшем, если освободится место - я получу общежитие. В душе я ликовал, и мне очень хотелось сделать все, чтобы достойно сдать и остаться в училище.

Хорошо помню группу, в которую меня определили. В ней было около 30 человек, в основном девушки и женщины, некоторые в возрасте 25 лет и даже выше. Проходили предметы: анатомия, латынь, физика, химия, обществоведение. Я погрузился в учебу. Память у меня была очень хорошая, цепкая, как считали ребята - феноменальная. Анатомию преподавал профессор Бубликов, по его учебнику для средних медицинских училищ мы готовились. Он был стар, и у него тряслась голова и руки, но лекции он читал превосходно: интересно, доходчиво, понятно. На третьем занятии он стал меня вызывать и спрашивать материал прошедших двух занятий. После одного из ответов он сказал: "Из вас выйдет толк". Меня очень воодушевили его слова.

Две недели я усиленно занимался, по конспектам и учебникам знакомился и усваивал прошедший за 2 месяца материал и постигал текущий. Дома одобрили мое решение, особенно Женя и Сеня. Ведь в целом они ко мне относились неплохо, тем более когда узнали, что, возможно, мне предоставят общежитие. Две недели пробежали незаметно, приближалось время сдать зачет или довольно необычный экзамен. Это было собеседование и проверка, как я усвоил пропущенный материал и знаю текущий. Принимали директор, завуч и два педагога. Отвечал я неплохо, на все вопросы отвечал, часто выходя за рамки темы, так как много читал не только по программе, но связанные смежные разделы. Особенно остался доволен Николай Иванович. Позже до меня дошло, что он взял на себя смелость и ответственность принять меня условно, и у него были противники. Моя победа, если ее можно так назвать, была и его победой, вернее подтверждением правильности его решения.

Я стал полноправным студентом. Теперь мне положена была стипендия 16 рублей. Тогда давали ее всем без исключения, независимо от успеваемости. Что такое 16 руб. в те годы. Если жить на одну стипендию, то ее хватало ровно на неделю. Большинство студентов жили в семьях с родителями, многие были из пригородов Ленинграда и даже деревень. Этим присылали деньги, они ездили на выходные домой и привозили продукты. Свою стипендию я отдавал в семью тети и у меня были карманные деньги, буквально гроши. Общежитие мне так и не дали, как ни говори, я жил у родственников, а большинство студентов были приезжие. В те годы профессия фельдшера, медсестры не котировалась, особенно у юношей. На всю группу было всего четверо мужчин и то один великовозрастный. Я успевал в учебе, времени свободного хватало, и надо было думать, как найти подходящую подработку.

Наступили зимние холода, я был плохо экипирован, особенно было холодно в осеннем пальто. Выручили Дейкины - мне отдали пальто Димы, еще вполне приличное, а ему купили новое.

При больнице была котельная, которая отапливала все бараки и павильоны. Я познакомился со старшим кочегаром, точно фамилии не помню, кажется Ханин, он был и по совместительству сантехником. Без оформления он взял меня в помощники кочегара, поддерживать в топках огонь, периодически подбрасывая уголек. Работенка несложная, следи за давлением, поддерживай нужную температуру. Я оста-

вался после занятий, подменяя штатного кочегара. Механик уходил по своим делам, я оставался один. Около восьми вечера я был уже свободен. Иногда я дежурил и ночью, Ханин платил мне 30 руб. в месяц. Это было, конечно, незаконно и в конце марта или в начале апреля он меня рассчитал. Об этом периоде вспоминаю. Можно было читать, повторять заданные уроки. Единственно - было жарко.

Занятия шли своим чередом. Я освоился в положении студента. Заканчивался теоретический курс, начинались практические занятия в палатах у постели больного.

Мне было 16 лет. Нельзя со смелостью сказать, что был подготовлен к тому, с чем мне придется столкнуться в моей будущей профессии медика. До поступления в медицинское училище я как-то об этом не думал. Юность часто беспечна, смотрит на жизнь сквозь призму интересного, доброго, красивого. Все кажется прекрасным, тем более - вся жизнь впереди.

Когда мы впервые пришли с врачом, ассистентом нашей труппы в палату и нам стали показывать больных, первое, на что я обратил внимание, - это на страдания больного человека. Что же я почувствовал при этом? Жалость, сострадание, какое-то необъяснимое чувство неуверенности в стабильности и стойкости человека перед болезнью. Я не мог сосредоточиться на восприятии объяснений, которые давала наша руководитель подгруппы. Нам почему-то сразу стали демонстрировать тяжелых больных. Начиналась сестринская практика, закладывающая основы ухода за больными. Это очень важная часть лечения больного и от ее усвоения зависит очень многое в будущей работе не только врача, но и всех звеньев медицинских работников.

Начинали с практических навыков младшего медицинского персонала - санитарки: как повернуть больного, посадить, сменить постельное белье, подать и положить правильно судно, утку, поправить подушку, напоить из поильника, дать в постели умыться. Сестринская практика - основа основ среднего медработника стационара.

Врач обследует больного, назначает лечение, манипуляции, процедуры, исследования, анализы, а медицинская сестра все это выполняет, и от ее добросовестности, аккуратности зависит эффект лечения. Инъекции подкожные, внутримышечные, внутривенные, горчичники, банки, обертывания, грелки, пузыри со льдом, компрессы., повязки, растирания, массаж, электро- и водные процедуры - их результаты зависят от сестры, как они будут выложены. Все это было заложено в училище основательно и хорошо. Если врач всего этого не знает и не умеет, будь у него семь падей во лбу, он плохой врач. Ведь он должен уметь объяснить, показать, научить, исправить ошибку. Прошло много лет, я стал врачом и всегда с благодарностью вспоминаю первые ступени своего медицинского образования, своих первых медицинских наставников, педагогов - врачей, опытных медсестер и замечательных, душевных и добрых нянечек-санитарок.

Учеба шла своим размеренным порядком. Я успешно занимался и все время подрабатывал, так как стипендии никак не хватало.

В Ленинграде жила моя родная сестра Сарра, родная по отцу. Она была способной, одаренной девушкой и в двадцатых годах уехала из дому, вначале в Москву к старшей сестре Фане, а затем в Ленинград. Закончила финансово-экономический институт и работала в должности инженера. Незамужняя, молодая, интересная женщина, личная жизнь ее не сложилась. Занимала крохотную комнатку 8 или 9 м². Я к ней заходил, и она мне периодически помогала материально и поддерживала

морально. Я ее, скажу прямо, стеснялся, так как раньше не знал. Она была очень душевным и добрым человеком. До моего приезда в Ленинград она жила на Лермонтовском, у нее была большая, хорошая комната около 20 м². Напросилась к ней подруга, которой не было где жить. Сестра ее пустила, помогла устроиться и позже прописала. Через какое-то время она стала претендовать на часть площади, требуя размена. Вот так нередко бывает. Комнату разменяли и сестра оказалась в крохотной комнатенке. Мне было стыдно брать у нее деньги, хотя я знал, что она помогает от души.

Решил найти более или менее приличную работу и ни от кого помощи не брать. Сложность заключалась в том, что с утра до половины дня я должен был заниматься и ходить на практические занятия в клиники, больницы, консультации и лаборатории. Оставалась вторая половина дня, вечер и ночь. Посоветовался с Саррой. Она заявила, что будет мне ежемесячно давать 40 рублей, чтобы я занимался и не искал работу. В трудные месяцы так, и было, но позже я категорически отказался от ее помощи. Всегда вспоминаю с любовью и уважением ее образ, В 1949 г, в январе месяце, когда я был слушателем IV курса ВМА, я ее навещал, она так и не вышла замуж. В январе, помню, я сдавал экзамены по фармакологии, когда меня срочно вызвали ее соседи и сообщили, что она внезапно скончалась среди полного здоровья. Я бросил все и побежал в больницу и в морге только тогда, когда ее увидел - убедился, что она действительно умерла. Не верилось и не укладывалось в голове, разум не хотел мириться с происшедшим, но от реальной действительности не уйдешь.

Я подрядился в артель по разгрузке барж, вагонов. Что такое артель? Это группа людей, человек 6-8, во главе со старшим. Были стихийные артели, но они быстро распадались, были и постоянные. Попасть в артель не так-то просто. Многие зависело от главного. В основном там были люди намного старше меня, тоже подрабатывающие» имевшие и основную работу, но нуждающиеся, были и пьянчуги. Старший артели брал себе, всегда большую долю, остальные деньги делили поровну. Мы разгружали вагоны, с дровами, угольными брикетами, осенью арбузы, дыни, яблоки и другие фрукты, капусту и прочие овощи. Самое главное было - работать, быстро, не филонить. Старший работал наравне со всеми, объявлял перекур, небольшой отдых. Хорошо поработавший ночь можно было заработать 10, 15 и даже 20 руб. Долго я этой работы не выдержал. В месяц 3-4 такие вкалывания сказывались на занятиях, хотелось спать, одолевала дремота, болели руки, плечи, поясница. Тем не менее от учебы не отставал. Когда во время одной такой работы, было это в выходной день, повредил ногу, сильный ушиб, дело это оставил.

Удалось устроиться в одной средней школе на 3 часа работы в медпункте. Я был уже на втором курсе, как ни говори, а какое-то отношение к медицине уже имел. Я занимался взвешиванием, определением роста, спирометрией, динамометрией, проводил осмотры, проверял санитарное состояние, одним словом, помогал школьному врачу, Вел записи в личные карточки каждого ученика. Получал я 25 руб. в месяц. Все шло хорошо, пока одна из учениц, кажется 8 класса, стала проявлять ко мне повышенный интерес. Мне она была совершенно безразлична, но пошли сплетни, разговоры, что она в меня втюрилась и я ей вскружил голову. Мне было смешно и я вначале этому не придавал значения. Однако дальше больше, пошли среди ребят и даже педагогов ненужные разговоры, что было крайне неприятно. Я решил уйти и вскоре рассчитался.

На правом берегу Невы за мостом (Володарского?) на участке леса находилось

несколько деревянных коттеджей. Место это называлось дача Чернова. В ней располагался стационар на 100 коек для больных туберкулезом с открытой формой, выделявших бациллы, палочки Коха.

Однажды я в кино познакомился с девушкой, звали ее Кэт, Кети, Катрин, а по-русски просто Катя. Было ей лет 15-16. Разговорились. От нее узнал, что мама ее работает старшей сестрой на даче Чернова. Я сказал, что ищу работу, я медик, студент медицинского училища. Несколько раз мы встречались, и она пригласила зайти к ним. Познакомился с ее мамой, солидной, как мне показалось, строгой женщиной, но доброй. Прозондировал почву в отношении работенки. Вскоре я устроился ночным сторожем по 4 часа работы. Чередовался с еще одним парнишкой с полночи до 4 утра и с 4 до 8, потом на занятия. Кроме 30 руб. в месяц, хорошо кормили. Больных кормили, как говорится, на убой, они не ели, многие отказывались, на кухне оставалось много еды и поварихи нас подкармливали. Я рвался к работе по специальности, уже были кое-какие специальные знания и навыки.

Главврач больницы, молодая интересная женщина, правда хромая, разрешила оформить меня на полставки на фельдшерскую должность. Я измерял температуру, выполнял различные процедуры. 3 месяца я там проработал, и вдруг грянула буря.

Комиссия по охране труда узнала, что я еще не достиг 18-летнего возраста, работаю с больными с открытой формой туберкулеза, предложила главврачу немедленно меня уволить, а ей объявила выговор. И так, я опять без работы.

Осенью 1937 г. умерла тетя Фаня. Это было для меня большим горем. Самый дорогой для меня человек, поддерживавший меня, ушел из жизни. Я понял, что осиротел.

Перед этим я побывал в отпуске дома. Ехал уже как студент II курса и, главное, - при часах. В те годы было модным приобретать карманные часы довольно большого размера ("Кировские" или завод Молотова), приделывать ушки и на ремешке носить, как ручные. Человек при часах - это уже что-то значит. Всем купил подарки - маме, Симе и Боре. Недорогие, но приятные сувениры. Чувствовал, как мать гордилась мною, в душе ликовала, но вида не показывала. Приходили товарищи, интересовались, расспрашивали. В их глазах я был человеком, в смысле, что добился своего, учусь и работаю. Не знали они, как, все достигалось, сколько пришлось пережить, бороться и выстоять. Быстро пробежал летний отпуск, каникулы, и я вернулся в Питер.

Хоронили тетю пышно, как заслуженного, человека. Ленсовет разрешил похоронить ее в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище. Каждый раз, когда я приезжаю в Ленинград, навещаю могилу. Скромная ограда, раковина и огромный железный крест, который поставил Дмитрий Николаевич - муж Лены (ее зять).

Мне особенно запомнился день похорон. Выли все дочери, родственники, Дима, Юра и я шли вместе. Больше всех тяжело было мне...

После возвращения из отпуска Женя с Сеней решили менять свою 3-комнатную квартиру на меньшую с получением доплаты. Они сильно нуждались и думали поправить свои дела. Был я на птичьих правах, так как меня выписали, и повис в воздухе. Надо было искать жилье. Они сменили чудесную 3-комнатную квартиру на одну большую комнату 30 м² в коммунальной квартире на Конюшенном переулке, что недалеко от ул. Желябова. Естественно, я у них жить не мог. Начались поиски угла. О чем мог думать больше бедный студент! Сколько я ни ходил, спрашивал, искал, но все безуспешно.

Начались занятия. Последний курс, много практики, работа в больницах, поликлиниках, консультациях. Настроение отвратительное. Все один к одному, жить негде, работы нет. И все же мне повезло. Один из моих товарищей, Коля Смирнов, поговорил со своими знакомыми. Работали они, муж и жена, дворниками при больнице Бехтерева. Квартира была у них казенная - небольшой флигелек, где была небольшая клетушка, буквально размером на один топчан, метра 2-2,5. Временно мне разрешили пожить, пока не найду угол. Несколько раз ездил за город: Озерки, Порголово, Ковголово, но увы! Все безуспешно. К родственникам решил не обращаться. Работы не было, было голодно, порой живот сводило в судорогах, мутило и кружилась голова. На углу Старо-Невского и Суворовского проспектов был продовольственный магазин со всеми отделами. Слоняясь я заходил и обзирал товары, мысленно представляя, если бы у меня были деньги. Вышел из магазина и... нашел кошелек. Он лежал на обочине панели. Я его быстро поднял, меня колотила дрожь, оглянулся - как будто никто не видел, зажав в руке перешел на другую сторону, зашел в столовую. Заглянул в туалет, зашел, закрылся и открыл находку. Там лежали 5 рублей, мелочь и колечко желтого металла. Колечко было в одном месте надпилено, по всей вероятности проверяли, не золото ли это. Явно, что не золото. Кошелек и колечко я выбросил в унитаз, помыл руки и прошел в столовую. Наелся до отвала на 3 рубля и с 2 рублями в кармане пошел в свое временное жилище.

В студенческой столовой можно было за 30 коп. наесться досыта. Я брал 3 порция пшенной каши по 7 коп. и 2 стакана чая, хлеб бесплатный, входит в сумму. С этими 2 рублями я перебилась до стипендии.

Повезло с работой. В управления больницы нужен был курьер. Меня приняли на должность курьера. Мои обязанности заключались в переноске бумаг из одного отдела в другой, два раза в месяц рано с утра 6 часов занимать очередь в банке для кассира Эдуарда Эдуардовича Бертрана, который получал аванс и зарплату под расчет. Я успешно справлялся с этой миссией. Ожидая открытия банка, мог читать, наблюдать ночную жизнь города. Интересно, ночной город живет своей жизнью и, если внимательно присматриваться к людям, их поведению, можно увидеть много любопытного.

Слоняются полуночники, завсегдатаи ресторанов, мужчины, ищущие ночных приключений, - женщин легкого поведения, обращают на себя внимание проститутки, их сразу можно отличить. В то время работали дежурные ночные магазины - гастрономы. Открывались, если не ошибаюсь, с полночи или с 23 ч. и до утра. В них продавалось все: вино, водка, любые продукты и хлеб. С одной стороны, большое удобство, так как они располагались недалеко от вокзалов, с другой, - водка продавалась круглые сутки, и в ночное время было немало происшествий, связанных с пьянством.

При мне всегда была книга, и я читал. Занимать очередь надо было где-то около часу ночи и до 7 утра, когда приходил Эдуардович и я шел на занятия, если это было в период учебы или домой спать. Иногда пропускал занятия - лекционные, но не клинику или другие практические занятия. За работу курьера я получал 30 руб. в месяц, бесплатный обед в столовой при больнице и проездной билет в трамвае и автобусе. Троллейбусов и метро тогда еще не было. Работа мне нравилась, люблю быть в движении, ездить, изучать город, тем более такой, как Ленинград. Я хорошо изучил районы, улицы, площади, проспекты, парки, маршруты транспорта, памятные места и другие достопримечательности города. Я знал многие дома, проходные

дворы, как быстрее куда-то пройти, добраться, сэкономить время. Особенно мне импонировал бесплатный проездной билет. Тогда контролеры проверяли чаще, касс не было, плату за проезд взимал кондуктор. Я заходил, молча садился, если были свободные места, и ждал, чтобы кондуктор обратился ко мне: "Молодой человек, билет оплатили?" - я гордо извлекал проездной и показывал.

С работой я успешно справлялся и в занятиях не отставал, но беспокоил квартирный вопрос.

Я писал о магазине на углу Старо-Невского и Суворовского проспектов. Как-то я разговорился с продавщицей - женщиной лет 35, возможно, немного больше или меньше. Я спросил ее, не знает ли она кого, кто мог бы сдать угол для студента-медика. Рассказал о себе, что мне негде жить и что в июне 1938 года я заканчиваю техникум и уезжаю домой в Белоруссию к матери. Сказала, поспрашивает, велела зайти через несколько дней. В следующий приход она просила меня зайти к ней домой. Оказалось, живет она на Старо-Невском, совсем недалеко от моего техникума. Если не изменяет память, дом 156. Находился он в глубине двора, типичный дом старой Петербургской постройки. На первом этаже моя будущая хозяйка Серебрякова, имя и отчество запомнил, занимала небольшую комнату примерно 12-14 м² с одним окном, выходящим во двор. В комнате стояла двуспальная никелированная кровать, стол, что-то вроде небольшого шифоньера и деревянная раскладушка. Чистотой комната не блистала, так же, как и постель. Она предложила мне угол бесплатный, при условии, что я буду заниматься с ее сыном, которого звали Гомером. Сей отпрыск лет 11-12, единственный, плохо занимался, отставал, дважды оставался на второй год и ко всему был страшно ленив, неопрятен и прожорлив. Она меня предупредила, что ни кровати, ни дивана, ни топчана у нее нет, и мне, если я не приобрету себе раскладушку, придется спать на полу. Даже не задумываясь, я согласился. Сказала, что мужа у нее нет, и предупредила, что к ней приходят мужчины, чтобы я не обращал внимания и не смущался. Подумал, а мне-то какое дело? Я приобрел платный и довольно толстый тюфяк, кое-какое постельное белье и одеяло у меня было и, собрав все это и книги, перешел жить к мадам Серебряковой.

После первой беседы с Гомкой (Гомером) я понял, что он туп, колун колуном, как говорили, и при его возрасте по своим умственным способностям, обучаясь в третьем классе, находится на уровне развития 7-8-летнего ребенка. В то же время был хитер, умел хорошо считать деньги, знал, где, что есть и продается, и предел его мечтаний было кино и хорошо поесть. Мои занятия с ним особого успеха не имели. Я его заинтересовал историей, много рассказывал занятных эпизодов, исторических событий, особенно он любил слушать про войны. Писал он отвратительно, более прилично у него шла арифметика. Постепенно он ко мне привязался, слушался. Я заставил его чистить зубы, умываться, причесываться и привел его в приличный, божеский вид. Мать это заметила и была довольна своим квартирантом. Несколько раз я свел Гомера в кино, один раз в цирк. Он ходил за мной, как собачонка, и порой изрядно надоедал.

Спал я на полу, и мне казалось, что как бы то ни было, я устроился хорошо, и желать лучшего не надо. В знак признательности хозяйка приносила с работы много мяса и других продуктов, готовила огромную кастрюлю супа, и мы с Гомером наедались досыта. Я как-то спросил, знает ли он, кто такой Гомер? Ничего вразумительного ответить не мог. По всей вероятности, он был зачат в пьяном виде. Пока было тепло спать на полу, на первом этаже, было, куда ни шло более или менее терпимо.

Когда наступили осенние холода, стало неудобно, холодно, было трудно согреться, и я часто по ночам просыпался, стал простывать, кашлять. Все бы ничего, если бы не моя хозяйка. Она была чересчур горячей женщиной, ненасытной и сверх любвеобильной. Не знаю, как можно назвать подобное поведение - проституцией не скажешь, денег она не брала, наоборот - поила водкой своих клиентов (любовников), или попросту развратом. Все чаще я просыпался ночью от возни, стонов, сладострастных воплей или что-то подобное, Гомер спал мертвецким сном, ничего не слышал, вообще его добудиться утром стоило немалых трудов, а я спать не мог. Было противно и омерзительно. Меняла своих любовников она как перчатки, что ни ночь - другой клиент, приходили повторно - старые знакомые. Обычно, когда мы засыпали через час-другой, думая, что мы ничего не слышим, главным образом я, бесшумно приходили мужики и под утро уходили. Я притворялся и делал вид, что ничего не слышу. Приходилось терпеть. Это была коммунальная квартира, и другие жильцы были малокультурными людьми. И они нередко протестовали и высказывали недовольство ее поведением, главным образом постоянным хождением ее мужчин, но, как я позже понял, она их ублажала продуктами, которые таскала с работы.

Наступила зима, летом я должен был закончить техникум - это был последний, завершающий курс. Я здорово обносился: прохудилась обувь, обветшало пальтишко. Мне шел семнадцатый год, я был рослым, статным юношей, хотелось ходить в кино, театр, дружить с девушками стеснялся, так как был неважно одет, да и денег было в обрез. Правда, иногда подрабатывал по старой памяти разгрузкой и другими мелкими работенками, но большого достатка это не давало.

В работу курьера входила обязанность развозить "похоронки". В инфекционной больнице, так называемых Боткинских бараках, каждый день умирали больные и, если кого-либо родственники не навещали, я должен был отвозить сообщение о смерти. Почти ежедневно одна-две похоронки приходилось отвозить. Я стал в каком-то роде вестником смерти. По-разному реагировали родственники и "родственнички" покойных. Нередко, прочитав при мне и расписавшись в журнале, реагировали совершенно спокойно, другие начинали плакать, кое-кто даже картинно заламывал руки, а одна женщина чуть не упала в обморок и я ее успел подхватить. Все это мне порядком надоело. Я тоже переживал и бесследно это не проходило, и я твердо решил уйти с этой работы.

После Нового года взял расчет и снова без работы. В это время меня здорово поддержала моя сестра Сарра. Ежемесячно она мне давала 40 руб., и я мог более или менее прилично жить. Мне была как-то не по себе эта помощь. С одной стороны, безвыходное положение, с другой, - здоровенный малый берет у сестры деньги. Решил найти какую-нибудь работу и больше денег не брать. Устроился санитаром в п/о той же больницы.

Работа санитаря п/о больницы для будущего медика - это первое звено в общей цепи медицинского образования и будущей профессии. Это как бы первая ступень - рядовой, солдат. В п/о поступают больные: тяжелые, средней тяжести, внешне не похожие на больных. Врач п/о начинает с опроса, сбора анамнеза, осмотра и обследования больного. Я старался быть около врача, запоминал его вопросы, манеру контакта и общения с больным. У каждого врача свой стиль, особенности осмотра и исследования. Мне нравился доктор Крелин, пожилой человек, очень опытный врач, работавший в отделении. Его приглашали как консультанта, если дежурные врачи сомневались в диагнозе и определении больного в стационар.

Боткинские "баракы" или инфекционная больница им. С.Л. Боткина - большое по коечному фонду лечебное учреждение. В 20-х годах там работал выдающийся инфекционист, профессор Ивашенцев, много сделавший по борьбе с холерой в России. Трагически погиб, попав под машину. Улица, на которой расположена больница, названа его именем. Главврачом в то время, когда я там работал, был профессор, известный инфекционист Стефан Валерьянович Висковский, его заместитель врач Ерусалимчик.

В Ленинград и в те времена приезжали туристы, правда, туризм не был так развит, как теперь, но все же Ленинград всегда обладал притягательной силой. Мне пришлось столкнуться с одним случаем или событием, который мне хорошо запомнился. Приехала группа итальянцев, человек 5 или 6. Кто они были по своим политическим убеждениям - не знаю, но мне кажется - коммунистами или социалистами. Один из их товарищей тяжело заболел и был помещен в эту больницу. К несчастью, он скончался, что сильно осложняло их пребывание и возвращение в Италию. Начались сложные дипломатические процедуры. Прибыли представители консульства и другие лица. Предстояло оформление и отправка в оцинкованном гробу умершего на родину. Меня прикрепили к этой группе, что-то вроде гида для поездки их по городу в разные административные учреждения. Два дня я с ними мотался по городу и, когда все было сделано, они решили меня отблагодарить. Очень деликатно дали купюру, не разобрал в сколько долларов, от которой я отказался. Они подумали, что я их не беру потому, что боюсь иностранной валюты. Тогда они предложили в знак благодарности - полсотенную купюру. Я не взял и поблагодарил, заявив, что моя помощь была чисто дружеская. Они удивились, переглянулись и их старший хлопнул меня по плечу, сказав что-то похвальное. "Эх, - подумал я, - вот ведь как пофартило, а я отказался при всей моей нужде". Но в душе ликовал, так как победил самое себя и в душе был горд за свой поступок. Пусть знают - советские люди, тем более молодежь, бескорыстны.

Летом 1937 года в СССР приезжала известная футбольная команда испанских басков. В ее рядах играли такие выдающиеся футболисты, как Перейро, Лангаро, Исидор Бланке и другие. Они сыграли ряд матчей в разных городах Советского Союза - Москвы, боюсь ошибиться еще нескольких городах и Ленинграде, Как хотелось мне попасть на этот матч! Трудно передать. Я готов был полмесяца работать кем угодно, чтобы только попасть на стадион "Динамо". Что творилось в день матча? Толпы болельщиков осаждали стадион, наряды милиции, в том числе не меньше сотни конной. Народ оттесняли, толкали крупами коней, чтобы дать пройти тем счастливицам, у которых были билеты. Всеми правдами и неправдами я добрался до входа с красной бумажкой, похожей на билет. Несколько раз получал по шее и пониже спины, но все же ускользнув с одного входа с группой, вернее толпой, прорвались на стадион. Многих выловили и задержали, а я спрятался под трибуной, они были деревянные, перележал и матч посмотрел.

Играло против басков ленинградское "Динамо". Какая это была игра! Когда команды выстроились на поле, над стадионом появился самолет, сбросивший прямо в центр вымпел и цветы. После исполнения гимнов республиканской Испании и Интернационала, розыгрыша ворот и рукопожатий, началась игра. Какой это был матч. Подобного больше в жизни не видал. Испанская команда состояла не из профессионалов, но игроков высочайшего класса. Прекрасное владение мячом, игра головой, точность передач, удары по воротам в разных расстояний, умение красиво завер-

шать комбинации, И наша команда играла блестяще. Счет матча в пользу гостей. Сбор денег пошел в фонд борющейся республиканской Испании.

1937 год! Испания в огне Гражданской войны, республиканская армия и добровольцы-интернационалисты сражаются с вооруженными до зубов войсками Франко и частями германской и итальянской регулярной армии. На их стороне танки, самолеты, артиллерия. Весь мир следит за героической борьбой испанского народа против генерала Франко и его сторонников. Со всех стран пробираются в Испанию антифашисты, чтобы стать в ряды защитников демократической Испании.

Мы знали, насколько велика помощь братьям по классу. Советский Союз помогал всем, чем мог. Мы знали, что там наши лучшие и опытнейшие командиры, летчики, танкисты, артиллеристы. В стране шел сбор средств в помощь народу Испании. Все следили за сообщениями радио и газет. Мы радовались каждому успеху республиканцев. Одной из форм помощи испанскому народу был вывоз детей-сирот в Советский Союз, родители которых погибли в боях, и тех, кто сами готовы были отпустить своих ребятишек, зная, что таким образом они останутся живы и временно обретут вторую родину. Невозможно оценить симпатии, искренность чувств и заботу, которой были окружены испанские дети в Советском Союзе. В 1937 году в Ленинград прибыл первый теплоход, на борту которого прибыло, не помню сколько, кажется, несколько тысяч детей в возрасте от 4-5 лет до 14-15, не старше. На многих жалко было смотреть, особенно малышей. Грязные, чумазные, многие в болячках, чесотке, оборванных и босых. Маленьких опекали старшие. На огромном теплоходе невозможно было всех осмотреть, лечить, отмыть и привести в божеский вид. После того, как франкисты (фашисты) потопили в Средиземном море теплоход "Комсомольск" - плаванье было небезопасно и сопровождалось немалым риском. К счастью, плаванье закончилось благополучно и детей встречали в Ленинградском порту советские люди с радостью и цветами. Это была огромная предварительная работа подготовить помещения, питание, одежду, лечебную помощь с предварительным, карантинным. В больнице Боткина подготовили помещение на несколько сот детей с карантинным режимом. Сюда прибыли дети с разными кожными и другими заболеваниями. Все было предусмотрено: прекрасно оборудованные комнаты, кровати с новой постелью, мебелью. Выделена кухня, столовая, два повара, врачи, медицинские сестры, две переводчицы испанского языка. По распоряжению администрации больницы и райкома комсомола меня прикрепили к ребятам для организации досуга, игр, вроде как бы воспитателя. В первый же день, когда их на автобусах привезли в отдельное и изолированное расположение, пред нами предстала не весьма радостная картина: дети внешне симпатичные, красивые, но бледные, истощенные, в каких-то болячках, нарывах, струпьях, какой-то сыпи. После того, как их всех пропустили через санпропускник, подстригли, переодели, они, пожалуй, сами сразу не узнали друг дружку. Кроме переводчиц, никто из нас не знал испанского языка и общение шло при помощи жестов, мимики и отдельных испанских слов, которым нас обучили переводчицы. Всех разбили на группы по возрасту, старших - от 7-8 лет до 14 - девочек и мальчиков отдельно. Их прекрасно кормили, мы того никогда не встречали и не едали. Интересно, несмотря на обилие в питании, мы нередко находили под матрацами куски хлеба и другой провизии, которые, особенно малыши, прятали, про запас и тайком. Это было следствием голодания и чисто психологическим явлением. Я вспомнил Джека Лондона, рассказ.

Много времени и внимания я уделял ребятам. Уже через несколько дней они

адаптировались, осмелели, перестали стесняться и, как все дети, шалили, играли в свои игры, нередко устраивали куча мала. Озорничали и мальчики, и девочки. Нередко между мальчишками возникали потасовки, одним словом во всем проявлялся испанский темперамент. Через неделю они обвыклись, поправились, мордашки округлились и стали беззаботны, главным образом малыши. Очень редко плакали. И все же мы замечали грусть, тоску, печаль в глазах отдельных ребят. Вероятно, вспоминали родителей - мать, отца и отчий дом.

Самой старшей из ребят была 14-летняя Глория Революта, кажется дочь летчика. Очень воспитанная и, если можно так выразиться, интеллигентная девушка. Она была типичной испанкой: смуглой с красивыми черными волосами, выше среднего роста, хорошо сложена. На вид ей можно было дать лет 16-17. У нас установились с ней хорошие дружеские отношения. Не скрою, она мне нравилась, но виду я не подавал. Я обучал ее русскому языку, она меня - испанскому языку. Вскоре я знал около нескольких десятков испанских слов, главным образом бытового обихода. Ее успехи были более результативны. Мне пришлось придумывать и вспоминать наши детские игры: пятнашки, жмурки, лапту. Особым уважением и любовью пользовался футбол. В Испании - это после корриды наиболее популярная игра. Территория расположения позволила оборудовать небольшое футбольное поле, двое примитивно условных ворот, мячи закупили и пошла игра. Мальчишки от 7-8 до 11-12 лет (старше не было) прекрасно, можно сказать, мастерски владели мячом. Я прежде не встречал, чтобы наши русские ребята так здорово играли. Особенно красиво и точно играли головой. Нередко игры заканчивались драками, потасовками. Судей было два: я и один из ребят. Организовали 6 команд, которые соревновались между собой по олимпийской системе. Победителю финала капитану команды вручался приз. Это было интересное, незабываемое время. Заканчивался карантин, предстояла отправка ребят в Крым.

Мы прощались с ребятами, чувствовалось, как взаимно мы привязались друг к другу. Глория подарила мне красивую брошь, я ей - набор книг - учебников для самостоятельного изучения русского языка и испано-русский словарь. Брошь я не хотел брать, но она мне объяснила, что у нее ничего другого нет, а это семейная реликвия и довольно дорогая, но у нее есть золотой медальон, как память матери, и он достаточен, как память о доме и семье. Я всячески отказывался, но она настояла, и я ее хранил, как память. Камни сверкали и переливались под лучами света, падающего на брошь. Она была прекрасна, и я уверен, что это была не бижутерия. Брошь я подарил сестре Симе, и не то у нее украли, не то она ее потеряла. Бог с ней, с брошью, но зато в душе осталась немеркнущая, теплая, нежная и добрая память о замечательной испанской девушке Глории.

Все мы знаем судьбу испанских ребят, приютивших нашей страной, которая стала для них второй родиной. Шло время, все они овладели русским языком, учились, получили образование, профессии, поженились на наших русских (советских) девушках, некоторые участвовали в Великой Отечественной войне, сражались с фашизмом. Прошло немного лет, изменилась обстановка в Испании, сгинул ненавистный народу режим Франко во главе с Каудильо, настали новые времена и заговорила ностальгия - тоска по родине. Многие, очень многие вернулись на родину, но в сердцах сохранили любовь к России, к советским людям, протянувшим руку помощи в тяжелую, трагическую годину жизни испанского народа. Немало осталось в России, которую считают родиной навсегда. Когда я был в Волгограде в 1984 году и

остановился перед могилой Рубена - сына Долорес Ибаррури (Пассионарии), который сражался под Сталинградом, ему поставлен персональный памятник, на меня по ассоциации нахлынули воспоминания тех далеких, неповторимых дней общения с испанскими ребятами... Возможно, и среди сражавшихся и погибших за свою вторую родину были и мои воспитанники, ребята, которым я отдал свою любовь, время и искреннее желание в какой-то мере скрасить их трагическую судьбу. Ведь большинство из них были полными сиротами. Все проходит со временем. Остается память сердца.

До окончания учебы и государственных выпускных экзаменов оставалось совсем немного. Я работал санитаром, учился, много было практики, но больше жить у мадам Серебряковой, вдавливать в тупую голову Гомера прописные истины, спать, валяться на полу, просыпаться от холода и сладострастных стонов хозяйки - не мог. Порой охватывало отчаяние.

Был конец ноября, все готовились к Новому году, в магазинах было всего полно, но не для меня и мне подобных. Бывают в жизни каждого человека случаи, события, какие-то надолго запоминающиеся моменты...

Не помню уже точно когда, но было это, кажется, 28 ноября. Приехал в Ленинград в командировку мой старший брат Иосиф. Он закончил Петровскую сельскохозяйственную академию и работал агрономом в Жаворонках под Москвой на опытной сельскохозяйственной станции. Его перевели в Наркомзем РСФСР и поэтому он оказался в командировке.

Как я был рад встрече! У него было мало времени, вечером он должен был уехать в Москву. Встреча наша была душевной, ведь он был моим самым любимым братом. Посмотрел он на меня, на мою экипировку и... не говоря ни слова, сказал: "Пойдем". Мы пошли по магазинам. Он купил мне ботинки, костюм, пальто, теплую шапку. Все добротное, красивое, ладное. Мне кажется, он потратил все деньги, которые у него были. Пришли на квартиру. С грустью посмотрел на комнату, на мою постель и сказал: "Давай, переодевайся". Когда я предстал перед ним во всем новом, он улыбнулся и говорит: "Думаю, уже сегодня ты здесь не будешь ночевать". Я не понял его слов. "Много у тебя вещей?" - Нет, все, кроме постели, помещается в один чемодан.

Брат повез меня на ул. Герцена, бывшая Морская, в начале Невского проспекта, недалеко от Дворцовой площади, ул. Гоголя и площади Воровского. Самый фешенебельный и аристократический район бывшего Питера. В доме жил его товарищ по коммуне и опытной школе - Сема Фраер. Он был женат на дочери некоего Мандельштама, крупного начальника по строительному ведомству. Семен, отчество не помню, жил фактически у родителей жены. Они занимали большую квартиру из 5 комнат на втором этаже. Это был старый, красивый дом постройки XIX века. Широкая парадная массивная дверь с оригинальными ручками, парадное с комнаткой для консьержки, пологая лестница с мраморными ступенями. В таких квартирах в старые, дореволюционные времена жили богатые люди и чиновники высокого ранга.

Мне выделили отдельную небольшую комнату с диваном, красиво обставленную, уютную, чистую. Я не верил своим глазам, неужели я буду жить в этих "царских хоромах"?

Оказывается, брат списался или созвонился и договорился с товарищем, он - с фактическими хозяевами, чтобы мне разрешили пожить в их семье до окончания техникума. Я был бесконечно благодарен брату за его заботу. Не сомневаюсь, что

сыграла здесь забота мамы, она своим материнским сердцем чувствовала, что мои дела в отношении жилья - швах, так как часто менялись адреса, а я писал все в радужных красках.

В тот же день я переехал на новую квартиру. Попрощался с хозяйкой и Гомером. Была без радости любовь и расставание без печали, как говорится. Правда, Гомер захныкал и просил остаться, обещал, что будет лучше учиться и во всем слушаться меня. Как бы ни было, но в душе я был благодарен им за это временное пристанище.

Итак, я живу на Герцена в красивом доме, отдельной комнате, в культурной и интеллигентной семье. Брат предупредил меня в отношении поведения, соблюдения правил, режима, особенно не возвращаться поздно и стараться излишне не беспокоить хозяев. Старик Мандельштам около 70 лет, невысокий пожилой мужчина, малоразговорчивый, деловой. Хозяйка, его жена, дородная, лет 60, дама, седая, со следами былой красоты. Дочь - жена Семена - лет 25 молодая обаятельная женщина - не помню ее профессии и их сынишка Марик 5-6 лет, умный, любознательный малыш. И домработница. Семен в то время был старшим научным сотрудником, доцентом, тоже в области сельского хозяйства, имел свои труды и перед войной защитил докторскую и избран профессором. В этой семье я прожил около полугода, вплоть до окончания техникума. Несмотря на прекрасные условия, правда, питался я отдельно, обедал в столовых, дома иногда вечером пил чай, я чувствовал себя как-то немного скованно. Весьма вероятно после того, что пережил, мотание по углам, да и где придется - оставило свой след.

Мне шел семнадцатый год, было много желаний - ходить в кино, на стадион, концерты и особенно в театры. Ленинград - сосредоточие лучших театров и многих других культурных центров - музыкальных, исторических, как Эрмитаж, русский исторический музей, Петергоф, Царское село, Павловск и т.д. и т.п. не давал покоя, и уж очень велико было стремление и желание везде побывать, все посмотреть. За 3 года пребывания в Ленинграде, несмотря на тяжелые условия и безденежье, я использовал каждую возможность ходить в театры. Моими любимыми были Мариинский театр (оперы и балета им. Кирова), малый оперный или, как его называли, Михайловский театр тоже оперы и балета. В эти храмы искусства. Нормальные билеты, не говоря о партере, бельэтаже и первых балконах, стоили довольно дорого и были недоступны. Зато галерка, последний ярус (шестой) стоил 30 коп. и раскупался молодежью, главным образом студентами. Я отказывал себе далее в самом необходимом - еде, но в театры ходил, особенно после первого года. Я прослушал и посмотрел всю оперную и балетную классику: "Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Русалка", "Хованщина", "Борис Годунов", "Руслан и Людмила", "Чародейка", "Черевички", "Лакме", "Фауст", "Князь Игорь", "Орлеанская дева", "Иоланта", "Трубадур", "Корневильские колокола", "Чио-чио-сан" и далее такие, теперь редко идущие "Сказание о граде Китеже и девице Февронии" и даже "Аскольдова могила" Верстовского. Из балетного репертуара - "Жизель", "Корсар", "Щелкунчик", "Дон-Кихот", "Красный мак".

Смотреть и слушать с высоты "птичьего полета" имеет свои особенности, отнюдь не положительные, но я наслаждался музыкой, пением. Приходил к себе поздно, но полный впечатлений и особого чувства причащения к великому искусству. Часто ходил на спектакли оперной студии, на выпускные спектакли студентов театральных студий. Спектакли проходили на высоком уровне, так как выпускники старались, выкладываясь, и часто играли выше всяких ожиданий. Это были их дипломные

работы. Несколько раз был на спектаклях в театре Горького, Александрийском им. Пушкина, оперетте, театре Радлова и др. Посещал концертный зал, капеллу им. М.И.Глинки, консерваторию. Но чаще всего ходил в кино, благо оно доступно, дешево и каждый раз новые фильмы.

Находясь у Мандельштамов, я должен был быть дома не позже 10 часов вечера и на вечерние сеансы или в театр стал ходить реже, но все же как-то приспособивался.

Это было в начале лета, в конце мая, я сдавал экзамены. Сдавал легко, все с оценкой "отлично". На душе было радостно в предвкушении возвращения домой. В это же время появилось первое увлечение студенткой нашего техникума - Аней Матвеевой. Она нравилась всем нашим ребятам. Хорошо сложена, немного выше среднего роста, брюнетка с синими глазами. Довольно редкое, но очень гармоничное сочетание. Ей было 18 лет, на год старше меня. Да, первое увлечение, вскружившее голову, я считал - это любовь и переживал какое-то особое чувство. Ловил себя на мысли, что о чем бы ни думал, мысленно возвращался к ее образу. Вспоминая, чувствовал непередаваемую нежность, и все казалось таким возвышенным, приятным. Довил себя на мысли, что пришла любовь. Аня была довольно сдержанна, держалась гордо, чувствовала, что она всем ребятам нравится, и мне льстило, что она отдает предпочтение мне. Часто ходили в кино, в парк, после чего я ее провожал. Она жила на 2-й Советской улице, недалеко от Старого Невского. Дома у нее я ни разу не был. Где-то подспудно я чувствовал ее холодность. С ней связан мой первый поцелуй, причем инициатива была с ее стороны, я сильно стеснялся и краснел, ее это забавляло. Перед выпуском, провожая ее домой, а было уже около 10 часов вечера, мы стояли у ее подъезда и о чем-то говорили. Она была грустна и чем-то озабочена. Мне казалось, она хочет что-то мне сказать и не решается. Я спросил: "Что у тебя на душе, почему грустишь, о чем переживаешь?". И она мне ответила: "Знаешь, нам надо расстаться. Не хотела тебя огорчать, да и самой мне тяжело, но обстоятельства складываются таким образом, что я выхожу замуж". Я сразу даже опешил, мне казалось, что я ослушался, но она стала мне объяснять, что это жертва с ее стороны ради больного отца. Я стоял и думал, как все в жизни сложно, непонятно, хрупко и нельзя мечту и желания считать незыблемыми. Она торопилась домой и обещала мне обо всем подробно рассказать.

На душе было тошно, какая-то нежная грусть и жалость к самому себе легла на сердце. Я пошел домой пешком, а был уже двенадцатый час, забыв, что мне надо было быть давно дома. Когда позвонил в дверь, было около полуночи. Звонил несколько раз, но дверь не открывали. Квартира большая, от входной до комнаты домработницы метров шесть, а хозяйские покои вовсе далеко. Простояв около двери минут 10, я подумал, что мне не открывают нарочно и, позвонив еще раз, убедился, что ночевать придется где угодно, только не дома. Пошел во двор, сел на скамейку, так, в полудреме просидел до утра, до первых трамваев. Поехал в техникум, был день консультаций между экзаменами и после обеда пошел к своим благодетелям. Они меня ни о чем не спрашивали. Собрал свои вещички, поблагодарил и распрощался. В душе был им благодарен за те несколько месяцев, что провел под их гостеприимном кровом. До окончания техникума оставалось совсем немного. Так или иначе надо было где-то устроиться. Время ответственное, выпускные экзамены, предстоял выпускной вечер, вручение диплома. Нашел временное пристанище у незнакомых людей по рекомендации нашего завуча - Александры Ивановны, тем бо-

лее всего на 2-3 недели. На выпускном вечере по случаю окончания я был в новом костюме, под модным галстуком и элегантных туфлях фабрики "Скороход".

Все было торжественно и в то же время вначале официально. После вручения дипломов, мне вручили "корочки" с отличием - несколько другого цвета со словом "с отличием". Начался банкет. Красивый стол, без водки, но с вином, много тостов, пожеланий, обещаний. Особенно запомнились слова Николая Ивановича Забелина: "Всегда помните, что вы люди, представители самой гуманной профессии. Не забывайте - перед вами больной человек и от вашего старания, добросовестности и честности зависит его состояние. Доброжелательность, терпение, милосердие - убеждение, уже сами по себе врачуют. Не останавливайтесь на достигнутом. Многие из вас способны и должны готовиться в медицинский институт. Хочу отметить таких выпускников, как Старикова, Трусова, Федорова, Баева, и перед другими двери не закрыты. В добрый путь, удачи и счастья вам. Вы оставляете в наших сердцах частичку каждого из вас и, вспоминая нас, уносите с собой и нашу частицу".

На душе царило двоякое чувство: радость окончания, начало самостоятельной жизни и грустинка, как всегда о прожитом в стенах училища и расставания.

В то время танцевали танго и фокстрот, не забывали вальс. Танцевать я не умел и с завистью смотрел на танцующих. Моя "любовь", которая рассыпалась в пух и прах, на вечер не пришла. Мне было больше грустно, и я ушел бродить по памятным местам города, где немало было прожито за 3 года.

Вскоре я уехал домой в Гомель. Больше всех радовалась мать, что я вернулся под кров родного дома. Надо было думать о работе. В городе мне ничего предложить не могли. Спросили, не согласен ли я поработать на периферии, в одной из деревень. Я согласился. И вот я получил должность фельдшера, заведующего медпунктом в деревне Прибор, район не помню.

Деревня. Белорусская глубинка в 50-60 км, возможно меньше, от железной дороги. Транспорт гужевой или изредка машины полуторки, газики. Недолги были сборы, и я в разгар лета с предписанием приехал в Прибор. Июль, 1938 год. Деревня - типичная белорусская вёска в два порядка, хаты в основном четырехстенки, сельсовет, колхоз, почта, школа 4-летка, 7-летка в деревне в 8 км., медпункт с хатой-родильной на 3 койки, акушерка - пожилая женщина из повитух, прошедшая курсы. Предъявил свои документы председателю сельсовета. Интересный человек - мужик лет за сорок, бывший партизан периода гражданской войны с орденом "Красного Знамени" образца 20-х годов с двумя факелами по бокам. Он был под хмельком, сказал, что бывший до меня "фершал" уехал по вербовке далеко на север. Я хорошо знал белорусский язык, и мы быстро нашли общий язык. Лично он повел меня устроить на постой, выбрал какую-то старушку Матреху, т.е. Матрену, сказал, что у нее чисто. Приняла она меня без восторга, показала топчан, сколоченный из досок, стоявший в небольшой комнатенке с одним стулом и самодельным столиком. В углу стояла пустая этажерка. Договорились с председателем и хозяйкой платить 10 руб. в месяц за харч и жилье. Мой оклад составлял 38 руб. Бабка предупредила, чтоб не привередничал с островой (едой), сказала: "Коровка есть и слава богу". На том и порешили.

Затем пошли в медпункт. Боже, какое запустение, грязь, пыль, Замызганные этикетки на пузырьках с лекарствами, пожелтевшие пакетики с таблетками и порошками, отдельные предметы оказания первой помощи и лечения, которыми давно не пользовались. Прежний фельдшер из старых лекпомов содержал все в порядке,

пользовался авторитетом, его посещали, но где-то в мае он уехал, а акушерка медпунктом занималась мало. Пришлось наводить порядок. Энергии было хоть отбавляй, и принялся за дело. Просил председателя ежедневного присылать женщину убирать и мыть околодок, как они его называли, о чем он обещал. Просил его объявить всем односельчанам о приеме ежедневно с 8 до 12. С 13⁰⁰ подворный обход и поле, где шла уборка. Навел чистоту и порядок, выбросил все старые (таблетки, порошки), заменил новыми, которые получил в районе, перед отъездом. Завел журнал регистрации, заставил акушерку навести порядок в хате-родильне, перестирать белье и халаты. Жители предпочитали рожать на дому.

И вот первый день работы. Мне 17 лет, на вид можно было дать немного больше. Надел белый халат, сижу и жду посетителей. Первой пришла беременная женщина, сказала: "Я на сносях, а акушерка неправильно определила сроки, вы, дохтур, уясните". Я ее внимательно расспросил, осмотрел, определил высоту стояния плода и сказал, что акушерка не ошиблась, бывают как немного преждевременные, так и пережизвание. "Щира дякую" - сказала пациентка и вручила мне узелок, там лежало полдюжета яиц и кусок сала. Я поблагодарил и взять отказался, обиженная она ушла, захватив гостинцы.

Следующая пациентка обратилась с жалобой на коросту - это была настоящая запущенная чесотка с типичными ходами клеща, к тому инфицированная от расчесов. Назначил лечение по Демяновичу с гипосульфитом и соляной кислотой (разведенной). Выдал растворы, рассказал, как пользоваться. Снова гостинец. Яйца и ржаные пампушки. Поблагодарил и просил ничего мне не носить. В первый день принял 12 человек с разными амбулаторными заболеваниями. На следующий день сижу, жду. Никто не идет, третий день - то же самое. Пошел к председателю сельсовета выяснить, в чем дело, в чем причина.

- Не берешь гостинца, гребуешь, боишься, вот люди и считают, что ты дрянный (плохой) лекарь, не уверен в себе и своем лечении, надо уважать традиции народа, а ты их не признаешь.

Я ответил, что я комсомолец и взяток не беру по убеждению, на что он ответил: "А я член ВКП(б), и ежели меня угощают самогонкой - не отказываюсь. Людей надо уважать, так как подяка (благодарность) - не взятка, а выражение человеческой сердечной благодарности".

Моя хозяйка - Матрена Мефодьевна, кормила скудно и однообразно. Утром на завтрак молоко или простокваша, в обед суп - картофель, сваренный в воде и залитый молоком, каша пшенная или гречневая. На ужин молоко. К такой пище я не привык и отыгрывался на ржаном хлебе, деревенском хлебе, но до чего вкусно.

Спустя неделю, пациенты снова стали меня навещать, лечиться, были довольны, многим я помог, и они благодарили, но уже ничего не носили.

Проводил беседы на различные профилактические темы: о вреде алкоголя, различных болезнях, связанных с грязью, антисанитарией, о тифах и т.п. Слушали внимательно, но вопросов задавали мало. С некоторых пор заметил, что Мефодьевна стала меня усиленно кормить: сало, жареные цыплята, яйца крутые, яичница, сметана, творог?! Откуда? Но потом догадался - это мои благодарные пациенты изменили маршрут, носили "подяку" (благодарствие) к моей хозяйке. Пришлось смириться. Электрического света не было - керосиновая лампа. Взятые с собой книги были перечитаны, хата-читальня (библиотека) большим запасом книг не блистала, многое я уже читал, но кое-что все же удалось подобрать. Наступали вечера, молодежь со-

биралась и пела под гармошку, а мне было грустно и скучно, хотя деревенскую жизнь я знал неплохо, когда мальчишкой проводил много времени у матери в Тереховке и Носовичах.

Один случай мне особенно запомнился. Как-то днем, находясь в медпункте, кажется под вечер, услышал конский топот, кто-то скакал на галопе ко мне. Выглянул - на лошадке без седла соскочил мальчишка лет 12-13 и ко мне: "Дохтур, дядька Кондрат помирает, треба спасать". Недолго думая, схватил санитарную сумку, оба вскочили на колхозного одра, я ухватился за пацана и вскачь, галопом к дому дядьки Кондрата. У дома толпился народ, все расступились, на полу в судорогах, закатив глаза, бился головой и дергался руками и ногами здоровый мужик лет 35-40. Я сразу подумал, что это эпилептический припадок, спросил жену, но ответила, что николи энтаго не було (белорусок.). Я растерялся, тем более десятки любопытных глаз ждали от меня действий. Из расспроса узнал, что он работает в городе и на воскресенье приезжает домой. Глянул на стол и увидел опустошенную бутылку из-под самогона и много - штук 30 - бумажек из-под порошков. Взял на язык и понял - хинин. Мысль работала быстро, спросил у хозяйки, на что жаловался, когда приезжал раньше - на лихоманку, ответила она. Все ясно. В сумке зонд с воронкой, срочно мыть до чистых вод. Для ускорения лечения "герой" решил не пить по назначению врача, а лечиться по-своему: ссыпал все порошки в стакан, налил доверху самогонки, размешал и залпом выпил. Хинин - протоплазматический яд, передозировка вызывает судороги, а такая лошадиная доза потерю сознания с бурной судорожной реакцией. Мне помогли, его держали, роторасширителем открыл рот, ввел зонд и стал мыть. Два ведра воды ушло на промывание и из него вымыли все, и вскоре он пришел в сознание, как ошалелый смотрел на всех, ничего не понимая. Самогон-первак (75-80°) ускорил всасывание и неизвестно, что было бы, если бы его не откачали. Вскоре он пришел в себя, но ничего не слышал (оглох) - это действие хинина. У него была трехдневная малярия и лечение было рассчитано на две недели. После этого случая мой авторитет и слава значительно возросли. Интересно, что он избавился от малярии - одним махом, а могло?

Несколько раз меня проверяли - врач Райздрава, были отдельные замечания, но в целом работу признали удовлетворительной. Прошло лето. За 3-4 месяца удалось побывать дома не больше 2-3 раз. В конце октября меня сменили, приехала девушка-фельдшер из Гомельского медицинского училища.

Я попрощался с селянами, меня благодарили за работу, выражали сожаление, что уезжаю. Как бы то ни было, а все же было немного грустно.

В Гомеле мне предложили место в 1-й городской больнице. Фельдшерских должностей в больнице нет, и я несколько месяцев работал операционной сестрой. Готовил инструментарий, на операциях выполнял все, что требуется от операционной сестры. Главный хирург Литошенко не особенно ко мне благоволил, лучше относились Лабковский и Хентов. И все же я понимал, что все они предпочитают девушек. В январе 1939 года я перешел палатной сестрой. Хорошо знал уход за больными, все процедуры, манипуляции.

В те времена внутривенные инъекции применялись мало. В основном подкожные и внутримышечные "уколы", банки, горчичники, обертывания, очистительные и сифонные клизмы, физиотерапевтические процедуры: синий свет, соллюкс, диатермия, четырехкамерные ванны, Д'арсенваль и т.п. Большим событием было начало сульфаниламидов и его первого представителя красного стрептоцида. Он произвел

целую революцию, как мощное бактерицидное средство, эффект был сильный, больным хорошо помогал, но страдало белье, оставались пятна от химических красителей.

Мне приходилось часто ночью дежурить в гнойно-хирургическом отделении. Дежурных было двое. Чаще всего мне выпадало дежурить с очень милостивой сестрой, имени которой не помню. Это была женщина 35-40 лет, невысокого роста, полная, не лишенная юмора. У нее было двое детей - дочь 10 лет и сын моего возраста 16-17 лет. Меня она называла "сынок". Я ее - по имени, а про себя - "пышечка". Она была старшей, в смысле ответственной за дежурство, так как врач дежурнот находился в другом корпусе. Часов с 23 все больные засыпали, мы садились чаевать. За чаем беседовали, рассказывали всякие истории, анекдоты. После полуночи охватывала дрема, клонило ко сну, но мы старались бодрствовать. Часов в 3-4 особенно хотелось ;... спать и, сидя, я дремал. Вдруг я вскочил, чувствую, что задыхаюсь, не могу продохнуть и... рядом стоит она и хохочет, заливаясь смехом до слез. Прихожу в себя и тоже смеюсь, что мне остается делать? Догадался - она поднесла к носу ватку, смоченную нашатырным спиртом. Ну, думаю - подожди и я тебя подловлю. Долгое время такого случая не представлялось. Но... однажды и мне повезло. Она, сидя на стуле задремала, сцепив кисти рук и даже легко похрапывала. Я смочил тампон неразведенным нашатырем 33% (это раствор аммиака NH₄ в воде) и поднес к самому носу. Мать родная, она вскочила, как ошалелая, глаза навывкате, рот разинут, хватает воздух, слезы и, наконец, глубокий вздох и трехэтажный мат. Хотел пошутить, но было не до смеха. Так как мы были квиты, вскоре восстановилось перемирие.

В одну из ночей, было это, кажется, в канун мая, шел 1939 г. В мире было неспокойно, поднял голову германский фашизм, газеты пестрели статьями и заметками о зверствах фашистов, провокациях, казнях. Потом как-то стало стихать. В.М. Молотов поехал в Берлин, Риббентроп приезжал в Москву, был заключен советско-германский Пакт о ненападении. Люди верили в мудрость нашей политики и советскую дипломатию.

Так вот, стояла тихая, теплая майская ночь, мы пили чай, мирно беседовали, небо было чистым, ни облачка, мерцали звезды, и медленно поднималась луна, было полнолуние. Мы обратили внимание на кроваво-красный цвет луны, казалось, раньше подобного явления мы не встречали. Она сказала: "Ефимушка, быть большой войне, много крови людской прольется. Тебе идти скоро служить, да и моему старшенькому тоже не за горами..." Я задумался впервые о себе, своей службе в армии, которую с радостью и надеждой, даже нетерпением ждал и считал дни. Впервые в 1939 г. призывали в Красную Армию юношей, имевших законченное среднее специальное образование, тем более такой контингент, как фельдшер. В августе мне должно исполниться 18 лет, осталось каких-то 2-3 месяца. А пока работа.

1-я горбольница - самое крупное лечебное учреждение в городе. В те годы она располагала 300 коек, имела все отделения и пользовалась очень хорошей репутацией. Главврачом больницы была Бася Исааковна Каган, заслуженный врач, опытный клинически мыслящий доктор, прекрасный терапевт, Ей было за сорок, незамужняя, всегда подтянутая, немного ниже среднего роста, но правильного сложения, остроумная, не лишенная юмора. Характер у нее был зверский. Насколько обходительна она была с больными, внимательна, добросердечна, никогда не повысит го-

лоса. (Больные ее любили, верили до фанатизма, ее слово действовало сильнее всякого лекарства), настолько с сотрудниками - врачами, средним персоналом, надоедливymi родственниками больных - это был монстр, диктатор, ее боялись, как огня, боялись провиниться. Дисциплина в больнице была образцовой в полном смысле слова. Я обратил внимание, как главврач, на котором лежат масса забот и большой груз ответственности, особенно по хозяйству, она 2 раза в неделю проводила обход, и ни один больной не проходил мимо ее внимания. Нередко я слышал, как она давала разгон врачам, медсестрам и другому персоналу. Была строга, но справедлива. В моей тактике - не попадаться ей на глаза.

В больнице был "выезд" - красивая лошадь и фаэтон - типа пролетки на два человека, облучок для кучера. Должность эту исполнял конюх, он же кучер и в зимнее время кочегар - Шкавера. Каждое утро он привозил главного врача на работу. Нередко я наблюдал, как еще до подхода извозчика к воротам, сторож-привратник открывал ворота и чинно раскланивался до того, как "экипаж" въезжал на территорию больницы. Получалось, что поклон предназначен лошади, так как приходился на голову.

Время, в смысле харчей, было трудное, и шеф-повар больницы Виктор Иванович меня подкармливал. Больных кормили хорошо, особенно тех, кто был на диете и индивидуальном столе, много оставалось и, фактически, дежурный персонал подкармливался. Главврач не одобряла это и часто гоняла поваров, раздатчиков и буфетных санитарок. Однажды я удостоился внимания со стороны Баси Исааковны. Поводился воришка, кравший белье из больничной прачечной, оставаясь неуловимым. Поймать его никак не удавалось. Делали засаду, ночью два человека перекрывали подходы, но увы, белье воровали. Предполагали, что это происходит не ночью, а в дневное время. Время шло, и воровство прекратилось, но не надолго. Обнаружился подготовленный заранее для кражи узел белья. Его оставили, как приманку, и стали внимательно следить. Шли дни, но никто не появлялся. Логически я вычислил следующее: во-первых, вор кто-то из своих, имеет в прачечной напарника (наводчика), который сообщает обстановку, время, ориентирует. Во-вторых, вор пробирается через кустарник, что растет по над берегом, довольно крутым, реки, затем перелезает через забор, идет вдоль него и у прачечной несколько досок забора см на 60-80 не доходят до земли. Это я осмотрел еще днем, пробирается к прачечной и через форточку открывает окно, а дальше все ясно.

Я дежурил по гнойной хирургии, накануне был жаркий день, духота, а с вечера пошел небольшой дождик. Ночь темная, хоть глаз коли. Я решил, что самое подходящее время для вора. Предупредил напарницу, что ненадолго отлучусь и пошел на "авось", вдруг мне повезет и... не ошибся. Подойдя к забору, стал прислушиваться. Тихо, ни звука, слышны всплески реки. Постоял минут 10 и решил идти. В это время услышал шорох. Прислушался, кто-то пробирался вдоль забора. Я по поперечным перекладинам поднялся и, согнувшись, стал ждать, шаги приближались. Когда до меня оставалось ему дойти 5-6 метров, что я примерно рассчитал, я вскочил на верхнюю кромку и прыгнул прямо на него. Все было так неожиданно, что он заорал благим матом. Я схватил его двойным обхватом (Нельсон) и пригнул к земле. Он продолжал орать, сбежались сторож от ворот, дежурные санитары приемного отделения (помню фамилию санитаря Терешко). Парень был несильно пьян, я его отпустил, его взяли под белые ручки и кружным путем привели в приемное отделение. Вызвали милицию. Это оказался молодой парень лет 20, ухажер одной молодой

прачки. Он сознался в хищении, но пассиву свою не выдавал. Чем кончилось возмездие - не знаю, так как вскоре был призван в Красную Армию. Было это в июле 1939 г. Перед призывом мне была объявлена благодарность, меня тепло проводили служить Родине.

Все, кто уходил на действительную военную службу, призывался в Красную Армию, переживал особое чувство чего-то нового, необычного, что ожидало юношу-допризывника. Многие были известны со слов уже отслуживших, из писем товарищей, призванных до тебя, и все же тем не менее неизвестное будоражило, ведь личное восприятие всегда индивидуально. У меня и всех моих сверстников служить было большое, если не огромное, желание. Те, кого отбраковывали, сильно переживали. Это был вопрос мужской чести, чувство самоутверждения своего я, которое вдруг терпело фиаско.

Помню, как после прохождения допризывной комиссии был признан негодным к военной службе в мирное время Виктор Рубашкин. Ребята видели, как он плакал, а потом уехал куда-то к родственникам. Все в доме только и говорили о предстоящей службе, собирали будущего красноармейца, оказывали всяческое внимание, просили не забывать, писать.

Проводы. Вспоминалась популярная песня Д.Бедного "Как родная меня мать провожала..." По традиции, за день до сбора у Военкомата, собирались друзья-товарищи, пили водку, тосты, пожелания, строили всякие планы. Помню наш дом, собралось человек 15 моих товарищей, много водки, а закусывать нечем, мало закуси. До этого мало, кто пил, быстро захмелели, пели любимые песни того времени - наши комсомольские, популярные и особенно полубившуюся "Катюшу". Разошлись поздно. Утром - на сборный пункт. Я почти не пил, так как водка была мне неприятна (горькая). Ночью спал плохо, часто просыпался, думал, мысленно представлял себе будущее... Утром, чуть свет - это был июль, светает рано, встал, прошелся по саду, обошел вокруг дома, отчий дом... На душе стало как-то тоскливо. Не знал, что больше его никогда, никогда не увижу. Это было как прощание со всем, что было с ним связано и в нем пережито. Никогда не забуду. Утро. На крыльце стоит мама и плачет. Я полностью собрался. Легкий костюм, за спиной рюкзак, вернее вещевой мешок с тем, что положено было взять, домашний сидр, незамысловатая еда, приготовленная мамой на дорогу. Все умеют наши мамы. Приберегла вкусные вещи, о которых я не знал: колбаса, сало, крутые яйца, коржики и полкуры жареной.

Самое тяжелое - это расставание. Прошу, мама, не плачь, а у самого комок в горле застрял.

- Ведь совсем недавно ты бегал в коротких штанишках, белобрысый мальчуган. Как пробежало время, хоть много было пережито нами горьких минут, и оглянуться не успели, а ты уже уходишь служить в армию. Верю в тебя и благословляю, пусть тебя хранит моя материнская любовь. Единственно, о чем прошу, - не забывай, пиши. Вся надежда на тебя.

Чувствую, что расплачусь. Обнимаю и целую мать, не оборачиваясь, ухожу.

Около военкомата собрались все новобранцы. Много знакомых, друзей и близких товарищей пришли провожать. Играют несколько гармонистов. Мы подстрижены наголо, все прилично одеты, у многих объемистые сидры, у некоторых чемоданы.

Идет проверка списков. За нашей группой приехали четыре младших командира - один старшина с четырьмя треугольниками и три командира отделений - в петлицах по два треугольника. Прощание с родными и близкими, которые пришли про-

вожать, многие учились в городе, но сами из деревень, после окончания училища остались в городе, кое-кто успел жениться, как, например, Томашевский. Группа наша

примерно около двухсот фельдшеров, многие из других районов. Областной военкомат собрал всех. Это был как бы спецнабор. Команда к по строению. Последние объятия, поцелуй, слезы- женщин, главным образом матерей и девушек, звучат добрые напутствия, немало подвыпивших, но, к чести будь сказано, среди призывников никого под хмельком нет. Команда: "В колонну по четыре, становись!" Гармонисты играют "Прощание славянки". Колонна двинулась на вокзал. Мы шагаем с гордо поднятыми головами. Прохожие смотрят на нас приветливо и дружелюбно. Посадка в пассажирские вагоны, шум, гам, идет размещение, хотя ехать-то недалеко - до Смоленска.

Только отъехали, стали раскрывать "сидры". Снеди много, угощаем сопровождающих нас лейтенантов и сержантов. Настроение приподнятое. Прибываем в Смоленск. Город русской славы, о котором много слышали и читали. На вокзале построение и колонной движемся к месту расквартирования. Город расположен на пересеченной местности, улицы поднимаются вверх, затем вниз, идем по мосту через Днепр. В нашем представлении это широкая полноводная река, а под нами мелкая, неширокая речушка, вызывающая у всех удивление. Глазеем по сторонам, много старинных зданий, хорош смоленский Кремль. В памяти возникают картины Отечественной войны 1812 года, героизм русской армии, мужество и самоотверженность русских людей - смолян. Многострадальный город, ставший на пути наполеоновским полчищам, заслонивший собой путь к Москве.

Нас расквартировали в военном училище. Казармы старой постройки из красного кирпича, вокруг стены высотой в два метра каменной кладки, в воротах, проходной - часовые, смотрят на нас насмешливо, с ехидцей. Размещаемся в огромном зале, 10 минут дают на перекур, оставляем свои вещи, снова построение и строим в город, в баню. Эту баню запомню на всю жизнь. Раздеваемся, каждому выдают кусочек мыла грамм 20, разбираем шайки и устремляемся в мыльную, но нас останавливают и перед входом каждому в ладони наливают раствор Сольвента - жидкость против насекомых (вшей). Сержант, улыбаясь, рекомендуют усиленно натирать лобок и мошонку, мы стараемся, но что это такое - буквально через полминуты-минуту дикая боль, жжение, кожу раздрает, как будто вцепились десятки кошачьих когтей, некоторые корчатся, садятся на корточки, не находят себе места, особенно те, кто сильно старался, вроде меня и мне подобных... Санитары хохочут до слез, наконец боль стихает и после мытья, вначале холодной водой, затем горячей все проходит, как будто и не было жжения, и мы начинаем смеяться и подначивать друг друга. Поглядывая на места, опуская низко головы, чтобы рассмотреть те места, они красные, словно их покрыли краской розового цвета. Выдают белье и обмундирование: полотенце, кальсоны, нательную рубаху, брюки, гимнастерку, ремень, ботинки и две пары обмоток (мы мечтали о сапогах -кукиш!).

Когда обмундировались, снова смех, все похожи друг на друга, некоторых сразу не узнаешь и только позже начинаешь понимать, насколько облик человека воспринимается с его одеждой. Это быстро проходит, теперь мы все красноармейцы, что-то новое появляется в мироощущении своего личного, индивидуального я.

Строим возвращаемся в казармы. Во дворе построение в одну шеренгу по ранжиру (по росту). Разбивка на роты, затем на взводы, по четыре взвода в роте. Раз-

вод по помещениям, где будем жить. Большие светлые казарменные залы, двухэтажные койки, прикроватные тумбочки. Все по линейке. Каждому определяют его место. Многие просят расположить рядом, но нашим просьбам не внимают. Дают время собрать свою личную одежду, в которой призывались. Вещи складываются, собираются в посылки, с тем, чтобы отправить их домой.

Мы здорово проголодались и опустошаем домашние сидры.

Сбор в большом зале, это, вернее, клуб. Перед нами выступает большой начальник, в петлицах 3 шпалы. Речь его о священной долге каждого гражданина СССР - защита отечества, о воинской дисциплине, не забывать, что отныне мы красноармейцы, бойцы Красной Армии. С завтрашнего дня начнутся занятия по боевой и политической подготовке, курс молодого бойца, а затем Присяга на верность службе Родине.

Обед. Первый обед на военной службе. Строем в столовую. Длинные столы, рассаживаемся по отделениям - 12 человек во главе с командиром отделения. Помню фамилию своего отделенного - Сокол, славная фамилия, поживем, увидим, насколько он красит свою фамилию. На столах бачки с уже налитым борщом и разводящим - это половник, которым разливают по алюминиевым мискам первое. Этой чести удостоивается один из нас, он должен уметь так распределить, чтобы было поровну и количество, и плотное содержимое. Борщ вкусен, душист, ароматен. Несколько кусочков мяса (крошонка). На второе гречневая рассыпчатая каша с мясной подливкой, в ней несколько кусочков мяса - грамм 20-30. Хлеб порционный - 300 грамм. С обедом управляемся быстро, минут за 15-20. Общая команда: "Встать, выходи. Перекур 10 минут".

Первый день прошел очень быстро: отделенные знакомятся с каждым из нас, расспрашивают, откуда, где родители, чем занимаются, состав семьи, где и кем работал, беспартийный или комсомолец и другие вопросы.

Предупреждают о самообслуживании: уборка помещения, наряды на кухню чистить картошку, мытье полов, заготовка дров - распилка, колка и т.д. и т.п. Предупреждают о внеочередных нарядах за нарушение дисциплины. Ужин, какая-то каша с жиром, 200 грамм хлеба, 20 грамм сахара - колотого рафинада (всего в день 40 гр.).

Можно написать письма, почитать, обменяться мнениями и впечатлениями .

22-00 отбой и должна быть полная тишина, которую в первый день мы не особенно выполняем.

Первый день в армейских условиях. Он тоже запоминается, так как все последующие очень похожи. Спал крепко. Сквозь сон слышу слово: "Подъем". Это нас поднимают отделенные, поднятые по повестке т.е. за 10 минут до общего подъема, орет во всю глотку дневальный. Поднимаются медленно, особенно те, которые на верхних полках. Отделенные подгоняют, строго покрикивают, некоторых не проснувшихся дергают за ноги. Наконец, все на ногах. Одеться дают не больше нескольких минут. Все хорошо, но тут-то начинается наиболее трудное - это наматывание портянок и обмотки. Ох, уж, эти обмотки... Сколько они принесли нам неприятностей, пока мы научились их быстро наматывать. Портянки мы уже намотали после бани и нам несколько раз их показывали и демонстрировали, так как левая и правая стопы наматываются по-разному в смысле направления хода намотки. Насколько правильно они намотаны зависит сохранение кожи стоп и потертости. Уже в первый день, идя с бани, некоторые натерли ноги. Первый подъем длился в два-три раза

больше положенного. Наконец, выбегаем во двор. 2-3 минуты на опорожнение мочевого пузыря, после чего команда "Становись!" на зарядку. Разминка, двор большой - солидный плац. Вначале шагом, затем быстрее, быстрее и переход на бег, затем в обратном порядке до перехода на шаг, построение в несколько шеренг, размыкание с интервалом на вытянутые руки и выполнение по команде комплекса упражнений. Во время бега у многих размотались обмотки, на них наступали бегущие сзади, смех, ругань, кое-кто бежит, держа в руках концы обмоток и в сердцах проклиная эту часть обуви. Позже мы насобачились их здорово наматывать и держались хорошо. После зарядки туалет, умывание без рубашек, наполовину голышом. Обязательно чистка зубов порошком, пасты тогда не было, а может, где-то была, но не у нас. Заправка коек и только по-уставному, вначале у многих не получалось и отделенные заставляли перезаряжать. К концу первой недели мы одолели все армейские казарменные и бытовые премудрости.

Распорядок жесткий, требования строгие, у многих настроение не на требуемом уровне, особенно, когда началась физподготовка и строевые занятия. После завтрака - суп с макаронами или перловый, или пшенный, пайка хлеба, чай. Занятия по расписанию. Уставы: строевой, боевой, гарнизонный службы. Политические занятия, строевые, изучение материальной части винтовки, трехлинейная винтовка образца 19 г. Если мне не изменяет память - один час отдыха. Точно не помню. Изучали противогаз, как скатывать шинель, что должно лежать в ранце или вещмешке. Когда были съедены все домашние припасы, мы сразу почувствовали нехватку пищи. После трехразового приема пищи - завтрак, обед, ужин - сытости хватало на 1-2 часа, а после - все время хотелось есть. Все проглатывалось с молниеносной быстротой. Из дому пришли с непомерно раздутыми желудками и даже животами, так как дома многие не знали меры, и посаженные на строгий научно-обоснованный рацион, по нормальному коллоражу, - первое время испытывали голод, если это можно назвать подобным словом. Был военторг, где продавались предметы солдатского быта: подворотнички, пуговицы, нитки, иголки и т.п., а из продовольствия - печенье и конфеты. Они раскупались очень быстро, и вскоре печенье стало дефицитом. В город первое время нас не пускали, кроме как строем в баню или в кинотеатр. Фильмы шли в основном старые, которые, пожалуй, все смотрели еще в "гражданке". Прошло 2-3 недели и мы не заметили, как нам стало вполне хватать того рациона, который не изменился, исчезло чувство голода, у некоторых даже оставалось. Мы, как говорится, вошли в норму. У многих пропали животы, чувствовалась подтянутость, определялась по ремню.

Нашим помкомвзвода был старший сержант (три треугольника - в петлицах) Богатырь. Его рост и телосложение соответствовали фамилии. Строг, требователен, но справедлив. Наказывал, но по делу, то один наряд вне очереди, а то и два и даже три.

Но больше всего мы боялись старшины роты - носил в петлицах четыре треугольника. Фамилии его не помню. На втором месяце службы я совершил самоволку с другом через забор ушли в город и были задержаны. Мне старшина вклеил 3 наряда вне очереди и другу моему также и приказал чистить нужники с утра, а после обеда заготовку дров для кухни - пилить и колоть. Больше в самоволку я не хаживал. Дружил я с таким же фельдшером, как и я, он кончал Гомельскую ФАШ и перед армией женился. Афанасенко. Я видел, как он тосковал по молодой жене и часто смотрел на ее фотографию. Вообще я считаю неосмотрительным и неразумным же-

нитьбу перед уходом на действительную военную службу. Редко кого не одолевает тоска, кто вкусил медовый месяц. Вот оставить девушку, которую любил по-настоящему, и любовь эта была взаимна - это дело другое, так как рождает нежные чувства к любимой, вдохновляет и служба идет хорошо, все ладится и спорится, тем более, если приходят хорошие, добрые и теплые письма. Да, великое дело письмо от любимой, кто это пережил, понимает, что сие значит для солдата.

Мы уже вошли более или менее в солдатскую колею, познали то, что для нас вначале было сложным и непонятным. Многих донимала физподготовка, трудно давались такие упражнения, как подтягивание, работа на перекладине (турнике) и брусьях, лазанье по канату и шесту, прыжки через "коня", легче через "козла". Некоторые так и не научились и на них махнули рукой, ведь все по должности должны были служить в частях фельдшерами или санитарными инструкторами. Запомнились марш-броски с полной выкладкой. Первый был на 10 км. Помимо всего полагалась фляжка для воды на 800 грамм (мл. жидкости). Нас предупреждали не пить много, так как чем больше пьешь, тем больше потеешь, советовали прополаскивать рот и воду выплевывать. Не все выполняли благие советы и потели, чувствовали слабость, а пить хотелось все больше и сильнее, тем более в жаркую погоду. За ротой шла санитарная двуколка, запряженная в лошадку.

Помню марш-бросок на 30 км. После 10 км малый привал на 30 минут и после полпути большой - на 2 часа для отдыха и приема пищи сухим пайком. Первое, что мы делали, после установки винтовок в козлы, это - снять обмотки, разуться и расстелить портянки на траве, чтобы они просохли, а ноги отдохнули. Большого привала все ждали с нетерпением. Были единицы, которые не выдерживали марш-бросок, натирали ноги, не могли идти в ритме с колонной, как говорят приставали. Кто сильнее и выносливее, помогали ослабевшему товарищу - брали его винтовку, противогаз. Кто совсем не мог идти, а были и такие, которых сажали на двуколку, а ежели мест не хватало, шли и держались за борт двуколки. Великое дело закалка с детства и я благодарил свое детство, которое было нелегким, не изнеженным, а трудовым, в общении с природой: рекой, лесом, что дало определенную закалку. Все походы для меня были хотя и нелегкими, но справлялся, как и многие другие ребята.

Все же надо отметить, что деревенские ребята были выносливее городских. В повседневной учебе незаметно бежало время. Где-то в конце августа у нас был, как тогда называли, культпоход в драмтеатр. Давали пьесу "Илья Муромец". Мир тесен. В фойе театра я встретил сестру моей одноклассницы. Это была высокая, красивая девушка лет двадцати-двадцати двух. Помню фамилию - Король. Она была очень похожа на свою младшую сестру, забыл ее имя. Разговорились. Она студентка медицинского института, рассказала о своей учебе. Вспомнили свой город, это была очень приятная встреча, как бы пообщались со своим родным городом Гомелем.

Заканчивалось лето, приближался мой день рождения - 29 августа. О том, чтобы его как-то отметить, не могло быть и речи. Служба, армейские условия. Об этом дне я никому не говорил, но ребята - мои земляки все же меня поздравили. Получил поздравление из дому от своих родных и товарищей по учебе в школе и работе в больнице. Приятно, когда тебя не забывают.

Политзанятия проводились регулярно. Темы - текущий момент, политическая обстановка в мире, заключение пакта о ненападении между СССР и Германией. Нам внушали о мудрой сталинской политике и Красной Армии - самой сильной и могучей в мире. Нашим девизом были слова: "Чужой земли мы не хотим, но и своей пяди не

отдадим. Если на нас нападут агрессоры, получат сокрушительный отпор, и воевать мы будем на чужой территории". Политзанятия увязывались с патриотической темой, о верности присяге, любви к Родине и не забывать о бдительности и постоянной готовности дать отпор любому врагу. За год до призыва вышел фильм "Если завтра война", там Красная Армия громила условного противника, но явно предполагалась фашистская Германия. Сердце наполнялось гордостью за нашу славную Красную Армию. Особенно волновали слова и мелодия песни - "...Если завтра война, если завтра в поход, будь к походу сегодня готов!"

Приближался сентябрь. Всеми владели какие-то непонятные, подспудные тревожные чувства. Мы никак не могли осмыслить заключенный договор о дружбе и ненападения между СССР и фашистской Германией. Никто, конечно, не высказывал своих сомнений, все держали языки за зубами, но про себя и в обмене мнениями с самыми близкими друзьями и товарищами - шептались. Фашизм стал показывать свой звериный лик. В Германии творились страшные зверства и погромы, которые в первую очередь касались евреев и коммунистов. Вспомнились фильмы по романам Фейхтвангера "Доктор Мамлок" и "Семья Оппенгейм", которые ассоциировались с событиями 1940-1941 годов. Мюнхенский сговор предал Чехословакию, дал возможность аннексировать Австрию. Фашизм победоносно шествовал на восток. Совсем накануне СССР заключает договор с Югославией. Неумолимо надвигалась гроза II мировой войны. Нападение и оккупация фашистами Франции, которая не в состоянии была себя защитить и капитулировала, а затем и другие страны Западной Европы. 1 сентября 1939 года, совершив провокационный маневр, Германия напала на Польшу. Мужественно сражались польские солдаты, но преданные своим прогнившим и продажным правительством и маршалом Рыдз-Смыгла с другими польскими генералами - вынуждены были отступать. Началась вторая мировая война. Командование учебного сбора - курс молодого красноармейца стали сворачивать, сокращать. Шла усиленная учеба, в том числе стрелковая подготовка. Стреляли плохо, кроме тех, кто имел значок "Ворошиловский стрелок" и в "гражданке" тренировался.

Нас привели к Присяге. Общее построение, все торжественно, настроение приподнятое, у меня лично чувство чего-то нового, возвышенного, что после присяги должен стать в каком-то новом качестве. По-видимому, многие переживали подобное чувство. Замполит сборов, они были сформированы временно, раздается команда "Смирно", мы замираем. Читается текст присяги, громко, медленно с интервалами и после краткой остановки - паузы - мы громко повторяем: "Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Красной Армии, торжественно клянусь..." и т.д. К горлу подступает комок, своего голоса мы, по-видимому, не слышим, все сливается в единый мощный голос. После окончания текста команда "вольно". Каждый подходит и расписывается в приеме присяги. Потом этот способ отменили, мне пришлось второй раз в части присягать. Каждый читал лично и расписывался. После присяги мы под музыку прошли торжественным маршем и нас отпустили, мыть руки и затем праздничный обед. Борщ с мясом, гречневая с гуляшом, компот, сладкая булочка и бутылка сидра на двоих.

17 сентября наши части перешли границу с Польшей от станции "Негорелое" на северо-запад и юго-запад. Германские войска форсированным маршем двигались на восток, а наши части, сбив польские стражницы и не встречая сильного сопротивления, двинулись вперед на запад освобождать наших братьев-славян Западной Белоруссии и Западной Украины.

Не знаю, но мне кажется, что была какая-то договоренность с немцами в отношении западных частей Полыни.

Соппротивление Польской армии, попавшей между немцами и нами, было трагическим. Деморализованная, душевно сломленная, отходила на город Вильно. Польские солдаты дрались с отчаянной храбростью. Дело доходило до курьезов. Уланы в конном строю с клинками наголо атаковали наши танки и расстреливались из пулеметов наших танков. Позже мы узнали от пленных, что им внушали, якобы советские танки построены из фанеры?! Немудрено после того, что в это они поверили, или это был акт отчаяния. Танки Т-34 тогда еще на вооружении нашей армии не были. Наши части были оснащены легкими и средними танками БТ-6 и Т-126. Но к началу Великой отечественной войны были тяжелые танки К.В. ("Клим Ворошилов") и наша славная "тридцать четверка".

Накануне освобождения западных областей Белоруссии и Украины нас, фельдшеров, направили по частям XI армии. Вначале я явился в медицинский отдел штаба и доложил о своем прибытии начсанарму XI военврачу 1 ранга (в петлицах III шпалы) Энтину. Это был тучный, выше среднего роста человек лет, примерно, сорока пяти, призванный в связи с военным положением, сугубо гражданский, мало сведущий в военных делах. От него так и веяло "гражданкой". Икры ног у него были настолько полны, что никакие самые большие размеры голенищ не могли их охватить. Я обратил внимание, что сзади голенища были разрезаны и скреплялись шнуровкой. Он был временно исполняющим обязанности. Мне он казался смешным добрым дядей. Он посмотрел на меня с усмешкой, так как вид у меня, должно быть, был весьма неказистый. Стриженный наголо в большой фуражке с красным околышком, до ушей, из-под которой я был похож на скворца, выглядывающего из скворешни. Побеседовав со мной несколько минут, послал к писарю, рядовому Шернякову, тоже по образованию фельдшера, с распоряжением, направить меня в 366 автороту штаба XI армии на должность фельдшера. Вскоре его отозвали и начсанармом был назначен кадровый военный, выпускник Военно-медицинской академии военврач 1 ранга Кондратий Моисеевич Михнов. Мне в какой-то мере повезло, так как 366 авторота была ротой, обслуживающей штаб армии и мне очень часто приходилось общаться с этим замечательным человеком.

Он был первым моим наставником и духовным отцом, если можно образно выразиться. Что, казалось бы, могло быть общего между начальником столь высокого ранга и рядовым фельдшеришкой? Он меня называл Аронычем и при моем посещении медицинского отдела штаба внимательно расспрашивал о службе, как я выполняю свои обязанности, что мне пишут из дому, как мое настроение и моих товарищей по службе, главным образом красноармейцев. Возможно, я напоминал ему сына. Он был высок, брюнет, носил небольшую щеточку усов, форма на нем сидела как влитая. Неизменно требовательный к своим подчиненным, никогда не кричал, даже не повышал голоса, не придирался к мелочам и в то же время обладал юмором, мог двумя-тремя словами, репликами так выдать, что ни в какое сравнение не шло с обыденным замечанием, упреком или отчитыванием. Я его глубоко уважал и по-сыновьи любил. Работавший в отделе писарем фельдшер Шерняков, как мне казалось, он ревновал меня к нему. Это был аккуратный до педантизма, исполнительный и добросовестный паренек. К личности Михнова я еще вернусь.

Уже после войны, когда я был слушателем ВМА им. С.М.Кирова III курса, в 1949 году в конце января я встретился с генерал-майором медицинской службы Кондра-

тием Моисеевичем Михновым в Ленинграде, куда он приехал на совещание начсанармов. Жена была в роддоме, я ждал своего первенца, мы снимали небольшую комнатенку на Дегтярной улице, недалеко от старого Невского проспекта (25 октября). Наша встреча произошла случайно около Управления Академии. Я был уже в звании капитана медицинской службы. Он меня сразу узнал, обнял, мы расцеловались и произнес: "Ароныч, жив, вот здорово! А мы-то считали, что ты погиб под Полоцком, куда тебя отправили раненого в военный госпиталь. Как мне доложили, машина была перехвачена немцами и всех раненых фашисты перебили... Вот, здорово! Жив курилка". У меня глаза стали влажными, прохожие, а там были в основном военные, все отдавали честь генералу. Это было как бы салютом нашей встрече, встрече двух фронтовиков. Радость встречи была обоюдной и искренней. Я осмелился пригласить его к себе и не сомневался, что он согласится. Он, несмотря на занятость, обещал вечером зайти. С деньжатами у меня было туго, я занял у ребят и накопил все, чтобы по достоинству угостить генерала.

Вечером точно, как обещал, он пришел, и мы за рюмкой вина стали вспоминать уже не столь далекое прошлое, прошло всего 7-8 лет. Да, нам было, что вспомнить и многое я узнал. Через годы, расстояния.

Где-то за Полоцком потрепанные части XI Армии были выведены из боя и стали на переформировку. В период отступления погибли многие офицеры штабна. Нач. ветслужбы полковник Мухтаров и другие, фамилии которых я не помню. Весь медицинский отдел: полковник Демидов, подполковник Фаликов, Хайкин Александр Борисович, Шерняков благополучно вышли из боя. После формирования XI армия воевала севернее Белоруссии в лесисто-болотистой местности. Генерал рассказал о своей семье, о детях. Как я понял, сыном, который работал рентгенотехником, он был недоволен. Подробно расспрашивал о моей военной службе, где и кем воевал, за что получил ордена и медали. Мы засиделись далеко за полночь и я его проводил. Усадил в такси, мы попрощались, обещали поддерживать связь. Но, увы, больше мы не встречались и, вероятнее всего, его давно уже нет в живых.

Если он здоровствует, ему должно быть больше 90 лет. Как бы ни было, этот человек сыграл в моей жизни, особенно в период становления, немалое значение и светлая память о нем всегда жила в моей памяти, а память сердца живет, пока я живу.

Командовал XI армией генерал Медведев, нач. штаба - генерал Шлемин, мы только слышали о них и в период наступления не встречали. Наши части стремительно продвигались вперед, не встречая особенно сильного сопротивления. Без особых усилий был форсирован Неман и заняты города Гродно, Белосток и другие населенные пункты. Мы торопились, так как навстречу двигались немецкие войска. Мы знали, что протягиваем руку братской помощи нашим братьям-славянам, белорусам и украинцам, освобождаем исконные русские земли, отторгнутые Пилсудчиками в 20 году во время интервенции польских войск, которых затем Красная Армия изгнала их до границы, существовавшей до 1939 года, она считалась старой границей.

Во время освобождения земель западной Белоруссии нас дружелюбно встречало местное население: поляки, белорусы, евреи. Это был простой народ - крестьяне, ремесленники, торговцы, владельцы магазинчиков, лавчонок и т.п. Помещики, хозяева фабрик и прочие буржуа в большинстве бежали на Запад и в соседнюю Румынию, Чехословакию и другие страны. По пути мы встречали брошенные фольвар-

ки, майораты, небольшие замки. Обычно хозяева оставляли своих слуг и управляющих. У нас был строжайший приказ ничего не трогать, не самовольничать, не заниматься самоуправством. Приказ выполнялся строго, но были и отдельные случаи нарушения, которые решительно пресекались. Мы шли как Армия-освободительница, и каждый это понимал. Помню слова одного старого местного жителя, не знаю, кто он был по национальности - поляк или белорус, скорее - поляк: "Удивлен и поражен, как Советы могли воспитать червоного жавнежа (солдата), непохожего ни на одного солдата других армий. Я, слава богу, на своем веку тоже воевал, повидал всякое - сколько ни проходило пшез наше място вшестки грабили и брали, а ваши жовнежи никого не обидели, ниц не забрали". Мне было очень приятно слышать подобные слова. Местные жители удивлялись нашей организованности и дисциплине и добрым к ним отношением, хотя до нас дошли слухи о самочинных действиях отдельных командиров, которые допускали преступные действия по отношению захваченных, не успевших сбежать, ярых Пллсудчиков. Мы потом узнали, что кого-то из них судили судом, военного трибунала. Это могло быть как результат успеха, в пылу наступления.

На остановках к нам подходили местные жители. Расспрашивали о нашей стране, интересовались, что с ними будет, не будут ли арестовывать, забирать землю и скот, загонять в колхозы, обобществлять весь домашний скарб, в том числе и жен?! Мы были страшно удивлены подобными вопросами и громко смеялись, шутили, разбивали в пух и прах их вопросы, и они смеялись вместе с нами. Да, пропаганда врагов нашей Советской родины порождала подобные нелепые вопросы. Дети, подростки всегда что-то выпрашивали, особенно просили подарить звездочку, а их у нас про запас не было. Бедность населения так и выпирала и бросалась в глаза. В то же время многочисленные торговки предлагали всякую снедь. Нас удивляли низкие цены. Например, жареная курица 50 грошей, колечко домашней колбасы 15-20 грошей. Трудно все перечислить, но мы все покупали, расплачиваясь советскими деньгами. Основная денежная единица Польши - злотый, состоял из 100 грошей. Злотый шел по золотому курсу. Мы этого не понимали. Из-за дешевизны мы сдачи не брали, расплачивались щедро, не торговались. Жители очень быстро смекнули, и цены росли быстро, пока в арифметической прогрессии и где-то позже стабилизировались. У меня произошел интересный эпизод. Я что-то покупал из еды, когда ко мне подошел один еврей и спросил: "Пан, иле коштуе у вас в Советах десенц деко какао?" Я сразу не понял меру веса, но затем смекнул, что деко - это 10 граммов, 10 деко - 100 грамм, а 100 деко - килограмм. Я ему сказал 30 рублей. Бедняга побледнел и чуть не упал в обморок. Я спросил, что случилось? Он, плача, ответил: "Тераз я продал едному вашему пану офицеру пулковнику 300 деко (3 кг) какао по 5 рублей за 100 деко, ой, вей из мир, горе мне", - и в слезах побрел, переживая свой такой неудачный гандель (бизнес).

Штарм XI расположился в гор. Гродно, а стрелковые части, кавалерия и танки пошли вперед на Запад. 366 авторота обслуживала своими машинами штаб армии и мы, естественно, были расквартированы в том лее городе, на ул. Бема, в помещении стадиона, где располагалась администрация стадиона и спортивный инвентарь. В 30-40 метрах небольшой стадион с трибунами на 8-10 тысяч зрителей. Прекрасное ухоженное футбольное поле, гаревая круговая дорожка и другие сооружения.

В роте было около сотни машин, в основном легковых, главным образом М-1 и 3 машины ЗИС-101 - командующего, нач. штаба и члена Военного совета. Меньше

половины грузовых - ГАЗ-3, в том числе технического обслуживания. Водители начальства - вездесущий и все знающий народ, от них можно было узнать все штабные новости, порой не подлежащие оглашению, всякие слухи, сплетни и положение на фронтах, на передовой. Не уверен, насколько достоверна одна версия, которую рассказали несколько водителей, правда, в разных вариантах. Где-то под местечком Скидель, что в Августовских лесах, наша дивизия столкнулась с пехотной дивизией немцев, произошел встречный бой, в котором наша дивизия разбила немцев наголову. Приводились примеры, эпизоды и т.п. и т.д. (Хорошо бы проверить эти данные).

Итак, я фельдшер рядовой 366 автороты штаба XI армии.

Командир роты ст. лейтенант Матросов - кадровый офицер, замполит - ст. политрук (3 кубика и звездочка) на рукаве - из резервистов - перемен, состав Губский - белорус, из местечка Червень из-под Минска. Добродушный дядька, веселый, остроумный, ну, прямо, батя, он всем пришелся по душе. В отличие от комроты, педанта, придиравшегося ко всякой мелочи, но требовательный и беспокойный за состояние машин и дисциплину шоферов. Он сам страшно боялся начальства и, когда его гоняли, вытягивался в струнку и начинал заикаться. Зампотех - ст. техник - лейтенант Иноземцев, командиры взводов Левченко и Черкас, мл. лейтенант Камлюк. Образы, их лица ярко представляю и вижу, как живых, а вот имена, отчества не помню. Старшиной роты был Куралов, спокойный, рассудительный мужик, мало разговорчивый, но жестко требовательный. Его заместителем был сибиряк из Бердска (возможно, города Ош или... не помню) Леонид Дементьевич Высоцкий. В дальнейшем нас связала настоящая солдатская дружба, и он, когда началась война, спас мне жизнь, о чем расскажу позже.

Водители почти все из Москвы и Подмосковья, все призванные из резерва, возраст от 35 до 45 лет, моложе всего несколько человек: Теренин, Галанин, Бураков, Михайлов, Бурнашев, Панин, др. не помню. Старые водители - ассы, с большим практическим стажем вождения, люди солидные, среди которых были и участники гражданской войны, водившие старые марки машин. Мне особенно запомнился Царев, член партии, парторг роты, серьезный и толковый водитель, механик, умевший разобраться в самых сложных поломках машин и знавший, как их отремонтировать. Я проникся к нему уважением за принципиальность, бескомпромиссность, когда дело касалось выполнения приказа, ответственных заданий. Среди шоферов процветал мат, но от Царева никогда не слышал подобного. Меня избрали комсоргом роты, и со всеми вопросами и за советом я шел к нему, реже к комиссару.

В помещении были оборудованы двухъярусные нары, на которых отдыхали водители, стояла пирамида для винтовок, завтракать, обедать и ужинать нас крепили к 42 охранному батальону. Убывающим в командировки, а они были весьма часты, выдавали сухой паек. Вещевое довольствие мы получали из армейских складов.

Из-за дальности событий тех далеких лет многие фамилии забыты и все же некоторые помню. Буховецкий, Райский, Зуев, Панин, Анцыбаров (или Анциферов), Бочаров, Петров Федор, Соколович, Рубцов, Нестеров, Рыжков (мне он был очень симпатичен), Лаврентьев (?), Титков. Были 3 красноармейца для хозработ: Линник, Ивашкевич, Кепеть.

Распорядок дня обычный, как в любом военном подразделении (войсковой части). В мои обязанности входило: контроль за санитарным состоянием помещения,

гигиеной - контроль за мытьем рук, которые некоторые никак не хотели мыть перед приемом пищи, баней, стрижкой волос, уборкой, оказанием медицинской помощи: перевязки, таблетки и т.д. и т.п. Заболевших водил в санчасть 42 охранный батальон. Начальником санслужбы в нем был врач Каждан, с которым я вскоре подружился. Его помощником был врач белорус Полуянович, увлекавшийся порнографией, которой в Польше было сколько угодно. Мне он был неприятен, так как я, несмотря на любопытство, не любил этот наглядный жанр. В санчасти работала военфельдшер Макагон, красивая молодая девушка, которая всем нравилась, в том числе и мне, но виду я не показывал.

Закончились боевые действия, жизнь входила в нормальную колею, со всеми заботами, проблемами. Началась переписка с родными, обмен впечатлениями, новостями о своей службе, товарищах и всем, что может писать красноармеец своей семье. Хотелось познакомиться с городом (жителями), его достопримечательностями. Город исторический, через него проходили полчища Наполеона в 1812 году и отступали, бежавшие во Францию разбитые доблестными воинами русской армии во главе с Кутузовым.

Гродно расположен на крутом берегу Немана, типичный город восточной окраины Польши со всеми противоречиями социальными, национальными и экономическими. Население в основном поляки, евреи и белорусы. Здесь проходила черта оседлости еврейского населения. Запомнилась площадь им. короля Стефана Баторего (Батория), улица писательницы Элизы Ожешко, ее дом-музей. Позже я прочитал ее роман "Над Неманом", рассказы "Марта", "Меир Иозефович" и др. Город чистый, хорошо ухоженный парк, строения в основном одноэтажные, реже двух и трехэтажные каменные, много индивидуальных деревянных частных домов. Несколько костелов, церквей и синагог. Масса магазинов, магазинчиков, лавчонок, пивных, кафе, ресторанов. Самым крупным был Пале-Рояль, достопримечательностью был джаз-оркестр, в котором играл негр-ударник. Там мы впервые увидели живого настоящего негра.

Наших любителей женского пола, особенно ретивых, склонных приложиться к рюмке и посетить бардаки или идти без опаски на случайные встречи, - предупреждали, приводили примеры венерических заболеваний и тем не менее случаи такие были. В городе было несколько убийств советских военнослужащих и даже надругательства над ними, уже мертвыми.

На мне лежала ответственность получать для роты почту и корреспонденцию - газеты, журналы.

Кормили нас скверно. Утром почти через день суп из трески, хлеб, сахар, чай, обед - борщ, каша, мяса мизер, грамм 20-30, ужин суп или каша, чай. Иногда винегрет с селедкой. До чего надоела эта пища. Недалеко от роты был небольшой sklep spożywчий (продовольственная лавчонка). Содержала ее средних лет полька, дружелюбно к нам настроенная. Там можно было купить сыр, колбасу, ветчину и другую снедь. Зайдешь, бывало, в лавчонку, посмотришь и слюни текут. Я получал как санитарный инструктор 32 руб. и, естественно, денег этих не хватало. Однажды, зайдя, я посмотрел, повернулся и стал уходить. "Пан, - обратилась ко мне хозяйка, - нема пинендзев? Проще пана - кредит". Для нас это было необычно, мы не знали у себя кредита. Я стал часто заходить и брать в кредит, все купленное записывалось в гроссбух, и я честно расплачивался. Вскоре туда повадились наши ребята. Набирали, но своевременно не расплачивались и кредит хозяйка закрыла всем. Мне было

стыдно за ребят, и я покупал только при наличии денег.

В городе было много маленьких кафе на 3-4 столика, где можно было выпить чашку кофе или чая и продавались очень вкусные заварные пирожные. Каждое воскресенье мы с Лешей Высоцким ходили лакомиться. Большинство предпочитало пиво. В городе был пивзавод, а польское пиво всегда славилось своими качествами. Я лично совершенно не понимал вкуса пива, оно мне, кроме горечи, ничего не напоминало. Вообще мой организм в мои восемнадцать лет не воспринимал алкоголя.

Польский язык относится к славянской группе и во многом схож с белорусским, украинским, русским. Я довольно быстро освоил язык и вскоре прилично разговаривал. За забором нашей роты находился детский дом детей-сирот. Ребят там было немного. Человек 50, не больше. Воспитателями и педагогами были 5 женщин - 3 пожилые, старушки лет по 40-45, во всяком случае такими они мне казались, одна из них кухарка, две воспитательницы. Старшей была молодая женщина лет 30, миловидная с аристократическими манерами, питавшая к нам явную неприязнь, если не больше. Не исключаю скрытую ненависть, умело маскируемую за дежурной улыбкой. Я сам зашел к ним. Меня встретила молоденькая девушка, сделала книксен, представилась Хелей и на довольно приличном русском языке спросила, что мне угодно. Я представился и сказал, что хочу видеть заведующую этим заведением. Она назвала ее фамилию, теперь уже не помню: "Проше пана, цо пан хце?". Разговаривала на чистом литературном польском языке, извинилась, что не знает русского, в чем я усомнился. Предложила, что может изъясняться на французском языке и не знает ли пан французского. Это, безусловно, была подначка показать свое превосходство и в какой-то мере унижить меня. Хотелось ей ответить тем же и сказать какую-нибудь колкость, но воздержался. Свой приход объяснил - зашел просто соседски, люблю ребят, особенно малышей в возрасте 5-6 лет. Это был контингент детдома. Спросил, возможно, могу быть чем-то полезен. "У вас одни женщины, - сказал я, - и вам приходится нелегко". Я все понимал по-польски, но запас моих слов был весьма скуден. Она сказала, что у них есть мужчина - пан Казимеж, в настоящее время он в отъезде. Он и сторож, дворник, истопник и со всем справляется. Когда я сказал, что я лекарь, она впервые улыбнулась и ответила - бардзо пшеемнэ (очень приятно). Уходя, предложил свою посильную помощь, попрощался и ушел. Выходя, по некоторым штрихам догадался, что Хеля подслушивала за дверью. Большую активность проявляла Хеля, заигрывая с нашими ребятами. Меня она обучала польскому языку и к ноябрьским праздникам я владел бытовым языком и, обладая хорошими фонетическими данными, умел произносить слова и выражения, подражать - у меня неплохо получалось. Встречаясь с классной дамой, как я ее назвал про себя, общался на польском: языке, чем снискал некоторое расположение.

Я много читал, знал неплохо и польскую, и другую зарубежную литературу, стремился навязывать ей беседы о прочитанных книгах и убедился, что она не так уж эрудированна. Больше и больше убеждался, что она националистка. В свои юношеские годы, как бы они не были трудны, старался читать, читал много. Живя в Ленинграде, пересмотрел и прослушал почти все классические оперы, оперетты, спектакли, что в моей жизни во многих случаях меня выручала. Неплохо знал историю. Была с ней беседа, где я старался блеснуть всем, что знал, читал, слышал. Рассказывал о конфедератах, Тадеуше Костюшко, Шопене, Огинском, Прусе, Ожешко, Адаме Мицкевиче, Бальзаке и графине Эвелине Ганской, в которую он был влюблен. Я рос в ее глазах и это, сознаюсь, мне льстило. У них был какой-то утрен-

ник, и она меня пригласила, где я пообщался с ребятами, угощал их бонбонками (конфетами). Наступили холода, с дровами было трудно и я, с согласия старшины, взял полуторку и мы с шофером привезли из загородного склада полную машину дров. С несколькими ребятами из роты распилили, накололи целую гору поленьев, сложили их и услышали много "дзенкуем, дзенкуем бардзо". Комроты сделал мне замечание: "Вы "доктор", слишком увлекаетесь польской дамой, смотрите, не теряйте бдительность, не забывайте, что можете попасть в скверную историю". Я отвечал, что все это ради ребят-сирот. На мои слова он ехидно улыбался.

Где-то в конце октября демобилизовался комиссар Губский и его сменил политрук Шифрин, к сожалению, тоже не помню имени и отчества. Ему было лет 35, грамотный, политически подкованный политработник, по-русски говорил с еврейским акцентом, излишне суетливый, по характеру добрый, но такой любовью и уважением, как Губский, не пользовался. Исподтишка над ним посмеивались. Политинформации, политзанятия проводил аккуратно, но его плохо слушали. Как комсорг я работал под его началом, но он дал мне полную свободу. У него в голове рождалось много идей, проектов, предложений. Одно из них я взял, как говорится, на вооружение.

По инициативе комсомольцев была организована бригада по ремонту и восстановлению стоящих на приколе автомобилей - 4-5 машин М-1. Работать надо было в свободное от службы время и дела поначалу шли туго. И все же 3 машины мы общими усилиями отремонтировали. Я работал с ребятами на равных и в основном выполнял подсобную и черную работу. Попутно знакомился с устройством мотора. Отличились комсомольцы Галанин, Теренин, Бураков, Бурнашев и другие. Мне очень хотелось научиться вождению и по утрам ребята меня учили водить, но не в городе, а по гаревой дорожке стадиона и во дворе. Научился крутить баранку и переключать скорости, тормозить, разворачиваться. Легковые машины мне не доверяли - только грузовые полуторки ГАЗ-3.

Был в роте молодой водитель Михайлов, ранее отслуживший действительную службу и призванный в связи с событиями в Польше. Было ему годков под тридцать. Хороший шофер. Возил он на эмке какого-то большого начальника. Познакомился с молоденькой русской девушкой по имени Вера. Только о ней и говорил: моя Верочка, моя Верочка. Была она местной и жила с родителями, коренными аборигенами и родилась уже при Польше, как там принято было говорить. Всем, он говорил, что с женой, которая осталась в Москве, - разведен, детей нет. Втесался он в эту семью и часто там. ночевал. Вскоре Верочка забеременела и родители потребовали, чтобы они расписались и оформили законный брак. Не помню, выполнил ли он это требование. Дисциплина у него хромала, он стал пить. Начальник его наказал за какой-то проступок, с машины снял. Командир роты посадил его на грузовую машину - ГАЗ-3, выполнял разные перевозки, хозяйственные, служебные и т.п. Было это в дневное время, я был в городе по какому-то делу, иду по улице и вижу полуторку нашей роты. Подошел, заглянул в кабину, смотрю - Михайлов пьяный, как мы говорили, вусмерть, спит. Пытался растормошить, куда там, что-то мычит, но лыка не вяжет. Как бросить, в это время в городе свирепствовал "борода" автоинспектор. Не дай бог увидит, не миновать Михайлову гауптвахты, а роте неприятностей, и я решил: перетасил его от рулевой колонки, сел за руль и повел машину в роту. Ехал вначале тихо, неуверенно, но ближе к роте погнал машину быстрее. Перед воротами остановился, дневальный открыл ворота и я въехал во двор, не рассчитав ширину проема, и зацепился правым бортом, чуть не сорвав раму ворот. Это было мое первое само-

стоятельное вождение. Несмотря на мой жалкий и растерянный вид, водители меня похвалили, на руках ... перенесли Михайлова в казарму, уложили на нары, а машину отогнали в гараж, ворота подправили и все это было скрыто от командования роты. Проснувшись, Михайлов так и не мог вспомнить подробности, ему помогли складские ребята, куда он приехал за хозяйственным имуществом, но видя, что он пьян, посоветовали отоспаться и в следующий раз приехать со старшиной.

Тем временем жизнь проходила своим чередом, день за днем, многие дни однообразны. Культурная жизнь заключалась в просмотре кинофильмов, преимущественно старых. Были и светлые дни. К нам приехал хор Пятницкого и несколько дней после гастролей, и мы только и напевали их частушки, отдельные куплеты популярных песен. Были даны 3 концерта и все 3 я посетил - не надоело.

Приезжал на гастроли и Краснознаменный ансамбль под руководством Александра-отца. Уж больно пришлись нам по душе его песни, сольные и в исполнении хора, но больше всего пляски. Это был большой заряд бодрости. Концерт проходил в Д.К., Доме Красной Армии, а для городского населения - в городском театре. Выступление Красноармейского ансамбля вызвало огромный интерес, полный аншлаг, билеты были нарасхват, не попавшие на концерт стояли у входа и выходящих артистов встречали аплодисментами и возгласами "браво", хотя и непосредственно концерт не слушали. Это было символическим, выражением симпатий к Красной Армии и Советскому Союзу.

После одного из концертов Ансамбля я познакомился с певцом хора Александром Акинфиевым. Этот кудрявый блондин был мне симпатичен, так как напоминал моего троюродного брата Димку Дейкина, уж больно они были похожи.

Мир тесен и неисповедимы пути господни, как говорится. Через 40 лет мне довелось быть на концерте Краснознаменного ансамбля, который выступал для московской "Скорой". Это был особый концерт, в котором должны были после основного состава выступать ветераны ансамбля (возможно, до основного состава), пенсионеры. Мне очень хотелось встретиться с Сашей Акинфиевым. Его товарищи обещали устроить эту встречу, но он по какой-то причине не пришел - не то заболел, не то по какой-то другой. Не знаю, здравствует ли он в эти дни, когда я пишу почти через полвека свои воспоминания. Время неумолимо, и нас, ветеранов, становится все меньше и меньше...

В Д.К. выступали и польские актеры. Мне очень понравился их мим.

Это было бурное время. Народ митинговал, требовал официального воссоединения Западной Белоруссии и Украины с родными республиками - в состав Советского Союза. Так и произошло.

В Гродно, где еще при царской России проходила черта оседлости, проживало много евреев. Это были кустари-ремесленники, портные, сапожники, пекари, парикмахеры и мелкие торговцы. Были и зажиточные и даже богатые. Меня интересовало, чем они живут, их взгляды на жизнь, традиции, отношения с поляками и белорусами. В Польше существовал шовинизм по отношению к другим нациям, особенно процветал антисемитизм. Нам было странно слышать слово жидек и вначале мы думали, что это оскорбление, оказалось ничего подобного. В польском языке слова еврей не существует, а равнозначное - жидек. Да и сами евреи называли свою национальность словом жидек. Держались они общинными отношениями, большинство были верующими, ходили в синагогу, молились, по субботам не работали. У многих были нелепые представления о Советском Союзе и боязнь, страх перед фашистской Гер-

манией, откуда доходили слухи и сведения о преследовании евреев, начиная с 1933-1934 гг., с момента прихода к власти гитлеровцев. Был у меня знакомый военфельдшер, Белобородов, жил он на квартире у одной еврейской семьи, снимал комнату. Были там 3 сестры, говорившие в основном на еврейском и польском языках. Я часто приходил к нему. Принимая меня за русского и не предполагая, что я знаю еврейский язык, говорили обо мне, моей внешности, лялякали всякую всячину, а я отворачивался, так как имел свойство сильно краснеть. Не знаю, удалось ли им вырваться и эвакуироваться в тыл нашей страны, когда немецко-фашистские войска напали на Советский Союз?... Вероятнее всего, - погибли и, возможно, сгорели в печах Освенцима.

Наш комиссар жил на частной квартире, также снимал комнату в еврейской семье, и мы его все реже видели в роте. Тов. Шифрин стал ходить гоголем, чаще улыбаться. Мы как-то разговорились, и он рассказал, что у его хозяев очень красивая дочь, как он сравнил - прекрасна, как Суламифь. Я себе представил мысленно эту девушку и воображение уносило к самым прелестным лицам прекрасного пола и чаще всего возвращалось к образу, описанному Куприным, который сложился после прочтения его повести одноименной. Любопытство после такой характеристики возрастало с каждым днем, очень хотелось собственными глазами ее увидеть. Но комиссар всячески избегал разговоров о ней, самому же набиваться в гости к нему было как-то неудобно и вскоре я забыл о ней, многие другие заботы заслонили этот эпизод. Пришлось с ней встретиться в 1941 году, перед войной, о чем пойдет речь позже, когда штаб XI дислоцировался в городе Каунасе. О ее судьбе в 1946 году рассказал мне бывший комиссар в Ленинграде при случайной встрече, когда я поступал в ВМА им. Кирова.

В конце 1939 года были введены генеральские звания. Наркомом по Военно-морским делам (уточнить, как правильно трактовался нарком) стал Тимошенко. Были пересмотрены Уставы Красной Армии. СУК - строевой устав был дополнен - введены приветствия - отдача чести младших старшим, согласно воинским званиям. Пересмотрены наказания военнослужащих за воинские проступки и нарушения дисциплины:

Гауптвахта: а) простая - до 3-х суток; б) строгая - до 20 суток.

Холостые командиры и начальники в звании от мл. лейтенанта до капитана переводились на казарменное положение. Наводился порядок и строгая армейская воинская дисциплина. Можно было трактовать многие положения, но это потребовалось бы много времени. Во всяком случае все нововведения были разумны и своевременны.

Шло также перевооружение армии: немало кавалерийских дивизий расформировывались, личный состав переучивался на танкистов, мотопехоту, мотоциклетно-велосипедные подразделения. Осваивались новые марки самолетов, танков и другого вооружения, главным образом артиллерийского и стрелкового.

В Гродно 1 мая 1940 г. состоялся военный парад частей XI армии. Помню этот день: играл сводный оркестр, торжественным маршем проходили полки пехоты, артиллерия, танки, бронемашины. Я находился недалеко от трибуны и увидел дирижера, которого знал по Гомелю. Мы его называли капельдудкин, мы - это гомельские мальчишки. В городе был расквартирован 331 полк легендарной Чонгарской дивизии. Этот военный дирижер бывал у нас дома. Предметом его внимания была наша квартирантка Аня - молодая симпатичная женщина. Если дома никого не было, бе-

седуя с Анной Николаевной, он всегда посылал меня за папиросами, наказывая купить папиросы марки "Сальвэ" или "Наша марка" (1931-1932 гг.). Встреча с ним только на расстоянии, больше я его не встречал, напонила детские годы, отчий дом, наш сад, близких и дорогих сердцу людей - отца, мать, братьев, сестер, соседей.

Мне шел 19 год, а я еще ни разу не целовал девушек. В военном госпитале их было много, это были русские девушки, наши из России. Я часто приходил в госпиталь, приводил на консультацию заболевших красноармейцев. Там я познакомился с Галей, медсестрой. Она мне нравилась, хотел пригласить ее в кино, но все не решался, стеснялся и откладывал. Под самый Новый 1940 год я заболел свинкой и меня 31/XII положили в этот же госпиталь. Надо же, как не повезло! Вид у меня был соответствующий названию этой детской болезни, к тому прицепилась еще ангина, высокая температура. Я был единственный больной в палате и лежал подавленный, не так болезнью, а тем, что это случилось под Новый год. Меня намазали ихтиоловой мазью, наложили ватную повязку, у меня короткая шея и, закованный в вату и бинты, действительно был похож со своей стриженной головой и торчащими ушами на свинью. Радио в палатах не было, у меня были часы, время подходило к 12 ночи. Я представлял, как все сидят за новогодним праздничным столом, а я, бедняга, лежу один-одинешенек в постели и мне самому стало себя жалко. Палатная сестра и дежурный врач ушли, должно быть встречать Новый год. Минут без 15 12 в палату вошла Галя. Под белоснежным белым халатом нарядное платье. Поздравила меня с наступающим Новым годом, принесла кусок пирога, заварные пирожные, конфеты. Никогда в канун Нового года я не был так счастлив... Посидела около меня несколько минут, пообещав зайти позже, после встречи в своей компании. Не знаю, заходила ли она, возможно и заходила, но я заснул крепчайшим сном, мне снились, несмотря на болезнь, приятные сны. На следующее утро, температура стала почти нормальной, я себя почувствовал лучше и все ждал Галю. Пришла она только к вечеру. Как я понял, она заступила на очередное дежурство, из чего я сделал вывод, что приходила она меня поздравить из общежития. Приходил навестить меня Леша Высоцкий, но его не пустили, взяли только передачу и записку с поздравлением. Досаждал мне в госпитале медбрат Савченко, препротивный тип, стараясь всячески подначить по поводу Гали. Думаю, он меня к ней ревновал. После Нового года палата заполнилась больными. Один из больных, москвич, лежал и все что-то рисовал. Мы разговорились, понравились друг другу, я его щедро угощал, благо Лешка мне передавал всякую снедь. Я с ним всем, что приносили, делился. Рассказал ему про Галю и надоевшего мне медбрата Савченко. Последний был маленького роста, нос пуговкой и прическа бобриком, как мы его окрестили а-ля Керенский А.Ф. Федя - мой друг нарисовал "дружеский", но очень едкий сатирический шарж в нескольких экземплярах без подписи и пустили по отделению. Все, кто смотрел, хохотали от души, и Савчук перестал заходить в нашу палату. Вскоре меня выписали, и я окупился в свою службу.

Началась война с Финляндией. Зима была суровой, мы несли большие потери, белофинны дрались здорово, были хорошо вооружены и досаждали насих "кукушки" снайпера, сидевшие на деревьях. Наши войска безуспешно штурмовали линию "Маннергейма", построенную при содействии Англии, Франции и Германии. Мы ладно читали сводки, слушали радио и переживали за своих собратьев, которым приходилось нелегко. Обморожений было не меньше, чем раненых и убитых. Мы понимали, что война была позорной для нашей великой Родины. Проявилась несостоя-

тельность нашей военной доктрины, тактики и стратегии, а отдувался, как всегда, наш брат, солдат. На устах только и было разговоров о финской войне, наших неудачах. Появились слухи, что половина водителей нашей роты будут откомандированы в Ленинградский военный округ для участия в боях. Многие повесили носы, особенно из пожилого контингента. Комроты намекнул, что вполне возможно и меня откомандируют, заменят фельдшером из запасников. Я даже обрадовался, что вновь увижу Ленинград (Питер). Предстояла медицинская комиссия. Проходили ее при военном госпитале. Из 20 человек забраковали только двоих. Остальные все прошли, в том числе и я.

Водитель москвич Соколович напился до чертиков, стал бузить. Мы его уложили спать, а он орал – "все равно погибать" Я усиленно тренировался, бегал на лыжах, благо среди инвентаря стадиона был целый склад лыж с ботинками "Ротофел". Бегали мы с Лешкой на пару. Он, настоящий сибиряк, прекрасно ходил, обучил меня русскому и финскому шагу. С утра бегали по стадиону и периодически за городом, где было много горок, и довольно крутых. Хожу неплохо, но до Леши мне далеко. Прошел февраль, но нас больше не беспокоили. Мы ждали, так как из 42 охранного батальона и штарма уже стали отправлять рядовых и командиров. Среди них было много молодых, спортсменов, лыжников, ребят, как на подбор.

Был в санитарном отделе, докладывал о санитарном состоянии роты, здоровье личного состава. "Как служба, Аронич?" - спросил Кондратий Моисеевич. "Отлично, товарищ военврач первого ранга" - отвечал я и сказал: "Готов к откомандированию на финскую!". "Не лезь поперек батьки в пекло, никогда не торопись". "Есть!" - как положено по уставу, браво отвечал я. Это было в начале марта. И вдруг сообщение о заключении мира с финнами. Конец этой войны. Естественно, все ликовали. Многие водители снова надрались, как сапожники. На следующий день несколько особенно отличившихся в пьянке были отправлены на гауптвахту. Двух комсомольцев мы разобрали на комсомольском бюро, объявили выговоры, выпустили стенную газету с удачными сатирическими карикатурами. В роте произошло ч.п. Водитель Бурнашев - татарин из Казани - не ел свинины или отдавал кому, или оставлял. Несколько ребят решили пошутить, двое схватили его за руки, а третий насильно хотел всунуть ему в рот кусок свинины. Бурнашев орал, искусал им пальцы, вырвался, началась драка. Шараф побежал к пирамиде, схватил винтовку. Мы едва могли вырвать из его рук, угомонить, успокоить. Боясь последствий, комроты всех трех зачинщиков отправил на 10 суток на гарнизонную гауптвахту, чтобы улеглись страсти, обиды и не последовало дальнейших эксцессов. Было собрание. Выступали комиссар, парторг, я и другие. Все осудили хулиганский поступок. В роте были люди самых разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, татары, армяне, чувашаи, мордвинаи, евреи. Коллектив был дружным. Очень хорошо выступил комиссар, и все согласились с ним, что надо уважать национальные достоинства, не оскорблять чувств верующих и религиозных убеждений. Пожилые водители (некоторые) носили нательные кресты. Это было странно для нас, молодых, но об этом не говорили, не обсуждали.

Были у нас лихие шоферы, отличные водители, ассы. Лучше из них возили высоких начальников и пользовались всякими привилегиями. В феврале к нам прислали водителя из Шнека, точно не помню фамилии - Анциферов или Анциборов. Красивый парень лет 30-35. Прикрепили его к начальнику отдела, полковнику штарма XI. Жена этого полковника злоупотребляла машиной мужа. Бесцеремонно вызывала

машину, ездила на базар, по магазинам и не эпизодически, а систематически. Водителю это надоело и в одно прекрасное утро, подъехав к подъезду дома по требованию жены полковника, от которого получила "добро" на поездку, стал ремонтировать что-то в моторе, подняв капот, крутил, вертел, пытался заводить, но ничего не получалось. Вышла из квартиры жена, да не одна, а с какой-то женщиной, вероятно, подружкой или компаньонкой. Удивились, почему машина стоит не по ходу, а в противоположном направлении, ведь ехать надо к центру, в сторону...? Наконец, заработал мотор, дамы сели, ожидая разворота и поездки по адресу, который сказали шоферу. Проехав вперед несколько десятков метров, мотор стал чихать и заглох. "Вот okazия", сказал водитель, завел мотор и поехал задним ходом к центру, на ходу сигнала. Шли люди и смеялись, многие хохотали, наблюдая эту картину: задним ходом, не спеша, едет машина, периодически сигнализирует. "Сейчас же остановитесь, это хулиганство, я скажу мужу - вас накажут". Водитель остановился, дамы под смех прохожих выскочили из машины, как ошпаренные, и побежали к своему дому. Водитель в течение часа "ремонтировал" свою машину, добился своего, сел за руль и поехал в роту. На следующий день командира роты, помпотеха и водителя вызвали в штарм. Всем досталось, особенно комроты. От помпотеха Иноземцева требовали подтверждения о действительной неисправности машины и, понимая, что это был хулиганский поступок, он все же подтвердил возможность неисправности в коробке скоростей, когда только задняя скорость срабатывает.

От Анциборова полковник отказался. Об этом смеялись в штабе и сам эпизод стал предупреждением многим любительницам - женам начальников использовать казенный транспорт в личных целях. Около недели насмешник был без машины, но он был отличным водителем - ассом и получил машину не для личного, определенного начальника, а по вызову по необходимости командирам и начальникам для разъезда по частям.

Отношения с Германией, захватившей пол-Европы, в том числе и часть Польши, кроме Западной Украины и Белоруссии, требовали уточнения демаркационной линии, т.е. пограничной полосы. По дипломатическим каналам было согласовано время, созданы группы представителей обеих сторон. От штарма XI вошло несколько высших офицеров. Вскоре в Гродно прибыли немецкие представители вермахта.

Рабочая группа выехала вдоль демаркационной линии, уточняя места, населенные пункты и все, что положено по специфике работы подобных групп. Работа проходила спокойно, были переводчики, но, как потом стало известно, немцы знали неплохо и русский. По всей вероятности, не все наши офицеры, но 2-3 человека знали немецкий. С нашей стороны были выделены лучшие, наиболее новые машины М-1 и соответственно водители. Анциборова включили в состав группы, как асса, хотя строжайше предупредили о поведении и дисциплине. Он был черняв, с шапкой кудрей цвета воронова крыла и немцы думали, что он юдэ (еврей) или цыган. К тем и другим у них было презрительное и неприязненное отношение. Саша был чисто русский человек. Дело не в национальности.

В работе демаркационной комиссии произошел следующий случай, о котором мы узнали и от Саши, а также других водителей. Работа шла своим чередом, по ходу работы приходилось заезжать в населенные пункты по ту сторону линии и на нашей стороне. У обеих сторон были карты - старые и новые, составленные картографами царской России и в 40-х годах. В один из наших населенных пунктов вели две дороги, примерно равные по расстоянию, где должна была быть остановка и

обед. Одна из сторон - немцы, их главный начальник - полковник подсчитал, что ближе и раньше можно проехать по дороге "N", а наш полковник - по дороге "M". Прикинули курвиметром по карте - расстояние почти равное, дорога "M" на полкилометра длиннее. Побились об заклад, кто приедет раньше, засекали время и двинулись. Расстояние небольшое, км - 20-25. За рулем руководителя сидел Саша Анциборов. Да, асс есть асс, а Саша был гонщиком высшей категории. Полковник сказал ему: "Ну, Саша, смотри, вопрос национального престижа и качества советской машины и русских водителей", Саша выжимал из машины все до предела ее возможностей, вел быстро, уверенно и прибыл к условленному месту - площадке, где стояла церковь, на целых две минуты раньше. Немцы спор проиграли, посмеялись, пошутили, но... Немецкий полковник обедать не пошел, сослался на какую-то причину. Комментарии излишни. Вот таков был Саша Анциборов.

После окончания работы демаркационной комиссии была твердо установлена новая граница, куда вошли все земли Западной Белоруссии, по ту сторону - "территория государственных интересов Германии".

Мы все больше и больше сближались с Лешей - Леонидом Дементьевичем Высоцким. Он был старше меня на 4 года, был женат, жену звали Лина, он много и с восторгом рассказывал мне, неискушенному в любви пареньку, о своей жизни, большой любви и уверенности в Лине. Детей у них не было. Он вообще был восторженной натурой, по профессии техник по ремонту каких-то машин. Хороший спортсмен, велосипедист и гонщик на мотоциклах. Характер настойчивый, принципиальный и предельно справедливый. Неплохо играл в футбол, стоял в воротах. После расквартирования нашей роты стадион некоторое время не функционировал, но вскоре местные власти обратились к нашему командованию за разрешением задействовать стадион. Было дано добро. Начались тренировки футболистов, сделаны вход и выход, минующие нашу роту, во время игры мы выставляли красноармейцев, как бы пикеты.

Местный тренер сборной команды города Панский познакомился с Высоцким, я видел, как Леша стоял в воротах, проверял и бил по воротам Панский. Похвалил, дал весьма лестную оценку его вратарским данным. Я тоже бил, но мои мячи Леша брал легко, а Панского нередко пропускал. В городе были две основные, вечно соперничающие команды: польская - "Кресове" и еврейское "Макаби". Нередко их игры заканчивались потасовками. Это были равные по силе и стилю игры, хорошо сыгранные команды. Сказывалась национальная рознь, и стороны были не так соперниками, как враждующие спортивные коллективы. К этому матчу обе команды усиленно тренировались, естественно в разное время. Мы часто наблюдали эти тренировки. Наступил день матча. Почти весь стадион был заполнен болельщиками, не меньше нескольких тысяч человек. Матч проходил остро, интересно, было много интересных комбинаций, но немало явных нарушений, штрафных ударов и удалений с поля с той и другой стороны. В польской команде выделялся их капитан по имени Костек, в "Макаби" - Янкель (Яков), Костек - нападающий, Янкель - вратарь. Первый тайм, закончился со счетом 1:1. В середине второго тайма в ворота "Кресове" был назначен пенальти, на стадионе поднялся страшный гвалт, свист, улюлюканье польских болельщиков, но перед ударом наступила тишина. Свисток, удар, ворота взяты. Что началось: слышались крики "Костек, дай по соплям этому Ицыку". Хаим ударил по ногам Сташека и пошла потасовка. С трибун на поле стали сбегаться болельщики и той, и другой стороны. Несколько милиционеров ничего не могли сде-

лать. Комроты, как начальник этого гарнизона, дал команду взводу охраны "В ружье" и драчунов пришлось разогнать. Матч так и остался недоигранным. Публика разошлась, уже вне стадиона продолжались отдельные стычки. Больше при нас игр не было.

Отвлекаясь я с этим матчем, а хотелось рассказать о нашей дружбе с Лешей. Наша дружба крепла с каждым днем. Он стал для меня старшим братом. Называл меня Ефима. Я сильно к нему привязался и могу с уверенностью сказать: много было у меня друзей, товарищей, но такой дружбы не было.

Мы делились самыми сокровенными мыслями, обо всем советовались, не было случая, чтобы я ел и не поделился с ним, он со мной. Поднимались всегда раньше других, вместе работали, каждый по своим делам - я как медик роты, он как помстаршины.

Старшина роты Куралов как-то напился, и авторитет его стал падать в глазах командования и водителей. Требовательность его снизилась и, когда стали постепенно демобилизовывать резерватов, его тоже уволили, и старшиной роты был назначен Леонид Дементьевич Высоцкий. Его все уважали, слушались, и я был горд за своего друга. При людях, в служебной обстановке я держал себя с ним официально, по-уставному, чтобы не давать пищи для разговоров, хотя подчинялся по строевой части прежде всего командиру роты, а по медицинской - санитарному отделу штарма (Михнову К.М. и его первому заму Демидову). В свободное от службы время мы беседовали, делились впечатлениями, читали свои письма из дому. Он сильно любил свою старшую сестру, которая фактически его воспитала, так как родители умерли рано. Однажды после получения письма, о котором я не знал, друг мой сильно загрустил, затосковал, стал замкнут, ходил сам не свой, перестал со мной делиться. Я понял - произошло что-то дома. Допытываться я не стал, в душу не лез, считая - раз молчит, следовательно, говорить не хочет. Было обидно после всего, что нас связывало - дружба, побратимство. Однажды он закрылся у себя в конторке и долго не выходил. Был воскресный день, я хотел пойти в город, но что-то меня сдерживало... Наконец, я не выдержал и постучал к нему в дверь. Молчание. Стал стучать громче, настойчивее, в голову лезли разные дурные мысли. У него был наган, и я боялся, чтобы он не застрелился. Я крикнул: "Лешка, открой, иначе я высажу дверь". Дверь он открыл. В конторке было накурено, пепельница полна окурков и много папирос недокуренных даже до половины. Он лег на койку лицом вниз, подушка была мокрой от слез. Я сел около него и молчал долго, ожидая, что заговорит он первый. "Леша, - сказал я, - если ты мне действительно настоящий друг, скажи, что случилось, что произошло, поделись, тебе станет легче". Наконец, он заговорил: "Лина мне изменила, ушла к другому, возьми, прочитай". Это было гнусное письмо, в котором с предельной циничностью и жестокостью Лина писала, что вообще не любила его и почувствовала это после разлуки, когда его призвали в армию. Она его просто жалела и терпела, чувствуя его любовь, заботу и прямо сказать о своей не любви - не могла. Сообщала, что встретила человека, которого сильно полюбила, счастлива, беременна и уезжает в другой город. Пусть ее не разыскивает и считает себя свободным. Моему возмущению не было предела. Сидел и думал: сколько подлости в жизни! Ведь Леша ни с кем не связывался, мимо девушек и женщин проходил совершенно равнодушно, а ведь мужик был крепкий, сильный. Я ему сказал: "Леша, послушай меня, будь она настоящим человеком, хотя бы элементарно честным, она бы этого не сделала, следовательно, она дрянь, говно, суцая блядь, курва

и можно ли о такой шлюхе так переживать. Все к лучшему. Ведь сказала, как отрезала, и ты поставь точку над ней. Забудь. Ты еще встретишь хорошую, настоящую девушку, поверь мне, не все такие". Любое горе человек может пережить гораздо легче, если рядом друг. Постепенно Леша стал успокаиваться. Но еще не вошел в нормальную колею. Нет, нет и задумается. Я всячески старался его настроить, если не на оптимистический лад, то хотя бы на более или менее нормальный. Понимал - сердцу не прикажешь. Он осунулся, похудел, много курил. Несколько раз мы ходили в одну шинкарню (кафе, ресторанчик). В отношении алкоголя Леша был сдержан, я практически не пил, так, иногда самую малость. На этот раз Леша стал пить больше обычного, плохо закусывал, но не пьянел. Я его увел, мы долго гуляли по городу, около двух часов просидели в парке и только к вечеру вернулись в казарму. Поужинали, зашли в комнату водителей, слышим смех, гогот, все смеются, а один из водителей - Галанин - здоровенный молодой парень что-то рассказывает. Мы подошли, спрашиваем; "Что смеетесь, ребята, расскажите нам и мы с вами посмеемся".

Услышали следующую историю. Галанин ехал на своей М-1 порожний, отвез своего начальника и возвращался, кажется из местечка Крынки, через 5-6 часов должен был возвратиться за своим шефом. Видит, по дороге идут две женщины с козой, поравнялся: старушка и молоденькая девушка лет 19-20, симпатичная. Был он сильно охоч до женского пола и решил их подвезти. Молодую посадил рядом с собой, старуху с козой - в салон. По пути стал представляться, знакомиться, спрашивал адрес, сказал, если не имеет возражений, придет в гости. Дальше больше, стал отлаживать девушку, гладить грудь, получил по рукам, девушка стала кричать, требуя остановить машину, подключилась и старуха: "Ах ты, срамник, а еще совет, не стыдно?". Забеспокоилась и коза, стала блеять ме-ме-ме. Несколько раз взбрыкнула и щедро пустила по салону дробью козьих катышек, стало вонять. В машине крик женщин, требовавших остановить машину, шум, гам, протесты. Пришлось остановить машину - пошли вон, уберите козье говно, но женщины и коза вместе с ними, как ошпаренные, выскочили из машины и побежали за обочину дороги, а Галанин остался, матерился на чем свет стоит и стал выгребать катышки пучком травы. Приехал, помыл салон и рассказал эту историю ребятам. Тут впервые Лешка засмеялся, я хохотал до упаду, и он стал от души хохотать. Я был страшно рад этому эпизоду и убедился, что все наладится и станет на свое место, в чем вскоре убедился.

В это время в западные области стали прибывать советские служащие: инженеры, экономисты, бухгалтера и люди самых разных профессий для передачи опыта, налаживания единой системы учета, отчетности, одним словом, передачи советского, социалистического образа жизни. Гуляя по городу, мелькнуло знакомое лицо, это была молодая девушка, пригляделся: "Ба, да это же Мария Кофман, девчонка с нашей улицы в Гомеле, я ее помнил девочкой, а была она, примерно, в моем возрасте, возможно младше на один-два года. Это были 30-34 г. В 1935 я уехал в Ленинград, вернулся в 1938 г. В 1939 ушел в армию, перед призывом видел один раз. Уже тогда она обращала на себя внимание ребят. Мы подошли, я поздоровался и был искренне рад встрече, ведь это была весточка с родины, и она могла много рассказать о родных и товарищах. Леша отошел и стоял в стороне, пытаюсь отойти подалее. Я его окликнул: "Леша, иди сюда, я встретил землячку, не стесняйся!" Он был при женщинах каким-то напряженным, скованным, слишком серьезным. Медленно подошел, я их представил, познакомил, и мы пошли вместе, все время разговаривая, больше, конечно, расспрашивал я. Она была с женщиной средних лет. Мы

их проводили до дома по ул. Ожешко, обменялись адресами, я дал свой телефон. Попрощались и ушли. Я все пытался расспросить друга, как ему понравилась Мария, он ничего определенного так и не сказал. Все, что я знал о Марии и ее семье, рассказал, все это были воспоминания детства, юношества. Мария была среднего роста, прекрасно сложена, красивые каштановые волосы, карие глаза, красивые ноги и гибкий стан. Она могла вполне понравиться, и мне очень хотелось, чтобы она пришла по душе Леше. Я ему бросил: "Что ты не мычишь и не телишься? Ну, вырази свое мнение". В ответ что-то пробурчал и молчание. Думаю -еще не отошел от пережитого. В один из выходных дней Леша предложил прогуляться по городу и зайти к Марии. Слава богу, лед тронулся, господа присяжные, - подумал я. Дома ее не оказалось. Хозяйка сказала - пошла гулять, искать земляков. Тут-то я заметил, что друг мой огорчен. Решили прогуляться по центральной улице и, конечно, Марию не встретили. Вернулись в казарму, и мой друг снова впал в задумчивость, но это уже была какая-то другая реакция, совсем не похожая на прежние переживания.

Вскоре Мария позвонила, телефон стоял в канцелярии и меня позвал комиссар Шифрин, загадочно улыбаясь. Мария от хозяйки узнала о нашем посещении и пригласила в гости. Спросила, придет ли Алексей Дементьевич? "Кто звонил?" - спросил Леша. Я рассказал о приглашении с акцентом на ее вопрос, будет ли А.Д. Зарделся мой друг. Сразу было видно, что он обрадован. Мы купили сладостей, весенних цветов и пошли в гости. Весь вечер мы сидели за чаем, беседовали, о чем только не говорили, настроение было приподнятое. В десятом часу вечера надо было собираться, успеть за полчаса до отбоя быть в части. Мне хотелось оставить их вдвоем, я увел подругу, с которой они жили вместе у хозяйки, на кухню, якобы для уточнения одного вопроса и минут через 10 мы вернулись. Молодые о чем-то беседовали, спорили, не соглашались. Чувствую, Лешке не хочется уходить, но ничего не поделаешь: мы военные люди - младшие чины. Нас проводили. По пути Леша мне говорит: "А знаешь, Ефима, Мария - славная девушка, интересная и умная, довольно серьезная, и ее взгляды на жизнь мне нравятся". Ну, что же, я был рад его рассуждению. О Лине мы больше не вспоминали, только один раз, когда от его старшей сестры пришло письмо, где она выражала свое, как ни странно, удовлетворение тем, что с Линой покончено, и просила не переживать.

Наступила весна 1940 года, был конец марта, скоро апрель, настроение было хорошее, войне с финнами конец. Началось увольнение "стариков", как мы их называли, всех провожали, прощались, записывали адреса, телефоны, обещали писать, звонить, как всегда бывает при проводах.

В часть прибывали "новенькие", молодые ребята, прошедшие курсы шоферов: Кузнецов Николай Иванович, Арбузов, Егоров, Бут, Шмидт Карл (немец из Поволжья), Бекетов и другие. Командный состав роты остался тот же.

Перед майскими праздниками нас всех второй раз привели к присяге. Из старых водителей осталось всего несколько человек, как потом выяснилось, они остались работать вольнонаемными. По некоторым признакам, отдельным словам, а главным образом, по информации водителей, возивших высокое начальство, чувствовалось наступление каких-то событий. Ремонтировались машины, заменялись колеса новыми скатами, завозились ящики с консервами и другие виды продовольствия. Особенно обращалось внимание на внешний вид. У тех, у кого подизносилось обмундирование, заменялось новым, у кого были ботинки с обмотками, выдавались новые кирзовые сапоги. Когда к роте прикомандировали походную кухню, все стало ясно -

предстоял поход, движение, а вот куда - сие нам было неизвестно. Все были в делах. Я получил несколько комплектов медицинского имущества и медикаментов Б-1, Б-5, бинты и другой перевязочный материал, шины Томаса-Виноградова с гамачком при переломах и ранениях бедра, проволочные шины Крамера и прочее имущество. У всех было чемоданное настроение, но шел день за днем, прошел Первомайский парад, а мы все жили в ожидании.

Не было дня, чтобы Леша не встречался с Марией, хоть ненадолго, на несколько минут, выкраивал время, чтобы повидаться. Было видно невооруженным глазом - влюбился парень, да и Мария охотно встречалась, а я только радовался. Несколько раз все втроем ходили в кино, помню фильм "Аринка", он очень понравился Алексею. Часто повторял летучую реплику из фильма – Костя создай условия – и мы оба смеялись. Пока между ними завязалась чистая, светлая дружба, но, как я понял, у Леши были серьезные намерения. Отношения Марии были более сдержанны.

Не помню точно срока, дня, числа, но в июне, под самое утро всех подняли по тревоге: грузились машины, заправлялись баки с горючим, команда "по машинам", расчеты, кто на какой, с кем, порядок движения были заранее оговорены. Назначены старшие колонн. Колонну роты, главным образом это были грузовые автомобили, на легковых уехали начальники штаба, вел комроты. В 7-м часу утра двинулись в путь.

Лешка так и не успел попрощаться с Марией, но не терял надежду на встречу, благо был известен ее гродненский адрес, В город Лида прибыли к полудню. Расположились в походном порядке, все у машин, отлучаться строго запрещено, кормят с походной полевой кухни. В Лиде скопилось много частей. На окраине города военный аэродром, наготове боевые самолеты. На второй день мы были свидетелями похорон летчика разбившегося самолета. Печальное событие, слезы жен, выступления товарищей, салют при опускании гроба - впечатление тяжкое.

Только на третий день команда "по машинам" и колонна двинулась. Куда?

Мы движемся на северо-запад, от всезнающих водителей высокого начальства узнал - в Литву, к ее столице городу Каунасу. Когда-то до образования самостоятельных прибалтийских государств Литвы, Латвии и Эстонии - были провинции царской России. Каунас - это Ковно. Вспомнил историю и географию школьных лет.

Итак, движемся без остановок, жара, неумолимо палит солнце, пыль столбом: на зубах скрипит дорожный песок, хочется пить, жажда, но воды нет, надо терпеть. По дорогам движется пехота - пешим ходом, им еще труднее, артиллерия, танки, все время команды - "подтянись! Не отставать!" Во, время коротких остановок бегу к Лешке, он на две машины впереди меня. Все мы в пыли, глаза воспалены, в горле пересохло. Проезжаем через населенные пункты - деревни, местечки, небольшие города. Мы вступали в Литву - суверенное государство. На улицах малоллюдно. Обратил внимание на рослого полицейского, который смотрел на нас выпученными от удавления глазами. Не видно ни одного военного, где же литовская армия и почему мы идем так уверенно? Значительно позже мы узнали все подробности. Литовская армия в основном составе была интернирована, поговаривали, что в район города Вильнюса. Президент Литвы Сметана бежал. Вильнюс (Вильно) входил в состав Польши, Фактически Вильнюс - историческая столица Литвы, коей она впоследствии стала. Это была фактически аннексия и хорошо, что мы торопились, иначе бы нас опередила фашистская Германия. Заранее готовя план "Барбароса", немцы не торопились, имея свои виды и планы. Еще до вступления в прибалтийские государства наши гарнизоны стояли на островах Эзель, Даге, Хиуме /Поркала-Уд/ Финляндии, а в

Лиенае /Либаве/ наш Военно-морской флот.

Перед вступлением в Каунас небольшая остановка, приводим себя в порядок и входим в город. Хорош Каунас, который литовцы отстроили, украсили красивыми новыми зданиями, много старинных зданий, костелов, церквей. Город красивый, чистый, ухоженный. Много магазинов с шикарными витринами.

Штаб XI армии размещается на площади Гедемина, недалеко от большого старинного собора. Центральная улица Лайсвеаллея - Аллея свободы, позже переименованная в проспект им. Сталина, а когда пришли немцы - Гитлерштрассе. Литовцы называли свою столицу "малый Париж" и во всем чувствуется искреннее желание делать все возможное для его процветания.

Рота размещена в одноэтажной казарме с оградой и большим двором в центре - большая площадь для строевых занятий, на ней размещены машины. Недалеко, метрах в двухстах - бензохранилище.

Район этот называется "Зеленая горка". Перед фасадом казармы большое поле, левее - спортивный зал, современное огромное помещение, вмещающее 10 тысяч человек. Это, вернее, спортивный комплекс и зрительный зал.

В городе много цветных клумб, фонтанов, больших аквариумов цементированных, круглой формы, с золотыми рыбками. Красив театр оперы и балета. Функционирует фуникулер.

Много шикарных магазинов, универсальных и специализированных, промтоварных - одежда, обувь - товары импортные - французские, английские, скандинавских стран и др. Часы - Швейцария. Красиво оформленные витрины, полки ломятся от товаров - все магазины частные. Денежная единица лит - обеспечена золотом, состоит из 100 центов. Чего греха таить, все это мы увидели в своей жизни впервые при нашей жизни тех лет в Советском Союзе.

Все это мы успели рассмотреть бегло в первый день, пока шло размещение и расквартирование в отведенном для нас помещении. На второй-третий дни (аннексии) строжайший запрет на выход в город. У ворот часовые. Командный состав роты - тот же, но офицерам предоставлены квартиры бывших военнослужащих, интернированных. Большинство забрали свои семьи.

С приходом Красной Армии забурлили политические страсти, вышла из подполья компартия Литвы. В тюрьмах немало политических заключенных и уголовников. Тюрьмы пока под охраной местной полиции. Первая амнистия политических заключенных, и прежде всего - коммунистов. На огромном поле перед казармой метрах в четырехстах собралась многотысячная толпа, должен состояться митинг. На нем ждали выступления одного из руководителей Литовской компартии, освобожденного из застенков Юстаса Палецкиса.

Стоявший в полукилометре от нашей казармы справа гусарский кавалерийский полк, не интернированный, при вооружении, вызывал у коменданта штарма капитана Кузьменко подозрение, так как мог быть использован против демонстрантов и митинга. Подозрения оказались напрасными. Наша рота и взвод из охраны штарма вели за ним наблюдение. Там было все спокойно. Я был на этом митинге и слушал выступления ораторов и пламенную горячую речь тов. Палецкиса. Обстановка праздничная, много красных флагов, транспарантов, лозунгов на литовском языке, призывающие к присоединению Литвы к Советскому Союзу. Слышны возгласы на литовском языке - "Да здравствует 13-я советская социалистическая республика, да здравствует тов. Сталин!" Всеобщее ликование, слышны и русские голоса, но из-за

гула все сливается в единый многоголосый шум. Посмотрел в сторону гусаров - на заборе многие смотрят с любопытством на митинг, в остальном все тихо и спокойно, никаких акций.

Постепенно наша жизнь входит в обычную колею воинской части. Веду жесткий контроль за чистотой и порядком в казарме, провожу медосмотры, проверяю на форму 20, чистоту рук. Водители не особенно чистоплотны, говорят: "Товарищ доктор, бензин насекомые не любят, и руки наши, благодаря бензину, дезинфицируются - будь здоров". Каждый день какое-нибудь событие, маленькое ч.п. Рядовой Арбузов - бензозаправщик, стоя на посту, нажрался бензина с целью опьянения, вел себя неадекватно, порол всякую чушь, и мы его отправили в военный госпиталь. Его там хорошо промыли через зонд и на следующий день вернули в роту, где он получил 5 суток гауптвахты. Водитель Кузнецов Николай Иванович - высокий красивый парень, 3-й год службы, красиво пел - "Раскинулось море широко" и блатную песню "Колокольчики, бубенчики звенят, одну историю нам рассказать хотят..." и дальше шли непристойности. Пел, пел и вдруг впал в смех, затем плачь, и в конце концов это вылилось в сильную истерику. Едва-едва его уgomонили. Назавтра извинился, оправдывался - загрустил по дому и любимой девушке, перестала писать. Были и смешные моменты. В роте был добродушный всегда, улыбающийся узбек - Хамрокулов. Не любил умываться по утрам. Однажды я ему сделал замечание, почему не умывается? Ответ - нет полотенца. Как нет? Где же оно? Последовал ответ - под койкой сидит. Мы долго смеялись. На завтрак, обед, ужин нас водили строем в столовую 42 батальона охраны. Кормили очень жирной свининой, многие отказывались ее есть. Нормально воспринимали говядину, нежирную баранину и изредка птицу, требовали селедку, компот. Литва была в то время развитой сельскохозяйственной страной. При населении в 3 миллиона человек поголовье свиней составляло ___ миллионов голов, крупного рогатого скота - ___ мл., овец - ___ мл., лошадей - ___ мл. и неисчислимое количество птицы, кур, уток, гусей, индеек. Бывшие солдаты литовцы рассказывали, что каждый день их кормили разными видами мяса и птицы. Литва была поставщиком чуть ли ни для пол-Европы бекона, ветчины, колбас, шпига и многих других копченостей. Все это было высшего качества и очень вкусное.

Командный состав и офицеры стали привозить свои семьи. Что хорошего, с точки материального достатка в жизни, видели наши люди? Сколько было пережито невзгод, голод 32-33 годов, карточная система, да и перед войной всего не хватало и неудивительно, что жены и семьи наших офицеров, оказавшись в прибалтийских республиках, ринулись в магазины и стали скупать все, особенно промтовары - одежду, обувь, платья, костюмы, отрезы, парфюмерию. Первое время ходил основной монетой лит, потом пошли и советские деньги. В магазинах товаров становилось все меньше и меньше, так как импорт товаров прекратился. Продовольствия еще было много, полное обилие, ведь вывоз сельскохозяйственной продукции за рубеж прекратился, все оставалось внутри страны.

Назревало недовольство местных жителей к советским людям (особенно женщинам) и это было вполне естественно. Деньги стали обесцениваться, и все же лето и осень 40 года было по нашим представлениям вполне обеспеченными всем необходимым. Когда мы только вступили в Литву, нами было подмечено много особенностей.

Отношение населения: как бы разделилось на два полюса - имущие, богатые, мелкие буржуа вначале относились настороженно, скрывая свои истинные чувства,

которые впоследствии стали вполне враждебными; рабочие и прочие беднейшие слои населения - с большой симпатией. Представители и члены реакционных полуфашистских партий (организаций), как "шаулисты" и ("Таутики"), возможно и другие, ушли в подполье и, естественно, относились архивраждебно и о них речь пойдет ниже.

Простой народ ликовал: распевал наши советские песни, в спортзале проходили концерты и выступления советских артистов, местная прогрессивная молодежь организовывала самодеятельные концерты, охотно шла на лекции, доклады и другие выступления, организованные литовскими коммунистами. Ведущую роль играла литовская компартия. Вскоре Литва была включена, так же как и Латвия и Эстония, в состав Советского Союза, соответственно 13, 14 и 15 социалистические республики, на положении равноправных республик.

Понемногу стали разрешать увольнения в город рядовых и младших командиров. Еще до разрешения Высоцкий, как старшина, имел разрешение на выход в город. В одно из воскресений он мне сказал: "Собирайся, пойдём в город, прогуляемся, подробнее познакомимся со столицей". Был девятый час осеннего, солнечного дня. Город сверкал чистотой убранных улиц, площадей и парков. Решили позавтракать в городе, в каком-нибудь кафе. Подойдя к дому, на котором висела вывеска "вальгикла", обратили внимание - около закуской, прямо на тротуаре стояли пара бидонов с надписью " " (молоко, сливки) и несколько ящиков с бутылками, 3 или 4 плетенные корзины с разной выпечкой, покрытых белыми покрывалами. Постучали в дверь, никто не отзывался, толкнули, зашли, небольшое помещение, 5-6 столиков, буфет под стеклянной витриной с образцами предлагаемой продукции: сметана, творог, молоко, сливки, кофе, разные булочки, плюшки и т.п. Мы подали свои голоса: "Есть здесь кто или нет?" Вскоре вышел заspanный хозяин и на ломанном русском языке спросил: "Что вам угодно?" "Хотим позавтракать". "Пожалуйста, присаживайтесь". У нас был всего 1 лит. Вскоре вышла хозяйка или работница и принесла нам молоко, сливки, кофе и булочки. Надо расплачиваться, дали лит и были удивлены, когда с нас взяли всего 18 центов и 82 цента сдачи. Поблагодарив, ушли. Чему удивились? Замков нет, продукты стоят открыто, прямо около дверей, никто ничего не ворует?!!

До обеда ходили по городу, любовались его достопримечательностями. Обедать зашли в небольшой еврейский ресторанчик. Вывеска и фамилия хозяина (владельца). Поздоровались. Народу почти не было, к нам подошел человек, опрятно одетый в белоснежной рубашке с бабочкой и темной тройке. Спросил по-русски с еврейским акцентом "Что желаете". Посмотрели меню, цены невелики, все на центы. Заказали рыбу фаршированную, бульон с лапшой, гуся с гарниром, компот. Ни пива, ни других напитков не заказывали. Обед был удивительно вкусным. Стоил он нам 80 центов?! Два цента у нас еще оставались. Мы были очень удивлены и, если бы не цены, указанные в меню, подумали бы, что с нас взяли меньше, чем с других.

Приводу эти примеры, чтобы показать, насколько была дешевизна. Для нас один лит - олицетворял наш бумажный рубль, на который нельзя было купить всего этого, так как соотношение равнялось бы по эквиваленту 1 к 10. Да, так было вначале, а потом? Что потом, о том речь ниже.

В конце 1940 г. 366 авторота была переформирована, так как была сформирована по штатам военного времени в связи с освобождением Западной Белоруссии.

Должность фельдшера автороты была сокращена и меня назначили фельдшером медпункта Управления штаба XI армии. Такой штатной должности не было, и меня в штабе оформили рядовым комендантского взвода и управления. Предполагалось ввести в будущем штатную должность военфельдшера (офицерская должность).

Все это сделал начсанарм Михнов К.М. Я был рядовым, но пользовался рядом привилегий: форма комсостава, жить при военном госпитале и там же питаться.

В общежитии жили госпитальные фельдшера, работавшие в разных отделениях. Помню их по фамилиям: Манаенко, Стёпин, Будаев, Кузнецов, Мачеладзе. Я получал как санитарный инструктор, но на всем готовом. Высоцкого перевели на должность техника-лейтенанта, носил в петлицах два кубаря.

При управлении штаба я организовал медпункт, для чего выделили две комнаты на первом этаже. Я его оборудовал по всем правилам. Мне выделили два мед. шкафа, стол, диван, стулья типа кресел, поставили телефон, на окнах повесили красивые шторы. Ко мне заходили все, кто нуждался в мелких услугах медицинской помощи, одним словом все чины и звания. Я поддерживал чистоту, порядок, работал в белоснежном халате. Раздобыл небольшой баллон для газированной воды, который держал в специальном ящике. В жаркое время было немало охотников зайти, выпить водички, передохнуть, поговорить. В основном заходили попросить таблетку, смазать ссадину, сделать перевязку и другие процедуры. Приходили и за советом.

Командующим армией стал Василий Иванович Морозов - генерал-лейтенант, начальник штаба генерал-майор Шлёмии, член военного совета дивизионный комиссар Николаев. Начальник артиллерии генерал-майор Соловьев, начальник отдела ВВС полковник Щеткин, начхим полковник Эленбергер (немец). Нач. отдела боевой подготовки полковник Клишев, нач. АХЧ каштан Абрамов, комендант штаба капитан Кузьменко, нач. ветеринарной службы полковник Мухтаров. Фамилий многих уже не помню. Среди многих были и яркие личности. Старший батальонный комиссар Рудаков (кажется, носил 4 шпалы). Он мне очень нравился своей решительностью, справедливостью, талантом пропагандиста-рассказчика. Не могу не вспомнить адъютанта командующего лейтенанта Довнича и секретаря военного совета политрука Бобкова Якова Степановича. Я очень симпатизировал Довничу. Это был красивый молодой человек, подвижный, энергичный, общительный. Пишу и вижу их лица, как живых, с которыми как бы только вчера с ними общался, разговаривал. Прошло с тех пор немногим меньше полвека, один бог знает, живы ли они или в бозе почили? Им тогда уже было молодым за 20-25, а о тех, кто был в высоких чинах за 40 и даже больше. Еще запомнился подполковник Чижов из отдела боевой подготовки. Командир одного из полков 5 стрелковой дивизии подполковник Ефремов, капитан из отдела ВВС Скородумов. У этого капитана был сынишка 11-12 лет, мальчик невысокого роста, но крепыш. Была у него страсть к машинам. Кто-то научил его водить машину, и он стал угонять машины, катался по городским улицам, выезжал за город, возвращался неподалеку от места угона, бросал машину и убегал. Несколько раз его ловили, наказывали, строго указывали отцу, но он ничего не мог поделать. Угоны продолжались.

Наша дружба с Лешей все больше и больше стала крепнуть. В то время он был для меня товарищем, другом и старшим братом. Он сильно тосковал по Марии. Они переписывались, и мне не хотелось лезть в душу, я придерживался своего принципа: найдет нужным - сам поделится, даст почитать ее письма, не дает - значит, не желает и это вполне оправдано. Он мне их пересказывал, весь сияя от радости и

гордости. Это было самоутверждением своего мужского "я" после нанесенного Линой удара по его самолюбию. Так я считал. Я был искренне рад за него. В это время мы познакомились с семьей Шиманас. Это были русские очень симпатичные и доброжелательные люди. Хозяин Антонин - литовец, жена - русская - интеллигентная старомодная женщина в возрасте 60 лет. Старшая дочь Нина - интересная, остроумная, обладающая незаурядным юмором лет примерно 30-35. У них воспитывались две племянницы по фамилии Борисовскайте Мара и лет по 16-17 - гимназистки, смешливые хохотушки. Антонин - жена называла его Тоня, работал не то капитаном, не то помощником на пароходе в порту Юрбаркас, жена занималась домашним хозяйством, Нина в то время не работала, девочки занимались в гимназии. К Советской власти относились положительно и сомнения в их искренности у нас не было. Жили они в деревянном двухэтажном доме, занимая мезонин - четыре комнаты и кухню. В квартире было уютно, интерьер в русском стиле. В доме царил дух дружбы, доверия и взаимного уважения. Генеологию их родства я так и не понял.

Мы часто бывали у них в гостях, нас радушно принимали, всегда угощали вкусными домашними яствами и мы, приходя, приносили свои угощения и цветы. В этой семье мы чувствовали себя как дома. Там можно было расслабиться, поговорить, послушать граммофонные пластинки на русском языке. Была у них небольшая библиотека литовских и русских книг. Наши беседы велись о литературе, музыке, изобразительном искусстве. Они очень интересовались о нашей стране, законах и порядках. Говорили, что слышали о страшных репрессиях, расстрелах, арестах, о врагах народа. Мы с Лешей возмущались, опровергая и оправдывая репрессии. Во всяком случае старались уклониться от этой темы, хотя где-то в глубине сердца и тайниках души тоже сомневались во многом, хотя были убежденными сторонниками сталинской системы. Об этом сейчас трудно писать через столько лет, когда народу открыли глаза на страшное прошлое, когда принципом стала правда и только правда, отрицание полуправды, недопущение белых пятен в истории и объявление гласности, демократии, как основополагающие принципы перестройки. Но это была, о чем я сейчас вспоминаю апостериори, через почти полвека.

Мы решили с Лешей сфотографироваться, и зашли в частную фотографию " ("Якоби"). Леша пошел фотографироваться, а я остался в холле ожидания. На столе лежали для посетителей журналы на разных языках: английском, французском, немецком и русском. Иностранные я просматривал только фотографии, так как, кроме немецкого, и то с натугой, других не знал. Наконец, стал просматривать русский. Названия его не помню, но изданный не в Литве. Открыв первую страницу, замер в страхе. Не знал, смотреть дальше или спрятать его под горой других журналов. И все же любопытство взяло верх, Увидел я следующую карикатуру в цветном изображении: На широком просторном русском поле разбросаны человеческие черепа, кости и прочие останки. Посредине на них лежит огромный круг, на нем стоят солдаты в шлемах и шинелях с "разговорами", расположены они вкруговую, у каждого эмблема НКВД на рукаве и винтовка с отомкнутыми штыками, на штыках стоит золотой трон и на нем восседает Сталин, очень похожий, с усами и свирепым видом. Под всем этим надпись: "Вот на чем держится Советская власть!" Я покрылся холодным потом. Могли зайти посетители и в том числе военнослужащие. Журнал больше смотреть не стал, так как вышел Леша и сказал: "Заходи, меня несколько раз переснимали - ты более фотогеничен". Фотографша - пожилая молодая дама, не без кокетства намекала на более близкое знакомство. Думаю, что это самое она го-

ворила и Леше, что он и подтвердил. Так стали закрадываться душевные сомнения о том, что у нас происходило в стране в 30-е годы и в начале 40-х.

В доме Шиманасов я стал понемногу изучать литовский язык. У меня способности к языкам, хорошие лингвистические и фонетические данные, умение модулировать произношение. Вскоре я твердо знал около 200-300 слов, главным образом языка повседневного быта. Когда слушал литовскую речь многое понимал, если говорили не очень быстро.

Я приобрел небольшой патефон, который на Западе давно стал вытеснять громоздкие граммофоны, и покупал разные пластинки. Моей любимой стала пластинка вальс "Память цветов" и "Пламенное сердце". Готов был ее слушать много раз. Стал приобретать и другие пластинки, которые у нас игнорировали: Вертинского, Лещенко "Чубчик, чубчик кучерявый", "Вино любви" и многие другие. В книжных магазинах было много литературы, которую у нас считали бульварной, хотя полностью согласиться с такими заключениями никак нельзя было. Если писательницы Бебутовой Ольги такие, как "Муки страсти", "Любовь и смерть" (если правильно назвал) действительно пахивало бульваром, то Бальмонта, Зинаиду Гиппиус, Игоря Северянина, а тем более Бунина Ивана, никак нельзя было причислить к бульварной литературе. Там я впервые познакомился с прекрасными стихами Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. Много перечитал литературы в то время. Читал часто и вечером, и даже ночью, чем вызывал недовольство ребят из-за непогашенного света, пока не достал небольшую настольную лампу.

В начале 1941 года меня прикрепили к военторговской столовой - вести санитарный контроль и снимать пробы всех блюд. До меня выполнял эту работу врач Пахомов, старик в возрасте примерно 60 лет. Он был врачом какой-то части и рвался домой, не чаял того дня, когда его отпустят. Из-за неимения врача назначили меня под ответственность врача санотдела Фаликова. Трижды надо было ходить снимать пробы и все заносить в специальный журнал, обязательно расписываться. Несколько раз пропустил, и зав. производством шеф-повар Николай Иванович Колодезный сделал мне серьезное замечание, предупредил - я больше брать ответственность на себя не буду - учти!. "Виноват, исправлюсь", - был мой ответ. Блюд готовилось очень много, особенно на обед, и, попробовав всего понемногу, я насыщался и уже нормально есть не мог. Стал полнеть. Появилось брюшко, мне было стыдно. Тогда я попросил, чтобы мне выдали велосипед. И нагрузка хорошая, и время сокращалось добираться до столовой. Мне выдали военный велосипед, зеленого цвета из самокатной роты, доставшейся нам от литовской мотовелороты. Стал регулярно заниматься утренней зарядкой и много ездил на велосипеде, давая хорошую нагрузку ногам.

Местом культурного отдыха для нас, вернее офицеров, - был Дом культуры. Дом Красной Армии - бывшее офицерское собрание Литовской армии. Прекрасное здание со сценой, танцевальным залом, эстрадой, бильярдом и рестораном. По вечерам танцы под оркестр или аккордеон. В то время в основном танцевали фокстрот, танго и вальс. Я немного умел танцевать еще до армии, но стеснялся приглашать девушек, боялся, что откажут и не пойдут. Никак не мог отучиться краснеть. Это был для меня бич. Смущаясь, я краснел, становился красным, как рак, и отходил от покраснения медленно. К тому я был в форме и кирзовых сапогах, - правда аккуратных и начищенных до блеска. Позже я приобрел хромовые, помог Леша. Я был, как говорится, свободный казак, на положении комсостава, но без денег. Тем более,

собираясь в июне в отпуск, копил деньги для подарков домой матери, сестренке, братишке, соседям и друзьям. Хотелось приехать во всем блеске и всех поразить, удивить, доставить радость маме и зависть моим некоторым недругам.

В один из вечеров я заметил симпатичную девушку, она мне понравилась. Вела она себя скромно, даже застенчиво, но вокруг нее вились молодые лейтенанты и офицеры более высокого звания, которые приходили со своими женами. Молодых лейтенантов я про себя называл "хлыщами". Она хорошо, красиво и грациозно танцевала, чувствовалось - обладает музыкальным слухом и чувством ритма. Мне очень хотелось ее пригласить, но я все не решался. Леша вообще не умел танцевать и смущался еще больше меня. Дома я его обучал под ритм пластинок, но учению он поддавался туго, у него плохо гнулись ноги, отсутствовала элементарная пластичность.

И все же я рискнул пригласить эту девушку. Набрался решимости, была ни была, и подошел. Душа ушла в пятки, я покраснел, мне стало вдруг жарко-жарко и я, подойдя, что-то промямлил. По моему растерянному виду она почувствовала, вероятно, мое состояние, так как знала себе цену, а я - простой рядовой. Сердце гулко билось, я потерял надежду, но она улыбнулась и пошла. Я неплохо танцевал вальс - мой любимый танец и, если вначале танец не клеился, несколько раз наступил на ее изящные туфельки, что она, якобы, не заметила, в чем я, конечно, усомнился, но оценил как проявление интеллигентности и внутренней культуры. Постепенно вошли в ритм, станцевались и у нас получилось совсем неплохо. Познакомились, звали ее Лидой. Я представился, довел до места, поблагодарил. После этого стал смелее и решил пригласить на танго. Заиграла музыка, я направился к ней, но ее подхватил какой-то хлыщ, весьма симпатичный капитан и увлек в танец. Наблюдавший за нами Леша сказал: "Да, у вас получилось совсем неплохо, молодец! А знаешь ли ты, с кем танцевал?" Я ответил, что с девушкой, а кто она мне все равно. "Это дочь командующего армией генерал-лейтенанта Морозова, зовут ее Лидией". Вот это да, подумал я. И зачем я сунулся не в свои сани?

В следующем танцевальном вечере я с ней поздоровался, но стал держаться на почтительном расстоянии. Она много танцевала и, кружась и оказавшись невдалеке от меня, улыбалась, а я краснел и смущался. Когда был объявлен белый (дамский) вальс, перед ней толпились "хлыщи" и я на 100% не сомневался, что никогда она меня не пригласит. Но я ошибся, она пригласила меня. О, боги, как я был счастлив и, вероятно, не мог этого скрыть. Позже я рассказал ей все свои переживания, чувства, страхи и сомнения перед тем, как пригласить ее на первый танец. Рассказ мой был предельно искренен, она слушала меня внимательно, улыбалась, даже смеялась, и я становился смелее. Рассказала о себе, что студентка, учится в Москве, и приехала на побывку к родителям, ни разу не упомянув, кто они есть. Я ничем не высказывал, что мне известно было, посвятил в свои планы: остаться в кадрах и готовиться для поступления в Военно-медицинскую Академию в Ленинграде. Да, это было моей мечтой, которая через годы войны и ее победоносного окончания - воплотилась в жизнь. Ну, что же, дерзайте, юноша, и ваша мечта исполнится, был ее ответ.

Узнал, что живут они в богатом особняке, подальше от центра, дом охраняется. Мать ее по национальности литовка, а Лида - единственная дочь. Мы часто танцевали, я старался не быть назойливым, приглашал других девушек, наших вольнонаемных служащих штаба армии и обслуживающих советские организации. Среди

них выделялась Капа (Капитолина), работавшая в аптеке госпиталя. Это была, можно сказать уверенно, - очень красивая молодая женщина лет 23-25, замужняя, дочери ее было 2 года. Она с мужем и мамой жили где-то в Белоруссии. Красота ее была холодной и смотрела она на мужчин с едва заметной иронией. Я знал, что ее поведение безукоризненно. Один из врачей госпиталя, проявляя излишнюю ретивость, получил несколько добрых оплеух. Мы были с ней в хороших, дружеских отношениях и никогда нахальства и приставания по отношению ее - не проявлял. Она знала, что я еще не испорченный мальчик, не знавший женщин. Она со мной охотно танцевала, и домой в госпиталь мы уходили вместе. Леша жил уже на частной квартире. Во время танцев с ней, я незаметно наблюдал за Лидой, мне показалось, что и она нет-нет да и бросит в мою сторону глаз. В такие минуты я на секунду-другую терял ритмичность, за что получал замечание от Капы и однажды она съязвила - смотри, не сверни шею, ведь голова не вращается на 360°.

В посещении Д.К. у меня был довольно длительный перерыв и, естественно, с Лидой я не встречался. Мысленно, про себя часто думал о ней и все больше убеждался - какое приятное чувство, когда тебе нравится девушка! Она была хороша внешне, в ее поведении не было наигранности, всегда приветлива, со всеми ровная в обращении, держала себя с чувством достоинства, но отнюдь не гордыни. От нее веяло симпатией, и это не было набором приемов, как у других девушек или женщин, стремившихся во что бы то ни стало понравиться. Никому предпочтения она не отдавала, в том числе и мне.

В начале марта штаб выехал на учения. Расположились в лесу. Зима на Западе мягче, чем у нас в европейской части Союза. Март был теплый, чувствовалось дыхание весны. Прекрасен был лес. На деревьях лежал снег и ветви, сгибаясь под его тяжестью, напоминали крылья больших белых птиц.

У меня была палатка, где располагалась санчасть. Однажды ночью раздался дикий крик, нечленораздельный вопль. Все всполошились, из палаток выскакивали штабники, спрашивая, что случилось? Я выскочил в одних брюках и сапогах и побежал к месту, откуда продолжал разноситься загадочный вопль.

Около штабной палатки стоял часовой с винтовкой с широко разинутым ртом и отвисшей нижней челюстью, из-за рта текла слюна, глаза дико вращались во все стороны. Я сразу догадался, бедняга так зевнул, что челюсть выскочила из сочленения и обратно уже на место не могла стать. Солдат-узбек никак не мог понять, что случилось, дико перепугался и ему ничего не оставалось делать, как вопить от страха. Слышались возгласы: "Ему надо дать по скуле и она станет на место". Лично мне не приходилось вправлять вывихи нижней челюсти, но как это делается теоретически - знал. Опасность при вправлении состоит в том, что при вправлении челюсти, когда она станет на место, сильные жевательные мышцы могут прикусить пальцы вправляющего и очень здорово, поэтому пальцы обматываются полотенцем или многослойными марлевыми салфетками. Но под рукой их не оказалось. Ни того, ни другого. Пострадавший продолжал вопить. Вокруг народ, даже начальник штаба тут же. Я обмотал своим носовым платком пальцы и быстро вправил челюсть на место. Вопль прекратился. Это был мой первый "подвиг" на глазах сослуживцев. Были слышны возгласы: "Молодец, доктор". Часового сменили, все разошлись по своим палаткам, а я уже до утра не уснул. Стал "героем" этой ночи, Утром за завтраком многие смеялись, вспоминая ночной переполох. Вскоре жизнь и служба вошли в обычную нормальную колею. В воздухе чувствовалась какая-то скрытая тревога,

больше интуитивно, чем конкретно. Не помню, в каком месяце стало известно - должна произойти взаимная репатриация. С немцами был заключен договор о добровольном возвращении немцев (фёльксдоиче), проживающих в Прибалтике, в Германию, а литовцев, проживающих в Германии, в Литву. Нам стало известно о прибытии немецкой делегации в Каунас и нашей в Германию. Я видел колонну немецких легковых автомобилей марки "Адлер". В машинах все водители были здоровенные молодые солдаты, как на подбор, и один офицер. Им был отведен особняк, где они работали. После окончания этой работы, продолжавшейся около недели, делегация отбыла восвояси, также вернулась наша. Почему-то не все немцы хотели репатрироваться, небольшая часть осталась. Как проходил отъезд и приезд, не было особенно заметным, так как большинство жили в сельской местности, меньше в городах и самом Каунасе.

Тем временем я познакомился с немкой - молодой девицей немногим старше меня. Мне хотелось усовершенствовать немецкий язык, а она, знавшая несколько русский и литовский, согласилась учить меня разговорной речи. Обучение шло успешно, проходило оно в парке, мы сидели и занимались.

Когда я учился в школе, я изучал немецкий, у нас была хорошая учительница, как мы ее называли "немка" - Эсфирь Михайловна Цейтлина. По грамматике я никогда больше тройки не получал, по устной речи - четверка, Люда Мудрейгер - так звали мою "учительницу" хотела, чтобы наше знакомство стало более близким, намекала, что ничего не имеет против нашей близости, приглашала к себе домой, но я наотрез отказался, тогда стала набиваться, чтобы я пригласил ее к себе в гости, на что я тем более отказывался, что живу в общежитии. Соблюдал высокую бдительность, не забывал о духе того времени.

Вскоре ее интерес ко мне пропал. Около квартиры, где жил Леша, стояла машина - это было частное такси, там все было частное, шофера звали Станкус. Литовец, он знал неплохо немецкий, и мы с ним болтали. Я его всегда угощал сигаретами и советскими папиросами "Беломорканал". Он никогда не интересовался моей службой, что я ценил.

Точной даты не помню, но где-то в конце марта или в начале апреля произошло событие, потрясшее местное население - депортация отдельных литовцев и даже целых семей с детьми. Разрешалось взять с собой определенное количество вещей, их грузили по ночам в вагоны и увозили вглубь России, в Сибирь. Стон, плач и слезы стояли вокруг. За что, за какие грехи? Ничего нельзя было понять. Говорить об этом не разрешалось. В основном эта акция проводилась по ночам. Увозили зажиточных, богатых, членов полуфашистских организаций. Все это действовало на нас угнетающе. Мы боялись за Шиманасов, но их не трогали.

В эти дни на кладбище, расположенное недалеко от центра города, произошла антисоветская демонстрация молодежи, главным образом гимназистов старших классов и студентов. Произносились пламенные речи против русских оккупантов, против Советов, распевался литовский национальный гимн "Летува Тевини". Развевались литовские национальные флаги. Демонстрация была разогнана, многих арестовали. Нас стали открыто ненавидеть.

Мы понимали - идет депортация неблагонадежных, реакционно настроенных и нелояльных по отношению к нам, лиц. Про себя думали - отольются кошке мышкены слезы.

Кондратий Моисеевич уговаривает подать заявление об оставлении в кадрах,

дает положительную характеристику и я соглашаюсь - подаю заявление. Надо ждать. Комендантом штаба был капитан Кузьменко, участник гражданской войны, награжденный орденом Красного Знамени. Он почему-то возненавидел меня, для него я был рядовой и не имел права носить нормальную прическу, а должен стричься наголо под машинку нулевую. Он меня преследовал, я же его избегал. Он пожаловался Михнову, которому я подчинялся. Кондратий Моисеевич меня вызвал и заявил, что он не хочет портить отношений с комендантом из особых неизвестных мне соображений. Я очень переживал, а волосы были у меня шикарные, стриженный я превращался в безликое существо. Я хотел было уже выполнить распоряжение, но в это время меня включили в инспекционную группу полковника Клишева и на целую неделю я убываю с ним в поездку по частям XI армии. Фактически я записывал все замечания по санитарному состоянию частей, организации питания и другим сходным вопросам. Мне диктовали, а я записывал. Когда мы вернулись в Каунас, куда-то уехал Кузьменко. Его замещал ст. лейтенант Конюхов, который ко мне хорошо относился. Я остался при волосах.

Инспекция показала, что все дивизии полнокровные, укомплектованы и вооружены по последнему слову техники того времени. Проезжая по частям и соединениям, можно было любоваться воинами, рядовыми, офицерами, их строевой выправкой, бодрым, жизнерадостным видом. Рядовые были призыва, прослужившие уже 2-3 года, рождения 1918, 1919, 1920 гг. Ребята кровь с молоком. Особенно сильное впечатление произвела 5-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Озеров. Этот комдив в звании полковника всегда внушал мне какое-то необыкновенное уважение, хотя никогда близко с ним не общался и не разговаривал. Внутренне почему-то боялся, зная, что он очень строгий человек. Как будто до командования дивизией работал в штабе и позже перешел командовать дивизией.

В небе появились новые самолеты МИГи, их осваивали наши летчики. Среди них у нас был знакомый ст. лейтенант по Д.К., мы часто встречались, делились впечатлениями о житье-бытье, он был земляком Леши, сибиряк. Рассказывал - самолеты - чудо, с прекрасными тактико-техническими данными. Идет переучивание. На это надо время. Смотришь на их полеты в небе, сердце радуется и наполняется гордостью за нашу авиацию.

Настроение в общем хорошее, о войне как-то серьезно никто не думает, ведь у нас заключен договор с Германией о ненападении. Молотов и Риббентроп обменялись поездками в Берлин и Москву. Смущал договор о дружбе с Германией?! Какая могла быть дружба с фашистской Германией? Но мудрая сталинская политика отменяла всякие сомнения. Многие литовцы обращались к нам, людям военным попроще, с кем можно было поговорить, и робко осведомлялись: "Неужели вы верите в дружбу с германцами? Ведь они фашисты". Мы уклонялись от ответов, давая понять, что мы не дипломаты, а люди военные. Тем не менее в душе готовы были задать подобные вопросы кому-либо более компетентному человеку. Думы, сомнения, вопросы, а жизнь продолжается. Внешне люди беззаботны.

В санчасть ко мне часто заходил начхим полковник Эленбергер. Это был спокойный, сдержанный интеллигентный человек. Фамилия немецкая, но он считал себя чисто русским человеком. Возможно, из давних обрусевших немцев. У нас нередко велась беседа о международном положении и извечный вопрос - будет ли война? Полковник уверял меня, что войны не будет, немцы педантичны в выполнении взятых обязательств, я же возражал, привел в пример немало примеров с Польшей,

Австрией, Мюнхеном и т.п., на что он говорил: "СССР - это немцам не страны Западной Европы, они не должны забывать предупреждение канцлера Бисмарка".

И тем не менее в воздухе пахнет грозой. Бывает чувство, шестое, его трудно объяснить, оно противоречиво и чем больше стремишься разобраться, анализировать, сопоставлять факты, тем больше запутываешься и не можешь придти к какому-то окончательному мнению.

Я обратил внимание на одного странного красноармейца, рядовой в обычной солдатской форме, малоразговорчивый, необщительный и возраст солидный - лет за 30, в волосах седина. Кто бы это мог быть? Однажды он зашел в медпункт и попросил таблетку от головной боли. Я спросил его фамилию и кто он? Сахаров - представился он, - переводчик из разведотдела. Призван по спецнабору, имел длительную отсрочку от действительной военной службы. Так мы познакомились. Постепенно наши отношения стали довольно дружескими. Я его не спрашивал о его работе, не проявлял любопытства, но в беседах высказывал свое мнение по отношению международного положения. Он умел очень внимательно слушать. Однажды он мне ответил на мои высказывания: "Блажен, кто верует". Ничего секретного не было в том, о чем он мне потом рассказал о своей работе. Он сидит у мощного приемника и прослушивает выступления, статьи, комментарии различных газет, агентств "Франспресс", "Фигаро", "Гардиен", "Таймс", "Гавас", "Фолькишер беобахтер", "Кроникл" и многих других. Знает английский, французский и немецкий языки. Наиболее интересные, имеющие отношение к СССР, записывает, переводит, печатает и наклеивает в определенные журналы. Все эти данные ежедневно ложатся на стол командующего, нач. штаба и возвращаются в разведотдел. Он мне часто рассказывал очень интересные данные, многие сводились к мнению обозревателей, что Германия готовится напасть на Советский Союз. "Да, друг мой, - сказал он, - можешь льстить себя надеждой, но мы находимся на грани войны. Делаем из этого тайну мадридского двора, а это тайна Полишинеля, В то же время наша пресса спокойна и уповаает на мудрую политику советской дипломатии и главным образом на И.В.Сталина".

На политинформациях и докладах о международном положении, которые проводились при штарме, нас успокаивали, что мы сильны во всех отношениях и, если враг на нас нападет, он получит сокрушительный отпор. Приводились давно известные цитаты, что чужой земли нам не надо ни пяди, но и своей земли ни пяди - не отдадим. Что, если враг посмеет напасть, мы будем воевать на его территории. И опять же на память приходили слова песни из кинофильма "Если завтра война, если завтра в поход - будь сегодня к походу готов!" Следовательно, важно не терять бдительность.

Мне разрешили жить на частной квартире. Живем с Лешей на квартире недалеко от штаба - в 15 минутах ходьбы. Хозяйка - милая женщина - пожилая литовка, сносно говорит по-русски. Занимаем одну комнату со всеми удобствами. В квартире 5 комнат. 2 занимает хозяйка со старушкой матерью и 2 она держит для сына с женой и внучкой, которые в отъезде и должны летом вернуться. Ведем, себя предельно вежливо. По возможности стараюсь говорить с хозяйкой по-литовски; правда, чувствую, что до приличного знания языка далеко, но все же тренировка. Подкупаю вещи, подарки, готовлюсь к отпуску домой, уже весна, начало мая, а в конце июня отпуск.

Хозяйка относится к нам с уважением, внимательна, предлагает свои услуги. В

конце апреля получил из дому письмо. Мама пишет - на работе ей выделили путевку на две недели в Дом отдыха Друскеники. Это недалеко от города Гродно, на территории бывшей Литвы, затем Польши, одним словом, не разберешь. Я понял одно, это недалеко от Каунаса и потерял покой - загорелся огромным желанием обязательно любыми путями повидать маму, которую не видел почти два года, с тех пор, как ушел служить в армию. Я, да мы все, самозабвенно любили маму, более того, мы ее боготворили, и не было для нас человека в жизни ближе и дороже нее.

Поделился с Алексеем, и он загорелся. Как же, ведь путь лежит через Гродно, или во всяком случае рядом, а в Гродно Мария...

Стали строить планы. Во-первых, нужна машина. Во-вторых, разрешение - отпуск хотя бы на 3-4 дня (командования).

Бывают же совпадения, когда люди, от которых зависит решение вопроса одного человека, каждый имеет какой-то интерес или, вернее, заинтересован в его личном совпадающем интересе.

Наш командир расформированной автороты ст. лейтенант Матросов и комиссар Шифрин курировали от штаба (АБТ) объединенный гараж с большим количеством легковых и грузовых машин. От них многое зависело. Семья Матросова жила уже в Каунасе, где у них родился сынишка, а в Гродно остались кое-какие вещи, и их надо было привезти в Каунас. А у Шифрина - девушка, нареченная, помолвленная с ним, невеста и он хотел передать ей презент. Вот таким образом вопрос был решен. Перед этим пришло письмо от сестры Симы, что мама уже отдыхает в Друскениках.

Наше штабное начальство в порядке поощрения дает 3 дня отпуска. От счастья мы с Лешкой на седьмом, небе. Ура! Мы едем. Покупаем подарки: конфеты, шоколад, сладости и всякие деликатесы - я маме, Леша - Марии, берем посылку у Шифрина и засветло, когда еще только-только забрезжил рассвет, выезжаем к своей цели.

Прекрасен рассвет, еще не вошел вечный царь природы и утренняя Аврора во всей своей красе. Рассеивается светло-серый цвет неба, а за ним надвигается багрянец солнечного диска и огненный шар солнца зримо, все время увеличиваясь, заявляет - наступило солнечное утро майского дня. Я сижу в кузове М-1 (пикап), Леша в кабине с водителем, много проигрывает, не видя в полной мере восход солнца. Теплый ветерок обвеивает голову, развевающуюся шевелюру. Настроение непередаваемой радости в предвкушении встречи с мамой. Интересно, о чем думает Леша? Несомненно, о встрече с Марией. Каждый о своем, так и должно быть. Дорога отличная - асфальт, по обочинам березки, мое любимое дерево, это дерево моей родной Белоруссии. Всегда приходят на память слова и мелодия песни "...во поле березонька стояла..."

Вскоре въезжаем в Друскеники. Это целый курортный район, известный в Польше, Прибалтике и далеко за ее пределами. Еще рано, седьмой час утра, и люди еще отдыхают. Много деревянных домиков - павильонов с верандами. Где и в каком доме отдыха мама, не знаю, надо ходить, искать, расспрашивать. Направляемся к двухэтажному каменному зданию, возможно - это административная контора.

Недалеко от этого здания берег большого красивого озера, вдали видны зубчатые круглые башни старинного замка, противоположные берега обсажены деревьями - необыкновенно красиво и живописно. По глади озера - легкая зыбь, на которой отражаются солнечные лучи, переливаясь, напоминают дорожки из червонного золота. Стою на крыльце и любуюсь. Договорились с Лешей: он меня оставляет искать

мать, сам едет в Гродно, к обеду возвращается за мной, и мы возвращаемся снова в Гродно, где заночуем и затем кратчайшей дорогой в Каунас. Место встречи к 16 часам у этого крыльца. Стою в раздумье. Как быть? Еще рано. Но вот на крыльцо выходит молодая симпатичная девушка лет 18-19. Здравуюсь по-польски и спрашиваю все на польском языке, довольно чистом, как мне найти отдыхающую здесь мать? "Цо пан поляк?" "Так, так, певнэ", - отвечаю я и лицо ее расплывается в милой, доброй улыбке. Но я в форме советского военного, и это ее в какой-то мере удивляет. Контакт налажен, а это - главное. Все можно объяснить. Разговорились. Это здание - небольшой частный пансионат и в поисках мамы она мне помочь, к сожалению, не может. Ее мать здесь работает, живут они в Друскениках, она работает здесь же, сегодня воскресенье, и она решила отдохнуть, покататься на лодке по озеру. Я предложил составить ей компанию, она охотно согласилась, представилась Альбиной, я назвал себя. Извинилась, что ненадолго отойдет. Вышла с матерью, женщиной лет 40-45, я представился, щелкнув каблуками и взяв под козырек, ни дать, ни взять, как польский офицер. И она представилась - Марта Ясель. "Бардзо пшеемнэ", - ответил я. Она уже знала о цели моего приезда в Друскеники. Спросил - не боится ли она за дочь, что мы с ней поедим немного покататься? Ответ был отрицательный. Она ответила, надеется цо пан джентльмен, чем я был польщен и галантно раскланялся. У берега стоял одногребный ялик с рулем на корме. Лодка была причалена и на цепи замком прикреплена к столбику. Альбина отомкнула замок, села за руль, я оттолкнул лодку, сел за весла и лодка плавно покатила по глади озера. Я очень любил грести и знал несколько приемов красивой гребли, это была моя стихия. Правда, давно не садился за весла. Но быстро освоился, и я быстро выгреб на середину озера. Вода скрадывает расстояние и мы быстро, довольно далеко отъехали от берега. Все же я заметил, что мать нет-нет, а выйдет на крыльцо и поглядывает в нашу сторону. Я запел какую-то песенку, кажется из кинофильма "Труня Корнакова" - "Соловей-Соловушка", потом из лирических русских романсов, она не осталась в долгу и тоже стала петь польские песни. У нее был не чета мне, не очень сильный, но приятный сопрано и хороший слух. Я замолк и очень внимательно слушал. Я еще спел "...Мы на лодочке катались золотистой золотой, не гребли, а целовались, не качай, друг, головой", "...в лесу, говорят, в бору, говорят, растет, говорят, сосеночка" и т.д. Песня ей очень понравилась.

Это было великолепное утро. Редко бывает в жизни, когда случайная встреча дарит такой сюрприз. С тех пор прошло почти полвека, а я до сих пор часто вспоминаю с грустью и огромным чувством это утро. Ведь мне не было тогда еще и 20 лет!

Подгребаем к берегу. Провожая ее к дому, забираю вещи, собираюсь идти на поиски мамы. И мать, и дочь приглашают на чашку кофе, но я отказываюсь, прощаюсь, благодарю, целую матери руку, там так было принято, ухожу. Сказал, возможно, к четырем часам буду у их крыльца ждать друга.

Хожу от одного павильона к другому, расспрашиваю, ищу, но пока безуспешно. Около 10 часов, вероятно, закончился завтрак. На верандах появляются отдыхающие, некоторые отдыхают в шезлонгах, кто-то раскачивается в плетенных креслах-качалках.

Наконец-то! Не доходя до очередного павильона, вижу в кресле сидит мама, в руках спицы, что-то вяжет и разговаривает с двумя женщинами ее возраста, в ту пору ей было уже около 60 лет. Забилось мое сердце, к горлу подкатил комок, сдерживаюсь, подхожу и, стараясь быть спокойным, говорю: "Здравствуй, мама..." Подыма-

юсь на веранду, вязанье падает на пол, мама плачет. И у меня слезы на глазах. Соседки мило улыбаются, успокаивают маму, говорят: "Вы как в воду смотрели". Уходят, оставляют нас одних. Оказывается, мать заметила еще издали меня, но, конечно, не узнала и говорит своим соседкам: "Есть же счастливые матери, к кому-то приезжают сыновья, а ведь и мой сын где-то недалеко служит здесь действительную. Он военный и скоро должен приехать домой в отпуск, обещал в июне".

Радостной, но короткой была встреча. Отдал маме все гостинцы, перекусил. Мы пошли в беседку и не могли наговориться. Почти два года не был дома. Узнал все новости о сестре, братишке, соседях, друзьях, товарищах. О Леше я писал, и мама все спрашивала, когда он придет. К обеду, как договорились, у крыльца пансионата мы встретились. Вышли паненки Ясель. Я познакомил их с Лешей. Он угостил их от себя и меня шоколадом и мы поехали к маме.

На веранде нас ждала мама и был накрыт стол со скромным обедом. Это постаралась сестра-хозяйка и диет сестра. Леша их тоже угостил шоколадом, не забыл и маму. Мама его расцеловала как родного сына, он ей очень понравился. Быстро бежит время и засветло надо приехать в Гродно. Шофер нашего пикапа поехал обедать и заправиться бензином, ждем его и готовы к отъезду.

Все готово, прощаемся, тяжело расставаться, объятья, поцелуи и мы трогаемся. Вскоре приезжаем в Гродно. Останавливаемся в нашей военной гостинице, это, вернее, - общежитие и спешим к Марии. Леша с ней уже встречался, но она ведь работает и много времени уделить ему не могла. Выполнил поручение Матросова, а мне предстояло передать посылочку невесте Шифрина. Впереди у нас еще завтрашний день, а сегодня гуляем.

За время, что мы расстались с Марией, она расцвела и еще больше похорошела. Леша не отходит от нее. Все время о чем-то шепчутся, смеются, хихикают, хохочут, и я чувствую, что - третий лишний. Вечером идем в кино. Показывают "Истребители". Мы покорены игрой Марка Бернеса и его песней "В далекий край товарищ улетаёт, родные ветры вслед за ним летят, любимый город в синей дымке тает, знакомый дом, зеленый сад, любимый взгляд..."

Гродно живет полнокровной активной жизнью. Чувствуется работа компартии, много приезжих из восточных областей Белоруссии и других городов Советского Союза. В магазинах все есть.

Разыскал адрес невесты Шифрина. Да, комиссар не преувеличивал, расписывая красоту своей невесты. Я вспомнил рассказ Куприна (не то шинкаря, не то корчмарка, где он встретил прелестную еврейскую девушку красавицу). Это было совершенство красоты, полная гармония всех внешних черт девушки. Особенно хороши были ее глаза, огромные, синие, длинные ресницы, брови вразлет и черные волосы. Но ей ведь не больше 16-17 лет, а ему больше 35. По-русски говорит плохо, по-еврейски и по-польски хорошо. Родители - отец столяр, мать - домашняя хозяйка, есть брат - обыкновенный мальчишка лет 10-11. Ни мать, ни отец не выделяются чем-то особенным в смысле красивых черт внешности. Чувствуется, что комиссар вскружил голову этой девушке-подростку и она все время о нем расспрашивает, интересуется буквально всем, спрашивает, собирается ли он приехать. Все, что знал о нем, рассказал. Обстоятельно интересовались родители: в какой он должности, получил ли квартиру, как материально обеспечен и согласится ли венчаться по еврейскому обычаю? Что знал - ответил, а что касается венчания по обычаю - вряд ли - он пикейрос (атеист) безбожник. Кто мог знать, что не пройдет и двух месяцев, как нач-

нется война и они разделят печально-трагическую судьбу десятков тысяч евреев, попавших в гетто и впоследствии закончивших свой жизненный путь в печах Майда-нека и Освенцима.

В сентябре 1946 года, когда я поступал в ВМА им. С.М.Кирова в Ленинграде, я встретил комиссара Шифрина и он мне рассказал, как он после войны специально ездил в Гродно и узнал о судьбе своей невесты, ее семьи и многих других семей. Ему было уже за 40, если не больше, обрюзг, поседел, рассказывал - плакал, не женился, так и остался бобылем, жил с сестрой на Невском проспекте, где-то около кинотеатра (Гигант).

Пошел в военный госпиталь, хотел повидать Галю. Уже не работали. Узнал, вышла замуж и уехала домой.

Днем, вернее вечером смотрели "Большой вальс" - впечатление непередаваемое, особенно игра и божественный голос Милицы Корюнс, исполнительницы роли Карлы Доннер, в которую влюбился Шани - Иоганн Штраус. Вальс "Сказки венского леса" - вершина музыкального гения Штрауса. Есть фильмы, которые остаются в нашей памяти на всю жизнь. Для меня - это "Большой вальс". Особенно запавшая в душу и сердце музыка (мелодия) нередко ассоциируется с событиями, на фоне которых ты их впервые услышал.

На следующий день с рассветом собираемся в дорогу. Я еще накануне попрощался с Марией, а Леша пришел в общежитие перед рассветом, и мы выехали. Около 10 часов были уже в Каунасе, Доложили каждому своему начальству и приступили к своим служебным обязанностям. До начала войны оставалось меньше двух месяцев.

В начале июня пришел приказ о присвоении мне звания "военфельдшер".

Получил обмундирование, пистолет ТТ, кожаная кобура со снаряжением, сумка-планшет (револьвер системы "наган" у меня был). Получил много денег, делаю богатые закупки всем. Вряд ли все войдет в два больших кожаных чемодана (Особенно хороши хромовые сапоги).

Какие более или менее заметные события произошли за эти дни? Меня вызывает начсанарм К.М.Михнов и дает задание: "Ароныч! За тобой придет машина и повезет на квартиру командующего генерала Морозова, он заболел, простыл, и ему нужно поставить круговые банки. Хотели послать медсестру из военного госпиталя, но с квартиры поступила команда прислать тебя, почему - не понимаю, смотри, не оплошай". Я-то понял, что к чему. Не работа ли это Лиды? Возможно, ему, генералу, подсказал кто-то из штабных, которым я ставил банки, а я их ставить умел. Это тоже искусство. Надо хорошо смазать спину, бока и грудь, желательно жидким вазелиновым маслом, можно и обычным борным вазелином, надо втереть. Фитиль должен быть плотным и не меньше 6-7 см длины, из ваты, хорошо пропитан чистым спиртом, банки изнутри насухо вытерты, перед началом стряхнуть с фитиля лишний спирт и фитиль держать близко к банкам, чем ближе к телу, тем сильнее присасывание. Правда, есть опасность обжечь тело, но это зависит от опыта. Хорошие банки всасывают кожу с подкожной клетчаткой на 2/3 и даже больше. Соответственно и эффект. И все же я немного волновался и мандражировал, ведь я увижу Лиду...

Встретил меня адъютант лейтенант Довнич. Возможно, и он приложил руку к моему визиту. Увидев Лиду, я снова сильно покраснел, но она очень дружелюбно улыбнулась и дала понять, что рада встрече. Вышла мать, и она сразу изменилась, стала официальной и серьезной. Банки удались на славу. Я поставил по всем пра-

вилам и, когда снял банки, размассировал спину и бока, закутал генерала в простыню, подложил две подушки, помог подтянуться повыше, чтобы он принял полусидячее, полулежачее положение. Он сказал: "Как стало хорошо и легко дышать, большое вам спасибо". Долго я не задерживался, меня отвезли в мою санчасть. По телефону доложил Михнову о выполнении его задания.

Июнь 1941 года, роковой месяц, начало великих тревог, испытаний, страданий нашего народа. Это все впереди, а пока прекрасные летние погоды, предвкушение предстоящего отпуска. Очень часто вижу с Сахаровым, когда в отделе никого нет - захожу к нему, и он дает мне читать сводки. Главная тема - война, вооружение Германии, усиление ее мощи и никто не сомневается, что она собирается напасть на Советский Союз. По всей вероятности, поступают и более достоверные разведданные, но о них открыто, естественно, не говорят, хотя по косвенным данным, отрывочным фразам и репликам штабников можно догадаться, что напряжение нарастает, но какая-то сила гасит подобные мысли и тем более разговоры. Есть договор и за нас думает великий и мудрый вождь.

Накануне произошло одно событие. Членом военного Совета был дивизионный комиссар Николаев. Этого (ему было лет за 50) человека, как мне кажется, все боялись, даже довольно высокие начальники из строевых отделов. И мне он внушал немалый страх. Взгляд у него был, как мне казалось, зверский. У него была личная машина ЗИС 101, их было две, одна у командующего. Его секретарь политрук Бобков - вежливый, спокойный и выдержанный человек, был им вышколен и педантичен. Водителем машины Николаева был вольнонаемный водитель, фамилии его не помню. Произошла авария и машина была довольно сильно повреждена, хотя могла быть восстановлена, отремонтирована. Боясь ответственности, наказания и зная крутой нрав "хозяина", водитель застрелился прямо в машине. Я видел его труп в машине на переднем сиденье. Мы все хорошо понимали ход мыслей этого бедолаги. Оставались дома в России жена и двое детей. Всем было жаль мужика.

С этим или по другим причинам за неделю или две до начала войны Николаева наградили орденом. "Красная Звезда" и с члена военного Совета освободили, назначив начальником строительства Ур'ов на советско-германской границе. На его место прибыл бригадный комиссар Зуев - участник боев в Испании, награжденный орденом Красного Знамени, Красной Звезды и медалью - 20 лет службы в рядах Красной Армии. Он всем понравился и своей внешностью, приветливостью и простой обращением с подчиненными. Трагически сложилась его судьба в первом же году войны, о чем много и подробно писали газеты "Известия", "Красная Звезда" и другие. В моей памяти он сохранился, как образ настоящего комиссара, коммуниста, боевого командира, который с боями выводил нас из "окружения".

Жизнь продолжается. В городе ползут слухи. Некоторые из местных жителей смотрят на военных не то насмешливо, не то с ехидцей. Я, близкий к кругам штабных офицеров, не чувствую их особого беспокойства, хотя появилась какая-то суевливость. Очень хорошо помню день 18/VI-41 г. Среда. Я полностью готов 22-го к отъезду в отпуск, мысленно представляю картины встречи с родным городом, с мамой, братом, сестрой, друзьями, их восторг и восхищение подарками. Да, да, мечты, мечты. Солнечная погода, в чистом без облачка синем небе летают мощные МИГи, это наши летчики осваивают новую технику. Вечером собираемся в театр, Лешка подсмеивается, глядя на меня, как я так, незаметно, нет-нет, поглядываю на себя, как бы смотрю на себя со стороны. Бросил реплику: "Нарцисс. Завидую тебе, ты ско-

ро будешь дома, я же, пока не решу вопрос с Марией, отпуск оформлять не буду". После обеда мы погуляли по городу, хотели зайти к Шиманасам, но так как до отъезда еще было время решили зайти позже. Часам, к 11 вечера мы пришли из театра, попили чайку и, решив встать пораньше, улеглись спать. Долго не могу заснуть, и только задремав - слышу звонок, звонят в дверь, открываю, посыльный (солдат) произносит одно слово "звезда" - условный знак "тревога, немедленный сбор в штабе". Быстро облачаемся в повседневную форму: брюки, гимнастерку, сапоги, снаряжение - пистолет, планшетка, закрываем на ключ двери и бегом в штаб. Через 10 минут я докладываю начсанарму К.М.Михнову о прибытии. В отделе весь руководящий состав. На столах стопки топографских карт. Михнов обращается ко мне: "Арончик! Вот эту стопку карт разложи по полу, сделай подборку по обрезами квадратов топографской сетки и начинай клеивать, соображаешь? Работа эта была мне знакома, я все выполнил, доложил. Был 3-й час ночи, скоро будет светать. После доклада - "ваше приказание выполнено" - получаю приказ: "А теперь беги в свое хозяйство, собирай, все в укладки, проверь Б-1, ВБ-2, комплекты шин, собери все самое необходимое и через полчаса будь готов к погрузке, подойдет машина, там и другие службы, тебе помогут все уложить и от машины ни шагу". Быстро скомплектована колонна: впереди легковые машины с высшим начальством, вслед за ними наши, и мы движемся из города, куда - не знаем, проходим по мосту через Неман и вскоре мчимся по шоссе на Запад, в сторону границы. Перед рассветом подъезжаем к старым фортам, сооруженным русской инженерно-фортификационной службой перед первой мировой войной. Начинаем строить догадки; вероятнее всего, штабные учения. В старых казематах, где было чисто убрано, но сыро и отдавало затхлостью. В пятом часу уже стало совсем светло. Форты сверху поросли травой, она была еще покрыта росой, но по мере того, как солнце подымалось все выше и выше, стало теплее, трава подсыхала, мы ходили, подстелив плащ-палатки собрались группами, беседовали и ждали распоряжений. Я все время думал, сколько же продлятся учения? Не сорвется ли мой отъезд, назначенный на 22 июня 1941 года. Сопоставляю наш срочный сбор на фортах с частыми рассказами Сахарова, его оценкой международной обстановки, сводками, комментариями, о которых он меня информировал, и в сердце закрадываются сомнения, даже страх, что все это не простые штабные учения, а нечто большее и довольно серьезное. И тем не менее не хочется терять надежду, ведь столько выстрадано планов и мечтаний. Разве я мог предполагать, что, закрывая свою комнату после вызова по тревоге 18 июня - это был последний поворот ключа и больше никогда я сюда не вернусь и все мои надежды и планы рухнут, лопнут, как мыльные пузыри, а жизнь пойдет по совсем другому руслу. Первую ночь фактически не сомкнули глаз, да и спать не хотелось. Хотелось есть, но ничего не было, обещали прибытие военторга на машине, подвоза продовольствия, даже горячей пищи нашей военторговской столовой. Подвезли хлеб, колбасу, сыр, масло и другие продукты. Миновал день, никаких изменений как будто бы не произошло. Больше слонялись, обменивались мнениями, травили баланду.

20 июня мы были свидетелями отхода от западной границы 5 стрелковой дивизии. Полностью укомплектованные, хорошо вооруженные полки уходили на восток. Мы, естественно, строили свои планы. И успокаивались, раз так, следовательно, где-то подальше от границы пройдут учения. И тем не менее многое было непонятно и противоречиво. Происходили странные вещи: когда отошла 5 стрелковая дивизия, к границе прошло несколько рот красноармейцев переменного состава. Это были

люди зрелого возраста 40-45 лет. В старом б/у обмундировании, ботинках с обмотками, у каждого за плечами штыковая лопата. Только у одного, шедшего позади за санитарной двуколкой, за плечами была винтовка - трехлинейка. Это шли роты для УРов (укрепленных районов), начальником которых был назначен бывший член Военного Совета дивизионный комиссар Николаев.

Наступил день 21 июня - суббота. В городе Каунасе, как нам сообщили приезжающие офицеры, было спокойно. Ведь в городе остались семьи офицеров, жены и дети, которых они привезли из разных городов, где проживали раньше. Остались летчики, продолжавшие осваивать новые самолеты. В воскресенье многие должны были иметь выходной день. Как потом мы узнали, все самолеты находились на аэродромах, выстроенные в принятом в авиации порядке.

В субботу к нам приехал на машине с частью кухонного оборудования шеф-повар военторговской столовой Николай Иванович Колодезный. Обещал на следующий день - 22 июня - наладить нормальное кормление штаба.

Накануне я сделал глупость - подошел к Михнову и заикнулся о своем отпуске... Он так посмотрел на меня, что мне стало все ясно и стыдно.

Итак, суббота, 21 июня. Жаркий день, солнце немилосердно греет, не то слово - жжет. Забираемся в тенивые места. Оперативный отдел штаба разместился в большой палатке. Хотел повидаться с Сахаровым, но не пришлось. Обмениваемся мнениями с Лешей. Настроение у него, как и у меня, фиговое. Сел писать письмо Марии в Гродно. Когда стало темнеть, расположились на брустверах форта, земля нагрета, нет даже маленького ветерка. Прилегли, стало клонить ко сну, вскоре уснули тревожным сном. Часто просыпались. Я закурил, посмотрел - на часы, был третий час ночи. Тишина. Покулив, снова задремал. Проснулись от рокота моторов и грохота разрывов бомб. Бомбили где-то в районе Каунаса, вероятнее всего, аэродромы. А над нами одна за другой летели на большой высоте эскадрильи немецких бомбардировщиков в сопровождении юрких истребителей - это были "Мессершмиты" - и все летело на восток.

Так в пятом часу утра 22 июня стало ясно - война! 1418 дней длилось это великое испытание для нашего народа. О нем еще много будет рассказано впереди, но первый день запомнился так ярко и сильно, что через много лет встает в памяти, как будто не прошло после этого дня полвека.

Вскоре над нами пролетел на небольшой высоте немецкий истребитель, который буквально через несколько минут был сбит нашими зенитками. Самолет упал примерно в километре от штаба и многие, в том числе и я, побежали к месту падения. Самолет врезался носом в землю, не горел, летчик был убит осколком и мы его вытащили из кабины. При нем был пистолет и парашют. В кармане нашли листовку. Заголовок - "Дранг нах вестей!". Текст: "Солдаты Великой Германии. Наступил решающий день священной войны, которая сокрушит большевистскую Россию и Великая Германия завоюет мир. Только на восток. С нами бог и Великий фюрер. Хайль Гитлер!" За точность текста не ручаюсь. Но общий смысл примерно таков.

Всем приказали срочно вернуться в штаб. Все офицеры собрались около штаба. Кто-то говорил, что это провокация, политотдельцы говорили - не паниковать! На границе шел бой, хорошо была слышна стрельба, это наши славные пограничники храбро первыми вступили в бой и сдерживали во много раз превосходивших их фашистов. Вооружение застав - карабины, ручные и станковые пулеметы "максим".

Мимо нас бежали солдаты, которые шли строить Ур'ы, все без оружия, побро-

сав свои лопаты. По приказу командования часть офицеров штаба и комендантской роты отрядили в город с задачей организовать эвакуацию семей командного состава. Они умчались на легковых машинах, мотоциклах и нескольких броневичках. О том, как проходила эвакуация на поданных железнодорожных составах, я узнал через 10 лет при встрече в Ленинграде с генерал-майором медицинской службы Михновым. К вечеру, перед тем, как штаб стал отходить, вернулись посланные "эвакуаторы", некоторых не досчитались, погибли при обстреле их местными жителями. Город немцами в первые дни захвачен не был (уточнить, на какой день), они его не бомбили с расчетом: во-первых, там литовцы и дальнейшее использование в своих целях. Им был нужен город целым, невредимым для себя. Бомбили в основном военные объекты, расположение которых хорошо знали. Как нам рассказали, в первую очередь были вывезены семьи крупных начальников. Многие семьи средних и младших офицеров, которые самостоятельно не смогли пробиться на вокзал и, все побросав, кроме детей, уехать, остались и разделили трагическую судьбу, о которой рассказывать излишне.

Командование штаба срочно грузили в машины документы, все самое необходимое и стали готовиться отходить на восток, прикрываясь частями 5 стрелковой дивизии. В ее составе был и полк, которым командовал подполковник Ефремов.

Появились первые раненые, в основном отходившие от границы, но не было среди них пограничников. Погранзаставы дрались героически, самоотверженно, погибали, но не отступали. Проходившие мимо нас отдельные пограничники, в основном штабные офицеры комендатур и отряда. Позже при отходе они дрались вместе с нашими частями, проявляя много находчивости.

После полудня я все же повстречался с Сахаровым, он был в штабной палатке и показал мне телеграмму с грифом "срочно". Текст: "Командующему XI армии... Немецкие войска без объявления войны нарушили государственную границу, ведут наступление. Приказываю всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами отбросить их за пределы советской территории. Подпись: народный комиссар обороны - Маршал Советского Союза Тимошенко".

Да, во многих местах немцы уже продвинулись на 5-10 км и телеграмма выглядела опоздавшей и...

В голове полная сумятица. Как же так? Ведь уже 18 июня мы, как говорится, были уже начеку, к границе подвинуты боевые части, а фактор внезапности возможного нападения Германии на СССР, о которой было немало доказательств, нами не учтен, его в полной мере использовала фашистская Германия.

Одолевала жажда, страшно хотелось пить, а воды питьевой не было. Позднее захотелось есть, но о какой военоторговской столовой можно было думать. Все заслонило одно - война.

Оказывал помощь легко раненым, проходившим мимо меня, в основном они у нас не задерживались.

Где-то после 17 часов начался отход штаба, организованно, на машинах. Мы вначале намеревались отходить на северо-восток, к территории Латвии, но ввиду изменившейся обстановки, повернули строго на восток. Периодически над нами пролетали немецкие самолеты, низко, с ревом, но не обстреливали. Это возвращались после выполнения заданий на востоке, истратив свой боезапас.

Колонна часто останавливалась. Во время одной из остановок мне приказали пройти к не遠далеке стоявшему какому-то складу. Подойдя, увидел лежавшего на

земле красноармейца, рядом лежала его винтовка, он что-то пытался объяснить, но это было совершенно непонятное мычание. Лицо и главным образом губы в крови. Около солдата стоял подполковник Сашальский из оперативного отдела с двумя офицерами (командирами) штаба: "Посмотрите раненого, возможно, ему можно чем-нибудь помочь!".

И только тогда я понял, что у солдата отрезан язык по самый корень, рот - кровавое месиво. Чем я мог ему помочь? Оказалось, это был часовой склада, которого при отходе не сняли с поста, его схватили немецкие разведчики, допросили, требовали сведений, но он молчал и тогда ему связали руки, вставили в рот палку, разорвали рот и отрезали язык. Это было страшное зрелище, где мы впервые столкнулись со звериным оскалом, обликом фашизма. У подполковника Сашальского начался нервный тик. То ли еще ожидало нас впереди?

Перед самым началом войны члена Военного Совета армии Николаева заменили. Пришел новый член Военного Совета, бригадный комиссар Зуев, участник боев в Испании, награжденный за героизм несколькими боевыми орденами. Он был высок, строен, красив. Всем нам он понравился и мы прониклись к нему симпатией. По моему личному мнению, он был полной противоположностью Николаева. Нравилась его простота общения с подчиненными, доброжелательность, справедливость и в то же время высокая требовательность. Был энергичен, конкретен и умел подчинять себе людей. Не так уж много времени досталось ему для полного ознакомления с делами, так как вскоре началась война, мы отступали с боями, он был активен, его можно было встретить, видеть на самых опасных участках.

Уже после войны, где-то в 60-х годах, я узнал о его трагической судьбе, о чем более подробно напишу позже, и о чем, было немало статей в газетах.

Мы продолжали отходить по литовской территории в направлении к Белорусской земле. При отступлении нам стреляли в спину, устраивались небольшие засады, это были фольксдойче, проживавшие в Литве, которых перед войной репатриировали в Германию, там из них формировали диверсионные группы, так как они прекрасно знали местность, каждую не только дорогу, но и тропинку, узкие дефиле, где было легко попасть в засаду. Их забрасывали на путях и дорогах нашего отступления.

Штаб армии - единица руководящая и при ней была комендантская рота, боевые части - корпуса, дивизии и полки. В первые дни, естественно, управление ими было нарушено - части отчаянно дрались с превосходившими силами немцев. Наступала колоссальная силища - танки, мотопехота и другие, особенно досаждала авиация. Наших самолетов в небе не было, их разбомбили на аэродромах в первые же дни, даже часы, с начала войны. При отходе колонны нас обстреливали диверсанты, появилось много раненых. Со штабом смешались отходящие части.

Плохо стало с бензином. Его не хватало, некоторые машины бросали, сливая с них бензин. К вечеру мы подошли к реке Вилия, вблизи которой расположен город Вилейка. Когда колонна втянулась на мост - небольшой, ширина, примерно, 6 м и длина 50-60 м (Вилия в этих местах с крутыми берегами, течение быстрое), на нас налетели самолеты и стали бомбить, но ни одна бомба не попала на мост. Тем не менее осколки доставали и были раненые. Успешно проскочив мост, колонна двинулась по направлению в лес, в район небольшой железнодорожной станции Гайжунас. Часам к 20 весь штарм сосредоточился в Гайжунском лесу. Командиры наводили порядок, указывали, где кому располагаться, маскировать машины, не

разжигать костров, курить с осторожностью. Я с несколькими санинструкторами и женщинами - машинистками штаба развернул нечто подобное санчасти, так как скопилось около десятка раненых. Это были в основном рядовые и сержанты, отважно сражавшиеся, так как все ранения были спереди - руки, ноги, головы. Бог знает, где оказались медицинские учреждения - госпиталя, медсанбаты, медсанроты в первые дни неразберихи. Врачи санотдела А.Б.Хайкин, Демидов помогали справляться с ранеными.

Еще было довольно светло - 22 июня - самый длинный день в году, меня вызвал К.М.Михнов и приказал собрать всех раненых в машину-фургон (конфискованная вместе с водителем литовцем), раньше в ней перевозили мясопродукты. Раненых было 8 человек, подлежащих госпитализации, но вблизи советских армейских ни медсанбатов, ни госпиталей не было. В городе Вилейка была местная гражданская больница, и командование приказало мне и А.Б.Дайкину доставить раненых в эту больницу. По всей вероятности, все думали, что это отступление временное, мы остановим немца, перейдем в наступление, и будем воевать на чужой территории. Вернемся, и наших раненых из больницы заберут наши медицинские части.

Приказ есть приказ и его надо выполнять, хотя я не совсем понимал целесообразность этого приказа. Чтобы попасть в город Вилейку, необходимо было вернуться в обратный путь, переехать мост и с моста, свернув в юго-восточном направлении, проехать в Вилейку. К мосту мы подъезжали засветло, нас встретили лейтенант с десятком солдат, который спросил: "Куда вы едете? В городе идет стрельба, хотя ни немцев, ни наших, по нашим данным, там нет. И все же мы тронулись через мост, благополучно его миновали, свернули по указанной дороге и въехали в город. Начало смеркаться, городок бомбили, горели отдельные дома, людей не было видно. Где же больница, у кого можно спросить, все попрятались. Мы остановились, я вышел из машины, зашел в какой-то двор, кругом следы погрома, валяются домашняя утварь, ломанная мебель, подушки, одеяла. Следы явного погрома с целью грабежа. Внезапно я услышал старческий шепот и знакомую мне еврейскую речь. Прислонившись к забору, сидел очень старый человек с седой бородой и молился. Я обратился с вопросом по-русски, но никакой реакции, старик продолжал молиться и плакать. Вероятно, он подумал, что это местные фашисты "Шаулисты" или "Таутики" - были такие профашистские партии в Литве, до прихода немцев, учинивших в городке погром. И только тогда, когда я обратился к нему по-еврейски, он посмотрел мне в глаза и ощупал мое лицо. Рыдая, он стал говорить: "Где же вы, "Красная Армия"? Никто нас не защитит. Завтра придут германцы и убьют всех, кто еще остался в живых". Что я мог ему ответить? И все же он объяснил мне, как проехать к больнице. Подъехали мы к зданию больницы где-то около 23 часов. Стало темнеть. Мы зашли в помещение, на полу лежали раненые гражданские и около 6-8 человек тяжело раненых красноармейцев. Я попросил врача - это был поляк - принять наших раненых. Он наотрез отказался, и мы с Хайкиным стали ему угрожать, я даже вынул наган и пригрозил. Раненых мы бережно занесли в пустую палату, успокоили, обещали вскоре их забрать, это де мера временная, о чем убедили и врача. У нас были бинты, индпакеты и мы их отдали врачу. Попрощались. Меня удивил Хайкин А.Б. Он потребовал от врача расписку, что принял столько-то раненых советских воинов пофамильно. Врач посмотрел на него с укором и произнес по-польски - ведь придут германцы, меня расстреляют и раненых ваших не пощадят. Как в воду смотрел, о чем мы узнали на следующий день. Темнело, шел двенадцатый час ночи, и надо было

поскорее выбираться из городка.

Когда мы подъезжали к больнице было еще не совсем темно, и мы постарались запомнить дорогу, была и надежда на водителя. Проезжая по улицам, в машину откуда-то, вероятнее всего из чердаков, нас несколько раз обстреляли, но мы проскочили на большой скорости. И, конечно, проскочили перекресток, где надо было свернуть к мосту. Одним словом, мы потеряли ориентировку и остановились у какого-то совсем другого перекрестка. Я ориентировался по компасу, звездам и был уверен, что надо вернуться немного назад и найти нужный поворот. А.Б. решил пройти пешком, оставив меня и машину, найти дорогу и вернуться за нами.

Машина стояла на перекрестке, водитель сидел за рулем, я вышел из машины, было уже довольно темно, около 12 часов ночи. Я был в форме лейтенанта - 2 кубаря в петлицах, вооружение два нагана, один в руке, другой заткнут за поясом, планшетка с картой, удостоверение личности и комсомольский билет. Отойдя от машины не более 30-40 метров, увидел 3-х наших солдат в касках и с винтовками СВТ (ножевой штык). Я был уверен, что это свои и пошел к ним спрашивать дорогу. Двое из них направились к машине, а один пошел мне навстречу, он держал на изготовку винтовку, а я в руке револьвер. Приблизившись к нему почти вплотную, увидел, что это немецкий солдат. Все произошло в одно мгновение - хенде хох и к груди моей приставлен штык... Это мгновение решало всю мою дальнейшую судьбу и саму жизнь, и я прямо в упор выстрелил ему в грудь, он отпрянул, я повернулся и побежал к машине, которая горела. Отбежав несколько шагов от немца, почувствовал колющий удар в бедро и мат по-немецки. Обернувшись, увидел, что он упал лицом вниз.

Машина горит, где А.Б. Хайкин? Но к машине ведь пошли два других солдата. Подбежав к перекрестку, увидел солдата, который целился в меня, выстрелил, я почувствовал, что ранен в живот. Он был от меня в 10-12 метрах. Навскидку я произвел в него 3 выстрела и третьим убил, так как он выронил винтовку и стал падать. Где же третий? Я дважды ранен, но стою на ногах, и здесь я услышал, что позади меня бежит третий солдат и кричит хальт. Когда он стал меня догонять, не стреляя, было ясно - решил взять живым, я вспомнил, что у меня граната-лимонка с запалом, ее мне отдал один из раненых. Убегая от своего преследователя, почти не оборачиваясь, выдернул чеку и швырнул гранату через себя назад, больше чем на 12-15 м я ее забросить не мог, взрыв и осколок моей же гранаты попал мне в левое плечо. Так, это третье ранение. К счастью, все они оказались не тяжелыми - в живот пуля прошла касательно, едва-едва не зацепив брюшину. Я бежал вперед, все время думая о А.Б. Хайкине. Найдя дорогу и тот злосчастный поворот к мосту, пошел к машине и здесь услышал стрельбу, взрыв гранаты и горящую машину и был убежден, что Хайкина убили. Мне он уже ничем помочь не мог и побежал по дороге к мосту. Я бежал совсем другой дорогой по направлению к насыпи, по которой проходила дорога к мосту. Терял силы, так как потерял немало крови, меня мутило.

Впереди маячило какое-то здание - это была лесопилка, не дойдя несколько метров до ворот, они раскрылись, выбежали 3 человека гражданских (гражданских). Я направил на них наган, они поддали руки. Владея немного литовским языком, я спросил у них, как пройти к дороге, ведущей на мост, они мне ответили на смешанном русско-литовском языке, убедившись, что я русский. Один из них сказал: "Драугас (по-литовски товарищ), вам надо перейти небольшое болото, заросшее камышом, за ним через 40-50 метров проходит дорога". В голове мелькнуло: врут, га-

ды, хотят, чтобы я в этом болоте утонул или увяз", Приказал им уйти во двор и закрыть за собой ворота. Ничего не оставалось делать, как пойти по указанному ими пути. К болоту пошел задом, следя за воротами. Вскоре я услышал приближающиеся выстрелы с места, от которого убежал. Надо было торопиться. Побрел по болоту, оно было довольно плотным, да и глубина небольшая. Приблизившись к середине, вода дошла до пояса и доходила почти до места ранения в живот. Но! Сделав еще несколько шагов вперед, почувствовал, что становится мельче и дно тверже. Да, они мне сказали правду. Выбравшись из болота, подошел к насыпи. Меня знобило, силы оставляли меня, но голова соображала, Когда мы ехала в больницу, мост удерживали наши, но ведь прошло около 3-4 часов. Кто сейчас там - наши или, вполне возможно, немцы? Восточная сторона моста точно держалась нашими, а западная, к которой я вышел? Держа в руке наган, стал ползти по насыпи вверх к дороге. Решил, если услышу "стой!" - наши, если "хальт!" - немцы, тогда останется одно - застрелиться. Я полз и приближался к дороге, когда руками нащупал кромку асфальта, услышал громкий окрик "стой!". Тут я потерял сознание. Отключился, видно, ненадолго, вскоре очнулся и увидел солдата с винтовкой, направленной на меня, и лейтенанта с пистолетом ТТ в руке. "Кто такой, отвечай!" Я слабым голосом ответил: "Свой, военфельдшер из штаба XI армии. Отвозил с одним военврачом раненых в больницу, столкнулся, как я думаю, с немецкой разведкой, ранен".

Меня тут же подняли и повели на К.П. командира батальона. Меня перевязали, дали напиться воды из фляжки и комбат, капитан из мобилизованных, сообщил, что они держат оборону моста, его западную сторону с задачей, если подойдут немцы, отойти, взорвав за собой мост, который уже заминирован. Я просил его срочно доставить меня в штаб, так как у немцев остался водитель машины, местный литовец и может немцам рассказать расположение штаба, так как знал его хорошо. Отправлялись мы с ранеными в Вилейскую больницу. Он меня успокоил, капитан сообщил, что на них вышел врач, который передал, что он тоже отвозил раненых и с ним был военфельдшер, т.е. я, но он убит немцами и остался в городке. "Не беспокойтесь, он в штабе обо всем доложит. Сейчас я вашу просьбу выполнить не могу, сейчас ночь, пока спокойно, хотя в городе слышна стрельба" Когда рассветает, меня проведут через мост к своим. А пока, посоветовал он, пройдите в конюшню, там стоят наши лошади, но в первом отсеке свободно, много сена, застланного плащ-палаткой, я там немного отдохнул. Одним словом, утро вечера мудренее. Я послушался доброго совета, лег, стал думать. В первый день - первое боевое крещение, открыт счет, двух фашистов убил. Правда, 3 ранения, но я могу ходить, все заживет. Наган, бывший за поясом, я потерял, фуражку тоже, представил себе: попади я к немцам-фашистам: офицер, комсомолец и ко всему еще еврей?!!

Меня считают погибшим, а я живой - это хорошая примета. Лежал, лежал и задремал. Проснулся, светало, стрельба, рвутся мины, батальон ведет бой с наступающим противником. Я подошел к комбату, но ему было не до меня. Мост сильно простреливался и я решил: пан или пропал. Подполз к мосту и что было мочи побежал, да так скоро, что невзирая на обстрел, почти не замечал его и в считанные секунды пробежал его. Ведь я при сдаче ГТО стометровку бежал за 12,4 сек. Но то было далекое время, хотя прошло всего-то несколько лет. Пробежав мост, меня чуть было не подстрелили свои же. Между комбатом с западной стороны и лейтенантом, возглавлявшим взвод, была связь и комбат мог позвонить, что я побегу, но ведь я ему не сказал о своем намерении. На меня набросился лейтенант с матом, но узнав,

что я тот, о котором сказали, что убит, и к тому же ранен, смягчился, накормил и приказал: "До штаба 7-8 километров, жарища, ты ранен, транспорта у меня нет, отдохни, скоро должны мне подвезти боеприпасы: патроны, гранаты и все прочее". Я послушался и стал ждать машину. Мне чем-то понравился мой лейтенант и его ребята.

Шел второй день войны. Неразбериха. Отсутствие элементарной организованности. Никто толком ничего не может уяснить, первая самая тяжелая психологическая ломка, первое, еще весьма робкое, но очень убедительное сомнение в то, во что мы свято верим: мы самые сильные, наша Красная Армия непобедима, а сталинская политика самая мудрая.

Перед войной широко демонстрировался кинофильм "Если завтра война" и знаменитая песня этого фильма. Посмотрев, мы гордились, зажигались патриотизмом. А сталинские слова "Мы не хотим чужой земли, но и своей земли ни пяди никому не отдадим!" А слова Ворошилова "Если враг на нас нападет, мы нанесем сокрушительный удар и воевать будем на его территории!" А договор, заключенный перед войной - "Пакт о непадении" и тем более о дружбе?! С кем дружба? С фашистской Германией, захватившей все западно-европейские страны? А громко рекламируемая ось "Рим, Берлин, Токио"? А зверства нацистов в захваченных странах? Разве все это было пустым звуком, мифом? Тем более буквально перед самой войной - лекции, беседы, доклада наших политработников о том, что войны сейчас не будет и договор о ненападении тому гарантия и еще более убедительная мудрая сталинская политика, которую нам ежечасно и ежедневно вдалбливали в наши наивные головы? Но, позвольте и объясните - реальное сосредоточение огромных масс войск фашистской Германии у самой нашей границы? Многие подтверждающие данные нашей разведки, наших зарубежных друзей, что все это пустой звук,» мираж? И вдруг внезапный мощнейший удар, отступление» паника, стремительный захват наших приграничных территорий?

Вот такие мысли лезли мне в голову, ничего еще не могло восприниматься как реальная действительность, а какой-то кошмарный сон. Что происходит? С другой стороны, приходили и сомнения. Возможно, это только временная, даже кратковременная неудача, а на других участках наша доблестная армия сдерживает врага и далее дерется на вражеской территории?

Все это кружилось, вертелось в моей голове, она буквально раскалывалась от сжимающей боли. Возможно, это было еще связано с ранением? И все же глядя на лейтенанта, его деловитость, требовательность, неунывающий характер, у мелко оборудованные позиции и огневые точки, маскировку, где все было подготовлено к отражению противника, я как-то немного успокаивался, сам себя подбадривал. Над нами пролетали на восток вглубь страны армады фашистских бомбардировщиков, тяжело нагруженных бомбами, которые полетят на наши города и головы советских людей. С первых дней запомнился их характерный гул моторов, прерывистое у-у-у (как мы повторяли везу, везу, везу). Два-три над нами пролетали "Меесершмиты", но мы были хорошо замаскированы, и нам казалось, что они нас не замечают. Потом я сообразил - их интересует мост и дорога, идущая от моста вглубь леса.

Мысли мои прервал шум мотора нашей машины. К мосту мчался на большой скорости газик полуторка. Вскоре машина подошла к нам. За рулем сидел старший политрук, ни водителя, ни людей в машине не было. Политрук вышел из кабины и приказал лейтенанту: "Давай, быстро сгружай, бери, что тебе необходимо, даю 2-3 минуты, мне предстоит завести боеприпасы еще в одно место". Узнав, что мне надо

к штабному, он сказал: "Буду проезжать недалеко от леса, ты сойдешь, а я поеду дальше."

В каких-то несколько минут были сгружены цинки с патронами, ящики с гранатами и мешок с каким-то грузом, вероятно хлеб или другие продукты.

Машина развернулась, политрук предложил мне - садись со мной в кабину, надо быстро ехать, не задерживаясь.

Не знаю, что мне пришло в голову, это, вернее всего, предчувствие, интуиция. Я отказался сесть в кабину и полез в кузов. "Ну, как хочешь, можешь ехать в кузове, около леса я остановлюсь". На большой скорости он повел машину, а я стоял и держался за кабину. Скорее хотелось попасть в штаб. Мы проехали всего несколько километров, как внезапно над нами появился немецкий истребитель. Он шел низко и делал над машиной круг за кругом. Машина шла на большой скорости, когда истребитель начал обстреливать ее с левой стороны. Вдруг машина замедлила движение и я выпрыгнул на ходу из кузова и скатился в придорожный кювет. Подняв голову увидел, что самолет улетел, машина лежит на дороге на боку. Я подбежал и увидел, что политрук убит, вся кабина была прошита длинной очередью, три пули наискосок попали в грудь и одна - в голову. Я его пытался вытащить из кабины, но не мог. Не стесняюсь сказать, что я рыдал. Вокруг никого не было, мне было жаль политрука, Сиди я рядом с ним, я бы разделил его судьбу. Я взял его сумку, положил туда партийный билет, удостоверение личности, фотографию жены и двоих ребят, деньги и все, что было в карманах. Пистолет ТТ и пошел по направлению леса. На опушке меня остановил часовой, я предъявил удостоверение и стал разыскивать свою санчасть и медицинское начальство. Все вещи и документы убитого политрука я сдал и доложил, как все произошло. Жалею, что не запомнил его фамилию. Когда меня увидел Михнов, он закричал: "Смотри, Аронич, живой, а мы его уже похоронили, он меня обнял, а у А.Б. Хайкина глаза округлились, он был близорук, носил очки, снял их, подошел, обнял меня, прослезился и отошел, протирая свои очки. Больше всех обрадовался Леша, ему сказали, что его друг погиб, возможно попал к немцам. Подходили и другие, кто меня знал, все говорили: "Будешь долго жить!" До этого дня я не был суеверным, но позже стал фаталистом.

Всю войну постоянно рисковал, убедил себя, что меня не убьют, эта убежденность придавала смелость, хотя всегда был страх, который я старался преодолевать и тем более никому не показывать. Меня нередко ругали, обвиняли в показухе (желание покрасоваться перед другими). Но, поверьте, у меня этого не было даже в мыслях. Смел и храбр не тот, кто не боится, или не испытывает страха, все испытывают чувство страха в той или иной мере, а смел тот, кто умеет побороть страх. Ведь жить хочет каждый.

Тем временем в штабе чувствовалась активная деятельность, которую особенно проявлял бригадный комиссар Зуев и полковой комиссар Рудаков - личность примечательная. Энергия в нем бурлила. Эти люди и другие командиры собирали отходящих группами и в одиночку, отходящих солдат и офицеров, формировали взводы, роты, батальоны и при штабе собралось около тысячи человек, в основном рядовые, младшие командиры, меньше было командиров высокого ранга, больше лейтенанты, старшие и капитаны.

Оперативная обстановка была сложной. Мост был взорван, река Вилия была преградой между нашими частями и штабом. За рекой в бинокль было хорошо видно, как немцы наводят временные переправы, тем более ширина реки небольшая.

Штабу надо было отходить. У палатки, где совещались командующий, начальник штаба генерал-майор Шлемин, члены Военного Совета и другие командиры, стояли часовые.

Тем временем я вполне оклемался, раны не особенно беспокоили, мне их хорошо обработали, забинтовали. Выручили укладки моего штабного медпункта. Я ходил в состоянии какой-то эйфории. Старался что-то делать, оказывал помощь, если ко мне обращались. Миновал второй день войны.

Вокруг штаба в нескольких километрах от реки сформированные части заняли оборону. Саперными лопатками накапывали бугорок, чтобы спрятать голову и использовать как подобие бруствера, чтобы положить винтовку для упора. Это были первые дни войны и, если бы через год наши солдаты, которые врезались в землю при обороне, где штыковая лопата ценилась не меньше боевого оружия, матушка-земля сберегла тысячи жизней советских воинов - они бы посмеялись над подобным окапыванием.

Все мое время - наука войны, да и сама война - колоссальный ратный труд. Я старался как можно чаще видеть Лешу. Если удавалось раздобыть чего-нибудь съестного, всегда делился с ним.

Наши вели разведку противоположного берега реки и небольшими силами прикрывали фланги. Отходящие части, а это были в основном XI армии - подчинялись штабу, докладывали обстановку, приводили себя в порядок, готовили оружие к бою.

24/VI утром разведка доложила, что немцы, в основном пехота, переправляются на восточный берег. Была бы артиллерия - могла здорово накрыть их пехоту. Немцы пошли в наступление без танков. Начался бой, я ждал раненых. По всей вероятности, противник теснил наших, бой шел в 2-3 км от расположения штаба. Создавалось критическое положение. В это время посыльные и передали приказ: "Всем офицерам срочно к штабу Военного Совета". Раненых пока не было, и я тоже пошел с Лешей. Вышел Зуев и коротко, но предельно ясно приказал: "Всем офицерам в боевые порядки и остановить наших солдат, которые отступают, просто бегут". Никого не спросив, я взял свободную винтовку СВТ, примкнул штык, и мы с Лешей побежали с большой группой штабных офицеров, впереди шел Зуев. Перед нами предстала такая картина: бегут наши солдатики, некоторые из командиров пытаются их остановить, в сторону наступающих немцев ведется беспорядочная стрельба. Примерно меньше километра от наших целей шли в наступление тремя колоннами, в каждой, примерно, не меньше полной роты. Не часто, потом в ходе войны приходилось видеть подобное. Это была психическая атака. Неудивительно - первые дни, так удачно начавшиеся для немцев, проявляли полное презрение к нам. Они шли четким строем, все рослые, в расстегнутых мундирах и засученными рукавами и чувствовалось все в подпитии, просто пьяные. У всех выставлены вперед автоматы. Они не стреляли. Прибежавшие командиры остановили бегущих красноармейцев, все залегли. С правого фланга раздалась команда: "Не стрелять без команды, допустить на 300 метров и вести огонь залпом, пулеметчикам огонь по центру". Я лежал со своей винтовкой рядом с Лешей, вокруг нас лежало около десятка солдат, кто-то уткнул голову (лицо) в землю. И здесь раздалась команда: "Огонь!" Немцы шли, оставляя и перешагивая через отдельных сраженных и упавших солдат (прямо как в кино). Не доходя до наших цепей примерно 150 м, рассыпались и открыли стрельбу. Они бежали и стреляли на ходу. Не знаю, кто подал команду - в штыки, в атаку. Больше половины поднялись, заорали "Ура! Вперед за Родину, за Сталина!"

Рывок был стремителен, атакующие остановились и побежали, отстреливаясь. Кому удалось догнать немца - в ход шли штыки. Леша бежал рядом со мной. Мы смешались с небольшой группой немцев, я успел заметить, что немцы здорово бегут, неужели мы так здорово ударили в штыки? В этот момент какой-то фриц огрел меня прикладом автомата по каске. С этого момента я ничего не помню. Очнулся, сообразил, что жив и кто-то меня волокет. Вначале подумал, не попал ли я к немцам, но услышал голос Леша, - "очнулся, Ефима". Меня мутило, тошнота подступала к самому горлу, хотелось блевать.

В расположении штаба шли срочные сборы. Я встал на ноги, кружилась голова, но обстановка, опасность быстро приводили в чувство. Михнов на меня кричал, зачем я суюсь не в свои обязанности. Штаб и его подразделения грузились на машины. Я забрался на свой газик. В машине было несколько раненых, уже перевязанных. От них я узнал, что исход боя в нашу пользу решило то, что внезапно с правого фланга выползли несколько наших танков КВ (Клим Ворошилов) и открыли по немцам огонь со всех пушек и пулеметов, опрокинув их в реку. Обстрелянные с противоположного берега немецкой артиллерией, отошли к лесу. Потом их бросили экипажи, так как кончился бензин. Повредив замки пушек и пулеметов, присоединились к нам и отходили с нами вместе. Мы быстро продвигались по лесной дороге. Несколько раз нас обстреливали из леса и отдельных хуторов. Впервые услышал слово "окружение". Сзади стрельба, справа и слева то же. Но мы двигались вперед на восток. Нас прикрывал "арьергард".

Вскоре кончился бензин, и мы остановились на большой поляне. Удивительно, что не видно было вражеских самолетов, о наших и говорить нечего. Невдалеке от своей машины стоял нач. штаба генерал-майор Шлёмин. Я подошел поближе. По карте он и офицеры оперативного отдела внимательно рассматривали карту. До меня дошли слова: "Нет, идти на северо-запад, в Латвию уже поздно, немцы перекрыли все основные магистрали, идти надо на восток через белорусские села, несмотря что дороги там только грунтовые и проселочные, правда сейчас сухо и болотистые места нам не угрожают, немцы не пойдут по ним и, по всей вероятности, постараются вырваться на оперативный простор и по шоссе дорогам совершить окружение широким фронтом с востока". Не знаю, кто это говорил, но после этого я разобрал слова генерала Шлёмина: "Пойдем в направлении на восток, через белорусские села Шарковещизна, Фальковичи, Гермаановичи, а затем на Ветринское - это село перед Полоцком, там перегруппируемся, соберем свои части, и будем драться".

Мы были еще на литовской территории, лесисто-болотистая местность постепенно переходила на белорусские земли, такого же ландшафта. По пути отхода нас периодически обстреливали - одиночки местные и заброшенные диверсанты. Помню один случай, который мне был не очень понятен, как медику. На одной из остановок капитан интендантской службы, примерно 30-35 лет сухощавого сложения сидел на корточках и перебирал что-то в своей полевой сумке. Напротив него какой-то лейтенант чистил свой ТТ и нечаянно (случайно) выстрелил прямо в живот в нижнюю половину, тот упал. Когда к нему подбежали, думали, что он убит, но ошиблись. Он был жив, бледен и просил пить. Подошли врачи из санотдела, посмотрели, пощупали и, как я понял, заранее обрекли его на гибель. Его следовало бы срочно оперировать (лапоротомия), но где уж думать об этом в наших условиях. Мы его уложили в машину, приказали поменьше шевелиться и пока не давать пить, а только смачивать губы. Около него посадили в роли санитарки одну из наших добровольных помощ-

ниц - машинистку. Мы понимали - такое ранение грозит перитонитом и без операции закончится смертью. Это произошло 25 или 26 июня. Шел 5 день войны. О себе думая мало, но меня стали беспокоить раны на коже живота, началось нагноение, а кроме перекиси, йода и марганцовки ничего не было. Раны промывали и забинтовывали. Я сам предложил засыпать их ксероформом, что мы, вернее, я сам сделал. На следующий день раненого интенданта спросили, как он себя чувствует? Он ответил, что лучше, чем вчера, и не отказался бы чего-нибудь поесть?! Вот это нас и удивило больше всего. Пуля прошла навывлет, не задев позвоночника, крови было очень мало, язык суховат, пульс учащен, живот мягкий, при ощупывании немного напряжен. На следующий день состояние (3 день) ничего не указывало на развитие перитонита, он сидел и даже один раз встал, пытался выбраться из машины.

После первого дня, когда я был ранен, я почти не спал. Нервы были напряжены, где было более или менее спокойно, сидя в машине понемногу дремал. На смену эйфории пришла апатия, безразличие.

Бензин был на исходе, какое-то количество мы пополнили за счет оставленных танков К.В. В одной из деревень в брошенной лавке удалось достать несколько бочек керосина, его смешивали с бензином и машины, чихая и дымя, все же двигались, за ними стлался длинный шлейф дыма. Лес редел, впереди виднелось не то деревня, не то большой хутор. Разведка доложила, что это литовская деревня, они были обстреляны автоматом-пулеметным огнем. Предположили, что это засада и там немало немцев.

Было принято решение идти на прорыв. Врезалось в память: к военному совету были вызваны все, кто отходил в колонне. Здесь были все чины, звания и рядовые с арьергардом, который оторвался от противника. Зуев приказал вырыть яму, ее быстро вырыли саперными лопатками и другими средствами, размером 10-15 м в окружности. Командование приказало бросать в яму все документы, ненужные вещи, в том числе личные, и облегчить себя до предела, оставив только все, что надо для боя. Все, сброшенное в яму, подожгли и, когда все сгорело, засыпали яму.

После этой операции перед людьми выступил Зуев. Помню его слова: "Товарищи, сейчас будет сформирована рота (отряд), он пойдет в авангарде, в нем в первых рядах пойдут командиры, коммунисты, вслед после прорыва двинутся все остальные, затем машины и в первую очередь с ранеными. Машин-то осталось совсем немного, не больше десятка, Все остальные будут двигаться пешим ходом".

Рота прорыва - передовой отряд двинулся. Впереди началась сильная стрельба, но наступление было столь стремительным, что засада была сбита в течение каких-то полчаса и разбежалась. Были далее захвачены трофеи: сигареты, оружие, фляги со спиртным. Это оказалась диверсионная группа, сброшенная или десантом или опередившая нас на путях нашего отхода. После этого мы быстро пошли вперед, нас не преследовали, бои шли где-то слева, справа и позади. Мы шли по родной белорусской земле. Дороги были сносные. Названия деревень не помню, но повсюду у домов стояли жители, на скамьях, завалинках, табуретках стояли ведра со свежей колодезной водой, кружки, кое-где кувшины с молоком. Надо было видеть глаза женщин, и молодых, и особенно старых, которые ничего не говорили, но глаза? Сколько в них было тоски, печали, укора? Почему мы отступаем, ведь вот-вот придет германец.

Мы двигались, кто на машинах, кто пешком. Над нами стали появляться вражеские самолеты. Раздавалась команда "Воздух!". Машины останавливались, люди

выбегали, бежали в поле, в рожь, которая на редкость была высокой и густой. Урожай в том году был отменным. Я побежал от машины довольно далеко, метров на 300-400, не меньше. Отдышавшись, лег на спину и увидел, что самолетов всего 3 или 4. Они кружили над разбежавшимися, и обстреливали их из пулеметов. Надо мной пролетел "мессершмит" и дал по мне длинную очередь. Я упал, пули пролетели рядом, и я почувствовал волну горячего воздуха. Когда самолеты улетели, все стали возвращаться, кто к машинам, кто собираться своими группами. Убитых не было, раненых несколько человек. Им была оказана помощь. И кто не мог идти пешком - сажали в машину. Я стоял около группы раненых, останавливал проходившие машины, просил "Ребята, возьмите хотя бы одного раненого". Не все останавливались, промчавшись мимо. И все же удалось разместить всех, а машина, которая была моя - санитарная полуторка, где находился раненный в живот интендант, - ушла. Я стоял у обочины, по дороге брели отходившие группами, по двое-трое и в одиночку солдаты. Машин не было. Решил продвигаться пешком, благо до Ветринского оставалось немного, километров 6-7.

Позади себя услышал шум мотора, шла легковая машина ШС-101. Я и не думал поднять руки, зная, что это едет высокое начальство, но вдруг, промчавшись мимо меня, машина остановилась, открылась задняя дверца, высунулась голова начсанарма К.М. Михнова, который помахал мне рукой, призывая подойти. Я подбежал к машине, в ней сидело впритирку человека 4, Михнов был пятым, рядом с водителем сидел незнакомый мне полковник. "Ароныч, садись, какнибудь потеснимся". Я сел ему почти на колени. Через 20 минут мы были у большого села Ветринское, до Полоцка было совсем близко. Разыскали мою санитарную машину, около стояли офицеры санотдела - Демидов, Фаликов.

К моему удивлению, на своих ногах стоял интендант?! Ведь прошло больше пяти дней после ранения и никакого перитонита?! Только позже до меня дошло - ему повезло. Больше 5 суток он почти ничего не ел, даже мало пил, желудок и кишечник были пусты, пуля прошла, минуя крупные магистральные сосуды и мало где задела кишечник, который был пуст. Его сдали в Полоцкий военный госпиталь и его дальнейшей судьбы не знаю. Я едва стоял на ногах, раны на животе и бедре загноились. Я засыпал стоя. Михнов приказал Демидову лично отвезти меня в военный госпиталь и выяснить пути эвакуации раненых. Было уже темно, когда я вышел из машины. Демидов сказал: "Сейчас тебя возьмут в приемное отделение, не уходи". Помню, как во сне, - стою посреди двора, все затемнено, не видать ни зги. Около изгороди гора трупов, вероятно, раненые, умершие в госпитале, накрытых брезентом. Я стоял, спал и раскачивался, было желание лечь на землю и заснуть. Ко мне подошли, взяли под руки, бережно и нежно и повели. Вошли в какое-то помещение, стали снимать обмундирование, сапоги, документы и пистолет ТТ положили в планшет, хотели забрать ТТ, но я запротестовал. Как я попал на операционный стол, что мне делали - не помню, я находился в глубочайшем естественном сне.

Проснулся утром от гула моторов и бомбежки. Полоцк стоит на реке, через которую проходит большой мост, а военный госпиталь невдалеке. Бомбили мост, но, как рассказывали раненые и сотрудники, в мост попасть не могли. Несколько бомб упали вблизи госпиталя и раненых стали эвакуировать по железной дороге на восток. Везли нас в товарных вагонах, чистых, видно специально подготовленных на скорую руку, но без нар, пол был выстлан сеном. Тяжело раненых - на носилках в единственный пассажирский вагон. Около 11 или 12 часов состав тронулся. Раненых

в руки и другие части тела, но передвигавшиеся своим ходом, сортировали по сходным признакам в соответствующие вагоны. В каждом вагоне был санитар или санитарка, врачи были в пассажирском вагоне. Нас надо было эвакуировать не днем, а ночью. Наш путь лежал через Великие Луки в город Рыбинск, где находился большой эвакогоспиталь. Поезд шел без остановок. Не доезжая км 20-30 до какой-то станции, налетели фашистские самолеты, стали бомбить состав и обстреливать от паровоза до хвоста. Поезд остановился. Раненые, которые могли передвигаться, выпрыгивали из вагонов и бежали в поле, подальше от состава, многие остались в вагонах, они были не в состоянии передвигаться. Я бежал с другими ранеными, от бега задыхался, разболелись раны. Со мной рядом бежали несколько человек. Я решил лечь, отдышаться, что будет, то и будет. Еще одно испытание. Бежавшие со мной рядом поступили, как я. Мы отбежали от полотна дороги не больше 200 м. После того, как немецкие летчики разделались с поездом, стали кружить и обстреливать разбежавшихся по полю раненых. Мы лежали и матерились, проклиная воздушных бандитов. На крышах вагонов были нарисованы красные кресты, которых они не могли не заметить.

Как внезапно налетели, так и внезапно улетели. Думаю, израсходовали весь боезапас. Сразу к вагонам не пошли, боялись - вдруг снова налетят. Паровоз стал давать прерывистые гудки. Медленно поднимаясь с земли, мы побрели к своим вагонам. Не знаю, как других, - меня очень знобило.

Путь впереди был разбит, но паровоз, хотя и ему досталось, - мог двигаться. Так как перед эвакуацией рассчитали, что ехать нам недалеко, всего несколько часов, никакой едой и питьем не запаслись. Немало раненых, остававшихся в вагонах, были повторно ранены, были и убитые. Я помогал перевязывать повторно раненых, поправлять старые повязки, так как руки мои были целы. Мы простояли около 3-х часов, пока не подошла дрезина с платформой и восстановила путь. Несмотря на жаркий день - почти всех знобило, хотелось есть, пить.

Вскоре мы двинулись в путь и где-то к полуночи прибыли на станцию города Рыбинска. Нас, всех раненых, тронула теплота встречи. На платформе было многолюдно, нас ждали, было известно, что нас бомбили в пути. Наш эшелон, по видимому, был один из первых. Были представители городских властей, молодежь - комсомольцы и пионеры, ждали санитарные машины. В большом зале вокзала были накрыты столики, уставленные лимонадом, бутербродами, печеньем, конфетами, булочками. Многим из ребят преподнесли цветы. После утоления голода и жажды нас развели по машинам и повезли в госпитали, больницы и другие подготовленные под раненых общественные здания.

Это было начало войны. Гражданское население - в основном женщины, дети - школьники, старики, "бронированные". Мужчины на фронте. Трудно передать, сколько любви и внимания уделяли нам раненым! Приходили школьники старших классов, приносили свои скромные, но от всей души, подарки. Это были любовно вышитые кисеты для махорки, книги, сладости, носовые платки, носки, одним словом, все то, что присылали в подарках позже, на фронт.

Выступали с художественной самодеятельностью. Это тепло, искренность согревали наши сердца. В то же время напоминали о своих родных, особенно о тех, кто жил недалеко от западной границы.

Рассыпались, как карточный домик, мои мечты об отпуске. Гомель, где остались мама, сестренка и братишка, по сообщениям подвергался бомбардировке. Где

они, что с ними? Мысли о них не давали мне покоя. Написал письма в Москву своим родственникам. Старший брат - на фронте, средний - художник, сестренка Лиза - мои единокровные - жили в Москве. Всем им написал письма с обратным адресом на Рыбинский госпиталь и домой в Гомель.

В первых числах июля с фронта шли тревожные сообщения. Немцы стремительно продвигались вперед. Радио передавало постоянные сводки о направлениях наступления фашистов, об оставленных городах. На отдельных направлениях наши войска отчаянно бились, оказывая упорное сопротивление. На душе было грустно, ничего не радовало. Мне не стыдно сознаться, что, спрятавшись в укромный уголок больницы, какой-то коридорчик, я плакал, чуть ли не навзрыд. Не хотелось верить тому, что происходило на фронте. Неужели наша славная Красная Армия отступала, оставляя врагу города, села и вместе с ними миллионы людей в фашистском рабстве (неволе).

В конце концов, я не относился к категории тяжело раненых и решил просить врачей о досрочной выписке. Меня при обходе отругали, вернее пожурили, что мои все легкие ранения нагноились и пока раны не заживут меня не выпишут. В Рыбинском госпитале я пробыл немного. Предстояла эвакуация вглубь страны, на восток, куда именно мы не знали. Говорили всякое. В середине июля нас, большую партию раненых, подготовили к эвакуации. Чудом мне удалось сберечь пистолет ТТ. Как ни старались его у меня отобрать, я любыми хитростями его сохранил, благо к нему не было патронов - обойма была пуста.

Нас посадили в санитарные вагоны, полки были застланы чистым постельным бельем, вагоны обычные, пассажирские, две нижних полки и две верхних. Я с одним раненым разместились на верхних, двое раненых в руки - на первых. Нас везли на северо-восток и через несколько суток привезли в Казань. Госпиталь, в который нас доставили, находился в бывшем Сельскохозяйственном институте им. Горького на ул. Карла Маркса, если только мне не изменяет память. Раненых разместили после осмотра и сортировали по характеру ранений и тяжести по разным палатам. В моей палате было 12 или 14 коек (кроватей). Ежедневно был обход, трехразовое питание, по военному времени довольно приличное. Нас часто навещали делегации с предприятий, институтов, школьники. Было несколько концертов профессиональных артистов, но самодеятельных чаще. Один большой зал был наполовину занят койками для лежачих раненых, для них тоже устраивались выступления. Концерты по своему репертуару составлялись в основном из художественного слова, чтения стихов монологов, песен, частушек - все на патриотические темы. Каждую неделю устраивалась собственная самодеятельность. Среди раненых на излечении были ребята, которые проявляли активность: стихотворения, песни. Мне запомнился один паренек - армянин и одна его припевка с довольно смешными частушками: "... туш, таш, мадам попугай, туш, таш один билет дай!" Один солдат, у которого были руки в порядке, показывал фокусы с игральными картами. Если не ошибаюсь, там, в госпитале, мы слышали песню "Синенький скромный платочек..." в исполнении Клавдии Шульженко.

Все это был потехе час. Все жили событиями на фронтах, жадно слушали радио, просили сестер и нянечек приносить газеты.

Замполит госпиталя, пожилой майор из мобилизованных, в прошлом политработник, проводил политинформации, 2-3 раза приходили лекторы - делали доклады по текущим вопросам, стремились вселить уверенность в окончательной победе. Говорили: "... Сталин с нами и победа будет за нами". А в это самое время все более

тревожные вести с фронтов: "После ожесточенных боев наши войска оставили города ..." Раненые, у которых родители жили далеко на востоке, в Сибири и других, далеких от фронта местах, стали получать письма. Каждое письмо, полученное из родного дома, было большим и радостным событием. Все наши матери, братья, сестры знали, мы на войне, и жили в тревоге и страхе за нас, живы ли мы? Стали приходиться первые похоронки. Многие ребята рвались на фронт, настаивали на выписке, но никого до излечения не выписывали. Жизнь госпиталя, раненых и персонала шла своим чередом. Июль-август - теплое летнее время, ходячим разрешали выходить во двор госпиталя. Запрещалось выходить за пределы территории, у ворот стоял часовой, но мы находили лазейки и выходили на улицу, далеко не отлучаясь. Обмундирование наше истрепалось, и что еще можно было носить, стирали, ремонтировали, гладили. Продолжали приходиться школьницы старших классов. Они усердно помогали сестрам и санитаркам в их нелегкой работе. Не гнушались никакой черной работы. Основное внимание уделялось лежачим раненым.

Я обратил внимание на одну девочку, ученицу 9 класса (перешла в 10) лет 16-ти. Она мне очень сильно понравилась. Я часто думал о ней. Вела она себя, можно сказать, больше чем скромно. Мы носили нательное белье какого-то немислимого цвета, байковые халаты, редко кому доставался более или менее приданный халат. Мой, хотя и не был заношенным, но выглядел довольно сносно, мне хотелось познакомиться с ней. Знакомство состоялось. Римма Жукова, Разговорились. Больше говорил, конечно, я, она - больше слушала. Родной брат ее был на фронте, об отце не помню, мать работала. Она была малоразговорчива и скрытна. Мы беседовали о прочитанных книгах, поэтах, музыке. Чувствовалось - она из культурной семьи.

Когда меня выписали, я получил новое обмундирование, в петлицах гимнастерки два кубаря, мои хромовые сапоги починили, сохранилось снаряжение, планшет и пистолет ТТ без патронов. Спасибо одной сестре - кастелянше, которая хранила мою планшетку. При выписке выдали справку с диагнозом ранения на куске бумаги с географической карты, указали, годен к строевой службе, выдали денежное содержание за один август месяц и аттестат для представления в часть. После выписки группа выздоровевших офицеров, нас было 5 человек, решили 1-2 дня погулять (побыть в Казани), благо деньги были, чего де их беречь. Когда я еще находился в госпитале - твердо решил перед отъездом на фронт зайти домой к Римме. Нашел ул. Шмидта - номер не помню и вскоре оказался около калитки небольшого деревянного дома.

Римма была дома, кроме нее никого не было и, как мне показалось, она не решилась пригласить меня в дом. Мы посидели на скамейке во дворе, поговорили, она меня не то стеснялась, не то смущалась и мы оба краснели, особенно я.

- Я, Римма, пришел с тобой попрощаться, пожелать тебе всего доброго и, если я тебе напишу письмо, ответишь ли ты мне?

Она ответила утвердительно. В дальнейшем я ей послал несколько писем, но в ответ ни одного не получил... Прошло немало лет, а вот ее лицо представляю себе, как будто только вчера с ней встречался.

Забегая вперед на 40 лет. В 1984 году мы с женой достали путевки по Волге, с Москвы до Ростова-на-Дону на теплоходе "Дмитрий Донской". Путешествие по матушке-реке нас давно привлекало. С пристани Химкинского порта мы пошли по каналу Москва-Волга. По ходу маршрута останавливались на 1-2 часа по старинным русским городам.

Была остановка на полдня в Казани. Экскурсии по ленинским и другим памятным местам.

"Татьяна, - сказал я. - Пойдем, я покажу тебе госпиталь, где лежал в июле-августе 1941 года. Нашли ул. Карла Маркса и здание бывшего госпиталя. Через 43 года я с женой стоял и смотрел на госпиталь, и столько мыслей нахлынули тех далеких дней сорок первого... Многое изменилось с тех далеких дней, но память сердца оживает, когда подходишь к дому, где тебя лечили, по-матерински тепло и сердечно относились, где мы особенно почувствовали единство народа и армий.

- Что задумался? - спросила Таня.

Я промолчал, и она меня поняла, то, что я пережил много лет назад. На теплоходе, в каюте, я ей рассказал о том далеком времени.

Вечером мы все собрались в условленном месте около ресторана "Татарстан" на центральной улице Баумана. Следовало бы подумать, где будем ночевать, но об этом никто не напомнил. Мы были молоды, здоровы, беспечны и, как говорится, считали себя из числа тех, о которых говорят - за одного битого трех небитых дают. У нас были предписания в Приволжский военный округ, который находился в городе Ульяновске, но выезжать надо завтра, а сегодня гуляем. Старшим по возрасту среди нас был лейтенант - грузин, высокого роста детина. Он повел нас в ресторан, нам как воинам-Фронтовикам быстро освободили столик. Мы дружно уселись. "Я понимаю толк в вине и поручите мне заказать питье и закуску", - сказал кацо. Это был конец августа, третий месяц шла война, и в городе уже чувствовался недостаток продуктов, что отразилось и на меню ресторана. Из вина был портвейн, а из блюд - жареная баранина с гарниром из риса. Никогда не забуду посещение этого ресторана. Кацо, так мы его звали, заказал 5 бутылок красного портвейна и всем по две порции баранины. Никогда в любые времена своей сознательной жизни я не был пристрастен к алкоголю, мой организм просто не воспринимал его, да опыта-то не было. Могу перечислить единичные случаи принятия бахуса. В юношеские годы жил впроголодь, не до того было. Когда меня провожали ребята в армию, помню, что выпил одну или две рюмки водки. Два года службы рядовым исключали возможность выпить. Меня просто никогда не тянуло. Думаю, что это было влияние семьи, пример моих родителей и старших братьев – атмосфера негативного и даже больше - резко отрицательного осуждения пьянства. Об этом вопросе я еще остановлюсь, как очень важной проблема периода Великой отечественной войны.

Ну, а в этот вечер настроение было какое-то особое. Компания всегда вынуждает приобщаться, не быть белой вороной, тем более я был самый младший по возрасту, и стыдно было признаться, что я не пью. Первый тост был за Победу - попробуй не выпить!! Я выпил полстакана вина (на голодный желудок) и стал жадно закусывать бараниной, по телу разлилось приятное тепло. Пошел второй тост - говорил кацо - за великого вождя товарища Сталина - и снова пришлось выпить. К столу подходили какие-то незнакомые люди, пожимали нам руки, предлагали тосты. Я хмелел все больше и больше, меня мутило, но чуть ли не силой заставили еще хлебнуть, мне стало совсем плохо, ребята пили и им было хорошо, на меня смотрели, посмеиваясь, хлопали по плечу, а я чувствую - сейчас начну блевать. Собрав все свои силенки, поднялся и нетвердой походкой дошел до туалета. Едва дошел до унитаза - началась дикая рвота, я блевать, меня выворачивало на изнанку и, казалось, что желудок выскочит наружу. Я пил из крана воду и, закладывая пальцы в рот, все продолжал рвать. Стало легче, но голова гудела, как будто мозги раскалывались. Я от-

существовал довольно долго, и ребята забеспокоились, хотя все были пьяны, но на ногах стояли твердо. Когда мы вышли из ресторана, был уже двенадцатый час. Куда же нам идти? Кацо предложил идти на вокзал или на пристань.

Тут я вспомнил, что одна из медсестер при выписке дала свой адрес и сказала, что, если я не устроюсь, можно будет у нее переночевать. Но ведь нас пятеро. Я смутился и сказал ребятам, что не знаю, примет ли она нас всех. Кацо сказал: "Как-нибудь перебьемся, не пустят - тогда уйдем". Мы долго ходили по городу, нашли адрес, когда был второй час ночи. Хмель моя прошла, благо я все вытравил. Прошло много лет и до сих пор у меня отвращение к портвейну. Однако ребята были навеселе. Они тоже знали эту медсестру, немолодую женщину лет 40. Постучали в дверь, за ней раздался голос: "Кто здесь в такое позднее время". Я робко произнес: "Екатерина Николаевна, это мы, я с ребятами, нам бы до утра переждать". Послышались женские голоса и через минут пять нам открыли. Екатерина Николаевна жила с двумя сестрами младше нее. Занимали они две комнаты. Увидев нас, она покачала головой и с укором посмотрела на меня, ведь адрес она дала только мне. Я пытался ей что-то объяснить, но тут Кацо стал объяснять, через каждое слово извиняясь. Е.Н. сказала: "Что же с вами поделаешь, не выгонять же вас на ночь глядя!" В большей комнате нам что-то подстелили на полу, и мы вповалку улеглись. Я немедленно заснул и только утром, часов в семь проснулся и здесь до меня дошло все, что было и наше нахальство. Дома оставалась одна из сестер, Е.Н. и вторая сестра ушли на базар, она поставила самовар и готовила чай. Постепенно проснулись все ребята, всклокоченные волосы, опухшие веки, смущенные лица.

Вскоре пришли с базара хозяйка и ее сестра. Принесли какую-то снедь, фрукты, белый хлеб. Трудно передать мое состояние стыда. Денег у нас было достаточно, и мы предложили сбегать в магазин и купить все, что скажет Е.Н. Она засмеялась и сказала: "Не суетитесь, никуда не ходите, попьем чайку и закусим, чем есть". Нас напоили чаем и мы попрощались с этой замечательной женщиной. Когда прощались, она пожелала нам честно и смело воевать, обязательно вернуться живыми и невредимыми и не увлекаться вином. Это было как благословение матери сыновьям, уходящим на фронт.

В тот же день я в комендатуре получил проездные до Ульяновска, где находился Приволжский военный округ. С ребятами распрощался, у каждого была своя дорога, они были строевики - я медик, военфельдшер, и меня направили в санитарный отдел Приволжского военного округа. Плыли до Ульяновска на пароходе. В пути я познакомился с одним подполковником, который также после ранения ехал за назначением в округ. Рассказал, что был так же ранен в первые дни войны и поэтапно, через несколько госпиталей, оставлен в Казани. До войны служил в Монголии начальником ГСМ АБВ в корпусе, которым командовал будущий Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. Он носил 3 ромба (комкор). Много рассказывал о личных и воинских качествах Жукова, особенно о его колоссальной воле. Как он мне сказал - этот комкор мог навязать свою волю не только подчиненным, но и врагу при ведении боя. Фамилия подполковника (носил 3 шпалы) Кислицын. Ко времени нашего краткого знакомства Г.К. был уже прославленным военачальником. Он оказался интересным собеседником и называл меня "сынок".

Прибыли в Ульяновск вечером. Разыскали штаб округа, в то время работали допоздна. Нашел санитарное Управление и мне сказал один военный - идите в отдел кадров - показал, где находится. В небольшом кабинете сидели два офицера -

майор и подполковник. Я по форме доложил старшему по званию и предъявил документы.

Вы после ранения?

Так точно.

Разрешил присесть, стал расспрашивать, где воевал, в какой должности, как был ранен и как себя чувствую? Докладывал я кратко и на вопросы отвечал конкретно. Он спросил меня, умею ли я ездить верхом на лошади. В голове промелькнули далекие годы детства, когда в деревне, где работала мать, гонял с деревенскими ребятами коней в ночное. Я ответил: "Немного умею".

- Получите назначение в гор. Чкалов (Оренбург) на должность фельдшера в кавалерийскую часть, там будет формироваться 11-я кавдивизия им. Морозова.

Да, мне было о чем подумать - в кавалерию. Фактически я никогда не ездил в седле, если не считать в 5-6-летнем возрасте, когда кавалерист, ухаживающий за нашей "домработницей", заехал к нам во двор и к моему удовольствию и зависти других ребят, посадил меня в седло своего красавца-коня и в поводу провел коня под уздцы нашего двора.

Мне казалось, что ездить в седле - сущий пустяк, и совершенно не представлял, что значит верховая езда и управление конем. Об этом я узнал довольно скоро.

На пароходе по Волге доплыл до Куйбышева, а оттуда по железной дороге через Бугульму добрался до станции Оренбург (город Чкалов). В пути через попутчиков и эвакуированных узнал, что многих из Белоруссии направляли в Оренбуржье. В душе не угасала надежда узнать, а возможно, и встретить мать с сестренкой и братом, в крайнем случае - земляков или знакомых по родному городу.

Я ничего не знал о родных, где они и что с ними. Мысль все время возвращалась беспокойством и тревогой о них. К этому времени Гомель был уже занят немцами.

В Оренбурге стояли погожие осенние дни, было еще тепло, хотя заканчивался август. На вокзале была толчея, не только в вокзальном помещении, но на перроне и привокзальных улицах и площадях. Это были эвакуированные, которые ждали поездов для следования в места, куда их направляли. В Чкалове уже было очень много эвакуированных, много прибыли с оборудованием своих предприятий, главным образом легкой промышленности. До того, как пойти в комендатуру, решил обойти вокзал и прилегающую площадь. Всмотривался в лица незнакомых людей, спрашивал, но это были люди из разных мест, которые следовали дальше на восток. Чкалов, куда я приехал впервые, произвел впечатление купеческого в прошлом города. Двух- и трехэтажные кирпичные дома чередовались с деревянными домами. Много пыли (пыльный город).

В военной комендатуре проверили мои документы и направили в место, где должна была формироваться кавалерия. По улице Цвиллинга в район исполкомовских дач.

Никакого транспорта типа автобусов не было, и я пешком, расспрашивая у прохожих дорогу, пройдя по ул. Цвиллинга, миновав какое-то предприятие с названием "Арлес", увидел дачи Исполкома, где в мирное время отдыхало городское начальство. Это были отдельно расположенные деревянные домики, были и более крупные строения несколько кирпичных зданий. Городок довольно солидный, ухоженный.

Когда я появился на территории городка, меня встретил сержант, проверил документы и сказал: "Вы - первый, кто должен прибыть на формирование части". Отвел

меня в дом, где находился сам. Три солдатские койки с матрасами и больше ничего. До вечера гулял по близлежащим улицам и первую ночь спал на матрасе, подложив под голову планшет. Шинели у меня не было. Все предстояло получить по мере формирования части.

На следующий день стали прибывать направляемые на формирование. Первой прибыла группа военфельдшеров Ленинградской военфельдшерской школы им. Щорса. Правда, из Ленинграда их эвакуировали не помню в какой город и это были выпускники, одетые с иголки и, естественно, еще не воевавшие. Таким образом, я оказался уже стрелянный и фронтовик. Меня часто и подробно спрашивали о моей Одиссее. Фамилии некоторых запомнил: Романюк, Трофимов Ефим, Данилов Игорь, Рябов Алексей, Муштаев, кажется, Федор, Сухинин Володя.

Все они прибыли для формирования 11 кавдивизии. Объявились хозяйственники, начфин и все другие должностные начальники. Все были определены на казарменные условия.

Недалеко от "Арлеса" была большая столовая, где мы питались три раза в день по второй норме. Затем каждый день все прибывали и прибывали, главным образом, командный состав. Если мне не изменяет память, из Куйбышева прибыла группа врачей ВМА. ВМА им. Кирова, была эвакуирована из Ленинграда в Самарканд и первый выпуск, если не ошибаюсь, был в 1943 г. Впоследствии Куйбышевская была слита в Самарканде с Кировской.

Куйбышевские врачи были в связи с войной выпущены зауряд-врачами, т.е. они не прошли полностью 5 курс и госэкзамены и после войны направлялись в Ленинградскую академию на 5 курс и с нами, прозанимавшись весь год, сдавали госэкзамены и получали диплом врача.

Всем присвоили звание военврач III ранга, что в дальнейшем соответствовало капитану медицинской службы. Помню, правда не всех по фамилии, но все же хочется о них написать: Мастренков Александр Яковлевич - мой будущий начальник /ст. врач полка/, Батуев Леонид, Баженов, Калинин, Бембер.

Они предназначались ст. врачами полков, врачами ПМП (Полкового медицинского пункта) Медсанэскадрона (соответствует медсанбату) и др. приданные части будущей дивизии.

Мы познакомились, они рассказывали о своей учебе и жизни, но то, что они зауряд-врачи не распространялись, об этом я узнал позже. Вскоре прибыла самая многочисленная группа командиров, количество их не помню, но во всяком случае больше ста человек. Все они начинали в своем училище как кавалеристы, может я буду не точен, - поступали они в Борисовское кавалерийское училище перед началом Великой отечественной войны, после первого года обучения училище сделали танковым и 40-41 год их готовили танкистами. С приходом Наркомом обороны маршала Тимошенко в 1939 г. стали расформировывать кавалерийские корпуса и кавалеристов пересаживать на танки, мотоциклы, самокатные части и даже в авиацию.

К примеру, наш будущий комдив Суржигов Михаил Осипович, в прошлом заядлый и отважный кавалерист, который в период гражданской войны был ординарцем у С.М. Буденного в 1-й конной армии, пришел к нам на должность комдива 11 в звании подполковника из авиации. О нем еще много будет рассказано.

Когда в начале войны вновь стали формировать кавалерийские части, курсантов Борисовского училища, присвоив им звания лейтенантов, очевидно, не всех, а часть стали направлять командирами в кавалерийские части (Возможно, метамор-

фозу этих офицеров придется уточнить и дополнить). 11 кавдивизия им. Морозова покрыла себя в период гражданской войны легендарной славой, о начдиве 11-й Морозове говорили, как о легендарном герое.

Инспекция кавалерии в Москве решила восстановить вновь формируемую дивизию, дав ей номер 11 кавалерийской дивизии имени Морозова, и сохранить номера полков, какими они числились в то время: 250, 253 и 256 кавалерийские полки. По замыслу они должны были считаться казачьими. Действительно, многие командиры Борисовского училища были из казачьих станиц.

Попытаюсь вспомнить некоторые фамилии офицеров-лейтенантов: Шульга, Журляк, Шевцов, Земляков, Скворцов, Кузнецов, Арутюнян, Кудайнетов, Портяной, Паша Москвич, Волынский Володя, Миша Жерносек, Захаров. Трудно перечислить всех. Более подробно расскажу, когда напишу о своем - 250 - 29 гв. кавполке.

Началось формирование полков и других частей дивизии. Оно длилось в течение двух-трех месяцев.

Меня определили в 250 кубанский казачий полк. Ст. врачом полка назначили Александра Яковлевича Мастренкова, начальником ПМП или мл. врачом полка - Батуева Леонида, а меня фельдшером ПМП. Других фельдшеров распределили по другим полкам и частям.

Формирование кавполков дивизии - сложная, трудная и большая работа.

Вскоре прибыл командир дивизии подполковник М.О. Суржиков, нач. политотдела дивизионный комиссар Никитин и много других руководящих командиров и начальников.

Нашему 250 полку на окраине города отвели казарму для рядовых (казаков) и конюшню для лошадей. Командирам разрешили поселиться на частных квартирах по договоренности с хозяевами. Но должны были уже в 7 утра быть в части. Наши адреса знали вестовые.

Первым командиром полка к нам пришел майор Исакян, но был он недолго.

В Оренбуржье много станиц, где проживали потомки пугаческих яицких казаков, это были настоящие казаки, которые в царское время несли службу. У них на шароварах были желтые лампасы. Это их предки храбро дрались и в Русско-японскую войну 1905 года и в первую империалистическую.

Ежедневно военкоматы направляли рядовой и младший командный состав - командиров отделений, помкомвзводов, старшин. В основном рождения 1900, 1905, 16-18 годов рождения, которые уже в свое время отслужили действительную военную службу. Приходили со своими лошадьми и даже седлами. И коней и сбрую у них не принимали и их провожатые увозили их обратно. Призывники были из станиц Сакмарской, Домбтровской, Орской, Халиловской и других, лежащих вокруг Оренбурга, Гурьева и других городов. Формирование проходило в осеннее время, дожди, слякоть, грязь, особенно по пути в конюшни.

Формировались эскадроны, назначались комэски, комвзводы и другие штатно-должностные командиры и начальники. Распределялся рядовой состав и, наконец, стал поступать "ремонт" - это конский состав. Были кони, уже проходившие службу под седлом и мобилизованные из колхозов, совхозов, конезаводов. Для казака главное - это конь. Для казака он дороже всего, казак сам не поест, а отдаст свой хлеб коню, если нет овса и мало сена. Это культ, без коня это трагедия. Они его холят, чистят, поят, кормят, зная, как животное умное и чуткое привязывается к своему хозяину.

В течение сентября и октября шло формирование. Когда прибыли лошади и командному составу предложили подобрать коня, я с сердечным трепетом, зная, что мало в этом смысле, попросил одного из командиров взвода, не помню его фамилию, он понял, что имеет дело с новичком, понимающим и разбирающимся, как свинья в апельсинах, но не отказался. Спросил - тебе маштака, жеребца или кобылу. О последних двух по признаку пола было понятно, а что есть маштак я не знал. Оказывается - это выложенный (кастрированный) жеребец. Хорошо ли это или плохо - не представлял. В моем воображении самым важным был внешний вид, красота лошади. Я заприметил молодую кобылку гнедой масти, стройную, красивую и мой выбор остановился на ней. Когда я подошел к ней и хотел огладить, она скосила на меня глаза и диким выражением дернулась от меня в сторону, натянув недоуздок. Я взял кусок сахара, как многие другие, положил на ладонь, но она не пожелала взять. Я постоял, повторяя, как другие, оля, оля, но она при моем приближении шарахалась от меня. Подошел мой ст. врач и сказал: "Это трехлетка, молодая, необъезженная, под седлом не ходила, возмешь - намаешься. Тебе бы поспокойнее, какого-нибудь маштака". Но я был упрям и решил, что со временем обучится, привыкнет ко мне и будет мне верным другом. Лошадь - очень чувствительное животное и, если видит робкого, неуверенного седока, ведет себя дерзко и нередко агрессивно. Мне подсказали опытные конники, как вести себя, изучать повадки, сильные и слабые стороны, уметь найти подход. Шли дни и за мной записали кобылу, дав ей кличку "Травка". Опытные кавалеристы стали заниматься ремонтом, тренировкой, подготовкой коней для будущих длительных маршей. Через 3-4 дня после длительной возни с моей красавицей Травкой я более или менее приучил ее к себе. Ординарца у меня еще не было, мне самому пришлось чистить, поить, задавать овса и сено, мне казалось, что я не ошибся и позже жалеть не буду.

Всех, в том числе и мою молодую кобылу, стали гонять на корде (на длинном поводу) по кругу, подгоняя (стреляя) длинной плетью на короткой рукоятке. Умение управлять конем - большое искусство и довольно, поначалу, нелегкое. Через это надо пройти самому, научиться и только после этого почувствовать отдачу. Седловка, посадка, не только в смысле сесть на коня, а как седок сидит в седле, умеет управлять конем поводом, шенкелем, корпусом, правильно облегчаться, т.е. синхронно, под шаг лошади приподыматься на стременах, сжимая шенкелями бока лошади, - освоив все эти качества, можно правильно овладеть верховой ездой. Различают нормальный шаг, рысь различной скорости и галоп, манежный и полевой, а самый быстрый называется аллюр три креста. На шагу соблюдаешь правильную посадку и в зависимости от желаемой скорости шага управляешь поводом, то отпускаешь, то придерживаешь коня. На рыси - облегчаешься, на галопе сидишь, как вкопанный и все время надо соблюдать и выдерживать посадку. По ней узнают всадника. Все это я постиг значительно позже. До седловки изучал, как другие новички, материальную часть седла, умение подогнать стремяна по своему росту, на земле на вытянутую руку от седла до стремени, до подмышки, сидя в седле на вытянутую ногу, где сапог должен быть на уровне свободного стремени. И вот, наконец, первая седловка.

На учебном плацу, правда, не своего, а спокойного коня. Занятия проводил опытный старшина - добрый казак, мы его про себя называли вахмистром (постарому соответствовал в пехоте фельдфебелю). При первой седловке моей красавицы Травки, она так дернулась и ушибла меня копытом, не получилось. Наконец, ребята мне помогли, зануздали и я ее вывел на учебный плац. Перекинув стремяна

в противоположные стороны, мы проводили своих коней в поводу по кругу, затем их с седлами гоняли на корде, приучая к седлу. Лучших коней разобрали знатоки и друзьям своим подобрали, а нам, фельдшерам и др. "нестроевщине" достались плохие кони, с точки зрения экстерьера, но ходившие под седлом. Наши фельдшера, в том числе и я, взяли молодняк. Не забуду свою первую посадку на свою милую Травку. До этого я уже садился в седло спокойных лошадок, строевые командиры относились ко мне с уважением, как фронтовику после ранения, прибывшему из госпиталя. Получалось неплохо. Садился быстро, правильно, по всем правилам, шагом получалось хорошо, а вот рысью - плохо, болтался, как мешок, набитый опилками. Хочешь, не хочешь, а надо осваивать свою лошадку. Итак, вахмистр держит под уздцы мою лошадку, я по всем правилам сажусь в седло, предварительно подогнав стремяна, беру повод, вахмистр отходит в сторону и... как понесла меня моя ненаглядная: повода не слушается, норовит меня сбросить, то в сторону подастся, то начинает козлить (закидывает задние ноги), выписывает различные пируэты, я едва держусь в седле, из-за всех сил сжимаю шенкеля, вместе с поводом хватаюсь за переднюю луку и, наконец, совершив параболу, вылетаю из седла. Летел не меньше трех метров, а Травка поскакала в сторону конюшен, хотя ее пытались догнать, но где там. Так она и скрылась в конюшне.

Я лежал, сильно ушибся, ко мне подбежали, помогли подняться, спросили, целы ли руки, ноги, голова? "Кажись, обошлось", - сказал я. Хромая, пошел в конюшню. Дневальный расседлал кобылу, положил на место седло, разнуздал ее и за чамбур привязал к кольцу. Я вошел, хромая, в денник, она дрожала и дико смотрела на ее бывшего седока. Я был зол, мне было стыдно перед товарищами, которые, видя меня выброшенным из седла, хохотали. Взяв повод, я стал хлестать и бить ее по морде, голове, спине, она дергалась, ржала и только, когда прибежал дневальный, прекратил экзекуцию.

"- Нехорошо, лейтенант, бить скотину, к ей нужен подход, как к бабе, добром, даже нежностью, а вы хлещете ее по голове, нешто она виновата, у ей такой норов, характер". Мне стало стыдно от простых, доходчивых слов простого человека, бывшего казака.

От кавалеристов я узнал, что падать с коня стыдно, даже позорно, если падать - то с конем вместе. Если конь упал, и ты вылетел из седла, надо вмиг вскочить, сесть в седло еще лежащего или поднимающегося коня и вместе подняться. Все это постигалось постепенно, со временем. Опыт приходил и во время учебы и, особенно в походах, сидя в седле. А пока я хромал, болела нога, но упрямо продолжал заниматься, тренироваться. Травка туго, но день за днем понемногу поддавалась обучению. Она была, как мне сказали, жесткой лошастью в отличие от мягких, это определенное качество, свойственное животному от природы. Есть порода, называемая иноходцами, иноходь, иная ходьба. Это зависят от перестановки ног в движении лошади.

После каждого занятия я ходил в раскорячку, болел зад, появились кровоточащие ссадины, нижнее белье было в крови, но я терпел. Сам смазывал эти места йодом и скрипел зубами от жгучей боли, но упрямо продолжал осваивать верховую езду.

На месте ссадин появились корочки, под которыми шло заживление. Через пару недель я освоил основные правила, стал чувствовать себя уверенней, боль прошла, я воспрял духом и ежедневно стал ездить вне занятий. Вахмистр похвалил ме-

ня за усердие и сказал: "Ничего, доктор, будешь справным казаком, а кабылу ты подбрал не ахти, ежели придет еще "ремонт", подбери маштака, уже ходившего под седлом".

Из всех фельдшеров, которые прибыли из училища, большинство не посещали занятий, а занимались самостоятельно, считая главной целью - уметь ездить в седле, не постигая не только правил, но даже игнорируя их. Все это потом сказалось, когда начались длительные походы, особенно в рейдовых операциях по тылам противника. Я это понял и почувствовал позже в боях - все, что достается с трудом и болью, но опосредовано своим задом, окупается сторицей. Не пропадает скорбный труд...

День за днем продолжались будни: прибывало пополнение, проводились занятия по боевой и, главным образом, конной, строевой, огневой и политической подготовке.

Санчасть проводила медицинские осмотры и брала на учет тех, кто предъявлял жалобы на свое здоровье. В основном поступали люди здоровые в возрасте 25-35 - 40-45 лет. Большинство отслужившие "действительную" до войны в 30-е и 40-е годы. Были казаки с гастритами, язвами и другими заболеваниями в стадии ремиссии. Редко кого браковали и по определенным показателям определяли в нестроевые, благо в кавалерии был большой обоз, и нужны были ездовые. Мне, как ст. фельдшеру ПМП, работы хватало. Я вел прием. Казаки называли санчасть "околодком" и два часа в день отводились на личное время, в том числе посещение санчасти. Если я справлялся, и сложностей не возникало - оказывалась помощь, и пациент уходил. Более сложные направлялись мной к врачу ПМП, иногда подключался и ст. врач.

Помню один эпизод. Санчасть посещал здоровенный детина - казак лет 40, у него был конъюнктивит, и я ему закапывал в глаза четверть процентный раствор цинковых капель. После закапывания, посидев 2-3 минуты, он уходил. Однажды во время закапывания он вдруг взревел, как раненый зверь, схватился за глаза и стал материться трехэтажным матом. Я сразу не понял, в чем дело, быстро взглянул на пузырек и обомлел. Вместо четверть процентного раствора я закапал 10%-ный, непростительная ошибка - мог сжечь роговую оболочку. Я не растерялся и за считанные секунды развел насыщенный раствор соды я стал быстро промывать глаза. Все это произошло в буквально считанные минуты. Промывал минут десять, боль стихла, он открыл глаза, часто заморгал и стал извиняться. Прибежали врачи и никак не могли понять, что случилось. Заложив стеклянной палочкой глазную мазь, я отпустил казака и просил зайти завтра. Ст. врач А.Я. Мастреиков выдал мне по десятое число. Да, я был виноват и молчал. Вечером я пошел в казарму и застал казака в окружении сослуживцев, которым он рассказывал о происшедшем. Ему сочувствовали, и каждый по-своему выражал свое отношение к "лепкому" (лекпому), т.е. фельдшеру. Я услышал даже такой эпитет - "знаем мы этих помощников смерти". Увидев меня, все смолкли и встали. "Как дела?" - спросил я. "Слава богу, пронесло" - был ответ. Надолго я запомнил этот случай и сделал для себя вывод, насколько важно внимание в работе медика. Больше в моей практической работе подобного не было. Ошибка пошла впрок. Больше он ко мне не приходил, т.к. конъюнктивит прошел, как он сказал мне при встрече: "загоиллся".

Шел октябрь, становилось прохладно, особенно по ночам. Из головы не выходили мать, сестра и братишка, которому шел 17-й год. Одолевали думы, особенно по ночам и, когда я встречал в городе эвакуированных, всех расспрашивал, откуда

они? Встречались и земляки, но о своей семье ничего узнать не мог.

А с фронтов войны шли неутешительные вести. Каждый день радио передавало об оставленных городах и населенных пунктах. На душе было тяжело и грустно, но как ни странно, я лично был убежден в переломе и конечной Победе. На смену песне "Если завтра война...", пришла зажигающая душу и сердце - "Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой..." Хотелось побыстрее отправки на фронт из глубокого тыла. Это стремление было у большинства личного состава.

Пока мы формировались в глубоком тылу и знали, что вскоре предстоит отправка на фронт, - молодость брала свое: мы знакомились с девушками, кто с женщинами, проводили время, ходили в кино, влюблялись, обещали писать с фронта письма. Я познакомился с одной семьей, эвакуированной с западных областей Союза, остановившихся у родственников в Чкалове.

Это была интеллигентная семья - мать и двое ребят: девочка 8 лет и мальчик 5-6 лет. Помню фамилию: Ведерниковы. Муж - капитан Ведерников - находился на фронте, и они не знали, где и на каком направлении он воевал. Жили они недалеко от границы, сами не то из Ленинграда, не то из другого города. Когда началась война, муж отправил семью в Чкалов, вскоре его часть вступила в бой, и за все время они не получили ни одного письма, ни одной весточки.

Познакомился я с ними через их племянницу Наташу Демченко. Она студентка Ленинградского университета. Познакомились в театре на спектакле "Генерал Брусилов". В местном театре обосновался Малый театр. Это была патриотическая пьеса - как раз то, что соответствовало времени. Во время антракта я разговорился в буфете с миловидной девушкой лет 23-25, брюнеткой с красиво вьющимися волосами. Я представился, она оказалась интересной собеседницей и кратко рассказала о себе: студентка 3-го курса филфака ЛГУ. Эвакуировалась перед блокадой, в настоящее время ходит в местный военный госпиталь, ухаживает за ранеными. Хочет устроиться в школу преподавателем русского языка и литературы. Дала свой адрес и, так как я считался фронтовиком, понюхавшим пороху, очень хотела, чтобы я поговорил с ее теткой - Ведерниковой.

Вскоре, как-то вечером, я пришел в гости со своим товарищем фельдшером Володей Сухининым. Ведерникова, дама лет 30-ти, подробно меня расспрашивала о фронтовых делах и очень хотела узнать мое мнение о ее муже. Я хорошо понимал эту женщину, мучающуюся сомнениями, жив ли ее муж и что могло случиться, что от него нет никаких вестей. Милые, славные наши жены, матеря, сестры! Сколько выпало на вашу долю страданий, бессонных ночей в думах и тревогах о своих мужьях, сыновьях, воевавших с фашистами...

А ведь где-то рядом, порой по соседству приходили похоронки...

Я старался убедить Ведерникову, что всякое бывает; возможно, идут бои в окружении, и нет возможности переслать письма, какие только случая не бывают, тем, более многие воюют в партизанских отрядах. После разговоров с фронтовиком она как-то немного успокаивалась, улыбалась, хотя улыбка была со слезами на глазах.

Мою знакомую называли ласково и сокращенно Талка. Вначале я ее называл на Вы, но потом мы перешли на ты. Я был у них несколько раз, меня встречали тепло и радушно, старались угостить чаем и чем-то домашним, вкусненьким. Время было тяжелое, все выдавалось по карточкам, и мне было совестно объедать этих славных и таких душевных людей.

В городе с население почти 100000 человек понаехало почти столько же, если не больше, эвакуированных. Специальное бюро по эвакуации стремилось поддерживать равновесие, и многие семьи переправлялись в районы области - города Соль-Илецк, Гурьев, станицы Домбровскую, Сакмарскую и др. На рынке цены были баснословные, деньги потеряли ценность - царила инфляция, процветала спекуляция и обман в смысле качества продуктов, фальсификация. Буханка ржаного хлеба стоила 200-300 руб., фунт масла - 100-120 рублей, поллитра растительного масла - 100 рублей. Кусок мыла - 50-60 рублей. Карточки отоваривались по нормальным государственным ценам, но не всегда был товар на полках. В городе по ночам было неспокойно, грабежи, убийства с целью ограбления и т.п. На барахолке шел бойкий обмен и торговля носильными вещами, обувью и прочей рухлядью. Все б/у и уже изрядно поношенное. Ценилось прежде всего продовольствие и водка.

Приходя в гости к новым знакомым, я старался приносить с собой что-нибудь съестное: сахар, чай, колбасу, копченую или вяленую рыбу (усач). Все это я экономил из своего рациона и дополнительного офицерского пайка. В этой семье я как-то обогрелся, и на душе становилось теплее. Талка мне нравилась, и я ловил себя на мысли, что мне хочется ее поцеловать. Девушка она была серьезная и довольно строгих нравов. Когда я приходил, ребята бросались ко мне, стремясь забраться на колени. В душе я порой злился, что не могу остаться наедине с Наташей, но понимал: дети есть дети. Первый вопрос ко мне был: "Ну, как, узнали что-нибудь насчет родных?" Я у них - "Ну, что есть какие-нибудь вести?". К великому огорчению, никто не мог ничем обрадовать. Об этой семье у меня остались самые теплые воспоминания. Перед отправкой из Чкалова я не мог зайти попрощаться, так как не было времени. С фронта я написал Наташе письмо и получил ответ, в котором она сообщила, что прошел почти год, а об капитане Ведерникове так и ничего не было известно... В письме была маленькая фотография, на обороте было следующее четверостишие:

"- Фима! Пока не рассыпешь зерна,

Не соберешь жатвы.

Пока не рискнешь жизнью -

Не победишь врага".

На этом наша переписка закончилась, так как на мои два письма, посланные позже, ответа не было.

В октябре месяце я уже довольно прилично сидел на коне, и мне нравилось выезжать в город погарцевать, демонстрировать хорошую посадку, одним словом, покрасоваться. Выезжая в город, я чаще ездил без коновода (ординарца), иногда брал ездового санитарной повозки, который подседлывал повозочную кобылку с неплохим экстерьером, ранее ходившую под седлом.

В середине октября было учение, на котором был весь личный состав, в том числе и санитарная часть - две повозки в парной упряжке и крытый брезентом фургон. Верхами были нач. ПМП военврач 3 ранга Батуев и я. Ст. врач А.Я. Мастренков находился при штабе.

Нам дали вводную задачу - оказать помощь и эвакуировать условно раненых с поля боя в тыл. Выехали ночью, и как назло пошел дождь, вначале довольно сильный, потом перешел в нудный мелкий дождик. Дождь шел всю ночь не переставая. Мы вымокли, поле и дороги превратились в сплошное месиво, при спешивании сапоги хлюпали по грязи и передвигаться, ведя лошадь в поводу, было просто, тяжело. Темно, не видать ни зги, учение прошло неудачно и, по моему мнению, тактически

безграмотно. Утром дали отбой, команды подавались трубачом и к началу рассвета мы вернулись в полк. При разборе всем досталось, в том числе и нач. ПМП и мне. Я так и не понял оперативно-тактический замысел этого учения. Часть, т.е. полк только сформировался и сказались отсутствие опыта. Было похоже, что учение проводилось без достаточной предварительной подготовки. Командовал полком подполковник Исакян.

Зачастили осенние дожди, дороги от казарм к конюшням превратились в лужи грязи, добираться к лошадям приходилось чавкать по этой хляби. Земля там жирная - чернозем и в распутицу превращалась в месиво. Настроение у всех было ниже среднего. Когда начались ночные заморозки, дожди прекратились, земля подмерзала, особенно с утра, непогода прошла, иногда показывалось солнышко. Я решил съездить в город. Ординарец подседлал коня, и я поехал один. Еду я по одной из городских улиц, кажется Цвиллинга, о чем-то задумался, как вдруг кобыла моя вся задрожала, встала на дыбы, хорошо, что я не вылетел из седла, развернулась на 180° в обратную сторону и понеслась бешеным галопом в направлении нашего городка. Она вся дрожала и вид у нее был такой, как будто за ней гонятся стая волков, Я понял, что она чего-то или кого-то испугалась и, на мгновение повернувшись, увидел верблюда, да еще двугорбого, которого вел на поводу погонщик. Увидев впервые такое чудовище, моя "Травка", будь она неладна, развернулась и со всей прытью, погоняемая страхом, принесла меня прямо к конюшням. Все, кто наблюдал за этой сценой, смеялись, даже хохотали, а я красный, как рак, и вспотевший сгорал от стыда - не мог справиться с лошадейю.

Я твердо решил сменить мою "Травку" на маштака и такой случай вскоре подвернулся. Из Средней Азии пришел "ремонт", и я подобрал себе маштака вороной масти из породы Ахал-текинов по кличке "Орлик". На крупе с левой стороны стояло тавро. В Средней Азии порода этих лошадей была выведена селекционерами. Это были сильные, красивые кони, выносливые в особенности под седлом при длительных переходах. Почему-то считали, что эта кони ценились особенно басмачами. Как я впоследствии узнал от ветеринаров, они были доки в знании родословных каждой лошади, умели по зубам и другим признакам определять возраст, экстерьер, нрав, темперамент, сообразительность ж другие качества животного. Мне Орлик достался нелегко, так как на него претендовали строевые командиры и хорошие, не чета мне, настоящие кавалеристы. И все же преимущество отдали мне, все потому, что я был фронтовиком, имел ранения и нюхал пороху. Конь был почему-то выбракован, так как страдал мокрецом - это заболевание, но потом его вылечили.

Конь был в кавалерийском училище и ходил под командиром курсового взвода. Его долго не надо было обучать, он был сообразителен, чувствовал седока, повод, шенкель, шпоры, к которым редко приходилось прибегать, хорошо поддавался управлению корпусом седока, а главное, не боялся стрельбы, с ходу по движению повода и шенкеля, шпоры, ложился на землю, даже с ходу при резкой остановке, не дергался, когда на голову между ушей клали карабин и вели стрельбу, только поводил ушами (стриг ушами). Вскоре я был по уши влюблен в Орлика. Первые дни ходил вместе с ординарцем, скребницей и щеткой чистил его, баловал, каждый раз поутру приносил то кусок хлеба, посыпанного солью, то кусок сахара или карамельку. Мне очень нравилось, когда рано поутру я подходил к стойлу (яслям, деннику) и он уже на расстоянии чувствовал мое приближение, тихонько ржал и поворачивал голову в мою сторону. Про себя был горд, что это благородное животное меня любит.

Нрава он был спокойного, не пуглив, любил, когда его поглаживали по шее с ласковыми оля, оля, оля! Лет ему было примерно 6-7. Не терпел, когда его обгоняла другая лошадь, умел четко ходить в строю. В кавалерии в конном строю движутся в колонне по три лошади в ряд. Легко по команде перестраивался, знал основные сигналы, которых в кавалерии 36.

Основные: "седловка", "сбор командиров", "тревога", "к атаке - марш, марш" и др.

Одним словом, он стал для меня культом лошадиной личности. С моим "другом" я прошел не одну тысячу километров в боях и походах. Я еще вернусь к судьбе этого замечательного коня, сыгравшего в моей жизни немаловажную роль. Я, городской житель, далекий от моего рода войск, в процессе войны понял, что значит лошадь для кавалериста и насколько велика трагедия при его гибели, ранении, когда вылечить нельзя и приходится совершить самое страшное - пристрелить коня, чтобы не обречь его на мучения. Я видел собственными глазами, когда в таких случаях лошадь плачет и из глаз капают редкие, крупные слезы...

Я еще вернусь к жизни, судьбе и, если можно так выразиться, истории этой лошади. Настоящий кавалерист, казак, сам не поест, пока не напоит и не накормит своего коня. Это надо прочувствовать, понять и, возможно, это только в службе в кавалерии или имея дела с лошадьми, как, например, у жокеев, возниц, извозчиков и т.п. Во всем, мире, да и в нашей стране, немало памятников выдающимся полководцам, генералам, царям и императорам, (в царской России), где на пьедестале они восседают на лошади. Что это, как не дань любви и уважения к этому благородному животному, где герой и его подвиги, заслуга перед народом и отечеством не мыслятся без коня? Именно образ, поза, застывшая в движении, порыве коня олицетворяет и усиливает героя и его подвиг. Можно было привести немало примеров и как здесь не вспомнить "Медного всадника" Фальконе и устремленного в порыве к свершению великих дел и подвигов "Петра Великого". Не счесть примеров. Лошадь - великий символ и благодарная дань человека лошади.

Осенние дни коротки. Приближалось время нашего движения на запад, на фронт, где дела наши были плохи.

Трудно запомнить, какого числа, но к нам в полк пожаловал для проведения смотра маршал К.Е. Ворошилов. Это легендарное имя было для нас символом великих заслуг полководца по временам гражданской войны, его героических подвигов, воспетых в песнях, кинофильмах, литературных произведениях. После его неудачного командования на южном фронте, затем в Ленинграде, где стратегия и тактика времен гражданской войны устарела, его назначили возглавить всеобуч, резервы, формирующиеся в глубоком тылу.

Прибыл он в 250, т.е. наш кавполк 11 им. Морозова дивизии в ненастный осенний день. С ним целая кавалькада генералов и полковников. Маршал пожелал посмотреть готовность и построение в конном строю один-два эскадрона. Вся группа во главе комполка Исакияна, комдива М.О. Суржикова направилась к конюшне, где по тревоге собрались комэски, комвзводов и личный состав. Грязь стояла непролазная, и по команде трубача прозвучал сигнал седловки. Инспекция была внезапной, и, когда эскадроны построились в конном строю, маршал прошел в конюшни посмотреть, как оборудованы конские ясли (денники). Дежурным по конюшне был комсорг полка политрук Филипп Сгибнев. Подав команду "Смирно", доложил маршалу. Кстати, маршал был в кожаном пальто и такой же фуражке. Затем начался смотр. Да, вид,

надо прямо сказать, был неказистый, что у лошадей, в смысле седловки, и внешнем виде всадников. Невзрачная картина усиливалась ненастной погодой и грязью. Многие из нас стояли в стороне и наблюдали картину смотра. Маршал с сожалением посмотрел, приложив руку к козырьку, поздоровался: "Здравствуйте, товарищи казаки!" "Здрасть!" - прогремел ответ. Речей не было.

Об этом говорили весь день, а вечером в Доме культуры состоялась встреча с маршалом. Он доложил собравшимся о положении на фронтах, поставил задачу перед дивизией. Присутствовали только командный состав, партийное руководство области и города. Я на встречу не попал, от медиков был только ст. врач А.Я.Мастренков. Потом он рассказал нам о встрече, о чем шла речь и об одной то ли шутке, то ли хохме. Маршал рассказал, что во время боев он был в одной части и задал вопрос и командирам и рядовым: "Что главное в обороне?" Кто чего только не говорил: окапывание, расстановка огневых средств, политмассовая работа и т.д. и т.п. И только один красноармеец ответил: "Це мабудь харч!" Вот именно, поддержал маршал, истинная правда, подразумевая своевременно снабдить всем необходимым войска и сытно накормить солдата.

Лейтмотивом выступления была подготовка в тылу мощных резервов, мобилизация всех людских и материальных ресурсов.

Вскоре подполковник Исамян был отстранен от командования полком. Куда и кем его отправили, я не знаю.

Шел к исходу октябрь месяц. Чувствовалось, близятся время сниматься и двигаться на запад. Шла интенсивная подготовка и сборы. Комплектовались, пока на бумаге, расчеты по вагонам и эшелонам для личного состава, лошадей и всего прочего имущества. Штабные офицеры были загружены работой по горло. Командиром дивизии был назначен подполковник Михаил Осипович Суржиков. Был он немного выше среднего роста, коренастый, плотный мужчина лет 40, участник гражданской войны, лихой кавалерист. В период гражданской войны служил в 1-й конной и состоял ординарцем при самом Семене Михайловиче Буденном. В двух повестях о гражданской войне Листовского "Каленные тропы" и о борьбе с басмачами "Солнце над Бабатагом" о нем упоминает автор - Миша Суржиков - ординарец Буденного. Это был энергичный, порывистый человек, деятельный, умевший просто и доходчиво поговорить с людьми. Мы его еще мало знали, и более подробно пойдет о нем речь дальше.

Назначенный комиссаром 11-й Морозовской - дивизионный комиссар Никитин был недолго, и я его видел раза два, не больше.

Кроме нашего 250 кавполка, формировались еще 2 полка - 253 и 256, дислоцированные в пределах города и области.

Скоро на фронт, а о семье я так и ничего не знаю. Живы ли они вообще, а если живы, то где и куда эвакуированы? Грустные мысли одолевали меня, не давая покоя. Мой родной город Гомель был занят фашистами еще в августе месяце...

За несколько дней до погрузки в эшелоны, а мы уже начали свертываться, я решил поехать в город, немного поездить на своем Орлике. Он был красивым конем и умел ходить походкой, как бы танцую - это выглядело со стороны очень эффектно, а кавалеристы, как известно, народ щеголеватый, любят покрасоваться своей посадкой, управлением, конем, придерживая и в то же время слегка прищпоривая коня, заставить идти танцующей походкой. За мной следовал на гнедом маштаке ординарец. Нет-нет, а я все же поглядывал по сторонам, обращают ли прохожие на меня и

моего коня внимание. Пошел рысью, и мы выехали на довольно людную улицу, ведущую к базару. Особенно по сторонам я не глядел и решил заехать в бюро по вопросам эвакуированных. О чем-то задумался, затем чисто интуитивно посмотрел вправо и обомлел... Я, вероятно, потерял дар речи. По тротуару в сторону базара увидел маму и сестру Симуу.

Я на какое-то мгновение отключился, не сон ли это, а из горла вырвался не то крик, не то хриплый вопль: "Мама!". Я соскочил с коня, кинул поводья ординарцу и бросился к ним. Они меня сразу не узнали и, когда я подбежал и сказал: "Мама, это я", схватил ее в свои крепкие объятия, она повисла на мне – это был обморок. Сима вцепилась в меня и, рыдая, стала кричать: "Мама, это ведь наш Фима, очнись!" Меня душили слезы, в горле застрял комок, слезы застилали глаза. Мать пришла в себя и все повторяла: "Боже праведный, неужели это не сон, неужели это наяву". Прохожие останавливались и с любопытством смотрели на нас, некоторые плакали, ведь это были в основном эвакуированные, у которых близкие на фронте. Мать и сестра были истощены, худые и одеты очень бедно, так как эвакуировались срочно, поспешно, не успев ничего взять с собой, а что захватили давно обменяли на хлеб. Вокруг нас образовалась целая толпа, я овладел собой, но своих слез не стеснялся, решив: надо быстрее что-то предпринять. Мы отошли в сторону. Я спросил: "Где Борис?". Узнал, что его призвали, и он находится в лагере по подготовке в армию. Рождения 19 января 1925/6/ года, ему пошел 18 год, и по исполнению 18 лет их уже считали военно-обязанными.

Оказывается, они эвакуировались буквально в последний день, когда немцы уже захватили западные окраины города. Мать ни за что не хотела эвакуироваться, и Симе стоило больших усилий уговорить ее. Как мне потом рассказывала Сима, она буквально на коленях умоляла ее покинуть город и только благодаря ее настойчивости мама сдалась. Вначале их эвакуировали в Новый или Старый Оскол, где Боря работал кочегаром, а когда немцы стали подходить к этим местам их эвакуировали поэтапно, через разные города до Чкалова, где они уже здесь находятся около двух недель. Живут в подвале на Форштате по ул. Тимирязева. Как же так? Сколько я мучился, страдал, все время думал о них и не знал, что мы в одном городе...

Мой ординарец, казак, которого я считал пожилым человеком (рождения 1905 года), прослезился и смотрел на меня радостным взглядом - что мне так пофартило, как он выразился. Многие знали, что я разыскиваю семью и сочувствовали мне, чисто по-человечески. Все они были в основном местные и семьи их были здесь, в глубоком тылу.

Я отправил ординарца в полк и пошел с ними на Форштат в их подвал.

Безрадостная картина предстала моим глазам: дверь была на замке, и, когда они ее открыли, я вошел, недостаточно наклонился и ушиб голову, хорошо на голове была шапка ушанка. Полуподвальное помещение примерно 16-18 м², стол, сколоченный из ящиков, старый хозяйский сундук и кровать, если ее можно так назвать - старая деревянная коробка 2 метра в длину и метр в ширину, застланная поверх соломой рядом, тапа белорусского гандарака. Все это дали хозяева, пожалев несчастных беженцев или, как их называли, выкувырванных. На столе керосиновая лампа и примус. Было и окошко, верхней половиной выходившее на улицу, нижняя часть заложена кирпичом со стороны улицы. Убогая картина. Сердце сжималось от боли, когда я вспоминал наш дом в Гомеле, где прошло детство. Немного успокоившись, они стали мне рассказывать о всем пережитом, своих скитаниях и мытарствах, голо-

де, холоде и тяжких переживаниях о нас, обо мне и Иосифе, которые находились в Армии, воевали и бог весть, живы ли мы. Меня ждали в отпуск, готовились, знали, что служу в Литве, недалеко от границы, где шли бои и наши части дрались в окружении. От Иосифа имели письма перед войной, что он проходит переподготовку где-то в Днепропетровской области. Больше о нем ничего не знали так же, как и обо мне.

Всегда лучше знать горькую правду, чем быть в неведении. Их также одолевали думы о нас, как и нас о них. Маму знобило, она была нездорова, и мы с Симой уложили ее в постель, накрыв поверх старого одеяла моей шинелью. В 1941 году ей уже было около 60 лет.

Их хозяйева оказались неплохими людьми и пустили их в подвальное помещение, в их доме уже были две эвакуированные семьи, которые им дали денег и носильные вещи. Оказывается, в Чкалов была эвакуирована трикотажная фабрика из Гомеля с частью там работающих и их семьями. На фабрике работала моя родная по отцу сестра Лиза - Елизавета Ильинична. Да, плохо я искал своих, надо было проявить больше активности. Но кто мог знать, что так все сложится. Лиза жила со своей двоюродной сестрой с больным мужем (по отцовской линии, вернее 2-й жены отца) и старой теткой. Им больше повезло, так как все они работали на фабрике на разных подсобных работах, а фабрика работала для фронта - там шили солдатское обмундирование. Все четверо жили в комнатке 8 м². Лиза изредка навещала маму и Симу, делаясь скудным, своим пайком. У мамы тоже были карточки, а Симе обещали работу медсестрой в военном госпитале. Мама имела какие-то льготы, так как все три сына были в армии, двое воевали, а младший призван и тоже вскоре должен быть отправлен на фронт. Тем не менее таких, как она, были тысячи, из числа эвакуированных, и практически воспользоваться льготами, особенно в первые месяцы войны, при массовой эвакуации и неразберихе - не пришлось.

Я лихорадочно соображал, как им помочь, так как через несколько дней должен был с полком покинуть Чкалов. Все деньги, какие были у меня, я им отдал. Просил Симу известить Лизу и обещал вечером приехать.

Вернувшись в полк, доложил своему начальству, что разыскал семью, но все уже была в курсе дел - рассказал ординарец. Все, что я имел возможность раздобыть из продовольствия, набил целый вещмешок, второй набил картошкой. Ребята помогли в отношении денег. Я собрал несколько тысяч рублей. В хозчасти мне дали несколько одеял б/у и 4 попоны. Коневод подседлал коней. Володя Сухинин упросил меня взять его с собой и мы, собрав все, поехали к моим. Каково было удивление хозяев ж соседей, когда три всадника подъехали, открыли ворота и въехали во двор. Мы отпустили подпруги, разнуздали коней, ординарец задал им сена и все ввалились в подвальные апартаменты. Сколько было радости в этот день, вернее вечер!

Володя Сухинин был завзятый гурман и любитель повеселиться, особенно поесть. Ел он с большим аппетитом, смаковал и, глядя на него, как он ест, хотелось последовать его примеру. Оказывается, он захватил муку, бутылку хлопкового масла и затеял жарить блины. Специалист он был по части стряпни и вскоре на импровизированном столе было чем полакомиться: блины, вяленый усач, колбаса, мясные консервы, хлеб и другие припасы. Не было только, что выпить, но это нисколько нас не огорчало, хотя выпить хотелось ради радостной и такой фантастической встречи. Надо же было распорядиться судьбе, чтобы за несколько тысяч километров встретить самых дорогих людей.

До отъезда оставалось буквально несколько дней. Много времени занимала

подготовка и сборы к отправлению. Каждый свободный час я проводил в городе с семьей. Продолжалась экипировка. Из вооружения мы получили карабины, подсумки (без патронов) и кавалерийские клинки (шашки или сабли).

В эти дня прибыл врио командира полка майор Михаил Кудряшов. Старый вояка, участник гражданской войны, награжденный двумя орденами Красного Знамени старого образца (с факелами). Энергичный, деятельный, но любитель спиртного, правда в меру. Мы это сразу заметили. Когда был под хмельком, нас, медиков, называл сумфуриками (от слова сульфурikum - сернокислот), мешал отдельные слова из польского и немецкого языков - цо, нэйн и др. Когда он начинал произносить эти слова в обращении с нами, мы знали - майор употребил.

К началу третьей декады октября на запасные пути подали эшелоны, и началась погрузка - амуниции, овса, тюкованного сена и прочего имущества. Лошадей должны были погрузить в предпоследний день отъезда - готовили специальные мостки, по которым, коней можно было ввести в вагоны (теплушки). Теплушка была рассчитана на 8 лошадей, по 4 справа и слева. Середина предназначалась для фуража и дневального. Для людей в теплушках оборудованы справа и слева двухрусные нары из расчета 24 человека на вагон. Посередине - буржуйка для обогрева и топливо - деревянные чурки и уголь. Необходимо было продумать каждую мелочь - предстоял длительный путь по чугунке (железной дороге) в течение 7-8 дней. В каждом эшелоне вагон, где были установлены походные кухни, и на остановках ком. отделений в бачках получали первые и вторые блюда (обычно борщ, суп и каша). Выдан был сухой паек на завтрак и ужин. На железных печурках грелись чайники с кипятком. В каждом эшелоне был штабной вагон, для санчасти выделен вагон, в котором было все медицинское имущество. Весь личный состав был проинструктирован о поведении, дисциплине, особенностях в пути следования. Каждому казаку выдали котелок и алюминиевую ложку. Это, пожалуй, были очень важные атрибуты, особенно в дороге.

Наступили последние деньки. Многие родственники, жены с детьми приехали попрощаться с казаками. Ведь мы уезжали на фронт, на войну, и каждый думал, какая судьба ожидает его... Кто вернется, а кто и останется навсегда в сырой земле... У казаков настроение было бодрое, это внешне и, во всяком случае, каждый думал и рассуждал про себя, что его ожидает... Нет, нет, а посмотришь на лица, на которые набегают тень печали, но это быстро проходят.

Все, что можно было из полученного сухого пайка: сахар, рыба, сало-шпик, консервы я оставил маме и Симе. Наступил последний день перед отъездом. Накануне я заночевал у них, а утром наступил час разлуки, прощания, как всегда со слезами, советами, наставлениями - беречь себя, писать письма, хотя бы кратенькие, в несколько слов - жив, здоров. Идти меня провожать я категорически запретил. Последние минуты, бог знает, придется ли свидеться, в носу щекочет, но я весел, бодр, уверяю, что все будет хорошо. Объятия, поцелую, я вскакиваю в седло и, пришпорив коня, не оглядываясь, рысью поскакал к месту погрузки. Около вагонов много провожающих, играют гармошки, надрывно звучит "Последний нынешний денечек..." У казаков много красивых песен и, собравшись группами около своих вагонов, слажено, в несколько голосов поют песни "Уехал казак на чужбину далека", "В островах охотник целый день гуляет...", "Конь боевой с походным вьюком..." и др. Среди них много родственников, братьев, кумовьев и других родственных связей. Последние прощания, некоторые женщины голосят. Команда - "По вагонам", и эшелон тронулся в путь.

Вскоре мы узнали, что путь лежит на северо-запад в Горьковскую область, в район Красных Баков, Ветлуги и др. городов. В штабном вагоне едет за. наш ст. врач. Надо все хранить в тайне, но по секрету сказал: "Наш полк будет расквартирован в городе Варнавин. А мы-то думали, едем прямо на фронт. Безусловно, мы понимали, что предстоит довооружаться, артиллерией, минометами, станковыми ручными пулеметами, ружьями ПТР, противотанковыми и ручными гранатами. Одним словом, всем, что положено по штатному расписанию кавалерийского полка. О том, как мы будем действовать в боевых условиях, представление было довольно смутное. До начала войны в Красной Армии было примерно до 20 кавалерийских корпусов, которые уже 1939 году частично стали расформировывать. Наступил век техники - танки, самоходная артиллерия, моторизованные части. Поговаривали, что кавалерия изжила себя, как род войск.

Только гораздо позже мы поняли, как ошибочно рассуждение о ее роли и значении в период Великой Отечественной войны. Некоторые высказывали предположение, что вообще она не нужна и зря снова стали формировать кавалерийские части. В Ставке и инспекции кавалерии, которую возглавлял С.М. Буденный, думали совсем, иначе и общий замысел стал всем ясен позже, когда мы вступили в бой.

А пока движемся в эшелоне на запад. В вагонах тепло, дневальный постоянно подбрасывает в печурку топливо, наверху шипит чайник. Запас воды в специальных бачках. Первые часы двигались довольно медленно, хотя нам должны были дать зеленую улицу. Навстречу движутся эшелоны с оборудованием, станками и людьми - это эвакуируются заводы ж фабрики на восток в глубокий тыл. Нас останавливают на запасных путях недалеко от железнодорожных станций, надо сходить по естественным надобностям, пополниться водой, получить еду - горячую пищу. По малым надобностям все делается на ходу, выставляя ... в щель отодвигаемой двери. В проеме дверей прикреплены деревянные бруски, закрепленные на боковых прогонах. На них можно опереться и стоя смотреть на внешний мир, они подвижны и их можно снять с железных прогонов.

Наступали холода, на исходе октябрь и с каждым днем, двигаясь на северо-запад, чувствуем дыхание зимы.

В теплушках поддерживается порядок: дневальный убирает каждые 3-4 часа, в головах вещмешки с личными вещами, сухим пайком и махоркой. Старшие вагонов, это командиры отделений и помкомвзводы, командиры взводов, находятся через каждые 2-3 вагона, отвечая за свой взвод. На остановках, а они бывают от нескольких минут до часа и больше, можно сойти, походить, побегать, размяться. От вагонов далеко отходить нельзя, все строго предупреждены. При остановках из вагона вешается стремянка, поднимаясь обратно в вагон, тебе протягивают руку, особенно, если низкая платформа, чаще это просто голая земля, лежащая по сторонам рельсов.

Каждая теплушка - это как бы маленький микромир, который за время в пути, чувствуя рядом у локтя соседа, завязывается беседа, стоит смех от разных анекдотов, рассказов, былин и т.п. Везде свой балагур, который неиссякаем, как мы говорили, травить баланду. Нередко люди делятся своими думами, заботами об оставленных семьях, женах, детях. У каждого свои заботы. Порой зарождается коллективная песня, звучит гармошка. Каких только историй не наслушаешься в пути. Такое общение сближает людей, зарождается дружба, которая так необходима, воинское товарищество, характерное для однополчан. Один раз в сутки фельдшера эскадро-

нов дежурят в вагоне-кухне, проверяли закладку и снимали пробу. Вначале остановки были через 2-3 часа, потом они стали сокращаться. Бывало и так, что ехали без остановок 2-3 часа, а порой и больше. В один из дней обедали в ужин, так как двигались с малыми остановками по 4-5 минут, а на малых остановках раздать пищу не удавалось.

Весь полк уместился в три эшелона, и наш эшелон, где находилось командование, шел первым, хотя иногда нас обгоняли наши же эшелоны. На больших стоянках по 5-6 часов, командиры обходили вагоны, проверяли размещение личного состава, лошадей, организацию питания. В эти часы посещали вагон-санчасть нуждающиеся в медицинской помощи. Перед отъездом все помылись в бане, сменили белье и все же при осмотре на форму 20 (вшивость) попадались вши. На 8 день на большой станции организовали баню с санпропускником. Я отвечал за то, чтобы все без исключения помылись и прошли санобработку. Мы находились в пути восьмые сутки и были уже на территории Горьковской области.

На десятые сутки, числа 3 ноября, находились у цели. Это город Варнавин, довольно далекий от фронта. Началась разгрузка вагонов - лошадей, имущества. Нас встречали квартиреры, посланные заранее, и каждый эскадрон знал, где располагаться. Лошадей устраивали по частным большим сараям, конюшням, личный состав - офицеры на частных квартирах, казаки - в общественных помещениях, приспособленных под казармы. Штаб полка в какой-то конторе. Под санчасть отвели довольно большой, в прошлом купеческий дом. Ст. врач, нач. ПМП и я заняли большую комнату и в целом устроились неплохо. А мы-то думали, что едем на фронт. Варнавин - небольшой захолустный городишко с населением примерно в несколько тысяч человек. Мужчин мало, большинство населения старухи, старики, много молодых женщин и детей. Сюда были эвакуированы из Ленинграда и других северных областей, занятых немцами.

На обустройство ушло несколько дней, работы было много, пока не утряслись разные жилищно-бытовые и другие вопросы. Кони застоялась, надо было их вводить в действие - заниматься. Проводилась занятия по всем видам подготовки.

Расквартирование полка в городишке - большое событие для его населения, в том числе и для эвакуированных.

Я познакомился с эвакуированной семьей из Ленинграда по фамилии Трейгис, по всей вероятности из обрусевших немцев. Мать - интеллигентная женщина лет 38-40, две старые тетки и девушка лет 16-17 по имени Гретта (Генриетта) - миловидная, симпатичная, десятиклассница. Мать - преподаватель русского языка и литературы, эрудированная, начитанная женщина, закончившая литературно-филологический факультет ЛГУ. С ней было интересно беседовать, особенно о прочитанных книгах, писателях, поэтах. Я подружился с этой семьей, главным образом с Греттой. Девушка потянулась ко мне, я часто вечерами просиживал в их квартире, мы вели интересные беседы. Зима в ноябре вступила в свои права довольно рано, стояли сильные холода, 18-20° мороза, малоснежная с резкими ветрами. Электрический свет к 24-00 гасился, берегли электроэнергию. Нередко сидели при керосиновой лампе. Среди казаков начались обморожения, правда легкие, но комполка потребовал от медиков принять меры. Мы проводили профилактические занятия, проверяли обувь, портянки, требовали от хозяйственников полного обеспечения обмундированием и т.п. Снабжались мы по 2-й норме. 600 гр. хлеба, 30 гр. сахара и трехразовое питание горячей пищей - жидкой и малокалорийной. В магазинах, кроме некоторых промто-

варов, главным образом галантереи, ничего не было. Не хватало мыла и особенно курева. Табак, махорка, не говоря о папиросах, были на вес золота. Я сильно курил и 50 гр. моршанской махорки, выдаваемой по норме на 4 дня, едва хватало на 2 дня. Все "стреляли" друг у друга, пока наступил день, когда она совсем исчезла, не поступала на снабжение со складов дивизии. Чего только мы не курили: размолотый сухой мох, корье с добавлением щепотки махры. Те, кто не курил, меняли махорку на сахар. Для меня лично отсутствие курева было хуже, чем отсутствие хлеба.

Близились ноябрьские праздники, очень хотелось их отметить, а водки вообще не было. В деревнях гнали самогон из гнилой и перемерзшей картошки. 7 ноября решили отметить в семье Трейгис. Положение с едой было не ахти какое, но все же они что-то приготовили к праздничному столу и мы внесли свой вклад. А.Я. Мастренков сказал: "Ефим, как хочешь, но достань поллитра, ты фронтовик, бывалый человек, покажи свои способности". Я решил во что бы то ни стало раздобыть водку, а дело это было сложное. Мы могли взять из санчасти спирт, но его уже не было ни одной капельки. Для протирания пользовались йод-бензином. Я продумал план и решил через местных жителей узнать, у кого могла быть припрятана бутылка бахуса. Удалось узнать, что у одной бабки, живущей одиноко, могла сохраниться поллитровка. Сколько я ее ни просил и убеждал продать, наталкивался на отказ: "Что ты, милоч, откуда она у меня, я не пью, живу бедно, муж давно помер. Вот сходи и спроси у...", - и назвала какую-то фамилию. Пошел туда, а они мне указывают на эту бабку. Вот, хитрюга! Пошел опять к ней, и все же она созналась, что есть бутылка, но она держит для распарки, так как болит поясница. Я ей пообещал 500 рублей. Столковались на шестистах. Задание было выполнено. Вечером, перед тем как сесть за стол, я появился с бутылкой. Все прокричали "ура!".

Встреча в Варнавино 7 ноября 1941 года запомнилась надолго. Вспоминали мирное время, друзей, товарищей, пили тосты за Победу, за тех, кто на всех фронтах с севера до юга ведут тяжелые бои с фашистскими варварами. Мы слышали о событиях в Москве 16 октября... Наше ликование по поводу военного парада на Красной площади 7 ноября трудно передать. Мы мысленно представляли Москву, заснеженную Красную площадь, мавзолей Ленина и наших вождей, принимающих парад, а главное - участников парада, которые прямо с площади уходили на фронт, на защиту столицы, так как враг рвался захватить сердце нашей Родины. Мы верили в Победу, хотя положение было критическим.

Москва 1941 года ноябрь-декабрь месяцы стали переломными. Мы надеялись, что нас вот-вот бросят в бой на подступы к Москве, чтобы остановить, а затем разгромить врага. По всем приметам нас не торопились бросать в бой. У Верховного командования и инспекции кавалерии были определенные планы, далеко ждущие с расчетами на много времени вперед. Мы могли только догадываться, что война будет затяжной, не скоро окончится и нам, т.е. кавалерии, предопределена особая роль, неординарная большая задача.

В Варнавино особых событий не произошло. Запомнились сильные холода, плохая пища, нередко обморожения и ознобление. Необходим был гусиный жир для смазывания открытых участков тела, лица, рук, как средство от отморожения. Гусиный жир имеет свойство смягчать кожу, предохранять от мороза и после обморожения 1-2 степени оказывать целебное действие. Но где его взять? Подумали и решили обратиться в близлежащие колхозы. Составили документ и меня направили в колхоз, расположенный в 20-25 км от Варнавино. Это осталось наиболее богатое хо-

зьяйство.

Я поехал на санях-розвальнях в пароконной упряжке со своим ординарцем. Мороз был около 30°C. Мы шли быстрой рысью и через 3-4 часа приехали в этот колхоз. Нашли председателя колхоза, объяснили доходчиво свою просьбу, на которую он ответил ехидной улыбкой: "А где я могу вам взять гусей? Ежели у кого и есть из колхозников, то они сами нуждаются и вряд ли дадут". Мы предложили деньги, но их не было где тратить и что покупать. Сельмаг не работал. А что стоили наши бумажки при той инфляции, которая была? Ходить по хатам просить не хотелось, и возвращаться с пустыми руками тоже было неудобно перед своим начальством. Выход подсказал ординарец: "Товарищ лейтенант, внутренний жир свиньи тоже годится". Да, это идея, подумал я, и мы уговорили председателя дать нам из колхозного хозяйства сбйню, как помощь Красной Армии по большой, лечебной необходимости. Он собрал совет, членов правления, и никто не стал возражать. Был оформлен наряд, приложена наша просьба, благо она была с круглой гербовой печатью в/ч. Закололи подсвинка кг на 50, осмолили, шкуру содрали и оставили себе, разделали тушу. Печень, сердце, почки нам поджарили, нашлась бутылка самогона, квашенная капуста и другая снедь. Мы с председателем и членами правления выпили, закусили так, как давно не приходилось, переночевали и на следующий день вернулись в полк с гордым видом. Внутреннего сала оказалось немного - кг 2, не больше, и старший врач посоветовал смешать с верхним слоем сала, как наиболее нежного. Мы натопили около 12 кг сала, разлили по банкам и раздали фельдшерам, подразделений, предупредив, чтобы его не съели. Мы оставили себе немного - кг 10 мяса, остальное сдали на кухню в общий котел. Правда, немного дали комполка и нач. штаба.

Быстро пробежали 3 недели. Получен приказ "По коням", и мы стали собираться покинуть Варнавин. Немало слез пролили молодухи и девушки, когда пришлось прощаться с казаками и лейтенантами, общение, дружба, а у некоторых молодых ребят и любовь, не могли не оставить свой след в сердцах.

Были сборы недолги. На погрузку в вагоны дали сжатые сроки - 2 дня. Опыт уже был, и мы быстро по тем же расчетам погрузились в эшелоны, которые далеко не отправляли, оставив их на запасных путях. Куда держим направление, пока никто не знал, кроме командования. Было ясно, что на запад, к фронту. Попрощался я и с семьей Трейгис. Обещали друг другу писать. Уже за Москвой, когда мы тронулись непосредственно к линии фронта, я написал Грете два письма, сообщил номер полевой почты и вскоре получил ответное письмо. Чем дольше проходило время, тем меньше приходило ответов на мои письма, а потом переписка вовсе прекратилась. Приходили редкие письма от Наташи, я отвечал, а позже и она перестала писать. Наши отношения были чисто дружескими. Мне шел 21-й год, но женщин я не знал, оставался мальчишкой. Мужчиной я стал позже.

Итак, нетрудно было догадаться - мы едем в Москву. Лично я ликовал. Шутка ли сказать, ведь с Москвой у меня много связано. Там жили мои братья, сестры, двоюродные сестры и братья (кузены), много знакомых и, хотя я знал, что, возможно, они в эвакуации, кто на фронте - не терял надежды кого-нибудь встретить, узнать, кто и где находятся. От Горького мы взяли курс на Москву - это расстояние примерно 600 км мы проделали за двое суток. Большинство личного состава в Москве раньше не были и, естественно, у них был большой интерес к столице. Мы ехали быстро, была дана зеленая улица. К Москве стягивались резервы. Основные части (дивизии) шли с востока, мы двигались с севера и, если нас иногда задерживали, то для того, что-

бы пропустить более важные эшелоны. Прибыли мы в Москву ранним зимним утром на станцию "Красная Пресня" - одна из станций окружной железной дороги.

Сразу же началась разгрузка. Место нашего пребывания в Москве - Октябрьские казармы, расположенные на Хорошевском шоссе. Это старые казармы, построенные еще до революции. Москва тех дней - город-воин. Чувствовалось напряжение. В наступающем рассвете видны аэростаты, заграждения, перекрестки улиц перекрыты ежами (сваренные крест-накрест из железных рельс). Мы прибыли накануне декабрьского наступления наших войск, когда 5 декабря, сконцентрированные сибирские дивизии, сжатые до предела и скрытые в подмосковных северо-восточных лесах и населенных пунктах, перешли в наступление и погнались немцев за Можай.

Наступление это имело огромное морально-политическое значение для Советского Союза и не только. Оно показало всему миру силу и мощь Красной Армии, и было предвестником будущей Победы, хотя на других фронтах дела были плохие. Это наступление показало, что фашистов можно бить и развеяло миф о непобедимости германской армии.

Москва находилась на осадном положении, в городе был объявлен комендантский час. Запрещалось хождение по городу с 21-00 до 6-00 утра без особых пропусков. Как говорили, город надел военную шинель.

При казармах были конюшни, помещение для личного состава типично казарменное. Приказ всем офицерам из части без особого разрешения не отлучаться. Санчасти отвели отсек одной из казарм, мы находились вместе с казаками в одной казарме, где было отведено для нас несколько комнат.

Полк принял капитан Артамонов, нач. штаба - майор Бурков, зам. по хозяйственной части - майор Дейнека. В Москве были доведены до штатного расписания личный состав, пополнение шло из резерва, конский состав также из Хамовнических конюшен. Нас всех обмундировали в казачью форму, кроме обычной повседневной. Всем выдали: брюки диагональные с красным кантом, казакины (бешметы), черкеска с газырями, наборный казачий ремень, кубанки (красный верх с черным поверху позументом), башлык красного цвета с черной каймой, офицерам хромовые сапоги, шпоры и отличные казачьи бурки черного цвета. В полной парадной форме все выглядели очень эффектно, прямо скажу, красавцы. Сохранились фотография того времени. Все подгонялось по форме и размеру. Кроме этой парадной формы, была и повседневная. В Москве все это имущество хранилось еще с довоенного времени или было доставлено из Краснодара или Ростова-на-Дону. Точно сказать не могу.

Нас готовили для каких-то операций. Когда началось наступление под Москвой, настроение здорово поднялось. Хотелось побыстрее на фронт, громить ненавистных нам фашистов. Очень туго было с продовольствием. Надоела затируха - это жидкое варево из картошки, чаще подмороженной с затиркой из ржаной муки и заправленной постным маслом. На второе какая-нибудь каша или кулеш. Долгое время не было мяса и рыбы. Но, несмотря на это, настроение было хорошее, приподнятое, мы хотели быстрее в бой. Начались занятия, строевые. Конные, мы несли в Москве патрульную службу, нарядами по 3 всадника верхом в период комендантского часа.

Молодость брала свое, и вечерами мы по разрешению ходили в гостиницу (ресторан) "Москва" или "Метрополь" на танцы. В буфете были только безалкогольные напитки - лимонад, морс, сидро.

В одной из казарм располагались девушки-москвички, закончившие краткосрочные курсы санитарных инструкторов. Я познакомился с двумя Сонями - Софьей

Ивановной Сергеевой и Софьей Воронковой. Обе студентки, комсомолки из МГУ литературно-филологического факультета. Оставили учебу, и пошли добровольцами в армию. Они были интересными девушками, серьезными и целеустремленными в своих идеалах и поступках. С ними было интересно беседовать об искусстве, литературе, музыке. Всю войну они прошли, как говорится, от звонка до звонка в ППГ 6 Гвардейского кавкорпуса. Дружбу с ними я сохранил до сегодняшнего дня, особенно дружен с Соней Сергеевой, хотя она живет в Калининe, мы с ней встречаемся чаще, чем с Воронковой, хотя та коренная москвичка.

В Москве мы полностью довооружились, получив все, что положено по штату: артиллерию, минометы, станковые и ручные пулеметы, ПТР'ы и прочее оружие. Пристрелка оружия проходила на стрелковом полигоне в Мытищах. Дни были насыщены работой по подготовке к длительным маршам, в конном строю. К концу декабря и началу января мы были полностью отобилизованы почти на 100% по штатно-строевому расписанию.

Полк состоял из четырех сабельных эскадронов по 160 человек, пулеметного эскадрона, на вооружении которого было 16 пулеметов "максим", командовал эскадронам ст. лейтенант Василий Захаров. В период боев каждому сабельному эскадрону придавался взвод - 4 "максима" с полным боевым расчетом - 7 человек. Пулеметы были установлены на тачанках, которые везли 4 коня - два коренных и 2 пристяжных. Взводы все время тренировались, расчеты во главе с 1 и 2 номерами должны были действовать быстро и слажено, понимать друг друга с полуслова. Артбатарею 76-мм орудий образца 1936 года принял комбат 45-мм орудий, которые мы окрестили "прощай, родина" - ст. лейтенант Торбенко, минбатарею 81-мм минометов - ст. лейтенант Насонов. Кроме этих 7-8 подразделений, был взвод связи - командир Рудых, нач. связи лейтенант Мукерия, саперный взвод - лейтенант Абросимов. Командантский взвод - старшина Марсаков; санчасть, служба артехснабжения и другие мелкие подразделения.

Весь личный состав полка составляли 1170 человек. Насыщение стрелковым оружием сильное. В каждом эскадроне был взвод автоматчиков (автоматы ППШ) и позже пулемет ДШК (Шпитального). Обоз - летом пароконные брички, зимой широкие сани-платформы и розвальни. Сила большая, а главное - мобильная, динамичная. У многих бытует неправильное представление о действиях кавалерии в условиях современной войны, в частности в период Великой Отечественной войны. Скачет кавалерия на галопе и рубит шашками противника. Так бывало часто в период I империалистической войны и гражданской 1917-1921 гг. Литература и кинофильмы показывают боевые действия 1 и 2-й конных армий - и таких легендарных командиров, как Буденный, Котовский, Чапаев, Морозов и др. Да, было так, но это время отошло. В условиях Великой Отечественной войны кавалерия использовалась главным образом для рейдовых операций по тылам противника. Там, где пехота продвигалась в наступлении в пешем строю, кавалерия могла за сутки пройти с боями в два-три раза быстрее. Командование могло перебрасывать кавалерию с одного участка на другой, где необходимо было закрыть брешь, или из других тактических соображений. Воевали в основном кавалеристы в пешем строю (пластуны) и взаимодействовали с танками при поддержке авиации. При команде к бою, кавалеристы спешили, а коноводы один на 6-8 лошадей уводили их недалеко от места наступления. Если противник был сбит, по команде "По коням" коноводы подводили лошадей, казаки по седлам и преследовали отступающего противника. Если враг бежал, можно в конной

атаке рубить. Как говорили старые вояки, рубили от шеи до ж., а дальше сам разваливался. Это, конечно, шутка. И то, что некоторые кавалеристы рубаки, участника гражданской войны, уверяли, что одним махом снимали у врага голову, - сказки. Еще в Чкалове, когда я овладевал верховой ездой, а учил меня командир взвода Володя Волынский, он был левшой, и рука у него была сильная, я упросил его научить меня рубить лозу и он согласился. В течение всех занятий после прохождения по паркуру, я наблюдал, как здорово рубили лозу бывалые кавалеристы. Это одну лозу. Особо ловкие рубаки брали пять лоз, соединяли их в один пучок, ставили в станок - это подставка с гнездом для лозы, и я ни разу не видел, чтобы одним ударом шашки кто-либо из них срубил все лозы. А пытались многие. А здесь шея человека, ее вряд ли можно на полном карьере срубить одним махом. Вообще кавалеристы любили похвастать своей удалей. Надо отдать должное офицерам и казакам-кавалеристам в умении носить свою форму, их внешний вид всегда был образцом: элегантно, подтянуты, молодцеваты. Не зря гласила поговорка - где кто служит, а щеголь в кавалерии...

В проводимых занятиях и разборах в декабре месяце нам ставили в пример действия по тылам противника, героические рейды кавдивизии под командованием Льва Михайловича Доватора. Действуя по тылам, они, главным образом в ночное время, врываются в населенные пункты, занятые немцами, снимают часовых, гранатами забрасывали технику - танки, машины, дома, в которых отсиживались фашисты, подымали панику и вели огонь по выбегавшим фашистам. Так же внезапно, как налетали, так же уходили. Помимо этого, взрывали мосты, перерезали связь, поджигали склады боеприпасов. Действовали дерзко, смело и главным в этих боях был элемент внезапности.

Когда немцев в декабрьском наступлении погнали от столицы, мы предполагали, что наступил и наш час - вступить в бой, однако ошиблись. Весь декабрь и до 20 числа января мы оставались в Москве. Проводилась занятая, отрабатывались действия кавалерии во взаимодействии с другими родами войск.

Запомнилось одно занятие в подмосковных лесах в районе одного населенного пункта. Наступали на одну небольшую высотку, казаки действовали энергично, задача была выполнена и полку была объявлена благодарность командира дивизии.

В ПМП (санчасти) по штату были положены 3 казака - ездových. Мы подобрали двух казаков из Чкаловского пополнения и одного татарина из Казани (пополнение прибывшее в Варнавино). Рядовые Иван Лапин, Андрей Окунев и Шайхи Мурсалимов. Это были уже немолодые люди, отслужившие в свое время действительную службу в Красной Армии. Люди были солидные, немногословные, но исполнительные, знавшие свое дело и любившие лошадей. Наши кони были всегда ухожены, сыты, и мы не знали никаких сложностей в этом вопросе.

В Москву они попали впервые, и мы решили показать им столицу. В воскресный день я с ними пошел в город. Показал Красную площадь, Мавзолей, собор Василия Блаженного, памятник Минину и Пожарскому и другие достопримечательности. Затем поехали на метро, сходили на каждой станции, осматривали их оформление. Когда ехали домой, Лапин отстал, и мы боялись, найдет ли он дорогу в казармы. Зря беспокоились. Он пришел, когда мы уже пообедали. Я спросил его впечатления о Москве. Он ответил: "Большая станица, домов много, по вот почему нет плетней?!" Мы весело посмеялись, понимая, что он шутит. Было голодно, но в городе работал пивоваренный завод мм. Бадаева, и пиво можно было раздобыть, правда не буты-

лочное, бочковое. Наш ст. врач А.Я. Мастренков был любитель спиртного и так как его достать было нелегко, довольствовался пивом.

Он занимал один довольно большую комнату, я с Батуевым остались вдвоем. Однажды заходим к нему и видим следующую картину: Он лежит на койке, стоявшей около окна. На подоконнике стоит небольшой бочонок литров на 30 с пивом, от него отведен шланг, пережатый зажимом Моро и наш шеф периодически потягивает пиво. Мы рассмеялись и упрекнули его, почему он нас не угощает. Он был в подпитии, но сетовал, что туалет (сортир) находится далеко от его комнаты...

Родом он был из-под Оренбурга, по происхождению из казаков, учился в В.М.А. в Куйбышеве, был эрудирован, начитан и не плохо разбирался в вопросах медицины.

Нач. ПМП Леонид Батуев - человек интеллигентный, очень спокойный, даже медлительный, малоразговорчив и на все вопросы отвечал несколькими фразами: "А бог его знает", "Не моего угла дело", "Чему быть, того не миновать". Про себя мы его называли "А бог его знает". Дело своё знал, любил много читать, и к спиртному был безразличен. Они были моими начальниками, я относился к ним с уважением, но не любил в характере шефа его казарменный юмор и страсть к алкоголю. Мы сработались и хорошо понимали друг друга.

Дни бежали за днями. После успехов декабрьского наступления наших войск под Москвой положение на фронтах более или менее стабилизировалось. Пошли повседневные будни. Я и Батуев вели прием в санчасти, писали письма, переводили аттестат (наша зарплата, или, вернее, денежное содержание) на семьи. Один раз в неделю нам показывали кинофильмы. Правда, все старые, довоенные. В хорошие погожие дни верхом выезжали в город. В парадной казачьей форме мы все выглядели очень эффектно.

Однажды я поехал на станцию "Красная Пресня" помогать принимать раненых с фронта, их привозили в санитарных поездах. На станции были ларьки, в которых проходящим эшелонам выдавали по талонам папиросы, конфеты, белые батоны и другое продовольствие. Подошел я как-то к одному ларьку. За прилавком молодая женщина лет 28. Я спросил: "Беломорканал папиросы продаются?". В ответ: "Это не для вас, а для проходящих эшелонов". "Извините, - сказал я - Курить ничего нет, может, продадите одну пачку?" "Они не продаются, а выдаются, ну, ладно, так уж быть, пару пачек я вам дам". Я не хотел без денег брать и предлагал деньги, но она не взяла. Раскуривая с удовольствием папиросу, мы разговорились. Так я познакомился с Марией Спиридоновой. Она рассказала о себе: муж - директор завода, уехал с эвакуированным заводом на восток. Звал ее, но она уезжать не хотела. Замужем четвертый год, в Москве большая обставленная квартира, детей у них нет. Замуж вышла не по любви. Я побывал еще несколько раз на станции, и каждый раз она приглашала меня к себе в гости, но я почему-то стеснялся, или боялся ее приглашения. Однажды она пришла к воротам казармы и через часового вызвала меня. Зашел казак, спросил мою фамилию и имя, сказал: "Вас вызывает какая-то женщина, ждет у ворот". Вот уж никогда не думал, что она может придти в часть. Вышел. Спросила, почему не прихожу. Сказал: "Нет времени, скоро, видно, нас куда-то переведут в другое место". Она обратилась с просьбой посмотреть ее тетю, которая живет на Варсонофьевском переулке. Она упала, ушибла руку и нет ли там перелома.

Я согласился. Тетя ее жила в коммунальной квартире, занимала небольшую

комнату, уютную, ухоженную, хорошо и красиво обставленную. К моему приходу был накрыт стол, уставленный по тому времени деликатесами и бутылкой водки. На перелом не было и похоже, был простой ушиб с растяжением связок лучезапястного сустава.

Было ясно - это не более как предлог. Тетка еще не старая, лет 50-ти, высокая худощавая женщина, одинокая, детей у нее не было, муж умер еще до войны.

Мария мне нравилась, была привлекательна, хорошо сложена, до замужества занималась лыжным спортом. Вначале я сильно смущался, но вскоре после первой рюмки освоился, закуска была дай бог: икра, шпроты, колбаса салями, ветчина, котлеты. Я здорово выпил, несмотря на добрую закуску быстро охмелел. Захотелось спать. Я и не заметил, как тетка ушла, а я оказался в постели, рядом лежала Маша. Она меня обнимала, целовала и оказалась первой женщиной в моей жизни. Мне шел двадцать второй год. Это было 15 января 1942 года. День этот я запомнил...

Вскоре я ушел и чувствовал себя весьма скверно, на женщин почему-то смотрел с отвращением, и мною овладело непонятное состояние, не знаю, с чем его сравнить. Тем не менее на следующий день меня потянуло снова к ней, и я уже не был мальчишкой первого дня. Мои товарищи заметили во мне перемену и высказывали предположение, что я по уши влюблен. Но это было не так. Меня притягивала новизна общения и близость с женщиной, опытной и обаятельной, но любви здесь не было.

В конце декабря нас переместили в район стадиона "Динамо" в ШМАС (Школа младших авиаспециалистов). Она пустовала, и мы ее заняли под казарму, благо там все было для размещения. Командовал полком капитан Артамонов, красивый мужчина с пышными усами, выше среднего роста, стройный, подтянутый. При штабе работала молодая машинистка, за которой комполка стал усердно ухаживать, уделяя ей слишком много времени. Не знаю, что было причиной, но его вскоре отозвали в Инспекцию кавалерии. К нам был назначен командиром полка подполковник Евгений Леонидович Коркуц. С его приходом жизнь в полку резко изменилась. С передислоцированием в ШМАС дисциплина значительно упала. Все чувствовали, что пробудем здесь недолго, скоро в поход. Кони стояли наши в конюшнях на "Беггах", и казаки трижды в день бегали кормить и поить своих лошадок. Чувство временности пребывания часто выбивает людей из привычной армейской службы. Кормили плохо, по 2-й норме. В полк ежедневно привозили несколько бочек пива, бокалов не было и его отпускали в котелки. Появилась поговорка - с тебя котелок пива. С приходом нового командира полка все начиналось становиться на свои места. После приема полка он собрал всех офицеров, ознакомился и предупредил об ответственности каждого за свои подразделения. Потребовал строжайшей дисциплины и ежедневной проверки своих подчиненных и доклада о состоянии дел в эскадронах. Недопустимо превращать полк в цыганский табор. В первые же дни получили замечания несколько комэско'в, троих комвзводов подверг более строгому наказанию - гауптвахте. - Нам предстоит длительный поход в конном строю, и каждый должен готовить конский состав и людей к большим трудностям, к маршам, лично провел выводку конского состава. Кавказцы проверяли ковку и перековывали лошадей, перед походом надо было поставить их на шипы. Такого строгого и требовательного командира мы еще не встречали. Ежедневно он обходил казарменные помещения и конюшни, гонял

нерадивых, накладывал взыскания. Досталось и медицине за плохой контроль и невыполнение своих обязанностей.

В ШМАС ежедневно приходили девочки и женщины и оставались на ночь у своих знакомых и друзей - командиров. Однажды полк ночью подняли по тревоге, построили на плацу в пешем строю, обошли помещения и всех девиц под утро выперли с расположения части.

Никто не ожидал такого поворота дел. При перекличке не оказалось в строю нескольких командиров взводов, командиров отделений и казаков, которых начальники отпустили на день-два в город, на что не имели права. У нас в санчасти был санитарный инструктор Яковлев, ленинградец, его дядя работал в кремлевских продовольственных складах, и он уговорил меня отпустить его на одни сутки в Лосино-островское к дяде. Обещал кое-что привезти. Я на свой страх и риск отпустил его, и он в течение двух дней не появлялся. Я очень беспокоился и переживал, так как мало его знал и боялся, не дезертировал ли он. Но на третьи сутки он появился с полным вещмешком деликатесов, которые нам и не снились. Сказал, дядя снабдил. А я-то думал, не сбежал ли мой санинструктор.

Объяввши готовность, т.е. в любой день мы могли тронуться в путь. В эти дни в полку появился новенький, молодой лейтенант из кавалерийского училища, красавец парень. Это был Коля Дупак. Синеглазый с черной шевелюрой, элегантный, подтянутый. Все на нем было красиво, как он сам, так и одежда. Командир полка сразу же назначил его своим адъютантом. Если считать по старым армейским меркам, это офицер-порученец, через которого командир передавал все приказы и распоряжения в устной форме. Обычно подбирали толковых, умных и в военном и тактическом отношении грамотных офицеров. Николай Лукьянович Дупак вполне соответствовал этим требованиям.

В районе Луховиц и Фруктовой - Рязанская область, несколько казаков заготавливали тюкованное сено для полка. Пришло сообщение, что один из казаков погиб. Обстоятельства смерти не были известны. Командир полка приказал мне и старшине Садчикову выехать на место, расследовать, установить причину смерти и доложить. Мы выехали по железной дороге, и вскоре прибыли на место.

Было установлено, что заготовители после работы пьянствовали. Во время одной из пьянок казаку Пахомову стало худо, его стало рвать, появились боли в животе, рвота и вскоре он скончался в местной больнице. Вскрытие подтвердило отравление неизвестным токсином. Его похоронили на местном кладбище в нашем присутствии. Когда шли с кладбища, Садчикова сбила машина, и его доставила в местную больницу. Травма оказалась не тяжелой и, через 2 дня его отпустили. Я все изложил в письменной форме рапортом и, вернувшись в полк, доложил командиру. Заготовителей сняли и заменили другими. Сено в запланированном количестве было заготовлено. Начавшееся следствие прервалось в связи с выступлением полка в поход.

Накануне в помещении стадиона "Динамо" состоялось совещание командного состава, на котором выступили Ворошилов и Буденный. Я на этом совещании не был.

В последние дни перед отправкой на фронт я почти не виделся с Машей, не было времени. Решил, когда двинемся, заскочу попрощаться. К сожалению, полк подняли на рассвете, и маршрут наш лежал не по пути, и я так и не попрощался. Напишу с фронта. Потом написал несколько писем, но ответа не получил.

Остаток зимы, весну, лето и осень 1942 г. мы были в походах и на марше вдоль стабилизировавшейся линии фронта.

Из Москвы мы выступили в конце января и обычным маршем пошли на запад через Московскую, Тульскую, Орловскую, Смоленскую и Калужскую области. Дневки проводили в деревнях и городишках. Московская область - помню старинные города Боровск, Бобров и др. Запомнился Козельск Калужской области и его история. Этот русский город, расположенный на горе, выдержал длительную осаду татаро-монгольского войска под командованием Собадуй-Богатура. В пути я рассказывал казакам, с которыми был на марше, об истории жителей этого города, их стойкости, храбрости и мужестве. Они предпочли смерть, чем быть побежденными и, когда осажденные не могли сопротивляться, голод, нехватка воды, город был взят штурмом. На подступах вражеское войско потеряло много тысяч отборных татаро-монгол, что вынудило его отступить и уйти на восток. Смоленская область - город Малоярославец, там, на окраине города мы простояли несколько дней, организовали баню казакам, немного отдохнули. Больше двух-трех дней мы не задерживались и шли дальше.

Днем маскировались, с вечера выступали и шли ночными маршами. Прошли мимо городов: Ефремов, Новосел, Белев, Болхов, Мценск, Ст. Слаговище, где пополнились скудными запасами фуража и продовольствия. Зима была очень тяжелой для полка. Города и деревни эти занимались немцами, много зданий и домов были разрушены и сожжены. Сказывалась нехватка продовольствия, сена, овса, были дни, когда лошади "читали газеты", чисто кавалерийское выражение. В полку были случаи отравления людей кониной. По пути попадались убитые замороженные кони. Казаки рубили конину, оттаивали, варили и ели это мясо. Хорошо, никто не умер. Были дни, когда выдавали по одному сухарю на человека и жидкое варево из ржаной муки, заправленной растительным маслом. Город Драгобуж был почти полностью сожжен, жители угнаны на Запад. В одном из погребов под развалинами дома удалось обнаружить сохранившийся картофель, который здорово выручил казаков.

Вскоре снабжение улучшилось как для лошадей, так и для людского состава. Приближалась весна 42 года, появилась первая зеленая травка. Наши похудевшие одры стали пастись и понемногу приобретать нормальный вид. Настроение улучшилось, стало веселее. Мы все ждали, когда нас введут в боевые действия, но командование не торопилось, у него на этот счет были свои соображения и планы. Мы двигались маршами по рокадным дорогам (идушим параллельно линии фронта, появляясь то в одном, то в другом месте), и у немцев создавалось мнение, что у нас большие резервы. Лето застало нас в Орловской области, в Тургеневских местах: Спасское-Дутовиново, Стеклянная Слободка, Красное Тургенево. Стояли мы в оврагах, лесках и кустарниках по берегам реки Красивая Меча. Очень красивые места и название реки вполне соответствовало ей и ее природному пейзажу.

Выпаса для лошадей были отменены и лошади стали иметь настоящий, в теле красивый вид. Мы тщательно маскировались, так как над нами часто нависали вражеские разведывательные самолеты, после которых прилетали "лаптежники" "Юнкерсы-88".

Несколько раз нас бомбили, были потери, раненые. Во время бомбежки одной из деревень погиб старшина эскадрона ст. лейтенанта Портянова - Таран.

Запомнилось учение по форсированно водных преград. Выбрали, где река Красивая Меча (кажется, приток Оки). Форсирование проводилось согласно Уставу на

лошадях. Седла снимались. Лошадь взнуздывалась трензелями и поводом, который закидывался через голову на шею лошади. Всадник верхом голый садился на лошадь и погоняя въезжал в реку. Не все лошади смело шли в воду и, к сожалению, не все казаки умели плавать. Правда, таких было немного, но были. Когда лошадь входила в реку и теряла под ногами дно, шла вплавь, и на спине уже не усидеть было, тогда казак плыл рядом или держался за хвост лошади, плывя как на буксире. Как только конь чувствовал под ногами дно реки, он выходил на берег и всадник с конем проделывал тот же путь на свой берег.

Я и еще двое казаков, умеющих хорошо плавать, дежурили на лодке, чтобы в случае, если случится непредвиденные обстоятельства, кто-то может тонуть - быстро вытащить "пловца" из воды и при необходимости оказать помощь. Есть одна особенность у лошади - она (от природы данная ей инстинктом) - умеет плавать, важно, чтобы лошадь при погружении не набрала в уши воды, тогда она может утонуть. Один казак, не умевший плавать, запутал коня в поводу, который по его же вине сполз с шеи, конь окунулся с головой и оба стали тонуть. Я с казакom нырнули и вытащили и коня, и всадника на берег, благо это случилось недалеко от берега. Ширина реки в месте форсирования была около 60-80 метров, но глубина больше 3-4 метров. Выбрали пологие берега для удобства спуска в воду и подъема на противоположный берег. Командир полка объявил нам благодарность перед строем, на что мы ответили: "Служим Советскому Союзу (народу)".

Лето - прекрасная пора года, и нет приятнее дня, когда ярко светит солнышко, не очень жарко, и ты в свои 22 года чувствуешь силу и мощь своего молодого тела. За время походов и маршей я отработал все правила верховой езды и выглядел неплохим всадником. Лошадь мне подчинялась в управлении и, сидя в седле, чувствовалась слитность с конем, как единое целое. Внешний вид был у меня казачий. Выше среднего роста - 175 см, 80 кг веса, мускулы налиты и крепки, не ущипнешь. У меня был кудрявый светлый чуб и все считали, что я казак, или во всяком случае русский человек, Никто не верил, что я еврей. Когда я об этом говорил, ребята посмеивались и думали, что я шучу. Я участвовал во всех конно-спортивных состязаниях.

Быстро пробежало лето 1942 года, дела на фронте шли не в нашу пользу, немец наступал на многих направлениях, стремясь обойти Москву с флангов, Ленинград был блокирован, немцы вышли к Сталинграду.

Лето и осень 1942 года. Мы вошли в состав Брянского фронта, держали нас во втором эшелоне, и боевого крещения еще у нас не было. полки 11 кавдивизии им. Морозова - наш 250, 253 и 256 - были полностью отмотелизованы, вооружены и готовы к бою. Дивизия входила в состав 7 кавкорпуса, которым командовал генерал Манагаров. Позже его сменил генерал Владимир Сергеевич Соколов. Ранней осенью, когда исполнился год со дня формирования Морозовской дивизии, состоялся праздник. Населенного пункта не помню. Помню большое поле недалеко от большой рощи. Были оборудованы импровизированный ипподром, трибуны для гостей, подготовлена конно-спортивная программа: заезд высшей верховой езды, конкур-иппик, цыганская свадьба, рубка лозы и другие праздничные мероприятия. Ждали приезда командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Рокоссовского и других начальников. К празднику мы готовились и тренировались в рубке, вольтижировке, преодолении препятствий. Я участвовал в смене верховой езды со взятием препятствий. Мой конь был хорошо выезжен и слушался всадника. Все участники были вы-

строены, и все выглядело очень красочно и эффектно. Форма парадная - казачья, черкески, газыри, наборные ремешки. Эфесы клинков (шашек) блестели, заранее надраенные нашими коноводами и ординарцами. Рокоссовский приехал на машине. Суржиков подал команду "Смирно", заиграл оркестр встречный марш, отдан рапорт командующему. Он прошел к трибуне и поздоровался со всеми присутствующими рукопожатием, занял свое место, и праздник начался. Это было замечательное зрелище: казаки блеснули своей выправкой, смелостью и мастерством. Лихо рубили лозу, вольтижировали и джигитовали. Завершилось "цыганской свадьбой". Решил потряхнуть стариной и К.К.Рокоссовский. Ему подвели оседланного коня, и он лихо вскочил на него, прошелся по паркуру, но рубить лозу не стал. У него была удивительно красивая посадка. Сам высокий, стройный, худощавый. Как ни говори, старый, заядлый кавалерист. Решил блеснуть своим мастерством и комдив Суржиков, тоже заядлый конник. Прошел по паркуру на своей кобыле ласточке - подарок Буденного. Вначале рубил одним клинком, затем двумя, и все у него ловко и красиво получалось. Настоящий джигит. После рубки двумя клинками, ему перекинули стремяна и он рубил лозу, стоя на седле. Это требовало большого искусства, смелости и отваги. Затем он решил блеснуть взятием повышенного препятствия высотой 2 метра и как он ни старался, планку кобыла сбивала, так 2 метра она не преодолела.

На праздник приехала бригада артистов, в основном певцы, декламаторы и танцоры. И вот впервые мы услышали "Землянку". До чего разбередила душу и сердце эта замечательная, лирическая песня. Было чувство, что это поет каждый из нас, у некоторых на глазах блестели слезы, уж до чего не сентиментальны казаки, а слеза прошибла. Ее исполняли на бис несколько раз, и пошла гулять эта песня по взводам, эскадронам и полкам. Шла жестокая, не на жизнь, а на смерть война, и каждый представлял, что дойти до любимой нелегко, а до смерти четыре шага...

У меня в эти дни был двойной праздник: присвоение очередного звания "ст. во-енфельдшер" - приказ, подписанный Рокоссовским.

У нас в 250 полку служил рядовой Чунарев, мы его звали просто Кузьмич. Этот человек обладал абсолютным музыкальным слухом, прекрасно играл на баяне, аккордеоне и других музыкальных инструментах. Писал стихи, мог их положить на музыку. От него мы впервые услышали песню "Кубанка". Не знаю, чьи это слова, но музыка определенно его. Привожу текст песни.

В этот вечер далеко за Волгой
Потемнела акварель зари.
Я пришел к тебе, моя любимая,
О большом, о многом говорить.

Посмотри, изорванные в клочья
Облака за горизонт спешат,
И тревогой налитые ночи
Тишь страны вишневой сторожат.

Может завтра, защищая села,
С казаками лихо я промчусь,
Разгромив фашистов злую свору,
Я к тебе с победою вернусь.

А может завтра далеко в долине
 Разгорится небывалый бои.
 Потеряю я свою кубанку
 С молодой удалой головой.

А сейчас, когда я здесь с тобою,
 Позабудь, любимая, про грусть.
 Я уеду в утро голубое
 И к тебе с победою вернусь.

Мы любили Кузьмича за его приятный голос, душевное звучание его песен и классическую игру на баяне. Он пел под собственный аккомпанемент. Много знал он песен и особенно хорошо исполнял "Вот мчится тройка почтовая", "Кубанка", "Степь да степь кругом...", "Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...", "Когда я на почте служил ямщиком", "Окрасился месяц багрянцем" и много, много других песен. По нашей просьбе он исполнял любые песни, о которых мы просили. Он не пил, не курил, никогда не матерился, служил в комендантском взводе в должности рядового отделения управления. Кажется, был холост, хотя ему было уже лет за 30. Таков был наш самобытный поэт и композитор Чунарев или Кузьмич, как мы его величали.

Мы стояли в большом селе Архангельское.

Уполномоченным контрразведки смерш был Григорий Юрченко, веселый, общительный ст. лейтенант, мы подружились. Я знал, что предстоял его отъезд из полка на другую должность. Интересно, кого нам пришлют вместо него? Однажды утром, было это в ясный осенний день, в полк прибыл его преемник, совсем молоденький лейтенант, выше среднего роста, хорошо сложенный, спортивного вида. Мы познакомились - Лейтенант Ивановский Олег Генрихович, как я понял, - москвич. Был он немногословен, скромн в поведении, вежлив, чувствовалось, что человек он интеллигентный.

Первое впечатление всегда имеет немалое значение, чтобы в какой-то мере составить представление о человеке. Когда мы познакомились поближе, я убедился, что в основном не ошибся. Правда, постепенно, не сразу я понял, что человек он эрудированный, начитанный, служил в погранвойсках на заставе западной границы, учился в школе служебного собаководства, затем окончил краткосрочные курсы по своей профессии и направлен в наш полк. Наша дружба крепла изо дня на день, чему способствовало то, что мы одногодки, оба много читали и, главным образом, у меня всегда была тяга к москвичам, хотя до войны я был в Москве всего один раз, недолго. Но я учился и работал в Ленинграде и этим, в какой-то мере, гордился.

В это же село Архангельское в один из дней перед отправкой на фронт въехал на красивом вороном коне всадник. Выглядел он очень эффектно: безукоризненная посадка, грудь выпячена, в черкеске с серебряными гозырями и наборной в серебре шашкой. Лицо восточного кавказского типа, небольшие черные усики, нос орлиный, с горбинкой, глаза миндалевидные, в шикарнй кубанке, сапоги хромовые, шпоры с серебряным звоном. Удивляло то, что на черкеске повыше гозырей, были прикреплены около полдюжины значков: "Ворошиловский стрелок", "ГТО", ГСО "Осовиахим" и еще какие-то значки. Первого, кого он встретил, был я. Взглянув на меня свысока, спросил, где находится штаб полка. Я ему показал, и он, не поблагодарив, рысью поскакал к штабу. Про себя я подумал, ну и павлин (фазан). Позже, когда командир

полка майор Шаповалов представил его, мы уже знали, что ст. лейтенант Георгий Тузанов прибыл в полк для прохождения дальнейшей службы. В какой должности - мы еще не знали; вероятно, это должно было стать известно позже, а пока в резерве командира полка. Санчасть стояла в большом хорошем доме: отец с двумя красивыми дочками, квартиранты педагоги Пятницкие. Тузанов сразу же начал кадриться к доченькам, но мы его быстро отшили.

С каждым днем все больше чувствовался день предстоящего похода и приближения того времени, когда дивизия должна двинуться в места сосредоточения для боевых действий. Всем порядком надоело околачиваться во втором эшелоне. В конце 1942 года стратегическая обстановка на Воронежском участке создала условия к переходу Красной Армии в наступление на Южном направлении советско-германского фронта. Оперативно-стратегический замысел состоял в разгроме в Верховьях Дона западнее и южнее Воронежа крупной группировки немцев. Это наступление в истории Великой Отечественной войны получило название Острогожско-Россошанской операции. Главная задача состояла в разгроме противника и захвате железнодорожной магистрали Воронеж-Миллерово, Лиски-Кантемировка и Лиски-Валуйки.

Наш 7 кавкорпус поддерживал танковую армию генерала Рыбалко. Командовал корпусом генерал-майор С.В. Соколов.

Снова движение по железной дороге до станции Анна и к 14 января 1943 года, совершив 300-километровый марш, корпус сосредоточился в районе Кантемировки.

Верховья Дона. Здесь у противника сильно укрепленная полоса обороны не меньше 10 км в глубину, построенная на мощных узлах, связанных траншеями, а между ними минные поля. Оборона строилась и состояла из нескольких линий обороны, которые прикрывались большим количеством войск. Задача кавалерийского корпуса состояла в том, чтобы, не вступая в бой, после прорыва вражеской обороны, войти в брешь, пройти форсированным маршем около 200 км и захватить важный стратегический узел шоссейных и железнодорожных дорог город Валуйки. Верховным командованием и Генеральным штабом была спланирована хорошо продуманная операция прорыва на узком участке фронта в несколько километров, расширить фланги и в полосу прорыва ввести 7 кавкорпус. С учетом всех обстоятельств наше командование сосредоточило в полосе прорыва мощный ударный кулак с большим количеством артиллерии, танков и авиации. Это была не совсем обычная операция, в которой сочеталась дерзость, смелость и оригинальность.

Была проведена тщательно скрытая перегруппировка войск, о которой противник ничего не знал и сообщал своему командованию фронта (об этом узнали, позже), что части Красной Армии не собираются, вести активных действий, и наступление наших войск оказалось для немцев неожиданным.

Несколько часов подряд была проведена сильная артподготовка, это был шквал ураганного огня. После артподготовки в прорыв пошли танки с пехотой. Мы хорошо помним эту ночь в районе хутора Джгуны и совхоза "Первомайский" (уточнить).

Справа и слева пожары, горят деревни, а между пожарищами темень, не видать ни зги. На пути нашего продвижения дымящиеся подбитые вражеские танки, разбитые пушки, вражеские трупы.

Это ворота прорыва. В них и устремилась наша дивизия в тыл врага. Двигались

только ночью на рысях и только скрытно, соблюдая строжайшую маскировку. Это была сложная и трудная задача, так как в тыл противника прорвалось несколько дивизий - это громадная сила. Ведь в одном только кавалерийском поту несколько тысяч лошадей, обоз, артиллерия и больше тысячи всадников. С ними шли приданные танки.

В эти зимние дни ночи длинные, светает поздно, дни короткие, что мы и использовали. К утру рассредоточивались в деревнях и хуторах, тщательно маскируя танки, лошадей и людей. Это было непросто и нелегко, тем более что расстояния между населенными пунктами разные и весьма сложно, учитывая дороги и размеры деревень точно планировать ритм и движение колонн, тем более что двигались мы по глубоким тылам противника. Я очень хорошо помню эти ночные марши, с боями по уничтожению гарнизонов противника, старост и полицаяев, которые могли бы передавать данные о нашем продвижении. Наши налеты были внезапны и стремительны, что способствовало быстрому уничтожению противника. Нашим казакам доставалось, но особенно лошадам, ведь марши были форсированными. Некоторые лошади не выдерживали, приставали и падали. Кавалеристы знают, что это означает. Кони падали, казак снимал седло, поводья, лошадь оставлял и садился на сани. Во время этих маршей был ранен комиссар полка майор Медведев, был ранен прекрасный конь ст. врача Мастренкова по кличке "Колька", его пришлось бросить, не поднималась рука пристрелить это благородное животное. Мастренков пересел на заводного коня, которых было несколько в комендантском взводе.

Днем немецкие самолеты рыскали в небе, искали и открывали огонь наугад, чтобы вызвать наш ответный и тем самым выявить наше местонахождение, но у нас был строгий приказ огня не открывать. Погода и низкая облачность были нам на руку. Поэтому противник нас не обнаружил. Мы уходили все дальше в тыл. Выдержать 46-км марш в седле и в ночное время нелегко. Здесь, в этом более чем в двухсоткилометровом марше, я убедился, как мне пригодилась конная подготовка, освоению верховой езды, закалка, полученная до начала боевых действий. Еще я убедился, что самое выносливое существо - это не лошадь, а человек, его сознание, чувство долга и сила приказа, дисциплина, как осознанная необходимость.

Накануне ввода в прорыв заменивший раненого Медведева ст. политрук (носил одну шпалу) Ипат Михайлович Наумов, собрав командный состав, уверенно нам сказал: "Вот выполним задачу и нам присвоят гвардейское звание".

В прорыв мы вошли 14 января и к 17 января сосредоточились в небольшом селе. Немало мы прошли деревень, сел и не все их названия запомнились. Помню большое село Вейделевка, а то, в котором мы остановились 17-января, накануне броска к Валуйкам, - не помню. В этой деревне мы приводили в порядок сани - наш основной транспорт, ковали лошадей, ремонтировали сбрую и все прочие хозяйственные работы. Все время велась разведка. Оказывалась медицинская помощь нуждающимся, у многих были ссадины, потертости и прочие мелкие неполадки. Несмотря на трудные переходы, форсированные марши, больных не было. Настроение было боевое, дух наступательный.

Нам поступил приказ комдива М.О. Суржикова: полку при поддержке нескольких танков 201 бригады под командованием полковника Таранова захватить город Валуйки. Из истории гражданской войны было известно, что 11 кавдивизия 1-й конной армии под командованием начдива Морозова занимала Валуйки. Возможно, что это было заслугой нашего 250 кавполка, ведь мы унаследовали номера полков дивизии

того периода. Да, говорят - история повторяется.

Из разведанных стало известно: Валуйки охраняются несколькими полками итальянцев, частями немецкой пехоты и другими вспомогательными подразделениями, а также несколькими десятками танков, артиллерийскими дивизионами и зенитным полком. Подступы к городу защищены оборонными сооружениями, на южной окраине противотанковый ров. С северо-запада и юго-востока сплошные проволочные заграждения. Перекрестки улиц оборудованы дзотами. Таковым оказался Валуйский орешек. Не зря немцы так укрепили Валуйки. В городе расположились армейские и фронтовые склады снабжения южного участка фронта после разгрома противника под Сталинградом. Здесь скопились огромные запасы продовольствия, боеприпасов, бензина, а также ремонтные мастерские.

Тактический замысел состоял в том, чтобы освободить город внезапным ударом, сходу, не дав возможности противнику подхода подкреплению и эвакуировать из города технику, склады с продовольствием и боеприпасами. Наши контрразведчики установили связь с партизанами, действовавшими в этом районе, используя их как проводников и разведчиков. Надо было перерезать железную дорогу на участках Валуйки-Уразово и Валуйки-Волокановка. До Валуек остался один ночной переход.

Во время марша санчасть (ПМП) шла в хвосте полка, позади, на расстоянии 1-2 км шла Т.П.З. - тыловая походная застава. К колонне примкнули отставшие несколько саней, около десятка всадников комендантского взвода и на саночках-кошовках ст. ветврач полка Николай Михайлович Левин. Мы оторвались от хвоста полка и были уверены, что догоняем полк по единственно правильной дороге. Колонну вел я, за мной с небольшим интервалом шли всадники и сани. Замыкал колонну Левин.

Светало. Внезапно на колонну налетели три самолета, итальянские "капрони". Они развернулись и с головы колонны стали нас бомбить и обстреливать. Я подал команду рассредоточиться, соскочил с коня, лег на землю, держа в поводу дрожащего и рвущегося коня. Триады прочесали нашу колонну самолеты и улетели. В результате налета три коня были убиты, убит один казак и трое ранены, к счастью не тяжело. Левин развернулся и помчался назад, знал, что позади идет Т.П.З. Мы подобрали раненых, оказали им помощь, сняли седла, забрали убитого и галопом помчались вперед. Вскоре впереди показалась деревня и в ней всадники. При подъезде к деревне, примерно в полукилометре, стояла большая немецкая грузовая машина, на ней лежал огромный, пудов на десять, зарезанный кабан, кровь приморозила его к настилу машины, а около валялись три убитых немца, хорошо одетые, упитанные и мордастые, вероятно из хозяйственной команды заготовителей. Мы въехали в деревню, разыскали своего старшего врача. Он меня ругал за то, что оторвались от общей колонны и отстали. Приказал направиться в деревню (в нескольких километрах), привести себя в порядок и ждать дальнейших распоряжений.

Ночью полк занял большое село Рождествено в пяти километрах от Валуек. Санчасть расположилась в небольшой деревне Насоново. Ст. врач находился в штабе полка, я выполнял должность нач. ПМП, так как Батуева накануне перевели в другой полк.

В составе ПМП были трое пароконных саней - одни с медицинским имуществом и двое - для раненых, несколько человек легко раненых верхами со своим оружием, военфельдшер Вера Свердлова, санинструктор и мой коновод. В этой деревне стоял 3 эскадрон под командой лейтенанта Андрея Галочкина. Я подружился с Галочкиным, он мне очень нравился, настоящий оренбургский казак лет 35, отслу-

живший действительную в кавалерийских частях, лихой рубака, обожавший (в меру) выпить и любивший женский пол сверх меры.

Нами уже были захвачены трофеи: кони верховые, в основном трокены, оружие - "парабеллумы", автоматы - "шмайсеры", продовольствие - спиртное, бочки с вареньем, искусственный мед. Мы выпили очень немножко, угощал Галочкин. Он подарил мне парабеллум, а моему ординарцу - автомат с тремя рожками для патронов. В это время в дом вошел полковник Смирнов, замкомдив по строевой части со своим адъютантом - старшиной. Галочкин ему доложил о захваченных трофеях и похвастался трофейным конем красавцем трокеном. Полковник приказал коня отдать ему, но Галочкин отказался. Смирнов рассердился и сказал, что это невыполнение приказа и за это он может приказать его расстрелять. Не знаю, было ли это сказано всерьез или злая шутка. Я очень испугался, когда полковник дважды повторил приказ, а Галочкин категорически отказался его выполнить. Когда полковник приказал своему старшине вывести Галочкина во двор и расстрелять, а старшина схватился за кобуру, я со своим ординарцем и коноводом Галочкина быстро выскочили во двор и мы решили, если только Галочкина выведут во двор расстреливать, направить на старшину наше оружие и при попытке стрелять в моего друга опередить его, не дать свершиться произволу и беззаконию. Мы ждали, сердца наши гулко стучали и казалось вот-вот выпрыгнут из груди... Но прошла минута, другая, из избы никто не выходил, потом минут через пять вышел полковник со своим старшиной и оба, матерясь, вскочили на своих коней и умчались туда, откуда приехали, должно быть в штаб дивизии. Мы вбежали в дом, Галочкин сидел бледный, матерился, а потом стал хохотать. Наш порыв он понял без слов и по достоинству оценил.

201 танковая бригада полковника Таранова состояла из английских танков наших союзников - англичан. Это были "Матильды" и "Ва-лентайны", имевшие на вооружении пушку, пулемет и по четыре мортиры. Старые, никудышные образцы, не то, что наша "тридцатьчетверка" лучший танк того времени, не хуже, чем немецкий Т-4, значительно превосходивший по своим тактико-техническим данным, немецкие танки. Как я узнал позже, командование решило спешить несколько взводов, посадить на танки и первый удар нанести танковым десантом под командованием начполитотдела дивизии полковника В.Е. Нитовщикова.

В десант пошел взвод 2 эскадрона лейтенанта Владимира Волынского, толкового и смелого командира. Я особенно уважал этого молодого лейтенанта, который обучал меня кавалерийским приемам верховой езды и рубке лозы. Он был левшой и эта рука была у него очень сильная. Командиром 2 эскадрона был лейтенант Павел Москвич, тактически грамотный и энергичный комэск. Володя Волынский очень любил Москвича, даже больше - обожал его.

Утром 19 января с рассветом должен был начаться штурм Валуек. Мы были готовы. Это должен был быть первый бой, боевое крещение полка. Многие думали про себя, что принесет мне день грядущий. Приходили на память слова нашей любимой песни "Кубанка". Думы думали, но перед боем надо было отдохнуть и в то же время быть начеку в ожидании команды "Вперед". Я был уверен, что ст. врач пришлет связного или приедет перед выступлением сам. В какой-то мере я, как старший, должен был сам поехать в штаб полка и уточнить задачу, чего не сделал, надеясь на 3 эскадрон и время его выступления.

Было раннее утро, я выставил часового и приказал доложить, как только тронется эскадрон, чтобы пойти за ним. Часовой прозевал этот момент, возможно

вздремнул, ведь все мы были измотаны длительным маршем и чего греха таить, не имели боевого опыта.

Я дремал, кони не были расседланы, лишь ослаблены подпруги, сани не распряжены. На сборы хватало 2-3 минуты. 3 эскадрон ушел вперед, а наш часовой молчал. Какое-то тревожное чувство, скорее интуиция в полудреме подстегнула меня проснуться. Я вскочил, было тихо, эскадрон ушел. Я быстро поднял людей и через несколько минут мы помчались в направлении северо-восточной окраины города. Перед выездом из деревни шли три дороги и по всем прошли колонны. Вдали слышна была стрельба, и я решил двинуться по правой дороге, по направлению, откуда слышались выстрелы.

Светало. В нескольких километрах впереди лежала голая степь, виднелся ветряк (ветряная мельница) и насыпь, по всей вероятности -железнодорожное полотно. Рысью и только вперед, тем более в 2-3 км по этой дороге впереди нас рысью шли два всадника в бурках. Я шел впереди, за мной вытянулась моя небольшая колонна, состоящая из трех саней и полдюжины всадников.

Стало светло. Я решил догнать этих всадников, выяснить, кто они, откуда движутся, узнать, где полк. Было ясно, мы снова отстали, черт побери. Я сильно переживал: идет бой; безусловно, есть раненые, а мы не на месте. Расстояние между мной и двумя всадниками сокращалось, колонна отстала на 300-400 метров, так как я не был уверен, что мы движемся по правильной дороге, тем более стрельба слышалась левее. Все произошло внезапно в какие-то считанные минуты. На железнодорожном полотне появилась дрезина, на ней сидели в маскхалатах с автоматами немцы. Они соскочили с дрезины, было их человек 15-16 и двинулись навстречу двум всадникам. Расстояние между ними и всадниками, равно как и между мной и всадниками, быстро сокращалось. Десяток автоматов прострочили по всадникам, и они вместе с лошадьми упали на снег. Я стал придерживать коня, когда почувствовал, что конь, остановился, как вкопанный, стал заваливаться и упал. Я слетел с седла, у меня был револьвер (наган) и парабеллум, подаренный Галочкиным. Конь убит, впереди в 300-400 метрах немцы, моя колонна, увидев эту сцену, развернулась и помчалась прочь, назад, откуда шла. Я решил, если немцы приблизятся, а они шли к двум убитым всадникам, стрелять и в руки живым не даваться. Лучше застрелиться. Я спрятался за труп коня, держа в руках оружие и, как всегда вдруг, из-за ветряка выскочила группа всадников, примерно около взвода, и, ведя огонь по немцам, стала их окружать. Я видел, как некоторых немцев рубили клинками, остальные побросали оружие и подняли руки вверх. Взятых в плен гитлеровцев всадники, окружив их полукольцом, погнали через переезд и скрылись.

Я подошел ж убитым всадникам. Лежали две убитых лошади и один убитый всадник, другого не оказалось. По всей вероятности, раненый, он отполз в видневшиеся невдалеке кусты. Я пошел в направлении кустов и услышал стон и щелчок затвора. Я себя назвал и стон усилился, услышал: "Свой? Подойди!". Я подошел: в кустах лежал тяжело раненный в живот, грудь и мошонку казак, он был бледен, спросил, как полковой комиссар Полегин - жив, ранен или убит. Я ответил, что комиссар убит и скончался сразу же. Я пытался перевязать раненого, он потерял много крови и все просил: "Браток, пристрели меня, прошу, ради бога, не могу терпеть боль". У него были множественные ранения в живот, разрыв мошонки, он умирал, теряя сознание.

Так, значит, убит начальник политотдела корпуса, полковой комиссар Полегин?!

Я подошел к комиссару; по всей вероятности, разрывные пули прошили его наискосок, от лица по груди и животу и он был убит мгновенно. Вокруг никого не было. Я снял планшетку, все документы и пистолет ТТ, карабин ординарца, он был без сознания, и пошел в сторону, где шел бой. Стали встречаться всадники, я спросил, где штаб, и мне сказали, что в километре, в деревне, комдив Суржиков с оперативной группой. Я быстро разыскал комдива и доложил о том, что убит комиссар Полегин и его ординарец. Все командиры, в том числе и комдив, были в шоке. К тому месту немедленно направили сани и группу всадников. Я доложил подробно, как все произошло. До меня к оперативной группе привели пленных, которые убили комиссара, они сидели под охраной в сарае, недалеко от избы, где расположилась опергруппа. Я подтвердил, что это те самые, которых привел захвативший их взвод, немцы дрезины.

Всем было не до меня, я выяснил, где ведет бой 250 полк майора Шаповалова и помчался в ту сторону. Бой был в разгаре, казаки штурмовали укрепленный город. Стали встречаться раненые, обработанные и перевязанные санитарными инструкторами эскадронов. Я стал всех собирать в одно место. Кругом горели дома, в одном из домов уже развернулась санчасть и там ст. врач и военфельдшер Верочка Свердлова оказывали помощь раненым. Я готов был провалиться сквозь землю, лучше бы меня убило или ранило. Ст. врач сказал, что меня надо расстрелять, хотя сам чувствовал и свою вину, бросив нас самих. Он должен был быть с нами и, зная задачу, своевременно вывести на положенное место для развертывания ПМП и приема раненых.

Я пошел в боевые порядки, где кипел бой, и самоотверженно дрались наши казаки, отбивая дом за домом и тесня немцев к центру города. Я хотел искупить свою вину и думал, пусть меня убьет или ранят, но потом одумался - идет бой, льется кровь, я нужен раненым и стал, непосредственно в боевых порядках перевязывали раненых, оттаскивал их в безопасные места, организовал направление их к дому, где был расположен ПМП. Вскоре ст. врач послал за мной моего ездового Лапина с приказом немедленно вернуться и заняться ранеными непосредственно на ПМП, а он займется их эвакуацией на медсанэскадрон.

Вера Свердлова, одесситка, была прислана в полк накануне Валуйской операции. Это была единственная девушка в санчасти и в полку. Небольшого роста, неплохо сложенная, не производила впечатление сильной девушки. Стеснительная, с не очень привлекательной внешностью на первый взгляд, обладала симпатией, особенно, когда улыбалась. Она вскоре всем пришлась по душе. При ней меньше стали материться, чувствовалась ее женская рука в смысле поддержания порядка и чистоты. Да и все ребята, как-то старались подтянуться. Немало офицеров и казаков заглядывали в санчасть, хотя и без особой надобности, чтобы поглазеть на Верочку. Она закончила фельдшерскую школу в Одессе и через Военкомат добилась отправки на фронт. Ей было присвоено звание военфельдшер. В ходе боев мы убедились в ее смелости и даже мужестве и отваге.

В первом же бою в Валуйках, когда я повел санчасть не по той дороге, по которой наступал полк, она развернула санчасть и привела ее к месту начала боевых действий полка, развернула ПМП и стала оказывать помощь раненым под руководством ст. врача. Под огнем немцев перевязывала раненых, вела или тащила их в укрытие вместе с оружием.

Когда я вернулся на ПМП и включился в работу, казаки несли в санчасть тяже-

ло раненного в живот командира взвода 2-го эскадрона Володю Волынского. Он был бледен, лицо в холодном поту, просил пить. Осколок повредил брюшную стенку, сальник, из раневого отверстия выпирали петли тонкого кишечника. Ранение тяжелое, коллапс. Пить давать в подобных случаях нельзя и ему смачивали губы. Петли кишок заправлены в брюшную полость, наложена повязка и поверх нее зафиксирована двумя сшитыми полотенцами. Он был в сознании и все твердил: "Найдите Москвича, он тяжело ранен". Я был уверен, что ранение очень тяжелое и вряд ли он выживет. Ему была сделана противостолбнячная сыворотка и морфин. Уложив его в сани, мы отправили его в медсанэскадрон. Часто о нем думал, вспоминал, жаль было его, в первом же бою получить такое тяжелое ранение.

Между тем раненые все поступали и мы от них получали самую последнюю, свежую информацию о нашем наступлении.

Центральным узлом обороны противника был элеватор, который возвышался над всеми зданиями и имел возможность кругового обстрела, и, когда он был взят, вскоре к 17 часам город был очищен. Бой в условиях города, особенно для наступающих, всегда сложен и чреват большими потерями. В этом бою мы потеряли пятую часть полка убитыми и ранеными. Но задача дня была выполнена. Город в основном деревянный, многие дома горели, и, когда немец отступил на запад, жители стали выходить из подвалов и тушить свои жилища и растаскивать трофеи. В воздухе стоял дым и смрад. К вечеру обработали всех раненых и отправили в МСЭ.

Первое боевое крещение, разгром противника, захват города воодушевили воинов и тем более, после взятия Валуек нашему 7 кавкорпусу присвоено гвардейское звание и мы были переименованы в 6 гвардейский кавкорпус, 11 дивизия в 8 гвардейскую кавдивизию, наш 250 кавполк в 29 гвардейский кавполк. Соответственно 253 полк в 31 гвардейский кавполк, а 256 - в 33 гвардейский кавполк. Теперь мы носим славное имя гвардейцев, которое многому обязывает.

В суматохе боя я не вспомнил об Олеге Ивановском, который пошел вместе со штабом полка, и к вечеру только узнал, что он тяжело ранен в шею, и эвакуирован в МСЭ, а затем в госпиталь. Многих друзей-однополчан я потерял в этом первом бою. Пленных не видел. Один раненый мне рассказал, что когда они штурмовали один из домов, выбежала русская женщина и закричала: "Не стреляйте, в доме итальянцы, они добрые!". В это время из дома прозвучала автоматная очередь и казак был ранен. Вскоре они уничтожили всех находящихся в этом доме врагов, там были не только итальянцы, но и немцы и мадьяры.

На следующий день ординарец Ивановского рассказал, что ранение в шею очень тяжелое, получил он его при прорыве в город, пулемет бил из элеватора, и на этих санях, на которых они мчались, был убит командир батареи Лев Диментман.

Захват города застал немцев врасплох, но, быстро опомнившись, они организовали оборону и дрались отчаянно. Город и железнодорожная станция были заняты, а на станцию еще прибывали вражеские эшелоны с техникой. На запасных путях стояли вагон с подарками к Новому году из фатерланда. Там были в основном посылки со сладостями: шоколад, печенье, конфеты и поздравительные открытки. Их держали для рассылки по частям для фрицев, так как они были не именные, адресованные солдату рейха, героям защитникам фатерланда. Мы набрали этих сладостей для наших раненых. Первый бой убедил нас, медиков, насколько важно в зимнее время раненого обогреть, дать выпить спиртного и накормить. Это было так же необходимо, как остановить кровь, перевязать раны, наложить шины. Немало

случаев было, когда даже не очень тяжелые раненые, оставаясь без помощи на холоде, коченели и даже быстро умирали.

Огромные склады с продовольствием. Чего там только не было? Из всех стран Европы, которые были оккупированы фашистами: шоколад, конфеты, различные консервы рыбные (сардины) и мясные, сыр, масло, сахар, мука, галеты, рис, водка, ром, коньяк, вино, сигареты, сигары и многое другое (тафель, корн, аквавит). Жители бросились к складам и стали хватать трофеи, но командование поставило часовых, и гражданских лиц к складам не допускали.

Нам надо было запастись этим добром, но на чем все это увозить? В Валуйках и на окраине оказалось много ослов и мулов. Это очень сильные животные, незаменимая тягловая сила в условиях плохих дорог. Их впрягали в широкие санитплатформы. Мои санитары организовали несколько саней и загрузили их трофеями. Подобрали 3 пары ослов и пару мулов. Упряжка немудреная. Мы не знали, как их понукать, на возглас "Но! Пошел!" они не реагировали. Потом мы узнали от пленных итальянцев, что надо произнести "ио" и толкнуть стимулом - это палка с гвоздем на конце, которой тычут в зад осла. И он начинает шагать быстрее и бодрее (отсюда слово стимуляция - подстегивание).

К вечеру мороз стал крепчать до 30°, было холодно. Мы обходили подразделения и окраины, где оборону в направлении на запад залегли дозоры и выставлено боевое охранение. Предупреждали казаков, чтобы много не пили, как они говорили, для сугрева, так как вначале после приема алкоголя жарко, а позже становится еще холоднее. Но на следующий день к городу с востока стали подходить итальянские войска. После первого боевого дня мы облюбовали приличный дом, где решили остановиться на ночлег. Дом не пострадал, деревянный, покрытый жестью, в несколько комнат. Обходя дом, отметили, что в нем много мебели, сверх того количества, которое необходимо для пользования: диваны, горки, полированные шифоньеры и прочие подобные вещи. По всей вероятности, натаскали с домов бежавших на восток советских людей. Хозяева средних лет, упитанные люди, вероятно, не голодали, и им при немцах неплохо жилось. Я занял комнату, в которой жарко топилась "голландка".

Выставили часовых, наметили смены, проинструктировали. Я как лег, так моментально уснул, куда-то провалился. Во сне, несмотря на сильную усталость, почувствовал какую-то скованность, сильную головную боль, хотел проснуться, но ни руки, ни ноги не подчинялись и стали тяжелыми. Огромным усилием воли я сполз с дивана, пытался встать на ноги, но они не слушались. Стал ползать по комнате, ища дверь, и всюду натыкался на мебель. Пытался кричать, но не мог, голова была налита свищом. Окна были занавешаны, темень страшная. Меня тошнило. Я вынул из кобуры пистолет и выстрелил вверх, и только тогда снаружи раздался крик часового, поднялась суматоха, слышу голоса: "А дверь-то закрыта на ключ, надо поднять хозяев, но их и след простыл". Дверь взломали, она была изнутри придвинута каким-то шкафом, и меня вытащили на свежий воздух. Я сильно угорел, хозяева специально до прогорания дров закрыли заслонку, чтобы меня уморить. Я лежал на санях, меня отхаживали, давали нюхать нашатырный спирт, к голове прикладывали холод, и я постепенно стал приходить в себя. Вскоре под воздействием свежего воздуха я окончательно оклемался. Хозяев мы не нашли. От соседей узнали, что они были немецкими прихвостнями и за подачки продавали честных советских патриотов. Жаль, нет Ивановского, он бы занялся этими типами.

Разведка доложила, что с северо-востока к городу движутся колонны противника. Эскадроны подготовились к бою. Выяснили - это отходят части итальянского альпийского корпуса. Шли дезорганизованные, обмороженные, фактически уже небоеспособные части. Для южных жителей Италии русская зима была гибельна, и они отказывались воевать на стороне немцев, эти горе-союзники немцев, преданные Дуче (Муссолини) солдаты. Среди них были раненые, которые ковыляли в колоннах, держась за своих товарищей. Оружие они побросали, хотя у многих офицеров оставались пистолеты, которые они выбрасывали. Был один случай самоубийства, вероятно, заядлого фашиста, у которого были основания не попадать в руки советских органов контрразведки. Что было делать нашему командованию в этих условиях? Несомненно, итальянцы рассчитывали на гуманизм советских людей и соблюдение Женевской конвенции по отношению к пленным. Тем более они шли сами в плен.

Большую партию пленных разместили в пустующих домах, которых было немало в окружающих деревнях. Раненым оказывалась помощь, их кормили трофеями. Среди пленных были медики, они оказывали тоже помощь своим раненым. До чего у них был жалкий вид! Лица и уши прихвачены морозом, пальцы рук озноблены. Солдат размещали отдельно от офицеров. В большом доме разместили около полусотни офицеров высокого ранга от майора до полковника. Старшим среди них был молодой, лет 40-45, полковник, владевший несколькими языками и, конечно, немецким. Их накормили горячей пищей и поставили на стол несколько бутылей, оплетенных прутьями, кислого вина.

Замполит И.М. Наумов сказал мне: "Пойдем поговорим с пленными офицерами, ведь ты знаешь немецкий". "- Да, немного знаю". Когда мы вошли, офицеры встали. Они приняли Наумова за офицера высокого ранга. Наумов задавал вопросы, я переводил, возможно, не совсем точно, во всяком случае относительно верно, сохраняя основной смысл и содержание вопроса. Один вопрос был довольно интересный. Смысл его заключался в следующем: "Как вы расцениваете наше марксистско-ленинское учение?" Перевел я быстро, но ответ полковника понял следующим образом, если изложить его кратко: "Идея прекрасна, но возможно ли ее практическое воплощение в жизнь - очень сомнительно". Наумов сделал злое лицо и выругался матом: "Проклятые фашисты, перестрелять бы их всех, да нельзя этого делать, поступило распоряжение из штакара - всех конвоировать в район Кантемировка.

На 3-й день нашего пребывания в Валуяхах мы сидели в санчасти, ко мне зашел командир взвода связи лейтенант Боря Поляков, мы закусывали, пили вино и ждали команды на дальнейшее наступление. В комнату забежал часовой и доложил: "По дороге примерно в километре от нас движется небольшая кавалькада, впереди сани везет белый мул и там, должно быть, большое итальянское начальство. Мы с Борей, взяв коноводов, поскакали навстречу этой небольшой колонне с автоматами в руках. Быстро приблизились, в санях сидел пожилой генерал, за ним ехала вооруженная охрана человек 12.

Охрана выжидала, а генерал вынул белый платок и помахал им над головой - знак сдачи в плен. Мы всю кавалькаду проконвоировали до санчасти, разоружили и приказали коноводам отправить их в места расположения пленных. Ввели генерала в санчасть: щеки и нос были у него слегка обморожены. Я спросил по-немецки, кто он. - Генерал Реканьо Умберто, командир итальянской альпийской дивизии "Юлия" корпуса маршала Гарибальди. Идут сдаваться в плен русским, так как решили выйти из войны с целью вернуться на родину. Он снял генеральскую саблю, бинокль и вру-

чил их мне, пистолета при нем не было. Мы усадили его за стол, поставили бутылку итальянского вина, отварные спагетти и прочую закуску. Я говорил с ним на немецком языке, и ответы переводил Полякову, которого он принял за важное лицо. Наши кубари на петлицах гимнастеров были прикрыты широкими круговыми воротниками шерстяных свитеров. Прежде чем выпить и начать есть, он обратился к нам с просьбой - окажите помощь моим солдатам, накормите и напоите их, они погибают в этом адском морозе. Я ему ответил, а кто вас звал в наши зимние степи из солнечной Италии? Он ничего не ответил, выпил полстакана вина, разломил галету и стал безучастно и не жадно жевать. На глазах у него были слезы. Внезапно в дом ворвался старшина Аксенов и сказал мне, что командир полка приказал генерала привести к нему и немедленно. Генерала увели и на кошовке повезли в штаб. Белый мул стоял и жевал сено, помахивая своими длинными ушами. Долго оставался у меня его бинокль, которым я пользовался, и шашка, которую потом кто-то стащил. Такого было дело 21 января 1943 г.

Еще несколько генералов взяли в плен и всех их, как мы потом узнали, отправили на самолете в Москву. Прошло с тех пор несколько лет, и уже после войны я встретил имя генерала Реканько Умберто на страницах наших газет, он выступал как противник фашизма.

Да, гораздо приятнее делать добро, чем убивать и стрелять людей, пусть даже и своих врагов, тем более итальянцев, которые сами решили прекратить сопротивление под ударами Красной Армии.

Среди пленных итальянцев оказался врач, и мы его пригрели в санчасти, чтобы он оказывал помощь своим раненым. Он хорошо владел немецким и немного словацким или каким-то славянским языком. Мы дали ему бинтов, индпакетов, ваты, йод и некоторые другие медикаменты. Об этом узнал оперуполномоченный "смерш" Красильников, его прислали вместо Ивановского, временно, так как он был разжалован за какие-то грехи в рядовые. За что, мы не знали. Он стал мне угрожать, что заводит на меня дело и отдает под суд. Я послал его подальше, но позже доктора этого отправили к остальным пленным солдатам, а вскоре их всех куда-то интернировали и потом всех отпустили на родину.

На третьи сутки подошла наша пехота, мы передали ей город и пошли на запад с боями, уничтожая оставшиеся небольшие гарнизоны. Шли в направлении Красного Лимана. В Харьковской области оставались в окружении много сотен наших солдат и офицеров. Их называли зятками или чапанцами, чернорубашечниками. При разгроме наших войск под Харьковом те, кто не попали в плен, разбежались по деревням и селам, работали у хозяев, не искали встреч и возможности примкнуть к партизанам. Пригрелись многие около молодых. Были и такие, которые хотели бы перейти линию фронта, но знали наперед, что их затаскают по особым отделам, лагерям, так как в то время плен, хотя и не по своей вине, являлся позором, изменой Родине, предательством. Разве тысячи попавших в плен не дрались мужественно, не жалея своей жизни, и с именем Сталина шли в атаку на штыки и пули фашистов?

Наши стратеги, вернее горе-стратеги сами были виноваты своей бездарностью, военной неграмотностью, и кто прошел через первые месяцы и годы войны, знают, какая была дезорганизация и неразбериха на фронтах. Были стойкие и самоотверженные командиры, которые, сохранив знамя части, с боями пробивались и прорывались через линию фронта. И даже таких подвергали всяческим проверкам, унижающих честь и достоинство подозрениям. Трудно судить, как себя вел каждый из

этих, оставшихся в окружении и это на их совести, и тем не менее огульно обвинять всех было бы несправедливо.

В одном большом селе, названия его не помню, их собралось около тысячи человек. Когда в эти районы пришли наши войска, они сами пришли добровольно к нашему командованию с просьбой дать им оружие, чтобы в боях искупить свою вину плена. У многих были ранения, которые к тому времени зажили. Они честно рассказывали о себе, своих частях, командирах. Многие сохранили партийные и комсомольские билеты, какие-то другие документы и справки. В этом селе мы простояли несколько суток. Работала наша контрразведка "смерш" с утра до вечера, проверяя каждого окруженца. Помню их выстраивали по 50-100 человек и, подходя к каждому, наши штабники записывали фамилию, имя, отчество и другие биографические данные.

Я решил пройтись вместе с инш - Аветисяном посмотреть, нет ли среди них врачей, фельдшеров или санитарных инструкторов. Проходя перед строем, я заметил человека, который пристально смотрел на меня и мои петлицы, где была медицинская эмблема - чаша со змеей. У него были большие, выразительные глаза, черные брови, и я принял его за кавказца - армянина или грузина, возможно азербайджанца. Я подошел и спросил Фамилию, он ответил: "Целевич Александр Иосифович..." Ба, да это же типичная еврейская фамилия. Я был сильно удивлен, как ему удалось сохраниться в тылу у немцев? Попросил разрешения у Аветисяна выйти ему из строя и поговорить с ним наедине, так как он сказал, что он врач. Целевич подробно рассказал о себе. Рождения 1916 года, москвич, из рабочей семьи, которая живет в Москве на 6 Монетчиковском переулке, отец рабочий, мать домохозяйка, брат военный врач, окончил 1 московский медицинский институт, воюет на фронте. Призван в начале войны, во время боев за Харьков попал в плен, был контужен и с большой группой пленных бойцов и командиров захвачен немцами. Выдал себя за армянина, так как евреев, коммунистов и комиссаров немцы расстреливали. Когда их погнали во временный лагерь, с двумя товарищами по несчастью бежал из колонны, по ним стреляли, но им удалось бежать в лес, а позже, когда немцы ушли из этих мест, фронт наш уже был далеко на востоке. В одной небольшой деревне их приютили, накормили, дали старую одежду и по совету уйти в другие места, где немцы бывают лишь изредка, приезжая для реквизиции зерна, скота и другого продовольствия. В их же деревне немцы бывают очень часто, да староста у них злой и свирепый. Они ушли, долго бродили и решили, чтобы каждый искал себе места в одиночку, так будет менее заметно. Проходя по проселку, он наткнулся на немецких мотоциклистов, его задержали, взяли на мушку автомата: Скажи честно, ты сталинист? Немецкий он немного понимал, но ответил по-русски: "Нет, я не сталинец, я иду из деревни, где живут мои родственники". "Это мы еще проверим". Немцы были пьяны, хохотали, смеялись над сталиниром, кричали "рус капут, Москва наша, хайль Гитлер". Его везли в коляске и остановились у небольшого хутора. "Сиди и не двигайся", - и оба, покачиваясь, пошли в дом. Он, конечно, не стал ждать и сбежал, ему стреляли вдогонку, но он успел далеко убежать в сторону от дороги. Двое суток бродил вокруг довольно большой деревни, скрывался в лесу, искал партизан, но их и духу не было в этих местах. Голод заставил зайти в крайний домишко, спросил: "Немцы в деревне есть?" "Да вообще-то нет, но приезжают часто, ищут кого то, как будто убили немецкого солдата, предполагают сделали это беглые пленные!?" Посоветовали лучше уйти подальше от их деревни. Он си-

дел в хате и пил молоко с хлебом, когда в дом ворвались полицаи, схватили, связали руки и увели, а хозяевам пригрозили за приют бродячего пленного. Его посадили в кутузку, руки, правда, развязали. Он просидел остаток дня и всю ночь под охраной полицаев. На следующий день его допрашивал ст. полицай, выпытывал, не еврей ли он, но он доказывал, что армянин и назвал армянскую фамилию. Его передали в немецкую комендатуру. Там допрашивали, били, издевались. Все выясняли, был ли он в какой-то деревне, но он начисто все отрицал. Его и еще двоих пленных - русского и украинца - приговорили к расстрелу. Их повели на окраину деревни под конвоем 6 солдат, вооруженных автоматами и лопатами. Недалеко от деревни находился лес, и они решили бежать. Когда они дошли до окраины, по большаку гнали большое стадо крупного рогатого скота, реквизируемого у населения. Стадо преградило дорогу и, когда середина его поравнялась с осужденными, все трое бросились в стадо, продираясь среди мычавшего стада. Немцы подняли крик "Хальт! Хальт!" Но они, согнувшись, двигались вместе со стадом и, выбравшись из него, побежали к лесу. По ним стреляли, двое из его товарищей упали, не то их убили, не то только ранили. Он бежал, что есть мочи и вскоре скрылся в лесу. Бежал он очень долго и, когда стал задыхаться, упал на землю и долго не мог отдышаться. Погони не было, немцы не любили забираться в лес. Несколько дней он уходил на юго-запад, подальше от мест, расположения немецких войск. В Курской области в районе Чернянки его приютила в деревне вдова, жена бывшего старосты или полицая, который чем-то прощтрафился перед немцами и был в бегах. В этой деревне он стал "зятьком", вернее работником, тем более в деревне было немало ему подобных. Учтывая, что он врач, я пошел к командиру полка и попросил оставить его при санчасти. Командир полка майор Шаповалов не хотел давать разрешения - пусть идет в штрафбат и там своей кровью искупит свою вину перед Родиной, что околачивался в плену, вернее в глубоком тылу. Я обратился к нашему ст. врачу А.Я. Мастренкову, и он уговорил нач. штаба майора Денисова, а тот убедил командира полка и его оставили санитаром.

Кого-то еще оставили, кажется повара и ковкузнеца. Штрафбат ходил в атаку без огневой поддержки, многие погибли, искупая кровью свой "позор" перед Родиной, многие были ранены, а уцелевшие влились в пехотные части, которые шли за нами или взаимодействовали с нами.

Александр включился в работу. Через несколько дней он пришел ко мне и сказал, что на него все смотрят с подозрением и недоверием. Я понял, в чем дело. Его познания в медицине были не на том уровне, каким должен был владеть врач, хотя он говорил, что многое подзабыл за время скитаний. Особенно плохо и с недоверием к нему относились замполит Ипат Михайлович Наумов и парторг полка Петр Иванович Захариков. За несколько дней пребывания в полку я убедился, да и не только я, что Целевич - человек смелый, не трусит, в сложной обстановке не теряется. Он пошел к начальнику штаба и попросил послать его в разведку и за языком. Командование сомневалось, но потом разрешило. Мы занимали оборону, так как наткнулись на сильное сопротивление, окопались и отразили несколько атак фрицев. В разведку он ушел один с пистолетом и финкой на участке эскадрона, которым командовал Тузанов. На следующее утро он пришел весь измазанный в земле, с расцарапанным лицом и страшно расстроенный, на глазах слезы. Мы стали расспрашивать, в чем дело, и он рассказал следующее: Пробравшись через боевые порядки эскадрона, он подполз ночью к окопам немцев, залег и стал наблюдать. Было спокойно, только отдельные немецкие ракеты прорезали темень. Лежа невдалеке от окопа, заметил, как

периодически выходили из окопа то один, то другой немец по естественным надобностям. В один такой момент он подкрался и стукнул немца рукояткой пистолета по голове, оглушил до потери сознания и поволок к нашим окопам. Немец молчал. Он снял с него часы, тесак и пистолет. Уже в боевых порядках эскадрона немец пришел в себя, но никак не мог понять, что с ним произошло. Подошел Тузанов, забрал у Саши пистолет и документы и сказал, что он сам отведет "языка" в штаб. Саша стал возражать, но Тузанов на него цыкнул и пригрозил, что выведет его на чистую воду. На следующее утро командир полка и начштаба вызвали меня в штаб, чтобы я допросил немца - это оказался не богатырского сложения фриц, на вопросы отвечал скупое, сказал, что слабо соображает. Я спросил, кто доставил языка? Начштаба сказал, что это работа Тузанова.

"Вот мерзавец, - подумал я. - Погоди, мы тебя разоблачим". Денисов спросил, где же ваш доктор, ходивший за языком. Я ответил, что он задание выполнил, на что Денисов ехидно засмеялся. Я предложил вызвать Целевича и расспросить. Когда Саша подошел к штабу, Денисов спросил: "Где же ваш язык?". "Вот он, мой язык", - ответил Саша. "Как, - возразил Денисов. - Этого языка приволок Тузанов. "Это неправда", - возразил Саша. "Чем же вы это докажете?" Саша вынул часы немца и показал, немец признал свои часы и Тузанов был разоблачен. Его вызвали в штаб, и он стал выкручиваться, лгал, но в конце концов был вынужден сознаться. Это было первое самоутверждение Целевича.

Парень он был отчаянный, смелый. Сказалась закалка бегства от полицаев и немцев. Ему выдали форму и отдали пистолет и тесак немца, а того переправили в штаб дивизии. Целевич вырос в наших глазах, но вел себя скромно, он понимал, что жить и быть все время под подозрением невозможно и тягостно, и он шел на риск. Постепенно мы убеждались, что парень он стоящий. Несколько раз его вызывали в особый отдел дивизии. Нач. смерша Мирошин и его заместитель Братенков долго его допрашивали, вернее расспрашивали и каждый раз он приходил расстроенный и подолгу ни с кем не разговаривал. Я знал, что о нем запрашивали Москву и все, что он рассказал, подтвердилось, но подозрения с него окончательно не сняли, как ни говорите, длительное время находился на оккупированной территории и мог быть завербован. Принцип работы "Смерш" был лучше перебдеть, чем недобдеть.

Продолжаем наступление. Противник отходит, огрызаясь, переходит в контратаки. На расстоянии 6-8 км за нами следует медсанэскадрон и всех средне- и тяжелораненых эвакуируем на него.

На всех отправляемых раненых заполняется карта передового района. Карта - это обязательный документ. Половина ее - левая часть остается на ПМП, правая выдается раненому на руки или его сопровождающему. В карте отмечается фамилия, имя, отчество, возраст, воинская часть, ранение и что сделано в смысле оказания первой врачебной или до врачебной помощи. Каждому военнослужащему выдавался индпакет для оказания самопомощи или первой помощи товарищам. Их обычно очень берегли, но, если у раненого товарища не было, отдавали свой. Каждому военнослужащему выдавался медальон, куда вкладывалась записка с данными владельца. Это была или черная пластиковая трубочка, или жестяной, раскрывающийся из двух створок медальончик. В случае гибели в отрыве от части он служил основанием для "похоронки". Вначале их берегли, а позже теряли или вообще не пользовались, не держали при себе. Медальон внушал какое-то недоброе предчувствие. Вообще у большинства была уверенность, что он останется в живых.

Красный лиман остался позади, наступление идет успешно. Легко раненых оставляли при ПМП. Порой их набирается до 10-12 человек. В наступлении санчасть (ПМП) находится и развертывается в 1-2 км от боевых порядков полка, чаще где-нибудь вблизи штаба или командного пункта. Действуя в тылу противника или в боях, где нет сплошной линии фронта, не исключена возможность встречи с противником и надо уметь постоять за себя и раненых. При санчасти легко раненые помогали медперсоналу обрабатывать пострадавших, кормить и поить, переносить на носилках на сани или повозки.

Все держали при себе оружие на всякий пожарный случай. Очень важно держать связь со штабом и быть готовыми сняться и двигаться вперед. Мы были первым эшелонem тыла. Около санчасти располагались и другие мелкие подразделения: боеприпасы, эскадронные сани или повозки. Ст. врач обычно находился при штабе или на командном пункте. В зависимости от характера боя мы находимся то ближе, то дальше от боевых порядков. В обороне располагаемся от 3-х до 5 км. Стараемся развернуться вблизи дороги, подобрать хороший дом, если в деревне, или удобное место для ротной палатки.

В обороне рыли землянки с покрытием из нескольких накатов бревен или досок, утрамбовываем землей. Землянка с дверью или завешивается плащ-палаткой. В зимнее время шлемся к населенным пунктам, если их нет или они сожжены или разрушены, у нас есть железная печурка с трубой. Летом проблем меньше. Штыковая лопата - наш неизменный спутник. Для защиты от обстрела или бомбежки - роем окопчики для укрытия. При более длительной обороне, а так бывало нередко, - роем апаряли - укрытия для лошадей. В санчасти всегда есть старшина, хоть должность эта фактически санитарного инструктора, он должен быть хозяйственником, заботиться, чтобы были топоры, лопаты и прочие хозяйственные принадлежности. Он получает в хозчасти продукты, фураж и все, что положено для довольствия. Мы старались подбирать толкового и делового казака и в то же время, чтобы он был смелым человеком, хорошо владел оружием. От него многое зависит в смысле обеспечения нашего подразделения и его предназначения.

Остался позади Красный Лиман. Наступление продолжается. Мы все больше отрываемся от наших тылов дивизии и медсанэскадрона.

Впереди Харьков, еще занятый противником. Занимаем старую и новую Водолагу. В Водолаге оказался госпиталь, где находились наши раненые пленные. Немцы бежали, не успев их эвакуировать, им было не до пленных. Раненых кормили и поддерживали местные жители. На раненых страшно было смотреть: худые, изможденные, обросшие щетиной, в отрепьях былой формы, в гражданском тряпье. Им всем была оказана медицинская помощь, и их отправили в тыл.

Мы двигались в обход Харькова, юго-западнее с задачей выйти в направлении крупного населенного пункта и железнодорожной станции Тарановка. За Харьков наши армейские части ведут бои. В районе совхоза Бабелево и на Холодной горе, как мы узнали, произошло сильное сражение с участием большого количества танков с обеих сторон. Немец оставил Харьков и отступает на северо-запад.

В районе Мерефы наши эскадроны ведут бои, противник упорно обороняется, переходя в контратаки. Много раненых, отправлять пока некуда, медсанэскадрон отстал и по нашим данным должен расположиться в Тарановке, когда ее займут наши части. За Тарановку бой был очень ожесточенный, так как она занимала важное стратегическое положение - железнодорожная станция, несколько хороших дорог.

Противник, наконец, выбит и отходит в юго-западном направлении. Чувствуется, что резервы к нему пока не подходят, да и наши ряды не пополняются, хотя к боевым действиям подключаются идущие за нами пехотные части после освобождения Харькова.

Особенно ожесточенные бои развернулись за Мерэфу. На нее наступали 2 эскадрон под командованием ст. лейтенанта Подмазко и 3 эскадрон лейтенанта Галочкина. Потери они несли большие убитыми и ранеными. Мы только успевали вытаскивать раненных с поля боя и концентрировать на небольшом хуторе между Мерэфой и ст. Борки.

В связи с тем, что многие командиры взводов погибли или были ранены, во втором эскадроне их заменили старшинами Рябовым и Хованским. Это были смелые и довольно опытные командиры, которым можно было доверить командовать взводами. Эскадрон Подмазко нес тяжелые потери. Убиты Хованский и Рябов, 2-й эскадрон Подмазко стал отходить, что сильно ухудшило положение 3-го эскадрона.

Лейтенант Галочкин расположил свой командный пункт у большого высокого стога сена с противоположной стороны стога с расчетом иметь обзор, прикрываясь стожком. Немецкие минометы вели беглый огонь, и стог оказался неплохим ориентиром, тем более минометы бьют навесным огнем. Во время одного из налетов, что бывает очень редко, одна из мин накрыла комэска и буквально разорвала на части. Находившийся в нескольких метрах его ординарец Болялин был оглушен и забрызган кровью своего комэска. Командование эскадрона принял на себя командир взвода лейтенант Николай Дупак, но вскоре (10 марта) он был тяжело ранен в ногу с повреждением кости. Ранение тяжелое. Мы его вытащили при помощи Болялина из-под огня. Я перевязал ногу, наложил шину Крамера и предложил Болялину эвакуировать Дупака в Тарановку, освобожденную нашими частями. Командир полка приказал всех раненых отправить в Тарановку, там должен быть дислоцирован медсанэскадрон. Дупак взмолился: "Ефим, не отправляй в Тарановку, я чувствую себя неплохо, буду командовать остатками эскадрона, а позже, когда обстановка прояснится, отправишь меня в госпиталь". Я настаивал, он категорически отказывался выполнять приказ. Я подумал, ладно, так и быть, оставайся в своей кошовке под наблюдением Болялина и отделения управления, тем более - обстановка неясная. И 2-й, и 3-й эскадроны отходили, преследуемые противником, а командир полка Шаповалов потерял управление полком, который под натиском немцев отходил к станции Борки. В санчасти работала Фельдшер Кикина, в отступлении я увидел растерянное лицо ст. лейтенанта Подмазко, который спросил меня, как Кикина, она была его не то неофициальной, а может и официальной его женой. Я ответил: "С ранеными. На ПМП. Не беспокойся". Эскадроны откатывались к ст. Борки, где находился К.П. Шаповалов. Да, в этом бою командир полка проявил себя не с лучшей стороны: полная растерянность, потеря управления боем, разгром двух эскадронов, большие потери.

Тем временем на хуторе, который находился недалеко от дороги, ведущей к Боркам, а впереди петля, которая обходила довольно глубокий овраг, скопилось около полсотни раненых. Им всем оказывалась помощь, а эвакуировать мы не знали куда. Необходимо было не менее десятка саней для их эвакуации. От ст. врача не поступало никаких распоряжений. У меня были в распоряжении четверо пароконных саней, одноконная кошовка и две эскадронные кухни, которые отстали от своих эскадронов. Надо было решать, как быть с ранеными, за которых я отвечал. Прибежал

санитар Окунай сообщил; "Товарищ начальник, немцы!" Я выбежал из хаты и увидел колонну немцев, идущих напрямик в направлении хутора. Я принял решение: всем раненым, которые могут передвигаться, уходить в направлении Борок и как можно быстрее в сопровождении фельдшера Свердловой, Кикиной и старшины. Лежащих раненых погрузили по несколько человек на сани, кто не умещался, посадили на облучек, рядом с повозочным и погнали по дороге в Борки, Подгонять необходимости не было. В суматохе кто-то забрался на моего коня и умчался в сторону Борок. Немцы подходили все ближе и ближе к петле дороги, а я оказался один на один с приближающимися немцами. По дороге я отходить уже не мог, рискуя попасть под обстрел немцев. Оставался единственный путь - через овраг, пока не поздно. Я был в валенках, полушубке, на мне санитарная сумка, полная перевязочного материала, пистолет, немецкий трофейный "шмайсер" с тремя дисками. Быстро побежал через овраг, да не рассчитал, что он покрыт полуметровым слоем, а то и толще, рыхлым снегом. Уже не бегу, а бреду, преодолевая крутизну подъема, немцы бьют по мне из автоматов, пули свистят где-то близко, а расстояние до меня от немцев не больше 200-300 метров. Чувствую, что теряю силы и бежать нет мочи, могу лишь подгоняемый страхом попасть к немцам или быть убитым в овраге, напрягаю последние силы, задыхаюсь и, наконец, выбираюсь из оврага к дороге. Немцы уже огибают петлю и движутся к Боркам. Я весь мокрый и задыхающийся пытаюсь бежать, что удается с большим трудом и вдруг слышу - по целине несутся сани, в них сидят двое казаков, я стал махать руками, чтобы меня заметили, и они узнали меня, вывернули на дорогу, подъехали ко мне и я плюхнулся в сани, это было впереди от немцев не более полукилометра. Полным галопом помчались к станции. Это были ребята-связисты, если бы не они, мне был бы каюк. Ведь и они тоже рисковали и прекрасно понимали, что немцы совсем близко. Главное - сделано, раненые спасены и не остались у немцев. У меня было зло на ст. врача, почему он не поддерживал с ПМП связь, не давал указаний на эвакуацию, когда и куда.

Позже я понял, что в обстановке неразберихи и потерей управления боем, отходом эскадронов, штаб потерял ориентировку, а о раненых забыли, надо было срочно организовать оборону и остановить противника. На ст. Борки я разыскал своих раненых, которые уже расположились в станционном доме, там же был ст. врач. Стал оправдываться. Я понял: в нашем положении на старших надейся, а сам не плошай. Санитарная сумка, валенок были пробиты в нескольких местах, но я остался невредим. Все, кто мог держать оружие, комендантский взвод, коноводы, офицеры штаба все залегли в оборону и немцы были остановлены. Бой за Борки был жарким, немало осталось на поле боя, прибавилось раненых. Я был в боевых порядках с автоматом, так как всем приказали залечь в оборону. Наши пулеметчики и минометчики капитана Насонова здорово накрыли немцев, а их было не меньше двух рот. К вечеру бой затих, мы оставили ст. Борки и стали отходить на северо-запад. Дрались мы с отборными немецкими эсэсовскими дивизиями "Мертвая голова", "Викинг", правда, тоже потрепанными, но сохранившими часть танков. Мы мотались по харьковской области, ее северо-западным районам. Немцы за ними гонялись, мы отбивались, сплошной линии фронта не было, севернее нас действовали наши стрелковые части. В направлении Конграда (Краснограда) и Полтавы прошла наша танковая колонна. Боюсь ошибиться, но командовал ею, кажется, генерал-майор Лакеев.

Стабильного положения не было, но мы уже имели связь со штабом дивизии, а

штадив - с корпусом.

Раненых отправляли в Медсанэскадрон. Майора Шаповалова отстранили от командования полком и судили судом военного трибунала. Его обвинили в трусости, потере бдительности и приговорили к расстрелу?! Это было где-то между 8 или 15 марта 43 года.

Мы мотались, как шальные, немцы нас гоняли танками и авиацией. Сдвинут с места и преследуют танками, благо у нас танков не было, отбивались пушками и ПТР. Начинаем отходить под нажимом танков, как появляются "юнкерсы" - бомбят, обстреливают из пулеметов.

В районе населенного пункта Прасковья мне сообщили, что видели, как сани, в которых находился раненый лейтенант Дупак, попали не то под мину, не то снаряд, не то при бомбежке и его убило. Я очень горевал и переживал его гибель, тем более он не был отправлен в Тарановку, где по полученным нами сведениям раненые, отправленные туда, попали к немцам и их всех уничтожили.

Должен сделать отступление от повествования описываемых событий и вернуться вперед на 22 года. Давно закончилась Великая Отечественная война. Я закончил ВМА в Ленинграде, отслужил 10 лет в Погранвойсках на Дальневосточной границе и жил в Москве после увольнения с 1960 года. Однажды, будучи в театре на Таганке, гуляя по фойе, увидел на стене портрет, который показался мне знакомым. Подошел поближе, прочитал - директор театра Л.Н. Дупак... Вот это да! Я опешил, значит Коля жив, не погиб, как говорили. Я бегом искать директора и, поднимаясь по лестнице, столкнулся с Николаем. Я его сразу узнал, он меня вначале не узнал. Потом узнал, объятия, поцелуи, слезы... Так мы встретились через много лет. У каждого своя судьба, своя отметина. С тех пор мы неразлучны и ближе, чем родные братья.

Во время отступления, а задачу свою мы выполнили, в одной деревушке, кажется Прасковья, ст. врач А.Я. Мастренков надрался в стельку и все пытался сесть верхом на своего коня и разогнать немцев. Я его удерживал, уговаривал всячески, он же меня ругал матом, говорил, что я трушу, праздную труса и отталкивал от себя. Я занимался ранеными, когда вбежал ординарец и сказал: "Мастренков вскочил на коня и помчался в сторону передовой, где немцы при поддержке двух танков перешли в атаку. Я и ординарец вскочили на лошадей и погнались за ст. врачом, вокруг свистели и с визгом пролетали пули. Догнав его с обеих сторон, схватили под уздцы его коня, выбили из рук шашку и повернули назад к санчасти. Он был пьян, плохо соображал. С трудом мы его успокоили и уложили. Вскоре он уснул, а когда мы стали отходить, кинули его в сани и уже под натиском фрицев отошли и закрепились на других позициях, остановив немцев.

Это было днем, ко мне подъехал ст. лейтенант из военного трибунала Артасес Тер-Петросян и рассказал, что у него в кошовке под охраной казака находится приговоренный к расстрелу бывший командир полка Шаповалов и что при чрезвычайных обстоятельствах он имеет право привести приговор в исполнение. Доставить же его он должен в штаб корпуса. В этой неразберихе, когда штаб полка отходил в общей колонне с остатками подразделений, никто ничего путного сказать, тем более решить - не мог. Шаповалов сидел в санях в светлом полушубке, без ремня и не смотрел никому в глаза. Я сказал Тер-Петросяну, что расстрелять никогда не поздно, пока мы отходим, и нет чрезвычайной ситуации. Мы отходили, и во фланг нам ударила небольшая группа немцев, мы остановились, залегли и стали отстрели-

ваться. Шаповалов взял у одного казака автомат, залег с нами и тоже довольно метко вел по немцам огонь. Когда обстановка разрядилась, автомат у него забрали и отдали владельцу - казаку, который был вооружен еще карабином. Вскоре мы разъехались, и дальнейшую судьбу Шаповалова я не знал.

В 1947 году, когда я учился в Военно-медицинской Академии в Ленинграде, меня разыскал уже уволенный из армии Тер-Петросян и мы вспомнили эпизод с Шаповаловым. Он рассказал, что расстрел ему заменили штрафной ротой, где он храбро сражался, как будто был ранен, и судимость с него сняли, восстановив во всех правах, званиях и наградах. Еще позже мы узнали, что после войны он был преподавателем военного училища в Тбилиси и в 1986 или 1987 году умер. До этого несколько раз приезжал в Валуйки к дате освобождения (19/01 -43 г.) города или позже и его с почетом принимали как освободителя этого города. Еще одна встреча произошла с Арташесом Тер-Петросяном в 1988 г. в Москве. Он разыскал наш музей боевой славы и меня. Живет он в Ленинграде, на пенсии. Мы снова многое вспомнили из тех далеких, но незабываемых времен войны.

Задача, поставленная перед гвардейским корпусом, была выполнена. Мы далеко ушли на запад, оторвались от основных сил фронта и своих ближайших тылов, от полка осталось едва 3 сотни активных сабель, многие были убиты и похоронены в братских могилах по дорогам боев, немало было раненых, немного, но были пропавшие без вести. Это самое страшное и болезненное из всех потерь. Не должен, не может человек пропасть без вести, однако это было и от этого никуда не уйдешь. Сколько тысяч матерей до сих пор, пока они живы, не верят и ждут своих сыновей...

Нас выводили из боев, чтобы сохранить костяк части для будущих формирований. Однако отходили мы с боями, враг висел на хвосте, его авиация не давала покоя, а нашей было очень мало. Шла весна 1943 года, дороги были трудными. Отходили в направлении Северного Донца к городам Волчанок, Змиев, Дорога лежала через деревни и села Харьковской области. Мы отходили, стремясь идти через леса и перелески, которых в этих местах не так уж много. В районе деревень Русская Лозовая, Черкасская Лозовая нам особенно досаждала вражеская авиация "юнкеры". Они с визгом, включая сирены, пикировали на наши колонны, бомбили, обстреливали из пулеметов и пушек.

За все это время мы были свидетелями, как краснозвездный ястребок гнался за низко идущим юнкереом и сбил его. Наблюдая этот бой, мы ликовали.

При бомбежках рассредоточивались и залегали. У нас существовало правило никогда при бомбежках не метаться, а там, где тебя застала бомбежка ложиться, втиснуться в землю или какое-либо укрытие и переждать, пока бомбежка не кончится. Испытывалась своя судьба - минёт тебя взрывная волна или осколки, или же ты уже больше никогда не поднимаешься, в лучшем случае подберут раненого. В этом правиле мы неоднократно убеждались.

К нам в полк с пополнением пришел солдат, был он городской житель, цирковой артист, тяжелоатлет, работал со штангами, гирями, бросал или ловил в скольжении на затылок, шею, и выделывал различные трюки. Фамилия его была Стрельников, красавец мужчина, атлетического сложения. Нельзя сказать, чтобы он был трусом, был достаточно смел, но панически боялся бомбежки. Сколько раз мы ему внушали не метаться с места на место, а ложиться и переждать бомбежку там, где она его застала, а там уж как повезет. Вероятность поражения при этом значительно уменьшается. Он был общительный и веселый человек. Учил нас владеть бицепса-

ми, показал "вальс мышц", который многие усвоили и играли своими бицепсами. Во время бомбежки в редком лесочке, где нас накрыли вражеские самолеты, укрытий не было. Я спешил, залег и держал лошадь в поводу, она дергалась, стремясь вырваться и умчаться с этого пекла, но я ее крепко держал. Мимо проскочил Целевич, я ему крикнул: "Ложись!", - но он промчался вперед, стремясь выскочить из лесочка. В это время я заметил метущегося между деревьями Стрельникова, я ему крикнул: "Ложись, не бегай", - но он сам с ошалевшими от ужаса глазами метался, бежал то вперед, то назад, то в сторону и был накрыт разорвавшейся бомбой. После, когда самолеты отбомбились и улетели, мы подбежали к нему, он был мертв. В этой бомбежке он был единственный убитый и всего несколько раненых. Мы его похоронили недалеко от этого лесочка, около дороги...

Вышли к Северному Донцу в районе Масловой пристани и заняли оборону в районе деревни Волково. Заместителем комэска 3 был ст. лейтенант Голубев, белорус, мой земляк. Встречаясь, вспоминали родину. Я любил Лешу Голубева за его веселый нрав, покладистый характер, смелость. У него была песенка, которую он часто пел, повторяя первый куплет. Я запомнил первые слова - "Как Стешкина мать собиралась помирать и наказывала..."

В 1942 году произошел случай, к счастью счастливо закончившийся. Его ординарец чистил трофейный "Винчестер" и случайно выстрелил ему в живот. Меня вызвали в эскадрон. Голубев лежал на спине, держась за живот и стонал. По характеру ранения я был уверен, что ранение тяжелое, однако, когда я пощупал живот, он был мягкий, не напряжен, его можно было спокойно прощупать. Видно было входное отверстие от огнестрельного ранения, выходного не было. Оказывается, пуля ударилась в металлическую звезду командирского ремня, рикошетом скользнула в мягкие ткани живота, не проникнув в полость, прошла между подкожно-жировым слоем и застряла в нем. Я ее нащупал, дал ему пощупать и сказал: "Ну, Лешка, ты родился в рубашке, поднимайся, нечего валяться, можешь выпить сто грамм". Все кругом засмеялись.

Заняв деревню Волково, мы оторвались от немцев, заняли оборону на западном берегу, окопались и ждали приказа. Противник также дальше не пошел, остановился. Поступил приказ комдива произвести разведку боем, а особой группе взять языка. Группу за языком возглавил Голубев. Их ушло 6 человек. Взять языка не удалось, пришлось вступить в бой, потеряли одного человека, а Голубев получил тяжелое пулевое ранение в живот... Злая ирония судьбы. Его вынесли товарищи. Осмотрел Мастренков - все было ясно: проникающее ранение с повреждением внутренних органов брюшной полости, обильное кровотечение, коллапс. Вскоре он скончался на руках своих товарищей. Даже если бы его сразу прооперировали, вряд ли он был бы спасен, прошло слишком много времени, пока его волокли с места боя. Тело переправили на восточный берег и похоронили. Прогремел салют, еще один однополчанин остался в сырой земле.

Мы отошли под превосходящими силами. Это были свежие части противника, и поэтому необходим был "язык" для выяснения обстановки, что за свежие части, сколько их и откуда.

Несколько дней мы лежали в обороне, но были вынуждены отступить на восточный берег реки и, используя водный рубеж, задержать противника. Осталось нас совсем немного, дай бог - четвертая часть полка, а ведь уходили в рейд почти полнокровным полком.

Наш рейд сыграл большую роль в освобождении Харькова, что было отмечено в сообщении Советского информбюро... "В боях отличились кавалеристы генерала Соколова".

Теперь мы отходили в сторону Харькова, преследуемые превосходящими силами противника.

В Дергачах, который расположен между Харьковом и Белгородом, мы заняли оборону. Мне сказал ст. врач, что в полк прибыл представитель Ставки и поставил задачу, как можно дольше удерживать Дергачи, так как из Харькова должны быть эвакуированы из госпиталей раненые в направлении Белгорода и далее на восток. Дергачи - небольшой городишка, расположен в низине, вокруг холмы. Разведка доложила о скоплении на подступах к Дергачам большого количества войск противника - танков и мотопехоты. Действительно, утром мы увидели на возвышенностях колонны немцев, они не двигались, не вели огня, и в этом было что-то зловещее. Вскоре появились их разведывательные самолеты и через каких-то полчаса налетели вражеские бомбардировщики. Немцы перешли в наступление. Казаки дрались стойко. Мы несли большие потери и до вечера сумели продержаться, а с наступлением темноты стали отходить. Всех раненых отправляли в тыл. Нас осталось буквально около двухсот активных бойцов, не считая штаба и обоза.

15 марта 1943 года наши войска оставили Харьков. Это была уже вторая сдача города противнику. Позже мы узнали, что немцы перебросили из глубоких тылов, чуть ли не из Франции, 11 свежих дивизий и операцию по захвату Харькова назвали реваншем за Сталинград. В эти дни из госпиталя в полк вернулся Олег Ивановский, после тяжелого ранения, полученного в Валуйках. Его возвращение было для меня большой радостью. После его ранения мы с ним не виделись, и он подробно рассказал о всех подробностях ранения, своих мытарствах. Он буквально сбежал из госпиталя на фронт в поисках своей части. Действительно, то, что он рассказал в отношении своего ранения, уникально. Внешне он изменился мало, правда, похудел и, как мне кажется, стал выглядеть взрослее и мужественнее. Так закончилась Харьковская операция.

В марте мы расположились на отдых в большом селе Чернянка. Там мы приводили в порядок себя, отдохнули, залечивали раны, кони стали поправляться, набирать в теле. Я очень сильно привязался к своему коню "Орлику". Это был ахалтекин, выносливый, умный конь. И он ко мне привязался, понимал мои команды в управлении и, садясь в седло, мы как бы срастались в единое целое. Каждое утро я заходил в сарай, где он стоял, оглаживал, баловал сахаром или куском хлеба, посыпанного крупной солью. Утром он меня ждал и уже на подходе, еще не видя меня, тихонько ржал и бил копытом. Мой коновод его ежедневно чистил, задавал сена, овса. Я не пропускал ни одного дня, тренировал его, чтобы не застоялся, с другими офицерами устраивали скачки. К этому времени Целевич был реабилитирован и назначен начальником ПМП и, когда Мастренкова А.Я. перевели из полка на должность командира Медсанэскадрона, он стал ст. врачом полка. Ему вернули звание военврача 3-го ранга, а когда в конце 1943 года ввели петлицы - капитана медицинской службы.

У нас в санчасти была единственная девушка, военфельдшер Верочка Свердлова. По-братски мы все ее любили, за смелость, отвагу, веселый характер, одесский юмор. Предпочтения она никому не отдавала. На нее положил глаз наш ст. врач, но она его деликатно отшивала. Нам это всем импонировало и нравилось,

поднимало ее в наших глазах. Она была до безрассудности смела. Идет, бывало, бой, а она в боевых порядках наступающих, или сидит при обороне в окопчике позади эскадронов, командует санитарными инструкторами, организует эвакуацию на ПМП. Мы держали с ней связь - это был как бы передовой пункт сбора раненых, и мы старались с этого пункта эвакуировать на себя. И все же мы начали замечать, что сердце Верочки стал завоевывать Целевич. Их отношения были на глазах нашего небольшого мужского коллектива товарищескими, но нет-нет, а незаметно проскальзывает нежность в разговоре, взгляде, каком-то жесте. Самое главное, что складывалось на фронте, хотя идет война, гибнут люди, а сердца не черствеют, любовь убить невозможно. В Чернянке на отдыхе их отношения уже не были секретом ни для кого. Нам оставалось завидовать доброй, светлой завистью. Верность и стойкость девушки на фронте было важным фактором, при котором складывалось отношение других мужчин к ним. Есть один-единственный любимый, тем более оба свободны, не связаны женами или мужьями, оставшимися в тылу. Наличие в боевой семье девушки или женщины в какой-то мере дисциплинирует нас, мужчин: слышно меньше мата, каждый старается быть более подтянутым, аккуратным, смелым, как ни как никому не хочется выглядеть трусливым.

Когда Целевич находился в окружении, он жил в этих местах у одной женщины на положении работника. Названия не помню, и мы решили по его просьбе поехать разыскать это село. Ему захотелось повидать эту женщину, которая его фактически спасла.

Оседлали коней и поехали. Целевич присмотрел себе гнедую кобылку по кличке "Канада". Это была шустрая лошаденка, на скачках быстрая, злая, не любила, когда ее обгоняли и часто обходила многих участников скачек. Мы разыскали эту женщину, она обрадовалась встрече, рассказала, сколько ей пришлось пережить за мужа, которого арестовали. Вначале немцы, которым он служил, а потом, когда он бежал и вернулся домой, - арестовали наши. У нее наши забрали корову, и она с детьми бедствовала. Целевич обещал ей помочь и выправить в штабе полка справку о том, что она содействовала и помогала попавшим в окружение советским военнопленным, в частности ему. Обещал это и потом, оформив такую справку в Штабе полка, вторично ездил сам и добился, что корову вернули. Во время первой поездки Александр показал места, где его арестовали немцы, где он бежал от расстрела.

Итак, после всех мытарств он стал моим начальником. Наши отношения были товарищескими, я выполнял приказы, но он все время советовался со мной, учитывая мой опыт и авторитет у командования полка.

В апреле месяце полк своим ходом сосредоточился в Липецкой области, в районе города Мичуринска. Дивизия расположилась в районе станции Дрязги, а полк - вокруг хутора Кривка-Воронка. Там было всего 4 дома. Лес был прекрасен: густой, смешанный, чистый. Неподалеку находился небольшой городок - Грязи. Там находился наш ДОП - дивизионный обменный пункт, откуда мы снабжались фуражом и продовольствием. Мы формировались весьма основательно: получали пополнение. Старых казаков оставалось мало, правда, возвращение в свою родную часть было велико и многие всеми правдами и неправдами разыскивали свой полк и возвращались в свои подразделения. Немало приходило пополнения из маршевых батальонов, обстрелянных бывалых воинов, после госпиталей. Это о них говорили, что за одного битого трех небитых дают. Было и немало юнцов, которые в боях не были и вообще не служили. Их необходимо было учить и учить. Времени отпускалось не-

много, нас готовили к грядущим боям. В этих лесах между Воронежем и Мичуринском формировался степной фронт. Мы располагались на опушке леса в палатках, а санчасть в одном доме, где половину занимали мы, а другую - Олег Ивановский со своим ординарцем Николаем Горбуновым.

Ежедневно небольшими группами поступает пополнение. Казаков нет, и нам присылают физически крепких бойцов. Мы не пехота, а кавалерия и пополнение надо обучать верховой езде. И вот "казаки" московские, ленинградские, рязанские, пензенские и др. районов матушки-России сели на коней и не прошло и месяца, как они более или менее уверенно сидели в седлах. Занятия проводились регулярно с большой нагрузкой, хоть люди уставали, но настроение было бодрое, боевое.

Помимо конной подготовки проводились занятия по всем видам боевой и политической. Все офицеры, без исключения, должны были сдать после трехчасовых занятий зачеты по артиллерийской, минометной подготовке, вождению танка. Молодежь обкатывали в окопах, они сидели с учебными противотанковыми гранатами, на них шел танк и, когда он подходил, ложились на дно окопа, танк утюжил окоп и проходил дальше. В это время надо было быстро подняться и бросить вдогонку гранату. Обкатку проходили все без исключения, чтобы преодолеть танкобоязнь. Уж очень это неприятное ощущение, когда на тебя прет громада, даже своего танка и особенно, когда проходит над окопом...

Питание горячей пищей трижды в день было регулярным. Полевые кухни каждого эскадрона работали исправно. Мы получали продукты по ленд-лизу, главным образом американские: свиная тушенка, колбаса в банках, сало-шпик, сахар-песок и др. продукты. Работал дивизионный ПАХ - полевая автохлебопекарня, выпекающая ржаной хлеб в формах. Хлеб был кислый, не всегда хорошо пропеченный и многие страдали от изжоги. Особенно мучился я и спасался содой, хотя знал, что это не выход из положения. Что поделаешь - война, мало кто обращал внимание на свое здоровье, все отошло на второй план.

Ввиду длительной формировки и отдаленности от фронта командование дивизий и корпуса принимало меры хорошо подготовить личный состав к предстоящим боям. Однажды в полк прибыло несколько машин, которые вызвали большое любопытство и интерес наших казаков. Причиной тому были девушки в военной форме, в кубанках, молодые, красивые. Это был ППО - полевой прачечный отряд. Расположился он около небольшой речушки. Он должен был обстирать полк - белье, обмундирование и после этого переезжать в другой полк, другие подразделения. Казаки обступили девушек, предлагали свои услуги - таскать воду, напилить и наколоть дров, но больше мешали работе, желая завязать знакомство. На санчасть была возложена задача вместе с хозяйственной службой регулировать и контролировать их работу. Работа кипела, на полк отпускалось определенное время, был строгий график.

Здесь в эти дни произошло знаменательное событие. Олег Ивановский встретил знакомую девушку, которая его выхаживала после ранения в Рождествено, когда он был тяжело ранен в шею. Произошла трогательная встреча, они не сразу, но узнали друг друга. Их встреча произошла у меня в санчасти, и мы это событие отметили.

Люда рассказала: врачи определили Олега в смертники и никто не надеялся, что он останется жив. Его на всякий случай отправили в госпиталь в Россошь, а он наперекор всем прогнозам выжил, вернулся в полк и вот, эта неожиданная встреча.

Все вечера Олег проводил с Людой, обучал ее верховой езде, а потом они подолгу гуляли в лесу... Влюбился мой друг, и это было видно невооруженным взглядом. Вскоре работа ППО была закончена. Мы с благодарностью провожали девушек, зная, что не одно казачье сердце было с грустью обращено вслед отъезжавшим машинам этого уникального подразделения. Война войной, а жизнь есть жизнь и любовь, как весенняя травка, пробивается, что бы ни было вокруг нее. Как нельзя приостановить весну, так нельзя не допустить людям любить.

В мае - июне для меня лично произошли еще два знаменательных события. В декабре 1942 г. меня приняли кандидатом в члены ВКП(б), а в марте приняли в члены партии. Партбилет вручили позже, после фотографирования, уже осенью, в период боев. С тех пор всю войну и после - партийный билет был в моем левом кармане гимнастерки, который в любой, какой бы ни было сложной боевой обстановке я бережно хранил и не забывал, что я коммунист и чему меня обязывает это высокое звание, ничем никогда не запятнав его. Многие были пережиты, переоценены моральных ценностей, но честное имя коммуниста осталось дорогим и нерушимым.

Вторым событием был отпуск домой. Я получил письмо по Полевой почте, что мать сильно болеет, писала Сима. Я не знал, как быть. Обстановка военная, в любое время полк может сняться и уйти в бой. Обратился к командиру полка, но он не имел права меня отпускать без разрешения командира дивизии. Эх, решил я, что будет - то будет, пойду к генералу Суржикову. Не так-то просто попасть фельдшеру к командиру дивизии, человеку занятому сотнями забот. Помог мне адъютант комдива, лейтенант Кузнецов. Меня мог поддержать начальник политотдела полковник Василий Ефимович Нитовщиков. В дивизии сотни офицеров, но Суржиков меня помнил. Генерал меня принял после вручения ордена Красной Звезды майору Медведеву. Он был ранен, когда мы шли рейдом на Валуйки, и после госпиталя был комиссован. Перед увольнением разыскал дивизию и приехал. Мы его тепло встретили и после вручения и беседы с офицерами полка проводили на гражданскую работу - одним из секретарей Оренбургского обкома партии.

Генерал принял меня, выслушал и сказал: "Раз единственная мать больна, я вас отпускаю, даю вам 10 дней отпуска с дорогой, не опаздывайте".

Я поблагодарил и вышел из палатки, как на крыльях примчался в полк. Мне выписали проездные документы, выдали сухой паек на 10 дней - консервы, сало, сахар, концентраты, ребята подкинули деньжат, и я, напутствуемый друзьями-однополчанами, двинулся в нелегкий и далекий путь - в Оренбург, где я встретил семью.

Долго рассказывать, с какими трудностями я добирался по железной дороге до Чкалова. Известно, как ходили поезда в 43 году, особенно на восток. На четвертые сутки добрался до места. Мой приезд был полной неожиданностью и большим радостным событием. Боря уже был в армии, в лагерях недалеко от Оренбурга, Сима работала в военном госпитале медсестрой. Дома, если этот полуподвал на Форштадте по ул. Тимирязева можно назвать квартирой, застал мать в постели, она была в жару, и у нее предполагали бруцеллез - тяжелая болезнь. Правда, позже диагноз не подтвердился. Положение в городе с продовольствием было еще тяжелее, чем в 41 году. Цены на рынке фантастические, инфляция колоссальная. Карточки отоваривались нерегулярно, семья голодала. Все, что было из вещей, продано или обменено на еду. Мама получала по двум денежным аттестатам - старшего брата Иосифа и моему. Я получал, как гвардеец, полтора оклада - 1500 руб. 1000 перевел

на аттестат и брат столько же примерно, так как половину должен был перевести на жену, он был в большей должности. Мы себе почти ничего не оставляли. Деньги были нам ни к чему. Учитывалось в военкомате, что у мамы все три сына на фронте и тем не менее жить было очень трудно. Я в дороге ел впроголодь, чтобы сохранить паек для них. Встреча была тяжелой, но слезы были слезами радости.

Я мог оставаться дома не более чем на 2-3 дня и развил бурную деятельность. Местные органы власти пообещали улучшить жилищные условия, кое-что выписали и мой приезд в какой-то мере скрасил и немного улучшил условия их жизни. У меня были трофейные часики, очень красивые и дорогие. Я их подарил Симе, но она боялась их носить. По ночам в городе были грабежи. Много времени спустя, в конце 1945 года, я узнал, что сестра продала их за 10000 рублей и это их здорово поддержало. Мы с Симой съездили в лагерь, где служил Борис в ожидании отправки на фронт. Он подрос, вытянулся, возмужал. Командир роты беседовал со мной, хвалил Бориса за дисциплинированность, исполнительность, отметил, что он физическими подготовлен слабо, но старается не отставать от своих товарищей. Мы передали ему гостинцев, с которыми он поделился со своими друзьями.

Быстро пробежали дни краткого отпуска, распрощался и уехал. Кто знал, придется ли еще свидеться...

Прибыл в полк на десятые сутки. Узнал, что группа казаков под командой трех офицеров уехала в Монголию за конским составом - монголками".

Степной фронт - огромная сила, подготовленная для широких наступательных действий - была к концу лета полностью отмобилизована и готова выступить.

Командиром полка к нам был назначен подполковник Калашников. Он прибыл в полк с молодой женщиной, звали ее Мария. Мы думали, что она медик, но ошиблись. Она была все время при командире полка и никакого участия в боевой жизни полка не принимала.

В начале августа началась Смоленская операция. Перед корпусом была поставлена задача своими силами сделать прорыв в обороне противника в районе населенного пункта Церковщина, вырваться на оперативный простор и действовать продвижением на запад в направлении Смоленска.

По всей вероятности, это было тактической ошибкой, так как силы и средства кавалерийских частей недостаточны для прорыва, даже если они усилены артиллерией и танками. В данном же конкретном случае и этого не было. Кавалерийским полкам необходим простор, маневренность. Прорывать должны части прорыва - мощный танково-артиллерийский кулак. Тем не менее приказ надо было выполнять. Прорывали линию обороны другие полки. Наш должен был после прорыва развивать успех, и мы были готовы, только ждали команду - вперед. Находился полк в 1-1,5 км от передовой, повозки не распрягали, коней не расседлывали. Руководил прорывом комдив Суржиков. Свой командный пункт он расположил в непосредственной близости от наступающих частей. Ему вырыли блиндаж в 4 наката, провели связь, и с ним находилась оперативная группа, которая больше находилась в подразделениях. В блиндаже был он, его адъютант лейтенант Кузнецов и писатель, фамилии не помню.

Кузнецов, мы его ласково называли кузнечиком, обладал красивым голосом, как запоет - заслушаешься. Комдив был большим любителем старинных русских песен, особенно любил песню "Среди долины ровныя", "Окрасилось солнце багрянцем" и др.

Бой разгорелся с утра. Казаки самоотверженно дрались, как пластуны (пехота). Но все атаки успешно отбивались противником, который занимал заранее подготовленные позиции, хорошо окопавшись. Говорят, на этом участке держали оборону эсэсовцы и власовцы. Все атаки наши захлебывались. Около двенадцати часов мимо нас проскакал адъютант комдива Кузнецов. Мы спросили: "Как дела?". Он махнул рукой и помчался дальше. В это же самое время над нами появились немецкие тяжелые бомбардировщики "Хейнкель"-111, развернулись и стали бомбить передний край. Разрывы от бомб были очень сильные, взрывные волны долетали и до нас, хотя расстояние было больше километра. Когда самолеты отбомбились и улетели, до нас донесся слух, что погиб комдив Суржиков. Наступление было приостановлено, и мы вскоре узнали подробности гибели командира. Бомба не меньше полутонны попала прямо в блиндаж комдива и все, кто там был, погибли. Повезло Кузнецову, который буквально за несколько минут до бомбежки ускакал с донесением комдива в штакор. На месте блиндажа зияла огромная воронка. Весь саперный эскадрон искал тело комдива, но так и не нашел. Всю землю перерыли и нашли кубанку, искореженную шашку и мелкие части останков комдива. Все эти останки были уложены в гроб. После траурного митинга, на котором выступали замкомдива Е.Л. Коркуц, командир нашего полка Калашников, гроб в сопровождении почетного эскорта отправили в город Спасск-Деменск, где его похоронили. Позже там установлен памятник славному сыну своей Родины комдиву Михаилу Осиповичу Суржикову.

Нам приказано было подготовиться к получению новой задачи. Целевича и меня вызвали в медсанэскадрон.

В мае 43 года к нам в полк на должность начальника ПМП прислали молодого врача Льва Рабиновича. Всем он нам пришелся по душе: общительный, хорошо подготовленный врач, он умел оказать квалифицированную врачебную помощь раненым, много знал и охотно делился своими знаниями. Был он человек не трусливого десятка, но здоровьем не блистал. Он скрывал от нас, что страдает бронхиальной астмой и сидеть бы ему в каком-нибудь госпитале, а он рвался на фронт и сам напросился в кавалерию.

Отец его был ковочным кузнецом, жили они в Сибири. Он любил коней. Мы его щадили и старались уберечь от очень опасных ситуаций, но он был против этого.

На него мы оставили санчасть и вечером верхами без коноводов по лесной просеке выехали в МСЭ, там находился начсандив. Мы не знали, зачем нас вызывали. Было уже темно, пошел мелкий дождик. Лес обстреливался, и мы ускоряли движение, пришпорив коней. Внезапно над деревьями вспышка, разрыв мины и Сашка застонал, схватившись за голову. Я схватил повод его коня, и наши кони проскакали еще метров 300. Остановились. Темно. Осколок попал в лоб, немного выше височной кости, рана кровила, сознание он не терял. Я быстро двумя индпакетами наложил тугую давящую повязку и так мы прибыли в МСЭ, хирурги, все наши знакомые, осмотрели рану, кость цела, повреждены мягкие ткани виска и надбровия. Ему дали выпить грамм 200 разведенного спирта и он сказал: "Это пустяк, могу остаться в строю". Стал неестественно весел, хохотал, но иного мнения были хирурги и оставили его в МСЭ. Я, получив задание, утром выехал в полк.

Должность ст. врача осталась вакантной. Командир полка назначил врио ст. врача Рабиновича, но он не имел опыта, и фактически все вопросы мы решали вместе.

Так неудачно закончилась эта операция для нашей дивизии.

Нас отвели с этого участка, северо-западнее и поставили задачу по лесистой местности, где не было сплошной линии обороны у немцев, прорваться в тыл, оторваться от противника и действовать на коммуникациях, линиях связи, связаться с партизанами и драться до подхода основных сил. Ночью полк сосредоточился в большом лесу, в темноте вспыхивали ракеты, то слева, то справа, то впереди. Немцы давали о себе знать, периодически ведя пулеметно-автоматный огонь.

Полк скопился, эскадроны перемешались и в это время мы услышали шипенье "скрипаля", так мы окрестили немецкий шестиствольный миномет. Немцы прозвали его "Ванюшей". Залп прошелся, если не по скоплению, то все же некоторые мины попали в цель. Что здесь началось! Кони срывались с мест, дышла и подводы застревали между деревьями, темень, хоть глаз коли, ржание коней, стоны и крики раненых. К счастью, больше налетов не было. К рассвету более или менее разобрались, привели себя в порядок, оказали помощь раненым, отправили их в тыл. При этом обстреле был контужен лейтенант Миша Богданов. В тыл эвакуироваться отказался, и нам с большим трудом удалось отправить его в МСЭ.

В полк прибыл представитель не то из штадива, не то из штакора - фамилии не помню, не то Емелин, не то Амелин. Ругался, нас, медиков, назвал "корреспондентами". Мы все еще не могли прийти в себя после гибели комдива, ранения Целевича, ночного налета "Ванюш" и, действительно, были в какой-то растерянности. Санчасть двинулась за полком по большой лесной просеке, затем эскадроны, преодолевая лесные завалы, пошли по разным просекам. Я находился со штабом, вел колонну Рабинович. Как он потом рассказывал, они попали в переплет. У нас был крытый пароконный фургон "Испанка". В нем можно было разместить двое носилок с ранеными и четырех сидячих. Управлял фургоном повозочный Мурсалимов, пожилой, очень спокойный человек. На облучке с ним сидел Рабинович. Где-то они сбились с правильного направления и ехали в сторону, где слышались выстрелы. Внезапно буквально в 200-300 метрах наткнулись на вражескую засаду, по ним открыли огонь из автоматов. Мурсалимов не растерялся, надо было разворачиваться в обратную сторону. Шедшие позади подводы быстро развернулись и помчались вскачь и необходимо было большое мастерство и выдержка ездового, чтобы на просеке развернуть эту злосчастную колымагу и Мурсалимов справился с этим. Рабинович рассказал, с каким спокойствием ездовой действовал. Брезент испанки был пробит в нескольких местах, но никто не пострадал. Прорыв полка в этом районе также не удался, и нас отвели в резерв. На марше нас бомбили "мессера", кидали "чемоданы" - это контейнеры, наполненные мелкими бомбами, при сбрасывании с самолета контейнер раскрывался и бомбы, рассыпавшись, падали на цель. От этих бомбежек страдали такие цели, как кавалерийские колонны и пехота. Надо было быстро сосредоточиться по большой площади, но не всегда это удавалось. При очередной бомбежке я был слегка контужен: в ушах звенело, я плохо слышал, но остался в строю. Вскоре эти явления прошли и небольшой шум в голове напоминал о бомбежке. Стоило ли обращать внимание на такие пустяки? Мы двигались в Белоруссию северо-западной, обгоняя части пехоты и танков, которые уже здесь прошли.

Начало осени 1943 года. Пришли в соприкосновение с противником. На Смоленском направлении против нас были брошены отборные немецкие дивизии. Бесперывно шли дожди, дороги размыло, непролазная грязь, техника застревала. Кавалерия должна была проявить свои свойства - пройти по любым дорогам и даже по целине.

Запомнилась деревня с неприятным названием Могильная, расположенная в болотистой местности, наполовину сожженная и разрушенная, в воздухе стоял устойчивый трупный запах, от которого тошнило. Полк остановился по обочинам дороги, от дороги лежали небольшие грязные болотца, между ними небольшие участки сухой земли. На них расположились люди, чтобы немного передохнуть, закусить. Деревня обстреливалась противником, мы должны были наступать. Бои были изнурительные, затяжные, в воздухе господствовала вражеская авиация.

Нас обстреляли из крупных минометов 121 мм. Был тяжело ранен лейтенант Аскеров. Крупным осколком, который прошел по переносице, повредил оба глаза, трудно было определить, но, вероятнее всего, осколок их выбил, он ничего не видел. Когда пришел в себя после ранения говорил: "Ничего не вижу, сплошная темень, я ослеп..." Я его перевязал и с другими ранеными его эвакуировали в МСЭ. Так я и не узнал его дальнейшей судьбы. В эти дни настроение и моральное состояние людей здорово упало. Непрерывные, безуспешные бои, большие потери, да погода ужасно действовала, все одно к одному. Мы узнали, что назначен новый командир дивизии - полковник Павлов, но мы его еще не видели.

В своем наступлении мы должны были выйти на Белорусские земли в направлении Монастырщины, Мстиславля, местечка Татарское.

С боями надо было, овладев селом Старые Луки, форсировать реку Хмара и двигаться дальше. На подходе к реке полк встретил сильно укрепленные позиции противника и форсировать ее с ходу не удалось. Эскадроны заняли оборону по восточному берегу, окопались и пошли длительные бои. Нам противостояли власовцы.

Раненых днем эвакуировать было невозможно из-за риска быть прицельно обстрелянными с противоположного берега. В нескольких километрах от передовой мы отрыли землянки, покрыли в несколько накатов, обустроили внутри нары, посредине стол, скамьи из тесаных бревен, сделали из гильз светильники, одним словом создали элементарные условия для обработки раненых.

Вокруг лесисто-болотистая местность, проселочная дорога, по которой мы общались со штабом.

Не помню, по каким причинам командира полка откомандировали в другую часть. Он как-то незаметно убыл из полка со своей Марией. Временно полком командовал не то заместитель по строевой части подполковник Мельников или начальник штаба майор Денисов.

Осенние бои не складывались в нашу пользу. В это время разнесся слух - прибыл новый командир полка, майор по званию. Сообщение немаловажное, да и событие для всех первостепенное. Оно вызвало много разговоров и суждений. Это было не праздное любопытство, так как никому не безразлично, кто будет нами командовать, вести в бой, тем более период командования Калашникова был неудачным, боевой дух пал. Все думали, каков новый командир полка, что за человек, имеет ли опыт командования кавалерийским полком, умен ли, смел ли, справедлив и другие качества.

Около штабной землянки собрались офицеры штаба и других подразделений, кроме тех, которые находились в обороне. Говорят, первое впечатление имеет большое значение, хотя люди познаются по их делам. Это было первое знакомство с майором Василием Федоровичем Симбуховским. Выше среднего роста, смуглый, с правильными чертами лица, орлиным носом, с небольшой горбинкой и острым пронзительным взглядом. Особенно выразительны были глаза, взгляд суровый. Сухопар,

подтянут, в его фигуре чувствовалась сила и уверенность. На вид ему можно было дать 30-34 года. Мне он показался злым, и очень строгим. За время короткого знакомства он ни разу не улыбнулся.

Выступление и речь командира была краткой и конкретной, довольно яркой и образной. Чувствовалось, что он уже успел ознакомиться с общей обстановкой, назвал по фамилии некоторых офицеров, указал на некоторые недочеты, которые успел заметить. Дал понять, отныне этому должен быть положен конец. Подводя итоги сказал, что главное - это высокая воинская дисциплина, основанная на сознании и моральном состоянии воинов полка. Самые жесткие требования будут предъявлены командирам и начальникам, нет плохих солдат, бывают плохие командиры. Вопросов не было. Мы молча разошлись.

Ему подвели коня, он легко вскочил в седло, и, глядя на его безукоризненную посадку, поняли - перед нами настоящий кавалерист.

Вид у многих офицеров желал лучшего, и все поняли, что так дальше не пойдет, надо приводить себя в порядок.

В течение нескольких часов командир полка ползком, иначе нельзя было, облазил все эскадроны, лежащие в обороне и вернулся весь измазанный в земле и глине. Был вечер, накрапывал дождь, эскадроны лежали в мокрых и грязных окопах. Мы отправили всех раненых и, сидя в землянке, обсуждали события дня, высказывали свое мнение, обменивались впечатлениями.

Мы продолжали находиться в обороне. Симбуховский берег людей и форсировать Хмару приказа не отдавал. Оценив обстановку, он понял, что это приведет к ненужным потерям, о чем доложил в штаб дивизии комдиву Павлову.

В эти дни произошло еще одно событие. К нам был назначен ст. врач полка и мне приказано было поехать в штаб дивизии и привезти его в полк. Штадив располагался в 8 км в деревне. Я оседлал своего коня, взял заводного для нового своего начальника и без ординарца поехал за ст. врачом. Это было не то в середине, не то в конце сентября. В санотделе мне представили капитана медицинской службы Александра Александровича Ключарева.

Он окончил Военно-медицинскую Академию им. С.М. Кирова, которая была эвакуирована из Ленинграда в Самарканд. Познакомились. Он был в короткой шинельке, пилотке и все его имущество было в тощем вещевом мешке. Я спросил, умеет ли он ездить на лошади. "Никогда не приходилось, я городской житель". Я ему объяснил самые необходимые, элементарные правила, подогнал стремяна, помог забраться на "Пушку" - кличка очень спокойной, ленивой кобылы, и мы поехали. Я забыл, что в седле новичок и он затрясся в седле, как мешок с опилками. Минут через пять, пока мы шли легкой рысцой, он попросил: "Ради бога, не гоните рысью, я больше не могу, давайте поедем шагом". До самого расположения части мы ехали шагом. На ПМП он познакомился со всеми фельдшерами, санитарными инструкторами, привел себя в порядок, и мы пошли доложить в штаб командиру полка. Я остался снаружи командирской палатки. Доклад был короткий. Он заметил Ключареву, что тоже прибыл из военной Академии. Приказал ознакомиться с личным составом, войти в курс дел и предупредил, что будет неукоснительно требовать быстрой, своевременной помощи раненым и эвакуации их в тыл.

Александр Ключарев рассказал нам о себе. Сам из Ленинграда (Гатчино...), родился в Воронеже. Отец - профессор, преподавал в Белорусской сельскохозяйственной Академии в Горках, мать педагог. В подробности не вдавался. Более по-

дробно о себе он рассказал позже. Чувствовалась в нем интеллигентность, начитанность, хорошая врачебная теоретическая подготовка. Он, естественно, не имел практического опыта и еще не нюхал пороха. Ключарев оказался дельным и толковым человеком, быстро вошел в курс своих обязанностей, и мы постепенно подружались, как товарищи и боевые друзья.

Через несколько дней, после прибытия Симбуховского меня вызвали в штаб полка, находившийся в палатке, замаскированной среди деревьев. Я доложил о своем прибытии. Командир полка приказал мне пробраться в 3 эскадрон капитана Быстровского Николая Григорьевича, оказать помощь раненым, которых невозможно было эвакуировать в тыл. Показал по карте, как пройти, на месте продумать, как можно их эвакуировать и доложить через 2-3 часа. Я оробел, так как должен был пробраться в эскадрон, фактически находившийся в окружении. Но приказ есть приказ и его надо выполнять.

Взял своего ординарца, полную санитарную сумку и автоматы, и мы в темноте, под крапывающий дождик пошли выполнять задание. Больше часа мы кружились по лесу, ориентируясь по вспышкам выстрелов, и везде наткнулись на немцев. Пошел хороший дождь, лес простреливался, мы вымокли, вымазались в грязи и, не выполнив задания, вернулись на командный пункт. Когда командир полка услышал мой доклад начальнику штаба, он, не обращая ни к кому, произнес: "Кавалер двух орденов, боевой офицер, а задание не выполнил" и больше ни слова. Как плетью, меня хлестнули эти слова, и я ничего, не ответив, ушел, решив во что бы то ни стало задание выполнить. Я понял, что командиру неправильно доложили дислокацию эскадрона и меня фактически послали на гибель. Сориентировали с ПНШ еще раз обстановку и оказалось, не там мы с ординарцем пробирались, могли зазря погибнуть или попасть к немцам. Мы пошли совсем другим путем. Ползли по пластунски, пока не нашли брешь, небольшой промежуток по овражку, где был разрыв в обороне немцев и проползли, как говорится, под самым носом у фрицев. Через час мы были уже в эскадроне, занимавшем круговую оборону, едва не попав под пули своих же казаков, принявших нас за немцев. Пришлось подать голос. В эскадроне были убитые и человек 12 раненых, которым санитарный инструктор оказал помощь, перевязал, некоторым наложил импровизированные шины. Все раненые были укрыты в окопах. В это время немцы пошли в наступление, и нам пришлось со своими автоматами подключиться к отражению атаки. Она была довольно быстро отбита. Когда немцы были отбиты, наши стали вести огонь по одному из флангов соседнего участка. Мы воспользовались этим и тем же путем с ранеными, которые могли передвигаться, по овражку выбрались к своим. Кто шел, кто не мог - полз, трех раненых мы волочили на плащ-палатках. К четверем утра мы добрались до санчасти. Я пошел докладывать. Дежурный офицер сказал: "Комполка отдыхает, доложите утром". Но в это время раздался голос Симбуховского: "Нет, нет, я не сплю, жду Вас". Вероятно, он волновался и переживал, как я об этом узнал много позже. Он вышел из палатки, я доложил о выполнении приказа, он протянул мне руку, пожал, сказал: "Молодец! Можете идти!".

Я ушел, ноги подкашивались, я едва стоял, но на душе было легко. Вот так мы впервые познакомились с Василием Федоровичем. Много понял я в ту дождливую ночь и запомнилась она мне надолго. Как позже выяснилось, первая моя попытка не удалась не по моей вине. Штабники неправильно сориентировали направление, о чем позже узнал Симбуховский и, будучи человеком честным и бескомпромиссным,

сам мне об этом рассказал.

На реке Хмара продолжались позиционные бои, форсировать больше не пытались, потерь почти не было, в день 3-4 раненых, но эвакуировать их можно было только в темное время. У нас была хорошо оборудованная землянка, где можно было спокойно обрабатывать раненых и эвакуировать в тыл.

Недалеко от землянки проходила хорошая, проселочная дорога, шла она параллельно передовой, в 2-3 км от нее. В очередной вечер, когда стемнело, я с двумя подводами собирался за ранеными. Запрягли коней, уселись на повозки и поехали. Отъехали не больше 50 метров, я вспомнил, что оставил в землянке кисет с махоркой и кресало. Остановились, я побежал взял кисет, мы поехали. Внезапно начался артобстрел дороги, мы остановились, впереди в 100-150 метрах прямо на дороге перед нами разорвались три снаряда, кони рванулись вправо в кустарник, мы вылетели с повозок, которые перевернулись. Обстрел прекратился. Поставили повозки на колеса, нашли коней, сорвавшихся и застрявших в кустарнике, и поехали к передовой. Чисто случайное стечение обстоятельств сохранило нам жизнь. Я понял - не задержись я из-за кисета на какие-то 1-2 минуты, мы прямо попали бы под эти три снаряда.

Погода немного улучшилась, было пасмурно, но дождя уже не было. Днем командир полка вызвал Ключарева в штаб полка. Я пошел с ним, в санчасти остался Рабинович. На командном пункте сидел ст. лейтенант Тузанов, держался за голову, стонал, и мы подумали, не ранен ли он или контужен. Командир полка обратился к нам: "Обследуйте ст. лейтенанта, говорит, что заболел и у него "разрывается" голова. Мы его осмотрели, послушали, проверили, как могли в тех условиях, и убедились, что ничего у него нет такого, чтобы проявлялись какие-то симптомы болезни. Мы оба пришли к единому мнению, что это симуляция или в крайнем случае агровация. Доложили Симбуховскому. С командования эскадрона Тузанова уже отстранили, и он был при штабе для разных поручений. Многие офицеры заметили, что он трус и все время при обстрелах или других сложных обстоятельствах бледнеет, что-то шепчет на своем языке. Вся спесь и щеголеватость с него слетела. Нам командир полка сказал, что он сам догадывался о трусости Тузанова и нам заявил: "Трусом лечат опасностью, я pošлю его на передовую". Я вспомнил, как Тузанов прибыл в полк, как хотел расстреливать пленных итальянцев, идущих сдаваться в плен, и каким жалким он выглядел сейчас. Не знаю его дальнейшей судьбы, но вскоре его откомандировали из полка.

Забегая вперед на много лет, я узнал, что Целевич разыскал его в 1979 году в Кисловодске, где он был объявлен чуть ли не национальным героем. В местном музее ему отвели целый раздел. Во время праздничных демонстраций он шел впереди колонн ветеранов со своей шашкой в черкеске и командовал фронтовиками, участниками войны. В 1982 году я его разыскал в Кисловодске, работал он в школе военрук, шли занятия и на перемене его вызвали в школьный двор. Я к нему обратился: "Здравствуй, Жора", но он уставился на меня и заявил, что не знает меня и не помнит?!! Я буквально был ошеломлен и не мог поверить своим ушам, но он твердил, что не знает меня, и никакие мои напоминания, эпизоды, примеры не действовали на него. Со мной был мой товарищ, однокашник по Академии Борис Иванович Досычев и бывший врач "Скорой" в Москве Борис Николаевич Шатерник. Они были страшно удивлены и не верили своим ушам, так как я им до встречи рассказал о Тузанове, и они его помнили по праздничным демонстрациям.

Я понял, он боялся разоблачений периода войны, где показал себя не с лучшей стороны. Говорят, что он уже умер, и о нем не хочется вспоминать.

Шло время, боевая страда сменялась недолгими передышками для приведения людей, коней и боевой техники в порядок. После прихода Симбуховского полк заметно подтянулся, улучшилась дисциплина, внешний вид воинов. Сам Симбуховский был примером в этом как для офицеров, так и для рядовых. Мы никогда не видели его, чтобы он был не выбрит, сапоги блестящие. Ходил он в кубанке, которую как-то по-особому заламывал, и темном ватнике, подпоясанный командирским ремнем со звездой, вокруг шеи казачий красного цвета башлык. Он не терпел неопрятных офицеров, строго отчитывал и даже наказывал.

Полк буквально преобразился с приходом Василия Федоровича. С каждым днем его авторитет рос, и мы понимали, что полку повезло с таким командиром. Его отношение к людям было каким-то особым, отцовским, теплым, человеческим.

О полке стали говорить в дивизии, приводили в пример. Полку ставили наиболее трудные и сложные боевые задачи, с которыми он с честью справлялся.

Форсировать Хмару не удалось, и мы начали готовиться к смене позиций. В последний день был убит командир взвода ст. лейтенант Радько, он был из новичков.

В октябре нам была поставлена задача: позиции передать пехоте, маршем выйти на территорию Белоруссии и сосредоточиться в районе деревни Ленино, где должны были взаимодействовать с 1-й польской дивизией имени Тадеуша Костюшко под командованием генерала Зигизмунда Берлинга.

Выступили маршем, полк шел головным в авангарде дивизии. Сосредоточились по указанному плану, замаскировали полк в лесу и кустарнике вокруг леса. Отрыли аппарели для лошадей, поставили палатку и развернули свой ПМП. Недалеко от нас в деревне располагался медсанбат стрелковой дивизии.

Замысел командования состоял в том, чтобы сформированная в районе гор. Иваново 1-я польская дивизия, в которую вошли в основном поляки, оснащенная боевой техникой, полнокровная, сделала прорыв в линии обороны немцев, а наша дивизия вошла в прорыв, вышла на оперативный простор и действовала против частей, расположенных в гарнизонах, громила их и коммуникации до подхода основных сил. Этот план имел большое военно-тактическое значение и, главным образом, значение политическое.

Польская дивизия вступала в бой впервые, для нее это было первое боевое крещение, тем более недалеко было и до польской границы. Польское государство и его народ стонали под гнетом фашистской Германии. Многострадальная земля ждала своего освобождения.

Фашистское командование придавало вступлению в бой польской дивизии, понимая, какое это будет иметь вдохновляющее значение для польского народа, и решило во что бы то ни стало сорвать это наступление. Из глубины немцы подтянули на этом участке большие силы пехоты, танков и особенно много авиации. Дивизия пошла в наступление, мы были готовы войти в прорыв. Поляки вступили в бой, но встретили яростное сопротивление противника. Особенно неистовствовала вражеская авиация. Над наступающей дивизией беспрерывно висели в воздухе бомбардировщики, одна волна, отбомбившись, улетала и на смену ей прилетала следующая, полки польской дивизии несли большие потери, дрались героически и самоотверженно, неоднократно поднимались, переходя в атаки, которые отбивались немцами, построившими глубоко эшелонированную оборону. И все же польские пол-

ки, взаимодействуя с нашими частями на левом фланге, вклинились в немецкую оборону западнее Ленино и, отбивая контратаки, удерживали захваченные позиции.

Особенно ожесточенные бои происходили 12 и 13 октября в районе высоты 215,5 и села Тригубово.

Несмотря на героизм польских и советских воинов, глубокий прорыв не удался. Бой под Ленино стал первым этапом в освободительной борьбе польского народа за освобождение от немецкого ига, символом боевого содружества, где родилась братская связь советских и польских воинов.

День 12 октября отмечается в Польше как День Войска Польского. Для участников этих боев учреждена особая медаль.

В дни боев произошло одно маленькое событие. Исчезла лошадь командира дивизии генерала Берлинга. Его коновод ходил и прямо плакал. Известно, что среди кавалеристов бытует конокрадство. Симбуховский приказал: "Коня найти!" В одном из полков его обнаружили и вернули. Это был красавец, арабской крови скакун.

Второе событие. Верочки Свердловой уже не было в полку. Вскоре после ранения Целевича ее по состоянию здоровья откомандировали в тыл, и у нас была свободная штатная должность фельдшера. Из стоявшего рядом медсанбата к нам приходила девушка-фельдшер в звании старшины - санитарного инструктора, просила разрешения нелегально перейти в ПМП нашего полка. Жаловалась на замкомбата по хозяйственной части, который донимал ее своими приставаниями, требовал спирт.

Я пошел на авантюру на свой страх и риск перед самым нашим перемещением на другой участок фронта: взял ее нелегально в санчасть, Знали только Ключарев, я, Рабинович, которые меня предупреждали не делать этого, а я рассчитывал, что командир полка, поставленный перед фактом, разрешит. Несколько дней мы ее скрывали от посторонних глаз, но до Симбуховского дошли слухи - в санчасти "баба". Он меня вызвал, отругал, поговорил с девушкой, она его упрашивала, плакала, но Василий Федорович был неумолим и ее откомандировали в штаб корпуса. Она была рада, что не вернули в ее медсанбат. Мне было стыдно за свою опрометчивость и мальчишество. Шла война и такие случаи бывали и в других частях. Больше я ее не встречал.

Наш начальник ПМП Лев Рабинович встретил среди врачей своего знакомого, с которым учился в медицинском институте. Он рассказал, что в польской дивизии были и русские, и евреи, выходцы из Польши с польскими фамилиями.

После неудачного прорыва в районе Ленино нас отвели на короткий отдых в Смоленскую область, недалеко от Малоярославца. Полк был расквартирован в деревне Иванов стан. Заканчивался октябрь месяц, приближалась зима 1944 года. В конце 1943 года в армии были введены погоны и проведена переаттестация офицерских званий. Мне было присвоено звание гвардии ст. лейтенанта медицинской службы. В этом звании я и закончил войну. Мне повезло, так как мне дали звание, соответствующее званию ст. военфельдшер, другим давали на ранг ниже.

У нас в полку служил племянник А.И. Микояна - Акоп Арамович Микоян. Был он в звания старшины в хозяйственном взводе, где проявил незаурядные хозяйственные способности. В штабе полка ощущался большой дефицит канцелярских принадлежностей - бумаги, копирки, карандашей, ластиков и т.п. Накануне ноябрьских праздников он подошел ко мне я завел такой разговор: "Товарищ гвардии старший лейтенант, пойдите к командиру полка и уговорите его дать мне и вам краткосроч-

ный отпуск в Москву. Скажите, что я обращусь к своему родственнику авиаконструктору Микояну Артему Ивановичу и он даст нам для штаба бумагу и т.п. принадлежности". Говорил он по-русски плохо и не совсем понятно. Я загорелся этой идеей, ведь в Москве находился мой брат художник Лев Ильич Аронов и кузина Пава Григорьевна Туртыгина - композитор с матерью - моей родной теткой и внучкой Сусанной. Тетке Александре родной сестре моей матери, тогда было уже за 80 лет. Мне очень хотелось повидаться с ними и тем более несколько дней погостить в столице. Так как предстояло находиться на отдыхе больше двух недель, командир полка согласился нас отпустить ровно на одну неделю, строго предупредив, чтобы мы не опаздывали и обязательно разжились для штаба бумагой и всем другим, что возможно.

Получив: командировочные документы, мы на попутных добрались до Москвы, попутным транспортом на перекладных, и сразу же поехали к кузине Паве. Жили они на 3-й Миусской в доме для композиторов. Занимали они большую 3-комнатную квартиру, временно, кого-то из композиторов, эвакуировавшихся на восток. Приехали мы в Москву 6 ноября. Нас тепло встретили, мы за долгие месяцы искупались в ванне и попали на ноябрьские праздники. Вечером 7 ноября на квартире собрались друзья Павы - композиторы Бакалов, Степанов и другие, несколько генералов авиаторов и полковников. Было вино, водка, всякая закуска, которую принесли гости. Нас, фронтовиков, гости приняли сдержанно, но во всяком случае приветливо. Я был всего лишь гвардии ст. лейтенантом, Микоян - старшиной. Мы чувствовали себя немного скованно при высоких чинах, увешанных многими высокими орденами, не чета моим скромным двум звездам и медали "За боевые заслуги". Зато на груди сверкал знак "Гвардия" и знаки 3-х легких ранений, три красные ленточки.

Здесь, в Москве, тетя Саша рассказала мне о родословной семьи моей матери, начиная с начала 18 века.

Пава познакомила меня с композитором Арамом Хачатуряном.

7 ноября Москва салютовала освобождению столицы Украины - Киева. Это мы видели впервые и впечатление было огромное.

На следующий день мы с Акопом поехали к авиаконструктору Артему Ивановичу Микояну. Дома его не застали, он находился в КБ. Его жена встретила нас весьма холодно и сдержанно, сказала: "Если имеете желание, подождите, но не забывайте, что действует комендантский час". Намек мы поняли, во всяком случае я, но до Акопа это не очень дошло. Я предложил Акопу уйти, но он уперся и уходить не хотел. Около 9 часов вечера приехал Микоян. Акопа он встретил довольно приветливо, я представился. Нас посадили за стол, угощали армянским вином и каким-то очень вкусным сыром, не помню его названия. Они говорили по-армянски и по-русски. Акоп рассказал о цели приезда без всяких церемоний, и дядя обещал помочь. Дал адрес, куда Акоп должен приехать к нему на работу. Было уже поздно, и Артем Иванович вызвал машину, которая отвезла нас с дома на Софийской набережной домой к моей кузине Паве.

Артем Иванович произвел на меня большое впечатление, как человек высококультурный и добрый. Прошло много лет и проходя мимо дома на набережной Москвы-реки с благодарностью вспоминаю благородный образ Артема Ивановича Микояна. На этом доме установлена мемориальная доска. 9 ноября мы с Акопом поехали и нам от имени дяди передали целый мешок - и бумаги, и блокноты, копирки, кальки, карандаши, скрепки, кнопки, ластик.

Повидался с братом, он вернулся из эвакуации, оставив семью на Урале. Страдал он тяжелой язвенной болезнью желудка, был бледен, исхудал, тем более питание было скудным, а хлеб черный и очень кислый. Рассказал, как пошел в начале войны в народное ополчение, проходил военную подготовку, но сильно заболел и был отпущен на лечение. Вскоре он с семьей уехал в эвакуацию. Ничем я не мог помочь брату, но оба были рады встрече.

Сусанна занималась в Литературном институте им. Горького. Я был на вечере студентов, где мне очень понравилось.

10 ноября мы распрощались с моими родственниками и на попутных 12 ноября прибыли в полк. Пошли оба к Василию Федоровичу, доложили о прибытии и передали весь мешок с "трофеями". Получили благодарность и одобрение нашей командировке.

Ключарев обратился к Василию Федоровичу с просьбой дать ему краткосрочный отпуск к матери, вернувшейся из эвакуации, и он ему разрешил. Вернулся Александр вместе с начальником связи гвардии ст. лейтенантом Мукерией, который ездил в командировку, и привезли с собой девицу в звании рядовой по имени Маргарита или просто Рита, как она представилась. Фамилия, кажется, Скачкова, из Москвы. Внешность довольно симпатичная, даже красивая, но было в ней что-то вульгарное. Семья ее жила на Беговой улице, недалеко от ипподрома. Ее определили к нам в санчасть для выполнения разных работ, главным образом помогать в оказании помощи раненым, кормить, ухаживать до эвакуации в МСЭ.

Начало Луцко-Ровенской операции - январь-февраль 1944 года.

До конца ноября мы простояли в Смоленской области. Пополнялись личным составом, вооружением, приводили полк в достойный вид после всех боев и потерь. Необходимо было переходить с повозок с колесного транспорта на сани, начались снега. В то же время телеги нельзя было бросать, так как погоды могли быть изменчивы. Мы использовали и те, и другие средства, тем более движение началось на запад, где зима более мягкая.

После неудачного прорыва в районе Ленино командование решило направить 6 гвардейский кавкорпус в фланговый обход через Белорусское Полесье в Украинское Полесье в район Сарненских лесов, в направлении важных в стратегическом отношении городов Западной Украины - Ровно, Луцка, Ковеля.

Сплошной линии обороны у противника на пути движения корпуса не было, фронт состоял из отдельных укрепленных узлов обороны. Немцы надеялись на труднопроходимую лесисто-болотистую местность. Декабрь проходил в движении полка на запад, стараясь не ввязываться в бои с противником, предпочитая обходить укрепленные населенные пункты немцев. Чаще всего это удавалось, хотя стычки с противником и были. Шли больше ночами, днем маскировались в лесах, благо шли мы по югу Белорусского Полесья, где по данным разведки немцев не было.

Мы стояли в большом селе, была остановка на 1-2 дня, надо было подтянуть тылы. В это время прибыл "ремонт", вернее пополнение конского состава из Монголии. Это были полудикие животные, которых надо было приручить к человеку, обучить ходить под седлом и в упряжках. Удавалось это с большим трудом. Их везли в вагонах по железной дороге. Ездившие за ними казаки рассказывали, каких трудностей пришлось им перенести, особенно при погрузке в вагоны. Они упирались не хотели подниматься по мосткам, брыкались, пытались бить задними копытами по ногам казаков. Некоторым, особенно норовистым, пришлось на голову накидывать мешки.

Им подносили брезентовые ведра с водой, а они их мордами опрокидывали, даже овса боялись, правда сено ели хорошо. Кое-как с горем пополам за время дороги их понемногу приручили. Это были в основном малорослые (низкорослые) лошадки, с короткой шеей и маленькой головкой, злыми глазами и стройными ногами. Физически сильные, непритязательные в пище, чему их приучили суровые монгольские степи. Осваивать их пришлось на марше, что стоило больших трудов. Многие казаки были травмированы и ругали их, как умеют выражаться солдаты.

В одном из эскадронов укомплектовали четверкой монголок пулеметную тачанку на санной платформе. Ездовой был опытным, казаком, и все же они сорвались, в диком галопе умчались в лес и в лесу, упершись дышлом в дерево, остановились и были возвращены в эскадрон. И все же постепенно с другими нашими лошадками их приучили и под седлом ходить, и в упряжках. Хорошо, если казак был невысокого роста, еще куда ни шло, стремяна были от земли не очень низко, а если высокого, до земли было не больше 25-30 см, что вызывало смех и выглядело весьма смешно. Когда было трудно с кормами, они своими копытами "стаканчиками" добывали какие-то кочерыжки, ели снятую с крыш, лежалую солому. Постепенно, медленно, но человеку подчинились и привыкли.

х х
 х

Товарищ подполковник, по Вашему приказанию гвардии старший лейтенант медицинской службы Аронов прибыл.

Здравствуйтесь, старший лейтенант.

Здравия желаю, товарищ подполковник.

Карта с собой?

Так точно.

Достаньте, подождите к столу.

Я развернул двухверстку района наших предстоящих операций и приготовился к получению приказа.

- Вы назначаетесь старшим группы квартирьеров и сегодня же во главе этой группы в 10-00 следуйте в район населенного пункта Барсуки. Маршрут отметьте по карте, пойдете через следующие населенные пункты...

Был декабрь месяц, стояли небольшие, но довольно устойчивые морозы в 12-15° ниже нуля. Зима выдалась снежная. Мы шли походным маршем через украинское Полесье и наш маршрут лежал через лесисто-болотистую местность, через украинские деревни и села, где немцев не было.

Тактический замысел состоял в том, чтобы фланговым маневром, обходя гарнизоны противника, прорваться (сплошной линии обороны у немцев не было) в район на подступы к гор. Ровно, важному стратегическому центру Западной Украины, Не вступая в бой, оставляя позади себя вражеские гарнизоны, выйти в район Клевани, и повести наступление на город Ровно. В истории Великой Отечественной войны это была так называемая Луцко-Ровенская операция.

Квартирьерская разведка - это ответственная задача, целью которой является выйти в район намеченной дислокации части, разведать состояние района - санитарное, ветеринарное, возможность размещения полка на дневку, т.е. на сутки, а то и дольше, в зависимости от общей обстановки и плана маршрута части с выходом на исходные позиции сосредоточения. В группу квартирьеров входят несколько офицеров и от каждого подразделения полка - эскадрона, батарея и т.п. по 2 пред-

ставителя, чтобы до подхода полка разметить расположение своих подразделений, где, кто будет находиться. Встречая после выполнения этой задачи свой эскадрон, - показывает, где, кто будет размещен, в каких домах или других постройках. После марша люди и кони нуждаются в отдыхе и подготовке к следующему этапу (отрезку) марша.

Я отметил по карте маршрут движения полка и стал собираться. Было около 10 часов утра. Мысленно представил свою задачу: найти помещение для штаба, где расположить эскадроны и батареи. По разведанным, немцы из этого района ушли на северо-запад, деревни не разрушены и не сожжены. Надо было пройти расстояние в 35-40 км. Группа квартирьеров состояла из 36 человек при полном вооружении каждого всадника. Я ехал во главе колонны, рядом со мной был ветфельдшер Коперский, мл. лейтенант, фамилию его уже не помню. Мы шли форсированным маршем, чтобы к вечеру быть в Барсуках. На следующее утро должен подойти полк. Моя задача ясна, так как я неоднократно бывал в составе квартирьерских групп, как представитель от медицины. Старшим был обычно строевой командир, комвзвода или штабной офицер. В этом же конкретном случае я был старшим и отвечал за выполнение задачи персонально.

Проходя через небольшие деревеньки и хутора, я высылал вперед разведку из 3-х человек, сержанта и двух казаков с задачей уточнения маршрута и избежания столкновения со всякими неожиданностями (противник, бендеровцы).

В одной из деревень до подхода к Барсукам я узнал, что в Барсуках вообще за последние месяцы немцев не было. Летом, как ушли, так больше и не появлялись, даже, начиная с осени, избегали эту большую деревню. Это меня насторожило. Кругом леса, возможно, там были партизаны?! Местные жители не подтвердили этой версии. Одна пожилая женщина сообщила, что в той деревне много больных какой-то болезнью, как будто головной тиф. Это меня насторожило. Решили все проверить на месте. К вечеру подъехали к Барсукам, Большое село, не меньше полтыщи хат, здание школы, почта, деревенская церковь.

Подъехали и остановились у крайних хат. Спешились, я приказал никому не отлучаться и с ветфельдшером и мл. лейтенантом зашли в первый дом. Поражала какая-то непривычная тишина, из отдельных изб шел дым, погода была безветренная и дым из труб подымался вертикально, не отклоняясь в стороны, как бывает при ветре. В первой хате встретили старуху, которая ничего внятного ответить не могла. Во второй избе застали на полатах двух больных женщин. Я спросил, чем хворают ваши женщины. "Головной (сыпной) тиф", - ответил старик, "А я уже переболел, сейчас хворают жена и сноха. "А как в других хатах?" - спросил я. "Как в других? - переспросил старик. - Поди в каждой хате больные. Заходил вчера наш сельский дохтур (фельдшер), дал лекарства и ушел. Был он выпиши, под хмельком. Многих в деревне уже похоронили. От этого и немцы обходили нашу веску (деревню)".

Обойдя еще с полдесятка хат» мы убедились, что в Барсуках повальный сыпной тиф. Одного паренька я посмотрел - по симптомам это был действительно сыпняк. Властей никаких в деревне не было, многие хаты были покинуты: или хозяева умерли или же куда-то выехали.

Да, вот эта задача! Попробуй размести полк в сыпнотифозной деревне, ведь санитарный уровень населения низкий, завшивленность, грязь.

Поехали в школу - большой деревянный дом, застали в одной комнате пожилого учителя-белоруса, он не болел, но многое рассказал, как началась эпидемия.

Немцы за 3 версты обходили Барсуки и другие деревни, где был тифус, боялись, как черти ладана.

Мне надо было принимать решение, утром подойдет полк в надежде обогреться в крестьянских хатах, попить молочка, разжиться чего поесть, а возможно побаловаться с девчатами. Хорошо зная эти нравы, я принял решение: полк размещать в деревне нельзя.

Решение могло быть только однозначным. Полк расквартировать в деревне нельзя. Контакт в хатах местных жителей, где почти в каждом доме больные, может оказаться губительным - обязательно заразятся казаки тифом. Зима, холодно, все жмутся к теплу, а это при завшивленности населения - заражение сыпным тифом.

Вся квартирьерская группа расположилась в школе в двух классах. Принесли сена, постелили, разостлали бурки и до утра отдохнули. Я категорически запретил заходить в хаты и все же некоторые нарушили этот приказ. С рассветом оседлали коней и выехали в близлежащий лес. Широкая лесная просека, по сторонам стройные высокие сосны, много небольших сосен, с густыми ветвями, все в снегу и выглядит прямо фантастически.

Разбили участки для каждого подразделения, штаб решили разместить в школе. Мне надо было встретить полк и доложить командиру полка о своем решении, но комполка был в штабе дивизии и полк вел заместитель по строевой подполковник Мельников. Я ему доложил, и глаза у него округлились. Как так располагать полк в лесу, люди должны отдыхать, обогреться, а тут мороз, холодно, люди и кони устали? Мельникову было лет сорок восемь, участник 1-й мировой и гражданской войн, и он знал, что такое тиф. По характеру это был добрый человек, не очень решительный и не много мог взять на себя в смысле ответственности. Ст. врач А.А. Ключарев лучше других понимал и оценивал обстановку, меня поддержал, а начальник штаба майор Денисов был против моего единственно правильного решения, но отменять его не стал.

Квартирьеры развели свои подразделения по отведенным участкам в лес, а штаб последовал в помещение школы. Я остался в лесу, где вскоре запылали костры, задымились походные кухни. Все были недовольны, казаки ворчали, матерились, высказывая свое пренебрежение к медицине. Они считали себя неуязвимыми от любых болезней. Я находился в санчасти в лесу, обходил эскадроны, разъяснял обстановку, предупреждал, чтобы никто не ходил в деревню, не заходил в хату, не общался, так как в деревне повальный тиф. И все же в деревню шли к колодцам за водой для лошадей, некоторые заходили в хаты, посидеть, погреться, попить молочка. Это было очевидно.

Прибыл вестовой и сообщил, что меня вызывает командир полка, а также всех командиров подразделений. Симбуховский сидел за столом, и только мы вошли в помещение, которое уже отопили и там было тепло, как он подозвал меня к себе и стал сходу ругать, как я смел расположить полк в лесу, когда мороз 15°, люди устали и надеялись на тепло. Я стал объяснять, как услышал: "Сопляк, мальчишка, спирохета бледная, генакок, я тебя накажу самым строгим образом". Он весь кипел и неистовствовал, не давая мне сказать ни слова. Только я начинаю объяснять - "Молчать, ничтожество!" Я стоял красный, как рак, по стойке смирно и в горле застрял комок, но я все же пытался объяснить опасность и все же выпалил: "Можете своим приказом отменить мое решение", на что услышал: "Пошел вон" и матерщинное выражение. Я повернулся лицом к ст. врачу, давая ему знак поддержать меня,

но он сам был в смятении и молчал. Я вышел и пошел в лес. Вскоре пришел ст. врач, который прекрасно понимал, что я поступил правильно.

Командир полка верхом стал объезжать деревню, заходил в некоторые хаты, убеждаясь, что почти в каждой лежат больные в бреду, а переболевшие бродят, как тени. После этого он стал объезжать эскадроны, подбадривать казаков, которые группами стояли и грелись у костров. Проезжая мимо санчасти, он посмотрел на меня с ненавистью и презрением, но полк остался в лесу. Днем еще куда ни шло, но надо было переночевать в лесу на снегу, на морозе. Казаки рубили ветки, устраивали ложе, закутавшись в шинель и бурку, пытались уснуть, засыпали на 10-15 минут и просыпались от собачьего холода. Часть людей устроились на санях - это в основном обозники, командиры и другие лица, но и они так или иначе мерзли.

С рассветом следующего дня полк двинулся вперед. Предстоял большой марш 40-45 км, уже на территории Украинского Полесья. Я сказал ст. врачу, что не сомкнул глаз и видел, как днем некоторые казачки ходили по хатам, обогревались, а кое-кто и ночевал в хатах.

Не исключено, что в полку будут сыпнотифозные больные. Он молчал. Что он мог мне ответить? Прекрасно понимал, что к чему.

Марш был тяжелый. Наступило потепление, чем ближе мы уходили на запад. Под утро следующего дня полк расквартировали в большом украинском селе, где предстояло пробыть, возможно, не меньше одной-двух недель. Это были исходные позиции, место сосредоточения перед выходом в рейд, наступление на город Ровно. В деревне до нас были немецкие тылы, которые за несколько дней до нашего прихода ушли в направлении Скрештувка - Деражне. В селе было много баптистов. В хатах вместо икон висели плакаты с евангельскими текстами. Староста и полицаи бежали вместе с немцами, оставив свои дома. Все шло как будто хорошо, люди отдыхали, набирались сил, настроение было боевое (наступательное). Стал забываться эпизод с Барсуками и дневкой в лесу.

На 5 или 6 день в санчасть пришел казак с жалобой на температуру, озноб, головную боль. Измерил температуру - 38,9 и на теле типичная сыпнотифозная сыпь (экзантемы). Я немедленно доложил ст. врачу, но о первом случае докладывать комполка он не стал. Но это уже было Ч.П. На следующий день пришли с тем же еще 3 человека. Было доложено командиру полка и замполиту Наумову И.М. Больных отправили в медсанэскадрон, где было открыто сыпнотифозное отделение. Через неделю было госпитализировано больше 38 человек. Вот тут-то и командир полка схватился за голову. Что делать? Изо дня на день ждали команды "вперед", а здесь сыпняк. Дошло, наконец, до сознания. А если бы полк расположился в деревне?! Сколько могло заболеть. Это были случаи, когда заболевшие в Барсуках или ночевали исподтишка в хатах или вступали в какие-то другие контакты. Заболел даже комэск 3 бурят Николаев.

Ст. врач и я прекрасно понимали, чем грозит дальнейшее распространение сыпного тифа в полку. Я высказал свои опасения своему другу, лейтенанту Ивановскому Олегу, а ст. врач - замполиту И.М. Наумову. Начсандив майор Миронов примчался в полк и взял в первую очередь в работу нас - полковых медиков, не обеспечивших безопасность полка от этого заболевания. Не стали же мы докладывать о наших мерах, которые мы предпринимали и действиях командира полка. Начсандив дал срок в течение недели принять экстренные меры и прервать нарастающую волну заболевания. Командиру полка он доложил, что вынужден доложить комдиву, о

ч.п. в полку. У меня уже созрел план срочных мер и как надо действовать.

В день отъезда начсандива, к вечеру, ст. врача и меня командир полка вызвал не в штаб, а на квартиру, где он остановился. Чувствовалось, что он обеспокоен создавшейся ситуацией и где-то внутренне осознал свою вину передо мной за свое поведение в Барсуках. "Ребята, - обратился он к нам, - делайте, что хотите, принимайте меры, просите, что необходимо с моей стороны, но распространение тифа необходимо прервать. В любой день может поступить приказ о выходе в рейд" Ключарев посмотрел на меня, я его понял, он еще не имел опыта в этих делах, хотя уже знал, что необходимо предпринять. Я спросил разрешения высказать наше мнение, что надо. "Говори, Ефим", - впервые он назвал меня по имени.

"- Дайте в наше распоряжение саперный взвод, и мы немедленно приступим к делу. Необходимо в течение одних суток построить дезкамеру - землянку, организовать дезинфекцию всего обмундирования и мытье в бане. Все это надо делать срочно и объявить войну вшам, переносчикам заболевания.

"- Действуйте". И тут же он вызвал командира саперного взвода и заместителей по вещевому снабжению. Четко поставил задачу командиру саперов и хозяйственникам, объявив им, что они поступают в распоряжение медиков и должны выполнить все их требования. Приказ получен, и мы взялись за дело.

Посредине деревни пустовали два больших дома - сбежавших старосты и полиция вместе со своими семьями. В их домах были сложены две печи типа больших плит, куда вмонтировали разрезанные посередине столитровые металлические бачки - баки для нагрева воды и две деревянные кадки для холодной. Вместо шаек использовали ведра, у населения позаимствовали возможное количество тазов.

Недалеко от импровизированных бань в земле вырыли котлован размером 4 метра в длину, 2 - в высоту и 2 - в ширину. Котлован покрыли накатом из бревен, по бокам внутри установили 2 железные бочки, оборудованные с трубами - дымоходами и вырубленными внизу отверстиями - и дверками - топками для накала бочек. Внутри под потолком из тонких бревен и железных (проволочных) крючков сделали вешала для подвески обмундирования. Землянка имела одну дверь, которая плотно закрывалась.

В течение суток, а работали саперы, кавказнецы и хозяйственники под нашим руководством, все было готово. Не было только термометра. Решили жарить на глазок, с биологической пробой - контроль за вшами после дезинфекции. Командирам подразделений был отдан приказ по составленному графику направлять повзводно людей на дезобработку. Санитарным инструкторам приказали всех, кто залихорадит, немедленно измерять температуру и изолировать во временный подготовленный "лазарет".

Опробовали вошебойку, посчитали по контрольному комплекту, сколько держать в жарилке обмундирование, и закипела работа. Подходившие повзводно люди раздевались в предбаннике, связывали все свое обмундирование вплоть до шинели в один не плотный комплект, развешивали в жарилке и пока люди мылись, а ведь больше месяца никто не мылся в бане, и вши водились, всё подвергалось дезинфекции и после мытья разбирали обмундирование, убеждались, что имевшаяся живность сгорала, одевались и уступали следующему взводу. Обслуживали дезкамеры санинструкторы и казаки хозяйственного взвода. В течение трех дней и ночей шла санитарная обработка. Мы со старшим врачом и санитарями - повозочными санчасти отдыхали урывками по одному-двум часам в сутки, следили за работой

дезкамеры, бани и чтобы ни один человек не миновал санобработки. Не обошлось и без курьезов. У некоторых шинелей обгорали полы, один комплект, близкий к бочкам, почти сгорел и казаку пришлось выдать новое обмундирование, чему он был рад, как никак новое лучше старого. На четвертые сутки мы едва стояли на ногах. Никого в полку не миновала санобработка, даже всех офицеров и штабников, правда они только мылись, не подвергая дезинфекции свое обмундирование, так как редко, у кого водились "танкетки", как прозвали вшей. За эти дни все прошли двукратное мытье в бане и дезинфекцию.

За дни обработки заболели еще 6 человек, но, начиная с 6-7 дня, больные пошли на убыль. До выхода на марш в течение 5 дней не было ни одного заболевшего. Хорошо, что мы имели передышку в течение двух недель и за это время сумели справиться с этой опасной болезнью. Несколько раз приезжали из медсанэскадрона, начсандив с инфекционистом проверяли нашу работу, ее эффективность. Надо отдать должное командиру полка, который следил за нашей работой и выполнял все наши просьбы и требования.

Буквально накануне выхода на марш Василий Федорович Симбуховский пригласил Ключарева и меня к себе на квартиру, пожал нам руки, обнял и, похлопывая по плечу, говорил: "Молодцы, молодцы, а я тогда был неправ..." Нам устроили ужин, пили самогон, который я органически не переносил из-за сивушных масел, хотя это и был первак. Впервые в жизни я напился, как свинья, на радостях не отставал от нас и командир полка, у которого была слабость к алкоголю, тем более он плохо закусывал. Наиболее стойким оказался Ключарев. Смутно помню, когда мы уходили, - командир уснул, а Саша вел меня в санчасть. Выходя, нас видел повар командира и часовой у выхода. Мы старались пройти бодро, не показывая вида, что пьяны, но ординарец, конечно, заметил, хотя был поздний вечер. Он ухмыльнулся ехидно и махнул рукой. Позже меня рвало, выворачивало наизнанку и утром дико болела голова. Мой коновод отпаивал меня не то капустным, не то огуречным рассолом.

На следующий день с утра был получен приказ, и мы двинулись маршем вперед, на запад.

Переходы, переходы, марш. Лошадей почти не расседываем. Край довольно глухой - северо-запад Украинского Полесья. На пути небольшие речушки, но однажды надо было по льду пройти р. Гершь (или Угра). Ширина 40-50 метров. Проходили по льду спокойно. Левее всадники, ведя коней в поводу, правее - обозы и артиллерия.

Где-то лед оказался непрочным, и одна 76-мм пушка провалилась под лед и, хотя глубина была небольшой - 2-2,5 метра, орудие скрылось под водой, вокруг образовалось водное пространство в несколько метров. Надо было вытаскивать орудие и, хотя мороз был небольшой (10-12°), охотников лезть за ней было немного. Я и еще двое казаков согласились нырнуть и зацепить крюками за лафет. Вода обожгла, как кипятком, но мы успели сделать свое дело. Выскочили, как ошпаренные, нас укутали одеялами, налили спирту, мы выпили, накинули бурки и на санях помчались в деревню, которая находилась близко от реки. Уже через несколько часов мы обогрелись, обсохли и никто из нас даже не простыл. Казаков, которые ныряли за пушкой, командир полка наградил медалями "За боевые заслуги".

Мне нравился командир 2-го эскадрона Дмитрий Зенский, и я часто бывал в его эскадроне. На дневках я вместе с его казаками отрабатывал стрелковый тренаж, во взводе лейтенанта Джанахая. Тренировался по стрельбе по стандартным мишеням

из ПШП, карабина, пистолета, ручного и станкового пулеметов, В условиях боев в тылах противника надо было элементарно владеть всеми видами оружия.

Моему другу Олегу не повезло: в конце года при бомбежке были убиты лошади его и коновода, "Монголок" они брать не хотели и двигались на санях комендантского взвода или эскадрона, который шел за штабом полка. Чаще всего они предпочитали 2-й эскадрон ст. лейтенанта Венского. После боев всегда бывали потери - убитые и раненые, и кони, оставшись без всадников, получали новых хозяев.

По мере приближения к городу Ровно укрепленные узлы обороны, прикрывающие дороги, становились на нашем пути чаще и по данным разведки мы должны скоро вступить в бой.

Впереди были два сильно укрепленных узла обороны – деревня Деражне и Скрештувка (или Скрестовка). 31 кавполк пошел на Деражне, нашему предстояла трудная задача: овладеть Скрештувкой, предварительно перерезав дорогу, идущую на Деражне и Клевань. Оседлать перекресток дорог приказано было 2-му эскадрону гвардии ст. лейтенанта Венского. На 2-й эскадрон выпала наиболее трудная задача. Перекресток имел важное значение и там разгорелся жаркий бой. Его надо было удержать во что бы то ни стало, дав возможность другим эскадронам обойти его и по лесным дорогам ворваться в Скрештувку. Эскадрону Венского ценой больших потерь удалось удержать перекресток, но там геройски погиб он сам и много его солдат. Это случилось 30 января 1944 года.

Санинструктором у Венского был Николай Савгир. В прошлом боевой офицер, бывший уже в боях, неоднократно раненый, но прощтрафившийся и разжалованный. Венский ему очень доверял, и Николай Савгир, помимо своих санинструкторских обязанностей, часто командовал отделением и даже взводом, если из строя выходил его командир. Как нам позже стало известно, Савгир, отражая атаки немцев, тоже погиб, так как был тяжело ранен в глаз, руку и другие части тела. Его считали погибшим.

Уже после войны на встрече ветеранов в подмосковном селе Лобня он объявился. Эта встреча для меня была ошеломляющей. Представьте себе встречу с человеком с того света. После боев на обелиске братской могилы была фамилия: Николай Васильевич Савгир. После первых минут встречи Николай рассказал, что очнулся среди убитых казаков. Когда понял, что жив, с большим трудом выполз на дорогу и был подобран какой-то частью. Много месяцев пролежал в госпиталях и вышел тяжелым инвалидом, потеряв правый глаз, руку и со следами доброго десятка рубцов от пуль и осколков. Уже в госпитале он обнаружил, что при нем не оказалось медальона с его данными. Савгир - человек незаурядных способностей. Несмотря на тяжелую инвалидность, окончил институт, преподавал общественные науки, защитился, стал доцентом. Савгир прекрасно рисовал, был всесторонне эрудированным человеком.

Человек легендарной судьбы, он активно участвовал в общественной работе по патриотическому воспитанию молодежи. Наша встреча произошла в Лобне, где находился музей боевой славы частей 6 гвардейского кавкорпуса, организованный майором Григорием Гурьевым. Савгир приезжал еще два раза, а также и на другие встречи в Дубно, Ровно, Москву. Он был почетным гражданином города Подкамень, был награжден правительственными наградами. В 1981 году в серии "Герои. Годы свершения" в Киеве издательством "Молодь" вышла его книга "Красные башлыки" - повесть о казаках гвардейцах 29 кавалерийского полка в Годы Великой Отечествен-

ной войны. Много пришлось пережить этому человеку, израненному в боях и, несмотря на подорванное здоровье, отдававшего себя людям. Он написал еще повесть "Комсорг", издать ее не успел. 7 февраля 1989 года Николай Васильевич Савгир скончался. Память о нем долго будет жить в сердцах его однополчан и тех, кто его знал. Вернусь к тем далеким дням.

Обошедшие перекресток эскадроны ворвались в Скрештувки, где встретили яростное сопротивление немцев и власовцев.

В 3-м эскадроне капитана Николаева находился инструктор политотдела капитан Гинзбург. Был момент, когда противник перешел в контратаку, и казаки дрогнули, тогда каштан Гинзбург возглавил контратаку казаков эскадрона, в рукопашной схватке убил офицера и казаки погнали немцев и власовцев из Скрештувки. Подошедшие эскадроны добились врага, и путь вперед на Клевань был открыт.

Командир полка недолюбливал капитана Гинзбурга, но, узнав о его подвиге, обнял и расцеловал. За этот подвиг Гинзбург был награжден вторым орденом боевого Красного Знамени. Первым он был награжден до этого в другой части, из которой пришел к нам.

Пройдя через всю войну, от звонка до звонка, жил и работал в Минске. В 1966 году был женат, растил двух сыновей, во время встречи со своими однополчанами - профессором Александром Ключаревым и со мной, провожая нас, случайно упал, получил тяжелую, несовместимую с жизнью травму - умер на операционном столе. Так бывает в жизни, пройти через все опасности жарких боев, уцелеть и так нелепо погибнуть через одиннадцать лет в мирное время. Парадоксально, но такова жизнь.

Сбив противника и овладев Скрештувкой, полк форсированным маршем пошел на Клевань - местечко и железнодорожная станция на дороге Ровно - Луцк. Немцы поспешно бежали, оставив на столах еще горячую еду, собираясь закусывать. В Клевани мы встретились с партизанами Ровенщины. Их возглавлял секретарь обкома Бегма.

Там же, в Клевани, мы захватили в плен крупного немецкого офицера и несколько власовцев - этих презренных подонков, предателей и изменников своей Родины. Вели они себя нагло, и разговор с ними был короткий. Немца отправили после допроса в штаб дивизии.

Партизаны Бегмы должны были перебазироваться из Сарненских лесов на запад. Они были вооружены в основном немецким трофейным оружием, обременены большим хозяйственным обозом и даже скотом.

Наши разведчики ушли выяснить обстановку, и мы ждали их возвращения.

На следующий день полк двинулся вперед. Клевань оставили партизанам, чтобы они прикрыли наш тыл, так как за нами остались разгромленные остатки немецких гарнизонов.

Как позже мы узнали, немцы выбили партизан из Клевани и прорвались на запад. Мы шли вперед. Задача была четкой - овладеть Ровно. Овладение этим городом имело не только тактическое, но и стратегическое значение, так как должно было открыть путь на Луцк, Здолбунов, на Броды, который был ключом к городу Львову, а там уже Карпаты и граница Советского Союза.

На пути движения к Ровно в ночное время, а шли мы, соблюдая строжайшую маскировку, между нашими эскадронами и обозами вклинились еще какие-то кавалерийские части - верховые и их обозы. Было темно, курить категорически запрещалось. Кто были вклинившиеся в наш строй кавалерийские части, было еще неиз-

вестно, но вдруг послышались крики: "Да ведь это немцы и белоказачьи власовские эскадроны". Мы первые распознали их. Они были в немецких темнозеленых шинелях, кубанках с белым верхом и при драгунских шашках. Воспользовавшись, замешательством в их рядах, которые никак не могли понять, что к чему, мы стали их громить, и вскоре они были частью перебиты, частью бежали с дороги в близлежащие леса. Вскоре все закончилось, дорога очищена, и мы двинулись дальше, на Ровно.

Над нами пролетали немецкие самолеты, но в темноте нас не могли обнаружить, хотя запускали висячие на парашютиках осветительные ракеты.

Январь 1944 года. Войска правого крыла 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Николая Федоровича Ватутина, в который входил и наш 6 гвардейский кавкорпус, вышли на подступы к Ровно. Наступление шло по труднодоступной лесисто-болотистой местности, и в данной обстановке высшее командование рассчитывало на проходимость кавалерии. Для нас начавшаяся весенняя распутица не представляла такой трудности, как для мотомеханизированных частей.

1 февраля полк вышел к окраинам Ровно и завязал бои с противником. Гитлеровцы прекрасно понимали стратегическое значение Ровно, который объявили центром рейхскомиссариата "Украина". В городе располагались военные и экономические комиссариаты, полицейские и карательные части. Город был укреплен. На подступах немцы сосредоточили крупные части пехоты, артиллерии и танки.

Несмотря на превосходство противника, наши кавалерийские части действовали дерзко, смело и напористо. На подступах разгорелись сильные бои. Здесь отличился командир отделения бронебойщиков Михаил Иванович Коротков. Он подбил несколько танков и бронетранспортеров, которые шли на наши цепи. О нем можно много рассказывать. Он уже воевал в составе полка, показал себя храбрым и умелым командиром бронебойщиков, был ранен, лечился в госпиталях и после ранения вернулся в свой родной полк. Во всех боях участвовал Миша Коротков. Мы встречались с ним уже после войны. За участие в боях по освобождению Дубно ему присвоено звание Почетного гражданина этого города. В настоящее время он проживает в городе Инкермане Крымской области, воспитывает внуков, приезжает на встречи в Москве, Ровно и Дубно. Талантлив. Много пишет о тех боях, в которых участвовал, о своих друзьях, однополчанах. Не имея большого образования, обладает хорошим слогом и пишет неплохие стихи и небольшие поэмы. Это особая одаренность.

Тем временем бои за Ровно разгорались со все большей силой. В боях за Ровно отличились наши минометчики и артиллериста. В условиях начавшейся распутицы минометная батарея под командованием капитана Ивана Федоровича Насонова сыграла важную роль, о чем будет изложено ниже,

Перед началом Великой Отечественной войны Насонов служил на Западной границе под городом Равва-Русская, в 99 кавполку 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии им. Котовского в должности командира 82-мм минометной батареи. 22 июня 1941 года с утра его батарея вступила в бой с фашистами. В течение всего дня шли бои, но немцы не прорвались. Артиллеристы и минометчики вели прицельный огонь. Было истреблено больше 100 фашистов, подбито 10 танков, подавлено несколько пулеметных расчетов. Вечером Насонов был ранен в бедро - тяжелое ранение. Долго лежал в разных госпиталях. В дальнейших боях был еще несколько раз ранен, но, к счастью, легко и строя не покидал. В 1943 году Насонов пришел в 29 кавполк на должность командира минбатареи. Приняв командование батареей, Иван Федоро-

вич отдавал много времени подготовке минометчиков. Любой, выдавшийся свободный от боев день он занимался с расчетами. Его подразделение отличалось высокой воинской дисциплиной, слаженностью и четкостью в выполнении боевых задач. Его минометчики всегда вели точный прицельный огонь по противнику. Сам дисциплинированный, он был требователен к подчиненным. В полку бытовала поговорка - Иван Насонов,- дай огня, или Насонов - огонька!

В боях за Ровно успешно действовал взвод в составе двух 76-мм орудий лейтенанта Петра Гавриловича Гончарова. Этот молодой лейтенант был уже опытным артиллеристом, смелым и бесстрашным. Во взаимодействии с минометным взводом лейтенанта Пушкарева они вели прицельный огонь по контратакующим фашистам. Гончаров поставил свои два орудия на прямую наводку. 12 фашистских танков шли на два орудия Гончарова, последним снарядом он подбил четвертый танк и сам погиб. Так героически погиб верный своему долгу перед Родиной лейтенант Петр Гаврилович Гончаров.

В боях за Ровно было много раненых, и мы непрерывно оказывали помощь, сосредоточив их в хуторе Боярка, недалеко от предместий Ровно.

Несмотря на ожесточенное сопротивление немцев, к исходу 2 февраля враг был сломлен и стал отходить на запад по Дубенскому шоссе в направлении деревни Тынное. Трудно пришлось нашему полку, но вовремя подошли наши танки. После овладения городом Ровно полк наступал на Тынное, лежавшее на пути к городу Дубно.

К исходу 5 февраля немец выбит из Тынного и мы движемся дальше. Овладев после Тынное деревней Короблице, ведем бои за деревни Черешнивка, Похорельцы. До Дубно остается 5-6 км. Противник ведет сильный обстрел шоссе, наступаем на деревню Панталия по болоту, по грязи. Взять Панталию не удалось. Эскадроны залегли, так как попали под сильный огонь фашистов, который не давал возможности не только продвигаться, но и поднять головы. Приказ комдива - прекратить наступление.

Итак, взять Дубно в лоб, с фронта не удалось. Нас отвели в Черешнивку на недолгий отдых, ждать следующего боевого приказа.

Наступление Красной Армии шло по всем фронтам. Немцы отступали, оказывая ожесточенное сопротивление, цепляясь за каждый населенный пункт и любой другой естественный рубеж. Дубно прикрывал подступы к Львову, имевшему большое стратегическое значение для выхода к границам сателлитов Германии: Румынии, Венгрии, а также братский Чехословакии. Взятие городов Дубно и Броды давало возможность выхода наших войск на оперативный простор и продвижение нашей армии на запад к логову фашистского зверя.

Дубно - небольшой городок, застроенный старинными зданиями, костелами, замками и другими строениями средневековой архитектуры. С северо-запада город прикрыт поймой реки Иква с многочисленными болотами, считавшимися непроходимыми в любое время года. Противник, используя естественные прикрытия, местность и городские строения, укрепил город, превратив в сильно укрепленный узел обороны на подступах к Бродам и Львову.

Наша дивизия должна была овладеть Дубно и развивать наступление до подхода основных частей нашей армии. Взять Дубно наш 29 кавполк в лоб не мог.

9 февраля командир 29 гвардейского кавалерийского полка В.Ф. Симбуховский был вызван в штаб дивизии к комдиву Д.Н. Павлову, которому командир 6 гвардей-

ского кавалерийского корпуса генерал В.С. Соколов высказал большое недовольство, что Дубно не был взят. Там уже находились командиры других частей.

"Что будем делать, Вася, когда возьмем Дубно?". Раньше они служили вместе на Дальнем Востоке и были большими друзьями. Павлов любил Василия Федоровича какой-то особой любовью и даже при официальных разговорах по службе мог назвать его по жмени.

Павлов пригласил всех к штабной карте. "Перед нами Дубно, до города рукой подать, мы наступаем, а взять город не можем, надо наступать не в лоб, там немцы прочно удерживают занимаемый рубеж. Принято решение произвести перегруппировку полков и бросить дивизию в обход Дубно. Я решил оставить как прикрытие в резерве 31 кавполк, а твой 29, который не раз показал себя в боях как полк-герой, бросить в обход через село Хорупань Млыновского района с задачей: выйти на северо-западную окраину Дубно и с хода овладеть городом. Но тут одно но... Разведка доложила - передний край противника проходит по восточной окраине села Хорупань и для достижения цели надо бесшумно ворваться в траншеи врага, уничтожить его и через образовавшуюся брешь в обороне войти в прорыв. За вами пойдет танковая бригада и 39 кавполк под командованием подполковника Мизерского. Вот, такова задача Ваша", - сказал комдив.

Симбуховский собрал офицеров, разъяснил задачу, и мы стали готовиться.

Для участия в этой операции отобрали самых боевых, опытных и обстрелянных людей. Все обозы решили оставить, пойти налегке, верхом, взяв 3 комплекта боеприпасов на каждого, артиллерию, минометы и пулеметные тачанки. Перед выступлением было проведено короткое партийное собрание об ответственности коммунистов. Многие понимали, насколько серьезна задача. Мы могли оказаться смертниками.

Стемнело, полк двинулся. На эту операцию пошли ст. врач А.А. Ключарев и я, санчасть с обозом оставили с тылами полка. Мы шли в полной тишине. Каждый думал о необычности этого рейда и о том, что ждет его впереди. Через несколько часов марша, минуя населенные пункты, хутора и перелески, полк остановился. Впереди послышалась ружейно-пулеметная стрельба, и полк пошел на рысях, не теряя построения. Мы с Ключаревым находились при штабе полка, ее оперативной группе. Я не понял, что происходит, встречный бой или уже началось выполнение задания.

Самыми боевыми и дерзкими были 1-й эскадрон капитана Савелия Ивановича Фесенко и 3-й - каштана Петра Ивановича Кухарева. Этим двум эскадронам была поставлена задача прорыва обороны немцев. Эскадроны бесшумно ворвались в траншеи немцев, уничтожили их, так как те совершенно не ожидали нападения. Полк устремился в прорыв через образовавшуюся брешь. За нами вошли в прорыв наши танки, их было около 12. Враг в панике отступал, но, оправившись от первого внезапного удара, закрыл брешь. Таким образом, в прорыв вошли наш 29 полк и танковая группа, 39 полк запоздал и был отсечен. Мы оказались в окружении. Насколько я помню, нас вошло в прорыв около 400 человек вместе с танкистами. Мы продолжали двигаться на Дубно.

Была темная зимняя ночь. Мы шли на рысях, когда на нас обрушился артиллерийский огонь. Вначале снаряды ложились по сторонам дороги, то слева, то справа, но затем огонь стал более прицельным, кто-то его корректировал. Появились первые раненые, которых мы, перевязав везли за собой.

При прохождении через какой-то небольшой хутор немецкий корректировщик с

рацией был обнаружен и точность стрельбы сразу же стала слабее, хотя все еще продолжалась. Невзирая на обстрел, мы шли вперед к своей цели.

Симбуховский с несколькими офицерами зашел в какой-то домик на дороге, чтобы сориентироваться по карте, я оказывал помощь раненым, когда по домику ударил снаряд - прямое попадание, Я бросился к домику. Несколько человек было убито, кто-то был ранен, но Симбуховский был цел и невредим, правда, немного оглушен. Был убит ординарец командира полка Ваня Постников, который фонариком освещал карту.

Несмотря на потери, мы упорно продвигались вперед и вперед. Местами из-за бездорожья приходилось спешиваться и, утопая в глубоком снегу, пробираться самими и тащить за собой лошадей, а мне собирать раненых и везти за собой. Перед выходом в рейд из дивизии в полк приехал вместе с командиром полка молодой человек в военной шинели, шапке-ушанке, но без погон. Через плечо у него висел фотоаппарат.

Познакомились, Станислав Ростоцкий, москвич, идет с нами в рейд, чтобы запечатлеть на пленку боевые действия полка с разрешения командира корпуса. По ходу движения мы спешивались, коней вели коноводы. По дороге шли танки. Спешившись, мы шли с Ростоцким рядом, разговаривали, вспоминали Москву, Ему было столько же лет, как и мне, в армии с 1941 года, рядовой. При обстреле он не терялся, чем подкупал своей смелостью, шел, как и все, презирая опасность, не обращая внимания на разрывы снарядов. При подходе к городу огонь, хотя и ослаб, но все продолжался. Некоторые снаряды изредка разрывались недалеко от нас.

Внезапно совсем недалеко разорвался снаряд. Мы залегли, ударной волной Ростоцкого отбросило на дорогу, и он попал под наш же танк. Много лет спустя Станислав Иосифович Ростоцкий вспоминал этот случай: "...внезапно что-то огромное, неумолимое и жестокое навалилось на меня, сжало грудную клетку, обдало жаром, запахом бензина и жженого металла. Стало на мгновение очень страшно, именно из-за полной беспомощности и невозможности бороться.

Стало обидно и страшно, что бросят. А я ведь жив. Жив или нет? Только дышать очень трудно, и рука не шевелится, и нога. Но надо встать. Встать во что бы то ни стало. Я с трудом оторвался от весенней слякоти, простоял, как мне показалось, очень долго и начал падать, но чьи-то руки подхватили меня..."

Это были мои руки, я подхватил его, пытающегося подняться, и оттащил от дороги. Глубокий снег уменьшил силу давления, гусеница танка вмяла его в снег, повредив правую ногу, руку и грудную клетку. Он стонал, но не жаловался, а все время спрашивал, где его фотоаппарат, но не до аппарата было, надо было спасать жизнь. Мы с Олегом Ивановским его уложили на сани и двинулись вперед догонять штаб полка.

Мы подходили к окраинам Дубно, уже были видны в утреннем рассвете окраинные домики. В городе среди немцев поднялась паника. Эскадроны приняли боевой порядок для рывка в город.

Командир полка со штабом расположился в небольшом овражке. В полуторядух километрах по дороге на запад в панике бежали фрицы. Отступали беспорядочно: пехота, обозы, машины, обгоняя друг друга и образуя заторы. По ним с ходу вели огонь наши казаки, что еще больше усиливало панику среди бегущих.

10 февраля утром головные эскадроны ворвались в город. Быстро были заняты окраины города - несколько улиц деревянных домов. Впереди пошли танки, за ними

спешенные казаки. Я занял несколько домов, которые оказались пустыми, хозяева попрятались где-то в подвалах погребов, перенесли всех раненых, а их было уже человек 15, оказывал помощь, перевязывал, проводил шинирование. Легко раненые помогали греть воду, переносить, обрабатывать, поить и кормить раненых.

На первых порах сыграл фактор внезапности нашего наступления. Впереди шли танки, тесня немцев, за танками под защитой их брони наши пешие казаки. Кони с коноводами были оставлены на окраине и замаскированы. Наши стали теснить немцев к центру города. Это были уже уличные бои. Надо было овладеть ключевыми объектами: костелом, крупными кирпичными зданиями и дорогой, идущей через город на запад.

Боевой порыв казаков был настолько стремителен, что немцы стали отходить к центру города. Наши казаки уже выбили немцев из костела и стали теснить их дальше. Все время в санчасть поступали раненые и среди них тяжелые. Я осмотрел Ростоцкого: сильно повреждена правая голень и стопа с повреждением костей, ушиб правой руки и сдавление без переломов правой половины грудной клетки. К 12 часам у меня было уже до 30 раненых. Все, что возможно было сделать в тех условиях, было сделано.

Самую свежую информацию доставляли мне раненые. Они в один голос утверждали, что нас в наступлении очень мало и наши атаки начинают выдыхаться. Если бы были оба полка (39 кавполк), как было задумано, мы бы продвинулись далеко вперед и немцы бы нас не могли остановить. Тем временем наступающие с фронта части, выполняя свою задачу, соединились бы с нами и дорога на Броды была бы открыта. Это был замысел...

В течение первых 5-6 часов наступление шло успешно, хотя потери были велики. После полудня раненых уже больше полусотни. Запасы перевязочных средств подходили к концу, неприкосновенной была моя санитарная сумка и переметные сумы в седле. Постепенно фактор внезапности истаял.

Немцы поняли и убедились, что нас мало, большинство наших танков подбито, резервов у нас нет, опомнились и остановили наше наступление. Они бросили против нас 13 танков типа "тигр" и 17 самоходных пушек "фердинанд", с которыми казаки-кубанцы до этого еще не встречались, а только слышали о них. Прикрываясь броней, фашисты силою до батальона повели ожесточенную контратаку на позиции гвардейцев, которые не успели закрепиться. Одна контратака следовала за другой, тесня наших казаков.

Меня все больше охватывала тревога за раненых. Ведь их не было куда эвакуировать! С трех сторон мы окружены и ведем бой в окружении, а с четвертой стороны - непроходимая болотистая пойма реки Иквы. Мне было ясно - обстановка сложная, потери огромны и убитыми, и ранеными, наступление захлебнулось, почти все танки выведены из строя, отходить некуда и надо что-то предпринять для спасения раненых. В уходе за ранеными мне помогали два санитарных инструктора, одного из них помню хорошо - по фамилии Петрович, мой земляк из Белоруссии. К уходу за ранеными я упросил и привлек двух-трех женщин - местных жителей, которые прятались в бункерах и отважились подняться наверх. Оставив раненых на санитарных инструкторов, я решил пробраться на командный пункт полка и доложить обстановку.

К.П. располагался примерно в километре от ПМП, в городской бойне - кирпичном здании со стенами метровой толщины и небольшими окнами, заделанными ме-

таллическими решетками. Бойня находилась на пригорке между двумя кладбищами: ниже и ближе к окраине - польское со склепами и богатыми мраморными памятниками-надгробиями, выше и ближе к городу - еврейское с однообразными надгробиями из плоских плит.

Перед уходом на К.П. санитарный инструктор Петрович попросил меня уйти в свой эскадрон, я вначале не хотел отпускать, но он настаивал и я его отпустил. Он ушел до меня. К полудню под обстрелом я пробрался на К.П. Там было много офицеров штаба во главе с Симбуховским: начальник штаба майор Денисов, замполит майор Наумов Ипат Михайлович, ПНШ-1 капитан Горстко, начхим полка капитан Гаглоев, офицер штаба ст. лейтенант Космачев, ст. врач А.А. Ключарев, оперуполномоченный контрразведки "Смерш" О.Г. Ивановский, начальник артиллерии полка капитан Б.Х. Френкель, связной рядовой Девяткин, сержант Коротков М.И. со своим расчетом и ружьем П.Т.Р., всего со мной 18 человек. К сожалению, фамилий остальных не помню.

В бойне были две двери: одна с фасада выходила на улицу с деревянными домами, другая - черный ход, выходила на пригорок, обсаженный деревьями. С тропинкой, ведущей вниз к ограде польского кладбища и вверх к еврейскому кладбищу. У самого выхода черного хода стояла единственная уцелевшая самоходка СУ-76. Дверь, ведущая на улицу, была блокирована, выйти на улицу было невозможно, она сильно простреливалась, хотя ее занимали наши артиллеристы и один из эскадронов, вернее остатков эскадрона.

Вокруг К.П. гремел бой, немцы непрерывно атаковали, тесня наших казаков к командному пункту. Симбуховский руководил боем, пока была связь, давал указания артиллеристам о смене огневых позиций, через пеших связных поддерживал связь с командирами подразделений. Но силы были слишком неравны. Я доложил командир полка о раненых и невозможности их эвакуации. Что он мог мне ответить? С трех сторон наступающие немцы, с четвертой непроходимое болото. Я собирался покинуть бойню и вернуться к своим раненым и все же немного задержался. Нет, нет, но на мгновение выгляну в парадную дверь на улицу, где кипел бой. Больше, чем на 1-2 сек, нельзя было выглянуть на улицу, - немцы стреляли вдоль бойни и можно было быть подстреленным. В какое-то мгновение я успел заметить ползущего к раненому артиллеристу санитарного инструктора Петровича. Вокруг него с визгом, пролетали пули, до раненого он добрался и в этот момент их обоих накрыл вражеский снаряд. Так героически погиб санитарный инструктор Петрович.

Выбраться я мог только через черный ход, но немцы подожгли нашу самоходку, стоявшую у самого выхода и через дверь выбраться было уже невозможно. К тому же еврейское кладбище уже было занято противником, и автоматически держали под огнем саму дверь. Через несколько минут стали рваться снаряды нашей самоходки и выход был полностью блокирован. Недалеко от К.П. несколько наших орудий и с десятков казаков вели огонь по наступающим немцам и их танкам, не давая им возможности подойти к К.П.

Снаряд за снарядом посылали немцы в бойню, но пробить толстенные стены не могли. Правда, после каждого попадания помещение наполнялось известковой пылью и отскакивающими мелкими осколками кирпича. Это был какой-то ад. Когда вражеские снаряды били по К.П., я со старшим лейтенантом Космачевым находился в коридорчике около уличной двери, там было безопаснее. Последовал разрыв снаряда недалеко от двери и стоявший рядом со мной Космачев начал падать, я ед-

ва успел подхватить его, но удержать не мог, он упал. Я сразу не понял, что произошло, Космачев был мертв. Оглянувшись, я увидел на стене, около двери, ведущей в подвал, след от осколка. Осколок рикошетом попал под левую лопатку и поразил сердце. Смерть была мгновенной. Судьба... Ведь мы стояли рядом.

Каждому, кто находился на К.П., стало ясно, что мы оказались в каменном мешке, который все время обстреливался, а выбраться из него нельзя. В лучшем случае или нас перебьют, или захватят живьем. К.П. особенно досаждала одна вражеская самоходка, и ее решили подбить из (ружья) П.Т.Р. Сержанту Мише Короткову приказали подняться на чердак и попытаться ее подбить. Он поднялся с расчетом и произвел несколько выстрелов. Последовал разрыв снаряда над крышей, и все смолкло. Мы подумали, что расчет и его командир погибли. Симбуховский приказал капитану Горстко подняться наверх и проверить. Он быстро поднялся и еще быстрее спустился, сообщив, что Коротков жив, но оглушен, небольшая контузия. Больше таких попыток не делали.

Несмотря на очень сложную обстановку, я почему-то был спокоен, был уверен, что мы все же выберемся из этого мешка. Возможно, я преувеличиваю, но у меня была сильно развита интуиция, предчувствие, которое меня редко обманывало. Я стоял над телом Космачева и думал, как он погиб, такой большой, сильный, красивый и главное - молодой. Сколько уже пало в Дубно! Если нам удастся остаться в живых и уйти, мы их даже похоронить не сможем... Особенно жаль было Петровича, всегда скромного, незаметного солдата, которого мы считали неспособным на подвиг. Духовная красота и мужество человека раскрываются в экстремальных условиях, когда героизм и самоотверженность ради спасения товарища сильнее страха собственной смерти. Мысли мои прервал начавшийся обстрел К.П. Стоя недалеко от проема двери, я увидел, как из домика напротив бойни выбежали мужчина и женщина с ребенком на руках. Они бежали к дверям, чтобы спрятаться в бойне. Недалеко от бегущих разорвался снаряд, бежать-то им было всего каких-то 30 метров... Они вбежали в дверь, сами не пострадали, но ребенок - девчушка 2-3 лет была мертва. Осколок снес ей полголовы. Мать даже не сообразила, что ребенок мертв и протянула его мне - просила перевязать головку. Долго не мог я забыть синие, как небо, глазенки этой девочки. Мы их отправили в подвал.

Обстановка тем временем становилась критической. Командир полка сказал: "Надо любыми путями выбираться из этой бойни". К счастью, к этому моменту перестали рваться снаряда нашей горевшей самоходки, и немного утихла стрельба со стороны еврейского кладбища.

Осталась единственная возможность - короткими перебежками бежать с черного хода, пусть даже под обстрелом.

Помню, Василий Федорович снял кубанку в левую руку, в правой парабеллум и пригибаясь побежал зигзагами вниз в сторону польского кладбища. Трудно сейчас уяснить, кто, как выбегал, возможно до нас выбежали другие, но мне запомнилось: за Симбуховским побежали Наумов - замполит, Денисов - начштаба и кто-то еще. Бежали под обстрелом автоматчиков, над головой все время со свистом и характерным звуком летали пули. Я решил - мне надо бежать последним. Нас осталось в бойне: нач. артиллерии - капитан Френкель, ст. врач Ключарев, Ивановский и я.

Напряжение достигло наивысшей точки, пробежать под обстрелом надо было всего каких-то 80-100 метров, причем вниз, к кладбищу, а там уже не страшно. Мы побежали: слева бежал Френкель, за ним Ивановский, передо мной Ключарев. Огонь

автоматчиков усилился, мы бежали, петляя, пригибаясь, когда внезапно упал, уткнувшись лицом вниз, Френкель. Пуля попала в затылок, голову, он погиб сразу. Наша помощь ему была уже не нужна.

Мы более или менее благополучно выбирались из этого пекла, когда я услышал стон и слова: "Доктор, я ранен, не бросайте!". Я увидел справа связиста, кажется, его фамилия была Девяткин, он был ранен в ноги. С ходу, я, взяв его за ворот, шинели, потащил вниз. Тащить было трудно, оказывается он не бросил катушку и телефонный аппарат, я тащил его с этими штуками.

Мы все оказались у ограды кладбища, там была калитка. Старинное кладбище со склепами и памятниками. Было уже около четырех часов дня. Стрельба немцев прекратилась. За кладбищем, совсем недалеко, не больше километра, находились окраинные домики, где были наши раненые. К.П. расположился в большом склепе, над ним часовня, внизу несколько железных гробов.

Я спустился по ступенькам вниз. Симбуховский сидел над развернутой картой, ему светили фонариком. В нос ударил затхлый запах подземелья. Думал поговорить со штабными, но все были, как всегда после спасения, возбуждены и каждый рассказывал, как он выбирался. Я доложил Ключареву, что пошел к раненым, надо было что-то придумать, как быть с их эвакуацией.

За мое отсутствие их заметно прибавилось. День клонился к вечеру. Я занялся теми, кто нуждался в помощи: подбинтовать, кому поправить шины, сделать инъекции для поддержания сердца и обезболивания. Многие из раненых хотели есть и доедали Н.З. Женщины все время кипятили воду и поили раненых. Беспокоили тяжело раненые, а их было больше 15 человек, не имевшие возможности передвигаться. Наступила темнота.

К вечеру стрельба полностью затихла. Немцы не любили воевать ночью. Остатки эскадронов залегли в обороне. Они были измотаны до предела. Ночь прошла напряженно. К.П. молчал, решив - утро вечера мудренее. Тем временем наступающие в лоб с фронта наши части успеха не имели и несли большие потери. Мы не могли получить никакой помощи, никакого подкрепления. Были на исходе и боеприпасы - патроны, снаряды. Все танки были подбиты или сожжены. В то же время немцы получали подкрепления, идущие из Брод. Утром над городом пролетали немецкие транспортные самолеты, бросавшие своим на парашютах все необходимое для ведения наступления на нас.

Я нашел в нескольких бункерах стариков старожил этого места и стал их подробно расспрашивать, есть ли какая-либо возможность пройти через пойму реки на ту сторону через Икву к деревне Иваннэ. Они утверждали, что до сих пор мало кто пытался это сделать, так как не было надобности. Пойма до самой Иквы, а это примерно 1,5-2 км, болотистая, покрыта кочками, обросшими травой и осокой, зимой кочки смерзаются. Я подумал, что другого выхода нет, надо рискнуть и перебираться через болото.

Была, не была, не оставаться же на милость немцев - верную смерть. Около 10-и часов утра я подобрал двух раненых, которые могли ходить, фамилию одного помню - Шматов, разведчик, дал задание пробираться по кочкам к мостику через Икву и, если они пройдут, мост цел - дать две красные ракеты. Они ушли. Немцы возобновили наступление на остатки наших эскадронов. Остатки 4-го эскадрона Петра Михайловича Кухарева еле сдерживали натиск немецких автоматчиков. Все стали отходить к окраинным домикам. В 12 часов я увидел над противоположным

краем поймы две красные ракеты. Значит, пройти можно,

Я собрал раненых - тех, кто мог сам передвигаться, и сказал: "Кто хочет жить и спастись должен идти через болото, передвигаясь по кочкам, помогать друг другу и тащить на подсобных, импровизированных носилках, волокушах и других подручных средствах лежащих раненых. Все пошло в ход: доски, фанера, сани-розвальни и т.п.

Состояние Ростоцкого было тяжелым, но он держался стойко и мужественно. Его уложили на легкие сани и волоком потащили через болото. Я просил ребят тащить до последнего, сколько будет в их силах. Через несколько часов все раненые пошли. Я следил и видел, как многие проваливались в болото, оступившись с кочек, но поднимаются и упорно продвигаются вперед. Было впечатление, что люди все время прыгают, порой исчезая из вида, затем вновь появляясь.

Что бы ни было, но после отправки раненых на душе стало спокойнее. К середине дня 14 февраля напряжение боя, наших сильно поредевших эскадронов, на которые немцы буквально шли напролом, достигло наивысшей точки. Я стоял около домов, где до эвакуации находились раненые и все время наблюдал за переходом раненых через пойму. Все шли в направлении берега Иквы к месту, где находился мост, правда, разрушенный. Остались только сваи, настила не было. За мостом деревня Иваннэ, где находились тылы полка. В это время к окраинам стали отходить штаб и разрозненные с разных эскадронов казаки и уцелевшие расчеты батарей. Ко мне подбежал Симбуховский и первое, что спросил, было: "Как раненые, что с ними?". Во время доклада Симбуховский увидел капитана 4-го эскадрона Кухарева, он был легко ранен, но на ранение не обращал внимания. Кухарев подошел к Симбуховскому и сказал: "Товарищ майор, немцы уже недалеко, они заняли польское кладбище, их сдерживает мой эскадрон, отходите, пока не поздно, я вас прикрою".

Все, кто уцелел, стали отходить через пойму, разрозненно и небольшими группами. Коноводы и те, кто уцелел, повели в поводу за собой коней. Кони шли, наступая на кочки, передвигались вперед, проваливались то передними, то задними ногами, но упорно шли вперед за людьми. Я уходить не торопился, так как немцы были на какое-то время остановлены, и хотел отходить с Кухаревым. Мой коновод Миникаев Исмаил держал под уздцы моего "Орлика", и своего коня, довольно рослую "монголку". Он меня торопил, и я приказал ему уходить одному. Он знал, как я любил своего коня и понял меня без слов, что его надо обязательно сберечь и переправить на тот берег. Я отходил по болоту с остатками эскадрона Кухарева. Шли мы все разрозненно, так как многие кочки были расквашены впереди ушедшими людьми и лошадьми. Многие были в валенках и полушубках, идти было тяжело, валенки намокли. На мне была санитарная сумка и пистолет.

Стало быстро смеркаться, по болоту со всех сторон к берегу стекались люди, уставшие, измученные и голодные непрерывными трехдневными боями. Меня радовало, что в полосе моей видимости не видно было раненых. Немцы стали обстреливать болото из минометов, но мины падали неточно, где-то левее и правее полосы отступления остатков полка. Я убедился - не так страшен черт, как его рисуют. Все же по болоту с горем пополам можно было передвигаться. В разных местах жалобно ржали глубоко застрявшие кони, которым уже не суждено было выбраться из трясиновых мест, в которые они попали.

Я медленно шел, перепрыгивая с одной кочки на другую, когда, уже пройдя, заметил человека, сидевшего и державшего в руке пистолет. Это был мой ст. врач Ключарев. Он обессилел и, вероятно, хотел застрелиться. Я забрал у него пистолет,

помог ему подняться и мы пошли вперед.

Из воспоминания А.А. Ключарева: "...Особенно запомнился бой за город Дубно. В тяжелых боях, переходя под огнем через полузамерзшее болото, я провалился в ледяную воду, ко мне бесстрашно подполз мой друг, старший лейтенант медслужбы Ефим Аронов и спас мне жизнь..."

Не могу во всем согласиться со словами Александра Ключарева. Что значит "спас жизнь"? Это был закон фронтовой дружбы, готовность прийти друг другу на помощь в трудную минуту.

Мы шли с Ключаревым к берегу, на подходе к мосту увидели людей, которые перебирались по нему ползком на противоположную сторону. Остались только сваи, правда довольно близко расположенные одна от другой. С той стороны наши "тыловики" подтягивали доски для временного настила. Начальник ПМП Лев Рабинович хорошо организовал прием и врачебную помощь раненым. Всем, кто нуждался, была оказана эта помощь и эвакуация на медсанэскадрон. Неподалеку от моста в Иваннэ в ближайшем доме был организован пункт первой помощи.

Тем временем у берега реки, где он был более пологим и удобным, переправляли коней, которым посчастливилось пройти через болото. Много лошадок подошло к берегу без хозяев, и сами спускались, чтобы перебраться на другой берег.

Пробравшись через мост, я встретил своих из ПМП и спросил, не было ли среди раненых Ростоцкого. Мне ответили, что он лежит в доме недалеко, состояние его тяжелое, в жару, бредит, но порой приходит в сознание. Я пошел туда. Действительно, состояние его было очень тяжелым, и я сделал ему укол камфары по всем правилам. Одежда на нем была мокрая. Ему сменили повязки и шины и, отогрев, отправили в М.С.Э. С тех пор прошло много лет, но до сих пор он утверждает, что я сделал ему укол через шинель. Я, естественно, ему возражаю, что такого быть не могло, но переубедить его не могу. Так идет у нас постоянный спор, и каждый остается при своем мнении. Бог с ним, пусть утверждает. Главное в том, что он чудом уцелел, остался, хотя и инвалидом, ему ампутировали правую ногу - голень на уровне верхней трети, он остался в строю и стал известным кинорежиссером, создавший много замечательных кинофильмов. Мы, как фронтовые друзья, дружим и ближе, чем родные братья, Я горжусь им как фронтонам другом, поклонник его незаурядного таланта и мастерства.

Меня беспокоила мысль о коноводе и лошадях. Кто-то видел Миникаева уже на нашем берегу, но, кажется, без лошадей. Он искал меня, хотел доложить, что его конь безнадежно увяз и вряд ли его можно вытащить, а Орлик ушел вперед и он потерял его из виду. Я подумал, что, возможно, он сам переправился на наш берег, но его никто не видал среда спасшихся коней. Была уже ночь. Я сильно устал, едва держался на ногах. В санчасти за эти дни я впервые поел горячего и не помню, как уснул. На рассвете мне доложили, что Миникаев привел Орлика. Радости моей не было границ. Оказывается, Миникаев, взяв с собой двух санитаров - Андрея Окунева и Шайхи Камаевича Мурсалимова - с веревками отправились на розыски, нашли застрявшего Орлика и с большим трудом вытащили из болота и перевели на наш берег. Я вошел в сарай, Орлик был вымыт, укутан попоной и жевал сено. Должен признаться, я заплакал и не стеснялся своих слез. Был безмерно благодарен Миникаеву и своим ребятам.

Когда мы убедились, что в болоте никто не остался, кроме увязших лошадок, мы покинули Иваннэ и расположились в Черешниковке - довольно большой деревне.

Меня интересовало, как удалось переправить тяжело раненых через мост и особенно Ростоцкого. Узнал. Всех перетащили по настилу, который сделали наши, оставшиеся в Иваннэ. Своим спасением из болота Ростоцкий обязан командиру разведчиков, лейтенанту Бобылькову. Он нашел его в санях, которые застряли в кочках, его оставили раненые, так как не смогли больше тащить и обещали прислать за ним людей. Бобыльков отходил один и наткнулся на сани с Ростоцким. Сколько мог волок сани, а потом на руках с другими товарищами по мосту перетащили в Ивакнэ. Очень жаль, что не знаю и не помню дальнейшей судьбы этого мужественного лейтенанта. Сам Ростоцкий его фамилию хорошо запомнил.

В Черешнивке я встретил Мишу Короткова, ему удалось выбраться из пекла, сохранив свое П.Т.Р. Его расчет утонул при переправе.

Итак, после Дубенских боев из Иваннэ остатки полка разместились на короткий отдых в Черешнивке. Санчасть занимала большой дом. Раненых мы всех отправили, погоревали о тех, кто погиб и остался в Дубно, приходили в себя после всего пережитого.

Вечером в полк приехал комдив Павлов, замкомдива полковник Гуменный и заместитель по политической части (нач. политотдела) полковник Нитовщиков. Командование дивизии, несмотря на неудачный, рейд, ведь Дубно мы взять не могли, в целом дало высокую оценку действиям полка. Полк дрался героически и, возможно, войди в тыл к немцам 39 полк, задача была бы выполнена. Своим рейдом мы отвлекли большие силы немцев, изматывали их силы, сеяли панику и неуверенность. Война - это не только успехи и победы, приходится и отступать, маневрировать, нести потери, но все это в целом не пропадает даром и приближает с каждым днем к Победе над врагом.

За участие в Дубенской операции оставшиеся в живых и многие из раненых были награждены высокими правительственными наградами - орденами и медалями. Меня представили к ордену боевого Красного знамени, но наградили орденом Отечественной войны I степени.

После мы вели бои вокруг Дубно. Бои чередовались короткими передышками, маршами, на которых попадали под бомбежки, обстрелы, отрезая пути отхода немцев на Запад. Так прошло около двух недель.

На Дубно наступала наша пехота, танки, их поддерживала наша авиация. 17 марта город Дубно был освобожден.

Прошло около 40 лет с тех незабываемых февральских дней, когда мы штурмовали Дубно. Для нас этот город был особенно дорог, и мы решили поехать в Дубно поклониться могилам наших павших боевых друзей, пройти по местам боев, ведь ничто так не воскрешает в памяти события далеких дней, как их немые свидетели.

26/03 1976 года Олег Генрихович Ивановский напечатал (под псевдонимом Алексей Иванов) в "Комсомольской правде" большую статью о полете в космос Юрия Гагарина "Поехали". В статье были краткие автобиографические данные о его участии в боях во время Великой Отечественной войны. Запись из его дневника: "...Совершаем рейд на Дубно через Млынцов. По дороге сильный артогонь, есть убитые. Несмотря на то, что справа и слева немцы - идем вперед. Рвем нагло и нахально. Вышли в район кирпичного завода. 12 февраля утром заняли окраину Дубно в районе костела. Под сильным огнем сменяли К.П. в район кладбища. Ночь в склепе на кладбище. 13 февраля непрерывные атаки танков, самоходок и автоматчиков. Френкель убит. Убиты Космачев, Рахаев, Соболев, Пушкарев..."

Через некоторое время в редакцию "Комсомольской правды" пришло письмо от гражданки Френкель-Олендер» которая просила сообщить адрес Ивановского или его однополчан, чтобы узнать о Френкеле, его имя, отчество и конкретно, где он был убит. Все эти годы ни мать, ни она не знали о судьбе своего погибшего на фронте брата, так как не получили "похоронки", и он считался пропавшим без вести. Не является ли упомянутый в статье Френкель ее пропавшим без вести братом? Редакция переправила мне ее письмо. Я ответил, что погибший в Дубно начальник артиллерии полка капитан Френкель Борис Харитонович. Отчество Френкеля совпадало с отчеством женщины, приславшей письмо - Ева Харитоновна. Было ясно - это ее родной брат. Завязалась переписка.

Ева Харитоновна очень просила поехать с ней в Дубно и хотя бы показать место, где погиб ее брат. Сама она проживает в Харькове (Ростове-на-Дону). Мать умерла, так и не узнав ничего о пропавшем без вести сыне. Шло летнее время, и мне было не просто поехать на несколько дней в Дубно. Тем не менее, я решил помочь в этом святом деле. Полученное письмо с его фотографией никаких сомнений уже не оставляло. Мы списались и вскоре Ева Харитоновна приехала в Москву, откуда мы выехали в Дубно.

Местные партийные органы и городской совет оказали нам всяческое содействие. Это был первый мой приезд в Дубно в послевоенное время. 1976 год. Разыскать бойню больших трудов не стоило, она находилась за костелом, примерно около 1 км. За эти годы многое изменилось в тех местах, где мы вели наступление. Я полностью ориентировался по бойне, в которой находился наш К.П. Справа и слева выросла целая улица, застроенная деревянными домами от еврейского до польского кладбищ. Однако бугор и ближайшие места от бойни, по которым мы отходили, застроены не были. В 50-60 метрах левее двери черного хода стоял вновь выстроенный дом, где-то между дверью и домом было то место, где упал сраженный пулей каштан Френкель. Да, я не ошибся, это было именно место его гибели и там он остался лежать.

Бойня мне не казалась уже такой огромной и массивной, как в февральские дни 1944 года. Там находился какой-то склад продовольственных товаров, а площадка вниз параллельно улице от парадного входа - застроена рядами длинных столов - малый рынок, где по воскресеньям колхозники и крестьяне близких деревень торговали овощами, фруктами и разной снедью. Я водил по этим местам Еву Харитоновну, показывал места, рассказывал о событиях тех далеких дней, которые ярко и образно пробуждались в моей памяти. Местные жители с любопытством прислушивались к нашему разговору. Когда я показал место, где упал ее брат, она расплакалась навзрыд. Ее можно было понять, и я ее успокаивал, был к этому готов. В это время к нам подошел мужчина, примерно 38-40 лет, и, обратившись ко мне, произнес: "А я вас помню и узнал, все события тех дней происходили у меня на глазах. Мне было тогда 16 лет. Во время стрельбы мы прятались в погребе, а когда стрельба стихала или прекращалась, я выходил. Вы были с большой санитарной сумкой с красным крестом". Да, это была большая неожиданность. Узнать через 12 лет и подтвердить это конкретными фактами. Он назвался Минчуком Валентином Николаевичем, шофером машины-хлебовозки. Я попросил его подробно рассказать о дальнейших событиях после нашего отхода. Меня интересовало, кто и когда хоронил убитых казаков, где эти захоронения. Минчук охотно согласился и показал братскую могилу. Недалеко от бойни, на окраине, но в черте города немцы заставили местных жителей

собрать всех убитых "русских" и похоронить в одной могиле. Минчук и другие в этом приняли участие. Когда в марте фашистов изгнали, и Дубно был освобожден, рядом около братской могилы наши части хоронили убитых с воинскими почестями, установили временный обелиск с фамилиями, инициалами павших воинов. По всем данным только в этой братской могиле мог быть похоронен и Френкель.

Когда закончилась война, местные власти огородили это место, оформили общее захоронение, увенчали его гранитным обелиском и выбили имена здесь похороненных по тем фамилиям, которые были на временном памятнике. Это маленькое кладбище воинской славы было ухожено, украшено цветами, дорожки посыпаны песком. Никто не забыт, ничто не забыто. Но не все имена можно было высечь на камне, ведь захоронено было много безымянных, павших героев.

Минчук рассказал о многих событиях. К нам подошли две женщины, которые также были очевидцами событий тех дней - Пилиннюк Елена Петровна, педагог школы № 4. Пащук Лидия Денисовна, ее дом был построен недалеко, в нескольких метрах от места, где был сражен Френкель. Дома всех троих построены параллельно бойне, улица называется ул. Воссоединения.

Ева Харитоновна очень хотела, чтобы на гранитном постаменте выбили имя ее брата. Оказалось, что это дело непростое и есть много сложностей в осуществлении ее желания. Необходимо было представить официальные документы: метрические выписки о месте и времени рождения, подтверждение из РВК о времени призыва в Красную Армию и другие справки. Оставшиеся в живых однополчане были единственными свидетелями, которые могли подтвердить подлинность и достоверность о своем однополчанине Френкеле.

Кое-что мы с Олегом Генриховичем предусмотрели и составили документ - свидетельство: "Мы, бывшие офицеры 29 гвардейского кавполка 8 гвардейской кавдивизии 6 гвардейского кавкорпуса, подполковник запаса Аронов Е.И. и майор запаса Ивановский О.Г. подтверждаем, что начальник артиллерии 29 гвардейского кавполка гвардии капитан Френкель Б.Х. погиб в боях за Дубно, 13 февраля 1944 года и похоронен в братской могиле в черте города Дубно, что и свидетельствуем. Личные подписи наши свидетельствуют и заверяют официальные учреждения. Печать".

Хорошо, что мы с сестрой Френкеля поехали, заручившись таким документом. У нее были и другие справки, на основании которых РВК дал добро - выбить на постаменте: "Гв. капитан Борис Харитонович Френкель". В процедуре участвовали ученики, пионеры и комсомольцы. Состоялся митинг, на котором выступили представители Горсовета, РВК, Горкома комсомола и я. Были возложены цветы. Присутствовал корреспондент местной газета "Червона зирка" – Петр Яковчук. Так промелькнувшая в газете фамилия стала первым звеном, которое потянуло всю цепочку и родственники через годы и расстояния узнали о близком и дорогом человеке, считавшимся пропавшим без вести. После первого посещения Ивановский и я еще несколько раз побывали в Дубно. Выступали перед населением, школьниками, в учреждениях, колхозах.

Прошло много времени с того времени, когда мы штурмовали город, где остались братские могилы наших боевых друзей-однополчан. Мы возлагали цветы к памятникам и преклоняли головы перед теми, кто не дождался светлых дней Победы. Проходили памятные места боев, с гордостью проходили по улице Симбуховского, названной в честь нашего героя-командира. В дни сорокалетия Победы реше-

нием Дубновского Совета народных депутатов Михаилу Ивановичу Короткову, Станиславу Иосифовичу Ростозкому, Александру Александровичу Ключареву, Олегу Генриховичу Ивановскому и автору этих строк присвоили звания - Почетный гражданин города Дубно".

Конец февраля. Нас выводят во второй эшелон в район Завале. Немцы контратакуют Луцк. Поговаривают об отдыхе. За время боев потеряли матчасть, в основном артиллерию.

11 марта ночным маршем сосредоточились в районе Новины. Это чешская деревня.

13 марта идем в прорыв на Рудлево. Наступление проходит удачно, занимаем деревню Церквиска.

15 марта ведем бой за Пелчу. Этот бой мне особенно запомнился. Полк наступал, но был остановлен сильной контратакой и занял оборону, по гребню высоты. Впереди лежала Пелча. Между нашей линией обороны и деревней пролегал овраг в виде лощины. Немцы готовились к контратаке, но им необходимо было спуститься, преодолеть овраг и наступать вверх, в гору. Хотя наша позиция была предпочтительнее, но противник нас превосходил по численности в несколько раз. Слишком жидковата была наша оборона. Симбуховский нервничал. Необходимо было удержать высоту, так как она прикрывала важную дорогу.

Симбуховский принимает решение просить наш дивизион "Катюш", когда немцы окажутся в овраге - дать по ним залп. Немцы пошли в атаку, заполняли овраг и в это время три установки дали по ним мощный залп. Из окопов мы наблюдали, как фрицы были накрыты этим залпом. Огонь "Катюш" велся с закрытых позиций. Это было страшное зрелище... Около двух батальонов эсэсовцев и власовцев были разгромлены, больше половины перебиты, остальные бросились бежать и полк добивал их из всех видов оружия. К вечеру Пелча была наша.

В Пелче пришло в полк небольшое пополнение. Среди них был лейтенант Овсянников с лейтенантом м/сл. фельдшером. Она была представлена как жена лейтенанта. Итак, в санчасть пришел еще один фельдшер. Овсянников уже успел воевать, лежал в госпитале. Симбуховский высоко ценил пополнение из тех, кто уже воевал и тем более нюхал порох. Несколько дней Овсянников командовал взводом, показал себя смелым и решительным офицером. Вскоре он принял эскадрон. Вскоре был ранен осколком, который застрял в легком. Лейтенант храбрился, не хотел ехать в госпиталь, но ранение было серьезным, и в сопровождении жены его эвакуировали. Больше мы их не встречали.

После взятия Пелчи продолжаем наступать, режем пути отхода Дубновской группе. Немцы в панике. Выходим в район Ситно, Гайки Ситенские.

18 марта следуем в район деревни Подзамче, Подлипки, ведем бои за деревни Дранчу Русскую и Дранчу Польскую. Деревни взяты. Небольшая остановка в наступлении.

22 марта в полку Ч.П., которое всех потрясло. У Василия Федоровича был ординарец - сибиряк, добрый казак, которого он в шутку называл "челдон желторотый" - Лебедев. Он очень любил своего командира, уважал и был ему предан до самоубийства. И Симбуховский любил своего ординарца, доверял ему, чем Лебедев очень гордился. Утром этого злополучного дня Лебедев чистил парабеллум своего командира. Симбуховский сидел в своей комнате напротив и писал письмо. Лебедев по невнимательности просмотрел, что в патроннике пистолета остался патрон, слу-

чайно нажал на спусковой крючок... прозвучал выстрел, и пуля пронзила Василия Федоровича навывлет в грудь. Прострелено правое легкое.

Симбуховский упал, обливаясь кровью. Весть о ранении командира полка с быстротой молнии облетела полк. В начале кто-то крикнул: "Убит командир полка". К дому сбегались люди. Я прибежал и застал раненого в состоянии шока. Рядом стоял белый, как мел, Лебедев, лишенный дара речи. Вслед за мной прибежал Олег Ивановский. Раненый лежал на боку, сорочка в крови, сознание сохранено. Я бережно повернул раненого, наложил несколько ватно-марлевых подушек на входное и выходное отверстия, туго перевязал. Прибежал Ключарев. Мы усадили раненого, сделали сыворотку, сердечные и обезболивающие средства. Во дворе стояли в оцепенении офицеры, и Лебедев рыдал, не мог вымолвить ни слова, в глазах страшная тоска.

Первые слова раненого были: "Лебедев не виноват, все произошло случайно, в случае чего не давайте его в обиду".

Мы представили реакцию командования, прокуратуры, военного трибунала, которые в то время смотрели на подобные чрезвычайные происшествия и вовсе не были склонны расценивать такие Ч.П. как случайные. Виновника ожидало суровое наказание. Чтобы Лебедева не подвергли аресту и не отдали под суд военного трибунала, Симбуховский настоял, чтобы его отправили в госпиталь в сопровождении Лебедева. Ивановский в данном случае брал на себя всю ответственность и, посоветовавшись с нами согласился выполнить просьбу раненого. Прибывшая из М.С.Э. санитарная машина увезла Симбуховского и Лебедева в госпиталь. Сопровождал их Ключарев. Полк был взбудоражен. Только и разговоров было о нелепом ранении командира полка. В то же время люди в полной мере оценили благородство и доброту своего командира, как человека.

После ранения Симбуховского в командование полком вступил его заместитель по строевой части подполковник Мельников.

26 марта. Ведем бой за деревню Паниква, режем шоссе Броды - Львов. У фрицев паника. Бой за Паникву продолжается, но это твердый орешек, так как взятием этого села мы перерезаем шоссе и завершаем окружение противника. Задачу выполнили, но нас не поддержат другие части, немец прорывается, и мы отходим. Под огнем полк меняет позиции и командный пункт. В это трудное время ранен подполковник Мельников. Итак, мы без командира полка и по положению командовать должен начальник штаба, майор Денисов.

Разгар боев, а мы без командира полка. Хотя полк дерется и неплохо, но чувствуется отсутствие твердой руки и авторитета Василия Федоровича Симбуховского. Мы считали, что никто его не может заменить. Все надеялись на его выздоровление и возвращение в полк. Через несколько дней из штаба дивизии в полк на должность комполка прибыл полковник Гуменный. Он был заместителем командира кавдивизии Павлова по строевой части.

Гуменный - кадровый офицер, служивший поручиком в царской армии. Высококультурный и тактически грамотный командир, прирожденный военный, участник первой мировой и гражданской войн, без колебаний перешедший на сторону молодой Советской республики. Требовательный и в то же время вежливый и приятный в общении.

2-8 апреля ведем кровопролитные бои в районах Паниква, Черница, Баратын. Людей в полку остается все меньше и меньше. Несмотря на большие потери, когда в

эскадронах остается не больше трети, задачи боевые ставятся, как полнокровным подразделениям.

Убитых немного, но много раненых. Порой трудно справляться с потоком, не хватает квалифицированных рук. На этом участке у немцев большое превосходство в танках и авиации. Нас бомбили по несколько раз в день. Полковник Гуманный толково командовал, чувствовалась его тактическая грамотность. В эти дни начсандив прислал в полк ст. лейтенанта м/сл. Асю Новиченко, фельдшера, жену заместителя начальника политотдела корпуса - подполковника Славчука. Ася при желании могла остаться при муже и работать в П.П.Г. - полевом подвижном госпитале, или в М.С.Э. в крайнем случае, но предпочла полк, передовую и наиболее опасную работу медика. Асе было больше 25 лет, точно не помню, во всяком случае, не меньше 26-27 лет. В ее возрасте мало кто был в полках. Её уважали за смелость, внимательное и заботливое отношение к раненым. Мы с ней часто под обстрелом и бомбежкой ползли за ранеными, оказывали помощь и тащили на себе в санчасть, обрабатывали вместе с врачами и эвакуировали в тыл. Непосредственно на ПМП обрабатывали раненых врач Лев Рабинович, фельдшер Фома Пархоменко с помощниками - санитарными инструкторами. За время боев мы приобрели опыт организации помощи раненым. Умело организовали прием и эвакуацию на себе раненых с передовой, квалифицированную, в зависимости от наших возможностей, помощь: перевязки, иммобилизацию, инъекции по показаниям и своевременную эвакуацию в М.С.Э. По возможности использовали местных жителей, главным образом женщин, они помогали уходу за ранеными, готовили пищу, кормили и поили наших воинов.

На каждого раненого, отправляемого в тыл, заполнялась карточка передового района, она отрезалась от корешка, который заполнялся идентичными данными: фамилия, имя, отчество, возраст, воинская часть, диагноз, число, время ранения. Карточки были сброшюрованы в форме продолговатой книжечки. Некоторые данные можно было подчеркнуть. По корешкам мы знали и имели данные о всех раненых, которые прошли через ПМП. После войны больше 2500 корешков были сданы в архив. По правилу они должны были храниться. В изданном после Великой Отечественной войны фундаментальном труде "Советская медицина в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", по всей вероятности, использованы данные карточек передового района.

11 апреля полк вывели из боев во второй эшелон обороны. Мы стоим в довольно большом селе, недалеко от города Подкамень Тетыльковце и роем оборону. Санчасть разместилась в большом богатом доме. Тетыльковце - типичное западно-украинское село. Жители зажиточные крестьяне. Наши хозяева - симпатичные, приветливые люди. У них красивая дочь 18-19 лет, зовут Михалина. Попытки ухаживания отвергает, держится гордо, строга в поведении и малообщительна.

Меня вызывают в штаб корпуса к начсанкору Вербицкому. Не знаю причину вызова. Седлаем коней и с коноводом Жуковым скачем в штаб корпуса. Коновод отстает, болтается в седле, горе-кавалерист. Из нового пополнения. Его, как физически слабого, послали в санчасть. Взял его в коноводы, авось подтянется. В санотделе собралось человек 12 фельдшеров из разных полков и дивизий корпуса. Пришла одна путевка в Военно-медицинскую Академию им. С.М. Кирова в Ленинград. Надо подобрать кандидатуру. После длительного обсуждения и собеседования выбор пал на меня. Не скрою: я был рад - такая перспектива, учиться в Академии, стать военным врачом - мечта моей жизни. Коллеги мне завидовали. Я дал согласие. Через

два дня я должен явиться в санотдел, рассчитаться в полку и получить путевки и другие документы. В полк летел, как на крыльях, рысью и галопом. Коновод едва поспевал за мной. Друзья в полку меня поздравляли, завидовали. Особенно был рад за меня Ключарев. Вечером мне вдруг стало грустно: покидать полк, боевых друзей, однополчан, с которыми так много связано... Мы наступаем, война должна скоро закончиться, а я должен уезжать.

И я отказался. Решил на следующий день поехать в санотдел корпуса и подать рапорт об отказе, благо достойных кандидатов есть достаточно.

Утром приказал Жукову седлать коней. Прихожу на конюшню, а Жуков заявляет: "Товарищ гвардии старший лейтенант, Орлик заболел, не стоит твердо на ногах, спотыкается". Я буквально обомлел, конь посажен на все четыре ноги. Кавалеристы знают, что это такое. Вчера разгоряченного коня Жуков, не дав после скачки остыть, напоил и накормил ячменем (овса не было). Это была непростительная небрежность коновода, неопытного в подобных случаях. Да и я хорош, на радостях забыл его предупредить, полагая, что он как колхозник, крестьянин знает это правило.

Это граничило с преступлением. В результате произошло острое воспаление желудка и как осложнение тяжелое поражение ног в суставах. Эх, бедный мой Орлик! Как верно он мне служил, а после всего я должен с ним расстаться. Ветеринары пытались его лечить, ставили в месиво из сырой глины, применяли какие-то процедуры, но все безуспешно. Я лишился коня, верного и незаменимого друга. По нашей связи сообщил начсанкору об отказе, извинился, и на этом все кончилось. В Тетыльковцах мы простояли до 15 апреля.

15 апреля - оставляем зря вырытую оборону. Орлика отдал хозяевам. Его описали как негодного к военной службе.

Снова марш и сосредотачиваемся в селе Старый Пачаюв. В западной Украине проходит Кременецкий кряж - гористая местность. В живописном месте высится монастырь - Почаевская Лавра, село Старый Почаюв совсем недалеко от монастыря, где расквартирован полк. Монастырь - большой, красивый собор с монахами и настоятелем - важным церковным чином, действующий. Около паперти и вся территория вокруг всегда кишела народом, приходившим на поклонение святым мощам, многие больные и калеки с надеждой на исцеление. Нам было интересно познакомиться с тем, что у нас в стране этого давно не было и стало анахронизмом. Монахи и их настоятель относились к нам и нашей армии благожелательно, ругали немцев, которые, по их словам, прижимали монастырь. Монахи процветали, им приносили подношения, подарки. Шла бойкая торговля свечами, иконками и прочими церковными атрибутами. Монахи были упитаны, с холеными лицами, у многих красивые бороды. Соблюдалась иерархическая лестница от владыки до послушника.

В Старом Почаюве находился военный госпиталь и наши медицинские сестрички проявляли к монахам повышенный интерес. Живем в Почаюве Отдыхаем, пополняем. Зимняя кампания окончилась. На фронтах затишье.

К нам за медицинской помощью обращается местное население, и мы по возможности не отказываем.

В западной Украине мы узнали об ОУНовцах - организации украинских националистах, об их главаре Степане Бендере, Мельнике и других вожаках. Они объявили себя борцами за вольную и самостийную Украину, против советских и немецких империалистов. Вступая в некоторые деревни, на стенах мы читали надписи: "Долой германских и советских поработителей!" Во многих хатах висели портреты или фото-

графии Степана Бендеры, Евгения Коновальца, Семена Петлюры и других апологетов ОУН'а. К сбоям кумирам они приобщили и Тараса Шевченко. У них была строго законспирированная военно-политическая организация, утвердившая боевой устав, герб в форме трезубца и желто-голубое знамя.

Для нас это было вначале дико и странно, но позже мы неоднократно сталкивались в схватках с этими бандитами. Фактически они служили немцам, так как вели диверсионные и боевые действия против Красной Армии. Нападали на активистов советских учреждений - сельсоветов, колхозов, применяя саше изощренные и зверские методы расправы: пытки, расстрелы, повешение. В открытые бои не вступали, устраивали засады, нападали из-за угла, охотились за одиночками, особенно за офицерами, чтобы завладеть формой, документами, орденами и медалями. Местное население из страха мести и боязни расправы оказывало бандитам содействие. От хат они рыли схроны (хранилища), где собирали оружие, боеприпасы, продовольствие и другие припасы. Из потаенных мест в хатах рылись подземные ходы, уходящие далеко в лес к схранам. ОУН имел различные службы; "Збраева" - вооружение, С.Б. - служба безпеки (безопасности), карательный орган, "господарча", "медычна" и др.

Много крови пролили эти звери. Иначе их не назовешь. Их центр находился в Вене, которая была под контролем фашистской Германии. На местах для видимости они изредка нападали на немцев, но это был не больше и не меньше как камуфляж.

Бендеровцы враждовали с поляками. Между ними также происходили схватки, но действия бендеровских бандитов основывались на резне. Я видел своими глазами страшные картины, где польские хутора были разграблены, а люди вплоть до младенцев зарезаны. Местное украинское население, в основном зажиточные куркули, открыто поддерживали бандитов. Молодые парни зажиточных семей пополняли отряды бендеровцев, нежелающих - загоняли силой. Основная масса населения - трудовое крестьянство - страдало от поборов и реквизиций, а также насильственной мобилизации молодежи. У бандитов была хорошо организованная служба связи. Специальные связные были в каждом населенном пункте с явками и пунктами сбора донесений.

29 февраля 1944 года группа бендеровцев напала на небольшую колонну, в которой следовал командующий фронтом генерал армий Ватутин. В результате тяжелого ранения генерал скончался.

Май. У нас радостное событие: вернулся из госпиталя после ранения командир полка Василий Федорович Симбуховский. С ним его ординарец - Лебедев, который его случайно ранил. Симбуховский радостный, веселый, правда немного похудевший, всех обнимает, целует. Его интересуют события в полку, бои, которые вел полк, те, кто погиб, кто ранен. Вечером состоялось собрание, присутствовали офицеры, казаки эскадронов и батарей. Начальник штаба доложил обстановку, командиры подразделений доложили о наличии людей, конского состава и вооружения. Так как мы стояли на кратком отдыхе, была проведена выводка конского состава. Прошли партийные и комсомольские собрания.

После неудачных боев в районе Паниквы мы действовали севернее линии Броды - Львов, ведя бои и постепенно продвигаясь ко Львову с северо-запада. В конце мая мы находились на подступах к городу Торговице. Это небольшой городишко Западной Украины. После его освобождения полк был расквартирован в городе. Вели разведку, чтобы быть в курсе дел.

В Торговице мы узнали о трагедии недалеко расположенных от города двух деревень Чешский Малин и Украинский Малин. За две недели до занятия нашими войсками Торговице к этим деревням прибыл эсэсовский карательный отряд в количестве нескольких сот солдат. Деревни были окружены, чтобы ни один человек не мог ускользнуть из деревни. Все население было выгнано из домов на площади, в том числе старики и дети. Все были расстреляны, свалены в ров и закопаны. Чудом спаслась девочка лет 10-12, которая оказалась свидетелем этой варварской акции. Во время нашего пребывания в Торговице компетентная комиссия производила раскопки рва, в котором были погребены жертвы этой зверской расправы над мирным населением, заподозренным в связи с партизанами. В государственных архивах страны должны быть акты, где собраны факты зверств фашистских оккупантов на территории Украины.

Наш, 29 гвардейский полк выделялся своими боевыми действиями, его ставили в пример другим частям. Особенно гремела слава после Дубенских боев, где треть полка совершила беспримерный рейд. После этих боев мы не сразу поняли их значение в общей оперативной обстановке на том участке фронта.

Со дня прихода и вступления в командование полком, Василия Федоровича Симбуховского 29 гвардейский стал одним из лучших боевых полков дивизии и 6 гвардейского кавалерийского корпуса. О нас заговорили. В Торговице нас ждал сюрприз.

К нам приехал художественный коллектив корпусного ансамбля песни и пляски под руководством начальника Дома Красной Армии 6 гвардейского кавкорпуса Александра Андреевича Тищенко. Это был поэтически и музыкально одаренный руководитель своего небольшого коллектива, собранного из способных к музыке и танцу рядовых разных полков. Ансамбль разъезжал по полкам и частям корпуса, давая в перерывах между боями концерты, пользующиеся среди личного состава большим успехом.

В Торговицах в полуразрушенной школе собрались офицеры и солдаты полка. В первом ряду сидели Симбуховский, офицеры штаба, командиры. Зал школы был переполнен зрителями. Исполнялись песни, скетчи, юморески, пляски и песни. Песня - душа человека, на фронте - душа воина.

После исполнения общей программы наступила небольшая пауза, замолчала музыка небольшого оркестра, на сцене собрались все участники концерта, и грянула песня. Вслушиваясь в слова и мелодию песни, все присутствующие сидели, как зачарованные. Да ведь это песня про наш 29 гвардейский полк и называется она "Симбуховцы"! Хор начал песню торжественно, ритм мелодии постепенно нарастал, ширился. Каждый куплет заканчивался припевом.

Полный текст песни "Симбуховцы":

Слушай, казак молодой, клич боевой:
 - Крепче клинок удалой, смелее в бой!
 Честь по-гвардейски храни,
 Знамя полка береги!
 Симбуховцы бьются, как львы.
 Ай да казаки!

Двадцать девятый в бою не подведет,

Путь для отважных в бою - только вперед,
 В Ровно и Дубне дрались,
 К славной победе рвались,
 Эскадроны вихрем неслась...
 Ай да казаки!

Славы гвардейской своей, конник лихой,
 Мы не уроним с тобой, друг боевой!
 Помнишь, товарищ, бои
 Там, где друзья полегли
 За свободу отчизны своей.
 Ай да казаки!

Слушай, казак молодой, клич боевой:
 Крепче клинок удалой, смелее в бой!
 Честь по-гвардейски храни,
 Знамя полка береги!
 Симбуховцы бьются, как львы.
 Ай да казаки!

Песня на бис исполнялась несколько раз, зрители были возбуждены, ведь пели про нас, наш полк, любимого командира полка и песня названа его именем - "Симбуховцы". В этой песне мы видели себя, свои боевые дела в бою за Дубно, а об авторе и не подумали, и не спросили. С тех пор прошло около 40 лет. Многие участники этих боев не дошли до Победы, но добрая песня осталась в памяти.

Из воспоминаний композитора Александра Андреевича Тищенко - автора слов и музыки песни "Симбуховцы":

"В корпусе о 29 гвардейском говорили, как о полке-герое. После создания песни "Симбуховцы" она широко распевалась в частях корпуса. О ее создателе никто не говорил и не упоминал. Прошли годы и мне, как бывшему руководителю Дома Красной Армии 6 гвардейского корпуса, приходили письма от ветеранов - песню помнят, от "Следопытов" группы "Поиск" - все искали и спрашивали у меня, кто автор слов и музыки этой, полюбившейся игл песни. Ищут автора... Это ли не радость для человека, и не помышлявшего о том, что его песню запоют так широко - радость не от того, что она написана мной, а потому, что стала своеобразным памятником доблестному воинству героического 29-го... Я получил письма от 76-летнего Василия Петровича Воронежера, от Михаила Ивановича Короткова, Ивана Федоровича Насонова, Ивана Тимофеевича Размоськина. Все они просят найти автора, приглашают на встречу. Подобные письма приходили и раньше от работников музея 6 гвардейского кавалерийского корпуса, от школьников Подмосковья. И все же наступило время, когда скрывать свое авторство было уже невозможно.

...Признаюсь и скажу, что отнюдь не считаю "Симбуховцы" совершенным произведением. Вижу огрехи и в строе стиха, и в рифмах... Это как бы "моментальный снимок", фронтовой набросок "коллективного портрета" гвардейцев, характерная фронтовая песня-листочка, каких было великое множество в годы войны.

В памяти встает то далекое прошлое: Полк на "отдыхе" в нескольких километрах от передовой. Выступаем в одном из больших классов полуразрушенной школы.

На передней скамейке Симбуховский, офицеры штаба и подразделений... Трудно описать, как пели певцы бригада, они полностью отдавались песне, исполняя ее перед теми, кому она посвящена, но еще труднее рассказать о реакции слушателей... У Симбуховского задрожали от волнения пальцы рук, набегали на глаза слезы, силой воли, видно, он заставил себя дослушать песню до конца. Его волнение, естественно, передавалось и мне, всем выступавшим и слушающим. Так начался путь песни.

В 1953 году были изданы "Материалы по истории песни Великой Отечественной войны", где были опубликованы "Симбуховцы" с пометкой - "Автор текста неизвестен". На этом злоключения песни не окончились. В 1975 году вышел сборник фронтовых песен "В боях и походах", и в нем под заголовком "Слушай, казак молодой" опубликована песня с достаточно красноречивым примечанием составителя: "Песня 29 гвардейского полка 8 гвардейской им. Морозова кавалерийской дивизии, рожденная в гражданскую войну?!! Эта песня с несколько измененным текстом распевалась конниками в годы борьбы с гитлеровскими захватчиками. Герои-кавалеристы названы в песне симбуховцами - по имени погибшего в бою командира полка Василия Симбуховского. Автор текста неизвестен.

...В газете "Красная Звезда" от 6 июля 1972 года опубликована песня "Рожденная в гражданскую войну" с несколько измененным текстом..." - одному аллаху известно, из какого источника почерпнул составитель эти сведения.

...Получив приглашение и приехав на встречу ветеранов 29 гвардейского кавалерийского полка в 1981 году в Оренбург, я понял - далее скрываться невозможно. Я "сдался" на милость однополчан.

...На встрече была исключительно душевная обстановка, сердца были распахнуты настезь – "бойцы вспоминали минувшие дни..." Ветераны с большой душевной чуткостью пели мою песню "Симбуховцы".

Я рассказал, как родилась песня, и через какие перипетии она прошла.

...Говорят, от фактов не уйдешь! Песня звучала все эти годы, еще до того, как я привез ноты в Оренбург. Ее пел хор дома культуры, играл духовой оркестр, исполнил солист Оренбургской филармонии Эдуард Безносый, приглашенный на встречу. А самое главное для меня, что тронуло душу, - ветераны помнили песню, слова и мелодию, пели и пели...

...Удивительно ощущение живого дыхания фронтовой песни - она как бы приговорена к своему времени, но в то же время обращена к будущему. Из дали времени, через четыре десятилетия вновь возникли перед глазами пути-дороги прославленного полка советских кавалеристов-гвардейцев, вписавших свою примечательную страницу в историю ратных подвигов советского народа. Так песня нашла себя, нашла не только в среде тех, кому она была предназначена, но и тех, кто знал о войне только по рассказам ветерана полка. И, быть может, впервые с такой неумолимой реальностью, всем сердцем я почувствовал, что за каждой песней стоит нерушимое фронтовое братство, рожденное в пламени войны и скрепленное кровью тех, кто беззаветно защищал свою Родину!"

В 1965 году я узнал, что Александр Андреевич Тищенко работает в Союзе композиторов, является секретарем партийной организации, и решил с ним встретиться. Прошло более двадцати лет последней нашей встречи в полку, но он мало изменился и я его сразу узнал. Меня он не помнил. После того, как я подробно рассказал о выступлении ансамбля у нас в 29 гвардейском полку и исполнении песни "Сибухов-

цы", многое воскресло в его памяти. Встреча была интересной и содержательной. Я спросил у него, почему до сих пор он неизвестен как автор слов и музыки этой песни? Он мне рассказал, о чем я частично осветил в его воспоминаниях.

Вторая наша встреча произошла в 1985 году в Москве на его квартире - прошло еще двадцать лет. Годы, годы! Ничто так не изменяет человека, как возраст. Тем не менее, память у Александра Андреевича прекрасная, голова светлая. Он много читает, живо интересуется событиями музыкальной жизни, получает письма от ветеранов и друзей по прошлой работе. Ему пошел 85-й год. У него верная жена, с которой он прожил больше 50 лет, три дочери, внуки и правнуки. Ветераны вспоминают его добрым словом.

Май. Получен приказ о передислокации за Кременец, в деревню Шепетынь. Это большое село. Санчасть расположилась в доме председателя сельсовета Стацышина. Недалеко от села дорога Дубно-Броды-Львов и большак, ведущий в город Кременец. В километре от деревни лес. Ходили слухи, что в лесу прячутся бендеровцы и нам необходимо быть начеку. Стоим на отдыхе. Ежедневно проводятся занятия по боевой, строевой, огневой и политической подготовке. Получаем пополнение и материальную часть. Офицеры и рядовые сдружились с местным населением, отношения самые добрые, но в поведении отдельных семей чувствуется настороженность, какая-то боязнь. Лето, погоды хорошие, солнечные, не хочется думать о предстоящих боях.

С возвращением из госпиталя любимого командира полка Василия Федоровича Симбуховского совершенно изменилось настроение. Вера в командира - великое дело. В его отсутствие дисциплина заметно упала, и с его приходом мы почувствовали, что разболтанности пришел конец. В Шепетыни мы отдыхали довольно долго - около двух месяцев. Лошади паслись и вошли в тело, проводились выводки, приводилась в порядок сбруя, транспорт,ковка. На краю деревни православная церковь и дом попа. Священник, средних лет мужчина, солидный, красивый, холеный, очень доброжелательно настроенный к нам. Мне пришлось с ним беседовать. Чувствуется высокая культура и незаурядная эрудиция. Пришел он как-то в санчасть с просьбой оказать помощь его не то домработнице, не то какой-то родственнице. Ключарев и я пришли по его просьбе. Нас приветливо приняли. У него семья - жена и двое ребят до 10-летнего возраста. Мы внимательно осмотрели больную и по возможности помогли. У нас состоялась интересная беседа. Ему понравилось наше личное отношение и взгляды: на религию, отношение к верующим. Батюшка очень интересовался международным положением, положением на фронтах. Просил дать почитать наши газеты. Когда в полку прошел концерт художественной самодеятельности, а устроен он был на поляне, мы его пригласили и усадили в первом ряду.

В один из дней у нас исчез солдат. Говорили, пошел в лес и больше не вернулся. Когда прочесали лес, его нашли в заброшенной землянке убитого, истерзанного с вырезанной на спине звездой. Его пытали и замучили бендеровские бандиты. Лес прочесали, но никого не обнаружили. Солдата похоронили с почестями и поклялись отомстить.

В санчасть обратилась женщина из соседней деревни, расположенной в 4-5 км от Шепетыни, в лесу, с просьбой полечить ее мужа. Я отговаривал Ключарева ехать в эту деревню, а предложить женщине привезти мужа в санчасть, но она ответила, что он слаб и очень плох. И все же Александр Александрович решил не отказать в просьбе. Меня тревожил этот визит, я предложил поехать вместе с ним и взять не-

сколько вооруженных казаков. Он отказался и поехал со своим коноводом. Он понимал, что это небезопасно, но не хотел выглядеть трусом, знал, в той деревне нет наших и не исключено столкновение с бендеровцами. На следующий день он уехал. Муж больной действительно был тяжело болен открытой формой туберкулеза, которая протекала, как скоротечная чахотка. Саша его внимательно осмотрел, прослушал и дал целый ряд полезных советов, хотя хорошо понимал исход этого тяжелого недуга.

Хозяйка решила хорошо угостить доктора, приготовила стол. Коновод с лошадьми находился во дворе за сараем, когда услышал, что в деревне появились вооруженные люди. Он предупредил Ключарева, и они едва унесли ноги из этой деревни. Задержись они на 5-10 минут и вряд ли вернулись бы живыми. После его отъезда на сердце у меня было беспокойно, я не находил себе места и поехал с небольшой группой в 5-6 человек в эту деревню. Мы шли на рысях, когда встретили скачущих нам навстречу смельчаков. Командир полка, узнав об этом эпизоде, здорово отчитал своего старшего врача за безрассудное поведение и поездку без его разрешения.

Помнится еще один эпизод в этой деревне. Наша санитарка Маргарита стала вести себя вызывающе, дерзила, не выполняла наших распоряжений по работе в санчасти, вела себя неприлично с некоторыми офицерами. Я просил своего начальника - Ключарева доложить о ее поведении Симбуховскому, чтобы он приструнил Маргариту, но Саша, очень стеснительный по натуре, отказался. Сказал: "иди ты, доложи". И я пошел. По всей форме обратился и доложил. Он меня внимательно выслушал. По всей вероятности, знал, что она запуталась в своих любовных отношениях и поссорила между собой двух наших офицеров. Командир молчал, что-то обдумывал, на скулах ходили желваки, но затем позвал своего ординарца Лебедева и приказал: "Запрягай повозку, сейчас отвезешь Костючкову с документами об откомандировании в сан-отдел корпуса". Так мы были избавлены от человека - девицы легкого поведения, потерявшую совесть и нарушившую чувство женской чести. Да, сложно, когда в армейской среде одна или две представительницы женского пола, а вокруг столько молодых людей.

Меня беспокоило, что я остался без хорошего коня. Пользовался разными лошадьми, у некоторых комэсков были неплохие запасные кони, но это было не то, что мне хотелось. Я надеялся, что кто-нибудь из моих друзей из уважения ко мне подарит коня. Вскоре пришел небольшой "ремонт", среди которого я подобрал себе вороного коня из породы Ахал-текинов, очень похожего на моего Орлика. У него была другая кличка, но по договоренности с ветеринаром мы его также нарекли Орликом, Маштак уже ходил под седлом, был в боях, на левом крупе были следы, рубцы от ранения мышц. Я много уделял внимания коню, тренировал его, занимался с ним, на плацу, изучал его слабые и сильные стороны, и постепенно мы стали хорошо понимать друг друга. Я взял в постоянные коноводы татарина из Казани Миникаева Исмагила, который был со мной в Дубненской операции и вытащил из болота первого Орлика. Позже он в чем-то провинился и был переведен в эскадрон. Он очень любил коней, и у него был с ними свой, только им понятный, язык.

Во время войны появилось крылатое слово - сын полка. Сколько их осталось малолетних сирот, у которых немцы расстреляли родителей. Это были сироты. Проходя через освобожденные от немцев районы, наши солдаты отдавали им свой хлеб, сахар, с душевной болью вспоминая своих детей, оставленных в тылу и, что

еще хуже, на оккупированных территориях. Редко в какой части не было сына полка, главным образом мальчишки 12-14 лет. Отвечая за жизнь детей, командиры частей старались отправить их в тыл в детские дома или с рекомендациями в Суворовские училища.

На развалинах сожженной и разбитой деревни в 194__ г, наши казаки подобрали мальчишку лет 12-13. Он сидел у своего сгоревшего дома, оборванный, голодный, как затравленный зверек. Подошли казаки, спросили: "Ты чей, хлопчик, и чего здесь сидишь?" - А куда мне идти? Мамка померла, а отца расстреляли немцы, хата сгорела... И заплакал. Могло ли выдержать солдатское сердце? Его накормили, обогрели, дали старую шинель и, так как это было на марше, забрали с собой, усадив на повозку. Командир хозяйственного взвода поговорил с солдатами, и все решили оставить его в полку. Это был Роберт Поздняков. Шел ему тогда тринадцатый год. Первое время его скрывали, так как не было разрешения командира полка, не знали, как он среагирует. Шила в мешке не утаишь. Командир полка поговорил с мальчишкой и принял решение при благоприятных обстоятельствах отправить его в тыл. Шло время. Сын полка был окружен вниманием и любовью. Ему подобрали по размеру небольшие сапоги, подогнали обмундирование, шинельку. Он выглядел маленьким казачком. Его берегли, держали в обозе второго эшелона. Он помогал повару, выполнял различные поручения. Во время боев его надежно оберегали от опасностей и случайностей, которых во время наступления или обороны хоть отбавляй: обстрелы, бомбежки, прорывы и отходы. Мальчишка оказался с характером. Не трусил и стал проситься в эскадрон. У него был приятный, еще не переломившийся голос, хороший слух и в часы затишья и отдыха он забавлял солдат частушками. За смелость и боевые дела он был награжден медалью "За отвагу".

С нашим 29 гвардейским полком Роберт Захарович Поздняков прошел до Дня Победы. Через много лет, когда стали отмечать 9 мая - День Победы, Поздняков, а было ему уже за сорок, жил он в Бахмаче, имел двоих детей, приехал в Москву. Произошла незабываемая радостная встреча. Всем, было, что вспомнить.

В полку были еще другие сыны полка: Колмаков Владимир, Родченко Петр, Борисов Станислав. В полку каждый из них внес свою лепту в боевые дела, были награждены и сейчас уже в том возрасте, когда сами ветераны войны и труда. Все ведут воспитательную военно-патриотическую работу среди молодежи и особенно среди школьников. 19 февраля 1988 года в Курске был слет бывших сынов и дочерей полков всей страны. В письме ко мне Володя Колмаков подробно описал эту встречу, которую назвал незабываемой. Не прерывается связь времен и поколений, боевые друзья-однополчане встречаются и вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе сражались они.

Середина июля 1944 года. Заканчивается наш отдых в Шепетыни. Готовимся к боям. Это уже четвертая боевая страда. Выступаем по маршруту в направлении Куликов - Залеще. Накануне выступления прощание с хозяевами, где прожили немногим меньше двух месяцев. Многие плачут, и расставаться жаль и, естественная боязнь, что лесные бандиты могут мстить за добрые и сердечные отношения к воинам Красной Армии.

Несколько дней совершаем переходы, главным образом в ночное время. Пошли дожди. Разведка доложила - впереди противник, приготовились к бою, но приказа пока нет. Дождь не перестает, все вымокли. Наши разведчики взяли двух эсэсовцев из дивизии СС. "Галиция". Эта дивизия была сформирована немцами из украин-

цев Западной Украины, власовцев, отщепенцев и изменников Родины, пошедших в услужение фашистам. Их готовили в Германии, вооружили и оснастили самым современным вооружением, приравняли по привилегиям к войскам СС со всеми льготами. Они отличались особой жестокостью, дрались не хуже отборных эсэсовских дивизий. Терять им, было нечего и в плен старались не сдаваться.

20 июля команда "вперед". Совершаем длительный, протяженностью свыше 60 км., марш. Проходим через старые знакомые места, где были жаркие бои - Паникву. Но сейчас разгар лета и эти места не узнать, все в зелени. Над нами пролетают армады воздушных бомбардировщиков "Пешек" - Петляковы, непрерывно бомбят окруженную группировку немцев в Бродовском котле. Сердце наполняется гордостью, когда видишь сотни краснозвездных самолетов, идущих волна за волной на немецкие позиции. Советские истребители сопровождают и прикрывают эскадрильи. Да, это уже не 41-42 годы, когда в воздухе господствовали фашистские ястребы. И, хотя нашей авиации было мало, она действовала смело и отважно, вступала в бой с превосходящими по числу фашистскими летчиками.

Помню яркий эпизод - бой наших двух истребителей с четырьмя "мессерами". Был жаркий летний день, полк расположился на берегу большого озера, кто купался, кто стирал обмундирование, пропитанное соленым потом, купали лошадей. Внезапно из-под солнца ринулись вниз четыре "Мессершмита", чтобы обстрелять скопление полка, представлявшее хорошую мишень. Все стали рассредотачиваться. Также внезапно появились два наших истребителя. Это были ассы, свободные охотники. Завязался воздушный бой, настоящая карусель. Взоры наши обратились в небо, все забыли об опасности и с напряжением и чувством замирания следили за воздушным сражением. Все мелькало в этой круговерти, и мы едва успевали отличать, где мессера, где наши "ястребки", лишь по звездочкам и черным крестам. Вдруг один из самолетов задымился и стал пикировать... Кто-то уже был сбит и стремительно падал в озеро. Мы уже успели заметить, что это "мессер". Еще несколько мгновений, и он рухнул и скрылся в воде. Из сотен глоток вырвалось "ура!". А бой продолжался и через одну-две минуты был сбит второй мессер. Вот это да! Два оставшихся "мессера", прикрывая друг друга, поспешно ретировались. Пролетая над нами, наши самолеты помахали крыльями, взмыли вверх и вскоре скрылись в небесной синеве. Все были возбуждены, хлопали друг друга по плечу, мол, знай наших.

июля полк сосредоточился в деревне Божанка, недалеко от города Рава Русская. Это уже недалеко от линии границы.

июля светает, выступаем и утром пересекаем нашу госграницу в районе пограничного знака № 169, знаки целы. Едем с Олегом рядом, кони наши идут голова в голову. Нас охватывает радостное чувство - мы вступаем за пределы и гоним врага на запад. Наклоняемся друг к другу, обнимаемся и целуемся.

В этот день мы узнали о покушении на Гитлера. Трешит фашистский рейх.

Ведем наступление на город Янув, завязались ожесточенные бои, много убитых, еще больше раненых, едва справляемся. 21 июля овладели Янувом и городом Рудка. Это уже Польша.

Движемся на Запад. Местность лесистая. Фрицы мечутся, нет оплошной линии фронта. Стрельба то слева, то справа, то впереди и даже позади нас. Обстановка и сложная, и непонятная. Мы как бы в окружении: впереди немцы, но за немцами наши части, получается что-то вроде слоенного пирога. Окапываемся, роем окопчики, маскируемся, готовы ко всяким неожиданностям. Периодически лес обстреливается

из минометов.

Сидим с Ключаревым под развесистым деревом, решили закусить. У меня в руках небольшая бутылка с медом - угостили поляки. Саша держит в руке ломоть хлеба. Я из бутылки поливаю на хлеб мед. Внезапно над деревом разрывается мина, осколки летят вниз, крик Саши: "Я ранен!". И он моментально оказывается в окопчике. Меня немного оглушило, бегу к нему, осколочное ранение в правую кисть - перебиты пальцы. Накладываю повязку из индпакета и поверх нее еще одну, руку беру на косынку. Все произошло так внезапно, что мы не отдаем себе отчета. Незадолго до этого из-за ухудшения состояния здоровья пришлось откомандировать в тыл Льва Рабиновича в связи с обострением и учащением приступов бронхиальной астмы. Для ПМП большая потеря. Он прекрасный врач, мы сдружились, сработались, и наша троица хорошо понимала друг друга. Доложили Симбуховскому о ранении старшего врача. Василий Федорович полюбил Ключарева и относился к нему потечески, был сильно огорчен. Кольцо окружения еще не было прорвано и только на следующий день немцев отбросили, подошел наш М.С.Э. и за Ключаревым прислали санитарную машину. Собрались штабные офицеры, пришел командир полка, налил из своей фляжки полкружки водки, дал Сашке выпить, обнял, расцеловал. Это было традицией нашего командира полка - провожать раненых офицеров перед отправкой их в тыл.

Я особенно пережил ранение своего начальника и друга. Я и несколько фельдшеров остались без врача, а впереди бои. Ранение Ключарева было сложным в том смысле, что были перебиты пальцы, повреждены сухожилия, а ведь это правая рука. Только в июле 1945 года, после войны я разыскал Сашу, лежащим во Львовском военном госпитале. Он лежал в инфекционном отделении - болезнь Боткина. Кисть ему сохранили. К счастью, попал к опытным хирургам, хотя она осталась скрюченной. Упорной тренировкой он научился ею владеть и даже довольно прилично писать. После ранения он несколько месяцев пролежал в госпитале и после выписки работал в военном госпитале в Румынии, там заболел, эвакуирован во Львов, где произошла наша встреча. Я приезжал в штаб округа, чтобы узнать об условиях поступления в Академию.

июля наступаем на Красник. С ходу заняли деревню Паток, взяты трофеи.

июля получаем приказ двигаться к Висле. Это уже направление в сторону Варшавы. Предстоят большие бои. К полудню выходим к Висле, но попадаем под сильный артобстрел, есть потери. Сосредоточились в оврагах около деревни Лихув - ставки. Движемся за противником, который стремится уйти за реку. Приказ остановиться до особого распоряжения. Нас обходит наша пехота, форсирует Вислу, но дальше не продвигается.

2 августа наступаем, противник сопротивляется, и мы остаемся на тех же позициях. Относительно спокойно. Пишу родным письма. Конвертов не было, и мы пользовались сложенными в треугольную форму импровизированными конвертами. Почтовые треугольники со штампом полевой части, номера части стали символическими образцами, солдатскими посланиями на Родину периода Великой Отечественной войны. До сих пор помню номер 12945 - номер полевой почты 29 гвардейского кавполка 8 гвардейской кавдивизии.

Нам показали несколько кинокартин. Одна очень запомнилась - это "Жди меня". Долго находился под впечатлением. Второй фильм не помню. На фронте мы зачитывались Конст. Симоновым, его фронтовыми стихотворениями, близкими сердцу

каждого фронтовика. С нетерпением ждали статей Ильи Эренбурга, которые зачитывались до дыр. Он, как никто другой, в своих статьях мог вызвать ненависть к немецко-фашистским захватчикам.

Стоим до 9 августа. Стоят погожие, летние дни. Непонятное затишье.

9 августа - приказ "вперед!". Совершаем 50-километровый марш к реке Танев, недалеко река Сан. Стоим недалеко от Ульянува в деревне Зволяки.

12 августа получен приказ навести переправу через реку Сан. Это была учебная переправа, и после ее наведения, ее испытали, которая прошла успешно. Стоим на месте. Приказ проверить все вооружение, привести полк в полную боевую готовность.

Стоим в лесу в 18-20 километрах от города Сандомир. Размещаемся в шалашах, устроены коновязи и кормушки для коней.

Плохо обстояли дела с медикаментами, особенно с дефицитными. К этому времени положительно заявили о себе сульфамидные препараты, которых у нас почти не было. В Сандомире, по данным наших офицеров, которые там уже побывали, мне стало известно, что в городской аптеке много импортных лекарств. Я попросил командира полка разрешить мне съездить в город и по возможности достать в аптеке нужные медикаменты. Поехал без ординарца, его конь захромал, посчитал, что поеду с утра пораньше и быстро вернусь, мне оседлали Орлика, и я по хорошей лесной дороге поехал в город. Я хорошо запоминал дорогу, по пути проехал несколько лесных хуторов и к полудню добрался до Сандомира. Типичный польский город, стоит на реке Сан, все дома в основном целы. Известен по Великой Отечественной войне, как Сандомирский плацдарм. Разыскал городскую аптеку. Хозяин, он же провизор, не сразу согласился продать дефицитные сульфаниламиды, и все же я его уговорил, дал советские деньги, польские злоты и несколько десятков бинтов. У нас в них недостатка не было. Погарцевал по городу, пообедал в каком-то трактире и не заметил, как быстро пробежало время. Напоил и покормил Орлика и поехал спокойным шагом в полк. К вечеру погода испортилась, быстро набежали тучи, стало смеркаться, стал накрапывать мелкий теплый дождик. Пошел рысью. Дождь пошел сильнее, перешел в настоящий ливень. Сверкали молнии, гремели раскаты грома. Я изрядно вымок. В лесу быстро темнеет, ко всему этому я сбился с пути и понял, что еду не той дорогой, по которой ехал в город. Это были неширокие просеки, а я ехал по хорошей дороге. Хуторов я тоже не проехал. Вот так дела, подумал я, куда же ехать? Сориентировался по компасу, мне надо было держать направление на северо-запад, изменил направление и окончательно сбился с пути.

Шел одиннадцатый час вечера и по расчету я должен был уже быть на месте. Я совсем забыл, что лошадь - умное животное и руководствуется инстинктом. Решил, пусть Орлик сам найдет дорогу. Перекинул повод через его голову на шею и решил, пусть будет, что будет. Орлик несколько раз повернулся и пошел между деревьями, совсем в другом направлении. Конь пытался пойти рысью, но ветки деревьев хлестали меня по лицу, и я его придерживал. Через полчаса, возможно, немного больше, конь заржал, и я не заметил, как мы оказались у коновязи. Мои ребята беспокоились, переживали, строили всякие догадки и обрадовались, когда все закончилось благополучно.

Население польских деревень и городов встречало нас приветливо и относилось к Красной Армии хорошо. Мы шли, как освободители, неся освобождение брат-

скому польскому народу от ненавистных им фашистов. Польская дивизия Тадеуша Костюшко действовала на родной польской земле, и ее встречали поляки с гордостью и воодушевлением. В лесах действовали и польские партизаны, в состав которых входили коммунисты и патриоты других левых партий. В то же время были отряды армии краевой, поддерживающие правительство Миколайчика, который обосновался в Лондоне. Этому правительству подчинялись войска под командованием генерала Андерса. Они находились в Советском Союзе в районах Средней Азии. От совместных действий с нами против фашистской Германии отказались, и через Иран и другие страны были эвакуированы. В союзе с английскими войсками воевали против немцев на Среднем Востоке.

Полку поставлена необычная задача. 19 августа командование полка собрало на совещание офицеров и объявило приказ: полк уходит в наш тыл на операцию по борьбе с бендеровскими бандитами в район города Рава Русская во Львовскую область. Переброска полка будет осуществляться на машинах студебеккерах. Лошади и обозы второго эшелона остаются на месте с коноводами. Итак, в наш тыл, в места, уже освобожденные от немцев. Взяли с собой все необходимое для оказания помощи раненым, все лишнее оставили на повозках. К нам подогнали 50 автомашин, произвели боевые расчеты, батареи с тремя боекомплектами снарядов прицепили к машинам и наша колонна двинулась на восток, Едем по знакомым местам через Томашув, пересекаем границу, проезжаем Раву Русскую и сосредотачиваемся в Мосты Вельке. Поступаем в распоряжение начальника охраны тыла генерал-майора внутренних войск Зубарева. Вокруг леса, много деревень. Бандиты распоясались. Напали на пост связи, где службу несли девушки-связистки. Осажденные бандитами, они мужественно защищались, отстреливались до последнего патрона, но силы были слишком неравны, и все пятеро погибли. Им поставлен памятник. До нашего приезда были нападения на воинский эшелон, зенитную батарею, на машину с пограничниками. По нашим разведанным в этом районе с запада пробрался целый курень - примерно что-то больше полка, состоящий из бывших солдат-украинцев дивизии СС "Галиция" под командованием батьки Беркута. Говорили, что они спустились с Карпат с задачей действовать на наших фронтовых коммуникациях, совершать диверсии, формировать из местных ОУНовских групп боевые подразделения. В густом лесу в нескольких десятках километров от Равы Русской бандитская группировка сконцентрировалась в обширном массиве в несколько квадратных километров, окопалась, создав систему обороны, откуда совершала свои диверсии. Помимо нашего полка, для ликвидации бандитов были сосредоточены другие подразделения: несколько погранкомендатур, мотобатальон и еще до десятка частей. Не меньше нескольких тысяч человек. Пока отдыхаем, задача еще не поставлена. Вероятно, идет разработка операции. Прочесываем лес, вылавливаем подозрительных.

22 августа при проческе лесного массива восточнее Мосты Бельке задержаны 80 человек. Пока вооруженных столкновений не было. Проческа продолжается, есть еще задержанные, но главное логово бандитов еще не нащупано. У Олега Ивановского много работы, он в своей стихии. У нас пока потерь нет. Удалось задержать радиотехника бандитов.

25 августа встретили вооруженное сопротивление, уничтожено несколько десятков бандитов. У нас первые ранения. Участились стычки с бандитами, с их стороны много убитых. Действовать в лесу, не зная линии фронта, которого и не было, - довольно сложно. Важно обнаружить главную группировку, но пока успеха в этом,

направлении нет.

27 августа. В ночь на 28 наша машина с двумя установками ДШК попадает в засаду. У нас двое убитых и 7 человек раненых. Пулеметы с боеприпасами захвачены бендеровцами. Следы привели в деревню, наших обстреливают, горят хаты. В горящих домах рвутся патроны и другие боеприпасы. Потери с обеих сторон, захвачены пленные.

29 августа. Наконец, обнаружено главное логово бандитов. Наши части окружают их плотным кольцом, чтобы не дать уйти. Утром по лесу, севернее деревни Забоже, наши совершают мощный артналет, после чего переходят в наступление. Встречаем сильное сопротивление, огонь с их стороны настолько плотный, что невозможно поднять головы. Санчасть расположена на лесной опушке, около лесной дороги, на участке в тылу 2-го эскадрона старшего лейтенанта Геннадия Родионова. Двумя машинами попеременно отправляю раненых в госпиталь в Раву Русскую. В момент затишья решил пойти к Родионову узнать обстановку. Увидев меня, он сердито сказал: "Чего пришел? Уходи, не рискуй, скоро здесь начнется настоящий ад. Бендеровцы собираются меня контратаковать. Бандиты лежали в окопах и переговаривались между собой, я слышал их разговор на украинском языке и поспешно ретировался.

Бендеровцы несли потери, но не сдавались. Они были здорово вооружены и стреляли разрывными пулями. Бой продолжался до вечера. Когда стемнело, они пытались прорваться в разных местах. На некоторых участках им это удалось. В основном бандиты, которых оказалось больше, чем мы предполагали, были разгромлены, оставив много убитых. Своих тяжело раненых они, скорее всего, добивали сами. Разрозненные группки разбежались по лесам. Захваченных под конвоем отправили в тыл. 30 августа операция была завершена.

Стоим на опушке леса, рядом небольшое украинское село, все в садах, деревья усыпаны яблоками, грушами. Со своим ординарцем заехали во двор, кажется, в доме никого нет. Сказал ординарцу: "Заберись на дерево, нарви груш". Он ловко взобрался на дерево и стал рвать наиболее спелые плоды, собирая их за пазуху. В это время из дома выбежала девчонка лет восьми и закричала: "Мамо, мамо, советы грушу трусят!" Нас называли "советами". Я расхохотался, смеялся и ординарец. Вышла хозяйка, молодая женщина, посмотрела, ничего не сказала, увела дочку, зашла в дом и закрыла за собой дверь. Местное население мы не обижали, хотя чувствовали неприязнь, особенно со стороны тех, кто поддерживал бендеровцев.

В полку были разные солдаты. Пополнялись за счет прибывших из госпиталей и вновь призванных. Чтобы узнать солдата, его характер, склонности, надо какое-то время, особенно познать в бою, каков он, смел ли, осторожен или труслив. Попадали всякие, были и такие, которые не чисты на руку.

Не могу забыть один интересный эпизод. К замполиту майору Наумову пришла старушка и пожаловалась, что у нее наш солдат забрал хороший платок и прихватил из подворья двух кур. Майор приказал построить всех, кто был вблизи этого дома, в одну шеренгу и повел бабку вдоль строя, не узнает ли она обидчика. Узнала, старая, указав на одного солдата, прибывшего в полк несколько недель назад. "Не расходиться!" - приказал майор и пошел с этим солдатом в его подразделение. Куры лежали связанные около полевой кухни, повар еще не успел их зарезать. Приказав вооруженному принести платок и взять в руки кур, накинув на него платок, виновный в сопровождении майора и в присутствии пострадавшей продефилировал перед строем

под хохот присутствующих. Я лично наблюдал эту церемонию. Старушке вернули платок и кур, она, благодаря и крестясь, ушла восвояси. После ее ухода майор строго предупредил всех, чтобы подобные случаи не повторялись.

Вскоре мы снялись с места, погрузились на машины и двинулись на запад, к железнодорожной станции города Лежайск. Лошади с коноводами и обозом были уже на станции погрузки. Нам, подали два эшелона, и мы быстро погрузились. Нас перебрасывали на другой участок фронта, как мы узнали в Румынию.

Яско-Кишиневская группировка была уже разгромлена, Румыния вышла из войны на стороне фашистской Германии и стала нашей союзницей. Поочередно 1 сентября ушел первый эшелон, 2 сентября - второй. Санчасть следует со штабом во втором эшелоне. В пути следования в полк напросилась девчонка лет 17-18, русская, по фамилии Кудрявцева Людмила. От своей части, где была парикмахером, отстала. С разрешения командира полка ее взяли. Следуем по маршруту Ярослав, Радымно, Перемышль, Львов на город Черновицы.

сентября прибываем в Черновицы. Город цел и невредим – будто война его не касалась. Расположен на возвышенности, много красивых светлых зданий, садов, парков. На станции в разнос торгуют разной снедью, особенно сладостями и кондитерскими изделиями.

сентября пересекаем румынскую границу. 9 сентября разгружаемся и идем маршем. Останавливаемся на короткое время в городе Барличешть - это уже предгорья Карпат.

11 сентября вечером выступаем и идем ночным маршем. Проходим через города Онешти, какие-то деревни. Все время марши, некоторые до 45 км. 16 октября проходим город Сфинтул-Георге. Население встречает хорошо. По пути на улицах народ, у многих на лацканах красные бантики. Короткая остановка около большого деревянного дома, просим попить воды. Выходят хозяева. Муж - мадьяр, немного говорит по-русски, в 1918-1919 гг. был в русском плену. Там женился на русской женщине. Хозяйка - дородная женщина лет 45, хорошо говорит по-русски, у них двое сыновей. Предлагают нам вина, но мы отказываемся, благодарим. У них к нам вопрос: "Когда придет конец войне?" Мы подумали, в какой мере она их коснулась? Пережили бы они то, что пережили мы, наш народ...

Эта область называется Трансильванией. Населена мадьярами и румынами, но входит в состав Румынии. Между Румынией и Венгрией идет спор за эту область. Обе претендуют на нее. После распада Австро-Венгерской монархии Габсбургов эта область отошла к Румынии. За полную достоверность и точность не ручаюсь.

Весь остаток сентября находимся в движении, совершаем переходы, проходим населенные пункты - местечки, деревни, города. Марши утомительны, жарко, нередко идут дожди. Запомнился город Темишоара. Небольшой, но красивый и богатый. Открыты магазины, на полках много товаров. Проходим мимо, останавливаться нельзя. Прошли много сотен километров и десятки деревень, все трудно вспомнить. Наша задача ясна. Идем вышибать из войны последнего сателлита Германии - Салашистскую Венгрию. Слышали об адмирале Хорти, но его сместил фашистский прихвостень Гитлера - Салашаи.

21 сентября находимся в 10 км от города Сибиу. Небольшая передышка. Стоим на огромном кукурузном поле, урожай уже убран. Стебли кукурузы высокие, до 2-х метров, можно маскировать лошадей и повозки. Недалеко большой боярский замок. Хозяева бежали, оставив его на управляющего и челядь. Обходам огромные залы,

много старинных реликвии, коллекций старинного оружия, развешанного по стенам, рыцарские доспехи, стоят воины, опираясь на мечи. Некоторые комнаты в красивых и дорогих гобеленах. Много старинных картин итальянских и западноевропейских мастеров. Командование приказало ничего не трогать.

В одном городке встретились с румынским полком. Теперь они наши союзники. Офицеры разодеты, как настоящие щеголи. Мы их про себя прозвали фазанами (павлинами). В обозе у каждого каруца - крытая повозка со всяким барахлом - одеждой, запасными сапогами. У многих скрипки. Человек 6 офицеров, в том числе и капеллан, пришли к нам в гости. Санчасть занимала большой дом. Мы их угостили вином и трофейными немецкими деликатесами. Да и они принесли с собой кое-что. Спонтанно началась пирушка. Несколько офицеров стали петь румынские и итальянские песни. Удивительно красивые и приятные голоса - тенора, с большим чувством исполняют неаполитанские песни. Мы хором пели наши русские и советские песни. Многие наши песни они знали и подпевали нам. Разошлись поздно вечером. На следующий день меня вызвал майор Наумов и дал нагоняй за самовольство: "Вы не имели права устраивать совместные вечеринки с офицерами, о которых мы мало знаем, да и союзники они еще неизвестно какие". Думал, дадут взыскание по партийной линии, но обошлось.

Продолжаются марши.

24 сентября на марше нас бомбили мессера. Есть убитые и раненые. Марши продолжаются, все ближе и ближе Венгрия - цель нашего наступления.

27 сентября. Стоим в деревне Бодо, много фруктов, сухого вина, винограда. 3 октября выходим из Бодо и совершаем длительный марш.

5 октября подходим к Венгерской границе. 6 октября утром завязываем бои за города Дьюла, затем Шаркад. Противник сбит, продвигаемся вперед. Мы находимся на Венгерской долине. Это благодатнейший: край Венгрии. Сюда вождь мадяров Арпад привел возглавляемые им племена, чтобы обжить эти края и основать государство. Противник отходит, так как мы прорвали их линию обороны. В этих местах много искусственных каналов, берега их бетонированы, ширина примерно 20-25 метров. По сторонам от каналов посадки деревьев, образующих аллеи. Ночью у одного из каналов столкнулись с крупными силами противника. Ведем бой, продвижение замедлилось. Ночью полк отводят во второй эшелон корпуса. Снова на марше.

Помню, теплый солнечный день, движемся колонной, асфальтированная, хорошая дорога, жарко. На подступах к деревне Надь-Бойом. на нас налетели три мессера, мы - прекрасная цель для бомбежки. Мы не видели их и даже не услышали гул моторов, они вынырнули из-под солнца и стали сбрасывать на нас "чемоданы", так мы называли контейнеры, начиненные мелкими бомбами. В полете к земле контейнеры раскрываются, из них, как горох, сыпятся бомбочки, поражая большое пространство.

Кавалерия - кони и всадники - хорошая мишень. Кто-то крикнул "бомбят!", все бросились в разные стороны. Я ехал со штабом. Рядом Олег Ивановский и командир взвода связи Рудых. Вблизи стали рваться бомбы, взрывы, рев моторов над нами. Я бросился в кювет, держа рвущегося коня. Глянул вперед и увидел жуткую картину: лейтенанта Рудых разорвало пополам, голова и туловище руками загребали землю, волоча за собой таз и ноги. Это длилось буквально 2-3 секунды, но надолго запомнилось. Меня ничем не задело, хотя бомба разорвалась впереди меня в 5-6 метрах. Спас кювет, немного оглушило. Самолеты улетели. Занялся ранеными.

Двигаемся дальше, впереди какая-то деревня, перед которой скопилось много повозок и всадников, образовав пробку. Снова налетели мессера, бомбят, крики и стоны раненых, все бросились врассыпную. Вдруг слышу, кто-то истошно кричит и зовет меня по фамилии. Бросаю поводья коноводу и бегу на крик. Это кричит наш замполит Наумов, осколок попал ему в ягодицу. Я подхватил его на руки, взвалил на спину и бегом в ближайшую избу. Осколок довольно крупный, рана не очень большая, но кровит. Сделал перевязку, успокоил, и вскоре с другими ранеными отправил в М.С.Э. У Олега Ивановского убило коня, ранило коновода, ему тоже повезло, пробило кубанку, но голову не задело. В наступлении нас поддерживают танки. Заняли несколько деревень - Шап, Бихард-Торда. Мне в руки попала листовка на венгерском языке - это обращение находящегося в нашем плену венгерского генерал-полковника Яноша Вереша к венгерским офицерам и солдатам сложить оружие, не воевать против Красной Армии и повернуть оружие против истинных врагов Венгрии - немецко-фашистских оккупантов.

В ходе наступления обстановка становится все более неясной и запутанной. Нет сплошной линии фронта. Противник то слева, то справа и даже наступает нам на пятки. Штаб дивизии предупреждает, что полк может оказаться в окружении, как подтверждение этому - кругом стрельба. К вечеру выходим из боя, отрываемся от противника. Двигаемся через Каба на город Хойду-Собосло. С нами оперативная группа штаба корпуса во главе с заместителем комкора по строевой части - генералом Иваном Федоровичем Куцом. Мы их прикрываем. Мы в Хойду-Собосло, с нами несколько других частей дивизии и корпуса, в том числе противозенитная батарея 37-мм скорострельных орудий, установленных на автомашинах. Занимаем круговую оборону, нашему полку отведен западный сектор. Окапываемся, усиливаем позиции огневыми средствами.

11 октября день прошел относительно спокойно. С севера доносится артиллерийская стрельба, нас обстреливают, командир полка меняет командный пункт. Отдельные автоматчики просачиваются в город. У кирпичного завода наши разведчики столкнулись с ними и уничтожили.

Хойду-Собосло - город-курорт, славится своими сероводородными источниками. Сюда приезжали больные на лечение кожных и других заболеваний. Для приема приезжающих - отели, гостиницы, кемпинги. Мы осмотрели лечебные кабины, ванны - это целый комплекс хорошо продуманных и удобных сооружений. Пока там пусто. Война.

Заняли несколько помещений для санчасти. Обстановка сложная, если будут раненые, а этого не избежать, отправлять их некуда. Пока мы в окружении.

12 октября. Противник наступает. С утра завязались тяжелые бои. 3 эскадрон несколько раз переходил в контратаки. У противника танки, у нас их нет. На подступах к нашим позициям нами подбито 2 танка. Противник не выдержал - отходит. Обстановка проясняется, все части корпуса в окружении, но разрознены. Имеем данные - на подходе наша пехота и танки, которые уже ведут бои в районе Надь-Байома и Кабо. Продолжаем сидеть в окружении. Наши "кукурузники" - самолеты У-2 - приземляются, подвозят боеприпасы и забирают тяжелораненых. Несмотря на окружение, настроение боевое. Верим - скоро к нам прорвутся наши.

16 октября пошел на К.П. к Сибуховскому доложить о потерях, сколько раненых. Его К.П. немного позади позиций (окопов) полка. Недалеко стоят зенитные пушки на машинах, прикрывают части от вражеской авиации, но ее, к счастью, нет, небо чи-

стое. Симбуховский в бинокль внимательно изучает позиции противника, его что-то беспокоит, противник зашевелился, должно быть, готовится к атаке. Подозвал к себе старшину Майнова и дал какое-то распоряжение. Не ошибся Василий Федорович, противник готовится к атаке. Впереди позиций полка ровное место, пересекаемое посадками деревьев. Примерно в километре от нашей передовой сосредоточились до батальона солдат и сомкнутым строем двинулись вперед. Что-то вроде психической атаки. Я остался на К.П. Напряжение нарастает, наступающих в несколько раз больше, чем наших солдат, лежащих в обороне. Команда - огня не открывать, пока не будет сигнала. В это время поближе подошли зенитные орудия и по приказу Симбуховского стали на прямую наводку. Не доходя до наших окопов, противник сделал рывок к атаке, и в это время все четыре зенитные пушки открыли огонь. Это было потрясающее зрелище: противник смешался, ряды его стали редеть, поражение цели было точным, падали убитые, уцелевшие бросились врассыпную, а вслед им вели огонь пушки и наши казаки из всех видов оружия.

Еще бы. Каждая пушка выпускала до 150 снарядов в одну минуту, а все четыре - до 600. Разгром наступающих: был полным. Не часто приходится наблюдать подобное побоище. Остатки батальона поспешили бежать и больше атаковать не решались.

Сидим в окружении седьмые сутки, но слышим уже артогонь пробивающихся к нам наших частей.

октября окружение прорвано. Подошли пехота, танки. Конец окружению. Ночью уходим из Хойду-Собосло, идем в направлении города Дебрецен.

октября ведем бой западнее Дебрецена. Вся наша дивизия штурмует город. Занимаем окраины. 20 октября совместно с другими частями заняли Дебрецеи. Большой город, красивая старинная архитектура. Встретился с Олегом. Он чем-то огорчен. Догадываюсь – ушла из полка в другую часть Кудрявцева Люда. Убеждаю его, что это к лучшему. С каждым днем наша дружба крепнет.

22-23 октября ведем боя за Гестеред, движемся ночным маршем на северо-запад, на Хойду-Шаммон.

4 кавалерийский корпус занял город Ниредьхаза и ушел вперед, но противник отрезал его от других частей и он оказался в окружении. Наши попытки пробиться за ним успеха не имели.

25 октября ведем бой за Надмичке. В этом бою ранен командир батареи 76-мм орудий Геннадии Ярославцев, отличный артиллерист, богатырского сложения, шутник, балагур. Мы с ним были в хороших отношениях.

Командный пункт полка расположен в кирпичном здании. Периодически короткими налетам! нас обстреливает противник из артиллерийских орудий. Недалеко от К.П. роем окопчики для укрытий от обстрела. Из штаба дивизии в полк приехал капитан Будников. Командир полка и несколько штабных офицеров беседовали с представителем дивизии. Начался очередной обстрел, все бросились в окопчики. Я упал на дно, на меня навалился лейтенант Миша Жерносек. Кто-то закричал: "Аронов, скорей, Будников тяжело ранен!" Я выбрался и бросился к лежащему Будникову. Он был смертельно ранен - ранение в живот, оторвало правую ногу в области бедра, кровь хлестала из бедренной артерии, не приходя в сознание Будников через несколько минут скончался. Симбуховский не пострадал, правда, разорвало кобуру. Продолжаем наступление на Надь-Кало и 29 октября занимаем эту деревню.

30 октября нас выводят из боя. Располагаемся на хуторах. Василий Федорович

чувствует себя плохо, болят зубы, не может есть. Пришел его ординарец за мной, сказал: "Командир полка вызывает". Я взял санитарную сумку. Попросил меня посмотреть зубы и десна. Около 6-8 зубов отсутствовали, многие шатались, десны воспалены и кровили. Стоматит, осложненный пиореей. Обработал полость рта перекисью, кровоточащие участки прижег йодом. Назначил полоскание содой и раствором марганцовки. Ему стало немного легче. Я поинтересовался, давно ли он страдает зубами, и после чего это началось. В этот день он рассказал мне печальную и страшную страницу своей биографии.

Родился в Красноярске в 1908 году в семье рабочего. Детей было 8 человек. Мать умерла рано. Воспитывался в детдоме, закончил Ф.З.У., работал в депо слесарем. В 1928 году ушел добровольцем в Красную Армию в кавалерию, окончил полковую школу. В 1929 году вступил в партию. Отличился в боях на Дальнем Востоке, был награжден Орденом Боевого Красного Знамени. В 1932 году заканчивает Борисоглебскую кавалерийскую школу. Присваивают звание "лейтенант". Снова Дальний Восток, командир эскадрона. 1938 год. Какая-то сволочь пишет донос, что он враг народа?!

Арест, камера, допросы... Издевательства, избиения. Требовали добровольного признания и оговора ни в чем неповинных товарищей. Рассказывая, Василий Федорович волновался, бледнел, нервничал, переживая то тяжелое, время. Следовательно он заявил: "Пока в моих жилах течет хотя бы капля крови, пока я способен мыслить - никогда не добьетесь своего". Избивали, терзали, вышибли зубы, но сломать не могли. "Вот, я тебе рассказал, с чего все началось".

Я слушал, подавленный, и молчал.

7 ноября. Стоим в большом хуторе. Есть хорошее вино, ребята нажарили кур и уток. Отметили праздник.

Днем построение. Нам вручают медаль "За оборону Москвы", получаю и я. Осень вступает в свои права, становится довольно холодно. Идет мелкий снег, но он быстро тает, грязь, слякоть. Пока боев нет. Со своим ординарцем, решил поехать в М.С.Э.

Проезжая через небольшой хутор, увидели около дома румынскую каруцу. Подъехали к домику и услышали крик женщины, молящей о помощи. Рванули дверь и вошли. Два румынских солдата пытались изнасиловать женщину - венгерку. Угрожая оружием, мы их выгнали из дому, пригрозили и заставили уехать. Хозяйка нас благодарила и, насколько мы могли понять, жаловалась на мародерство румын.

Несколько боев мы провели совместно с румынскими частями. При нашем участии они воевали неплохо, самостоятельные задачи в наступления проваливали.

Выдалось свободное время. Пищу письма родным я друзьям. Получили газеты и небольшие брошюры с фронтовыми стихами. Читаем, переписываем в свои дневники.

Город Ясораксалаш. 30 ноября. Настроение тоскливое. Вспоминаем своих родных и близких, которые остались в далекой России, и, читая стихи любимых поэтов, еще сильнее ощущаем разлуку - они образно совпадают с нашими мыслями.

ОСЕНЬ

Евгений Долматовский

В России багряная осень,
Прозрачная сень, листопад,
И ветер туда не доносит
Тяжелых орудий раскат.

Печальные наши подруги
 К семи затемняют окно.
 Четвертую осень в разлуке,
 Им верить и ждать суждено.

Но время счастливое близко.
 Там ветер недаром кружил,
 Багряный листок, как записку,
 На каждый порог положил.

Он будет приметой доброй,
 Ведь здесь среди нерусских равнин
 Подруги и Родины образ
 Сливаются в образ один.

Тоска наполняет нас силой,
 И мы ненаглядным своим,
 Тоскуя о Родине милой,
 Сквозь тысячу верст говорим:

Скучайте о ваших солдатах,
 Ушедших с Советской земли,
 О тех, кто сегодня в Карпатах,
 О тех, кто в Балканской дали.

О тех, кто в Варшавских предместьях,
 Пусть слышит родная страна
 Под полночь в последних известьях
 Чужих городов имена.

А мы, зарядив автоматы
 И снова припомнив свой дом,
 За Вислу, за Сан, за Карпаты
 Все дальше и дальше пойдём.

Вокруг перелески чужие,
 Осенних полей красота,
 А в сердце Россия, Россия,
 Любовь, и судьба, и мечта.

В то время очень популярными были песни "Темная ночь" и пародия на ее музыку "Черная ночь", "Голубой конверт", "Андрей партизан", "Ты ждешь, Лизавета" и многие другие. Собираясь у кого-либо из офицеров, под аккордеон или баян мы пели эти песни и это была в какой-то мере разрядка. Очень популярна была пародия на известную песню времен войны "Темная ночь" из кинофильма "Два бойца".

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Черная ночь, только танки скрежещут во мгле
 Да стрекочет вдали пулемет, притаились дороги.
 Лондон, Берлин, Рим, Варшава, Париж и Белград
 Ночь окутала все города жуткой мглой тревоги.
 Каждую ночь в небе черные птицы летят,
 Проектора нервно щупают ввысь лучами.
 Жуткая ночь, заунывно сирены гудят,
 Люди мечутся, люди не спят, эту ночь проклиная.
 Кто ж захотел, чтобы солнце погасло навек,
 Чтоб кровавый удушливый мрак захлестнул всю планету.
 Он бы хотел в душегубку весь мир посадить,
 Всех задушить и усеять дороги костями.
 Сколько гробов, сколько слез, сколько сирот и вдов,
 Сколько противотанковых рвов он бы кровью заполнил.
 Черная ночь нависала, как дьявольский рок.
 Люди смотрят с тоской на восток, жаждут солнца и света.
 Вот под Москвой брызнул солнечный луч золотой,
 Вот Сталинград засверкал на весь мир лучами.
 Свет из Орла и редееет кромешная мгла,
 Дьявол чуть не задохся от зла, от Днестра удирая.
 Черную ночь мы развеяли, как тягостный дым,
 Скоро вся Украина и Крым будут солнцем согреты.
 Тот, кто хотел в душегубку весь мир посадить,
 Будет дрожать и от страха стучать зубами.
 Вечная ночь, суждена им могильная ночь,
 И никто им не смеет помочь и никто не захочет.

Переписана со слов Н.Ф. Поповского (автор слов неизвестен).
 Венгрия, Хатван, 5/12 1944 г.

Была еще популярна песня:

Слова В. Замятина

ГОЛУБОЙ КОНВЕРТ

К тебе сквозь туманы, леса и поляны летят мой конверт голубой,
 Летит мой листочек, родной голубочек в тот дом, где расстались с тобой.
 Пусть горы высоки, пусть степи широки, слова прилетят в край родной.
 О смелых ребятах, о грозных атаках расскажет конверт голубой.
 Ты помнишь, сказала, когда провожала:
 "Разлуку враги принесли". Тех слов не забуду, врагов бью повсюду
 Чтоб вновь разлучить не могли.

В боях и походах, в буран, неполаду лишь вспомню твой голос родной,
 Мне станет светлее, мне станет теплее, как будто ты рядом со мной.

К тебе сквозь туманы, леса и поляны,
 Летит мой конверт голубой.
 Летит мой листочек, родной голубочек,

В тот дом, где расстались с тобой.

Списано из газеты. Венгрия, Надь Реде,
26/11 1944 г.

Было много и других песен, но эту мы пели чаще, особенно, когда грустили и вспоминали своих любимых.

Симбуховский хворает, но крепится, не хочет поддаваться болезни. Простыл, болят - зубы, не может есть. Часто видимся с Олегом. Ему ребята разведчики принесли немецкий аккордеон. Он неплохо играет. Способный человек.

Из дивизии в полк прислали старшего врача капитана м/сл. Поповского Николая Федоровича. Невысокого роста. Симбуховский его как-то не воспринял. Почему, не знаю. Я его ввожу в курс дел, добросовестно все рассказываю. Нередко командир полка его игнорирует, обращается ко мне, обходя его, как старшего врача. Я оказываюсь в довольно сложном положении, чувствую нарастающую ко мне неприязнь со стороны Поповского. Он грамотный и толковый врач, но в боях нашего полка еще не участвовал.

Конец ноября (26). Вступили в бой. Идут дожди, грязь непролазная, люди в окопах, на дне хлюпает грязь. В результате тяжелых боев в полку большие потери, убитыми и ранеными. Несколько дней отдохнули.

27 ноября противник отходит. Снимаемся и идем в направлении города Яссо-раксаллаш. Сосредоточились в районе хутора Сабо. Полк здорово потрепан. Все здорово устали. Нужен отдых и пополнение. По всем признакам снова в бой, ждем приказа.

4 декабря. Приказано сосредоточиться в районе перед городом Хатван. После ранения Наумова заместителем командира полка прислали майора Клименко. Сибиряк из Омска, работал вторым или третьим секретарем обкома, политически грамотный человек. С первых же дней прихода в полк пришелся по душе Симбуховскому. Они понимали хорошо друг друга и в какой-то мере дополняли. Наумова Симбуховский недолюбливал. Не знаю, почему, но у него для этого были свои основания.

Предстоит наступление. На этом участке много нашей артиллерии. Началась довольно мощная артподготовка, которая длилась 15 минут, после нее мы перешли в наступление. Ночь, движемся по степи, впереди зарева горящих стогов соломы. Идем всю ночь, проходим Хатван. Это важный узел железнодорожных путей и шоссе-ных дорог. Артиллерия наша крепко поработала.

Продолжаются упорные наступательные бои. Выручаем, вырвавшись вперед, 4 кавкорпус. Несколько дней он вел бои в окружении, они сразу даже не поверили, что могут вместе с нами наступать. Мы продолжаем движение на северо-запад. 4 корпус отвели на небольшой отдых для приведения себя в порядок по выходе из окружения.

7 декабря с боями заняли деревню Палаташ. Есть потеря, убитые и раненые. Нас выводят из боя. Новый боевой приказ - марш в горы, движемся по горным дорогам, все время вверх. Дороги вьются извилистыми лентами. Это Карпаты. Горы эти были местом многих сражений. Движемся по жуткой грязи, помогаем лошадам, повозки то и дело застревают, на колеса налипают огромными комьями грязь. С ходу заняли Надь-Халап-Киш, Кондар, Махора, Снечь.

Наступление продолжается. С боем заняли город Балашшадьярмат. После боя

хоронили убитых. В этом городе узнали о приказе Верховного главнокомандующего Сталина, где нашему корпусу объявлена благодарность.

10 декабря покидаем Балашадьярмат. Наступаем на город Сечень. Очень утомительные ночные марши по грязи. Бои в этих местах запомнились этой противнейшей грязью, морозящими дождями, вернее мокрым снегом. Под ногами хлюпает, чавкает месиво из грязи и тающего снега. В боях за Сечень противник оказывает яростное сопротивление, не дает продвигаться эскадронам. Нас обстреливают из тяжелых орудий, но снаряды ложатся в стороне. В горах расстояния трудно определить на глаз. Смотришь на вершину и на глаз определяешь - до нее километров 30-40, в крайнем случае 50, а по карте посмотришь - в два раза больше. Позже мы научились определять более точно.

Четкой линии фронта нет. Стрельба слышится со всех сторон. На отдельных рубежах гор наши солдаты были свидетелями, когда в узких проходах вражеские пулеметчики приковывались цепями, стреляли до последнего патрона. Одного такого "смертника" мы видели.

У нас ощущается недостаток боеприпасов. Труден подвоз. Несмотря ни на что, продолжаем наступление. Погоды неустойчивы, выпадают погоже дни. Заметно активизировалась наша авиация. Это наши прославленные "ИЛы". Немцы прозвали их "черной смертью". Мы, пехота, кавалерия и другие наземные части с большим уважением относимся к нашим летчикам. С завидным упорством они утюжат позиции фрицев, бомбят, обстреливают из пушек, пулеметов и реактивных снарядов и пока не израсходуют весь боезапас - не улетают.

Мы стояли на хуторе в Венгрии, занимали оборону. Противник окопался в полутора-двух километрах. Было около 12 часов, когда на немецкие позиции налетели три наших "ИЛа". Несмотря на зенитный огонь, они стали утюжить фрицев, пока не израсходовали весь боезапас. Легли на обратный курс на восток. Один "ИЛ" немцы подбили и он, снижаясь, стал тянуть в нашу сторону. Мы наблюдали внимательно, переживая за наших соколов. Самолет сел на нейтральную полосу между нашими позициями. От наших окопов самолет оказался примерно в 500-700 метрах. Мы ждали, что он может взорваться, но это не произошло. Немцы стали обстреливать место вынужденной посадки. Тогда наши минометы открыли беглый огонь по немецким огневым точкам, заставив их замолчать. Летчик и борт-стрелок ползком и перебежками двигались в нашу сторону. Вскоре они были у наших окопов. Сразу же лейтенант пошел в наш штаб полка связаться со своей авиачастью. Через штаб дивизии ему это удалось. Мы их накормили, напоили. Они рассказали, что самолет сильно поврежден. Фамилию лейтенанта не запомнил, а старшины - помню: Табачников. Вскоре за ними пришла машина, и мы тепло их проводили. Говорят, мир тесен. С Табачниковым я встретился в Москве в июне 1945 года - он был, так же как и я, участником Парада Победы.

Январь и первая половина февраля прошли в боях. Наступали периоды затишья. Большая часть Венгрии была освобождена, кроме Будапешта и целого ряда других крупных городов, за которые немцы судорожно держались. Это были месяцы крупных успехов Красной Армии на многих фронтах. Боевые действия в основном были перенесены на территорию европейских государств. Мы приближались непосредственно к границам фашистского рейха. Приближался час возмездия.

Не помню точно числа, но если не изменяет память, в декабре наши эскадроны лежали в обороне, окопались, периодически обменивались артиллерийскими я ми-

нометными обстрелами. Типичная позиционная война. Раненых было мало. Мы располагались на окраине деревни, до передовой было не больше 2-3 км. Командные пункты командиров эскадронов находились позади линии окопов. К передовой вела проселочная дорога. Немцы к ней пристрелялись и идти по ней было небезопасно. Из К.П. командира полка поступил приказ: мне взять все необходимое и пробраться на передовую для оказания помощи нескольким раненым, в том числе командиру взвода, в тыл идти они отказались, решили остаться в строю. Поповский напутствовал меня и моего ординарца: "Не идите по дороге, пробирайтесь напрямую по полю". Зачем я его послушал? Мы пошли, это было болотистое место. Прошли около километра, как по нас открыли огонь вражеские минометы, Мы залегли, чтобы переждать обстрел. Под нами оказалось сырое, травянистое место. Лежали и, как только обстрел прекратился, вначале ползком, а затем перебежками вперед. Не успели преодолеть еще несколько сот метров - вновь попали под обстрел. Мины стали рваться ближе, мы прижимались к земле, несмотря что уже изрядно вымокли. В общей сложности, вымокнув и измазавшись, мы через несколько часов добрались до передовой. Сделали все, что необходимо было: обработали, перевязали раненых и, когда стемнело, по дороге добрались до санчасти. При обстреле меня оглушило. В ушах стоял звон, я плохо слышал, что мне говорят, да и сам себя не лучше. Меня знобило, поднялась температура, я стал задыхаться. У меня был хронический тонзиллит с частыми ангинами, но я все переносил на ногах, не до лечения было. Война. На этот раз здорово прихватило. Поповский посмотрел и сказал: "У тебя тяжелая фолликулярная ангина, таких огромных и рослых с гнойными пробками миндалин я еще не встречал, тебе надо их удалять". Я, естественно, отказался, но он настаивал. Аргументировал тем, что сейчас более или менее спокойно и через пару недель я вернусь, мне становилось все хуже и хуже. Доложили Симбуховскому, и он приказал отправить меня в М.С.Э.

В М.С.Э. меня осмотрели и подтвердили, что надо оперироваться. Я не мог глотать, даже пить было трудно. Но где оперироваться? Отправили в наш ППГ (полевой подвижной госпиталь 6 гвардейского кавкорпуса). В госпитале мне сообщили, что в Хатване в армейском госпитале лежит раненый в бедро Василий Федорович Симбуховский. Ранение серьезное и тяжелое. Я был ошеломлен этой новостью. В ППГ главный хирург Виктор Иванович Домрачев, осмотрев меня, сказал: "Если не прооперируешься - останешься без сердца, эндокардит тебе обеспечен. Здесь, у нас в госпитале тебе не помогут, нет отоларинголога, придется тебя эвакуировать в Хатван, в армейский". Меня с другими ранеными на санитарном поезде отправили в Хатван. Я обрадовался, что увижу Василия Федоровича. Армейский госпиталь только разворачивался, и там врача ЛОР не было. Сказали, что необходимо следовать дальше в спецгоспиталь, который находится в Румынии, в городе Араде. Я разыскал Василия Федоровича, он лежал в двухместной палате, правая нижняя конечность в транспортной тине. Бледен, все время курит, в глазах тоска, растерянность. Больших усилий мне стоило, чтобы не расплакаться. Я хорошо понимал, что такое осколочное слепое ранение средней трети, раздробление бедренной кости, а после ранения уже прошло несколько дней... Почему до сих пор ничего не сделано? Поговорил с врачами. Ничего утешительного сказать мне не могли. Больной нервничает, не ест, только пьет, требует водки. Около Василия Федоровича его верный ординарец - Лебедев.

Мой санитарный поезд должен скоро отправляться дальше, там мои вещи,

деньги, да отпустили меня не больше чем на 1,5-2 часа. Василий Федорович предлагает мне остаться с ним, и я решил остаться. Лечащий врач на мою просьбу ответил категорическим отказом. Мы попрощались, расцеловались. Это была наша последняя встреча. Уже после возвращения из госпиталя узнал подробности исхода его тяжелого ранения. Повреждение бедра с раздроблением кости и мышц, загрязнение раны, длительность вывоза его из тыла усугубило тяжесть течения. Вскоре, уже в госпитале, стала развиваться газовая гангрена. Врачи пытались сделать все возможное, чтобы предотвратить расползание инфекции по восходящей, но это эффекта не дало. Встал вопрос об ампутации, от которой Василий Федорович категорически отказался. Время было упущено, и жизнь могла быть спасена при высокой ампутации - больной все отказывался. И когда ампутацию произвели по жизненным показаниям - было уже поздно. Он умер в госпитале в Румынском городе Сибиу 26 апреля 1945 года. Там же он и похоронен.

Наш санитарный поезд вскоре отошел в направлении на город Арад-Румыния, где сосредоточились фронтовые госпитали. Я чувствовал себя плохо: сильно болела голова, стоял неприятный шум в ушах, поташнивало. На вокзале в эвакупункте меня направили в военный госпиталь, положили в палату, где лежали 6 человек: с ранениями, контузиями и другими диагнозами. Вначале меня лечили невропатологи и, когда стало лучше, перевели в ЛОР-отделение. Были раненые с поражением органов слуха и других органов - главным образом челюстно-лицевые. Это было скорее всего смешанное отделение. Тяжелых больных в палате не было. После обхода и процедур шли разговоры о войне, кто и где воевал, как был ранен, о товарищах, друзьях, командирах, о всяких курьезных случаях. Пожилой врач отоларинголог, подполковник медицинской службы, осмотрев меня, сказал: "Вам двадцать пятый год, тонзиллит застарелый, миндалины проросла плотной соединительной тканью и удалить их будет нелегко. В детском возрасте это гораздо проще". Меня стали готовить к операции. Настал день операция. Теоретически я ее представлял, так как присутствовал на тонзиллэктомии, когда учился в фельдшерском училище. Не столь уж сложная операция прошла для меня довольно тяжело, я потерял много крови, отдиранье и вырезание было сильно болезненно, несмотря на анестезию. Доктор показал мне удаленные миндалины. Не думал, что они таких больших размеров, рыхлые, изъеденные криптами. После операции мне перелили 250 мл консервированной крови донора Овсянниковой 19 лет. Врач спросил после переливания: "Вы не взволнованы? Вам перелили кровь молодой девушки". Мне трудно было говорить, рот наполнился слюной, смешанной с кровью, было очень больно глотать, каждый глоток сопровождался острой режущей болью. В зеркале я увидел две раны, которые продолжали кровоточить. Мне прописали постельный режим и глотание крахмального слизистого раствора, но и его мне было больно проглатывать. Три дня я не мог не только есть, но и проглотить глоток воды. Никогда не думал, что эта операция так болезненна и неприятна. Глядя на графин с водой я думал, когда же я смогу свободно выпить стакан воды? Только на восьмой день после операции я мог понемногу начать глотать воду и жидкую пищу. Сильно похудел, ослаб, меня беспокоили головные боли. Ходил по палате, коридору. Хотелось встретить кого-нибудь из однопольчан. Повезло. Заместитель начальника госпиталя сказал мне, что в госпиталь поступил полковник, кавалерист. Я разыскал палату и каким было мое удивление, когда увидал полковника Гуменного.

Он был ранен при обстреле, получив около 17 осколочных ранений, в том числе

в бедро и обе голени. Правая конечность была в гипсе. Он был обрадован нашей встречей, нам было что вспомнить и о чем поговорить. После нашего полка, когда вернулся Симбуховский, его командировали в другую дивизию нашего корпуса, тоже временно, но не повезло - тяжелое осколочное ранение. С ним была молоденькая медсестра, которую он забрал с собой из части. Он был неподвижен, беспомощен и нуждался в постельном уходе. У них была отдельная палата с удобствами. По несколько раз в день я его навещал. Несмотря на свое состояние, он оставался оптимистом, шутил, рассказывал анекдоты. Обещал угостить меня архиерейской ухой, о которой я только слышал. Медсестра, не помню, как ее звали, была сильно привязана к полковнику. Вероятно, они были знакомы еще до ранения. Чувствовалось, что она его обожает. Денег у полковника было много, мы получали оккупационные леи. Инфляция была очень высокая и цены дорогие. Расплачивались в магазинах, где все было, несмотря на войну, тысячами лей. Процветал в городе черный рынок, где можно было по баснословным ценам купить все, что душе угодно. Утром, при мне, дав медсестре денег и сказав "не жалей", Гуменный послал ее в город. Она принесла разделанную курицу и три свежих карпа. Под его руководством она поставила на электроплитку варить бульон из курицы со специями. Когда курица сварилась, ее вынули, и в куриный бульон опустили разделанные, хорошо промытые куски карпа. Рыба варилась в бульоне около часа. Да, уха была на славу, вкусной и душистой. Полковник, оказывается, был большим гурманом.

Я находился в госпитале больше месяца, и меня должны были вскоре выписать. На фронте в феврале 1945 года было относительно затишье, во всяком случае на нашем направлении. Я переписывался с родными, с мамой, Симой и сводной сестрой Елизаветой, которая тоже была эвакуирована в Чкалов. Я ждал выписки.

Запомнилось одно событие. Как-то утром в госпитале забегали врачи, началась суматоха. Поинтересовался. Должны поступать пострадавшие, отравленные. В этот день поступило больше 50 человек, отравленных метиловым спиртом. 12 человек умерли в тот же день. Остальных удалось спасти, но кто-то ослеп, кто-то оглох. Позже мы узнали причину этого трагического ч.п.

К фронту следовал маршевый батальон. Это была, главным образом, выписанные после выздоровления из госпиталей раненые. Те, о которых говорят, что за одного битого трех небитых дают. Опытные, закаленные в боях войны. В пути следования во время остановки на запасных путях стояла цистерна со спиртом, охраняемая часовым, которую заметили солдаты эшелона. Несмотря на то, что на цистерне был нарисован череп с костями, солдаты бросились с котелками и прочей посудой. Оттерли часового, открыли горловину цистерны и стали черпать содержимое. Часовой поднял стрельбу. Пока к месту прибежали вооруженные солдаты комендантского взвода, многие успели запастись спиртом, набрав не только в котелки, но и в бачки для питьевой воды. Эшелон тронулся, а в вагонах-теплушках началась пьянка. Метиловый спирт внешне не отличается от этилового спирта ни по вкусу, ни по запаху, ни по цвету, в этом его "коварство". Это ли не трагедия, когда воины, прошедшие через сотни опасностей войны, должны пострадать и даже отдать свою жизнь из-за страсти к спиртному. Немало погибло буйных голов из-за водки. В начале войны красноармейцам давали на фронте во время боев ворошиловские сто граммов. Это был, главным образом, спирт, который разбавляли водой наполовину.

Должен сознаться, что я лично никогда не испытывал влечения к спиртному. Мне, бывало, говорили: "Выпей для храбрости", на что я отвечал: "Если я трус - сто

граммов храбреца из меня не сделают". Свою порцию отдавал тем, кто не прочь был выпить. Особенно опасно было, если командиры, в руках которых жизнь солдат, напившись бездумно кричали "вперед!". За время войны, когда мы перешли в наступление и захватывали трофейные склады со спиртным и особенно, когда пришли в страны западной Европы, где было много вина, немало людей пристрастились к алкоголю. Я заметал, некоторые офицеры, сержанты, да и солдаты не могли есть, пока не выпьют. Многие с утра опохмелялись. Разве немало вернувшихся с фронта после войны стали алкоголиками? Печально, но факт.

В день выписки на комиссии мне выдали документы и дали 20 дней отпуска, оформив отпускное удостоверение. Путь лежал в Бухарест, где находился отдел кадров по откомандированию по частям офицеров. В Бухаресте мне предоставили номер в гостинице Пале-Рояль. Познакомился со старшим лейтенантом Лебедевым, танкистом, командиром роты. Вместе ходили в ресторан, знакомились с городом. Были около королевского дворца короля Махая и королевы - мамы Елены. Наблюдали смену караула. Королева относилась к династии Гогенцоллернов. Сходили в турецкие бани, где с удовольствием мылись, парились, купались в бассейне, приняли массаж. Денег у нас было много. Так уж повелось, если кого ранили и отправляли в госпиталь, ребята отдавали свои леи, пенги, кроны и прочие оккупационные банкноты. Посетили ресторан Лещенко, слушали под гитару старинные русские романсы, цыганские и другие песни.

В гостинце познакомился с нашими летчиками из Москвы, они летали по маршруту Москва - Бухарест - Москва. У меня было еще 15 дней отпуска, и я загорелся желанием полететь в Москву, а там видно будет. Славные ребята наши летчики, взялись оформить мой полет в Москву. Я из писем узнал, что Боря - младший брат воюет на фронте, мама с сестрой Симой из Чкалова переехали в село Голицыно Пензенской области, где находилась в эвакуация родной брат мамы дядя Моисей с дочерью - Симой Моисеевной. Она работала главврачом районной больницы. В Бухаресте перед отлетом я купил всяких гостинцев - конфет, шоколад и других продуктов. Летели на "Дугласе" – американский самолет, наши такие же назывались ЛИ-2 или СИ-47. Еще шла война и у турели сидел борт-стрелок. В Одессе совершили короткую остановку и через несколько часов приземлились в Москве. Сейчас на этом месте Московский аэровокзал. Из родственников никого разыскивать не стал, кто был на фронте, кто в эвакуация - решил махнуть в Голицыно, очень хотелось повидать мать и сестру. Из Бухареста до Москвы добрался за 5-6 часов, а до Н. Ломова двое суток, еще сутки до Пачалмы. До Голицыно оставалось 40-50 км. Машины не ходили, добирался попутными лошадьми, на которых возили почту. Объявился, как снег на голову. Мама я Сима не поверили своим глазам, когда я появился. Радость, слезы.

Голицыно - довольно большое село. Много эвакуированных. Голодно. Мама получала 300 граммов овса, Сима, работавшая медсестрой в больнице, 300 граммов ржаной муки, смешанной с отрубями. Через местные власти я добился, как фронтовик, кое-каких продуктов. Был я всего у них 3-4 дня и вскоре тем же путем уехал. До Москвы добрался довольно быстро на попутных эшелонах. Возвращались в Москву из эвакуации различные учреждения, НИИ и т.п. С тем же экипажем самолета летел в Бухарест. В самолете были в основном военные: несколько полковников, капитан 1-го ранга (морьяк,). Обратил внимание на мальчишку лет 12-13. Познакомились. Это был сынишка генерал-лейтенанта Черепанова - председателя союзной контрольной

комиссии. Уже будучи в воздухе погода стала портиться, пошел густой снег, закрывший стекла летной кабины. Мы держали курс на Одессу и, не долетая до Днепропетровска, поступила летчикам команда сесть на запасную летную площадку в 30 км. от города. В условиях метели летчики мастерски посадили самолет. Предстояла ночевка в ожидании летной погоды. Нас разместили в домиках, где жили сотрудники метеостанции. Отдыхали на полу, на кое-какой подстилке, которая нашлась у хозяев. У одного из моряков оказалась килограммовая банка черной зернистой икры, но ни у кого не было хлеба. Хозяйка, молодая женщина с сынишкой, предложила граммов двести хлеба. Это все, что у нее было. Разделили всем, по кусочку, а икру ели ложками. На следующее утро распогодилось и улетели в Одессу. У меня и других пассажиров оставались советские деньги, которые необходимо было истратить, вывозить их за рубеж запрещалось.

Вылет в Бухарест предстоял на следующее утро. Вечером решили всей компанией пойти в ресторан "Волна", пригласив экипаж самолета. За столиками в основном военные, фронтовики, но немало и тыловиков. Играет оркестр, снуют официанты-мужчины в черных парах, белых рубашках и темных бабочках. Нас удивило обилие вин и закусок. Правда, цены фантастические, но деньги ничего не стоят - инфляция. При румынах оккупированная Одесса и область называлась Транснистрия и хозяйева в ней были в основном румыны, хотя все диктовали им немцы. Те же официанты до изгнания оккупантов обслуживали наших врагов, а сейчас лебезили перед нами, демонстрируя свои патриотические чувства. Я спросил у пожилого официанта: "Как живете, как пережили оккупацию?" "Одесса жила, живет и будет жить", - ответил этот коренной одессит. Славно мы провели этот вечер. Был март. Весна, но еще шла война, мы ехали на фронт, предстояли бои и, кто знает, как сложится судьба каждого...

Утром вылетели из Одессы и в тот же день приземлились в Бухарестском аэропорту. Пошел к коменданту, отметался, получил по аттестату талоны на питание в офицерской столовой и номер в той же гостинице. Встретил командира эскадрона Геннадия Родионова. Он был контужен, пролежал в госпитале, выписан и тоже должен вернуться в полк. Он здорово заикался. У него был неплохой голос, он играл на гитаре. Как известно, заики, когда поют - заикание пропадает. Он разучивал какую-то новую песню, недавно прозвучавшую "На позиции девушка провожала бойца", "Огонек".

На попутных машинах, идущих к фронту, вернулся в родной полк. Он стоял на отдыхе в большом чешском селе. К сожалению, забыл его название. Встреча с друзьями и боевыми однополчанами была, как-с самыми близкими и родными людьми. Полком командовал майор Клименко - заместитель по политической части. Как политработник имел хорошую строевую подготовку, был грамотным и тактически подготовленным офицером. Василий Федорович находился в госпитале в румынском городе Сибиу. По поступающим письмам от Лебедева и другим источникам состояние его было тяжелым.

В санчасти особых изменений не было. Николай Федорович Поповский хорошо освоился в качестве старшего врача. По отзывам медиков ПМП и офицеров, действовал смело и разумно. Первый день в своем коллективе прошел в расспросах. Мне рассказывали о всех новостях, что были за время моего отсутствия.

Ночью погиб ПНШ-1, Павел Зотов. Мне нравился этот невысокого роста капитан. Грамотный штабной офицер. Как мне рассказали, он в темноте наткнулся на

немецких разведчиков и в рукопашной схватке был зарезан. Его нашли утром в окопе. Он был из Сибири, там жила его мать-старушка. Семьи у него не было. Помню, он часто, напевал песенку: "И в Сибирь в родную деревеньку к своей матери вернусь..." Не суждено было вернуться.

Война шла к завершению. Была весна, стояли теплые солнечные дни, настроение было приподнятым, но война еще продолжалась, гибли солдаты, офицеры, были и раненые. Чешское население встречало нас возгласами "наздар!", цветами и вином. Я головой окунулся в свою привычную работу.

Немецкие войска поспешно отступали, стремясь оторваться от наступающих частей Красной Армии. Перед нами отходила группировка генерал-полковника Шернера. Целью ее было выйти на встречу наступающим с запада англо-американским войскам и сдаться лучше нашим союзникам, чем Красной Армии. В преследовании отступающих немецких частей особую роль сыграли подвижные части - танки и кавалерия. Наша пехота не могла поспевать, она наступала пешком. Здесь особенно отличилась кавалерия во взаимодействии с танкистами. Мы шли на рысях. Фашистские части были деморализованы, отступали, бросая технику, которую предварительно приводили в негодность.

Без боя мы заняли город Илгаву. На многих домах висели белые флаги. На некоторых дверях были прикреплены плакаты "Здесь немцы не живут". Читая их, мы посмеивались. Геббельсовская пропаганда истошно вопила о зверствах большевиков. Она запугивала население, предупреждая, что идут орды, уничтожающе все на своем пути, убивая, насилуя, не щадя даже маленьких детей. "Бегите на запад", - призывала мирное население фашистская агитация.

Наши конники наступали, вернее преследовали немцев во взаимодействии с четвертым корпусом генерала Богданова. Преследование было стремительным. Наши славные танкисты перерезали главные магистрали путей отступления Шернеровской группировке. Командующий группой генерал Шернер с группой высших офицеров улетел на самолете, бросив свои войска. Вскоре мы стали встречать длинные колонны пленных немцев, которых гнали наши конвоиры на восток. Они шли все без оружия, опустив низко головы. На рукавах и головных уборах - белые лоскуты - знак капитуляции. В одной колонне я заметил среди пленных женщин в военной форме. Они шли в середине строя, окруженные мужчинами. Вероятно, они наши отношения к пленным мерили на свой аршин. Пленных было много, много тысяч. Я мысленно вспомнил и представил себе первые дни и месяцы войны, 1941 год, когда мы с боями отходили, оставляя свои города, деревни и села, и вернулся к этим дням нашего триумфа. Да, душа ликовала, это ли не великое счастье дожить в этой жестокой войне и видеть, что не зря мы потеряли столь много. Это победа, за которую мы заплатили дорогой ценой. Мы чувствовали, что скоро, скоро наступит полная Победа. Но что ожидает нас впереди? Ведь и в эти дни мы сталкивались с отдельными группами немцев, не сложивших оружие, продолжающих сопротивляться.

Мне никогда не забыть эпизод этих дней. Я шел с одним эскадром в головном отряде. Все обратили внимание на огромный табор, расположившийся примерно в полукилометре от дороги. Были видны телеги, распряженные лошади и почти никого из людей. Комэск приказал одному из взводов выяснить, что это за скопление. Я поскакал с этим взводом. Когда мы приблизились, то увидели, что там много народа - мужчин, женщин, детей, прячущихся между телегами. Мы подъехали вплотную и стали перед телегами. "Кто такие?" - спросил командир взвода. Ответили

на немецком языке: беженцы немцы. Я стал расспрашивать по-немецки и выяснилось следующее: Это немецкие крестьяне, жившие своими деревнями в Чехословакии. Напуганные геббельсовской брехней, они бежали, бросив все свое имущество с тем, чтобы уйти в Германию. Фашисты нагнали на них такого страха, что они невольно поверили. Стремительное наступление наших войск помешало им уйти. Чувствовалось, каким страхом скованы люди, они ждали, что мы можем причинить им зло. Видя, что мы не собираемся их обижать, постепенно осмелели, стали выползать из-под телег, загалдели, стали улыбаться, слышались возгласы "Гитлер капут" и т.д. Один мальчишка лет 10 подошел и робко спросил, не дам ли я ему попить воды. Я снял фляжку, висевшую на поясе, дал ему, и он жадно стал глотать воду. Он что-то пробормотал и, как я понял, стал просить разрешения дать напиток его маленькой сестренке. Я разрешил, но приказал вернуть флягу. После этого все осмелели, стали выходить, что-то расспрашивать. Я им объяснил, что их обманули и посоветовал возвратиться домой в свои деревни. Под возгласы "данке, данке" мы их оставили и пошли догонять своих.

Мы шли с боями, освобождая дружественный нам народ. Я задерживался для оказания помощи раненым, отправлял их в идущий за нами М.С.Э. и снова догонял свой полк. Целью нашего наступления был город Брно, но до него надо было пройти, преодолев целый ряд водных преград. На короткой остановке в чешском селе мне сообщили, что арестован санитар санчасти рядовой Миникаев. Он иногда был моим коноводом, прошел со мной большой путь, был в Дубно, отходил через болото, спас моего Орлика. Я писал о его страсти и любви к лошадям. Мне удалось выяснить все обстоятельства его задержания. Действуя на свой риск, заехал в крестьянский двор, узнав у чеха соседа, что в этом дворе у хозяина спрятан очень красивый конь, которого подобрал при отступлении этот хозяин. Стал обшаривать сарай. В это время из дома вышел хозяин и стал уверять, что никакого коня у него трофейного нет. Показал своих двух лошадок, обыкновенных крестьянских лошадок. Оставался небольшой сарай, закрытый на замок. Миникаев потребовал его открыть, хозяин уперся, стал ругаться, схватил железный шкворень, Миникаев снял с плеча карабин и выстрелил вверх, чех заорал благим матом. В это самое время по деревенской улице на виллисе проезжал какой-то генерал с адъютантом и охраной из 3-х солдат. Он приказал адъютанту выяснить, кто стреляет. Миникаева разоружили, задержали и передали в комендантский взвод штаба нашей 8-й дивизии, обвинив в грабеже и мародерстве. Мы шли, освобождая дружественный нам славянский народ, и вдруг такой безобразный случай. Миникаев попал под горячую руку, и дело могло закончиться для него плачевно. Через несколько дней я узнал, что военный трибунал нашей дивизии приговорил его к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор должен быть утвержден командиром дивизии генералом Павловым. Всем было жаль Миникаева, особенно мне. Неужели его расстреляют? Вот-вот закончатся война, которую он прошел от 1943 года до этих дней. Я немного знал председателя военного трибунала майора Миненкова и пошел к нему просить за своего солдата. Ведь я нес моральную ответственность за его воспитание. "Ничего сделать не могу, теперь все зависит от комдива". И я решился идти к генералу Павлову.

Адъютант генерала Бобыко Николай Николаевич меня знал и помог, попросив генерала меня принять. Я кратко изложил свою просьбу, рассказал о Миникаеве, как о хорошем солдате, но неграмотном, темном, до одури любящем коней, и просил заменить высшую меру - штрафной ротой.

Комдив мне выдал, как следует, делая упор, что мы не в Германии, а в дружественной нам стране и пусть знают чехи, что мы не грабители, а освободители. Я горячо упрашивал генерала и он обещал заменить "вышку" штрафной ротой. Я был счастлив, я знал, что он хотел коня раздобыть для меня и, если бы его расстреляли, моя совесть не дала бы мне покоя...

После замены приговора Миникаева отпустили в полк забрать свои немудреные вещички. Он явился обросший, похудевший со впалыми, потускневшими глазами. Верно говорят, не так страшна смерть, как ее ожидание. В это время, буквально через несколько часов, полк пошел в наступление, где-то немцы прорвались и надо было их остановить и контратаковать. Я подумал, что это удача, поговорил с начальником штаба и с его разрешения отправил Миникаева в эскадрон. "Иди в бой, если не погибнешь, будешь ранен, хотя бы легко, тебе могут засчитать наказание". Несколько дней он воевал, и был легко ранен в мягкие ткани правой голени. Я его оставил в санчасти, а тем временем начались непрерывные марши, форсирование рек, бои и Миникаев занялся своим обычным делом. В военный трибунал пошел рапорт за подписью командира полка майора Клименко о том, что рядовой Миникаев, находясь в части силой и стечением обстоятельств, пошел в бой, храбро сражался, был ранен и находится на лечении в санчасти. В эти же дни не то при бомбежке, не то при обстреле майор Миненков был ранен и отправлен в тыл. В 1984 году в Москве состоялась встреча ветеранов 6 гвардейского кавкорпуса. На ней был и ветеран войны, инвалид, без правой кисти, ее ампутировали, Миненков. Мы вспомнили историю с Миникаевым... Да, такова жизнь и судьбы людские.

Ведь Миненков был всегда в тылу, непосредственно в боях участия не принимал, а остался без руки.

Предстоял прорыв обороны противника с форсированием довольно широкой и полноводной реки Грон. Оборону немцев прорвали, мы форсировали реку по навешенным саперами понтонным мостам, вошли в прорыв и захватили плацдарм. Хорошо помню инцидент перед переправой. Мост узкий, перед мостом скопилось много машин, повозок, артиллерии, образовалась пробка. Полк следовал колонной. С головы колонны сообщили, что ранен старший лейтенант Виктор Мансуров, комэск, мой друг. Я решил пробиться вперед, где по обочине дороги, где по кювету. Продвигаться было трудно. На подходе к переправе стоял виллис командующего конно-механизированной группой, а сам генерал Плиев Исса Александрович ходил со своим стэком, с которым не расставался и разгонял "пробку". Некоторым доставалось по спине или, кто верхом, по крупу коня. В это время налетели "мессера" и стали обстреливать переправу. Все кинулись, кто куда, вдоль берега, вправо, влево и пробки через несколько минут как не бывало. Плиев, как стоял около своей машины, не шелохнулся. Вскоре мессера улетели, не причинив больших потерь, и переправа продолжалась.

У Исы Александровича Плиева была поговорка, которую он всегда повторял, когда его предупреждали об опасностях: "Еще не отлита та пуля или осколок, которые мне предназначены". Он, действительно, был смелым и бесстрашным человеком. Мне приходилось его встречать несколько раз уже после войны, при подготовке к параду Победы и на параде. Последняя наша встреча была в Москве в 1968 году на Новодевичьем кладбище на митинге, посвященном 25-летию со дня гибели генерала Льва Доватора. На этом кладбище надгробный памятник триптих на могиле генерала Панфилова, генерала Доватора и летчика Виктора Талалихина.

После митинга состоялся банкет в ресторане гостиницы "Юность". Там я познакомился с женой, сыном и дочерью Доватора. Удалось поговорить и с Иссой Александровичем Плиевым, вспомнить прошлое, которое незабываемо.

С первых дней формирования полка в Оренбурге служил в санчасти повозочным санитаром рядовой Андрей Окунев. Высокого роста, богатырского сложения, большой физической силы и в то же время застенчивый, мало разговорчивый и очень добрый человек. Был он единственным сыном. Отец и мать - крестьяне, долго у них не было детей и Андрей родился, когда им было далеко за тридцать лет. Перед войной собирался жениться - помешала война. Он был дисциплинированным и исполнительным солдатом. Кони его были ухожены, сбруя в образцовом состоянии и так же, как и Миникаев, очень любил коней. Во время бомбежки убило одну из лошадей его упряжки, вторую легко ранило. Мы быстро раздобыли коня, но это оказался на, редкость ленивый маштак и никак не подходил к оставшемуся сильному напарнику. В пароконной повозке очень важен подбор коней и необходимо время, чтобы спаренные коняги привыкли и добросовестно тянули телегу. И среди животных бывают сачки, ленивые, не прилагающие усилий в упряжке. Где-то Окунев раздобыл неказистую кобылку, вороной масти, сам дал ей кличку "Сунжа" и заменял ленивого, отдав его в какой-то эскадрон. Сунжа была из породы башкирок, худая или, как говорят, не в теле. Вскоре, благодаря заботам, Андрея, Сунжа стала набирать в теле. Главным ее качеством был горячий нрав, темперамент, норовистость. В упряжке она ходила отлично. Быстро сдружилась со своим напарником. Андрей здорово к ней привязался, даже полюбил ее больше, чем других лошадей. Нередко баловал, подбрасывая овса, кусок сахара или сухарь, посыпанный солью.

Не помню, какого числа это случилось, но буквально перед концом войны. В тот день после боя было много раненых. После их эвакуации уже было далеко за полночь, я прилег немного отдохнуть и быстро заснул. Немецкие минометы вели обстрел деревни, но мы уже привыкли и даже могли при этом спать, если не происходило близких разрывов. Не помню, то ли меня разбудили, то ли я сам почувствовал какую-то внутреннюю тревогу, я очнулся и увидел, что на полу лежит Окунев, рядом сидят повозочные Мурсалимов и Миникаев и плачут. Я вскочил, подошел к ним, спросив, что случилось? "Андрея убило", - ответили мне. Как, когда? Окунев был мертв, но нигде не видно было раны. Повернули вверх спиной и под левой лопаткой обнаружили рану от осколка. Крови почти не было видно. Он был сразу убит, осколок пробил сердце. Произошло следующее:

Когда начался обстрел, повозочные решили перевести лошадей под прикрытие большого каменного сарая. Андрей повел Сунжу и в это время недалеко разорвалась мина, осколок рикошетом, отскочив от стены, попал Андрею в спину. Так погиб Андрей Окунев перед самым концом войны. Его похоронили в деревне Субботице. Мы собрали все, что было у нас из трофеев, его вещи, написали большое письмо и отправили его старикам. Как обидно - пройти через все бои, походы, невзгоды и перед самой Победой погибнуть.

В санчасть принесли солдата. Он был без одежды, все тело, кроме лица и головы, в тяжелых ожогах, черный, как негр. Из горла вырывались хриплые стоны и слова: "Братцы, бога ради, пристрелите меня, я не жилец!" Это оказался шофер какой-то части, которая была расположена недалеко от нашей санчасти. Он решил постирать свое обмундирование в бензине. Постирал, отжал, одел на себя и... закурил. "Вмиг превратился в горящий факел. Спасти его было невозможно. Сделали мор-

фий, но мало помог. Вскоре он, не приходя в сознание, скончался. Также погиб на исходе войны.

Наше дальнейшее наступление на запад осложнялось форсированием нескольких рек, причем не маленьких, а полноводных и довольно широких.

Продвигаясь с боями, мы форсировали успешно также реки, как Нитра, Ваг, Морава. Немцы не смогли превратить их в преграды нашему наступательному порыву.

В непрерывных боях полк понес большие потери, несмотря на небольшие пополнения, возвращение раненых после выздоровления. В строю оставалось меньше половины штатного состава. Немало было молодых солдат рождения 1926 и 1927 годов. В то же время чувствовалось наше растущее превосходство в технике: танках, самоходных орудиях, артиллерии, не говоря об авиации. Все больше поступало наших замечательных танков тридцатьчетверок с модернизированными пушками 85-мм калибра и новых противотанковых орудий сотого калибра.

Наша войска на Берлинском направлении вели бон на подступах к логову фашистского рейха. Наша часть действовала на южном направлении на Прагу, но у нас на пути стоял сильный узел обороны немцев - столица Моравии, город Брно. Здесь развернулись сильные и упорные бои. Немцы сосредоточили эсэсовские дивизии и власовцев.

В боях за Брно погиб наш командир полка майор Николай Андреевич Клименко. Это была тяжелая потеря. На основном направлении наступление полка застопорилось, и он выдвинул свой командный пункт буквально чуть ли не в боевые порядки эскадронов. С ним были несколько штабных офицеров и два-три казака. Последовала сильная контратака, в которой он был убит. Его вынесли с поля боя. Это случилось 20 апреля, за две недели до конца войны.

Было очень тяжело терять боевых друзей в эти весенние дни, когда уже чувствовалось, что войне скоро конец. После каждого боя мы хоронили погибших. Особенно было тяжело хоронить ветеранов части, прошедших с полком с первых дней его формирования, тем более таких оставалось все меньше и меньше. Всем хотелось дожить до светлого дня - Победы, хотелось встретить день, о котором мы мечтали все 1418 дней.

В полк пришел новый командир - майор Доронин. Высокий, крупный мужчина, кавалерист с орденом боевого Красного Знамени. Задолго до этого бывший старший врач Александр Яковлевич Мастренков, рассказывая о своей действительной службе в Красной Армии, упоминал несколько раз фамилию Доронин. Мастренков был курсантом школы младших командиров, а Доронин курсовым, командиром. Когда курсанту приходилось докладывать, он произносил: "Курсант взвода Доронина". Это оказался тот самый Доронин.

Продолжаются бои за город Брно. Столица Моравии - крупный промышленный и культурный центр, за который цепляются немцы. Нам противостоят эсэсовские части и власовцы. Много раненых. Новый командир полка, мы его мало знаем, и судить о его командирских качествах, делать выводы рано.

Меня послали в село Жабчице установить факт изнасилования молодой чешки неизвестными тремя солдатами. Действительно, такой факт подтвердился, и вскоре этих трех преступников арестовали. Неслыханный случай. Позже мы узнали, что их судили судом военного трибунала и расстреляли. Все в прошлом были судимы.

30 апреля, накануне Первомая, стоял жаркий день, и в отношении погоды и бо-

евой обстановки. Бесперывно поступали раненые. К вечеру стал накрапывать дождик, постепенно перешедший в ливневый дождь. Не помню названия деревни, где мы выбрали большой дом для раненых, оказывали помощь и отправляли в МСЭ. Деревня обстреливалась и несколько снарядов разорвались недалеко от санчасти. Это случилось 1 мая. Наступил вечер, стало темнеть. Всех раненых отправили, и мы собирались отметить праздник - 1-е Мая.

В дверь кто-то робко постучал. На пороге стоял молодой чех. Выражение лица встревожено. "Помогите, я знаю, здесь есть доктор. У меня жена рождает, а акушерка спряталась где-то в бункере от обстрела". Собирался я недолго, взял санитарную сумку, позвал ординарца и мы пошли. Кромешная тьма, озаряемая вспышками молний, раскаты грома и взрывами вражеских мин. Естественно, я волновался, в роли акушера бывать приходилось редко. В одноэтажном доме, в одной из комнат стонала роженица, молодая женщина 20-22 лет. Надев халат и вымыв руки, я выполнил все, что положено при родовспоможении - принял новорожденную девочку. В большей комнате собрались родственники, соседи, муж. У многих на глазах слезы. Ко мне обратился отец новорожденной: "Пан доктор, как бы вы хотели назвать девочку?" Я немного смутился. "Теперь вы ее крестный". Я не знал, что ответить, но, подумав, предложил назвать ее Майей, тем более родилась она 1-го мая. Назвали Майей, Кветославой по-чешски, что-то близкое к Майе. Мы выпили вина в честь новорожденной и, распрощавшись, ушли. На следующий день, опрокинув немцев, мы двинулись дальше. Этот маленький эпизод запомнился, но в те дни успешного наступления вскоре был забыт.

Все жили одним желанием скорее добить фашистскую гадину. В эти предпобедные дни наши союзники спешили на восток. Мы стремительно продвигались на запад. Немцы предпочитали сдаваться нашим союзникам, а нас пытались сдерживать, местами оказывая яростное сопротивление. Весна, солнечные дни, все цветет и так хочется остаться живым. Но еще рвутся снаряды и мины, гибнут солдаты, есть раненые. Все чувствуют, вот, вот - конец войне и мало кто не думает о том, как хочется жить, встретить Победу.

Мною владели странные чувства. Я был почему-то уверен, что меня не убьют и даже не ранят, за годы войны стал фаталистом, и в то же время радостное настроение смешивалось с каким-то тревожным чувством сомнения. Я был ранен в первый день войны - 22 июня и мысленно думал о последнем дне...

Не представлял последнего выстрела, с которым завершится война. Боевые будни продолжались, надо было не ослаблять последних усилий и действовать смело и решительно. Немцы бежали, но бдительность и осторожность надо было не ослаблять. Санчасть ушла вперед с полком, а я остался ненадолго по каким-то делам, решив, что далеко не уйдут, догоню. Даже коновода со своим конем отправил вперед.

Одет был легко, на мне санитарная сумка, автомат и пистолет. Полк остановился в селе за железнодорожным переездом, и я спокойно шел в то село. По пути догнал небольшую группу солдат и сержантов. Это шло пополнение, человек 8-10, во главе с капитаном - старшим политруком. Я присоединился к этой группе, расспрашивая и рассказывая о нашей кавалерии. Не доходя до переезда, чех-железнодорожник предупредил, что переезд нет-нет да обстреливается. Мы шли гурьбой. Жаль, что мы не придали особого значения его предупреждению. При переходе через переезд посредине нашей группы разорвалась мина.

Немцы засекли нас и начали обстрел. Капитану-политруку разорвало крупным осколком живот, пять человек были ранены, довольно серьезно, остальные не пострадали, в том числе и я. Меня оглушило, в ушах стоял звон, но ни одним осколком не задело. В одном месте пробило санитарную сумку. Все произошло так внезапно, что сразу не все могли опомниться. Общими усилиями оттащили раненых в безопасное место. Офицер скончался, другим раненым мною была оказана помощь. К счастью, за нами шел МСЭ и подобрал всех раненых, нуждающихся в помощи.

Я подумал, почему я остался невредим? Что это - судьба, везение, случайность? Это событие мне особенно запомнилось и запало в душу. Ребята, которые шли на пополнение, еще не воевали, рождения 1927 года, еще пороху не нюхали, а сразу попали в переплет. Очень жаль было политрука, он ехал из госпиталя после трех ранений. Жаль, не запомнил его фамилию.

До нас доходили сведения, о взятии Берлина, о капитуляции немцев, но для нас война еще не кончилась, вылавливали отдельные группы и одиночек. Мы двигались юго-западнее Праги в район города Бенешува. По слухам, в Праге восстали рабочие и ведут бои с немцами и власовцами, призывают на помощь наши войска.

Жара, жажда - хочется лить. Пленных немцев ведут в тыл колоннами. Изредка слышится стрельба. У меня болит голова, легкий звон в ушах, стараюсь не обращать внимания, это еще терпимо.

9 мая. Боев нет. Утром, как только стало светать, по всему "фронту", если так можно выразиться, сплошное зарево из трассирующих разноцветных пуль и ракет, беспорядочная стрельба вверх. Это был Победный салют. Конец войне. Все, у кого были винтовки, автоматы, пистолеты, салютовали. Победа!

1418 дней и ночей наша армия и народ вели невиданную в истории войну, сокрушив фашизм. Нам поставлена задача - вперед на запад, как можно быстрее идти на сближение с союзными войсками, которые "геройски" торопились на восток, не встречая сопротивления сдающихся им в плен немцев.

15 мая я услышал последние выстрелы этой войны. Мы остановились на берегу небольшой и не очень широкой речушки. Купались, мыли коней, стирали обветшавшее обмундирование, пропитанное соленым потом. На спине и подмышками белые пятна соли. Какое это было удовольствие и блаженство! Около 12 часов над нашим расположением появились 3 самолета с американскими опознавательными знаками - пятиконечные белые звезды на крыльях. Они стали облетать, кружась над нашим полком. Наши зенитки дали несколько предупредительных выстрелов, естественно, не по ним, как союзникам, и они, помахав крыльями, улетели на запад.

Сколько пережито и передумано за дни войны? Интересно, как каждый воин представлял себе этот день? Вот пришла она, эта Победа, одно слово, но сколько в нем вмещается чувств, мыслей, задумок, планов, желаний!

Первые дни тишина как-то угнетала и для слуха трудно воспринималась. Но прошел день, другой и все становилось на свое место. Как сложится дальше жизнь? У каждого были свои думы. "Старики", которым было за 45-50 лет, мечтали о быстрой демобилизации, да и большинство мечтало о скорейшем возвращении к семьям, домашним очагам, молодые о любимых, невестах. Задумывались кадровые офицеры, коих военная профессия была их специальностью. Лично я мечтал продолжать службу и поступить в Военно-медицинскую академию.

Не покидали думы о павших друзьях-однополчанах, не доживших до светлых дней Победы. Сколько их осталось покоиться навеки в чужой земле? Скольких опла-

кивают родные - матери, отцы, дети, жены? Сколько братских могил и одиночных холмиков, под которыми покоятся герои, ценой своей жизни добывшие Победу. У родных, у которых не вернулись с войны, - скорбь, особенно тяжела в дни Победы. Личное горе не гасит радости за тех, кто вернулся с войны, за общую Победу, одну на всех. Радость сквозь слезы. Победа со слезами на глазах. Особенно тяжело было, когда приходили письма тем, которых уже не было в живых. Чувствовалась утомленность, даже какая-то вялость, хотелось отоспаться, но сон был тяжелый, преследовали сны, связанные с войной, боями, снились погибшие товарищи и даже во сне, хоть на мгновение, забывалось, что они уже никогда не вернуться. Психологически это, вероятно, было переходом от большого физического и морального напряжения к спокойной обстановке. Шли дни, и это состояние постепенно проходило. Каждый был рад, что выжил, исполнил свой долг и празднует Победу.

Я был молод, мне шел 25 год, здоров, полон надежд, знал о своей семье - матери, сестрах и братьях и представлял, какова будет встреча с ними. Разве это не счастье?

В конце 1944 года к нам с пополнением прибыл солдат по фамилии Косых Василий Иванович. Что-то было странное в его фигуре, скуластое лицо с приплюснутым носом, большие красивые глаза и прямые черные волосы. Его определили в санчасть санитаром. Голос низкий с хрипотцой. В работе старательный, немногословный, исполнительный. Держался всегда как-то обособленно. Иногда замечали, что незаметно крестятся, тихо шепчет молитву, едва шевеля губами. Санитар как будто вполне исправный и физически довольно сильный. В сложной боевой обстановке трусости не проявлял. Верхом на коня садиться избегал, все больше ездил на повозке. В хозяйственном взводе был ковочный кузнец Дьятлов, большой специалист по ковке коней, но известный бабник, женщины были его слабостью. Мы заметили, что он проявляет повышенный интерес к нашему санитару Косых и не знали, с чем это связано. Прошло больше полгода, и мы стали замечать, было это уже в Чехословакии, война шла к своему завершению, когда однажды я застал Дьятлова и Косых вместе. Дьятлов обнимал моего санитаря и пытался расстегнуть на нем брюки. Заметив меня, они быстро сбежали. Я подумал - неужели Дьятлов педераст? Поделится своими мыслями с товарищами и решил поговорить с Косых. Как-никак он был моим подчиненным. Я вызвал его и стал дотошно расспрашивать о семье, отце, матери, братьях и т.д. Беседа была длительной, я задавал много вопросов, и мне удалось выяснить, что это не мужчина, а женщина, Косых Василиса Ивановна из Чувашии, но русская, из старообрядцев.

Матери она заявила, что пойдет в армию, на фронт, санитаркой. Мать согласилась, но при условии, что выдаст себя за мужчину, тем более внешность ее позволяла. Это было сенсацией и произошла метаморфоза. Мы старались об этом не распространяться, нам было стыдно, что мы не могли разобраться, кто есть кто, а вот ковкузнец Дьятлов первый это разнюхал. Я доложил об этом командованию и спровадили Василису Косых в резерв корпуса, откуда ее отправили не то в другую часть, не то в какое-то тыловое медицинское учреждение.

Примерно за месяц до конца войны в полк прислали санитарку. Высокая, крупная девушка с мощным бюстом. Мы ее прозвали про себя, конечно, полтора Ивана. Командир полка, как-то зайдя к нам в санчасть, а располагались мы в палатках, бросил на девушку глаз и по вечерам стал приглашать ее к себе. Доронин был здоровый мужик и она ему под стать. В душе нам было неприятно за поведение командира, но

как мужчины понимали его... И на фронте, тем более война кончилась, сложились какие-то этические нормы. Командир полка - хозяин положения, и все в полку в его подчинении.

17 мая в полк прибыли несколько офицеров из штаба дивизии. Осталось в полку не более 300-400 человек. Приказали всем привести себя в порядок, объявили построение при орденах и медалях.

Командование полка с представителями штадива обходили ряды выстроенных казаков и офицеров, спрашивали фамилии тех, кого отбирали. Из полка отобрали 30 человек, 6 офицеров, рядовых и сержантов. Это были в основном рослые, стройные и многократно награжденные воины. Всех в конном строю повели в штаб дивизии. Там были уже представители других полков и частей. Повторное построение и отбор. Из 30 отобранных нашего полка 15 человек отправили обратно в полк, а оставшихся в конном строю - в штаб корпуса. Третий тур отбора был особенно долгим, и из нашего 29 полка оставили 12 человек, из офицеров Ивановского и меня, остальные 10 человек сержанты и рядовые. С каждым подробно беседовали представители командования, политотдела, контрразведки "смерш", Выяснили буквально все, автобиографию, прохождение службы, родственные связи и т.д. и т.п. Мы не знали, для чего нас так придирчиво отбирают, строили всякие предположения. Кто-то высказал мысль, что отбирают для встречи тов. Сталина, другие - для встречи с союзниками. Все подобранные из корпуса 200 человек были рослые и те, у которых много наград. Отобранную группу отправили в полк, приказали взять парадную форму и самые необходимые личные вещи.

21 мая отобранный батальон собрали в районе штаба конно-механизированной группы и построили на большом поле. Вскоре вышел командующий конно-механизированной группы генерал-лейтенант Исса Александрович Плиев, поздоровался и выступил с короткой речью: "Товарищи казаки, нам оказана великая честь - мы едем в Москву на Парад Победы!" Дружное "ура!" прокатилось по полю. Полетели вверх кубанки, и генералу пришлось довольно долго успокаивать ликующих казаков. Мы никто не могли представить себе такого счастья.

Конно-механизированная группа генерала Плиева в боевых действиях Великой Отечественной войны покрыла себя неувядаемой славой и заслуженно представляла на Параде Победы казачий парадный батальон. Участников парада по железной дороге доставили в столицу Словакии - Братиславу, где формировался парадный полк 2-го Украинского фронта. В Братиславе с каждого участника сняли мерку (ростовку) - обмундирования, обуви и передали в Москву, чтобы к параду всем выдали новую казачью форму.

Каждый фронт выставил парадный полк, которым командовал командующий фронтом, начальник штаба. Маршал Малиновский и генерал-полковник Захаров больше были "парадными" генералами, а фактически формированием и подготовкой занимался нашим полком генерал-лейтенант Афонин. В боях он потерял кисть левой руки (ампутировали после ранения). Это был очень строгий и требовательный командир.

Из Братиславы нас по железной дороге доставили через Румынию в Москву. Утром, на рассвете, никто уже не отдыхал, хотя у каждого была полка. Нас везли на санитарных поездах. Прибыли мы на станцию "Красная Пресня", на платформе народ. Это москвичи, узнав о прибытии в Москву участников Парада Победы, пришли встречать победителей. Немало было тех, которые жили с надеждой узнать что-

нибудь о своих близких, не найдутся ли сослуживцы-однополчане, возможно, знавшие их сыновей, отцов, братьев. Даже те, которые получали похоронки, жили с надеждой и не хотели верить, тем, более о тех, кто пропал без вести. Их можно было понять и всем сердцем сочувствовать их горю.

Послевоенная Москва. Ее надо было видеть, особенно в первые дни, недели после 9 мая, когда ликовал весь советский народ, а Красная площадь была сосредоточием, отражением того, что происходило по всей нашей Великой Родине.

Отгремел салют, жизнь с ее тяжелыми материальными буднями входила в свои ежедневные заботы и трудности. Было голодно, не хватало рабочих рук, много предприятия оставались в эвакуации. Полстраны лежало в руинах, но люди жили с великой и страстной надеждой, что настает новая жизнь, все будет преодолено и обустроено. Не вернуться только те, которые не дожили до Дня победы. Нас спрашивали, что могли, отвечали, и в этом общении складывалось первое впечатление о людях, москвичах, которым пришлось много пережить и выстрадать.

Каждый парадный полк был размещен в разных районах города. Были подготовлены помещения, столовые и все прочее. Парадный батальон с другими частями парадного полка расположили в Сокольническом районе, в общежитии института, недалеко от Черкизово. Недалеко находился и кафетерий, где питались офицеры и другие участники парада.

Командир нашей 8 гвардейской кавдивизии генерал Павлов был командиром нашего парадного казачьего батальона. Меня он назначил начальником штаба (адъютантом старшим) и мне приходилось заниматься всеми делами: списками, разбивкой отделений, взводов и рот, хозяйственными вопросами. Его личный адъютант Николай Николаевич Бобыко был только при генерале и выполнял все его личные распоряжения.

К нашему эшелону, который вез нас в Москву, были прицеплены вагон и две платформы. Вагон был набит трофеями, принадлежавшими лично генералу и охранялся часовым. На платформах стояли трофейные автомашины, тоже собственность генерала. Многие генералы и начальники хапали без зазрения совести. Среди трофеев было много мясных консервов. Их сгрузили в одном помещении и закрыли на замок. Нас кормили хорошо, и мы ни в чем не нуждались. По нашей просьбе Бобыко выдал нам часть консервов для родственников наших, живших в Москве и Подмосковье.

С первых же дней к воротам нашего общежития (казармы) приходили местные жители, москвичи, находились даже знакомые, которые служили или работали вольнонаемными. Ведь мы уходили на фронт из Москвы. Так я встретил Гуськову, девчонкой она работала в штабе дивизии, в отделе связи. Она меня разыскала, у нее был ребенок, мальчик 2-3-х лет, как она мне рассказала от майора Дьядичко, который работал в отделе связи и много обещал... Сколько таких случаев можно было привести в пример, сколько искалеченных душ и судеб наших девушек, женщин, которые после войны остались с детьми - без отцов и мужей. Все ребята делились, чем могли, отдавая, вернее угощая тем, что имели, главным образом для детишек.

С первых же дней начались тренировки, строевые занятия. К Параду Победы надо было подготовиться особенно хорошо, ведь это должен был быть парад особый, исторический, Парад Победителей. Занятия проходили в ночное время, с 12 ночи до 6 утра, когда отведенные площади и улицы пустели. С нами занимались опытные и требовательные инструктора, выжимая из нас все, как положено. К утру

уставшие, мы с песнями в строю расходились по своим местам. Небольшой отдых, туалет, завтрак и сон до обеда. После обеда и до ужина личное время. 23-00 - построение и снова строевая. Наш батальон занимался на Комсомольской площади. Подготовка проходила по строгому плану и графику. На фронте строевой не занимались, тем более кавалеристы. Наша строевая был конный спорт, которым мы увлекались в перерывах между походами и боями на отдыхе и деформировании. После занятий ноги "гудели", но мы были молоды и сильны.

За дни пребывания в Москве я встречался с родственниками: братом художником, внучатой племянницей Сусанной и другими. Братья продолжали служить в армии, мать с сестрой переехали в Днепропетровск.

Строевые занятия с каждым днем совершенствовались нашу подготовку и батальон становился монолитной и слаженной парадной колонной. Наш комдив Павлов был отличным стрелком и при нем всегда был маленький пистолет "Вальтер". Его страстью было стрелять по птичкам. Забыв, что он находится в Москве, и сидя в садике среди других генералов, он вынул пистолет и стал стрелять по воробьям. Сбил одного, другого и после замечания своих коллег - прекратил. Кто-то доложил об этом генералу Афонину, тот маршалу Жукову Г.К. Маршал был возмущен и наказал генерала, объявив ему 3 суток домашнего ареста.

В Москве я встретил старшину Табачникова, я о нем писал. В Венгрии их самолет штурмовик был подбит немцами, и они сели на нейтральной полосе. Мы их пригласили к себе в полк - напоили, накормили, и, связавшись со своим авиаполком, они уехали. Это была неожиданная, но очень приятная встреча.

Парад был назначен на 24 июня. После двух недель тренировки была репетиция на территории нынешнего аэровокзала, недалеко от стадиона "Динамо", одноименное метро. На импровизированной трибуне находились маршалы и генералы. Перед ними прошел весь парадный полк по батальонно. Наш батальон прошел хорошо, почти без замечаний. Другие батальоны, как, например, летчики (все проходили в пешем, строю), имели замечания.

Перед двадцатым июня мы получили новую, специально сшитую казачью форму: черески темно-синего цвета с газырями, казакины, диагональные брюки с красным кантом, хромовые сапоги, кубанки, наборные казачья ремешки (пояса), шашки и прочие мелкие аксессуары - погоны, эмблемы, звездочки. Все было по ростовке и меркам, которые с нас сняли в Братиславе. После подгонки, глажки, прикрепления орденов и медалей мы выглядели очень эффектно: все на нас блестело и сверкало. Про себя подумал, что выйдем, как павлины.

21 или 22 июня состоялась генеральная репетиция на Красной площади. Все должно было выглядеть, как на Параде. Каждый полк, батальон знал свое место на площади, а каждый участник - свой квадратик. На мавзолее генералитет во главе с маршалом Жуковым. Идет построение, все полки в заранее подготовленном плане занимают свои места. По команде, согласно ритуалу, под звуки оркестра началось прохождение. Все прошли отлично, за что получили благодарность маршала Жукова Г.К.

До парада оставались 1-2 дня. Надо было предусмотреть все мелочи предстоящего парада. 23 июня все проверяли, подгоняли, гладили. Отбой объявили в 22-00, надо было отдохнуть, подъем в 5-00.

Ночь перед парадом. Я почти не спал, хотя за день здорово устал. Думал о том, что завтра мы увидим того, о ком много думали, с именем которого шли в бой, уми-

рали и побеждали. Понятия Родина и Сталин были едины.

Знали о предстоящем приеме в Кремле, и кому-то из участников Парада выпадет счастье быть на этом приеме. Мы уже знали, что часть участников Парада после завершения торжеств поедут на Дальний Восток. Для чего – не трудно было догадаться.

24 июня. Подъем, легкий завтрак, построение и колонной на Красную площадь. Ровно в назначенное время прибыли и заняли свои места, их мы хорошо запомнили. Стояли вольно до начала, казалось - время тянется медленно. С утра светило солнце, метеорологи предсказывали переменную облачность. Перед началом прохождения небо стало хмуриться, облака закрыли солнышко, стало пасмурно. Трибуны справа и слева от мавзолея заполнены гостями. Без нескольких минут десять на мавзолее стали подниматься члены правительства. Первым шел Сталин. Он был в светлом плаще в форме Генералиссимуса. Прошел на левое крыло мавзолея и в приветствии поднял руку. На трибунах зааплодировали. За ним с интервалом в 2-3 метра шли члены Политбюро и другие члены Правительства. Черты лица каждого были хорошо различимы. Первым, шел Молотов, за ним Маленков, Берия, Каганович, Шверник, Андреев, Ворошилов, Буденный, Калинин. Михаил Иванович был уже в годах и немощен, ему поставили стул и он сидел, вероятно, уже был болен, так как вскоре умер.

Прозвучала команда "Смирно", мы стояли, как вкопанные. Ровно в 10 часов по звону часов из ворот Спасской башни на белом коне выехал маршал Жуков Г.К., принимающий парад. Навстречу ему на вороном коне - маршал К.К. Рокоссовский, командующий парадом. Оба в прошлом лихие кавалеристы, что было видно по безупречной посадке. Церемония доклада, объезд парадных колонн, Жуков здоровается с участниками, поздравляет, в ответ звучит "Здравия желаем, товарищ Маршал Советского Союза" и наше "ура!". После объезда частей Маршал поднимается на трибуну, произносит речь, звучат залпы артиллерийского салюта. Звучат команды по перестроению: "Первая рота прямо, остальные направо! К торжественному маршу по-батальонно, на одного линейного дистанция, равнение направо, шагом марш!" Только мы двинулись, как стал накрапывать мелкий дождик, вначале небольшой, затем все более нарастающий, правда, не очень сильный.

Гремел тысячетрубный оркестр, которым дирижировал генерал-майор Чернецкий. При движении в строю левая нога синхронно шагает под звук барабана, на определенном рубеже прохождения переход на строевой шаг (называется печатать шаг). Дождь сгустил атмосферу, и громкий, мощный звук оркестра, распространяясь во все стороны, доходя до стен Кремля, эхом от стены возвращался и создавалось впечатление, что с небольшим интервалом за основным звуком следовало эхо и эта двойственность сбивала ногу с правильного ритма. Идущие впереди батальона командиры, особенно генерал, сбивались с правильного ритма шага. Не доходя до места, где надо было переходить на строевой шаг, я, как правофланговый, на которого равнялись шеренги, шепнул идущему левее меня: "Давай под левую ногу и барабан, - негромко, но так, чтобы слышал батальон, - дадим раз, раз, раз". По этой команде все четко прошли. Получилось здорово. Это благодаря тренировкам.

Сколько было потрачено времени на тренировки? Как нас гоняли в буквальном смысле слова, по-много раз заставляли повторять упражнения, как говорится, выжимали из нас все, пока не добивались безупречности. И все эти усилия для прохождения перед трибуной в течение одной-двух минут. Мысли эти приходят после силь-

ного напряжения, когда наступает расслабление, спад. Вероятно, в связи с дождем демонстрация трудящихся была отменена.

После возвращения в казармы - праздничный обед, отдых, прогулки по Москве. Везде народные гуляния. Народ - Победитель - ликовал. Когда стемнело, небо над столицей озарилось грандиозным салютом. Фейерверк был небывалый по разноцветью, красоте и количеству залпов. Салют, достойный Победы. Участникам парада выдали подарки - посылки наших американских союзников. Мы поделились с народом, который пришел нас поздравить и пожать руки. Нас обнимали, целовали, желали быстрее вернуться домой.

25 июня, на следующий день, Правительство устроило в Кремле большой прием в честь участников Парада Победы. На каждый парадный батальон выдали по несколько пригласительных билетов. Счастливчикам, которым достались приглашения, повезло, они ликовали и радовались - ведь их поздравлять будет сам Сталин.

Мы готовились к приему: начищали ордена, медали, газыри, не говоря о форме и сапогах. При нас не должно было быть ничего лишнего, не дай бог, оружия?!

Были специальные пригласительные билеты от Верховного Совета и при себе удостоверения личности. При входе лежали списки с фамилиями приглашенных для сверки. Все рядовые, сержанты, офицеры до полковника собрались в большом Георгиевском зале, примерно около тысячи человек. Красиво сервированные столы были уставлены винами и всевозможными яствами. Чего там только не было? Все ждали появления Сталина. Но, увы! К нам вышли Маленков, Буденный, поздравили с Победой, подняли тост за Победу, вдохновителя и организатора всех побед дорогого и родного отца - товарища Сталина. Прием прошел, и мы стали расходиться, разочарованные, что к нам не вышел и не поздравил Сам.

На следующий день узнал, что прием проходил в трех местах: от рядового до полковника в Георгиевском зале, все генералы - от генерал-майора до генерал-полковника, исключая отдельных, очень заслуженных, - в другом зале, и в третьем - Сталин с членами Политбюро, правительством, высшим генералитетом, дипломатическим корпусом и прочими приглашенными. Там Иосиф Виссарионович произнес тост, где сказал о нас, о винтиках, к которым выйти лично не соизволил...

О многом можно было уже задуматься тогда, но только не высказывая своих мыслей вслух. Думать только про себя.

26 июня большинство участников парада уехали по своим частям на запад, меньшая - на восток.

После парада из Москвы специальным эшеленом участники 8 гвардейской дивизии прибыли в город Ровно, который мы освобождали, и нам было присвоено звание "Ровенской". Нас уже ждали наши полки, возвратившиеся из Чехословакии на Родину. 3 июня в Ровно был военный парад. Меня назначили знаменосцем. В окружении двух ассистентов с клинками наголо мы в конном строю прогарцевали впереди полков дивизии. Парад принимал командир корпуса генерал-лейтенант Соколов. На трибуне были наш генералы Павлов, Кириллов, секретарь Ровенского обкома Бегма с членами бюро, многочисленные гости.

Во второй половине июля в городе Львове состоялся военный парад войск Закарпатского военного округа. Парад проходил в пешем строю. Мне было поручено командовать знаменной ротой. На параде при прохождении, сведенные в одну ротную команду, знамена смотрелись очень красиво и внушительно.

Во Львове я впервые познакомился со своей кузиной Ритой Пенькович, ее му-

жем Николаем и дочуркой Леночкой. Кузина с мужем работали актерами театра им. Марии Заньковецкой. Жили они на Клепаровской улице в хорошей квартире, но очень скромно. С ними жила мать Риты тетя Надя. Время было тревожное. В городе происходили бандитские вылазки украинских националистов. Ходить ночью по городу, тем более в одиночку, было небезопасно.

Вскоре я вернулся в Ровно. 29 гвардейский кавалерийский полк, как и другие полки, расформировывался. Кавалерия, как род войск, свертывалась, ликвидировалась. Больно было расставаться с лошадами - нашими преданными боевыми друзьями. Со слезами на глазах многие казаки передавали своих коней новым хозяевам. Самых лучших коней отдавали конезаводам, конесовхозам, средних - милиции. Остальных - в народное хозяйство. Только настоящий кавалерист может понять и почувствовать прощание с другом, который ему верно служил.

Мы стали именоваться 36 мотомеханизированным полком, и то декадрированным, т.е. один батальон был полного состава, остальные, имея резервную технику, при необходимости развертывались за счет призванных резервистов. Я получил должность командира медвзвода. Полк располагался в казармах по Дубенскому шоссе (улица Ворошилова). Старшим врачом был назначен майор Ермаков Владимир Васильевич, фронтовик из танковых частей. Недолго командиром полка был полковник Пархоменко, заслуженный офицер, имевший много боевых наград, но малообразованный.

После расформирования кавполка майор Доронин женился на враче нашей части Гущиной, и вскоре они уехали.

Полковника Пархоменко хотели послать на учебу, но он отказался и был демобилизован.

Начальником штаба был подполковник Прессайзен, помощник - Аркадий Овчинников, ПНШ-1 Иван Систеров. Оперуполномоченный контрразведки "Смерш" Шувалов.

Увольнялся в запас майор Иван Савельевич Нетребский, и мы решили устроить ему проводы. Организовали на квартире у старшего врача Владимира Васильевича Ермакова. Собрались только мужчины: Нетребский, Ермаков, Шувалов, кто-то еще и я. Водки было много, хватало и закусок. Компания развеселилась, пели, плясали. Нетребский вскочил на стул и стал отплясывать, а Шувалов на коленях хлопал в ладоши, затем вскочил и вдруг раздался выстрел. Нетребский схватился за руку и застонал. Разорвали рукав, немного выше запястья предплечье было прострелено, сквозное ранение. Пуля прошла между лучевой и локтевой костями, не повредив крупных сосудов. Движение кисти и всех пальцев было свободным. Быстро наложили повязку и стали выяснять, откуда выстрел. Виновником оказался Шувалов. У него в кармане лежал трофейный "Вальтер" с патроном в стволе на предохранителе, который во время пляски повернулся, снялся с предохранителя и произошел выстрел. Это было Ч.П., но мы договорились всем молчать, никому ни слова, тем более ранение было неопасным. Через несколько дней раневые отверстия затянулись и вскоре пострадавший уехал. Так никто об этом и не узнал.

В полк прибыл новый командир - полковник Андреев. Первое впечатление после встречи - положительное. Образованный, культурный офицер, строгий, но с юмором. Его жена - цирковая актриса, красивая молодая женщина.

Началось увольнение в запас пожилых солдат, сержантов и не кадровых офицеров. Пришло много новых людей. Я снял комнату на частной квартире по ул. Во-

рошилова, 11, прямо напротив казарм. В кирпичном доме, выходящем на улицу, жила семья Гонтарюков. - хозяйка Мария Лукьяновна, муж Григорий Терентьевич и сын Петька, его фамилия была Махов, от первого брака его матери. Я пришел к ним насчет комнаты, но у них свободной не было. Во дворе стоял деревянный дом, в одной из половин жила племянница Марии Лукьяновны - молодая женщина лет 22-23 по имени Клара с сынишкой Вовой, двухлетним мальчиком. Считалась вдовой. Муж партизан погиб в боях с немцами. У нее я снял комнату на первое время с другом однополчанином Купеевым, осетином. Мы дружили с ним еще в кавполку, и я ему несколько раз оказывал помощь при ранениях. Вскоре его уволили в запас.

Я вел холостяцкий образ жизни. Ровно жил бурной послевоенной жизнью, находясь на пути проезжающих с запада демобилизованных военнослужащих. Цветал черный рынок, барахолка, где можно было что угодно продать и купить, главным образом трофейные вещи. Немало было жуликов, шулеров, воришек.

Активизировали свою деятельность бендеровцы. В городе было небезопасно, особенно в ночное время. Недалеко, от города находился хутор или деревенька Боярка, куда мы ходили к девушкам, нашим знакомым. Однажды я уходил домой, было уже за полночь, на подходе к городу меня обстреляли, откуда-то из-за старого сарая. Я стал стрелять в направлении этого сарая, ответных выстрелов не последовало, все обошлось. После этого случая ночью ходить перестал.

Город был наводнен военными: танкистами, пехотинцами, артиллеристами, бывшими кавалеристами. Воевали против врага все вместе, дружно, поддерживая друг друга, а в мирное время нередко происходили драки, главным образом между представителями различных родов войск. В городском парке им. Шевченко случались драки между танкистами и кавалеристами. Все это выглядело довольно дико и нелепо. Патрули задерживали драчунов и доставляли при помощи усиленных нарядов в военную комендатуру. Опасность была в том, что у многих сохранились трофейные пистолеты, которые пускались в действие.

Однажды Мария Лукьяновна обратилась ко мне со следующими словами: "У меня в Борисове живет племянница Алла, очень красивая девушка, ей семнадцатый год, должна скоро приехать в Ровно, будет жить у меня, вот бы из вас вышла добрая пара". Я этим словам не придавал никакого значения, мало ли красивых девушек, тем более жениться я не собирался. Моей мечтой было поступить в Военно-медицинскую академию. Когда приехала Алла, и я ее увидел, то убедился, что тетка не зря хвалила свою племянницу. Мы подружились. Я узнал, что отец ее латыш по фамилии Волдынь погиб во время войны, она с матерью осталась в оккупированном немцами Борисове, много перенесли невзгод и лишений, помогали партизанам... Алла выполняла с риском для жизни роль связной. После освобождения Борисова советскими войсками мать ушла на фронт в качестве медицинского работника, Алла уехала к маминой сестре в Ровно, куда еще раньше приехала Клара с малышом после гибели мужа-партизана. Как позже выяснилось, мать - Софья Лукьяновна Волдынь, погибла на фронте перед самым концом войны.

В августе 1945 года, получив двухнедельный отпуск, я решил съездить в Ленинград, узнать условия приема в Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова. Я поехал через свой родной город Гомель, где прошло мое детство, где окончил семилетку и в 1935 году уехал в Ленинград. В семейной хронике я подробно рассказал о возвращении после окончания в Ленинграде фельдшерской школы, работе в 1-й городской больнице, призыве в армию. Теперь, в августе 1945 года, я ехал через город

после долгих 6 лет разлуки. Приближаясь к городу, не отрывался от вагонного окна, узнавая такие близкие сердцу, знакомые места. По расписанию поезд должен сделать остановку на 20 минут, и я решил добежать до своего дома. Это было слишком рискованное и опасное решение, и все же я решился. Город лежал в развалинах. Я бежал по Комсомольской улице, добежал до своей Каляевской. Все деревянные домишки сгорели. Узнал остов одноэтажного дома Цыбулькиных и около него два полубогоревших дерева. Определил место, где стоял наш дом. Одни пепелища. Постоял не больше одной минуты и бегом к поезду. Только сел в вагон, и поезд тронулся. На душе было грустно и печально.

В Ленинграде узнал все условия приема в Академию. Походил по знакомым, местам и уехал в Днепропетровск, где жили, у родственников мама с Симой. Борис продолжал служить в армии.

Вернувшись в Ровно, уяснил, чтобы поступать в Академию, надо иметь аттестат зрелости за 10 классов. У меня же было 7 классов и фельдшерская школа, которая никак не соответствовала необходимому багажу требуемых знаний. Алла решила пойти в 10 класс вечерней школы, и я решил была не была, пойду и я. Экстерном я сдал все гуманитарные предметы за 8 и 9 классы и меня приняли, в порядке исключения как заслуженного фронтовика, в 10 класс. У Аллы была подруга Дуся Кронгауз, блестяще знавшая математику. Она уделяла много времени и занималась со мной по несколько часов в день. Все свое свободное время я занимался, три раза в неделю ходил на занятия в школу вместе с Аллой. Мне помогла общая эрудиция, багаж литературы, которую перечитал, и общее развитие.

Осень 1945 года и зима 1946 года. Часто приходилось участвовать в операциях против украинских националистов. Мы действовали в районе Мизочи, Олыки, Клевани и других местах. Были и потери с нашей стороны. Бендеровцы жестоко расправлялись с советскими работниками, председателями колхозов, сельскими советами, учителями. Нам приходилось обеспечивать выборы в Верховный совет Украины, защищать жителей от бандитов. Все время приходилось быть начеку, подвергаться риску. В боях с бандитами погибали ребята, прошедшие фронт.

Время шло. Мы с Аллой полюбили друг друга и решили пожениться. Держали это в тайне от тетки и даже Клары. Клара вышла замуж за Ивана Романцова, неплохого человека, бухгалтера и способного художника. Они жили на другой квартире, а я с Аллой остались в квартире Клары. В июле Клара должна было родить. Помню, она эти дни была с нами, Иван был в командировке, утром начались схватки, и ее надо было срочно доставить в родильный дом. Никаких средств транспорта не было. Я выскочил на улицу и увидел пролетку, спокойно едущую в нашем направлении. Я решил ее остановить и попросить довезти беременную в схватках женщину, но возница категорически отказывался, мотивируя тем, что едет за своим начальником. Пришлось ему пригрозить пистолетом, усадить Клару в коляску и отвезти в роддом. Через несколько часов она благополучно родила сына, которого нарекли Олегом. Ему уже сорок три года. Живет в Минске, работает художником, талантлив. Его старший брат Володя инженер-экономист, у них дети.

Зима прошла в службе и учебе. Мне особенно трудно давалась математика - алгебра, геометрия, физика и химия. Им я уделял основное время. В то время первым экзаменом было сочинение. Мы вместе с Аллой писали на самые различные темы, зная примерно возможные варианты. Надеялись, что какой-либо из них будет на выпускных экзаменах, Я хотел писать на свободную тему, но раздумал.

Писал я сочинение по роману Льва Толстого "Патриотизм русских людей в Отечественной войне 1812 года". Первая оценка школьного педсовета была "отлично", но работу послали в Киев на подтверждение. Остальные экзамены я сдал неплохо - на отлично, кроме двух оценок на хорошо - алгебра и геометрия. Из Киева пришло подтверждение моего сочинения. Я получил право на диплом с серебряной медалью.

Сдала все экзамены и Алла довольно прилично. Во многом мы были обязаны помощи Дуси.

В июле месяце 1946 года я поехал во Львов за направлением в Академию. В медицинском отделе Прикарпатского военного округа проверили все мои документы. В части мне выдали блестящие характеристики, боевые (служебные) и партийно-политические.

Случайно я узнал, что во Львовском военном госпитале в инфекционном отделении лежит Александр Ключарев. Я его разыскал, произошла радостная встреча. Саша лежал с болезнью Боткина, но уже поправлялся. Нам было, что вспомнить и о чем поговорить.

Там же, во Львове на ул. Линдога жил уволенный в запас мой бывший старший врач Александр Яковлевич Мастренков с матерью и сыном Петром. Работал преподавателем в медицинском училище. Во время войны он чрезмерно увлекался вином и эта страсть на "гражданке" стала еще сильнее.

После войны во Львове осели многие однополчане: старшина Майнов (по кличке Цыган), фельдшер Рябов Алексей и другие. Львов был разрушен мало, красивый западноевропейский город с интересной и богатой историей. В нем проживало много поляков, которые позже уехали в Польшу, западных украинцев, русских. Евреев немцы уничтожили. В городе было много украинских националистов, особенно среди интеллигенции, которые не стеснялись высказывать свои антирусские настроения. Бендеровские бандиты прятались по лесам и занимались диверсиями. Ими был убит замечательный прогрессивный журналист и писатель Ярослав Галан.

В медицинском отделе округа я получил направление в Ленинградскую Военно-медицинскую академию. Вернувшись в Ровно, получил отпуск и стал собираться в Ленинград. Первоначально решил, что Алла останется в Ровно и, если я поступлю, заберу ее к себе. Затосковало ее сердечко. Разве можно было верить военным, фронтовикам, избалованным женщинами?

Хотя Мария Лукьяновна догадывалась о нашей связи, а Клара уже знала, мы решили поехать вместе, о чем сообщили о своем решении. Поехали вначале в Днепродзержинск к моей маме. Я заявил, что Алла моя жена. Мама спросила, оформили ли мы официально наш брак. "Нет, мама, - ответил я, - вот поступлю в Академию, приеду, зарегистрируемся". Мать сказала, что это не хорошо. Алла очень понравилась всем, особенно маме, которая ее сильно полюбила, Мы расписались, зарегистрировали свой брак в городском ЗАГСе Днепродзержинска без всякой торжественности, как это проводится в современные годы. Алла осталась у мамы, а я вскоре уехал в Ленинград.

Абитуриентов приехало такое количество, что на 150 мест было несколько тысяч претендентов, т.е. до 20 человек на одно место. Экзамены были очень жесткие, строгие, в пределах 10 классов. Если бы мне пришлось сдавать экзамены, вряд ли бы я сдал и поступил, имея аттестат зрелости с серебряной медалью меня зачислили без экзаменов. Правда, приемная экзаменационная комиссия, и ее председатель

полковник медицинской службы Щеголев устроили со мной собеседование. Было много гуманитарных вопросов, на которые я отвечал неплохо. Хорошо, что не надо было решать задачи по физике, химии и математике. Сыграло роль общее развитие и, по всей вероятности, моя боевая биография, правительственные награды, партийность, положительные характеристики и рекомендации. Поступали в основном офицеры медицинской службы - фельдшера, но было и немало строевых офицеров, артиллеристов, танкистов, пехотинцев и других родов войск.

Пока претенденты сдавали экзамены и ежедневно из-за неудачи или низких оценок отчислялись по частям, меня определили в отдел кадров, где я работал с утра до вечера по оформлению документов. После окончания приемных экзаменов, из всех поступавших приняли 155 человек, 5 человек сверх, с учетом на отчисление.

Когда вывесили списки с фамилиями зачисленных, и среди них была моя, пределу моего счастья не было границ. Я слушатель 1-го курса Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова! Свершилась моя мечта. Это был один из счастливейших дней моей жизни. Я не строил иллюзий по части своего багажа по общеобразовательным предметам и знал, что предстоит еще самое главное - одолеть первый и второй курсы, где будет много занятий по физике и химии.

Когда начались занятия, вскоре я почувствовал, как мне трудно преодолевать пробел. Скажу без преувеличения, сколько сил, здоровья и времени я вложил, чтобы идти в ногу с курсом, хотя бы на среднем уровне. Ведь у меня не было знаний за нормальную десятилетку. Отдыхал я не более 4-5 часов в сутки. Ни театр, ни кино, ни концерты, ни другие увеселительные мероприятия для меня не существовали. Неплохо шли у меня латынь, общественные предметы, анатомия. Я неплохо знал немецкий язык и пошел в эту группу, где досрочно за две недели сдал экзамен и высвободил себе время для других предметов.

Жил я в общежитии, все слушатели питались в военторговской столовой по талонам. Время было тяжелое, карточная система, инфляция.

Алла находилась у мамы, затем уехала к тетке в Ровно. В 1947 году она приезжала ко мне и гостила около двух недель. На время ее приезда мы сняли комнату на Кутузовской набережной, переулок Гагарина. Алла и все мои родственники были рады моему поступлению в Академию. Вскоре Алла уехала. Первый курс я, как говорится, удержался и был переведен на второй. Каникулы провел в Ровно и заезжал в Днепропетровск, Второй курс был не легче, но я уже более или менее освоился.

Осенью 1947 года прошла первая денежная реформа, жить стало легче. В 1948 году я забрал Аллу в Ленинград, но из-за отсутствия жилья она уехала в Ровно, периодически приезжала к маме. В мае 1948 года я получил телеграмму о ее тяжелой болезни и срочно вылетел самолетом до Киева, а затем в Ровно. Она лежала в военном госпитале, как жена военнослужащего. Диагноз был неясен, что-то между каким-то тифом и заражением крови (сепсисом). Я по рекомендации врачей госпиталя, добился приезда профессора-консультанта из Львовского военного окружного госпиталя, который очень внимательно ее осмотрел, но точный диагноз поставлен не был. Между тем состояние ее улучшалось благодаря пенициллину, который был еще очень дефицитен и я добыл его с большим трудом. Я улетел обратно в Ленинград, надо было догонять товарищей, сдавать зачеты и экзамены.

Я решил Аллу забрать и, как бы ни было трудно, быть вместе. Жили мы временно на разных квартирах. Я много занимался, закончились наиболее трудные для меня предметы, и я почувствовал себя более устойчиво. Как-то Алла пошла в мага-

зин, там ей стало плохо, обморок. Потеряла сознание и скорая доставила ее в больницу им. Куйбышева. Я знал, что она беременна и боялся за будущего ребенка. У нее снова поднялась высокая температура. Благодаря внимательности лечащего палатного врача им был поставлен правильный диагноз - одонтогенная инфекция - сепсис, заражение крови, из-за гранулемы, образовавшейся под корнем золотого зуба, который она до первого заболевания сделала в Ровно у частного врача. Гной, образовавшийся от распада гранулемы, попадал в кровь и гнойные микроорганизмы вызывали заражение. До установления диагноза врачи решили, что необходимо прервать беременность. С душевной болью я пережил ее операцию. После удаления зуба все пришло в норму, и болезнь прошла. У нее были очень красивые волосы, которые за время болезни почти полностью выпали. Пришлось побрить голову, и она ходила в косынке в виде чалмы. После выздоровления мы снимали комнаты в разных местах, сколько мытарств мы перенесли. После первой денежной реформы каждый слушатель получал 1200 рублей в месяц - это называлось денежное содержание. Из этих денег мы еще помогали маме и Кларе. К нам приезжали в гости мама, Сима, соседка по городу Ровно Женя Юра. Материально было нелегко. Вскоре Алла забеременела. За это время мы сменили несколько квартир, комнат.

В конце декабря и начале января 1949 года мы временно жили на квартире дочери моего двоюродного брата Жоры у Белы Аптекман. Ее брат Юра страшно боялся, чтобы мы не заняли насовсем комнату в их большой квартире. Алла была на сносях, и надо было снова искать пристанище.

В январе скоропостижно скончалась моя родная сестра по отцу Сарра, Шла по улице, внезапно упала и умерла. Тяжело было пережить смерть сестры в расцвете лет, ей было меньше 45 лет от роду. Надо скрыть ее кончину от Аллы, так как до родов оставалось совсем немного. Из Москвы приезжала старшая сестра Фаня. Мы похоронили Сарру на Преображенском кладбище. Это был очень трудный период в моей жизни. Экзамены, поиски новой квартиры, предстоящие роды Аллы. 1-го февраля начались схватки, и я отвез ее в клинику акушерства и гинекологии нашей Академии, в родильное отделение. Там рожали все жены слушателей Академии. Заведовал клиникой профессор генерал-майор медицинской службы Фигурнов. 2-го февраля 1949 года родился мой первенец - сын, которого мы назвали Александром. Мне трудно описать мою радость. Это был один из дней в моей жизни. Мою радость разделили мои друзья по курсу. Я разослал всем родным и близким телеграммы, ходил эти дни, как придурок, не мог ни о чем думать, учеба не лезла в голову. Но! Надо было думать, куда я заберу жену и сына после выписки из роддома, к Белке возвращаться мы уже не могли. За неделю до выписки я договорился со студенткой медицинского института на временное снятие ее пустующей комнаты в коммунальной квартире на Дегтярной улице. Когда я зашел в комнату будущего врача Ламекиной, я ужаснулся: мириады клопов, которые кишели повсюду: на стенах, под обоями, по углам, в диване, металлической кровати и других местах. Можно ли было въезжать с младенцем в такое жилье? Помогли знакомые из кафедры эпидемиологии. У одного дезинсектора оказался немецкий препарат Лаузето. После обработки раствором комнаты, которую закрыли на сутки, на следующий день не осталось ни одного клопа. Все до единого погибли, и я выметал их совком, сжигая в плите. Сам сделал генеральную уборку, перевез нашу постель и белье. Купил кроватку, ванночку и все, что положено. С нетерпением ждал самых дорогих мне жену и сына.

В это время произошло еще одно событие: я встретил в Академии своего бывшего начальника генерала медицинской службы Кондратия Моисеевича Михнова. Я его считал своим крестным отцом, любил и глубоко уважал. В моей жизни в армии он много хорошего сделал для меня. Я его пригласил вечером к себе, и он пришел. Постарался принять его как можно лучше. Не пожалел денег, хотя было с ними туговато. Мы просидели весь вечер за рюмкой вина и воспоминаниями прошлого. Выпили за сына, все хорошее, что было в прошлом и за будущее. Я его проводил до трамвая и больше мы с ним уже не встречались. Служил он в Харькове, а в Ленинград приезжал на сборы.

11 февраля я привез Аллу с сыном на новую квартиру, где мы прожили около полугода. Саша родился с крупным весом - четыре килограмма 70 граммов. Молока у Аллы было много, даже с избытком. В этой же квартире жила семья музыканта, кажется Гуровский, у них был мальчик по имени Марин, грудного молока у его матери не было. Шестимесячный малыш заболел токсической диспепсией и выжил он только благодаря молоку Аллы, которым она кормила малыша. Вскоре нам пришлось искать новое пристанище. Хозяйке нужна была комната для брата, приехавшего в Ленинград. Вновь мытарства в поисках жилья. Временно нашли темную комнату без окна, к тому же еще сырую. Поиски продолжались. В бюро по бронированию площади уезжающих в командировки на 1-2 года на север или другие края, куда мы ходили поочередно, то я один, то она с ребенком на руках, нам, наконец, повезло, вернее, повезло на сей раз Алле. По договору, заверенному в нотариальной конторе, мы сняли комнату 14 м² на Херсонской улице на втором этаже старого каменного дома постройки начала 19 века. Плата 300 рублей в месяц. Квартиру оплачивала Академия. Большая коммунальная квартира, где жили четыре семьи. В комнате одно окно, выходящее во двор, куда никогда не заглядывало солнышко. Там мы прожили до 1951 года.

В июле государственные экзамены, которые я сдал все на отлично, а некоторые на отлично с отличием.

На Херсонской мы стали жить с сентября 1949 года. Саша рос и развивался в основном нормально, хотя периодически болел. Каждое утро до ухода на занятия я бегал в молочную кухню за прикормом, кефиром, всякими смесями. Нам было трудно, но мы были молоды и преодолевали эти трудности.

Когда Саше пошел второй год, Алла с ним поехала в Ригу, где жила родная сестра ее отца Альма с сыном Гунаром. Адреса она не знала и искала тетку по справочному бюро, зная только девичью фамилию. Уже в то время к русским относились довольно плохо и ей стоило больших трудов узнать новую фамилию и адрес тетки. Когда в адресном столе узнали, что Алла по отцу латышка, ее восприняли совсем по-другому и быстро нашли Альму Яновну Ренкине, сестру латышского стрелка Карла Волдыня. Произошла трогательная встреча, в которой объяснение шло на языке жестов: Алла не знала латышского, а Альма - русского. Только когда пришла со школы соседская девочка-школьница, знавшая прилично русский и свой родной язык - латышский, с ее помощью общение стало понятным и по-родственному теплым.

Несмотря на неудовлетворительные жилищные условия и трудное материальное положение, Саша развивался не по возрасту быстро, опережая своих сверстников. В 10 месяцев у него уже было 12 зубов, ходить начал в 11 месяцев, а говорить еще раньше. Соседи по квартире его любили и баловали. Осенью они вернулись, побывали и в Ровно у Клары.

Пошел последний заключительный год учебы. Начиная с четвертого курса я редко получал четверки, хотя на третьем курсе получил двойку по оперативной хирургии. Позже учился на одни пятерки. Много времени уходило на общественную и партийную работу. На втором курсе меня избрали членом партийного бюро, позже в суд офицерской чести, во время военных сборов в Красном селе - комендантом лагеря.

Время учебы в Академии совпало с большими событиями в общественно-политической жизни страны: учение академика Лысенко, опровергавшего все истины, которые были объявлены лженауками. Подвергнуты жесточайшей критике учение Вирхова, морганизм-менделизм, появилась теория Бошьяна, учение Лепешинской о происхождении клетки, не только из клетки, но и межклеточной мезенхимы и т.д. и т.п. В наших мозгах происходила настоящая сшибка, хотя в глубине души мы во многом сомневались, но надо было молчать...

Удивляло и возмущало преследование и изгнание из Академии многих замечательных ученых, профессоров. Многие слепо верили во все, что нам вдалбливали в головы. Затем работы Сталина в языкознании, выступление Иванова по журналам "Звезда" и "Ленинград", травля Зощенко и Ахматовой и, наконец, ленинградское дело группы Попкова.

Пострадало много невинных людей. На одном из курсов учился мичман, женатый на дочери секретаря Псковского обкома партии, дружившего с Попковым. Этот мичман внезапно исчез, и больше мы его никогда не видели.

Я закончил войну в звании Гвардии старшего лейтенанта медслужбы. В 1948 году мне присвоили звание каштана, а перед выпуском майора медицинской службы. За полгода до выпускных экзаменов из Москвы прибыли представители Погранвойск для отбора врачей в свои войска. Каждый ждал после окончания Академии, куда его распределят. Мне очень не хотелось быть распределенным в войска МВД и пограничники. Полковник Ветчинкин из Погранвойск беседовал со мной, подробно выясняя мою автобиографию и родословную. Так как собеседовали и с другими слушателями, я надеялся, авось пронесет, и меня не возьмут в эти войска.

В июне месяце закончились занятия, сданы зачеты, практические занятия с большой. Часть июля и август месяцы отводились на государственные экзамены. Надо сдать 6 основных экзаменов, которые были спарены по профильности еще с тремя. Итак, фактически 9. На время экзаменов Аллу с Сашей я отправил на Украину, чтобы иметь больше свободного времени на подготовку. Всей группой уехали в академический дом отдыха в Дубки, недалеко от Ленинграда. В те времена особая роль отводилась общественным дисциплинам, истории ВКП/б/, основам марксизма-ленинизма, философии. Это был первый экзамен, и ему придавали особое значение.

Из сорока дней, отведенных на все госэкзамены, мы взяли на первый - 18 дней, оставшиеся - на остальные. Государственные экзамены сдавали успешно. Я сдавал на отлично, некоторые на отлично с отличием, была такая оценка. На первом мне не повезло, большинство членов комиссии, а их было не меньше десяти человек, поставили 5, а член комиссии из Москвы - представитель института марксизма-ленинизма не согласился и поставили 4.

Закончились госэкзамены. Торжественное построение, оглашение оценок, поздравления. Возвращаемся в Ленинград. Начиная с 3 курса ежемесячно каждый слушатель отчислял 10 рублей на выпускной вечер, альбом и личную печать. Ко дню

выпуска было собрано 25 тысяч. Еще в августе, в период сдачи госэкзаменов, меня избрали председателем комиссии по организации выпускного вечера, что занимало немало времени в поисках ресторана и других организационных вопросах. Приехали Алла с Сашкой.

29 августа день моего рождения. В этот день вечером должен состояться банкет в ресторане "Европа" на его "крыше" - верхнем зале. Все было хорошо организовано и подготовлено. Утром построение курса в вестибюле административного корпуса Академии. Все обставлено торжественно, присутствуют начальник Академии, заместители - генералы, полковники и другие ответственные представители. Зачитываются приказы: об окончании Альма матер, вручаются дипломы, оглашается приказ о присвоении очередных воинских званий. Мне - звание майора медицинской службы.

Готовимся к банкету. Приглашены на банкет все начальство, любимые профессора и педагоги. Женатые выпускники с женами, холостые - со своими девушками или невестами. Были и без девушек. Банкет прошел торжественно. Было много поздравлений, тостов, напутствий и добрых пожеланий. Алла к выпускному вечеру сшила красивое бальное платье, что было для меня сюрпризом.

С первых дней сентября комиссия приступила к распределению. Вызывали по одному. Надо было зайти, четко доложить и представиться. Сколько было надежд у каждого до захода! По выражению лица выходящего можно было догадаться, доволен ли он или же нет. Были и такие, которые выходили со слезами на глазах. Наконец, вызывают и меня. После моего доклада, приглашают присесть и подробно расспрашивают, хотя уверен, что все им хорошо известно. Спросили о жене, сыне и есть ли у меня, в Ленинграде жилплощадь. Естественно, ответил, что не имею. Спросили, согласен ли я поехать в группу советских войск в Германии, но без семьи. Я сказал, что мне не хотелось бы расставаться с семьей, тем более негде ее оставить. "Ну, что ж, тогда мы пойдем вам навстречу и вы будете назначены в Погранвойска?!" Все это было давно решено, и беседа со мной была не больше, как хорошо разыгранный спектакль.

Итак, я направляюсь в Погранвойска на Дальний Восток в город Хабаровск, где в округе решат, куда и в какой погранотряд меня направят. Граница - это периферия, самая окраина государства, захолустье, вдали от городов и культурных центров.

Алла мечтала учиться и поступить в институт. С моим назначением рухнули ее мечты, во всяком случае на первые несколько лет.

Мне исполнилось 30 лет, ей - 22 года. Сентябрь мы отдыхали в Днепродзержинске и Ровно. Вернулись в Ленинград, рассчитались и распрощались с родственниками и друзьями и уехали по назначению. Семь суток в дороге, на восьмые прибыли в Хабаровск. Я получил направление в 75 Краснознаменный погранотряд в село Иннокентьевну Архаинского района, на берегу Амура. Десять лет прослужил я на Дальневосточной границе. На одном месте долго засиживаться не приходилось. После Иннокентьевна служил в Казакевичах, недалеко от Хабаровска, затем в Благовещенске. И в июне 1960 года, имея выслугу больше 27 лет с учетом фронтовых лет, где год засчитывается за 3, был уволен в запас в звании подполковника с пенсией 1325 рублей.

Служил я по совести, отдавая службе большую часть своего времени в ущерб семье. До 170-180 дней в году я не был с семьей, разъезжая по пограничным заставам, контролируя жизнь пограничников, их быт, питание, состояние здоровья. 16

марта 1955 года в Архаре родилась дочь, которую мы назвали Татьяной. Я не думал, что так сильно полюблю дочурку. Алле было нелегко с двумя детьми, тем более когда я уезжал на границу. Еще до переезда в Благовещенск Алла поступила на заочный факультет Благовещенского педагогического института и периодически ездила с рефератами, сдавала зачеты, а в конце года курсовые экзамены. Когда мы переехали в Благовещенск, заниматься ей стало легче. Из-за длительных разлук, связанных со службой, полугодичной учебой на курсах усовершенствования в Ленинграде, когда ей приходилось оставаться с детьми, вести хозяйство и продолжать учебу в институте, наши отношения стали портиться, в чем немалая доля моей вины. Ей предстояло еще закончить институт, уезжать со мной она не хотела, тем более я не знал, где устроиться на постоянное жительство. В Гомеле, где я родился, жил, работал и откуда призывался в армию, - никого из родственников не осталось.

Все мои братья и сестры жили в Москве. Если бы не разрыв в наших отношениях, я, возможно, остался бы в Благовещенске, но по моральным соображениям оставаться не мог. Мы договорились, я с Сашей, а ему уже шел одиннадцатый год, уезжаем в Москву, а Алла с Танюшей, ей шел 5 годик, остаются в Благовещенске, а дальше видно будет. Саша многое в наших отношениях понимал, маму любил, как и меня, но мне заявил, что мать очень любит, но будет жить со мной, где бы я ни был. Алла тоже понимала, что она не в состоянии будет дать Саше того, что дам я, как отец и мужчина, а со временем все наладится.

Нас провожали офицеры и друзья пограничники. Проводы были очень теплыми, душевными и искренними. 15 июня 1960 года мы выехали и 22 июня прибыли в Москву. Остановились у родного брата Иосифа. В прописке отказали, также у брата художника Левы, в Перове, тогда еще пригороде Москвы, жила моя старшая сестра по отцу - Фаня. На Товарищевской улице у нее была в личном пользования половина деревянного дома. У нее мы стали с Сашей жить, тоже без прописки. Целыми днями я ходил и искал работу с пропиской, но все неудачно. Июль и август проходили в бесплодных поисках.

Приближался сентябрь. Сашу надо было устраивать в школу, в 5 класс. Дочь Фани Майя с первым мужем Михаилом развелась, росла дочка Люся, славная девочка. Второй брак Майи был также неудачным и от этого, естественно, страдал ребенок. Много внимания, заботы уделяла внучке бабушка, и мы с Сашей, живя у них, занимались и возились с Люсей. Помню, ей не было еще 7 лет и ее не хотели брать в первый класс. Я ходил хлопотать, и ее приняли.

Вскоре мне все же повезло. В городе Перове нужен был заведующий станции Скорой и неотложной помощи и моя кандидатура подходила. Они подбирали врача, знающего лечебную работу и организационную. В горкоме, партии, горисполкоме со мной подробно беседовали. Я был членом партии, фронтовиком, имел много наград, и они меня взяли на эту работу. Меня прописали к сестре, а вскоре город Перово с постройкой окружной московской дороги вошел в состав столицы, как Перовский район. Итак, мы с Сашей стали москвичами. Надо было решать вопрос с получением квартиры. Мне, как уволенному офицеру, положена была квартира.

Трудно описать все мытарства и преграды, через которые я прошел, пока не получил отдельную двухкомнатную квартиру в Чухлинке на улице Михайлова на первом этаже. У нас ничего из вещей не было, так как, странствуя из одного места в другое, ничего не приобретал, пользуясь казенной мебелью и выплачивая за амортизацию. За эти деньги, что платили в течение десяти лет, можно было приобрести

несколько гарнитуров. Мы приехали с Дальнего востока с сундуком книг, небольшим ковром, ружьем и одеждой. Вот все, что у нас было. Но самое главное в жизни - квартира, получена. Вскоре мы приобрели все необходимое, и я забрал к себе из Днепродзержинска маму. Она была уже в годах, без малого 80 лет, прогрессирующе слепа. Она была счастлива, что живет в Москве. Ее горячо любимый старший сын Иосиф регулярно ее навещал, уделял много внимания, любил мать самозабвенно.

Алла периодически писала. Я каждый месяц посылал деньги для Танечки. Саша занимался средне, много гулял во дворе, но за матерью все же скучал. Я не хотел сходить с Аллой. На это у меня были основания, но мама имела свою точку зрения, считая, что мы должны помириться. Она мне говорила: "Сынок, детям нужна родная мать, Саше - мама, а Тане - отец. Никакая другая женщина родную мать не заменит". Я колебался, тем более от Аллы приходили письма, в которых она выражала, желание вернуться, хотя до этого, когда я ее звал в Москву, - возвращаться не хотела. Я опасался, что после всего вряд ли удастся наладить жизнь и все же решился. В марте 1962 года Алла, с Танечкой приехали в Москву. Особенно рада была мама.

Первые месяцы прошли как-то скованно, я не почувствовал искренности и спустя полгода понял, что жизнь не сложится. Начиная с 1963-1964 гг. мы фактически, как супруги, не жили, хотя жили одной семьей. После приезда Аллы мама вскоре уехала к себе в Днепродзержинск к Симе.

Саша заканчивал 10 класс, и надо было думать о поступлении в институт. Однажды он мне сказал: "Папа, почему вы с мамой мучаетесь, взаимной любви у вас нет, и не получится, разойдитесь, это будет лучше для вас обоих".

Летом 1966 года, после окончания 10-летки Саша поступил в 1 Московский медицинский институт, сдав успешно экзамены и набрав необходимое количество баллов. В июле мы с Аллой официально развелись. Никто об этом не знал, решили никого из родственников не огорчать. 29 августа отметили мой день рождения, были родственники и близкие друзья. Алла уже работала в медицинском училище и через райком партии получила комнату в барачном помещении в районе Коптево. Еще находясь на Михайловской, у нас во дворе познакомилась со Львом Масляном инженером, который стал ее мужем. Они купили кооперативную квартиру и стали жить втроем. Саша остался со мной. Расстались мы мирно.

И все же несмотря на все, на сердце остался горький осадок. Саша встречался с мамой, а я с Танюшкой. Регулярно помогал до 18 лет и позже не забывал. Я ее по-прежнему сильно любил. Первые годы мы с Аллой не виделись и не разговаривали. Позже отношения стали обычными, как между знакомыми, а связь и общение - как у людей, имеющих общих детей.

В 1968 году я познакомился с Фридой Ильиничной Трубашник, пианисткой, музыкальным педагогом. Хореографического училища при ГАБТе. В 1969 году мы сошлись и жили вместе попеременно то у меня, то у нее. В 1971 году после размена квартир выделили в отдельную комнату Сашу и путем сложного обмена заняли квартиру на Кутузовском проспекте. Расписались мы с ней перед обменом. Был с ней счастлив, и наши отношения были взаимно уважительными и искренними. В 1972 году купили "Жигули", я научился водить машину. Летом, вернее осенью 1972 года поехали в Одессу, отдыхали на Черном море. В октябре она тяжело заболела - саркома верхней челюсти и 3 февраля 1973 года умерла. Я сильно пережил ее смерть. Долго жил бобылем. В 1976 году познакомился с Татьяной Левенцовой, ко-

торая стала моей женой. С ней живем в любви, мире и согласии.

х х

х

1989 год. 44 года назад победоносно закончилась Великая Отечественная война. Поколение родившихся после Победы - это отцы и матери нынешних, двадцатилетних. Из нас, двадцатилетних, ушедших на войну, вернулись домой только трое на сотню... Фронтовиков 1921 года рождения к этому времени в живых сохранилось около 1%.

Для тех, кто пережил Великую Отечественную войну, остались на всю жизнь события тех героических лет. Одна из волнующих примет - встречи участников Великой Отечественной войны, которые 9 мая проходят повсюду, от Москвы до самых отдаленных уголков нашей страны. Встречаются поколения людей, которые навсегда вошли в историю нашей Родины, как поколение победителей. Они, не считаясь с жертвами, выстояли в жестокой борьбе с фашизмом, испытали безмерные тяготы и лишения, жертвуя своими жизнями ради Победы.

После 1945 года, когда отгремели победные залпы салюта, долгие годы 9 мая, этот великий праздник, благодаря которому мы живем, трудимся и празднуем все другие праздники, - не отмечался. И в календаре 9 мая был рабочим днем. И только в 1955 году Указом Верховного Совета СССР был объявлен, как праздник Победы.

До этого встречи возникали стихийно. Жива горькая память войны. Глубоким, неподвластным, времени чувством наполнены эти встречи. Друзья вспоминают минувшие дни, павших боевых товарищей-однополчан и преклоняют свои седые головы перед памятью тех, кто ценой своей жизни добывал Победу. Для нас, фронтовиков, 9 мая - священный день и все, кто живет в Москве и Подмосковье надевают свои боевые награды - ордена и медали и собираются в условленных местах. Приезжают и с других городов, хотя таких товарищей немного. Люди не властны над временем и годы берут свое. С каждым годом все меньше и меньше остается участников войны. Дают себя знать болезни, старые раны войны, и все же, кто способен ходить и передвигаться, - приходят на эти встречи.

Помню первую встречу в 1970 году около Большого театра. В Москву я приехал в 1960 году после увольнения из Погранвойск. Я знал, что в Москве живут и работают Станислав Ростоцкий, Михаил Вершинин, генерал-лейтенант Коркуц, генерал Куц, Соня Воронкова, Соня Сергеева, Аня Чугунова (Бекетова), Аэлита Соколова (Чмыхова) - дочь генерала Соколова Сергея Владимировича и другие однополчане по 6 гвардейскому кавкорпусу. Изредка происходили встречи, при которых узнавали о других товарищах, их адресах.

Надолго запомнилась первая встреча 9 мая около Большого театра. Я пришел с утра, а уже народу было - полным полно. Шел с надеждой встретить однополчан, знакомых. Мелькают лица, как будто где-то их видал, но потом, присмотревшись, оказывается - ошибся. Много женщин-фронтовичек, сверкают до блеска начищенные ордена и медали. Недалеко от скамьи стоит высокий мужчина в очках, держит в руках завернутый, по всей вероятности, портрет и картонную папку. Что-то знакомое мне показалось в его облике, и я хотел подойти к нему и, как все, кто собрался, ходили и спрашивали: какой части, фронта, где воевали? - спросить и его. Подошел, спросил. Оказывается, однополчанин по 6 корпусу, художник-грековец Преображенский Борис Владимирович. Профессионал художник был при штабе корпуса в одном из отделов, рисовал и фотографировал. В руках его был портрет командира

нашего корпуса генерала Сергея Владимировича Соколова. Он принес его в надежде передать однополчанам по корпусу, которых также надеялся встретить. В ходе беседа и воспоминаний сказал, что у него в папке фотографии, возможно, я кого-либо узнаю. Фотографий было много и каким радостным было мое удивление, когда среди них оказалась моя. Это был снимок июля 1945 года, сделанный во время парада в Ровно. Я на коне со знаменем нашей 8 гвардейской кавдивизии, слева и справа ассистенты с шашками. Тут же он сделал на снимке дарственную надпись и подарил мне. Встречи у ГАБТа продолжались, и с каждым годом приходили все больше друзей-однополчан.

В городе Лобня Московской области бывший замполит одной из артминчастей 6 гвардейского корпуса, ныне покойный Григорий Гурьев, работая в местной школе - десятилетке, организовал в одном классе Музей боевой славы своей части. Там же он поместил разные материалы, в основном фотографии и другие документы, ветеранов других частей корпуса. Надо отдать ему должное, ежегодно в конце учебного года он устраивал там встречи ветеранов и других дивизий. На этих встречах были многие ветераны из Москвы и других городов. Приезжала Екатерина Барсукова (Конопатова) из Воронежа, Савгир Николай из Киева, даже были товарищи из Оренбурга. И все же основные встречи происходили 9 мая в Москве.

Дважды были большие сборы - встречи ветеранов из многих городов: Ровно, Луцка, Иваново, Шнека, Вышнего Волочка, Калинина и других. Активное участие в сборе и оповещении принимали Михаил Максимович Вершинин, однополчанин по корпусу, наш поэт, драматург и писатель, Соня Сергеева, Сергей Васильевич Федяев, я и другие товарищи.

В 1971 году к нам пришел секретарь ЦК ВЛКСМ Тяжелыников, был гость из Австралии, мэр города Сиднея, писатель Аркадий Первенцев. Отраднo было, что всегда собирались все москвичи и живущие в Подмоскoвье. На одной из встреч присутствовал наш всеми любимый и уважаемый комиссар, начальник политотдела 8 гвардейской кавдивизии Василий Ефимович Нитовщиков, проживающий в городе Пушкине под Ленинградом.

Дело в том, что у ГАБТа было мало места и собирались ветераны-однополчане сотен частей, которые жили в Москве. Яблоку не было места, где упасть.

Такие встречи проходили больше стихийно, в них не было продуманной организации, это были порывы энтузиазма, накала страстей и выражений радости от встреч с теми, кто прошел через годы военной страды.

Встречи происходили и в других местах: парках, скверах, бульварах, где кто договорится. Наша встреча однополчан была корреспондентом "Правды" В. Чертковым описана в этой газете в небольшой статье "Фронтвики недели ордена".

С 1955 года, когда 9 мая стал официальным праздником, Днем Победы, Совет ветеранов Москвы придал этим встречам характер. Встречи стали проходить в Центральном парке культуры им. Горького. Определялись места, где какие части и соединения собираются. Традиционным местом встречи кавалеристов стал стадион на территории парка. Ветераны приходили с женами, детьми и внуками, В парке в эти дни собирались больше миллиона людей. На эстрадах выступали концертные бригады, оркестры. Московское телевидение снимало эти встречи, брали интервью у ветеранов корреспонденты московских газет. Каждый год 9 мая мы собирались, обменивались воспоминаниями, фотографировались. Много собралось этих снимков. Каждый год кого-то мы не досчитывались, годы брали свое, но появлялись другие,

которые впервые узнали, приходили и даже приезжали из других городов. Мы были рады приезду Раисы Максимовны Балясниковой (Дряпочко) из Краснодара, бывшего техника по вооружению полка Уткина из Горького.

При 163 ПТУ был организован Музей боевой и трудовой славы 6 гвардейского кавкорпуса, главным инициатором которого был Сергей Васильевич Федяев. Он много сделал для организации и оформления музея. Был избран Совет ветеранов корпуса, куда вошли наиболее активные ветераны. Во главе Совета избирался председатель и члены Совета. Ответственным секретарем неизменно остается Федяев. Совет работает в контакте с администрацией училища, проводит большую военно-патриотическую воспитательную работу среди учащихся. В предпраздничные дни проводятся уроки мужества с учениками. Ветераны рассказывают о событиях Великой Отечественной войны, героических подвигах нашей армии в разгроме фашизма. Встречи проходят интересно и содержательно.

Перед учащимися выступают режиссер, народный артист СССР Станислав Ростоцкий, заслуженный артист РСФСР Николай Дупак, лауреат Ленинской премии, конструктор космических аппаратов Олег Ивановский и другие заслуженные ветераны.

Совет ветеранов оказывает помощь своим инвалидам, больным, пишет ходатайства, просьбы, обращения и поддерживает связь с теми, кто не может посещать встречи.

Генерал Иван Федорович Куц на этих встречах в училище не бывает, но при общих больших сборах активно выступает, как бывший заместитель командира 6 гвардейского корпуса. Он член Правления Общества Советско-Венгерского общества дружбы. Меня он привлек к работе общества, как активиста. По мере своих возможностей я участвовал в работе Общества и за активную работу был дважды включен в состав делегаций, как участник боев по освобождению Венгрии и Будапешта. Два раза я был в этой прекрасной стране, в 1976 и 1979 годах, в составе военных делегаций. Нас принимали тепло и душевно, сердечно и искренне. Запомнилось посещение парламента и прием у Яноша Кадара, экскурсии по местам боев, горы Геллерт, Рыбачьего бастиона, озера Балатон, городов Дебрецен, Хойду-Собосло, Эстергома и других памятных мест.

Делегацию возглавлял генерал Куц, Почетный гражданин города Дебрецена.

В Москве, на проспекте Калинина, в бывшем дворце Саввы Морозова - Дом Дружбы народов. Это замечательное в архитектурном отношении здание - место встречи, где отмечаются юбилейные торжества, знаменательные даты, годовщины освобождения стран от фашистского и колониального ига стран всех континентов. Отделение Советско-венгерской дружбы, его заседания я активно посещаю. Неоднократно приглашаюсь на приемы в Посольство ВНР.

Пережитое неподвластно времени и, хотя не все подробности запоминаются, - основа, главное из памяти не изглаживается. Вспоминая и перебирая в памяти наиболее интересные события, эпизоды и случаи войны, я нередко думал о Первом мае 1945 года, когда я принял девочку в одной деревне в Чехословакии. Нет, нет, а вспоминался этот эпизод.

В 1978 году я отдыхал в Сухуми на турбазе, где встретил чеха по фамилии Микушка. Рассказал ему об этой истории. Помню, что деревня эта находилась недалеко от Брно, а вот название деревни не помню. Он обещал узнать и сообщить мне, взяв мой московский адрес. Ответа я так и не получил.

В 1979 году на приеме в Чехословацком посольстве рассказал об этом военному атташе, который тоже обещал, но результат тот же. Подумал - значит, не суждено узнать, ведь прошло около 35 лет.

В 1980 году я, как врач, дежурил в зале Чайковского, Во время концерта меня вызвали оказать помощь иностранке. Это была женщина в возрасте 45-50 лет. Чешка из города Липтовски Микулаш. Познакомились. Власта Баргелова. После оказания помощи ей стало легче, мы разговорились. Она преподаватель балета в Школе танцев учеников средних школ. Муж военный, преподает в Высшем войсковом училище. У них трое взрослых сыновей. По-русски говорила довольно сносно.

Рассказал ей подробно историю с Майей. Она обещала помочь ее разыскать. Подумал - очередное обещание, но на сей раз ошибся. Вскоре я получил письмо, где Власта сообщала, что она, кажется, нашла на след Майи. Она подчеркнула нашей Майи. Она дала в областную газету объявление с просьбой сообщить, кто родился первого мая, а роды принимал военный врач. Случай редкий, уникальный. Через месяц получаю письмо от редакции журнала "Ровность" с подробным сообщением, что это происходило в селе Тетчице, недалеко от города Росице, области Брно. В настоящее время Кветослава Херингова проживает в городе Брно, на бульваре Освобождения, дом 3, член КПЧ, работает в области медицинского снабжения, у нее дочь. Мать, у которой я принял роды, Франтишка Покорна. Копия статьи журнала переслана их семье.

Следующим было письмо от Кветославы и ее матери. Майя писала: "Дорогой пан доктор! Всю жизнь мечтала узнать того человека, который помог матери при моем рождении. Я представляла вас большим, добрым и сильным человеком". Написала о себе, своей жизни и выражала надежду на нашу встречу. Написала и Франтишка. Приглашала в гости. Так у нас возникла переписка и родилась надежда на встречу. Газеты в Брно поместили несколько статей об этом событии времен Великой Отечественной войны. В свою очередь Власта Баргелова поехала в Брно, познакомилась с Кветославой и Франтишкой и между ними сложились дружеские отношения.

В 1982 году 22 апреля "Комсомольская правда" напечатала мою статью "Здравствуй, Майя!". В ней я подробно описал события тех далеких лет. В этой статье последовательно были мною изложены все перипетии от 1 мая 1945 года до выяснения адреса и переписки с Майей.

23 февраля! 1983 года у меня должны были собраться мои фронтовые друзья, товарищи, родственники. Утром накануне встречи зазвенел телефон, женский голос с акцентом спросил Ефима Ильича. "Говорят ваши чешские друзья, я переводчица, передаю трубку Йозефу, отцу Кветославы. Мы с Кветой в Москве, передаю трубку Кветославе". Ломающийся от волнения голос, по-русски можно было понять только лишь два слова: "здравствуйте" и "спасибо". Они остановились в гостинице "Космос". У меня возник план: когда соберутся все гости, послать жену на машине и привезти чешских друзей к нам. Заранее об этом никому не сообщили. Все за столом, недоумевают, почему не начинаем застолье. Слева три свободных места. Звонок в дверь. Маленькая хрупкая женщина переступила порог, в глазах слезы, не сдержал слез и я. Об истории с Майей знали все, но ее появление было столь неожиданным, что никто вначале не мог выговорить ни одного слова... Затем все встали, аплодисментами и теплыми словами приветствовали Майю и ее спутников. До поздней ночи продолжалась встреча. Корреспондент "Комсомолки" Галина Янчук поместила в га-

зете "Комсомольская правда" 26 февраля 1983 года статью "Встреча через годы", где подробно описала это событие.

В 1983 году, весной, в Москву приезжала Франтишка с мужем, мы встречались в гостинице, времени у них было в обрез, и нас посетить они не успели. В 1984 году, в августе, у нас по приглашению гостила Власта Баргелова с мужем Йошко. В 1984 году, в августе, мы по их приглашению гостили в Липтовском Микулаше. Поездка была очень интересной. Нас принимали городские власти, мы совершили интересные экскурсии в Нижние и Верхние Татры, ездили в город Банска-Быстрица, много внимания уделили нам представители Общества чехословацко-советской дружбы. Сильное впечатление произвел на нас мемориал в Липтовском Микулаше, где похоронены советские солдаты, освобождавшие Чехословакию. При входе эпитафии: "Дорогие, Вы возвратили нам Родину-мать. Поклон всем могилам, где спите, немые, мы вечную память Вам будем шептать, мы с Вами, мы с Вами, бессмертно - живые". "Вечная память героям, павшим за Родину в жестоких боях за высоту "Гай" с 16.03. по 04.04 1945 г."

Йошко на своей машине возил нас в Прагу, где мы в течение нескольких дней знакомимся с этим прекрасным городом - Златой Прагой.

Затем на машине приехали в Брно к своим друзьям. Остановились у Кветы и Франтишки. Нас принимал Первый секретарь Обкома Брно - Венков Франтишек Ульбрих и Председатель облисполкома Карел Розендорф, присутствовал советский консул. Знакомство с городом, поездки по местам боев и Тетчице (Росице), где я принимал роды. Нас довольно большая группа, сопровождают представители партийных и административных органов. Фотографы и телевидение снимают все эти встречи. После первой поездки я написал подробный дневник, в котором описал все встречи с чешскими товарищами. Мы были гостями в кооперативах, комбинатах, промышленных предприятиях, школах.

Недалеко от Тетчице, а она слилась и вошла в состав Росице, расположено местечко Оржехово, рядом большое кладбище советских воинов, освобождавших эти края. Кладбище огорожено, все памятники блестят, четкие надписи на надгробиях, дорожки посыпаны песком, много цветов. Видно, что все здесь ухожено и охраняется. Мы возложили венки и живые цветы, поклонились могилам. В Мемориальном, музее, который построили рядом, сделали записи в книге посетителей. Наше посещение, заснятое на киноленту, вошло в документально-художественный фильм "Спроси у памяти своей".

В начале мая 1985 года Областной комитет КПЧ Брно-Венков (Венков означает округ) официально пригласил меня с женой на празднование Дня Победы - 9 мая. 9 мая праздновался также как день освобождения столицы Чехословакии - Праги.

Мы приняли участие в первомайской демонстрации в Росице. На городском стадионе на трибуну пригласили и меня. У микрофона Председатель городского совета огласил указ о награждении меня правительственной медалью "За развитие страны" и юбилейной "40 лет освобождения ЧССР". Днем в городском совете (мэрии) был устроен прием, на нем мне вручили грамоту о присвоении звания Почетного гражданина города Росице,

Вторая поездка в Брно была интересна и насыщена встречами, посещениями достопримечательных мест: соборов, музеев, картинных галерей, памятников. Нас наперебой приглашали в гости члены бригад социалистического труда. Встречи на квартирах были искренни, сердечны и хлебосольны. Нам устроили поездку в город

Жидохловице с посещением дворца-замка, экскурсию в пещеру "Мацаха", имеющую, помимо оригинальных природных зал, подземную реку. На большой лодке-ладье нас катали на веслах по этой уникальной подземной, лежащей на глубине больше 1000 метров, реке.

По согласованию с городскими властями мне разрешили ознакомиться с лечебными учреждениями города: больницами, клиниками. Я посетил Центральный хирургический госпиталь, Кардиологическую клинику, детскую областную больницу и отделения (подстанции) Скорой и неотложной помощи. Меня сопровождали чешские коллеги, знавшие неплохо русский язык, давали разъяснения и отвечали на вопросы. Благоустройство. Самое современное оборудование, оснащение и материальное обеспечение, в смысле медикаментов и питание, вызывали у меня восхищение и, не скрою, зависть, когда я сравнивал и сопоставлял с нашими обычными больницами клиниками и другими лечебно-профилактическими учреждениями. Везде идеальная чистота и порядок.

Везде на приемах и встречах нас одаривали подарками-сувенирами. Нас смущало их количество, так как мы опасались, сможем ли все увезти. Под Брно погиб наш майор Клименко, который командовал полком после ранения Симбуховского. Мне сказали, что он должен был быть похоронен на одном из кладбищ города Брно. Я посвятил целый день, обходя кладбища-захоронения советских воинов, погибших в боях за освобождение Брно. Я был предельно внимателен, перечитывая имена, фамилии, и воинские звания, но, увы, нигде не встретил имени и фамилии того, кого искал. Я даже в конторах просматривал списки, но, увы! На главном кладбище в Брно у центрального обелиска я запомнил эпитафию:

"...Века не забудет родная отчизна
Свободных народов оплот
Про подвиги тех, кто в разгроме фашизма
Отдал свою жизнь за народ".

"...Годы пройдут за годами
И праха не будет следа,
Но слава о русском солдате
Будет памятна миру всегда".

Городские власти предоставили в наше распоряжение легковую машину с водителем, и мы были мобильны. Еще в Москве при встрече с Михаилом Вершининым я слышал от него другую версию: Клименко и два других командира полков Репин и _____ перезахоронены в городе Братиславе на горе "Славен", там большой Мемориал советских воинов. Нам разрешили поехать в столицу Словакии город Братиславу. Я был в этом городе, когда нас собрали участников парада Победы перед отправкой в Москву.

Город красивый. На самом высоком месте, на горе Славен сооружен величественный памятник-мемориал, увенчанный высокой стелой. Построен из черного и других цветов мрамора и гранита.

В течение нескольких часов я, жена и сопровождающие нас лица обошли все индивидуальные памятники, но фамилий Клименко и Репина не обнаружили. Вероятнее всего, их всех при перезахоронении свели в братскую могилу.

У подножия стелы эпитафия:
 "...Слава Вам, храбрые
 Слава, бесстрашные
 Вечную славу поет
 Вам народ
 Доблестно жившие, смерть сокрушившие,
 Память о Вас никогда не умрет".

Так безрезультатно закончилось посещение Братиславы.

После возвращения в Москву я написал подробное письмо Анне Михайловне Киреевой о своих попытках найти могилу ее мужа и их безуспешности. Она ответила, что благодарна мне за память о ее муже и ей дорого наше внимание и забота.

Мы каждый день пребывания использовали, чтобы лучше познакомиться с городом и областью Брно. Сильное впечатление оставило посещение колхоза (кооператива) под названием "По Иглаве" (Над Иглавой). Мы осмотрели поля, фермы, были на приеме в правлении колхоза, расположенного в бывшем замке, посмотрели дома колхозников, их приусадебные участки, личные хозяйства и т.п.

Были мы в Чехословакии и третий раз. В 1986 году с 29 сентября по 24 октября отдыхали в санатория "Империял" в Карловых Варах. Совершили несколько экскурсий в Лазни Марианские, шахтерский город. Осматривали старинные здания XV, XVI и XVII веков. Это были типичные здания средних веков Европы с интересной геральдикой цеховых объединений.

В Карловых Варах много санаториев и пансионатов. Большой известностью славится Карлварская минеральная вода, и в этот, не только европейский, но и всемирно известный курорт приезжают лечиться из многих стран. Посещая бюветы, мы заметили небольшие группы людей, искавших общение с русскими, советскими людьми. Это были эмигранты, покинувшие Советский Союз в разное послевоенное время (50-60 годы). Их одолевала ностальгия и в общении с нами чувствовалась их тоска по Родине, хотя материально они были богаты. Они жадно интересовались буквально всем, жизнью в нашей стране, происходившими изменениями, перестройкой, отношением к уезжающим в эмиграцию, свободой религиозных обрядов и другими вопросами.

В Карловых Варах много типичных зданий в готическом стиле. Очень красивая русская православная церковь и много мемориальных досок именитых лиц, лечившихся в этом прославленном курорте: известной русской актрисы Савиной, нашего царя Петра Первого и других. Мы посетили местное старинное кладбище, где немало оригинальных памятников-надгробий. Были у могилы со скромным памятником сыну композитора Моцарта. Отдали дань памяти площади, где похоронены советские воины, павшие в боях за освобождение этих мест и умерших в госпиталях от тяжелых ранений. Нашими визави по столу были очень милые и симпатичные люди - академик-ректор МАИ Юрий Алексеевич Рыжов и его супруга Рема Ивановна. Мы совершали совместно интересные прогулки, состоялись содержательные и очень полезные беседы. Меня поражал широкий политический и экономический кругозор, эрудиция Юрия Алексеевича. Много, о чем он рассказывал и предсказывал, действительно подтвердилось впоследствии в событиях этих дней. Широта мышления, прекрасное знание истории, литературы и искусства создавало возможность реального предвидения. Во время выборов кандидатов в депутаты Верховного Совета

СССР 1989 года он был избран преобладающим большинством голосов в депутаты. Мы все с любопытством смотрели по телевизору, как проходили сессии, слушали выступления депутатов, выборы председателей различных комиссий, советов, речи оппонентов за и против, аргументация, вопросы, упреки. Нам было приятно за Рыжова Юрия Алексеевича и поддержку большинства в его пользу.

Шли послевоенные годы. Все больше стали уделять внимание участникам Великой Отечественной войны и особенно инвалидам. Никто не забыт, ничто не забыто стал обретать реальные действия общественности и правительства. Участники войны стали посещать города, которые они освобождали, памятные места боев, могилы боевых друзей. Для нашего 29 гвардейского полка 8 гвардейской кавдивизии 6 гвардейского кавкорпуса особенно дорог был город Валуйки Белгородской области. Это был наш первый рейд в тыл противника, тяжелые бои по его освобождению. Там нам было присвоено гвардейское звание. Мы списались с партийными и государственными учреждениями и в 1983 году 19 января нас пригласили на 30-летие освобождения города. Из нашего полка были приглашены Ивановский и я, из других частей Сергеева Соня, Федяев Сергей и многие другие - около двадцати человек.

Нас радушно встретили представители населения во главе с местными руководителями горкома и горисполкома. Прошло много лет, но знакомые и особенно запомнившиеся места боев, отдельные дома и элеватор, которые мы штурмовали, остались и не изменились. Нас разместили в гостинице со всеми удобствами.

Нас принял первый секретарь горкома Виктор Васильевич Булыгин и члены бюро горкома. Познакомили с жизнью города и района, хозяйственной деятельностью, успехами и проблемами города и района. Днем состоялся митинг на городской площади у братской могилы, увенчанной мраморным памятником и скульптурой - фигурой скорбящей матери-Родины. Надо отдать должное скульптору и архитектору, которые вложили много душевной любви в исполнение этого небольшого мемориала. Были выступления ветеранов, жителей города, комсомольцев и пионеров. Вечером был устроен праздничный фейерверк пиротехниками, приглашенными из Харькова. Позже состоялся прием в ресторане. На следующий день были встречи с учащимися школ, техникумов, интернатов, рабочими предприятий, посещение краеведческого музея и других памятных мест. Виктор Васильевич Булыгин, второй секретарь В.В. Шелайкин и третий секретарь А.К. Авилов уделили нам много внимания, сопровождая в населенные пункты, где происходили особенно ожесточенные бои: Насоново, Уразово.

Посещение Валоек стало традицией. В 1986 году Ивановскому и мне было присвоено звание Почетных граждан города Валоек. Почетные звания были присвоены и другим товарищам, принимавшим активное участие в освобождении города и района.

Вторым после Валоек памятным городом; для нас был город Дубно Ровенской области. Бои за этот город и все, что мы пережили, не изгладятся из нашей памяти никогда, до самых последних дней нашей жизни. Подробности изложены выше, и повторяться не имеет смысла. Корреспондент местной газеты "Червона Зирка" Петр Яковчук, энтузиаст по розыску и восстановлению памяти героев освобождения города Дубно разыскал нас, меня и Олега Ивановского, а также Станислава Ростозкого, Ключарева и просил прислать свои воспоминания.

Я уже описал первое посещение Дубно с родной сестрой Бориса Френкеля по розыску его могилы и увековечиванию памяти в 1977 году.

В 1985 году нас пригласили в Дубно на юбилейные торжества. Инициатором и душой этой встречи был мэр города Дубно Эдуард Николаевич Шубин. Была сердечная встреча 9 мая 1985 года, на которой присутствовали Ивановский и Коротков Михаил Иванович. Ни Ключарев, ни Ростоцкий, ни я приехать не могли по разным причинам. Всем нам было присвоено звание Почетных граждан города Дубно. Ростоцкому грамоту и ленту прислали в Москву, Ключарев приезжал позже в Дубно. Мне вручение грамоты и ленты Эдуард Николаевич Шубин по согласованию с администрацией станции скорой помощи специально приехал в Москву и в торжественной обстановке в присутствии сотрудников Управления станции и главного врача А.В. Шматова и его заместителей - вручил в конференц-зале.

Были выступления, краткие воспоминания и много цветов. Есть фотография, заснятая после вручения. Итак, я трижды Почетный гражданин - двух советских городов и одного чешского. Порой меня обуревают смущающие мысли. Ведь таких, как я, много друзей-однополчан и они не менее достойны почетных званий. Как член Совета ветеранов 6 гвардейского кавкорпуса я пишу в самые различные инстанции, хлопочу о тех, кто достоин, чтобы их отметили и воздали должное их подвигам.

Получаю сотни писем, на которые стараюсь ответить. Нередко получаю очень интересные, от сослуживцев, которые разыскали меня по статьям в газетах и журналах, в которых писали обо мне. Пресса - великая сила, газеты и другие периодические издания доходят до самых отдаленных уголков страны и некоторые за рубеж.

Во время войны в нашем полку были солдаты и сержанты из среднеазиатских республик - Узбекистана, Казахстана и других городов. Говорят - неисповедимы пути господни. В 1975 году на квартире у генерала Ивана Федоровича Куца, я встретил солидного мужчину, что-то далекое напоминали мне черты его лица. Представили - Турсун Рузибаев, секретарь Наманганского обкома партии, бывший политрук одной из частей 6 корпуса. Разговорились, стали вспоминать те далекие огневые годы, и я вспомнил, что мы с ним, оказывается, знакомы, встречались на корпусной комсомольской конференции, будучи уже членами партии, как бывшие комсорги для выступления перед молодыми воинами. Великое качество человеческой памяти сохранять где-то в далеких уголках зрительные образы, которые растормаживаются под воздействием отдельных маленьких штрихов, мысленных ассоциаций. Вспомнили многих общих знакомых, которые не вернулись с войны, и тех, кто здравствует. Наше знакомство и связь продолжилось через письма.

В 1974 году нас, группу из 3-х человек - генерала Куца, Вершинина и меня, пригласили на неделю боевой и трудовой славы Наманганской области. Это была интересная встреча с трудящимися и колхозниками Наманганской области, расположенной в Ферганской долине. Встречи были интересными и обставлены с восточным пиком: музыкой под звуки сарнаев и курнаев, приемами и банкетами с ненужными излишествами, подарками - традиционными узбекскими халатами, тюбитейками, камчой, чувстовскими ножами в разрисованных кожаных ножнах. Нас возили по кишлакам и районным центрам и везде - торжественные встречи. Генералу Ивану Федоровичу Купу присвоили звание Почетного гражданина города Намангана, где он воевал еще в период гражданской войны в двадцатых годах, а меня избрали Почетным колхозником волхоза "Узбекистан" с вручением грамоты и книжки колхозника.

Итак, я почетный колхозник. Хотелось сделать что-то полезное для колхозников и я, в силу своих возможностей, старался быть полезным, ездил на полевые станы, где убирали хлопок, консультировал больных, рекомендовал лечение, посещал

сельские и районные больницы, читал для врачей лекции, показывал, как практически пользоваться различной аппаратурой, проводил занятия по реанимации. Возвратившись в Москву, послал за свои деньги несколько посылок с инструментами и дефицитными медикаментами.

В 1975 году я был повторно гостем колхоза и по линии общества "Знание" посетил Самарканд, Бухару, Хорезм (Ургенч), Андижан, Маргилан и другие города. Впервые в жизни познакомился со всемирно известными памятниками: Биби-ханум, гробницей Тамерлана, астрономическими творениями Улугбека и другими великими творениями Востока. На обратном пути знакомилась с Ташкентом, с его достопримечательностями. Нас поразила трибуна для приема парадов, построенная из мрамора и гранита. Под трибуной несколько залов: золотой, серебряный и бирюзовый. Подобной роскоши, начиная от гобеленов и инкрустированной мебели, не приходилось видеть, в то время как простые колхозники-дехане жили в нищете.

До сих пор поддерживаю постоянную связь со "своим" колхозом. Первый председатель "Узбекистана" Аррабай Ибрагимов почти ежегодно, бывая проездом в Москве, был моим гостем. Вскоре его назначили председателем Туракурганского райисполкома. После разоблачения "рашидовщины", когда стали менять руководящий состав, он сам отказался от этой высокой должности и ушел председателем другого колхоза. Я убежден в его исключительной честности и порядочности. Сейчас председатель "Узбекистана" Пулат Касимов. Толковый и деловой хозяйственник. Как и прежде, мне не реже двух раз в год присылают письма-рапорта о хозяйственных делах и достижениях колхоза.

Касимов был делегатом XXVII съезда КПСС, как председатель передового колхоза и депутат Верховного Совета Узбекской ССР. Был нашим гостем, приглашал в гости в приемлемое для нас время.

Во время войны в нашем полку было много узбеков: Ибрагимов, Игамов, Исенов, Ходжаев и другие. Они были неплохими кавалеристами, многие были ранены, я им оказывал первую помощь. Немало их погибло на поле боя.

Тешил себя мечтой встретить кого-нибудь. Но никого из них встретить не пришлось. Правда, один пожилой узбек меня узнал. Назвал себя Атавали Атакузиев, говорил, что узнал меня, но я его вспомнить не мог.

Ферганская долина, или, как ее называют, Фергана. Богатейший край. Во время первого посещения я обратил внимание на четырнадцатилетнюю девочку-узбечку. Она очень красиво танцевала. Познакомились - Миассар Сатвалдыева. Неплохо говорит по-русски. Обменялись адресами, и я взял над ней шефство. Был гостем в их большой семье. У них 8 детей, мать - преподаватель-хореограф в доме культуры в Намангане, вела группу национального танца. Отец - завуч в средней школе в Туракургане. Мы стали переписываться. Я посылал книги, учебники, пособия по классическим и национальным танцам. Несколько раз она приезжала в Москву на фестивали в составе делегаций. Мы с Татьяной ходили на ВДНХ смотреть их выступления.

Прошло немало лет. Личная жизнь ее не сложилась, но она успела закончить училище, Институт культуры и даже защитить кандидатскую диссертацию по теме "Национальные танцы". Не часто, но она пишет о себе, своей работе. Очень жаль, что ей уже около тридцати лет, а семьи не завела. Причина - ее характер, принципиальность и нежелание размениваться в своих чувствах.

На работе меня избрали Председателем Совета ветеранов Станции скорой и

неотложной помощи Москвы. Периодически мы собираемся и решаем вопросы оказания содействия ветеранам войны и труда в вопросах жилья, быта, трудоустройства и других возникающих проблемах. Учитывая, что я член Совета ветеранов нашего корпуса - работы хватает. Получаю много писем, особенно после публикаций в газетах. 25 июня 1975 года в "Медицинской газете" была опубликована статья журналиста Юрия Каравача "Марш победителей". 15 июня 1983 года статья в той же газете журналистов И. Барича и А. Звончевой "Сороковые огневые". 14 февраля 1985 года в газете "Правда" большая статья журналиста Владимира Губарева "Солдатский доктор". 7 мая 1989 года в "Медицинской газете" - статья Сурена Карапетовича Габриеляна "Первый на правом фланге".

Это перечислены не все публикации, а самые основные. И сейчас продолжают приходить письма от однополчан, с которыми не приходилось общаться, которые просто забыли имена и фамилии и по другим причинам. Когда мы собираемся на встречах, на память приходит стихотворение Михаила Матусовского "Ветераны":

Мы выстоять сумели в Сталинграде,
Не захлебнулись волнами в Крыму,
Но словно снайпер, спрятанный в засаде,
Нас выбивает смерть по одному.

Пока еще в обойме есть патроны,
Покуда бьются старые сердца,
Займите круговую оборону,
Держитесь, ветераны, до конца.

Уже снаряды рядышком ложатся,
Осколки над тобой свистят уже,
И надо нам, дружище, удержаться,
На этом на последнем рубеже.

Когда земля дрожала, как живая,
Когда от нашей крови таял лед,
Нас выручала дружба фронтовая –
Она и нынче нас не подведет.
В огне сражений вместе мы горели,
Мы не умели в полнакала тлеть,
И если все мы это одолели,
То старость сможем, тоже одолеть.

Эти строки очень жизненно, объективно отражают настроение фронтовиков. Неминуемо подкрадывается старость, а с нею всякие недуги. Сказывается пережитое, болят, хотя и зарубцованные, старые раны. Тем не менее многие фронтовики держаться достойно, силой воли и старой закалки преодолевают хвори, работают, кто еще способен, и с полной отдачей, подавая многим молодым людям.

1984 год. Прошло после Великой Отечественной войны 43 года. Срок немалый. Сколько фронтовиков, прошедших войну от звонка до звонка, еще здравствовали, многие продолжали работать, часть были уже в запасе и отставке. Но это были те,

кто сберег память о тех далеких огненных годах, ходили в атаки, горели в танках, были тяжело ранены, но выжили.

Между прошлым, настоящим и будущим теснейшая связь. Будущее еще впереди, но настоящее - это сегодняшней день и, пока живы те, о которых я пишу, интересно знать, как прошли эти годы, что они пережили, кем стали, как живут в эти дни.

Не помню, в каком месяце, кажется в марте, мне позвонил кинорежиссер-документалист, лауреат Ленинской премии Семен Григорьевич Киселев. Поинтересовался, был ли я участником Парада Победы. Я подтвердил. Перед этим он свиделся с Олегом Ивановским, он рассказал обо мне. Семен Григорьевич изложил свой план. Он хочет совместно с кинодраматургом Михаилом Павловичем Березко создать документально-художественный фильм "Спроси у памяти своей". Замысел фильма состоял в том, чтобы в фильме показать участников Парада Победы, кем они стали за прошедшие годы. Стали собирать участников Парада, живущих в Москве и других городах. Разыскали двух полных кавалеров ордена Славы – Азарова.

Это он ушел в свой первый бой с парада на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Съемки этого фильма свели и познакомили нас с дважды Героем Советского Союза генерал-полковником танковых войск Давидом Абрамовичем Драгунским, Героем Советского Союза, боевым разведчиком периода войны, писателем - первым секретарем Союза писателей СССР - Владимиром Васильевичем Карповым, профессором, главным психиатром Киева Воронцовым, адмиралом.

К съемкам были приглашены Николай Лукьянович Дупак, Станислав Иосифович Ростоцкий и другие фронтовики. Все это были интересные люди. Съемки фильма проходили в Москве, у мавзолея В.И. Ленина, у Кремлевской стены, у могилы неизвестного солдата, в Солнечногорске, на курсах "Выстрел", которыми командовал Драгунский, на киностудии военных фильмов, на квартирах и в других памятных местах, а также в Киеве.

В кинофильм были вмонтированы телевизионные кадры, снятые в Чехословакии, связанные с Майей, Кветославой, когда мы встречались в Тетчице, Росице, Оржехово. Съемки - довольно сложное и утомительное занятие, которое мы хорошо прочувствовали.

В конце 1985 года в Москве состоялась премьера фильма "Спроси у памяти своей". Фильм удался. Состоял из 5 частей, цветной, красиво оформленный. Все участники фильма представили фотографии периода войны, когда они были молоды, полные сил, энергии, боевого пыла. Показ фотографий чередовался с выступлениями участников парада. Каждый рассказывал о себе, о военной страде, наиболее памятных событиях и настоящем времени. Надо отдать должное режиссеру-постановщику, который разумно и логически последовательно показал каждого участника, завершая показ, кто и где, чем занимается, работает. Участники были первыми, кто посмотрел фильм. После этого его показывали в кинотеатре им. Моссовета для родственников, друзей, военнослужащих.

Несколько раз фильм демонстрировали по центральному телевидению. Шел фильм и на широком экране в Москве, Ленинграде и других городах. При посещении города Дубно мы возили ролики (пленки) и демонстрировали его в городском кинотеатре для жителей города. Этот фильм был как бы апофеозом, вершиной, данью всем участникам Парада Победы, так как в него были вмонтированы ленты из доку-

ментального фильма "Парад Победы". Многие участники могли видеть себя на экране.

Все проходит, меняются времена, уходит из жизни поколение военных лет, вынесшее на своих плечах всю тяжесть великой Победы над врагом. Мы передаем эстафету молодому поколению и этот фильм, если его покажут через годы и расстояния, напомнит новому поколению о нас, об отцах, старших братьях и дедах. Посмотрят наши дети, внуки и правнуки и в этом будет жить память о нас, о тех, кого уже нет.

Очень интересно периодически посмотреть фильм, его участникам, посмотреть на себя со стороны и вспомнить и заново пережить то далекое героическое прошлое.

ТОГДА им было по двадцать, они воевали в одной части — шестом гвардейском кавалерийском корпусе. Прошли огонь и воду. И оказались счастливее других — вернулись.

Трое из них были тяжело ранены, находились на волосок от смерти. Двое других — медицинская сестра и фельдшер — помогли им вернуться к жизни, оказались рядом в самые трудные минуты и дни. Это и соединило их особо прочной нитью, разорвать которую не властные годы.

Софья Васильевна Воронкова (в те годы Кукушкина) выживала раненых в полевом подвижном госпитале, или, как его называли, корпусном госпитале первой линии. Той самой линии, где врачам и медицинским сестрам, всюду следовавшим за боевыми подразделениями, нередко приходилось брать в руки оружие.

Сейчас доцент С. В. Воронкова преподает историю в Московском университете. Война для нее — опаленная огнем, страданиями страничка личной биографии. «Будете писать, — в ее глазах слезы, — назовите тех, с кем я была тогда вместе. Медсестер Аню Покребко, Нину Соболеву, Соню Сергееву, Аню Чугунову...».

Эти девушки работали в госпитале. А вот гвардии старший лейтенант военфельдшер Ефим Ильич Аронов выносил раненых с поля боя. Решительный, быстрый, выносливый, он был неуязвим. Прошел с корпусом до Праги, награжден двадцатью правительственными наградами, в том числе четырьмя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени. Один из немногих медиков — участников Парада Победы в Москве в июне сорок пятого года. Сейчас он главный врач I-й подстанции Марсовской «скорой». Совсем

недавно ему вручили новый орден — Дружбы народов.

Вот эпизод из боевой жизни Аронова, рассказанный спасенным им солдатом:

«...Раздался взрыв, и что-то тяжелое навалилось на меня. Услышал над собой: «Отвоевался, парень...».

А я жив! Жив или нет? С трудом оторвался от земли, простоял, как мне показалось, очень долго и начал падать, но чьи-то руки подхватили меня.

Годы и судьбы

СОРОКОВЫЕ ОГНЕВЫЕ

Я узнал нашего фельдшера Аронова. «Э, брат, раз встал, значит, жив будешь!»

Рассказ продолжает Аронов: «Рана у солдата — мы звали его Стасиком, молод уж больно, только ведь школу окончил — была тяжелой. Снял я с плеча его фотоаппарат, с которым он никогда не разлучался, сделал укол. Парня спасли, а вот ногу пришлось отнять...».

Уже после войны Аронов, поступивший учиться в Военно-медицинскую академию, разыскал этого солдата. Тот учился во ВГИКе на режиссерском факультете. Прошли годы, и вот недавно он подарил Ефиму Ильичу книгу с такой надписью: «Без тебя эта книжка вообще бы не существовала — не было бы того, о ком она написана. Ты счастливый — умеешь истреблять боль. С вечной благодарностью — твой С. Росточкий».

Лауреат Ленинской премии народный артист СССР Станислав Иосифович Росточкий создал фильмы, которые знают все: «Доживем до понедельника», «А зори здесь тихие...», «Белый Бим Черное ухо» и другие. Потрясая миллионы зрителей картина о старшине Васкове и пяти девушках-зенитчицах, погибающих в жесточайшем бою с фашистами, могла быть с такой силой поставлена лишь человеком, доподлинно

Однополчане встретились после долгой разлуки. Оказалось, что волей случая Николай не попал тогда в госпиталь. Это его и спасло.

Николай Лукьянович Дупак снимался во многих фильмах, играл на сцене. В Театре на Таганке, где он бессменный директор, идут «Павшие и живые», другие пьесы о войне. После спектакля «А зори здесь тихие...» на лестнице в фойе театра зажигают пять факелов — огонь вечной памяти и любви.

Осталось сказать несколько слов об Алексее Григорьевиче Иванове, человеке интересной судьбы. Его тяжело ранили под Валуйками, пуля прошла в миллиметре от шейной артерии. Чудо, что он остался жив, и этим чудом Иванов обязан не только везению, но и мастерству медиков.

После войны Алексей Григорьевич стал видным конструктором. Работал рядом с С. П. Королевым, принимал участие в создании космического корабля «Восток», провозжал в первый полет Юрия Гагарина. Он лауреат Ленинской и Государственной премий СССР.

Долгие годы объединяет пестрых память о трудной, небываемой фронтовой поре. Как никто, они умеют радоваться жизни, потому что знают цену каждому прожитому дню, песне, новой встрече. Но есть еще одно, что объясняет прочность этой дружбы: они тогда были молоды, а эти годы люди помнят всегда.

Не об этом ли слова поэта:

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало,
И лишь потом во мне
очнулось!..

Н. БОРИЧ,
А. ЗВОНЧЕВСКАЯ

Всегда на переднем крае

С необычной миссией приехал недавно в Москву председатель горисполкома города Дубно Ровенской области Эдуард Николаевич Шубин. 24 июня он вручил заведующему 1-й подстанцией скорой помощи столицы Е. И. Аронову диплом о присвоении ему звания почетного гражданина города Дубно.

Ефиму Ильичу этот день особенно памятен: сорок лет назад он был участником знаменитого Парада Победы. Шел правофланговым. Горели на солнце боевые ордена и медали воинов-победителей, сияли глаза, счастливыми были улыбки.

— Никогда не забыть этого дня, — вспоминает врач, — ощущения всеобщего счастья, чувства гордости, которое вызвали у каждого поверженные фашистские знамена.

А 9 мая 1983 года Е. И. Аронов снова был на Красной площади, но уже среди зрителей военного парада в честь сорокалетия Победы. Когда на площади появились солдаты, одетые в форму военных лет, он вспомнил те уже далекие сей-

1944 года кавалерийский полк, в котором он служил военфельдшером, получил приказ взять город Дубно. На подступах к нему завязались кровопролитные бои. Прорыв был тяжелым. Надо было спасать раненых, а дорога назад отрезана фашистами. «Пойдем, — решил Аронов, — через болота, не замерзавшие даже зимой, переправим раненых к реке Икве, за которой наши тылы». Жители окрестных сел говорили, что это невозможно. Но другого выхода не было. Под непрекращающимся огнем Е. И. Аронов переправлял по одному солдат и офицеров на другой берег. В этот день были спасены все 80 раненых. Вскоре при помощи танковых частей город был освобожден.

Почетный гражданин чехословацкого города Росице, а теперь и украинского города Дубно, Е. И. Аронов уже 25 лет трудится на «скорой».

— Я не мыслю своей жизни без этой работы, — говорит он. — Люблю ее, потому что здесь проходит передний край борьбы за здоровье людей.

20-26 июня 1994 г., Деловой мир

Четыре кавалериста, полет Гагарина, кино и Скорая помощь

Владимир Губарев

ПАМЯТИ

Умер Ефим Аронов. И как всегда в таких случаях — нежданно. В какое-то мгновение отказало сердце, а ведь все нам казалось, что Ефим самый крепкий, самый надежный, наконец, самый здоровый, потому что он никогда не жаловался, а в любое время — днем и ночью — готов был прийти на помощь, и обязательно это делал, потому что возглавлял первую подстанцию "Скорой помощи" в Москве.

Он всегда считал, что судьба сделала ему подарок.

"Я должен был погибнуть еще 22 июня 41-го, — говорил Ефим, — но случилось чудо — остался жить..."

Первый бой он принял в Литве, на границе. Отбили три атаки фашистов. Военфельдшер Ефим Аронов перевязывал раненых и отправлял их в тыл. Откуда же ему было знать, что немецкие танки обошли их справа и уже громили тылы корпусов? А в сумерках, когда на грузовичке вывозили раненых, их остановил патруль. Что-то странное было в их поведении, и Аронов на всякий случай вытаскил пистолет. Женеда кля! — вдруг услышал он. Ефим успел выстрелить первым. Потом бросил гранату, но один из фашистов успел дать автоматную очередь.

Так Ефим Аронов был ранен в первый раз. А всего — четыре ранения.

Впрочем, меня хоронили много раз, — рассказывал Ефим, — видят, ползу по нейтральной полосе, немцы прищельно накрывают минами... А я приползаю... Да и сам уже столько раз прощался с жизнью, что и припомнить трудно, сколько именно...

У него более двадцати боевых наград, только орденов шесть... Фронтовикам не надо объяснять, что это значит — как уже говорилось, военфельдшер Ефим Аронов начал войну 22 июня 41-го, а закончил на Параде Победы в строю парадного полка 2-го Украинского фронта. После Литвы была Москва, затем Харьков, Будапешт, Братислава, Брно, Прага. И уже отсюда сводный батальон казаков был отправлен на Парад Победы.

Ефим с гордостью показывал "свой" квадратик брусчатки на Красной площади.

Парадные полки занимали строго установленные квадраты, заранее расмеченные цветными полосами, — рассказывал Ефим, — Каждый полк и батальон имел строго закрепленное место, в каждый участник парада — генерал, офицер, солдат — знали свой квадратик брусчатки... До сих пор, конечно же, помню его.

А рядом с Ефимом на Параде Победы стоял Олег Ивановский.

Много лет он жил под фамилией "Алексей Иванов". По крайней мере, широкая публика знала ведущего конструктора корабля "Восток" под этим именем. Однажды мне довелось беседовать с ним на космодроме Байконур. И о старте Юрия Гагарина, и о войне.

— Ты провожал Гагарина до корабля?

— Нас было четверо. Мы вместе поднялись в лифте. Подошли к люку. Юрий спрашивает у нашего монтажника: "Ну как?" — "Все в порядке, "первый сорт", как СП скажет", — ответил он.

— Раз так — садимся. Потом была объявлена часовая готовность. Надо прощаться с Юрием и закрывать люк. Он смотрит, улыбается, поднимает. Пожал я ему руку, похлопал по плечу, отошел чуть в сторону. Крышку люка ребята навинтили на замки. Все вместе быстро навинчиваем гайки. Все! Вдруг настоячивый сигнал зуммера. Телефон.

Голос Королева: "Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?" — "Все нормально". — "Вот в том-то и дело, что не нормально! Нет КП-3..." Я похлопал. Значит, нет электрического контакта, сигнализирующего о нормальном закрытии крышки. Что можно сделать для проверки контакта? — спрашивает Королев. — Успеете снять и снова установить крышку? — Успеем, Сергей Павлович. Гайки сняты, открываем крышку. Юрий через зеркала, прищелкнув к рукаву скафандра, следит за нами. Чуть-чуть перемещаем крошечней с контактом и вновь закрываем крышку... Наконец долгожданное: "КП-3 — в порядке! Приступайте к проверке герметичности..." Тридцатиминутная готовность. Мы покидаем площадку. Все, теперь мы только зрители...

— Это самый незабываемый день? — Так нельзя говорить... Ведь была война... Она для меня началась на западной границе. Я служил в погранвойсках. А закончил воевать 15 мая 1945-го под Прагой. Но как-то особенно сильно и глубоко почувствовал, что война кончилась, когда стоял на Красной площади и под звуку барабанную дробь к подножию Мавзолея летели фашистские знамена: Парад

"А "рассекретить" Олега Ивановского удалось только после начала "перестройки", иначе так и ходил ему в "Алексеех Ивановых"! Даже в 81-м, когда на телевидении, я делал фильм "Космический век. Страницы летописи", не удалось назвать Олега... Впрочем, мы его снимали почти два часа, около двадцати минут вошло в фильм: он рассказывал о подготовке к старту первого спутника Земли, о полете Лайки, о запуске Гагарина. Фильм уже был объявлен к показу, но вмешалась космическая цензура — "убрать Ивановского"! Так и вышел этот фильм с "дырками", только голос Олега звучит за кадром...

Олег и Ефим встречались часто — фронтовая дружба крепка. Да и что может быть надежнее ее!

Ивановский любил подшучивать над Ароновым.

— Ох, и хитрым же ты был фельдшером, Ефим! Знал, кого надо спастись, — посылал уже мне Олег. — У него чутье какое-то было: вытаскивал из поля боя то будущего ректора института, то конструктора, то артиста... И особенно предпочитал "заслуженных республик" или лауреатов Ленинской и Государственных премий.

В шутке — правда.

"Я хотел кончить, но в это время

давно узнал, что моим фронтовым товарищем был человек, который последним прикоснулся к Гагарину перед полетом в космос... Поди моего поколения благодаря пережитому не стали пессимистами и нытиками. Они любят жизнь, потому что знают цену каждому дню, каждому куску хлеба.

Да, это он — Станислав Росточкин! Знаменитый кинорежиссер не подозревал, что рядом живет его фронтовой товарищ — ведущий конструктор "Востока". Когда в "Комсомолец" я опубликовал дневники Алексея Иванова, то позвонил Росточкин.

— Чьи дневники? — спросил он. — Почему Иванов? Я не знаю такого, а ведь осталось в живых всего несколько человек... Я помню всех...

— Это дневники Ивановского, — ответил я. — Как у человека "секретного" у него фамилия Иванов.

Через пару дней встретились у Ефима Аронова. Был не только хозяин дома, но и Ивановский с женой, Росточкин с женой и сыном, и еще один человек, в чей судьбе опять-таки главную роль сыграл Ефим Аронов. Во время того знаменитого и жестокого рейда конницы по тылам врага.

Командир взвода разведки не вернулся. Он остался где-то на нейтральной полосе. Ефим Аронов выполз за

нечью же, это "его" командир взвода, разведки!

Так встретились врач Ефим Аронов и директор театра на Таганке Николай Дулак.

На второе действие спектакля, естественно, они уже не пошли — вместо минали минавшие боевые — походы, рассказывали о пережитом.

Фронтовые друзья... Конечно же, история дружбы четырех кавалеристов необычна, хотя бы потому, что они уже известные они в стране люди. Но в то же время это всего лишь одна из многих историй поколения, которое победило в той страшной войне. И сколь ни богато свое воображение, таковы сюжеты не придумаешь — жизнь гораздо изобретательней.

В нашестий День Победы в Парк Горького не пришел Ефим Аронов. Он умер в начале весны, и мы проводили его в последний путь. Пришли друзья, просто знакомые — и было очень много людей, которых он спас во время войны, а потом и после нее — и эти уже нашего поколения.

Станислав Росточкин, как известно, уехал из Москвы. Он купил домик на Севере, в глухомани — там и живет, отдавая должное своей великой страсти — рыбалке. Покойно ему там, будто поселился в местах, где зори, действительно, тихие.

Весь о смерти друга заставил Станислава там. И без малого девятьсот километров гнал он свою "Волгу", дающая часов не оставляя баранки — боялся, что не успеет на похороны. Но друзья никогда не спускают...

Судьба этой четверки — моя судьба, частичка жизни. Они вошли в мою душу вместе с отцом и его однополчанам — летчиками, с которыми мы провели много дней и ночей, и чьи воспоминания о войне стали моими.

Так уж случилось, но из-за малоплества я не помню начало войны. Но День Победы запомнился отчетливо: и ту радость и счастье, что испытывали и взрослые, наши матери, и мы, ребята. Помню бомбежку Ельца, мы отсиживались в подвалах церквей, так и не зная, что немцы за четыре дня заняли город, а потом их оттуда выбила наша армия... Потом сожженная дотла родная белорусская деревенька, и наша долгая жизнь в землянках. И очень красивый, подполковник-летчик; грудь у которого вся в орденах. Он по бревну переходил речку, а мы, мальчишки, сбегались со всей деревни, чтобы поглядеть на него. Я не думал, что это мой отец — ведь мы получили уже три "юхорки" и уже успели оплакать его много раз. Но он выжил — и это тоже война.

Благодаря радости встречи, безмерное счастье, но потом я узнал, что из всего полка, участвовавшего в войне под Брестом, остались в живых лишь трое летчиков, и отец в их числе. И это тоже война.

Говорят, мол, есть горечь поражения и радость победы. Мне кажется, что это не так. Радость и счастье любых побед скоротечны, прохладны. В памяти и душе навсегда остаются лишь трагедии, боль. Именно они сблизжают людей, делают их иними — человеческими, а не общими — иними. А потому так близки и вечны фронтовики. Для них начало войны, все ее долгие годы — одна боль, у которой нет и не может быть конца. Слишком много потеряно за те огненные дни и ночи, и уже не возвращать погибших и нерожденных. А потому война, память о ней никогда не кончается — один раз навзвистив, она уходит в будущее, в вечность.

Как передать эти чувства дочери, сыну? Сможем ли мы это сделать? Я знаю одно: обязаны! Ведь Олег и Ефим, Станислав и Николай, мой дед и отец сумели, неужто мы способны оборвать эту нить!

На снимке: встреча одноплчан в День Победы. Олег Ивановский (второй слева), Станислав Росточкин (в центре), Ефим Аронов (второй справа).

Победы.

— А потом?

— Потом демобилизация. Раньше сказалося. Начал работать у Сергея Павловича Королева. И все эти годы, послевоенные годы, были очень похожи на военные. По напряжению, по темпу жизни, по эмоциональному накалу... Иногда мне кажется, что мы не только работаем, но живем и любим — за себя и за того парня". Наши биографии начинало горе народное — война. А космос стал символом могущества страны, ее взлетом, гордостью. И мы это чувствовали.

— А самый близкий друг?

— Ефим Аронов. Он спас мне жизнь...

— Это было под Валуямики. Во время рейда конницы, знаменитого прорыва к Дубно. Бои были страшными и жестокими.

Пуля попала в горло. Аронову все-таки удалось остановить кровотечение, и это спасло казака. Вскоре Олег вернулся в полк. Даже запятой остался — он играет и неплохо поет. Особенно своим — "Гвардейскую кавалерийскую",

что-то крепко схватило меня за пятку и потащило назад. Что-то огромное, неуловимое и жестокое плавание тя меня, сжало грудную клетку, обдало жаром и запахом бензина и жженого металла, стало на мгновение страшно, именно из-за полной беспомощности и невозможности бороться. Жив или нет? Я с трудом оторвался от весенней сплютки, простоял, как мне кажется, очень долго и начал падать но чьи-то руки подхватили меня. Я узнал фельдшера Аронова. "Э, брат, раз встал, значит, жив будешь", — сказал он мне."

Это из воспоминаний очень известного кинорежиссера, а потом он добавляет:

— Разве мог я, погибая в бою и не видя глаза погибавшей вместе со мной и такой же беспомощной лошади, представить себе, что через много лет буду сидеть на почетных местах в музеем Центросоюза Лос-Анджелеса и услышу со сцены, что фильм "А зори здесь тихие..." признан Академией кинискусства Америки одним из лучших фильмов мира. А каково было мое радостное удивление, когда я совсем "

передовой. Он нашел старшего лейтенанта через час. Тот был без сознания. Тяжелые ранения в живот, сильная потеря крови... Военфельдшер вытаскивал с нейтральной полосы офицера, сделал ему перевязку, оказал первую помощь. Госпиталь находился в тылу, неподале, в деревне Тарановка. Аронов распорядился отправить командира взвода туда. Но тут начался артобстрел, и вновь Аронов попал на передовую.

А утром стало известно, что в Тарановку ворвались немцы. В госпитале они перебили всех раненых Аронов считал, что командир взвода разведки погиб именно там... Но разведчики, как известно, народ особый. Своего командира они решили нигде не оставлять до тех пор, пока бригада не выйдет к своим. Благо, до конца рейда оставалось всего несколько дней...

Четверть века спустя бригада "Скорой помощи", как и положено, дежурит в театре на Таганке. Врачом в ней был Ефим Аронов. В антракте он начал рассматривать фотографии актеров и работников театра. Лицо на одной из них показалось ему знакомым. Ну ко-

Москва, 22.09.93

Дорогие! Наш телефонный разговор не состоялся, прежде всего из-за того, что все плохо слышим – глуховаты и не меньше по техническим качествам нашей связи.

Последнее время никому не пишу, нет настроения. Почти все лето пролежал в больнице или был на б/л. Мне пошел 73 год и к старости цепляются все хворобы и образуются букет болезней. Как говорила наша покойная мама, светлой памяти ее – все гвинтики стерлись. Слишком много надо перечислять б-ней и прочих состояний – поэтому по возможности постараюсь быть кратким. Сдаёт мотор, после перенесенного инфаркта, установки кардио-стимулятора, аденотомии состояние стало прогрессивно ухудшаться. Главная причина – сердечная недостаточность, вызывающая отеки ног, одышку при нагрузке, резкое похудение. Похудел на 20 кг и вешу сейчас 68 кг (за последнее время поправился на 4 кг, перед б-цей был 64 кг). Нет аппетита, потерял вкус к пище, даже самой хорошей и вкусной. Многие меня просто не узнают. М.М. меня откармливает, я окружен большой заботой и вниманием. Хожу плохо, сижу дома, принимаю лекарства, благо б-ца снабдила меня всем, что надо. Так хочется выкарабкаться из б-ни и еще пожить, хотя бы немного. Надежды не теряю, хотя во многом, несмотря на самое тщательное обследование, вплоть до компьютерной томографии и эхо-экг ничего страшного нет. Все как-будто был сейчас после всего взял 30 дней отпуска без сохранения оплаты. В моих планах оставить работу. 33 года своей жизни отдал "скорой", работал на совесть, сделал много хорошего, творил добро людям. Самое тяжелее – это психологическая ломка, переход от состояния труда к пенсионному образу жизни (болтаться дома). Это надо преодолеть. У меня тысячи друзей и знакомых, которые поддерживают меня морально. Таня – моя опора, а М.М. делает все, готовит и любое мое желание старается выполнить. Вчера утром звонила Таня. У них все, слава Богу, здоровы, но материально – трудности. Настроение бодрое, надеется на лучшее. Саша работает, но добиться лечебного диплома пока не может. Часто звонит. Валя освоила УЗИ и успешно работает. Маше пошел 19 год, кончает колледж и собирается в университет. Все шлют Вам привет. Алла и Алик периодически звонят, у них славные ребята. Все московские родственники навещают и передают привет. Привет от Тани и М.М.

P.S. Правда поздно, Рувим все же нам позвонил.

Напишите о себе подробно, берегите друг друга.

Привет Илюше, его жене и их детям.